

Н. М. КАРАМЗИН



ИСТОРИЯ
ГОСУДАРСТВА
РОССИЙСКОГО



Н. М. КАРАМЗИН

VI

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК



Николай Михайлович
КАРАМЗИН



ИСТОРИЯ
ГОСУДАРСТВА
РОССИЙСКОГО

В двенадцати томах



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»



МОСКВА

1999

Николай Михайлович
КАРАМЗИН



ИСТОРИЯ
ГОСУДАРСТВА
РОССИЙСКОГО

Том VI



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»



МОСКВА

1999

УДК [947+957]
ББК 63.3(2)43
К 21

Ответственный редактор
член-корреспондент РАН
А.Н. САХАРОВ

Редколлегия:
В.Ю. АФИАНИ, В.М. ЖИВОВ,
В.П. КОЗЛОВ, А.Н. САХАРОВ

Подготовка текста:
В.Ю. АФИАНИ, Р.Б. КАЗАКОВ

Комментарии в “Примечаниях”
Н.М. Карамзина:
М.И. АФАНАСЬЕВА, В.Ю. АФИАНИ, М.В. ЖИВОВА,
Р.Б. КАЗАКОВ, В.П. КОЗЛОВ, Г.А. КОСМОЛИНСКАЯ

Автор послесловия
Ю.Г. АЛЕКСЕЕВ

Переводы иноязычных текстов
подготовлены
М.И. АФАНАСЬЕВОЙ

Указатели составлены
Р.Б. КАЗАКОВЫМ

Глава I

ГОСУДАРЬ, ДЕРЖАВНЫЙ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ИОАНН III ВАСИЛЬЕВИЧ.



Вступление. Князь Рязанский отпущен в свою столицу. Договор с Князьями Тверским и Верейским. Дела Псковские. Ахмат восстает на Россию. Всеобщая мысль о скором преставлении света. Кончина супруги Иоанновой. Избрание нового Митрополита. Походы на Казань. Война с Новымгородом. Явление Комет. Завоевание Перми. Нашествие Ахмата на Россию. Смерть Юрия, Иоаннова брата.

Г. 1462—1472.

(Г. 1462. Вступление). Отселе История наша приемлет достоинство истинно государственной, описывая уже не бессмысленные драки Княжеские, но деяния Царства, приобретающего независимость и величие. Разновластие исчезает вместе с нашим подданством; образуется Держава сильная, как бы новая для Европы и Азии, которые, видя оную с удивлением, предлагают ей знаменитое место в их системе политической. Уже союзы и войны наши имеют важную цель: каждое особенное предприятие есть следствие главной мысли, устремленной ко благу отечества. Народ еще коснеет в невежестве, в грубости; но Правительство уже действует по законам ума просвещенного. Устраиваются лучшие воинства, призываются Искусства, нужнейшие для успехов ратных и гражданских; Посольства Великокняжеские спешат ко всем Дворам знаменитым; Посольства иноземные одно за другим являются в нашей столице; Император, Папа, Короли, Республики, Цари Азиатские приветствуют Монарха Российского, славного победами и завоеваниями, от пределов Литвы и Новагорода до Сибири. Издыхающая Греция отказывает нам остатки своего древнего величия: Италия дает первые плоды рождаю-

щихся в ней художеств. Москва украшается великолепными зданиями. Земля открывает свои недра, и мы собственными руками извлекаем из оных металлы драгоценные. Вот содержание блестящей Истории Иоанна III, который имел редкое счастье властвовать сорок три года, и был достоин оного, властвуя для величия и славы Россиян.

Иоанн на двенадцатом году жизни сочетался браком с Мариєю, Тверскою Княжною; на осьмнадцатом уже имел сына, именем также Иоанна, прозванием *Младого*, а на двадцать втором сделался Государем. Но в лета пылкого юношества он изъявлял осторожность, свойственную умам зрелым, опытным, а ему природную: ни в начале, ни после не любил дерзкой отважности; ждал случая, избирал время; не быстро устремлялся к цели, но двигался к ней размеренными шагами, опасаясь равно и легкомысленной горячности и несправедливости, уважая общее мнение и правила века. Назначенный Судьбою восстановить Единодержавие в России, он не вдруг предпринял сие великое дело и не считал всех средств дозволенными. (Г. 1464. Князь Рязанский отпущен в свою столицу). Московские Наместники управляли Рязанью; малолетный Князь ее, Василий, воспитывался в нашей столице: Иоанн одним словом мог бы присоединить его землю к Великому Княжению, но не хотел того, и послал шестнадцатилетнего Василия господствовать в Рязани, выдав за него меньшую сестру свою, Анну¹. (Договор с Князьями [Тверским и Верейским]). Признал также независимость Твери, заключив договор с шурином, Михаилом Борисовичем, как с братом и *равным* ему *Великим* Князем²; не требовал для себя никакого старейшинства; дал слово не вступаться в *Дом Святого Спаса*, не принимать ни Твери, ни Кашина от Хана; утвердил границы их владений, как оне были при Михаиле Ярославиче. Зять и шурин условились действовать за одно против Татар, Литвы, Польши и Немцев; второй обязывался не иметь никакого сношения с врагами первого, с сыновьями Шемяки, Василия Ярославича Боровского, и с Можайским; а Великий Князь обещал не покровительствовать врагов Тверского. Михаил Андреевич Верейский по договорным грамотам уступил Иоанну некоторые места из

своего Удела и признал себя *младшим* в отношении к самым меньшим его братьям; впрочем удержал все старинные права Князя Владетельного³.

(Дела Псковские. Г. 1464—1465). Псковитяне оскорбили Иоанна. Василий Темный не за-долго до кончины своей дал им в Наместники, без их воли, Князя Владимира Андреевича: они приняли его, но не любили и скоро выгнали: даже обругали и столкнули с крыльца на Вече. Владимир поехал жаловаться в Москву, куда в след за ним прибыли и Бояре Псковские. Три дни Великий Князь не хотел их видеть; на четвертый выслушал извинения, простил и милостиво дозволил им выбрать себе Князя. Псковитяне избрали Князя Звенигородского, Ивана Александровича: Иоанн утвердил его в сем достоинстве, и сделал еще более: прислал к ним войско, чтобы наказать Немцев за нарушение мира: ибо жители Дерпта посадили тогда наших купцев в темницу. Сия война, как обыкновенно, не имела важных следствий. Немцы с великим стыдом бежали от передового отряда Российского; а Псковитяне, имея у себя несколько пушек, осадили Нейгаузен, и посредством Магистра Ливонского скоро заключили перемирие на девять лет, с условием, чтобы Епископ Дерптский, по древним грамотам, заплатил какую-то дань Великому Князю, не утесняя в сем городе ни жителей Русской слободы, ни церковей наших⁴. Воевода Иоаннов, Князь Феодор Юрьевич, возвратился в Москву, осыпанный благодарностью Псковитян и дарами, которые состояли в тридцати рублях для него и в пятидесяти для всех бывших с ним Бояр ратных.

Новгородцы не взяли участия в сей войне, и даже явно доброжелательствовали Ордену: в досаду им Псковитяне отложились от их Архиепископа, хотели иметь своего особенного Святителя, и просили о том Великого Князя. Еще Новгород находился в дружелюбных сношениях с Москвою и слушался ее Государя: благоразумный Иоанн отвечал Псковитянам: “В деле столь важном я должен узнать мнение Митрополита и всех Русских Епископов. Вы и старшие братья ваши, Новгородцы, моя отчина, жалуетесь друг на друга; они требовали от меня Воево-

ды, чтобы смирить вас оружием: я не велел им мыслить о сем междоусобии, ни задерживать ваших Послов на пути ко мне; хочу тишины и мира; буду праведным судиею между вами”⁵. Сказав, совершил дело миротворца. Псковитяне возвратили церковные земли Архиепископу Ионе и взаимными клятвами подтвердили древний союз братский с Новгородцами. Через несколько лет Духовенство Псковское, будучи весьма недовольно правлением Ионы, обвиняемого в беспечности и корыстолюбии, хотело без его ведения решить все церковные дела по Номоканону, и с согласия гражданских чиновников написало судную для себя грамоту; но Великий Князь вторично вступился за древние права Архиепископа: грамоту уничтожили, и все осталось, как было.

(Г. 1465. Ахмат восстает на Россию). Три года Иоанн властвовал мирно и спокойно, не сложив с себя имени даника Ординского, но уже не требуя милостивых ярлыков от Хана на достоинство Великокняжеское и, как вероятно, не платя дани, так, что Царь Ахмат, повелитель Волжских Улусов, решился прибегнуть к оружию; соединил все силы и хотел итти к Москве⁶. Но счастье, благоприятствуя Иоанну, воздвигло Орду на Орду: Хан Крымский, Ази-Гиргей, встретил Ахмата на берегах Дона: началась кровопролитная война между ими, и Россия осталась в тишине, готовясь к важным подвигам.

(Всеобщая мысль о скором преставлении света. Г. 1466–1467). Кроме внешних опасностей и неприятелей, юный Иоанн должен был внутри Государства преодолеть общее уныние сердец, какое-то расслабление, дремоту сил душевных. Истекала седьмая тысяча лет от сотворения мира по Греческим Хронологам:^{1*} суеверие с концем ее ждало и конца миру. Сия несчастная мысль, владычествуя в умах, вселяла в людей равнодушие ко славе и благу отечества⁷; менее стыдились государственного ига, менее пленялись мыслию независимости, думая, что все не на-долго. Но печальное тем сильнее действовало на сердца и воображение. Затмения, мнимые чудеса ужасали простолюдинов более, нежели когда нибудь. Уверяли, что Ростовское озеро целые две недели страшно выло всякую ночь и не

давало спать окрестным жителям⁸. Были и важные, действительные бедствия: от чрезвычайного холода и морозов пропадал хлеб в полях; два года сряду выпадал глубокий снег в Мае месяце⁹. Язва, называемая в летописях *железою*, еще искала жертв в России, особенно в Новгородских и Псковских владениях, где, если верить исчислению одного Летописца, в два года умерло 250 652 человека; в одном Новгороде 48 402, в монастырях около 8 000¹⁰. В Москве, в других городах, в селах и на дорогах также погибло множество людей от сей заразы¹¹.

(Г. 1467. Кончина супруги Иоанновой). Огорчаясь вместе с народом, Великий Князь сверх того имел несчастье оплакать преждевременную смерть юной, нежной супруги, Марии. Она скончалась внезапно: Иоанн находился тогда в Коломне: мать его и Митрополит погребли ее в Кремлевской церкви Вознесения (где со времен Василия Димитриевича начали хоронить Княгинь). Сию неожиданную кончину приписывали действию яда, единственно потому, что тело умершей вдруг отекло необыкновенным образом. Подозревали жену Дворянина Алексея Полуевктова, Наталью, которая, служа Марии, однажды посылала ее пояс к какой-то ворожее. Доказательства столь неверные не убедили Великого Князя в истине предполагаемого злодейства; однако ж Алексей Полуевктов шесть лет не смел показываться ему на глаза¹².

К горестным случаям сего времени Летописцы причисляют и то, что Первосвятитель Феодосий, добродетельный, ревностный, оставил Митрополию. Причина достопамятна. Набожность, питаемая мыслию о скором представлении света, способствовала неумеренному размножению храмов и Священнослужителей: всякой богатый человек хотел иметь свою церковь. Празднолюбцы шли в Диаконы и в Попы, соблазняя народ не только грубым невежеством, но и развратною жизнью. Митрополит думал пресечь зло: еженедельно собирал их, учил, вдовых постригал в Монахи, распутных лишал сана и наказывал без милосердия. Следствием было, что многие церкви опустели без Священников. (Избрание нового Митрополита). Сделался ропот на Феодосия, и сей Пастырь строгий, но не

весьма твердый в душе, с горести отказался от правления. Великий Князь призвал в Москву своих братьев, всех Епископов, духовных сановников, которые единодушно избрали Суздальского Святителя, Филиппа, в Митрополиты; а Феодосий заключился в Чудове монастыре и взяв в келлию к себе одного прокаженного, ходил за ним до конца жизни, сам омывая его струпы¹³. Россияне жалели о Пастыре столь благочестивом, и страшились, чтобы Небо не казнило их за оскорбление святого мужа.

⟨Походы на Казань⟩. Наконец Иоанн предпринял воинскими действиями рассеять свою печаль и возбудить в Россиянах дух бодрости. Царевич Касим, был верным слугою Василия Темного, получил от него в Удел на берегу Оки Мещерский городок, названный с того времени *Касимовым*; жил там в изобилии и спокойствии; имел сношения с Вельможами Казанскими, и тайно приглашенный ими свергнуть их нового Царя, Ибрагима, его пасынка, требовал войска от Иоанна, который с удовольствием видел случай присвоить себе власть над опасною Казанью, чтобы успокоить наши восточные границы, подверженные впадениям ее хищного, воинственного народа¹⁴. ⟨Г. 1467. Сент. 14⟩. Князь Иван Юрьевич Патрекеев и Стрига-Оболенский выступили из Москвы с полками: Касим указывал им путь, и думал внезапно явиться под стенами Ибрагимовой столицы; но многочисленная рать Казанская, предводимая Царем, уже стояла на берегу Волги, и принудила Московских Воевод итти назад. В сем неудачном, осеннем походе Россияне весьма много претерпели от ненастья и дождей, тонули в грязи, бросали доспехи, уморили своих коней и сами, не имея хлеба, ели в пост мясо (что могло случиться тогда единственно в ужасной крайности). Однако ж возвратились все живы и здоровы. Царь не смел гнаться за ними, а послал отряд к Галичу, где Татары не могли сделать важного вреда: ибо Великий Князь успел взять меры, заняв воинскими дружинами все города пограничные: Нижний, Муром, Кострому, Галич¹⁵.

⟨6 Декабря⟩. Немедленно другая рать Московская с Князем Симеоном Романовичем пошла из Галича в Черемисскую землю (в нынешнюю Вятскую и Казанскую Гу-

бернию) сквозь дремучие леса, уже наполненные снегом, и в самые жестокие морозы. Повеление Государя и надежда обогатиться добычею дали воинам силу преодолеть все трудности. (Г. 1468). Более месяца шли они по лесным пустыням, не видя ни селений, ни пути пред собою: не люди, но звери жили еще на диких берегах Ветлуги, Усты, Кумы. Вступив в землю Черемисскую, изобильную хлебом и скотом – управляемую собственными Князьями, но подвластную Царю Казанскому. – 2* Россияне истребили все, чего не могли взять в добычу; резали скот и людей; жгли не только селения, но и бедных жителей, избирая любых в пленники. Наше право войны было еще древнее, варварское; всякое злодейство в неприятельской стране считалось законным. – Князь Симеон доходил почти до самой Казани и, без битвы пролив множество крови, возвратился с именем победителя. – Князь Иван Стрига-Оболенский выгнал Казанских разбойников из Костромской области. Князь Даниил Холмский побил другую шайку их близ Муром: только не многие спаслись бегством в дремучие леса, оставив своих коней. Муромцы, Нижегородцы опустошили берега Волги в пределах Ибрагимова Царства.

Иоанн еще хотел подвига важнейшего, чтобы загладить первую неудачу, и смирить Ибрагима; собрал всех Князей, Бояр, и сам повел войско к границе, оставив в Москве меньшего брата, Андрея. По древнему обыкновению наших Князей он взял с собою и десятилетнего сына своего, чтобы заблаговременно приучить его к ратному делу. Но сей поход не совершился. Узнав о прибытии Литовского, Казимира Посла, Якова Писаря, то есть Секретаря Государственного, Иоанн велел ему быть к себе в Переяславль и ехать назад к Королю с ответом; а сам, неизвестно для чего, возвратился в Москву¹⁶, послав из Владимира только малый отряд на Кичменгу, где Казанские Татары жгли и грабили села. Оставив намерение лично предводительствовать ратною, Иоанн дал повеление Воеводам идти к берегам Камы из Москвы, Галича, Вологды, Устюга и Кичменги с Детьми Боярскими и Козаками. Главными начальниками были Руно Московский и Князь Иван Звенец Устюжский. Все соединились в земле Вятской, под Ко-

тельничем, и шли берегом реки Вятки, землю Черемисскою, до Камы, Тамлуги и Перевоза Татарского, откуда поворотили Камою к Белой Воложке, разрушая все огнем и мечем, убивая, пленяя беззащитных. Настигнув в одном месте 200 вооруженных Казанцев, Полководцы Московские устыдились действовать против них всеми силами, и выбрали охотников, которые истребили сию толпу, взяв в плен двух ее начальников. Иных битв не было: Татары, привычные ко впадениям в чужие земли, не умели оборонять своих. Перехватив на Каме множество богатых купеческих судов, Россияне с знатною добычею возвратились через Великую Пермь к Устюгу и в Москву¹⁷. — (Июня 4). С другой стороны ходил на Казанцев Воевода Нижегородский, Князь Федор Хрипун Ряполовский, с Московскою дружиною, и встретив на Волге отряд Царских телохранителей, побил его на голову. В числе пленников, отосланных к Иоанну в Москву, находился знаменитый Князь Татарский, Хозюм Бердей¹⁸.

Но Казанцы между тем присвоили себе господство над Вяткою: сильное войско их, вступив в ее пределы, так устрашило жителей, что они, не имея большого усердия к Государям Московским, без сопротивления объявили себя подданными Царя Ибрагима¹⁹. Сие легкое завоевание было не прочно: Казань не могла бороться с Москвою.

(Г. 1469). В следующую весну Иоанн предпринял нанести важнейший удар сему Царству. Не только Двор Великокняжеский с Боярскими Детьми всех городов и всех Уделов, но и Московские купцы вместе с другими жителями столицы вооружились под особенным начальством Князя Петра Васильевича Оболенского-Нагого. Главным предводителем был назначен Князь Константин Александрович Беззубцев, а местом соединения Нижний Новгород. Полки сели на суда в Москве, в Коломне, в Владимире, Суздале, Муроме. Дмитровцы, Можайцы, Угличане, Ростовцы, Ярославцы, Костромичи плыли Волгою; другие Окою, и в одно время сошлись при устье сих двух величественных рек²⁰. Такое знаменитое судовое ополчение было зрелищем любопытным для Северной России, которая еще не видала подобных.

Уже главный Воевода, Князь Константин, сделав общие распоряжения, готовился итти далее; но Иоанн, вдруг переменяя мысли, написал к нему, чтобы он до времени остался в Нижнем Новгороде, и только легкими отрядами, составленными из охотников, тревожил неприятельскую землю на обеих сторонах Волги. Летописцы не сказывают, что побудило к тому Иоанна; но причина кажется ясною. Царевич Касим, виновник сей войны, умер: жена его, мать Ибрагимова, взялась склонить сына к дружбе с Россиею, и Великий Князь надеялся без важных усилий воинских достигнуть своей цели, и смирить Казань. Случилось не так.

Воевода объявил Князьям и чиновникам волю Государеву: они единогласно ответствовали: “мы все хотим казнить неверных”, и с его дозволения немедленно отправились, по тогдашнему выражению, *искать ратной чести*, имея более ревности, нежели благоразумия; подняли парусы, снялись с якоря, и пристань скоро опустела. Воевода остался в Нижнем почти без войска, и даже не избрал для них главного начальника. Они сами увидели необходимость сего: приплыв к месту Старого Нижнего Новгорода, отпели там молебен в церкви Преображения, роздали милостыню, и в общем совете выбрали Ивана Руна в предводители. (Г. 1469. Мая 21). Им не велено было ходить к Казани; но Руно сделал по своему: не теряя времени, спешил к Царской столице²¹, и перед рассветом вышедши из судов, стремительно ударил на ее посад с криком и трубным звуком. Утренняя заря едва осветила небо: Казанцы еще спали. Россияне без сопротивления вошли в улицы: грабили, резали; освободили бывших там пленников Московских, Рязанских, Литовских, Вятских, Устюжских, Пермских, и зажгли предместье со всех сторон. Татары с драгоценнейшим своим имением, с женами и детьми запираясь в домах, были жертвою пламени. Обратив в пепел все, что могло сгореть, Россияне усталые, обремененные добычею, отступили, сели на суда и пошли к Коровничьему острову, где стояли целую неделю без всякого дела: чем Руно навлек на себя подозрение в измене. Многие думали, что он, пользуясь ужасом Татар, сквозь пламя и дым

предместия мог бы войти в город, но силою отвел полки от приступа, чтобы тайно взять окуп с Царя²². По крайней мере никто не понимал, для чего сей Воевода, имея славу разума необыкновенного, тратит время; для чего не действует или не удаляется с добычею и пленниками?

Легко было предвидеть, что Царь не будет дремать в своей, кругом обожженной столице: наконец Русской пленник²³, выбежав из Казани, принес весть к нашим, что Ибрагим соединил все полки Камские, Сыплинские, Костяцкие, Беловолжские, Вотяцкие, Башкирские, и готовится в следующее утро наступить на Россиян конною и судовою ратию. Воеводы Московские спешили взять меры: отобрали молодых людей и послали их с большими судами к Ирихову острову, не велев им ходить на узкое место Волги; а сами остались на берегу, чтобы удерживать неприятеля, который действительно вышел из города. Хотя молодые люди не послушались Воевод и стали как бы нарочно в узком протоке, где неприятельская конница могла стрелять в них: однако ж мужественно отбили ее. Воеводы столь же удачно имели бой с лодками Казанскими, и прогнав оные к городу, соединились с своими большими судами у Ирихова острова, славя победу и Государя.

Тут прибыл к ним главный Воевода, Князь Константин Беззубцев, из Нижнего Новагорода, сведав, что они, в противность Иоаннову намерению, подступили к Казани. Доселе успех служил им оправданием: Константин хотел еще важнейшего: отправил гонцев в Москву, с вестью о происшедшем, и в Вятку, с повелением, чтобы ее жители немедленно шли к нему под Казань²⁴. Он еще не знал их коварства. Иоанн, послав весною главную рать в Нижний, в то же время приказал Князю Даниилу Ярославскому с отрядом Детей Боярских и с полком Устюжан, а другому Воеводе, Сабурову, с Вологжанами плыть на судах к Вятке, взять там всех людей годных к ратному делу и с ними итти на Царя Казанского. Но Правители Вятских городов, мечта о своей древней независимости, ответствовали Даниилу Ярославскому: “Мы сказали Царю, что не будем помогать ни Великому Князю против него, ни ему против Великого Князя; хотим сдержать слово, и остаемся дома”. У

них был тогда Посол Ибрагимов, который немедленно дал знать в Казань, что Россияне из Устюга и Вологды идут к ее пределам с малыми силами. Отказав в помощи Князю Ярославскому, Вятчане отказали и Беззубцеву, но выдумали только иной предлог, говоря: “когда братья Великого Князя пойдут на Царя, тогда и мы пойдем”. Около месяца тщетно ждав полков Вятских, не имея вести от Князя Ярославского, и начиная терпеть недостаток в съестных припасах, Воевода Беззубцев пошел назад к Нижнему.

На пути встретилась ему вдовствующая Царица Казанская, мать Ибрагимова, и сказала, что Великий Князь отпустил ее с честью и с милостию; что война прекратится, и что Ибрагим удовлетворит всем требованиям Иоанновым. Успокоенные ее словами, Воеводы наши расположились на берегу праздновать Воскресный день, служить обедню и пировать²⁵. Но вдруг показалась рать Казанская, судовая и конная. Россияне едва успели изготавиться. Сражались до самой ночи: Казанские суда отступили к противному берегу, где стояла конница, пуская стрелы в наших, которые не захотели биться на сухом пути, и ночевали на другой стороне Волги. В следующее утро ни те, ни другие не думали возобновить битвы; и Князь Беззубцев благополучно доплыл до Нижнего.

Не столь счастлив был Князь Ярославский. Видя непослушание Вятчан, он решился итти без них, чтобы в окрестностях Казани соединиться с Московскою ратию. Уведомленный о походе его, Ибрагим заградил Волгу судами и поставил на берегу конницу. Произошла битва достопамятная мужеством обоюдным: хватались за руки, секлись мечами. Главные из Вождей Московских пали мертвые; другие были ранены или взяты в плен; но Князь Василий Ухтомский одолевал многочисленность храбростию^{3*}: сцеплялся с Ибрагимовыми судами^{3*}, разил неприятелей ослопом, и топил их в реке. Устюжане, вместе с ним оказав редкую неустрашимость, пробились сквозь Казанцев, достигли Новагорода Нижнего и дали знать о том Иоанну, который, в знак особенного благоволения, прислал им *две золотые деньги* и несколько кафтанов. Устюжане отдали *деньги* своему Иерею, сказав ему: “молись Богу за Госуда-

ря и православное воинство; а мы готовы и впредь так сражаться”²⁶.

Обманутый льстивыми обещаниями Ибрагимовой матери, не довольный и нашими Воеводами, Иоанн предпринял новый поход в ту же осень, вручив предводительство своим братьям, Юрию и Андрею. Весь Двор Великокняжеский и все Князья *Служивые* находились с ними. В числе знатнейших Воевод Летописцы именуют Князя Ивана Юрьевича Патрекеева. (Сентября 1). Даниил Холмский вел передовой полк²⁷; многочисленная рать шла сухим путем, другая плыла Волгою; обе подступили к Казани, разбили Татар в вылазке, отняли воду у города, и принудили Ибрагима заключить мир *на всей воле* Государя Московского: то есть, исполнить все его требования. Он возвратил свободу нашим пленникам, взятым в течение сорока лет²⁸.

(Г. 1469. Война с Новымгородом). Сей подвиг был первым из знаменитых успехов государствования Иоаннова: второй имел еще благоприятнейшие следствия для могущества Великокняжеского внутри России. Василий Темный возвратил Новгородцам Торжек; но другие земли, отнятые у них сыном Донского, Василием Димитриевичем, оставались за Москвою: еще не уверенные в твердости Иоаннова характера, и даже сомневаясь в ней по первым действиям сего Князя, ознаменованным умеренностию, миролюбием, они вздумали быть смелыми, в надежде показаться ему страшными, унижить гордость Москвы, восстановить древние права своей вольности, утраченные излишнею уступчивостию их отцов и дедов. С сим намерением приступили к делу: захватили многие доходы, земли и воды Княжеские; взяли с жителей присягу только именем Новагорода; презирали Иоанновых Наместников и Послов; властью Веча брали знатных людей под стражу на Городище, месте не подлежащем народной управе; делали обиды Москвитянам²⁹. Государь несколько раз требовад от них удовлетворения: они молчали. Наконец приехал в Москву Новгородский Посадник, Василий Ананьин, с обыкновенными делами земскими; но не было слова в ответ на жалобы Иоанновы. “Я ничего не знаю”, говорил Посадник Боярам Московским: “Великий Новгород

не дал мне никаких о том повелений”. Иоанн отпустил сего чиновника с такими словами: “Скажи Новгородцам, моей отчине, чтобы они, признав вину свою, исправились; в земли и воды мои не вступались, имя мое *держали честно и грозно по старине*, исполняя обет крестный, если хотят, от меня покровительства и милости; скажи, что терпению бывает конец, и что мое не продолжится”.

Великий Князь в то же время написал к верным ему Псковитянам, они, в случае дальнейшей строптивности Новгородцев, готовились вместе с ним действовать против сих слушников. Наместником его во Пскове был тогда Князь Феодор Юрьевич, знаменитый Воевода, который с Московскою дружиною защитил сию область в последнюю войну с Немцами: из отменного уважения к его особе Псковитяне дали ему судное право во всех *двенадцати* своих пригородах; а дотоле Князя судили и рядили только в *семи*: прочие зависели от народной власти³⁰. Боярин Московский, Селиван, вручил Псковитянам грамоту Иоаннову. Они сами имели разные досады от Новгородцев³¹; однако ж, следуя внушениям благоразумия отправили к ним Посольство с предложением быть миротворцами между ими и Великим Князем. “Не хотим кланяться Иоанну, и не просим вашего ходатайства, ответствовали тамошние Правители: но если вы добросовестны и нам друзья, то вооружитесь за нас против самовластия Московского”³². Псковитяне сказали: “увидим” – и дали знать Великому Князю, что они готовы помогать ему всеми силами.

(Г. 1470). Между тем, по сказанию Летописцев, были страшные знамения в Новгороде: сильная буря сломила крест Софийской церкви; древние Херсонские колокола в монастыре на Хутыне сами собою издавали печальный звук; кровь являлась на гробах, и проч.³³ Люди тихие, миролюбивые, трепетали и молились Богу: другие смеялись над ними и мнимыми чудесами. Легкомысленный народ более нежели когда нибудь, мечтал о прелестях свободы; хотел тесного союза с Казимиром, и принял от него Воеводу, Князя Михаила Олельковича, коего брат, Симеон, господствовал тогда в Киеве с честью и славою, *подобно древним Князьям Владимирова племени*, как говорят Ле-

тописцы³⁴. Множество Панов и витязей Литовских приехало с Михаилом в Новгород.

В сие время скончался Новгородский Владыка Иона: народ избрал в Архиепископы Протодиакона Феофила, коему не лъзя было ехать в Москву для поставления без согласия Иоаннова³⁵: Новгородцы чрез Боярина своего, Никиту, просили о том Великого Князя, мать его и Митрополита. Иоанн дал *опасную грамоту* для приезда Феофилова в столицу, и мирно отпуская Посла, сказал ему: “Феофил, вами избранный, будет принят с честью и поставлен в Архиепископы; не нарушу ни в чем древних обыкновений, и готов вас жаловать, как мою отчину, если вы искренно признаете вину свою, не забывая, что мои предки именовались Великими Князьями Владимирскими, *Новгорода и всея Руси*”. (Г. 1471). Посол, возвращаясь в Новгород, объявил народу о милостивом расположении Иоанновом. Многие граждане, знатнейшие чиновники и нареченный Архиепископ Феофил хотели воспользоваться сим случаем, чтобы прекратить опасную распрю с Великим Князем; но скоро открылся мятеж, какого давно не бывало в сей народной Державе.

Вопреки древним обыкновениям и нравам Славянским, которые удаляли женский пол от всякого участия в делах гражданства, жена гордая, честолюбивая, вдова бывшего Посадника Исаака Борецкого, мать двух сыновей уже взрослых, именем Марфа, предприняла решить судьбу отечества. Хитрость, велеречие, знатность, богатство и роскошь доставили ей способ действовать на Правительство. Народные чиновники сходились в ее великолепном³⁶, или, по тогдашнему, *чудном* доме пировать и советоваться о делах важнейших. Так Св. Зосима, Игумен монастыря Соловецкого, жалуясь в Новгороде на обиды Двинских жителей, в особенности тамошних прикащиков Боярских, должен был искать покровительства Марфы, которая имела в Двинской земле богатые села. Сперва, обманутая клеветниками, она не хотела видеть его; но после, узнав истину, осыпала Зосиму ласками, пригласила к себе на обед вместе с людьми знатнейшими и дала Соловецкому монастырю земли³⁷. Еще не довольная всеобщим ува-

жением и тем, что Великий Князь, в знак особенной милости, пожаловал ее сына, Димитрия, в знатный чин Боярина Московского³⁸, сия гордая жена хотела освободить Новгород от власти Иоанновой, и, по уверению Летописцев, выйти за-муж за какого-то Вельможу Литовского, чтобы вместе с ним господствовать, именем Казимировым, над своим отечеством. Князь Михаил Олелькович, служив ей несколько времени орудием, утратил ее благосклонность и с досадою уехал назад в Киев, ограбив Русу³⁹. Сей случай доказывал, что Новгород не мог ожидать ни усердия, ни верности от Князей Литовских; но Борецкая, открыв дом свой для шумных сонмищ, с утра до вечера славил Казимира, убеждая граждан в необходимости искать его защиты против утеснений Иоанновых. В числе ревностных друзей Посадницы был Монах Пимен, Архиепископский Ключник: он надеялся заступить место Ионы и сыпал в народ деньги из казны Святительной, им расхищенной. Правительство сведало о том, и заключив сего коварного Инока в темницу, взыскало с него 1000 рублей пени⁴⁰. Волнуемый честолюбием и злобою, Пимен клеветал на избранного Владыку Феофила, на Митрополита Филиппа; желал присоединения Новгородской Епархии к Литве, и лаская себя мыслию получить сан Архиепископа от Григория Киевского, Исидорова ученика, помогал Марфе советом, кознями, деньгами.

Видя, что Посольство Боярина Никиты сделало в народе впечатление противное ее намерению и расположило многих граждан к дружелюбному сближению с Государем Московским, Марфа предприняла действовать решительно. Ее сыновья, ласкатели, единомышленники, окруженные многочисленным сонмом людей подкупленных, явились на Вече и торжественно сказали, что настало время управиться с Иоанном; что он не Государь, а злодей их; что Великий Новгород есть сам себе Властелин; что жители его суть вольные люди и не *отчина* Князей Московских; что им нужен только покровитель; что сим покровителем будет Казимир, и что не Московский, а Киевский Митрополит должен дать Архиепископа Святой Софии. Громогласное восклицание: “не хотим Иоанна! да здравствует Казимир!”

мир!” служило заключением их речи. Народ восколебался. Многие взяли сторону Борецких и кричали: “да исчезнет Москва!” Благоразумнейшие сановники, старые Посадники, Тысячские, Житые люди хотели образумить легкомысленных сограждан и говорили: “Братья! что замышляете? изменить Руси и православию? поддаться Королю иноплеменному и требовать Святителя от еретика Латинского? Вспомните, что предки наши, Славяне, добровольно вызвали Рюрика из земли Варяжской; что более шести сот лет его потомки законно княжили на престоле Новгородском; что мы обязаны истинною Верою Святому Владимиру, от коего происходит Великий Князь Иоанн, и что Латинство донныне было для нас ненавистно”. Единомышленники Марфины не давали им говорить; а слуги и наемники ее бросали в них камнями, звонили в Вечевые колокола, бегали по улицам и кричали: “хотим за Короля!” Другие: “хотим к Москве православной, к Великому Князю Иоанну и к отцу его, Митрополиту Филиппу!” Несколько дней город представлял картину ужасного волнения. Нареченный Владыка Феофил ревностно противоборствовал усилиям Марфиных друзей и говорил им: “или не изменяйте православию или не буду никогда Пастырем отступников: иду назад в смиренную келлию, откуда вы извлекли меня на позорище мятежа”. Но Борецкие превозмогли, овладели правлением и погубили отечество, как жертву их страстей личных⁴¹. Совершилось, чего издавна желали завоеватели Литовские, и чем Новгород стращал иногда Государей Московских: он поддался Казимиру, добровольно и торжественно. Действие незаконное: хотя сия область имела особенные уставы и вольности, данные ей, как известно, Ярославом Великим; однако ж составляла всегда часть России и не могла перейти к иноплеменникам без измены или без нарушения коренных государственных законов, основанных на Естественном Праве. Многочисленное Посольство отправилось в Литву с богатыми дарами и с предложением, чтобы Казимир был Главою Новгородской Державы на основании древних уставов ее гражданской свободы. Он принял все условия, и написали грамоту следующего содержания:

“Честный Король Польский и Князь Великий Литовский заключил дружественный союз с нареченным Владыкою Феофилом, с Посадниками, Тысячскими Новгородскими, с Боярами, людьми Житыми, купцами и со всем Великим Новымгородом; а для договора были в Литве Посадник Афанасий Евстафиевич, Посадник Димитрий Исакович (Борецкий) ... от людей Житых Панфил Селифонтович, Кирилл Иванович ... Ведать тебе, честному Королю, Великий Новгород по сей крестной грамоте и держать на Городище своего Наместника Греческой Веры, вместе с Дворецким и Тиуном, коим иметь при себе не более пятидесяти человек. Наместнику судить с Посадником на дворе Архиепископском, как Бояр, Житых людей, Младших граждан, так и сельских жителей, согласно с правдою, и не требовать ничего, кроме судной законной пошлины; но в суд Тысячского, Владыки и монастырей ему не вступаться. Дворецкому жить на Городище во дворце и собирать доходы твои вместе с Посадником; а Тиуну вершить дела с нашими приставами. Если Государь Московский пойдет войною на Великий Новгород, то тебе Господину, честному Королю, или в твое отсутствие Раде Литовской дать нам скорую помощь. – Ржева, Великие Луки и Холмовский погост остаются землями Новгородскими; но платят дань тебе, честному Королю. – Новгородец судится в Литве по вашим, Литвин в Новгороде по нашим законам без всякого притеснения ... В Русе будешь иметь десять соляных варниц; а за суд получаешь там и в других местах, что издревле установлено. Тебе, честному Королю, не выводить от нас людей, не купить ни сел, ни рабов, и не принимать их в дар, ни Королеве, ни Панам Литовским; а нам не таить законных пошлин. Послам, Наместникам и людям твоим не брать подвод в земле Новгородской, и волости ее могут быть управляемы только нашими собственными чиновниками. – В Луках будет твой и наш Тиун: Торопецкому не судить в Новгородских владениях. В Торжке и Волоке имей Тиуна; с нашей стороны будет там Посадник. – Купцы Литовские торгуют с Немцами единственно чрез Новгородских. Двор Немецкий тебе не подвластен: не можешь затворить его. – Ты, честный Король, не должен касаться

нашей православной Веры: где захотим, там и посвятим нашего Владыку (в Москве или в Киеве); а Римских церквей не ставить нигде в земле Новгородской. – Если примирим нас с Великим Князем Московским, то из благодарности уступим тебе всю народную дань, собираемую ежегодно в Новгородских областях; но в другие годы не требуй оной. – В утверждение договора целуй крест к Великому Новгороду за все свое Княжество и за всю Раду Литовскую *в правду, без извета*; а Послы наши целовали крест *Новгородскою душою* к честному Королю за Великий Новгород⁴².

И так сей народ легкомысленный еще желал мира с Москвою, думая, что Иоанн устрашится Литвы, не захочет кровопролития и малодушно отступится от древнейшего Княжества Российского. Хотя Наместники Московские, быв свидетелями торжества Марфиных поборников, уже не имели никакого участия в тамошнем правлении, однако ж спокойно жили на Городище, уведомляя Великого Князя о всех происшествиях. Не смотря на свое явное отступление от России, Новгородцы хотели казаться умеренными и справедливыми; твердили, что от Иоанна зависит остаться другом Святой Софии; изъявляли учтивость его Боярам, но послали Суздальского Князя, Василья Шуйского-Гребенку, начальствовать в Двинской земле, опасаясь, чтобы рать Московская не овладела сею важною для них страню.

Еще желая употребить последнее миролюбивое средство, Великий Князь отправил в Новгород благоразумного чиновника, Ивана Федоровича Товаркова, с таким увещанием⁴³: “Люди Новгородские! Рюрик, Св. Владимир и Великий Всеволод Юрьевич, мои предки, повелевали вам; я наследовал сие право: жалую вас, храню, но могу и казнить за дерзкое ослушание. Когда вы бывали подданными Литвы? Ныне же раболепствуете иноверным, преступая священные обеты. Я ничем не отяготил вас, и требовал единственно древней законной дани. Вы изменили мне: казнь Божия над вами! Но еще медлю, не любя кровопролития, и готов миловать, если с раскаянием возвратитесь под сень отечества”. В то же время Митрополит

Филипп писал к ним: “Слышу о мятеже и расколе вашем. Бедственно и единому человеку уклониться от пути правого: еще ужаснее целому народу. Трепещите, да страшный серп Божий, виденный Пророком Захариєю, не снидет на главу сынов ослушных. Вспомните реченное в Писании: *беги греха яко ратника; беги от прелести, яко от лица змиина. Сия прелесть* есть Латинская: она уловляет вас. Разве пример Константинополя не доказал ее губительного действия? Греки царствовали, Греки славились во благочестии: соединились с Римом, и служат ныне Туркам. Доселе вы были целы под крепкою рукою Иоанна: не уклоняйтесь от *святой, великой старины*, и не забывайте слов Апостола: *Бога бойтесь, а Князя чтите*. – Смиритесь, и Бог мира да будет с вами!”⁴⁴ – Сии увещания остались бесполезны: Марфа с друзьями своими делала, что хотела в Новгороде. Устрашаемые их дерзостью, люди благоразумные тужили в домах и безмолвствовали на Вече, где клеветы или наемники Борецких вопили: “Новгород Государь нам, а Король покровитель!” Одним словом, Летописцы сравнивают тогдашнее состояние сей народной Державы с древним Иерусалимом, когда Бог готовился предать его в руки Титовы. Страсти господствовали над умом, и Совет Правителей казался сонмом заговорщиков.

Посол Московский возвратился к Государю с уверением, что не слова и не письма, но один меч может смирить Новгородцев. Великий Князь изъявил горесть: еще размышлял, советовался с матерью, с Митрополитом, и призвал в столицу братьев, всех Епископов, Князей, Бояр и Воевод. В назначенный день и час они собрались во дворце. Иоанн вышел к ним с лицом печальным: открыл Государственную Думу, и предложил ей на суд измену Новгородцев. Не только Бояре и Воеводы, но и Святители ответствовали единогласно: “Государь! возьми оружие в руки!” Тогда Иоанн произнес решительное слово: “да будет война!” и еще хотел слышать мнение Совета о времени благоприятнейшем для ее начала, сказав: “Весна уже наступила: Новгород окружен водою, реками, озерами и болотами непроходимыми. Великие Князья, мои предки, стра-

шились ходить туда с войском в летнее время, и когда ходили, то теряли множество людей". С другой стороны поспешность обещала выгоды: Новгородцы не изготовились к войне, и Казимир не мог скоро дать им помощи. Решились не медлить, в надежде на милость Божию, на счастье и мудрость Иоаннову. Уже сей Государь пользовался общею доверенностию: Москвитяне гордились им, хвалили его правосудие, твердость, прозорливость; называли любимцем Неба, Властителем Богоизбранным; и какое-то новое чувство государственного величия вселилось в их душу⁴⁵.

⟨Г. 1471. Маия 23. Июня 6. Июня 13⟩. Иоанн послал *складную грамоту* к Новгородцам, объявляя им войну с исчислением всех их дерзостей, и в несколько дней устроил ополчение: убедил Михаила Тверского действовать с ним за-одно, и велел Псковитянам итти к Новгороду с Московским Воеводою, Князем Феодором Юрьевичем Шуйским; Устюжанам и Вятчанам в Двинскую землю под начальством двух Воевод, Василья Федоровича Образца и Бориса Слепого Тютчева⁴⁶; Князю Даниилу Холмскому с Детьми Боярскими из Москвы к Русе, а Князю Василью Ивановичу Оболенскому-Стриге с Татарскою конницею к берегам Мсты.

Сии отряды были только передовыми. Иоанн, следуя обыкновению, раздавал милостыню и молился над гробами Святых Угодников и предков своих; наконец, приняв благословение от Митрополита и епископов, сел на коня и повел главное войско из столицы. ⟨Июня 20⟩. С ним находились все Князья, Бояре, Дворяне Московские и Татарский Царевич Данияр, сын Касимов. Сын и брат Великого Князя, Андрей Меньший, остались в Москве: другие братья, Князья Юрий, Андрей, Борис Васильевичи, и Михаил Верейский, предводительствуя своими дружинами, шли разными путями к Новгородским границам; а Воеводы Тверские, Князь Юрий Андреевич Дорогобужский и Иван Жито, соединились с Иоанном в Торжке ⟨Июня 29⟩. Началось страшное опустошение. С одной стороны Воевода Холмский и рать Великокняжеская, с другой Псковитяне, вступив в землю Новгородскую, истребляли все огнем и

мечем⁴⁷. Дым, пламя, кровавые реки, стон и вопль от Востока и Запада неслись к берегам Ильменя. Москвитяне изъявляли остервенение неописанное: Новгородцы изменники казались им хуже Татар. Не было пощады ни бедным земледельцам, ни женщинам. Летописцы замечают, что Небо, благоприятствуя Иоанну, иссушило тогда все болота; что от Мая до Сентября месяца ни одной капли дождя не упало на землю: зыби отвердели; войско с обозами везде имело путь свободный, и гнало скот по лесам, дотоле непроходимым.

Псковитяне взяли Вышегород. Холмский обратил в пепел Русу. Не ожидая войны летом и нападения столь дружного, сильного, Новгородцы послали сказать Великому Князю, что они желают вступить с ним в переговоры и требуют от него опасной грамоты для своих чиновников, которые готовы ехать к нему в стан. Но в то же время Марфа и единомышленники ее старались уверить сограждан, что одна счастливая битва может спасти их свободу. Спешили вооружить всех людей, волею и неволею; ремесленников, гончаров, плотников одели в доспехи и посадили на коней: других на суда. ^{4*}Пехоте велели плыть озером Ильменем к Русе, а коннице, гораздо многочисленнейшей, ^{4*} итти туда берегом. Холмский стоял между Ильменем и Русою, на Коростыне: пехота Новгородская приблизилась тайно к его стану, вышла из судов, и не дожидаясь конного войска, стремительно ударила на оплошных Москвитян. Но Холмский и товарищ его, Боярин Феодор Давидович, храбростию загладили свою неосторожность: положили на месте 500 неприятелей, рассеяли остальных, и с жестокосердием, свойственным тогдашнему веку, приказав отрезать пленникам носы, губы, послали их искаженных в Новгород⁴⁸. Москвитяне бросили в воду все латы, шлемы, щиты неприятельские, взятые в добычу ими, говоря, что войско Великого Князя богато собственными доспехами и не имеет нужды в изменнических.

Новгородцы приписали сие несчастье тому, что конное их войско не соединилось с пехотным, и что особенный полк *Архиепископский* отрекся от битвы, сказав:

“Владыка Феофил запретил нам поднимать руку на Великого Князя, а велел сражаться только с неверными Псковитянами”⁴⁹. Желая обмануть Иоанна, Новгородские чиновники отправили к нему второго Посла, с уверением, что готовы на мир, и что войско их еще не действовало против Московского⁵⁰. (Июля 9). Но Великий Князь уже имел известие о победе Холмского, и став на берегу озера Коломны, приказал сему Воеводе итти за Шелонь на встречу к Псковитянам, и вместе с ними к Новгороду: Михаилу же Верейскому осадить городок Демон. В самое то время, когда Холмский думал переправляться на другую сторону реки, он увидел неприятеля столь многочисленного, что Москвитяне изумились. Их было 5000, а Новгородцев от 30 000 до 40 000: ибо друзья Борецких еще успели набрать и выслать несколько полков, чтобы усилить свою конную рать. (Июля 14). Но Воеводы Иоанновы, сказав дружине: “настало время послужить Государю; не убоимся ни трех сот тысяч мятежников; за нас правда и Господь Вседержитель”, бросились на конях в Шелонь, с крутого берега, и в глубоком месте; однако ж никто из Москвитян не усомнился следовать их примеру; никто не утонул; и все, благополучно переехав на другую сторону, устремились в бой с восклицанием: *Москва!*⁵¹ Новгородский Летописец говорит, что соотечественники его бились мужественно и принудили Москвитян отступить, но что конница Татарская, быв в засаде, нечаянным нападением расстроила первых и решила дело⁵². Но по другим известиям Новгородцы не стояли ни часу: лошади их, язвимые стрелами, начали сбивать с себя всадников; ужас объял Воевод малодушных и войско неопытное; обратили тыл; скакали без памяти и топтали друг друга, гонимые, истребляемые победителем; утомив коней, бросались в воду, в тину болотную; не находили пути в лесах своих, тонули или умирали от ран; иные же проскакали мимо Новгорода, думая, что он уже взят Иоанном. В безумии страха им везде казался неприятель, везде слышался крик: *Москва! Москва!*⁵³ На пространстве двенадцати верст полки Великокняжеские гнали их, убили 12 000 человек, взяли 1700 пленников, и в том числе

двух знатнейших Посадников, Василия Казимера с Дмитрием Исаковым Борецким⁵⁴; наконец утомленные возвратились на место битвы. Холмский и Боярин Феодор Давидович, трубным звуком возвестив победу, сошли с коней, приложились к образам под знаменами и прославили милость Неба. Боярский сын, Иван Замятня, спешил известить Государя, бывшего тогда в Яжелбицах, что один передовой отряд его войска решил судьбу Новгорода; что неприятель истреблен, а рать Московская цела. Сей вестник вручил Иоанну договорную грамоту Новгородцев с Казимиром, найденную в их обозе между другими бумагами, и даже представил ему человека, который писал оную⁵⁵. С какою радостью Великий Князь слушал весть о победе⁵⁶, с таким негодованием читал сию законопреступную хартию, памятник Новгородской измены.

Холмский уже нигде не видал неприятельской рати, и мог свободно опустошать села до самой Наровы или Немецких пределов⁵⁷. Городок Демон сдался Михаилу Верейскому. (Июля 24). Тогда Великий Князь послал *опасную грамоту* к Новгородцам с Боярином их, Лукою, соглашаясь вступить с ними в договоры; прибыл в Русу и явил пример строгости: велел отрубить головы знатнейшим пленникам, Боярам Дмитрию Исакову, Марфину сыну, Василью Селезневу Губе, Киприяну Арбузееву и Иеремию Сухощоку, Архиепископскому Чашнику, ревностным благоприятелям Литвы; Василия Казимера, Матвея Селезнева и других послал в Коломну, окованных цепями; некоторых в темницы Московские; а прочих без всякого наказания отпустил в Новгород⁵⁸, соединяя милосердие с грозой мести, отличая главных, деятельных врагов Москвы от людей слабых, которые служили им только орудием. (17 Июля). Решив таким образом участь пленников, он расположился станом на устье Шелони.

В сей самый день новая победа увенчала оружие Великокняжеское в отдаленных пределах Заволочья. Московские Воеводы, Образец и Борис Слепый, предводительствуя Устюжанами и Вятчанами, на берегах Двины срази-

лись с Князем Василием Шуйским, верным слугою Новгородской свободы. Рать его состояла из двенадцати тысяч Двинских и Печерских жителей: Иоаннова только из четырех. Битва продолжалась целый день с великим остервенением. Убив трех Двинских знаменосцев, Москвитяне^{5*} взяли хоругвь Новгородскую, и к вечеру одолели врага. Князь Шуйский раненный едва мог спастись в лодке, бежал в Колмогоры, оттуда в Новгород; а Воеводы Иоанновы, овладев всею Двинскою землею, привели жителей в подданство Москвы⁵⁹.

Миновало около двух недель после Шелонской битвы, которая произвела в Новгороде неописанный ужас. Они надеялись на Казимира, и с нетерпением ждали вестей от своего Посла, отправленного к нему через Ливонию, с усиленным требованием, чтобы Король спешил защитить их; но сей Посол возвратился, и с горестию объявил, что Магистр^{6*} Ордена не пустил его в Литву⁶⁰. Уже не было времени иметь помощи, ни сил противиться Иоанну. Открылась еще внутренняя измена. Некто, именем Упадыш, тайно доброхотствуя Великому Князю, с единомышленниками своими в одну ночь заколотил железом 55 пушек в Новгороде: Правители казнили сего человека⁶¹; не смотря на все несчастья, хотели обороняться: выжгли посады, не жалея ни церквей, ни монастырей; учредили бессменную стражу: день и ночь вооруженные люди ходили по городу, чтобы обуздывать народ; другие стояли на стенах и башнях, готовые к бою с Москвитянами. Однако ж миролюбивые начали изъявлять более смелости, доказывая, что упорство бесполезно; явно обвиняли друзей Марфы в приверженности к Литве, и говорили: "Иоанн перед нами; а где ваш Казимир!" Город, стесненный Великокняжескими отрядами и наполненный множеством пришельцев, которые искали там убежища от Москвитян, терпел недостаток в съестных припасах; дороговизна возрастала; ржи совсем не было на торгу: богатые питались пшеницею; а бедные вопили, что Правители их безумно раздражили Иоанна и начали войну, не подумав о следствиях⁶². Весть о казни Димитрия Борецкого и товарищей его сделала глубокое впе-

чатление как в народе, так и в чиновниках: доселе никто из Великих Князей не дерзал торжественно казнить первостепенных гордых Бояр Новгородских. Народ рассуждал, что времена переменялись: что Небо покровительствует Иоанна и дает ему смелость вместе с счастьем; что сей Государь правосуден: карает и милует; что лучше спастись смирением, нежели погибнуть от упрямства. Знатные сановники видели меч над своею головою: в таком случае редкие жертвуют личную безопасность правилу или образу мыслей. Самые усердные из друзей Марфиных, те, которые ненавидели Москву по ревностной любви к вольности отечества, молчанием или языком умеренности хотели заслужить прощение Иоанново. Еще Марфа силилась действовать на умы и сердца, возбуждая их против Великого Князя: народ видел в ней главную виновницу сей бедственной войны; он требовал хлеба и мира.

Холмский, Псковитяне и сам Иоанн готовились с разных сторон обступить Новгород, чтобы совершить последний удар: не много времени оставалось для размышления. Сановники, граждане единодушно предложили нареченному Архиепископу Феофилу быть ходатаем мира. Сей разумный Инок со многими Посадниками, Тысячскими и людьми Житыми всех пяти Концев отправился на судах озером Ильменем к устью Шелони, в стан Московский. Не смея вдруг явиться Государю, они пошли к его Вельможам и просили их заступления: Вельможи просили Иоанновых братьев, а братья самого Иоанна. Через несколько дней он дозволил Послам стать пред лицом своим. Феофил вместе со многими духовными особами и знатнейшие чиновники Новгородские, вступив в шатер Великокняжеский, пали ниц, безмолвствовали, проливали слезы. Иоанн, окруженный сонмом Бояр, имел вид грозный и суровый. “Господин, Князь Великий!” сказал Феофил: “утоли гнев свой, утиши ярость; пощади нас, преступников, не для моления нашего, но для своего милосердия! Угаси огонь, палящий кровь ее жителей!”⁶³ Иоанн взял с собою из Москвы одного ученого в летописях Дьяка, именем Стефана Бородатого, коему надлежало

исчислить перед Новгородскими Послами все древние их измены⁶⁴; но Послы не хотели оправдываться, и требовали единственно милосердия. Тут братья и Воеводы Иоанновы ударили челом за народ виновный; молили долго, неотступно. (Авг. 11). Наконец Государь изрек слово великодушного прощения, следуя, как уверяют Летописцы, внушениям Христианского человеколюбия и совету Митрополита Филиппа помиловать Новгородцев, если они раскаются⁶⁵; но мы видим здесь действие личного характера, осторожной Политики, умеренности сего Властителя, коего правилом было: *не отвергать хорошего для лучшего*, не со всем верного.

Новгородцы за вину свою обещали внести в казну Великокняжескую 15 500 рублей или около осьмидесяти пуд серебра, в разные сроки, от 8 Сентября до Пасхи; возвратили Иоанну прилежащие к Вологде земли, берега Пинеги, Мезены, Немьюги, Выи, Поганой Суры, Пильи горы, места уступленные Василию Темному, но после отнятые ими;^{7*} обязались в назначенные времена платить Государям Московским *черную* или народную дань, также и Митрополиту судную пошлину; клялися ставить своих Архиепископов только в Москве, у гроба Св. Петра Чудотворца, в Дому Богоматери; не иметь никакого сношения с Королем Польским, ни с Литвою; не принимать к себе тамошних Князей и врагов Иоанновых: Князя Можайского, сыновей Шемяки и Василия Ярославича Боровского; отменили так называемые Вечевые грамоты; признали верховную судебную власть Государя Московского, в случае несогласия его Наместников с Новгородскими сановниками; обещались не издавать впредь судебных грамот без утверждения и печати Великого Князя, и проч. Возвращая им Торжек и новые свои завоевания в Двинской земле, Иоанн по обычаю целовал крест, в уверение, что будет править Новымгородом согласно с древними уставами оногo, без всякого насилия. Сии взаимные условия или обязательства изображены в шести,^{8*} тогда написанных грамотах, от 9 и 11 Августа, в коих юный сын Иоаннов именуется также, подобно отцу, Великим Князем всей России⁶⁶. Помирив еще Новгород с Псковитяна-

ми, Иоанн уведомил своих Полководцев, что война прекратилась; ласково угостил Феофила и всех Послов; отпустил их с милостию, и в след за ними велел ехать Боярину Феодору Давидовичу, взять присягу с Новгородцев на Вече. Дав слово забыть прошедшее, Великий Князь оставил в покое и самую Марфу Борецкую, и не хотел упомянуть об ней в договоре, как бы из презрения к слабой жене. Исполнив свое намерение, наказав мятежников, свергнув тень Казимирову с древнего престола Рюрика, он с честью, славою и богатою добычею возвратился в Москву. (Сентября 1). Сын, брат, Вельможи, воины и купцы встретили его за 20 верст от столицы, народ за семь, Митрополит с Духовенством перед Кремлем на площади. Все приветствовали Государя как победителя, изъявляя радость⁶⁷.

Еще Новгород остался Державою народною; но свобода его была уже единственно милостию Иоанна и должна была исчезнуть по мановению Самодержца. Нет свободы, когда нет силы защитить ее. Все области Новгородские, кроме столицы, являли от пределов восточных до моря зрелище опустошения, произведенного не только ратью Великокняжескою, но и шайками вольницы: граждане и жители сельские в течение двух месяцев ходили туда вооруженными толпами из Московских владений грабить и наживаться. Погибло множество людей. К довершению бедствия 9000 человек, призванных в Новгород из Уездов для защиты онога, возвращаясь осенью в свои дома на 180 судах, утонули в бурном Ильмене⁶⁸. Зимой Священноинок Феофил с духовными и мирскими сановниками приехал в Москву и был поставлен в Архиепископы⁶⁹. Когда сей торжественный обряд совершился, Феофил на амвоне смиренно преклонил выю пред Иоанном и молил его умилосердиться над знатными Новгородскими пленниками, Василием Казимером и другими, которые еще сидели в Московских темницах: Великий Князь даровал им свободу, и Новгород принял их с дружелюбием, а Владыку своего с благодарностью, легкомысленно надеясь, что время, торговля, мудрость Веча и правила благоразумнейшей Политики исцелят глубокие язвы отечества.

〈Явление Комет〉. В исходе сего года явилась Комета, в начале следующего другая⁷⁰; народ трепетал, ожидая чего нибудь ужасного. Иоанн же, не участвуя в страхе суевренных, спокойно мыслил о важном завоевании. 〈Завоевание Перми〉. Древняя славная Биармия или Пермь уже в XI веке платила день Россиянам, в гражданских отношениях зависела от Новагорода, в церковных от нашего Митрополита, но всегда имела собственных Властителей, и торговала с Москвитянами как Держава свободная. Присвоив себе Вологду, Великие Князья желали овладеть и Пермью, однако ж дотоле не могли: ибо Новгородцы крепко стояли за оную, обогащаясь там меною Немецких сукон на меха драгоценные и на серебро, которое именовалось Закамским и столь прельщало хитрого Иоанну Калиту⁷¹. В самом Шелонском договоре Новгородцы включили Пермь в число их законных владений⁷²; но Иоанн III, подобно Калите дальновидный и гораздо его сильнейший, воспользовался первым случаем исполнить намерение своего пращура без явной несправедливости. В Перми обидели некоторых Москвитян: сего было довольно для Иоанна: он послал туда Князя Феодора Пестрого с войском, чтобы доставить им законную управу.

Полки выступили из Москвы зимою, на Фоминой неделе пришли к реке Черной, спустились на плотах до местечка Айфаловского, сели на коней и близ города Искора встретились с Пермскою ратию. 〈Июня 26〉. Победа не могла быть сомнительною: Князь Феодор рассеял неприятелей; пленил их Воевод, Кача, Бурмата, Мичкина, Зырана; взял Искор с иными городками, сжег их, и на устье Почки, впадающей в Колву, заложил крепость; а другой Воевода, Гаврило Нелидов, им отряженный, овладел Уросом и Чердынюю, схватив тамошнего Князя Христианской Веры, именем Михаила. Вся земля Пермская покорилась Иоанну, и Князь Феодор прислал к нему, вместе с пленными, 16 сороков черных соболей, драгоценную шубу соболью, 29 *поставов* Немецкого сукна, 3 панцыря, шлем и две сабли булатные. Сие завоевание, коим владения Московские прислонились к хребту гор Уральских,

обрадовало Государя и народ, обещаая важные торговые выгоды, и напомнив России счастливую старину, когда Олег, Святослав, Владимир, брали мечем чуждые земли, не теряя собственных. – Вероятно, что Пермский Князь Михаил возвратился в свое отечество, где после господствовал и сын его, Матфей, как присяжник Иоаннов. Первым *Российским* Наместником Великой Перми был в 1505 году Князь Василий Андреевич Ковер⁷³.

(Нашествие Ахмата [на Россию]). Доселе Великий Князь еще не имел дела с главным врагом нашей независимости, с Царем Большой или Золотой Орды, Ахматом, коего толпы в 1468 году напали единственно на Рязанскую землю, не дерзнув итти далее: ибо в упорной битве с тамошними Воеводами потеряли много людей⁷⁴. Благоразумный Иоанн, готовый к войне, хотел удалить ее: время усиливало Россию, ослабляя могущество Ханов. Но другой естественный враг Москвы, Казимир Литовский, употреблял все способы подвигнуть Ахмата на Великого Князя. Дед Иоаннов, Василий Димитриевич, купил в Литве одного Татарина, именем Мисюря, Витовтова пленника, которого внук, Кирей, рожденный в холопстве, бежал от Иоанна в Польшу, и снискал особенную милость Казимиру⁷⁵. Сей Государь хотел употребить его в орудие своей ненависти к России, послал в Золотую Орду с ласковыми грамотами, с богатыми дарами, и предлагал Ахмату тесный союз, чтобы вместе воевать наше отечество. Кирей имел ум хитрый, знал хорошо и Татар и Москву: доказывал Хану необходимость предупредить Иоанна, замышляющего быть Самовластителем независимым; подкупал Вельмож Ординских, и легко склонил их на свою сторону: ибо они недоброжелательствовали Великому Князю за его к ним презрение или ^{9*}-скупость. Уже-^{9*} Москва не удовлетворяла их алчному корыстолюбию; уже Послы наши не пресмыкались в Улусах с мешками серебра и золота. Главный из Вельмож Ханских, именем Темир, всех ревностнее помогал Кирею; но целый год миновал в одних переговорах. Междоусобия Татар не позволяли Ахмату удалиться от берегов Волги, и в то время, когда Посол Литовский твердил ему о древнем

величии Ханов, знаменитая их столица, город Сарай, основанный Батыем, не мог защитить себя от набега смелых Вятчан: приплыв Волгою и слыша, что Хан кочует верстах в пятидесяти оттуда, они в распloch взяли сей город, захватили все товары, несколько ^{10*}-пленников, и ^{10*} с добычею ушли назад, сквозь множество Татарских судов, которые хотели преградить им путь⁷⁶. Наконец Ахмат, взяв меры для безопасности Улусов, отправил с Киреем собственного Посла к Казимиру, обещал немедленно начать войну, и чрез несколько месяцев действительно вступил в Россию с знатными силами, удержав при себе Московского чиновника, который был послан к нему от Государя с мирными предложениями⁷⁷.

Великий Князь, узнав о том, отрядил Боярина Феодора Давидовича с Коломенскою дружиною к берегам Оки; за ним Даниила Холмского, Князя Оболенского-Стригу и братьев своих с иными^{11*} полками; услышал о приближении Хана к Алексину, и сам немедленно выехал из столицы в Коломну, чтобы оттуда управлять движениями войска. При нем находился и сын Касимов, Царевич Данияр, с своею дружиною: таким образом Политика Великих Князей вооружала Моголов против Моголов. Но еще сильно действовал ужас Ханского имени: не смотря на 180 000 воинов, которые стали между неприятелем и Москвою, заняв пространство ста-пятидесяти верст⁷⁸; не смотря на общую доверенность к мудрости и счастью Государя, Москва страшилась, и мать Великого Князя с его сыном для безопасности уехала в Ростов⁷⁹.

Ахмат приступил к Алексину, где не было ни пушек, ни пищалей, ни самострелов⁸⁰; однако ж граждане побили множество неприятелей. На другой день Татары сожгли город вместе с ^{12*}-жителями, бегущих взяли в плен,^{12*} и бросились целыми полками в Оку, чтобы ударить на малочисленный отряд Москвитян, которые стояли на другом берегу реки. Начальники сего отряда, Петр Федорович и Семен Беклемишев, долго имел перестрелку, хотели уже отступить, когда сын Михаила Верейского, Князь Василий, прозванием Удалый, подоспел к ним с

своею дружиною, а скоро и брат Иоаннов, Юрий. Москвитяне прогнали Татар за Оку и стали рядами на левой стороне ее, готовые к битве решительной: новые полки непрестанно к ним подходили с трубным звуком, с распущенными знаменами. Хан Ахмат внимательно смотрел на них с другого берега, удивляясь многочисленности, стройности оных, блеску оружия и доспехов. “Ополчение наше (говорят Летописцы) колебалось подобно величественному морю, ярко освещенному солнцем”. Татары начали отступать, сперва тихо, медленно; а ночью побежали, гонимые одним страхом: ибо никого из Москвитян не было за Окою. Сие нечаянное бегство произошло, как сказывали, от жестокой заразной болезни, которая открылась тогда в Ахматовом войске⁸¹. — Великий Князь послал Воевод своих в след за неприятелем; но Татары в шесть дней достигли до своих Катунов или Улусов, откуда прежде шли к Алексину шесть недель: Россияне не могли или не хотели нагнать^{13*} их, взяв несколько пленников и часть обоза неприятельского; а Великий Князь распустил войско, удостоверенный, что Хан не скоро осмелится предпринять новое впадение в Россию. Между тем Казимир, союзник Моголов, не сделал ни малейшего движения в их пользу: имея важную распрю с Государем Венгерским и занятый делами Богемии, сей слабодушный Король предал Ахмата так же, как и Новогородцев.

(Авг. 23). (Смерть Юрия, Иоаннова брата). Скоро после того он и все Москвитяне были огорчены преждевременною кончиною Князя Юрия Васильевича. Меньшие Братья его и сам Великий Князь находились в Ростове, у матери, тогда нездоровой. Митрополит Филипп не смел без повеления Иоаннова хоронить тела Юриева, которое, в противность обыкновению, четыре дни стояло в Церкви Архангела Михаила. Великий Князь приехал оросить слезами гроб достойного брата, не только им, но и всеми искренно любимого за его добрые свойства и за ратное мужество, коим он славился. — Юрий скончался холостым на тридцать-втором году жизни, и в духовном завещании отказал свое имение матери, братьям, сестре, Княгине

Рязанской, поручив им выкупить разные заложенные им вещи, серебряные, золотые, и даже сукна Немецкие: ибо на нем осталось более семи-сот рублей долгу⁸². О городах своих – Дмитрове, Можайске, Серпухове – он не упоминает в духовной. Иоанн, присоединив их к Великому Княжению, досадил завистливым братьям; но мать благоразумными увещаниями прекратила ссору, отдав Андрею Васильевичу местечко Романов: Великий Князь уступил Борису Вышегород, а меньшему Андрею Торусу, утвердив грамотами наследственные Уделы за ними и за детьми их⁸³.



Глава II

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ИОАННОВА.



Брак Иоаннов с Греческою Царевною. Посольства из Рима и в Рим. Заключение Ивана Фрязина и Тревизана, Посла Венецианского. Прение Легата Папского о Вере. Следствия Иоаннова брака для России. Выезжие греки. Братья Софиины. [Новый герб России]. Посольства в Венецию. Зодчий Аристотель строит в Москве храм Успения. Строение других церквей, палат и стен Кремлевских. Льют пушки, чеканят монету. Дела с Ливониею. [Дела] с Литвою. [Дела] с Крымом. [Дела] с Большою Ордою. [Дела] с Персиею. Посол Венецианский Контарини в Москве.

Г. 1472—1477.

〈Брак Иоаннов с Греческою Царевною. Посольства из Рима и в Рим〉. В сие время судьба Иоаннова ознаменовалась новым величием посредством брака, важного и счастливого для России: ибо следствием одного было то, что Европа с любопытством и с почтением обратила взор на Москву, дотоле едва известную; что Государи и народы просвещеннейшие захотели нашего дружества; что мы, вступив в непосредственные сношения с ними, узнали много нового, полезного как для внешней силы государственной, так и для внутреннего гражданского благоденствия.

Последний Император Греческий, Константин Палеолог, имел двух братьев, Димитрия и Фому, которые, под именем Деспотов господствуя в Пелопоннесе^{1*} или в Морее, ненавидели друг друга, воевали между собою и тем довершили торжество Магомета II: Турки овладели Пелопоннесом. Димитрий искал милости в Султানে, отдал ему дочь свою в Сераль и получил от него в удел город Эн во Фракии; но Фома, гнушаясь неверными, с женою, с детьми, с знатнейшими Греками ушел из Корфу в Рим, где Папа, Пий II, и Кардиналы, уважая в нем остаток древнейших

Государей Христианских, и в благодарность за сокровище, им привезенное: за главу Апостола Андрея (с того времени хранимую в церкви Св. Петра) назначили сему знаменитому изгнаннику 300 золотых ефимков ежемесячного жалования⁸⁴. Фома умер в Риме. Сыновья его, Андрей и Мануил, жили благодеяниями нового Папы, Павла II, не заслуживая оных своим поведением, весьма легкомысленным; но юная сестра их, девица именем София, одаренная красотой и разумом, была предметом общего доброжелательства. Папа искал ей достойного жениха, и замышлял тогда воздвигнуть всех Государей Европейских на опасного для самой Италии Магомета II, хотел сим браком содействовать видам своей Политики. К удивлению многих, Павел обратил взор на Великого Князя Иоанна, по совету, может быть, славного Кардинала Виссариона: сей ученый Грек издавна знал единовенную Москву и возрастающую силу ее Государей, известных и Риму по делам их с Литвою, с Немецким Орденом, и в особенности по Флорентийскому Собору, где Митрополит наш, Исидор, представлял столь важное лицо в церковных прениях. Отдаленность, благоприятствуя баснословию, рождала слухи о несметном богатстве и многочисленности Россиян. Папа надеялся во-первых чрез Царевну Софию, воспитанную в правилах Флорентийского Соединения, убедить Иоанна к принятию оных и тем подчинить себе нашу Церковь; во вторых, лестным для его честолюбия свойством с Палеологами возбудить в нем ревность к освобождению Греции от ига Магометова. В следствие сего намерения Кардинал Виссарион, в качестве нашего единовеца, отправил Грека, именем Юрия, с письмом к Великому Князю (в 1469 году), предлагая ему руку Софии, знаменитой дочери Деспота Морейского, которая будто бы отказала двум женихам, Королю Французскому и Герцогу Медиоланскому, не желая быть супругою Государя Латинской Веры⁸⁵. Вместе с Юрием приехали в Москву два Венецианина, Карл и Антон, брат и племянник Ивана Фрязина, денежника или монетчика, который уже давно находился в службе Великого Князя, переселясь к нам, как вероятно, из Тавриды, и приняв Веру Греческую.

Сие важное Посольство весьма обрадовало Иоанна; но, следуя правилам своего обыкновенного, хладнокровного благоразумия, он требовал совета от матери, Митрополита Филиппа, знатнейших Бояр: все думали согласно с ним, что сам Бог посылает ему столь знаменитую невесту, *отрасль царственного древа, коего сень покоила некогда все Христианство* православное, неразделенное; что сей благословенный союз, напоминая Владимиров, сделает Москву как бы новую Византию, и даст Монархам нашим права Императоров Греческих. – Великий Князь желал чрез собственного Посла удостовериться в личных достоинствах Софии, и велел для того Ивану Фрязину ехать в Рим, имея доверенность к сему Венецианскому уроженцу, знакомому с обычаями Италии. Посол возвратился благополучно, осыпанный ласками Павла II и Виссариона; уверил Иоанна в красоте Софии, и вручил ему живописный образ ее⁸⁶, вместе с листами от Папы для свободного проезда наших Послов в Италию за невестою: о чем Павел особенно писал к Королю Польскому, именуя Иоанна любезнейшим сыном, Государем *Московии*, Новагорода, Пскова и других земель⁸⁷. – Между тем сей Папа умер, и слух пришел в Москву, что место его заступил Калист: Великий Князь в 1472 году, Генваря 17, отправил того же Ивана Фрязина со многими людьми в Рим, чтобы привезли оттуда Царевну Софию, и дал ему письмо к новому Папе. Но дорогою узнали Послы, что преемник Павлов называется Сикстом: они не хотели возвратиться для переписания грамоты; вычистив в ней имя Калиста, написали Сикстово, и в Мае прибыли в Рим.

Папа, Виссарион и братья Софиины приняли их с отменными почестями. 22 Мая, в торжественном собрании Кардиналов, Сикст IV объявил им о Посольстве и сватовстве Иоанна, Великого Князя *Белой России*⁸⁸. Некоторые из них сомневались в православии сего Монарха и народа его; но Папа ответствовал, что Россияне участвовали в Флорентийском Соборе и приняли Архиепископа или Митрополита от Латинской Церкви; что *они желают ныне иметь у себя Легата Римского, который мог бы исследовать на месте обряды Веры их и заблуждающимся ука-*

затянуть путь истинный; что ласкою, кротостию, снисхождением надобно обращать сынов ослепленных к нежной матери, т.е. к Церкви; что Закон^{2*} не противится бракосочетанию Царевны Софии с Иоанном.

25 Мая Послы Иоанновы были введены в Тайный Совет Папский, вручили Сиксту Великокняжескую, писанную на Русском языке грамоту с золотою печатью и поднесли в дар шестдесят соболей. В грамоте сказано было единственно так: “Сиксту, Первосвятителю Римскому, Иоанн, Великий Князь Белой Руси, кланяется и просит верить его Послам”. Именем Государя они приветствовали Папу, который в ответе своем хвалил Иоанна за то, что он как добрый Христианин, *не отвергает Собора Флорентийского*, и не принимает Митрополитов от Патриархов Константинопольских, избираемых Турками; что хочет совокупиться браком с Христианкою, воспитанною в столице Апостольской, и что *изъявляет приверженность к Главе Церкви*. В заключение Святый Отец благодарил Великого Князя за дары. – Тут находились Послы Неаполитанские, Венецианские, Медиоланские, Флорентийские и Феррарские: ^{3*}Июня 1 София в церкви Св. Петра была обручена Государю Московскому, коего лице представлял главный из его поверенных, Иван Фрязин.

Июня 12 собрались Кардиналы для дальнейших переговоров с Российскими Послами, *которые уверяли Папу о ревности их Монарха к благословенному соединению Церквей*. Сикст IV, так же как и Павел II, имея надежду изгнать Магомета из Царяграда, хотел, чтобы Государь Московский склонил Хана Золотой Орды воевать Турцию. Послы Иоанновы ответствовали, что России легко воздвигнуть Татар на Султана; что они своим несметным числом могут еще подавить Европу и Азию; что для сего нужно только послать в Орду тысяч десять золотых ефимков и богатые, особенные дары Хану, коему удобно сделать впадение в Султанские области чрез Паннонию; но что Король Венгерский едва ли согласится пропустить столь многочисленное войско чрез свою Державу; что сии вероломные наемники, в случае неисправного платежа, бывают злейшими врагами того, кто их нанял; что победа Та-

тар оказалась бы равно бедственной и для Турков и для Христиан. Одним словом, Послы Московские старались доказать, что неблагоприятно искать помощи в Орде, и Папа удовольствовался надеждою на собственные силы Иоанна, единоверца Греков и естественного неприятеля их утеснителей⁸⁹.

Так говорят церковные летописи Римские о Посольстве Московском. Действительно ли Великий Князь манил Папу обещаниями принять устав Флорентийского Собора, или Иван Фрязин клеветал на Государя, употребляя во зло его доверенность? или Католики, обманывая самих себя, не то слышали и писали, что говорил Посол наш? сие остается неясным. — Папа дал Софии богатое вено и послал с нею в Россию Легата, именем Антония, провождаемого многими Римлянами; а Царевичи Андрей и Мануил отправили Послом к Иоанну Грека Димитрия. Невеста имела свой особенный Двор, чиновников и слугителей: к ним присоединились и другие Греки, которые надеялись обрести в единоверной Москве второе для себя отечество. Папа взял нужные меры для безопасности Софии на пути, и велел, чтобы во всех городах встречали Царевну с надлежащею честью, давали ей съестные припасы, лошадей, проводников, в Италии и в Германии, до самых областей Московских. 24 Июня она выехала из Рима, Сентября 1 прибыла в Любек, откуда 10 числа отправилась на лучшем корабле в Ревель; 21 Сентября вышла там на берег и жила десять дней, пышно угощаемая на иждивение Ордена. Гонец Ивана Фрязина спешил из Ревеля через Псков и Новгород в Москву с известием, что София благополучно переехала море. Посол Московский встретил ее в Дерпте, приветствуя именем Государя и России⁹⁰.

Между тем вся область Псковская была в движении: Правители готовили дары, запас, мед и вина для Царевны; рассылали всюду гонцев; украшали суда, лодки, и 11 Октября выехали на Чудское озеро, к устью Эмбаха, встретить Софию, которая со всеми ее многочисленными спутниками тихо подъезжала к берегу. Посадники, Бояре, вышедши из судов и налив вином кубки, ударили челом своей будущей Великой Княгине. Достигнув наконец земли Рус-

ской, где Провидение судило ей жить и царствовать; видя знаки любви, слыша усердные приветствия Россиян, она не хотела медлить ни часу на берегу Ливонском: Степенный Посадник принял ее и всех бывших с нею на суда. Два дни плыли озером; ночевали у Св. Николая в Устьях, и 13 Октября остановились в монастыре Богоматери: там Игумен с братиею, отпел за Софию молебен; она оделась в *Царские ризы*, и встреченная Псковским Духовенством у городских ворот, пошла в Соборную церковь, где народ с любопытством смотрел на Папского Легата, Антония, на его червленную одежду, высокую Епископскую шапку, перчатки, и на серебряное, литое распятие, которое несли перед ним. К соблазну наших Христиан правоверных, сей Легат, вступив в церковь, не поклонился святым иконам; но София велела ему приложиться к образу Богоматери, заметив общее негодование. Тем более народ пленился Царевною, которая с живейшим усердием молилась Богу, наблюдая все обряды Греческого Закона. Из церкви повели ее в Великокняжеский дворец. По тогдашнему обыкновению гостеприимство изъяснялось дарами: Бояре и купцы поднесли Софии пятьдесят рублей деньгами, а Ивану Фрязину десять рублей. Признательная к усердию Псковитян, она чрез пять дней выезжая оттуда, сказала им с ласкою: “Спешу к моему и вашему Государю; благодарю чиновников, Бояр и весь Великий Псков за угощение, и рада при всяком случае ходатайствовать в Москве по делам вашим”. – В Новгороде была ей такая же встреча от Архиепископа, Посадников, Тысячских, Бояр и купцев; но Царевна спешила в Москву, где Иоанн ожидал ее с нетерпением⁹¹.

Уже София находилась в пятнадцати верстах от столицы, когда Великий Князь призвал Бояр на совет, чтобы решить свое недоумение. Легат Папский, желая иметь более важности в глазах Россиян, во всю дорогу ехал с Латинским крестом: то есть, пред ним в особенных санях везли серебряное распятие, о коем мы выше упоминали. Великий Князь не хотел^{4*} оскорбить Легата, но опасался, чтобы Москвитяне, увидев сей торжественный обряд иноверия, не соблазнились, и желал^{5*} знать мнение Бояр. Не-

которые думали, согласно с нашим Послом, Иваном Фрязином, что не должно запрещать того из уважения к Папе; другие, что доселе в земле Русской не оказывалось почестей Латинской Вере; что пример и гибель Исидора еще в свежей памяти. Иоанн отнесся к Митрополиту Филиппу, и сей старец с жаром отвечивал: “Буде ты позволишь в благоверной Москве нести крест перед Латинским Епископом, то он внидет в единые врата, а я, отец твой, изыду другими вон из града. Читить Веру чуждую есть унижить собственную”. Великий Князь немедленно послал Боярина, Феодора Давидовича, взять крест у Легата и спрятать в сани. Легат повиновался, хотя и с неудовольствием: тем более спорил Иван Фрязин, осуждая Митрополита. “В Италии (говорил он) честили Послов Великокняжеских: следственно в Москве надобно честить Папского”. Сей Фрязин, будучи в Риме, таил перемену Веры своей, сказывался Католиком, и в самом деле, приняв Греческий Закон в России только для мирских выгод, внутренне исповедовал Латинский, считая нас суеверами. Но Боярин Феодор Давидович исполнил повеление Государя.

Царевна въехала в Москву 12 Ноября, рано по утру, при стечении любопытного народа. Митрополит встретил ее в церкви: приняв его благословение, она пошла к матери Иоанновой, где увиделась с женихом. Тут совершилось обручение: после чего слушали обедню в деревянной Соборной церкви Успения (ибо старая каменная была разрушена, а новая недостроена). Митрополит служил со всем знатнейшим Духовенством и великолепием Греческих обрядов; наконец обвенчал Иоанна с Софиею, в присутствии его матери, сына, братьев, множества Князей и Бояр, Легата Антония, Греков и Римлян⁹². На другой день Легат и Посол Софийных братьев, торжественно представленные Великому Князю, вручили ему письма и дары.

(Заключение Ивана Фрязина и Тревизана, Посла Венецианского). В то время, когда Двор и народ в Москве праздновали свадьбу Государя, главный пособник сего счастливого брака, Иван Фрязин, вместо чаемой награды заслужил оковы. Возвращаясь в первый раз из Рима чрез Венецию и называясь великим Боярином Московским, он

был обласкан Дожем, Николаем Троне, который, узнав от него о тесных связях Россиян с Моголами Золотой Орды, вздумал отправить туда Посла чрез Москву, чтобы склонить Хана к нападению на Турцию. Сей Посол, именем Иван Батист Тревизан, действительно приехал в нашу столицу с грамотою от Дожа к Великому Князю и с просьбою, чтобы он велел проводить его к Хану Ахмату; но Иван Фрязин уговорил Тревизана не отдавать Государю ни письма, ни обыкновенных даров; обещал и без того доставить ему все нужное для путешествия в Орду, и пришедши с ним к Великому Князю, назвал сего Посла купцем Венецианским, своим племянником. Ложь их открылась прибытием Софии: Легат Папский и другие из ее спутников, зная лично Тревизана – зная также, с чем он послан в Москву – сказали о том Государю. Иоанн, взыскательный, строгий до суровости, в гневе своем за дерзкий обман велел Фрязина оковать цепями, сослать в Коломну, дом разорить, жену и детей взять под стражу, а Тревизана казнить смертию. Едва Легат Папский и Греки могли спасти жизнь сего последнего усердным за него ходатайством, умолив Государя, чтобы он прежде обослался с Сенатом и Дожем Венецианским⁹³.

Ласкаемый в Москве, Посол Римский, согласно с данным ему от Папы наставлением, домогался, чтобы Россия приняла устав Флорентийского Собора. Может быть, Иоанн, во время сватовства искав благосклонности Папы, давал сию надежду словами двусмысленными; но будучи уже супругом Софии, не хотел о том слышать. (Прение Легата Папского о Вере). Летописец говорит, что Легат Антоний имел прения с нашим Митрополитом Филиппом, но без малейшего успеха; что Митрополит, опираясь на особенную мудрость какого-то Никиты, Московского книжника⁹⁴, ясно доказал истину Греческого Исповедания, и что Антоний, не находя сильных возражений, сам прекратил спор, сказав: “нет книг со мною”. (Г. 1473. Генв. 26). – Пробыв одиннадцать недель в Москве, Легат и Посол Софийных братьев отправились назад в Италию с богатыми дарами для Папы и Царевичей от Великого Князя, сына его и Софии, которая, по известию Немецких Историков, обе-

щав Сиксту IV наблюдать внушенные ей правила Западной Церкви, обманула его и сделалась в Москве ревностною Христианкою Веры Греческой⁹⁵.

⟨Следствия Иоаннова брака для России⟩. Главным действием сего брака (как мы уже заметили) было то, что Россия стала известнее в Европе, которая чтит в Софии племя древних Императоров Византийских, и, так сказать, провождала ее^{6*} глазами до пределов нашего отечества; начались государственные сношения, пересылки; увидели Москвитян дома и в чужих землях; говорили об их странных обычаях, но угадывали и могущество. Сверх того многие Греки, приехавшие к нам с Царевною, сделались полезны в России своими знаниями в художествах и в языках, особенно в Латинском, необходимом тогда для внешних дел государственных; обогатили спасенными от Турецкого варварства книгами Московские церковные библиотеки и способствовали велелепию нашего Двора сообщением ему пышных обрядов Византийского, так, что с сего времени столица Иоаннова могла действительно именоваться новым Царемградом, подобно древнему Киеву. Следственно падение Греции, содействовав возрождению Наук в Италии, имело счастливое влияние и на Россию. — ⟨Выезжие Греки⟩. Некоторые знатные Греки выехали к нам, после из самого Константинополя: на пример, в 1485 году, Иоанн Палеолог Рало⁹⁶, с женою и с детьми, а в 1495 Боярин Федор Ласкир с сыном Димитрием. ⟨Братья Софиины⟩. София звала к себе и братьев; но Мануил предпочел Двор Магомета II, уехал в Царьград, и там, осыпанный благодеяниями Султана, провел остаток жизни в изобилии: Андрей же, совокупившись браком с одною распутною Гречанкою, два раза (в 1480 и 1490 году) приезжал в Москву и выдал дочь свою, Марию, за Князя Василия Михайловича Верейского; однако ж возвратился в Рим (где лежат кости его подле отцевских в храме Св. Петра). ⟨Новый герб России⟩. Кажется что он был не доволен Великим Князем: ибо в духовном завещании отказал свои права на Восточную Империю не ему, а иноверным Государям Кастилии, Фердинанду и Елисавете⁹⁷, хотя Иоанн, по свойству с Царями Греческими, принял и герб их, орла двуглавого, со-

единив его на своей печати с Московским: то есть, на одной стороне изображался орел, а на другой всадник попирающий дракона, с надписью: *“Великий Князь, Божию милостию Господарь всея Руси”*⁹⁸.

(Посольства в Венецию). В след за Легатом Римским Великий Князь послал в Венецию Антона Фрязина с жалобой на Тревизана⁹⁹, велел сказать Дожу: “кто шлет Посла чрез мою землю тайно, обманом, не испросив дозволения, тот нарушает уставы чести”. Дожд и Сенат, услышав, что бедный Тревизан сидит в Москве под стражею окованный цепями, прибегнули к ласковым убеждениям, прося, чтобы Великий Князь освободил его для общего блага Христиан и отправил к Хану, снабдив всем нужным для сего путешествия, из дружбы к Республике, которая с благодарностию заплатит сей долг. Иоанн умилостивился¹⁰⁰, освободил Тревизана, дал ему семдесят рублей, и вместе с ним послав в Орду Дьяка своего возбуждать Хана против Магомета II, уведомил о том Венецианского Дожа. Сие новое Посольство в Италию особенно любопытно тем, что главою оно-го был уже не иноземец, но Россиянин, именем Семен Толбузин, который взял с собою Антона Фрязина в качестве переводчика, и сверх государственного дела имел поручение вывезти оттуда искусного зодчего.

Здесь в первый раз видим Иоанна пекущегося о введении художеств в Россию: ознаменованный величием духа, истинно Царским, он хотел не только ее свободы, могущества, внутреннего благоустройства, но и внешнего велелепия, которое сильно действует на воображение людей, и принадлежит к успехам их гражданского состояния. Владимир Святый и Ярослав Великий украсили древний Киев памятниками Византийских Искусств; Андрей Боголюбский призывал оные и на берега Клязьмы, где Владимирская церковь Богоматери еще служила предметом удивления для северных Россиян; но Москва, возникшая в веки слез и бедствий, не могла еще похвалиться ни одним, истинно величественным зданием. Соборный храм Успения, основанный Св. Митрополитом Петром, уже несколько лет грозил падением, и Митрополит Филипп желал воздвигнуть новый по образцу Владимирского. Долго готовились; вы-

звали отовсюду строителей; заложили церковь с торжественными обрядами, с колокольным звоном, в присутствии всего Двора; перенесли в оную из старой гробы Князя Георгия Даниловича и всех Митрополитов (сам Государь, сын его, братья, знатнейшие люди несли мощи Св. Чудотворца Петра, особенного покровителя Москвы). Сей храм еще не был достроен, когда Филипп Митрополит, скоро после Иоаннова бракосочетания, преставился, испуганный пожаром, который обратил в пепел его Кремлевский дом: обливаясь слезами над гробом Св. Петра, и с любовью утешаемый Великим Князем, Филипп почувствовал слабость в руке от паралича; велел отвезти себя в монастырь Богоявленский, и жил только один день, до последней минуты говорив Иоанну о совершении новой церкви¹⁰¹. Преемник его Геронтий (бывший Коломенский Епископ, избранный в Митрополиты Собором наших Святителей) также ревностно пекся об ее строении; но едва складенная до сводов, она с ужасным треском упала, к великому огорчению Государя и народа¹⁰². Видя необходимость иметь лучших художников, чтобы воздвигнуть храм достойный быть первым в Российской Державе, Иоанн послал во Псков за тамошними каменщиками, учениками Немцев, и велел Толбузину, чего бы то ни стоило, сыскать в Италии Архитектора опытного для сооружения Успенской Кафедральной церкви. Вероятно даже, что сие дело было главною виною его Посольства. Уже Италия, пробужденная зарею Наук, умела ценить памятники древней Римской, изящной Архитектуры, презирая Готическую, столь несоразмерную, неправильную, тяжелую, и Арабскую, расточительную в мелочных украшениях. Образовался новый, лучший вкус в зданиях, хотя еще и несовершенный, но Италиянские Архитекторы уже могли назваться превосходнейшими в Европе.

⟨Зодчий Аристотель строит в Москве храм Успения⟩. Принятый в Венеции благосклонно от нового Дожа, Марчелла, и взяв с Республики семь сот рублей за все, чем снабдили Тревизана в Москве из казны Великокняжеской, Толбузин нашел там зодчего, Болонского уроженца, именем Фиоравенти-Аристотеля, которого Магомет II

звал тогда в Царьград для строения Султанских палат, но который захотел лучше ехать в Россию, с условием, чтобы ему давали ежемесячно по десяти рублей жалованья, или около двух фунтов серебра. Он уже славился своим искусством, ^{7*}построив в Венеции большую церковь и ворота, отменно красивые, ^{7*}так, что Правительство с трудом отпустило его, в угождение Государю Московскому. Прибыв в столицу нашу, сей художник осмотрел развалины новой Кремлевской церкви: хвалил гладкость работы, но сказал, что известь наша не имеет достаточной вязкости, а камень не тверд, и что лучше делать своды из плиты. Он ездил в Владимир, видел там древнюю Соборную церковь, и дивился в ней произведению великого искусства; дал меру кирпича; указал, как надобно обжигать его, как растворять известь; нашел лучшую глину за Андроньевым монастырем; махиною, неизвестною тогдашним Москвитянам и называемую *бараном*, разрушил до основания стены Кремлевской церкви, которые уцелели в ее падении; выкопал новые рвы, и наконец заложил великолепный храм Успения, донныне стоящий пред нами, как знаменитый памятник Греко-Италийской Архитектуры XV века, чудесный для современников, достойный хвалы и самых новейших знатоков Искусства, своим твердым основанием, расположением, соразмерностию, величием¹⁰³. Построенная в четыре года, сия церковь была освящена в 1479 году, Августа 12, Митрополитом Геронтием с Епископами.

(Строение других церквей, палат и стен Кремлевских). Чтобы представить Читателям в одном месте все сделанное Иоанном для украшения столицы, опишем здесь и другие здания его времени. Довольный столь счастливым опытом Аристотелева искусства, он разными Посольствами старался призывать к себе художников из Италии¹⁰⁴: создал новую церковь Благовещения на своем дворе, а за нею – на площади, где стоял терем – огромную палату, основанную Марком Фрязином в 1487 году и совершенную им в 1491 с помощью другого Италиянского Архитектора, Петра Антония¹⁰⁵. Она долженствовала быть местом торжественных собраний Двора, особенно в случае Посольств иноземных, когда Государь хотел являться в величии и

блеске, следуя обычаю Монархов Византийских. Сия палата есть так называемая *Грановитая*, которая в течение трех-сот двадцати лет сохранила всю целость и красоту свою: там видим и ныне трон Венценосцев Российских, с коего они в первые дни их царствования изливают милости на Вельмож и народ. – Дотоле Великие Князья обитали в деревянных зданиях: Иоанн (в 1492 году) велел разобрать ветхий дворец и поставить новый на Ярославском месте, за церковию Архангела Михаила; но не долго жил в оном: сильный пожар (в 1493 году) обратил весь город в пепел, от Св. Николая на песках до поля за Москвою рекою и за Сретинскою улицею: Арбат, Неглинную, Кремль, где сгорели дворы Великого Князя и Митрополитов со всеми житницами на Подоле, обрушилась церковь Иоанна Предтечи у Боровицких ворот (под кою хранилась казна Великой Княгини Софии), и вообще не осталось ни одного целого здания, кроме новой палаты и Соборов (в Успенском обгорел алтарь, крытый Немецким железом). Государь переехал в какой-то большой дом на Язу, к церкви Св. Николая Подкопаева, и решился соорудить дворец каменный, заложенный в Мае 1499 года Медиоланским Архитектором Алевизом, на старом месте, у Благовещения; глубокие погребы и ледники служили основанием сего великолепного здания, совершенного через девять лет и ныне именуемого *дворцом теремным*. Между тем Иоанн жил на своем Кремлевском дворе в деревянных хоромах, а иногда на Воронцове поле. Угождая Государю, знатные люди также начали строить себе каменные дома: в летописях упоминается о палатах Митрополита, Василия Федоровича Образца и Головы Московского, Дмитрия Владимировича Ховрина¹⁰⁶.

Величественные Кремлевские стены и башни равномерно воздвигнуты Иоанном: ибо древнейшие, сделанные в княжение Димитрия Донского, разрушились, и столица наша уже не имела каменной ограды. Антон Фрязин в 1385* году, Июля 19, заложил на Москве реке стрельницу, а в 1488 другую, Свибловскую, с тайниками или подземельным ходом; Италиянец Марко построил Беклемишевскую; Петр Антоний Фрязин две над Боровицкими и Кон-

стантино-Еленскими воротами, и третью Фроловскую; башня над речкою Неглинною совершена в 1492 году неизвестным Архитектором. Окружили всю крепость высокою, твердою, широкою стеною, и Великий Князь приказал сломать вокруг не только все дворы, но и церкви, уставив, чтобы между ею и городским строением было не менее ста-девяти сажений¹⁰⁷. Таким образом Иоанн украсил, укрепил Москву, оставив Кремль долговечным памятником, своего царствования, едва ли не превосходнейшим в сравнении со всеми иными Европейскими зданиями пятого-надесять века. – Последним делом Итальянского зодчества при сем Государе было основание нового Архангельского Собора, куда перенесли гробы древних Князей Московских из ветхой церкви Св. Михаила, построенной Иоанном Калитою, и тогда разобранной¹⁰⁸. – (Льют пушки, чеканят монету). Кроме зодчих, Великий Князь выписывал из Италии мастеров пушечных и серебреников. Фрязин, Павел Дебосис, в 1488 году слил в Москве огромную Царь-пушку¹⁰⁹. В 1494 году выехал в нам из Медиолана другой художник огнестрельного дела, именован Петр, Итальянские серебреники начали искусно чеканить Русскую монету, вырезывая на оной свое имя: так на многих деньгах Иоанна Василиевича видим надпись: Aristoteles¹¹⁰: ибо сей знаменитый Архитектор славился и монетным художеством (сверх того лил пушки и колокола). – Одним словом, Иоанн, чувствуя превосходство других Европейцев в гражданских искусствах, ревностно желал заимствовать от них все полезное, кроме обычаев, усердно держась Русских; оставлял Вере и Духовенству образовать ум и нравственность людей; не думал в философическом смысле просвещать народа, но хотел доставить ему плоды Наук, нужнейшие для величия России. – Теперь обратимся к государственными происшествиям.

(Г. 1472–1474. Дела с Ливониею). Запад России, Немцы и Литва были предметом Иоаннова внимания. Князь Феодор Юрьевич Шуйский, несколько лет властвовав во Пскове как Государев Наместник, и сведав, что тамошние граждане, не любя его, послали к Великому Князю требовать себе иного Правителя, уехал в Москву. Псковитяне

желали вторично иметь своим Князем Ивана Стригу, или Бабича, или Стригина брата, Князя Ярослава: Государь дал им последнего, сказав, что первые нужны ему самому для ратного дела¹¹¹. В то же время Псковитяне известили Иоанна о неприятельском расположении Ливонского Ордена. Еще не минул срок перемирия, заключенного ими с Магистром в 1463 году на девять лет, когда Немцы, подведенные Русскими лазутчиками, сожгли несколько деревень на берегах Синего озера¹¹²: Псковитяне, казнив своих изменников, удовлетворялись жалобами на вероломство Ордена. В 1471 году Магистр^{9*} прислал брата своего сказать им, что он намерен переселиться из Риги в Феллин, и желает соблюсти дружбу с ними, требуя, чтобы они не вступались в землю и воды за Красным городком. Псковитяне ответствовали, что Магистр волен жить, где ему угодно; что мир с их стороны не будет нарушен, но что упомянутые места издревле суть достояние Великих Князей¹¹³. Условились решить спор на общем съезде, и назначили время. Уже Иоанн, замышляя быть истинным Государем всей России, не считал дел Псковских или Новгородских как бы чуждыми для Москвы: он послал своего Боярина выслушать требования Ордена; но переговоры, бывшие в Нарве и в Новгороде, не имели успеха: Немецкие Послы уехали назад с досадою, и Великий Князь, исполняя желание Псковитян, отправил к ним войско, составленное из городских полков и детей Боярских, коими предводительствовал славный муж, Князь Даниил Холмский, имея под своим начальством более двадцати Князей. Чиновники Псковские, встретив сию знатную рать с хлебом и с медом, удивились ее многочисленности, так, что она едва могла поместиться в городе, за рекою Великою. Холмский нетерпеливо желал вступить в Ливонию: к несчастью, сделалась оттепель в Декабре месяце; реки вскрылись; не было ни зимнего, ни летнего пути; воины скучали праздностию, а граждане убытком, ибо должны были безденежно кормить и людей и коней. С Москвитянами пришло несколько сот Татар: сии наемники силою отнимали у жителей скот и разные запасы, пока Холмский строгостию не унял их, опре-

делив, что город обязан ежедневно давать на содержание полков.

Но сей убыток был вознагражден счастливыми следствиями. Слух о прибытии Московской рати столь испугал Магистра и Епископа Дерптского, что они немедленно прислали своих чиновников для возобновления мира¹¹⁴: первый на двадцать пять, а второй на тридцать лет, с условием, чтобы Немцам не вступаться в земли Псковитян, давать везде свободный путь их купцам и не пропускать в Россию из Ливонии ни меда, ни пива. В сем договоре участвовали и Новгородцы, коих войско также готовилось действовать против Ордена вместе с Великокняжеским. Так Иоанн вводил единство в систему внешней Политики Российской, к крайнему беспокойству наших западных соседей, видевших, что Новгород, Псков и Москва делаются одною Державою, управляемою Государем благоразумным, миролюбивым, но решительным^{10*} в намерениях и сильным в исполнении. Получив известие, что Магистр^{9*} и Правительство Дерптское клятвою утвердили мирные условия, Князь Холмский возвратился в Москву с честью и с даром двух сот рублей от признательных Псковитян, которые особенною грамотою, отправленною с гонцем, изъявили благодарность Иоанну за его милостивое вспоможение.

Но Великий Князь не был доволен ни ими, ни Холмским: ими за то, что они дерзнули, вместо знатных людей, прислать к нему гонца; а Князь Холмский заслужил гнев Иоаннов какою-то виною, вероятно не умышленною: ибо сей Государь, строгий по нраву и правилам, скоро простил ему оную, взяв с него *клятвенную грамоту* следующего содержания: “Я Князь Данило Дмитриевич Холмский бил челом Государю за мою вину посредством Господина Геронтия Митрополита и Епископов: во уважение чего он простил меня, слугу своего; а мне Князю Данилу быть ему верным до конца жизни и не искать службы в иных землях. Когда же преступлю клятву, да лишуся милости Божией и благословения Пастырского в сей век и в будущий: Государь же и дети его вольны казнить меня”¹¹⁵ и проч. Сверх того Вельможи дали восемь *поручных грамот* за Холм-

ского, обязываясь, в случае его измены, внести в казну две тысячи рублей. Иоанн же, в знак искреннего прощения, пожаловал Князя Даниила Боярином¹¹⁶.

Псковитяне, услышав о гневе Государя, немедленно отправили к нему Князя Ярослава Васильевича с тремя Посадниками и многими Боярами: Иоанн не пустил их к себе на глаза, даже в город, так, что они, простояв пять дней в шатрах на поле, должны были ехать обратно; наконец, смягченный их скорбью и новым торжественным Посольством, сей хитрый Государь принял от них в дар сто пятьдесят рублей и милостиво объявил, что будет править своею Псковскою отчиною согласно с древними грамотами Великих Князей¹¹⁷: то есть, он хотел, наблюдая во всем достоинство Монарха, приучить и Вельмож и граждан к благоговению пред его священным саном, и грозя внешним неприятелям, умножал внутреннюю силу России строгим действием Самодержавной власти.

⟨Дела с Литвою⟩. Доселе Иоанн не имел никаких известных дел, ни сношений с Литвою, сильным ударом меча исхитив из ее рук Новгород, и до времени оставляя Казимира тщетно злобиться на Россию. Одни Псковитяне пересылались с сим Королем, желая дружелюбно утвердить границы между его и своими владениями. С обеих сторон честили и дарили Послов, съезжались сановники на рубеже и не могли согласиться в прениях. Сам Казимир был в Полоцке, обещался собственными глазами осмотреть все спорные места, но не сдержал слова¹¹⁸. Лаская Псковитян, он давал им чувствовать, что признает их народом вольным, независимым от Москвы, и готов всегда жить в дружбе с ними. Осенью в 1473 году открылись неприятельские действия между Москвитянами и Литвою. Первые, ограбив город Любутск, ушли назад с добычею и с пленниками; а Любчане напали на Князя Симеона Одоевского, Российского подданного, убили его в сражении, но не могли ничего завоевать в наших пределах. Вероятно, что сей случай заставил Казимира отправить в Москву Посла, именем Богдана, или с жалобами, или с дружественными предложениями, на которые Иоанн отвечал ему чрез своего Посла, Василия Китая¹¹⁹: следствием бы-

ло то, что сии Государи остались только внутренно неприятелями, не объявляя войны друг другу.

Хитрая Политика Иоаннова еще яснее видна в делах Ординских сего времени. Царь Казанский жил тогда спокойно и не тревожил России, однако ж был опасным для нас соседом: чтобы иметь в руках своих орудие против Казани, Великий Князь подговорил одного из ее Царевичей, Муртозу, сына Мустафы, к себе в службу и дал ему Новгородок Рязанский с волостями¹²⁰.

(Дела с Крымом). Хан Таврический или Крымский, знаменитый Ази-Гирей, умер около 1467 года, оставив шесть сыновей: Нордоулата, Айдара, Усмеря, Менгли-Гирея, Ямгурчя и Милкомана¹²¹, из коих старший, Нордоулат, заступил место отца, но сверженный братом, Менгли-Гиреем, искал убежища в Польше. Сие обстоятельство и союз Казимиров с неприятелем Таврической Орды, Ханом Волжским, Ахматом, возбудив в Менгли-Гирее недоверие к Королю Польскому, дали мысль прозорливому Иоанну искать дружбы нового Царя Крымского, посредством одного богатого Жида¹²², именем, Хози Кокоса, жившего в Кафе, где купцы наши часто бывали для торговли с Генуэзцами. Зная по слуху новое могущество России и личные достоинства Государя ее, Менгли-Гирей столь обрадовался предложению Иоаннову, что немедленно написал к нему ласковую грамоту, привезенную в Москву Исупом, шурином Хози Кокоса¹²³. Так началась дружеская связь между сими двумя Государями, непрерывная до конца их жизни, выгодная для обоих, и еще полезнейшая для нас: ибо она, ускорив гибель Большой или Золотой Орды, и развлекая силы Польши, явно способствовала величию России.

Иоанн послал в Крым толмача своего Иванчу, желая заключить с Ханом торжественный союз; а Менгли-Гирей в 1473 году прислал в Москву чиновника Ази-Бабу, который именем его клятвенно утвердил предварительный мирный договор между Крымом и Россиюю, состоящий в том, чтобы Царю Менгли-Гирею, Уланам и Князьям его быть с Иоанном в братской дружбе и любви, против недругов стоять за-одно, не воевать Государства Московско-

го, разбойников же и хищников казнить, пленных выдавать без окупа, все насилеи отнятое возвращать сполна, и с обеих сторон ездить Послам свободно без платежа купеческих пошлин. – Вместе с Ази-Бабою отправился в Крым Послом Боярин Никита Беклемишев, коему, сверх упомянутого мирного договора, даны были еще прибавления: первое в таких словах: “ты, Великий Князь, обязан слать ко мне Царю *поминки* или дары ежегодные”. Государь велел Беклемишеву согласиться на сие единственно в случае неотступного Ханского требования. Во втором прибавлении Иоанн обещался действовать с Менгли-Гирем совокупно против Хана Золотой Орды, Ахмата, если он (Менгли-Гирей) сам будет помогать России против Короля Польского. – Никита Беклемишев должен был утвердиться в приязни ближних Князей Царевых, одарить их соболями, заехать в Кафу, изъявить благодарность Хозе Кокосу за оказанную им услугу в сношениях с Крымским Царем, и требовать от тамошнего Консула, чтобы Генуэзцы выдали Российским купцам отнятые у них товары на две тысячи рублей, и впредь не делали подобного насилия, вредного для успехов взаимной торговли.

(Ноября 15). Беклемишев возвратился в Москву с Крымским Послом, Довлетеком Мурзою, и с клятвенною Ханскою грамотою¹²⁴, на коей Иоанн, в присутствии сего Мурзы, целовал крест в уверение, что будет точно исполнять все условия союза. (Г. 1475. Март). Довлетек жил в Москве четыре месяца и поехал назад в Тавриду с Великокняжеским чиновником, Алексеем Ивановым Старковым, коего наказ состоял в следующем: “*Сказать Хану: Князь Великий Иоанн челом бьет. Ты пожаловал меня себе братом и другом, чтобы нам иметь общих приятелей и врагов: благодарствую за твое жалованье. – Ты хочешь, чтобы я принял к себе Зенебека Царевича: в минувшее лето он просился в мою службу; но я отказал ему, считая его твоим недругом: ныне послал за ним в Орду, чтобы сделать тебе угодное. – Мы взаимно обязались крепким словом любви по нашей Вере: не преступай клятвы; я исполню свою*”. Но в сем заключенном между Россиею и Крымом договоре не упоминалось именно ни об Ахмате, ни о Казимире: Иоанн

не обязывался воевать с первым, ибо Менгли-Гирей не дал клятвы действовать вместе с Россиею против последнего. Старков долженствовал объявить Хану, что одно не может быть без другого. Сверх того ему велено было жаловаться на Кафинских Генуэзцев, ограбивших какого-то Российского Посла и наших купцев: в случае неудовлетворения Иоанн грозил силою управиться с сими разбойниками. – Наконец Посол Московский имел приказание вручить дары Манкупскому Князю *Исайку* (из благодарности за дружелюбное принятие Никиты Беклемишева) и разведать чрез Хозю Кокоса, сколько тысяч золотых готовит сей Владелец в приданое за своею дочерью, которую он предлагал в невесты сыну Великого Князя, Иоанну Иоанновичу¹²⁵. Известно, что Манкуп (ныне местечко в Тавриде, на высокой, неприступной горе), был прежде знаменитою крепостию и назывался *городом Готфским*: ибо там с третьего века обитали Готфы Тетракситы¹²⁶, Христиане Греческой Веры, данники Козаров, Половцев, Моголов, Генуэзцев, но управляемые собственными Властителями, из коих последний был сей Исайко, приятель Иоаннов по единоверию.

Старков не мог исполнить данных ему повелений: ибо все переменялось в Тавриде. Брат Ханский Айдар, собрав многочисленную толпу преданных ему людей, изгнал неосторожного Менгли-Гирея, бежавшего в Кафу к Генуэзцам. Скоро явился на Черном море сильный Турецкий флот под начальством Визиря Магометова, Ахмета Паши; сей искусный Вождь, пристав к берегам Тавриды, в шесть дней овладел Кафою, где в первый раз кровь Русская пролилася от меча Оттоманов: там находилось множество наших купцев; некоторые из них лишились жизни, другие имения и вольности¹²⁷. Генуэзцы ушли в Манкуп, как в неприступное место; но Визирь осадил и сию крепость. Пишут, что ее начальник, выехав на охоту, был взят в плен Турками, и что осажденные, потеряв бодрость, искали спасения в бегстве, гонимые, убиваемые неприятелем. Истребив до основания Державу Генуэзскую в Тавриде, более двух веков существовавшую, и покорив весь Крым Султану, Ахмет Паша возвратился в Константинополь с великим богатством и с пленниками, в числе коих был и Менгли-Гирей с двумя

братьями¹²⁸. Султан обласкал сего Хана, назвал законным Властителем Крыма, и велел изобразить его имя на монете, отправил господствовать над сим полуостровом в качестве своего присяжника. — (Г. 1476). Но Менгли-Гирей, еще не успев восстановить в Тавриде порядка, разрушенного Турецким завоеванием, был вторично изгнан оттуда Ахматом, Царем Золотой Орды, которого сын, предводительствуя сильным войском, овладел всеми городами Крымскими¹²⁹.

Иоанн, огорченный новым бедствием Менгли-Гирея, в то же время сведал, что Ахмат, добровольно или принужденно, уступил Тавриду Царевичу Зенебеку, который прежде искал службы в России. (Г. 1477). Зенебек, став Ханом Крымским, не ослепился своим временным счастьем, предвидел опасности и прислал в Москву чиновника, именем Яфара Бердея, узнать, может ли он, в случае изгнания, найти у нас безопасное убежище. Великий Князь отвечал ему чрез гонца¹³⁰: “Еще не имея ни силы, ни власти, и будучи единственно *Козаком*, ты спрашивал у меня, найдешь ли отдохновение в земле моей, если конь твой утрудится в поле? Я обещал тебе безопасность и спокойствие. Ныне радуюсь твоему благополучию; но если обстоятельства переменятся, то считай мою землю верным для себя пристанищем”. Сей гонец должен был изъясниться с Зенебеком наедине и предложить ему возобновление союза, заключенного между Россиею и Менгли-Гиреем.

(Дела с Большою Ордою). В сем сношении не было слова о Царе Большой Орды, Ахмате, который, не смотря на свое неудачное покушение смирить Иоанна оружием, еще именовался нашим верховным Властителем и требовал дани. Пишут, что Великая Княгиня София, жена хитрая, честолюбивая, не преставала возбуждать супруга к свержению ига, говоря ему ежедневно: “долго ли быть мне рабынею Ханскою?” В Кремле находился особенный для Татар дом, где жили Послы, чиновники и купцы их, наблюдая за всеми поступками Великих Князей, чтобы извещать о том Хана: София не хотела терпеть столь опасных лазутчиков; послала дары жене Ахматовой и писала к ней, что она, имев какое-то видение, желает создать храм на Ординском подворье (где ныне церковь Николы Гостун-

ского): просит его себе, и дает вместо одного другое. Царица согласилась: дом разломали, и Татары, выехав из него, остались без пристанища: их уже не впускали в Кремль. Пишут еще, что София убедила Иоанна не встречать Послов Ординских, которые обыкновенно привозили с собою *басму*, образ или *болван* Хана; что древние Князья Московские всегда выходили пешие из города, кланялись им, подносили кубок с молоком кобыльим, и для слушания Царских грамот, подстилая мех соболий под ноги чтецу, преклоняли колена. На месте, где бывала сия встреча, создали в Иоанново время церковь, именуемую доньне Спасом на *Болвановке*¹³¹. – Однако ж, в надежде скоро видеть гибель Орды, как необходимое следствие внутренних ее междоусобий, Великий Князь уклонялся от войны с Ахматом, и манил его обещаниями; платил ему, кажется, и некоторую дань: ибо в грамотах, тогда писанных, все еще упоминается о *выходе Ординском*¹³². В 1474 году был в Улусах наш Посол Никифор Басенков, а в Москве Ханский, именем Карачук: с последним находилось 600 служителей и 3200 торговых людей, которые привели 40 000 Азиатских лошадей для продажи в России¹³³. В 1475 году Дьяк Иоаннов, Лазарев, возвратился из Большой Орды с известием, что Хан отпустил Венецианского Посла, Тревизана, в Италию морем, ^{11*}–не изъявив желанья–^{11*} воевать с Турками¹³⁴. Изгнав Менгли-Гирея из Крыма, Ахмат, ободренный сим успехом, ^{12*}–велел гордо сказать Иоанну чрез Мурзу,–^{12*} именем Бочюка, чтобы он вспомнил древнюю обязанность Российских Князей, и немедленно сам ехал в Орду поклониться Царю своему¹³⁵: Великий Князь дружелюбно угостил Бочюка, послал с ним в Улусы Тимофея Бестужева, вероятно и дары, но не думал исполнить требования^{13*} Ахматова.

(Дела с Персиею). В сие время мы имели сношение и с Персиею, где царствовал славный Узун-Гассан, Князь племени Туркоманского, овладевший ^{14*}–всеми странами–^{14*} Азии от Инда и Окса до Евфрата¹³⁶. Слыша о знаменитых успехах его оружия, деятельная Республика Венецианская отправила к нему Посла, именем Контарини, с предложением действовать общими силами против Магомета II.

Контарини ехал туда через Польшу, Киев, Кафу, Мингрелию, Грузию, и встретил в Экбатане чиновника Великокняжеского, Марка Руфа, Италиянского или Греческого уроженца, который имел переговоры с Царем Узуном. Великий Князь без сомнения искал дружбы Персидского завоевателя, с намерением угрожать ею Хану Большой Орды, Ахмату: сие тем вероятнее, что Узун-Гассан, семидесятилетний, но бодрый старец, вообще ненавидел Моголов, зависев некогда от Тамерлановых слабых наследников, и владея южными берегами Каспийского моря, был в соседстве с Ахматовыми Улусами. (Посол Венецианский, Контарини в Москве). Посол Московский отправился назад в Россию вместе с Персидским; в числе их спутников находился и Контарини: ибо – сведав, что Кафа завоевана Турками – он уже не хотел прежним путем возвратиться в Италию, и вверил судьбу свою Марку Руфу, который взял с собою его и Монаха Французского, Людовика^{15*}, называвшегося Патриархом Антиохийским и Послом Герцога Бургундского¹³⁷. Мы имеем описание их^{16*} любопытного путешествия. Они ехали из Тифлиса через *Кирополь* или Шамаху, *богатую шелком*, Дербент и Астрахань, где господствовали три брата, племянники Ахматовы. Город сей состоял из землянок, обнесенных худою стеною; а жители хвалились древнею торговою знаменитостию оною, сказывая, что ароматы, привозимые некогда в Венецию, шли от них Волгою и Доном. Тамошние купцы доставляли в Москву шелковые ткани, покупая в России меха и седла. Имя Великого Князя было особенно уважаемо в Астрахани за его щедрость и приязнь к ее Ханам, которые ежегодно отправляли к нему Посольства. Марко Руф и Контарини с величайшею осторожностью ехали по степям Донским и Воронежским, боясь хищных Татар; не видали ничего, кроме неба и земли; часто имели недостаток в воде; не находили ни верных дорог, ни мостов; сами делали плоты, где надлежало переправляться через реки, и восхвалили милость Божию, когда достигли благополучно до Рязанской области, лесной, мало населенной, но обильной хлебом, мясом, медом, и совершенно безопасной для путешественников. Выехав из Астрахани 10 Августа, они при-

были в Москву 26 Сентября в 1476 году, видев только два города на пути, Рязань и Коломну. Немедленно представленный Государю, и три раза обедав за его столом вместе со многими Боярами, Контарини хвалит величественную Иоаннову наружность, осанку, приветливость, умное любопытство. “Когда я – пишет он – говоря с ним, из почтения отступал назад, сей Монарх всегда сам приближался ко мне, с отменным вниманием слушал мои слова; весьма строго осуждал поступок нашего единомыслителя, Ивана Баптиста Тревизана, но уверял меня в своем особенном дружестве к Венецианской Республике; дозволил мне видеть и Великую Княгиню Софию, которая обошлась со мною весьма ласково, приказав, чтобы я кланялся от нее нашему Дожу и Сенату”. Контарини жил в доме Италианского зодчего, Аристотеля; но ему велено было переехать в другой. Не имея денег для пути, он ждал их с нетерпением из Венеции. Между тем Великий Князь ездил осматривать границы юго-восточных областей своих, подверженных набегам степных Татар: когда же возвратился, то немедленно приказал, из уважения к Венецианской Республике, ссудить его из казны нужною суммою денег. Сверх того Контарини получил в дар тысячу червонцев и шубу. Перед отъездом обедая во дворце, он должен был выпить серебряную стопу крепкого меда и взять ее себе в знак особенной Государевой благосклонности. Иоанн дозволил^{17*} ему не пить, сказав, что иноземцы могут не следовать русским обычаям, и прощаясь с ним (в Генваре 1477 года) весьма милостиво, желал, чтобы Республика Венецианская осталась навсегда другом Москвы. В то же время Великий Князь отпустил и Монаха Французского, Людовика, который, называя себя Патриархом Антиохийским, но исповедуя Веру Латинскую, был задержан в Москве как обманщик: ходатайство Контариниево и Марка Руфа возвратило^{18*} ему свободу. – Одним словом, Контарини, строго осуждая тогдашние нравы Россиян, их нетрезвость, грубость, любовь к праздности, говорит о личных свойствах и разуме Иоанна с великою похвалою.



Глава III

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ИОАННОВА.



Совершенное покорение Новагорода. Обзорение истории его [Новагорода] от начала до конца. Рождение Иоаннова сына, Василия-Гавриила. Посольство в Крым. Свержение ига Ханского. Ссора Великого Князя с братьями. Поход Ахмата на Россию. Красноречивое послание Архиепископа Вассиана к Великому Князю. Разорение Большой Орды и смерть Ахмата. Кончина Андрея Меньшого, брата Иоаннова. Посольство в Крым.

Г. 1475—1481.

Таким образом до Тибра, моря Адриатического, Черного и пределов Индии обнимая умом государственную систему Держав, сей Монарх готовил знаменитость внешней своей Политики утверждением внутреннего состава России. — (Совершенное покорение Новагорода). Ударил последний час Новгородской вольности! Сие важное происшествие в нашей Истории достойно описания подробного. Нет сомнения, что Иоанн воссел на престол с мыслию оправдать титул Великих Князей, которые со времен Симеона Гордого именовались Государями всея Руси; желал ввести совершенное Единовластие, истребить Уделы, отнять у Князей и граждан права несогласные с оным, но только в удобное время, пристойным образом, без явного нарушения торжественных условий, без насилия дерзкого и опасного, верно и прочно: одним словом, с наблюдением всей свойственной ему осторожности. Новгород изменял России, пристав к Литве; войско его было рассеяно, гражданство в ужасе: Великий Князь мог бы тогда покорить сию область; но мыслил, что народ, веками приученный к годам свободы, не отказался бы вдруг от ее прелестных мечтаний; что внутренние бунты и мятежи развлекли бы силы Государства Московского, нужные для внешней без-

опасности; что должно старые навыки ослаблять новыми и стеснять вольность прежде уничтожения оной, дабы граждане, уступая право за правом, ознакомились с чувством своего бессилия, слишком дорого платили за остатки свободы, и наконец, утомляемые страхом будущих утеснений, склонились предпочесть ей мирное спокойствие неограниченной Государевой власти. Иоанн простил Новгородцев, обогатив казну свою их серебром, утвердив верховную власть Княжескую в делах судных и в Политике; но, так сказать, не спускал глаз с сей народной Державы, старался умножать в ней число преданных ему людей, питал несогласие между Боярами и народом, являлся в правосудии защитником невинности, делал много добра, обещал более. Если Наместники его не удовлетворяли всем справедливым жалобам истцев,^{1*} то он винил недостаток древних законов Новгородских, хотел сам быть там,^{2*} исследовать на месте причину главных неудовольствий народных, обуздать утеснителей, и (Г. 1475^{3*}) (в 1475 году) действительно, призываемый Младшими гражданами¹³⁸, отправился к берегам Волхова, поручив Москву сыну. Сие путешествие Иоанново – без войска, с одною избранною, благородною дружиною¹³⁹ – имело вид мирного, но торжественного величия: Государь объявил, что идет утвердить спокойствие Новагорода, коего знатнейшие сановники и граждане ежедневно выезжали к нему, от реки Цны до Ильменя, на встречу с приветствиями и с дарами, с жалобами и с оправданием: Старые Посадники, Тысячские, люди Житые, Наместник и Дворецкий Великокняжеские, Игумены, чиновники Архиепископские. За 90 верст от города ожидали Иоанна Владыка Феофил, Князь Василий Васильевич Шуйский-Гребенка, Посадник и Тысячский Степенные, Архимандрит Юриева монастыря и другие первостепенные люди, коих дары состояли в бочках вина, белого и красного. Они имели честь обедать с Государем. За ними явились Старосты улиц Новгородских; после Бояре и все жители Городища, с вином, с яблоками, винными ягодами. Бесчисленные толпы народные встретили Иоанна перед Городищем, где он слушал Литургию и ночевал; а на другой день угостил обедом Владыку, Князя Шуйско-

го, Посадников, Бояр, и 23 Ноября въехал в Новгород. Там, у врат Московских, Архиепископ Феофил, исполняя Государево повеление, со всем Клиросом, с иконами, крестами и в богатом Святительском облачении принял его, благословил, и ввел в храм Софии, в коем Иоанн поклонился гробам древних Князей: Владимира Ярославича, Мстислава Храброго – и приветствуемый всем народом, изъявил ему за любовь благодарность; обедал у Феофила, веселился, говорил только слова милостивые, и взяв от хозяина в дар 3 постава Ипрских сукон¹⁴⁰, сто корабельников (Нобилей или двойных червонцев¹⁴¹), рыбий зуб и две бочки вина, возвратился в свой дворец на Городище.

За днем пиршества следовали дни суда. С утра до вечера дворец Великокняжеский не затворялся для народа. Одни желали только видеть лице сего Монарха и в знак усердия поднести ему дары; другие искали правосудия. Падение Держав народных обыкновенно предвещается наглыми злоупотреблениями силы, неисполнением законов: так было и в Новгороде. Правители не имели ни любви, ни доверенности граждан; пеклись только о собственных выгодах; торговали властью, теснили неприятелей личных, похлебствовали родным и друзьям; окружали себя толпами прислужников, чтобы их воплем заглушать на Вече жалобы утесняемых. Целые улицы, чрез своих поверенных, требовали Государевой защиты, обвиняя первейших сановников. “Они не судьи, а хищники” говорили челобитчики, и доносили, что Степенный Посадник, Василий Ананьин, с товарищами приезжал разбоем в улицу Славкову и Никитину, отнял у жителей на тысячу рублей товара, многих убил до смерти. Другие жаловались на грабеж Старост. Иоанн, еще следуя древнему обычаю Новгородскому, дал знать Вечу, чтобы оно приставило стражу к обвиняемым; велел им явиться на суд, и сам выслушав их оправдания, решил – в присутствии Архиепископа, знатнейших чиновников, Бояр – что жалобы справедливы; что вина доказана; что преступники лишаются вольности; что строгая казнь будет им возмездием, а для других примером. Обратив в ту же минуту глаза на двух Бояр Новгородских, Ивана Афанасьева и сына его, Елевферия, он

сказал гневно: “Изъидите! вы хотели предать отечество Литве”. Воины Иоанновы оковали их цепями, также Посадника Ананьина и Бояр, Федора Исакова (Марфина сына), Ивана Лошинского и Богдана. Сие действие самовластия поразило Новгородцев; но все, потупив взор, молчали.

На другой день Владыка Феофил и многие Посадники явились в Великокняжеском дворце, с видом глубокой скорби моля Иоанна, чтобы он приказал отдать заключенных Бояр на поруки, возвратив им свободу. “Нет, отвечивал Государь Феофилу: тебе, богомольцу нашему, и всему Новгороду известно, что сии люди сделали много зла отечеству, и ныне волнуют его своими кознями”. Он послал главных преступников окованных в Москву; но, из уважения к ходатайству Архиепископа и Веча, освободил некоторых, менее виновных, приказав взыскать с них денежную пеню: чем и заключился грозный суд Великокняжеский. (Г. 1476). Снова начались пиры для Государя и продолжались около шести недель. Все знатнейшие люди угощали его роскошными обедами: Архиепископ трижды, другие по одному разу, и дарили деньгами, драгоценными сосудами, шелковыми тканями, сукнами, ловчими птицами, бочками вина, рыбьими зубами,^{4*} и проч. На пример, Князь Василий Шуйский подарил три половинки сукна, три камки, тридцать корабельников, два кречета и сокола; Владыка двести корабельников, пять поставов сукна, жеребца, а на проводы бочку вина, и две меда; в другой же раз триста корабельников, золотой ковш с жемчугом (весом в фунт), два рога, окованные серебром, серебряную мису (весом в шесть фунтов), пять сороков соболей и десять поставов сукна; Василий Казимер золотой ковш (весом в фунт), сто корабельников и два кречета; Яков Короб двести корабельников, два кречета, рыбий зуб и постав рудожелтого сукна; знатная вдова, Настасья Ивановна, 30 корабельников, десять поставов сукна, два сорока соболей и два зуба. Сверх того Степенный Посадник, Фома, избранный на место сверженного Василия Ананьина, и Тысячский Есипов поднесли Великому Князю от имени всего Новагорода тысячу рублей. В день Рождества Иоанн дал у

себя обед Архиепископу и первым чиновникам, которые пировали во дворце до глубокой ночи. Еще многие знатные чиновники готовили пиршества; но Великий Князь объявил, что ему время ехать в Москву, и только принял от них назначенные для него дары. Летописец говорит, что не осталось в городе ни одного зажиточного человека, который бы не поднес чегонибудь Иоанну, и сам не был одарен милостиво, или одеждою драгоценною, или камкою, или серебряным кубком, соболями, конем и проч. – Никогда Новгородцы не язъявляли такого усердия к Великим Князьям, хотя оно происходило не от любви, но от страха: Иоанн ласкал их, как Государь может ласкать подданных, с видом милости и приветливого снисхождения.

Великий Князь, пируя, занимался и делами государственными. Правитель Швеции, Стен Стур, прислал к нему своего племянника, Орбана, с предложением возобновить мир, нарушенный впадением Россиян в Финляндию¹⁴². Иоанн угостил Орбана, принял от него в дар статного жеребца, и велел Архиепископу именем Новгорода утвердить на несколько лет перемирие с Швециею по древнему обыкновению. – Послы Псковские, вручив Иоанну дары, молили его, чтобы он не делал никаких перемен в древних уставах их отечества; а Князь Ярослав, тамошний Наместник, приехав сам в Новгород, жаловался, что Посадники и граждане не дают ему всех законных доходов. Великий Князь отправил туда Бояр, Василия Китая и Морозова, сказать Псковитянам, чтобы они в пять дней удовлетворили требованиям Наместника, или будут иметь дело с Государем раздраженным¹⁴³. Ярослав получил все желаемое. – Быв девять недель в Новгороде, Иоанн выехал оттуда со множеством серебра и золота, как сказано в летописи¹⁴⁴. Воинская дружина его стояла по монастырям вокруг города и плавала в изобилии; брала, что хотела: никто не смел жаловаться. Архиепископом Феофил и знатнейшие чиновники проводили Государя до первого стана, где он с ними обедал, казался весел, доволен. Но судьба сей народной Державы уже была решена в уме его.

Заточение шести Бояр Новгородских, сосланных в Муром и в Коломну, оставило горестное впечатление в их

многочисленных друзьях: они жаловались на самовластие Великокняжеское, противное древнему уставу, по коему Новогородец мог быть наказываем только в своем отечестве. Народ молчал, изъявляя равнодушие; но знатнейшие граждане взяли их сторону, и нарядили Посольство к Великому Князю: сам Архиепископ, три Посадника и несколько Житных людей приехали в Москву бить челом за своих несчастных Бояр. Два раза Владыка Феофил обедал во дворце, однако ж не мог умолить Иоанна, и с горестию уехал на Страстной неделе, не хотел праздновать Пасхи с Государем и с Митрополитом¹⁴⁵.

Между тем решительный суд Великокняжеский полюбился многим Новогородцам, так, что в следующий год некоторые из них отправились с жалобами в Москву; в след за ними и ответчики, знатные и простые граждане, от Посадников до земледельцев: вдовы, сироты, Монахини. Других же позвал сам Государь: никто не дерзнул ослушаться. “От времен Рюрика (говорят Летописцы) не бывало подобного случая: ни в Киев, ни в Владимир не ездили судиться Новогородцы: Иоанн умел довести их до сего уничтожения”¹⁴⁶. Еще он не сделал всего: пришло время довершить начатое.

Умное правосудие Иоанново пленяло сердца тех, которые искали правды и любили оную: утесненная слабость, оклеветанная невинность находили в нем защитника, спасителя, то есть, истинного Монарха, или судию непричастного низким побуждениям личности: они желали видеть судную власть в одних руках его. Другие, или завидуя силе первостепенных сограждан, или ласкаемые Иоанном, внутренно благоприятствовали Самодержавию. Сии многочисленные друзья Великого Князя, может быть, *сами собою*, а может быть и по согласию с ним замыслили следующую хитрость. Двое из оных, чиновник Назарий и Дьяк Веча, Захария, в виде Послов от Архиепископа и всех соотечественников, явились пред Иоанном (в 1477 году) и торжественно наименовали его *Государем* Новгорода, вместо *Господина*, как прежде именовались Великие Князья в отношении к сей народной Державе. В следствие того Иоанн отправил к Новогородцам Боярина, Феодора Да-

видовича, спросить, что они разумеют под названием *Государя*? хотят ли присягнуть ему как *полному Властителю*, единственному законодателю и судии? соглашаются ли иметь у себя Тиунов, кроме Княжеских, и отдать ему Двор Ярославов, древнее место Веча¹⁴⁷? Изумленные граждане ответствовали: “мы не посылали с тем к Великому Князю; это ложь”. Сделалось общее волнение. Они терпели оказанное Иоанном самовластие в делах судных как *чрезвычайность*, но ужаснулись мысли, что сия чрезвычайность будет уже *законом*; что древняя пословица: *Новгород судится своим судом*, утратит навсегда смысл, и что Московские Тиуны будут решить судьбу их. Древнее Вече уже не могло ставить себя выше Князя, но по крайней мере существовало именем и видом: Двор Ярославов был святилищем народных прав: отдать его Иоанну значило торжественно и навеки отвергнуться оных. Сии мысли возмутили даже и самых мирных граждан, расположенных повиноваться Великому Князю, но в угодность собственному, внутреннему чувству блага, не слепо, не под острием меча, готового казнить всякого по мановению Самовластителя. Забвенные единомышленники Марфины воспрянули как бы от глубокого сна, и говорили народу, что они лучше его предвидели будущее; что друзья или слуги Московского Князя суть изменники, коих торжество есть гроб отечества. Народ остервенился, искал предателей, требовал мести. Схватили одного знаменитого мужа, Василия Никифорова, и привели на Вече, обвиняя его в том, что он был у Великого Князя и дал клятву служить ему против отечества. “Нет, ответствовал Василий: я клялся Иоанну единственно в верности, в доброжелательстве, но без измены моему истинному Государю, Великому Новугороду; без измены вам, моим господам и братьям”. Сего несчастного изрубили в куски топорами¹⁴⁸; умертвили еще Посадника, Захарию Овина, который ездил судиться в Москву и сам доносил гражданам на Василия Никифорова; казнили и брата его, Козьму, на дворе Архиепископском; многих иных ограбили, посадили в темницу, называя их советниками Иоанновыми: другие разбежались. Между тем народ не сделал ни малейшего зла Послу Московскому и много-

численной дружине его: сановники честили их, держали около шести недель, и наконец отпустили именем Веча с такое грамотою к Иоанну: “Кланяемся тебе, *Господину нашему*, Великому Князю; а *Государем* не зовем. Суд твоим Наместникам будет на Городище по старине; но твоего суда, ни твоих Тиунов у нас не будет. *Дворища Ярославля* не даем. Хотим жить по договору, клятвенно утвержденному на Коростыне тобою и нами (в 1471 году). Кто же предлагал тебе быть *Государем* Новгородским, тех сам знаешь и казни за обман; мы здесь также казним сих лживых предателей. А тебе, Господин, челом бьем, чтобы ты держал нас в старине, по крестному целованию¹⁴⁹”. Так писали они, и еще сильнее говорили на Вече, не скрывая мысли снова поддаться Литве, буде Великий Князь не откажется от своих требований¹⁵⁰.

Но Иоанн не любил уступать, и без сомнения предвидел отказ Новгородцев, желая только иметь вид справедливости в сем раздоре. Получив их смелый ответ, он с печалию объявил Митрополиту Геронтию, матери, Боярам, что Новгород, произвольно дав ему имя Государя, запирается в том, делает его лжецом пред глазами всей земли Русской, казнит людей верных своему законному Монарху как злодеев, и грозитя вторично изменить святейшим клятвам, Православию, отечеству. Митрополит, Двор и вся Москва думали согласно, что сии мятежники должны почувствовать всю тягость Государева гнева. Началось молебствие в церквах; раздавали милостыню по монастырям и богадельням; отправили гонца в Новгород с *грамотою складною*¹⁵¹ или с объявлением войны, и полки собрались под стенами Москвы. Медленный в замыслах важных, но скорый в исполнении, Иоанн или не действовал или действовал решительно, всеми силами: не осталось ни одного местечка, которое не прислало бы ратников на службу Великокняжескую. В числе их находились и жители областей Кашинской, Бежецкой, Новоторжской: ибо Иоанн присоединил к Москве часть сих Тверских и Новгородских земель.

Поручив столицу юному Великому Князю, сыну своему, он сам выступил с войском 9 Октября, презирая труд-

ности и неудобства осеннего похода в местах болотистых. Хотя Новгородцы и взяли некоторые меры для обороны, но знали слабость свою, и прислали требовать *опасных грамот* от Великого Князя для Архиепископа Феофила и Посадников, коим надлежало ехать к нему для мирных переговоров¹⁵². Иоанн велел остановить сего посланного в Торжке, также и другого; обедал в Волоке у брата, Бориса Васильевича, и был встречен именитым Тверским Вельможею, Князем Микулинским, с учтивым приглашением заехать в Тверь, отведать хлеба-соли у Государя его, Михаила. Иоанн вместо угощения требовал полков, и Михаил не смел ослушаться, заготовив, сверх того, все нужные съестные припасы для войска Московского. Сам Великий Князь шел с отборными полками между Яжелбицкою дорогою и Мстою; Царевич Данияр и Василий Образец по Замсте; Даниил Холмский пред Иоанном с Детьми Боярскими, Владимирцами, Переславцами и Костромитянами; за ним два Боярина с Дмитровцами и Кашинцами; на правой стороне Князь Симеон Рязполовский с Суздальцами и Юрьевцами; на левой брат Великого Князя, Андрей Меньший, и Василий Сабуров с Ростовцами, Ярославцами, Угличанами и Бежичанами; с ними также Воевода матери Иоанновой, Семен Пешек, с ее Двором; между дорогами Яжелбицкою и Демонскою Князь Александр Васильевич и Борис Михайлович Оболенские; первый с Колужанами, Алексинцами, Серпуховцами, Хотуничами, Москвитянами, Радонежцами, Новоторжцами¹⁵³; второй с Можайцами, Волочанами, Звенигородцами и Ружанами; по дороге Яжелбицкой Боярин Федор Давидович с Детьми Боярскими Двора Великокняжеского и Коломенцами, также Князь Иван Васильевич Оболенский со всеми его братьями и многими Детьми Боярскими. 4 Ноября присоединились к войску Иоаннову полки Тверские, предводимые Князем Михаилом Феодоровичем Микулинским.

В Еглине, Ноября 8, Великий Князь потребовал к себе задержанных Новгородских *опасчиков* (то есть, присланных за *опасными грамотами*): Старосту Даниславской улицы, Феодора Калитина, и гражданина Житого, Ивана Маркова. Они смиренно ударили ему челом, именуя его

Государем. Иоанн велел им дать пропуск для Послов Новгородских. – Между тем многие знатные Новгородцы прибыли в Московский стан и вступили в службу к Великому Князю, или предвидя неминуемую гибель своего отечества, или спасаясь от злобы тамошнего народа, который знал всех Бояр, подозреваемых в тайных связях с Москвою¹⁵⁴.

Ноября 19, в Палине, Иоанн вновь устроил войско для начатия неприятельских действий: вверил передовой отряд брату своему, Андрею Меньшему, и трем храбрейшим Воеводам: Холмскому с Костромитянами, Феодору Давидовичу с Коломенцами, Князю Ивану Оболенскому Стриге с Владимирцами; в *правой руке* велел быть брату, Андрею Большому, с Тверским Воеводою, Князем Микулинским, с Григорием Никитичем, с Иваном Житом, с Дмитровцами и Кашинцами; в *левой* брату, Князю Борису Васильевичу, с Князем Васильем Михайловичем Верейским и с Воеводою матери своей, Семеном Пешком; а в собственном полку Великокняжеском знатнейшему Боярину, Ивану Юрьевичу Патрекееву, Василию Образцу с Боровичами, Симеону Ряполовскому, Князю Александру Васильевичу, Борису Михайловичу Оболенскому и Сабурову с их дружинами, также всем Переславцам и Муромцам. Передовой отряд должен был занять Бронницы¹⁵⁵.

Еще не довольный многочисленностию своей рати, Государь ждал Псковитян. Тамошний Князь Ярослав, ненавидимый народом, но долго покровительствуемый Иоанном – быв даже в явной войне с гражданами, не смеявшими выгнать его, и пьяный имел с ними битву среди города¹⁵⁶ – наконец по указу Государеву выехал оттуда. Псковитяне желали себе в Наместники Князя Василия Васильевича Шуйского: Иоанн отправил его к ним из Торжка,^{5*} и велел, чтобы они немедленно вооружились против Новгорода. Обыкновенное их благоразумие не изменилось и в сем случае: Псковитяне предложили Новгородцам быть за них ходатаями у Великого Князя; но получили в ответ: “или заключите с нами особенный тесный союз как люди вольные, или обойдемся без вашего ходатайства”¹⁵⁷. Когда же Псковитяне, исполняя Иоанново приказание, грамо-

тою объявили им войну, Новгородцы одумались и хотели, чтобы они вместе с ними послали чиновников к Великому Князю; но Дьяк Московский, Григорий Волнин, приехав во Псков от Государя, нудил их немедленно сесть на коней и выступить в поле. Между тем сделался там пожар: граждане письменно известили Иоанна о своей беде, называли его *Царем Русским* и давали ему разуметь, что не время воевать людям, которые льют слезы на пепле своих жилищ¹⁵⁸; одним словом, всячески уклонялись от похода, предвидя, что в падении Новгорода может не устоять и Псков. Отговорки были тщетны: Иоанн велел, и Князь Шуйский¹⁵⁹, взяв осадные орудия – пушки, пищали, самострелы – с семью Посадниками вывел рать Псковскую, которой надлежало стать на берегах Ильменя, при устье Шелони.

Ноября 23 Великий Князь находился в Сытине, когда донесли ему о прибытии Архиепископа Феофила и значнейших сановников Новгородских. Они явились. Феофил сказал: “*Государь* Князь Великий! я, богомolec твой, Архимандриты, Игумены и Священники всех семи Соборов бьем тебе челом. Ты возложил гнев *на свою отчину*, на Великий Новгород; огонь и мечь твой ходят по земле нашей; кровь Христианская льется. Государь! смилуйся: молим тебя со слезами¹⁶⁰; дай нам мир и освободи Бояр Новгородских, заточенных в Москве!” А Посадники и Житые люди говорили так: “*Государь* Князь Великий! Степенный посадник Фома Андреев и Старые Посадники, Степенный Тысячский Василий Максимов и Старые Тысячские, Бояре, Житые, купцы, черные люди и весь Великий Новгород, твоя отчина, мужи вольные, бьют тебе челом, и молят о мире и свободе наших Бояр, заключенных”. Посадник Лука Федоров примолвил: “Государь! челобитие Великого Новгорода пред тобою: повели нам говорить с твоими Боярами”. Иоанн не отвечал ни слова, но пригласил их обедать за столом своим.

На другой день Послы Новгородские были с дарами у брата Иоаннова, Андрея Меньшого, требуя его заступления. Иоанн приказал говорить с ними Боярину, Князю Ивану Юрьевичу. Посадник Яков Короб сказал: “Желаем,

чтобы Государь принял в милость Великий Новгород, мужей вольных, и мечь свой унял”. – Феофилакт Посадник: “Желаем, освобождения Бояр Новгородских”. – Лука Посадник: “Желаем, чтобы Государь всякие четыре года ездил в свою отчизну, Великий Новгород, и брал с нас по тысяче рублей; чтобы Наместник его судил с Посадником в городе; а чего они не управят, то решит сам Великий Князь, приехав к нам на четвертый год; но в Москву да не зовет судящихся!” – Яков Федоров: “Да не велит Государь вступаться своему Наместнику в особенные суды Архиепископа и Посадника!” – Житые люди сказали, что подданные Великокняжеские зовут их на суд к Наместнику и Посаднику в Новгороде, а сами хотят судиться единственно на Городище; что сие несправедливо и что они просят Великого Князя подчинить тех и других суду Новгородскому¹⁶¹. – Посадник Яков Короб заключил сими словами: “Челобитье наше пред Государем: да следует, что ему Бог положит на сердце!”

Иоанн в тот же день велел Холмскому, Боярину Федору Давидовичу, Князю Оболенскому-Стриге и другим Воеводам под главным начальством брата его, Андрея Меньшого, итти из Бронниц к Городищу и занять монастыри, чтобы Новгородцы не выжгли оных. Воеводы перешли озеро Ильмень по льду, и в одну ночь заняли все окрестности Новгородские¹⁶².

25 Ноября Бояре Великокняжеские, Иван Юрьевич, Василий и Иван Борисовичи, дали ответ Послам. Первый сказал: “Князь Великий Иоанн Васильевич всея Руси тебе, своему богомольцу Владыке, Посадникам и Житым людям так ответствует на ваше челобитье”. – Боярин Василий Борисович продолжал: “Ведаете сами, что вы предлагали нам, мне и сыну моему, чрез сановника Назария и Дьяка Вечевого, Захарию, быть вашими Государями; а мы послали Бояр своих в Новгород узнать, что разумеете под сим именем? Но вы заперлися, укоряя нас, Великих Князей, насилием и ложью; сверх того делали нам и многие иные досады. Мы терпели, ожидая вашего исправления; но вы более и более лукавствовали, и мы обнажили меч, по слову Господню: *еще согрешишь к тебе брат твой, об-*

личи его наедине; аще не послушает, поими с собою два или три свидетеля; аще ли и тех не послушает, повеждь Церкви; аще ли и о Церкви нерадети начнет, будете яко же язычник и мытарь. Мы посылали к вам и говорили: уймьтесь, и будем вас жаловать; но вы не захотели того, и сделались нам как бы чужды. И так, возложив упование на Бога и на молитву наших предков, Великих Князей Русских, идем наказать дерзость”. – Боярин Иван Борисович говорил далее именем Великого Князя: “Вы хотите свободы Бояр ваших, мною осужденных; но ведаете, что весь Новгород жаловался мне на их беззакония, грабежи, убийства, ты сам, Лука Исаков, находился в числе истцев; и ты, Григорий Киприанов, от имени Никитиной улицы; и ты, Владыка, и вы, Посадники, были свидетелями их уличения. Я мыслил казнить преступников, но даровал им жизнь, ибо вы молили меня о том. Пристойно ли вам ныне упоминать о сих людях?” – Князь Иван Юрьевич заключил сими словами ответ Государев: “буде Новгород действительно желает нашей милости, то ему известны условия”.

Архиепископ и Посадники отправились назад с Великокняжеским приставом для их безопасности. – 27 Ноября Иоанн, подступив к Новгороду с братом Андреем Меньшим и с юным Верейским Князем, Василием Михайловичем, расположился у Троицы Паозерской на берегу Волхова, в трех верстах от города, в селе Лошинского, где был некогда дом Ярослава Великого, именуемый Ракомлею¹⁶³; велел брату стать в монастыре Благовещения, Князю Ивану Юрьевичу в Юрьеве, Холмскому в Аркадьевском, Сабурову у Св. Пантелеймона, Александру Оболенскому у Николы на Мостищах, Борису Оболенскому на Сокове у Богоявления, Ряполовскому на Пидьбе¹⁶⁴, Князю Василию Верейскому на Лисьей Горке, а Боярину Феодору Давидовичу и Князю Ивану Стриге на Городище. 29 Ноября пришел с полком брат Иоаннов, Князь Борис Васильевич, и стал на берегу Волхова в Кречневце, селе Архиепископа. – 30 Ноября Государь велел Воеводам отпускать половину людей для собрания съестных припасов до 10 Декабря, а 11 число быть всем на-лице^{6*}, каждому на своем месте; и в тот же день послал гонца сказать Наместнику Псковскому

Князю Василию Шуйскому, чтобы он спешил к Новгороду с огнестрельным снарядом¹⁶⁵.

Новгородцы хотели сперва изъяслять неустрашимость; дозволили всем купцам иноземным выехать во Псков с товарами: укрепились деревянною стеною по обеим сторонам Волхова; заградили сию реку судами; избрали Князя Василия Шуйского-Гребенку в Военачальники, и не имея друзей, ни союзников, не ожидая ни откуда помощи, обязались между собою клятвенною грамотою быть единомышленными, показывая, что надеются в крайности на самое отчаяние, и готовы отразить приступ, как некогда предки их отразили сильную рать Андрея Боголюбского. Но Иоанн не хотел кровопролития, в надежде, что они покорятся, и взял меры для доставления всего нужного многочисленной рати своей. Исполняя его повеление, богатые Псковитяне отправили к небу обоз с хлебом, пшеничною мукою, калачами, рыбою, медом и разными товарами для вольной продажи; прислали также и мостников¹⁶⁶. Великокняжеский стан имел вид шумного торжища, изобилия; а Новгород, окруженный полками Московскими, был лишен всякого сообщения. Окрестности также представляли жалкое зрелище: воины Иоанновы не щадили бедных жителей, которые в 1471 году безопасно скрывались от них в лесах и болотах, но в сие время умирали там от морозов и голода¹⁶⁷.

Декабря 4 вторично прибыл к Государю Архиепископ Феофил с теми же чиновниками, и молил его только о мире, не упоминая ни о чем ином. Бояре Московские, Князь Иван Юрьевич, Феодор Давидович и Князь Иван Стрига отпустили их с прежним ответом, что Новгородцы знают, как надобно бить челом Великому Князю. – В сей день пришли к городу Царевич Данияр с Воеводою, Василием Образцем, и брат Великого Князя, Андрей Старший, с Тверским Воеводою: они расположились в монастырях Кириллове, Андрееве, Ковалевском, Волотове, на Деревнице и у Св. Николы на Острове¹⁶⁸.

Видя умножение сил и непреклонность Великого Князя – не имея ни смелости отважиться на решительную битву, ни запасов для выдержания осады долговременной – уг-

рожаемые и мечем и голодом, Новгородцы чувствовали необходимость уступить, желали единственно длить время, и без надежды спасти вольность надеялись переговорами сохранить хотя некоторые из ее прав. Декабря 5 Владыка Феофил с Посадниками и с людьми Житыми, ударив челом Великому Князю в присутствии его трех братьев, именем Новагорода сказал: “Государь! мы, виновные, ожидаем твоей милости: признаем истину Посольства Назариева и Дьяка Захария; но какую власть желаешь иметь над нами?” Иоанн отвечив им чрез Бояр: “Я доволен, что вы признаете^{7*} вину свою и сами на себя свидетельствуете. Хочу властвовать в Новгороде, как властвую в Москве”. – Архиепископ и Посадники требовали времени для размышления. Он отпустил их с повелением дать решительный ответ в третий день. – Между тем пришло войско Псковское, и Великий Князь расположив его в Бискупичах, в селе Федотине, в монастыре Троицком на Варяжи, приказал знаменитому своему художнику, Аристотелю, строить мост под Городищем, как бы для приступа. Сей мост, с удивительною скоростью сделанный на судах через реку Волхов, своею твердостью и красою заслужил похвалу Иоаннову¹⁶⁹.

7 Декабря Феофил возвратился в стан Великокняжеский с Посадниками и с Выборными от пяти Концев Новгородских. Иоанн выслал к ним Бояр. Архиепископ молчал: говорили только Посадники. Яков Короб сказал: “Желаем, чтобы Государь велел Наместнику своему судить вместе с нашим степенным Посадником”. – Феофилакт: “Предлагаем Государю ежегодную дань со всех волостей Новгородских, с двух сох гривну”. – Лука: “Пусть Государь держит Наместников в наших пригородах; но суд да будет по старине”. – Яков Федоров бил челом, чтобы Великий Князь не выводил людей из владений Новгородских, не вступался в отчины и земли Боярские, не звал никого на суд в Москву. Наконец все просили, чтобы Государь не требовал Новгородцев к себе на службу, и поручил им единственно оберегать северо-западные пределы России.

Бояре донесли о том Великому Князю, и вышли от него с следующим ответом: “Ты, богомолец наш, и весь Нов-

город признали меня Государем; а теперь хотите мне указывать, как править вами?” – Феофил и Посадники били челом и сказали: “Не смеем *указывать*; но только желаем ведать, как Государь намерен властвовать в своей Новгородской отчизне: ибо Московских обыкновений не знаем”. Великий Князь велел своему Боярину, Ивану Юрьевичу, отвечать так: “Знайте же, что в Новгороде не быть ни Вечевому колоколу, ни Посаднику, а будет одна власть Государева; что как в стране Московской, так и здесь хочу иметь волости и села; что древние земли Великокняжеские, вами отнятые, суть отныне моя собственность. Но снисходя на ваше моление, обещаю не выводить людей из Новгорода, не вступаться в отчины Бояр, и суд оставить по старине”.

Прошла целая неделя: Новгород не присылал ответа Иоанну. Декабря 14 явился Феофил с чиновниками и сказал Боярам Великокняжеским: “Соглашаемся не иметь ни Веча, ни Посадника; молим только, чтобы Государь утилил навеки гнев свой и простил нас искренно, с условием не выводить Новгородцев в Низовскую землю, не касаться собственности Боярской, не судить нас в Москве и не звать туда на службу”. Великий Князь дал слово. Они требовали присяги. Иоанн отвечивал, что Государь не присягает. “Удовольствуемся клятвою Бояр Великокняжеских или его будущего Наместника Новгородского”, сказали Феофил и Посадники: но и в том получили отказ; просили *опасной грамоты*: и той им не дали. Бояре Московские объявили, что переговоры кончились.

Тут любовь к древней свободе в последний раз сильно обнаружилась на Вече. Новгородцы думали, что Великий Князь хочет обмануть их, и для того не дает клятвы в верном исполнении его слова. Сия мысль поколебала в особенности Бояр, которые не стояли ни за Вечевый колокол, ни за Посадника, но стояли за свои отчины. “Требуем битвы! восклицали тысячи: умрем за вольность и Святую Софию!” Но сей порыв великодушия не произвел ничего, кроме шума, и должен был уступить хладнокровию рассудка. Несколько дней народ слушал прение между друзьями свободы и мирного подданства: первые могли обе-

щать ему одну славную гибель среди ужасов голода и тщетного кровопролития; другие жизнь, безопасность, спокойствие, целость имения: и сии наконец превозмогли. Тогда Князь Василий Васильевич Шуйский-Гребенка, доселе верный защитник свободных Новгородцев, торжественно сложил с себя чин их Воеводы и перешел в службу к Великому Князю, который принял его с особенною милостию¹⁷⁰.

29 Декабря Послы Веча, Архиепископ Феофил и знатнейшие граждане, снова прибыли в Великокняжеский стан, хотя и не имели опася; изъявили смирение, и молили, чтобы Государь, отложив гнев, сказал им изустно, чем жалует свою Новгородскую отчину. Иоанн приказал впустить их и говорил так: “Милость моя не изменилась; что обещал, то обещаю и ныне, забвение прошедшего, суд по старине, целость собственности частной, увольнение от Низовской службы; не буду звать вас в Москву; не буду выводить людей из страны Новгородской”. Послы ударили челом и вышли; а Бояре Великокняжеские напомнили им, что Государь требует волостей и сел в земле их. Новгородцы предложили ему Луки Великие и Ржеву Пустую: он не взял. Предложили еще десять волостей Архиепископских и монастырских: не взял и тех. “Избери же, что тебе самому угодно, сказали они: полагаемся во всем на Бога и на тебя”. Великий Князь хотел половины всех волостей Архиепископских и монастырских: Новгородцы согласились, но убедили его не отнимать земель у некоторых бедных монастырей. Иоанн требовал верной описи волостей, и в знак милости взял из Феофиловых только десять: что, вместе с монастырскими, составляло около 2700 *обез* или тягол, кроме земель Новоторжских, также ему отданных¹⁷¹. – (Г. 1478). Прошло шесть дней в переговорах.

Января 8 Владыка Феофил, Посадники и Житые люди молили Великого Князя снять осаду: ибо теснота и недостаток в хлебе произвели болезни в городе, так, что многие умирали. Иоанн велел Боярам своим условиться с ними о дани, и хотел брать по семи денег с каждого земледельца; но согласился уменьшить сию дань втрое¹⁷². “Желаем еще

другой милости, сказал Феофил: молим, чтобы Великий Князь не посылал к нам своих писцов и даньщиков, которые обыкновенно теснят народ; но да верит он совести Новгородской: сами исчислим людей, и вручим деньги, кому прикажет; а кто утаит хотя единую душу, да будет казнен”, Иоанн обещал.

Января 10 Бояре Московские требовали от Феофила и Посадников, чтобы Двор Ярославов был немедленно очищен для Великого Князя, и чтобы народ дал ему клятву в верности. Новгородцы хотели слышать присягу: Государь послал ее к ним в Архиепископскую палату, с своим Подъячим¹⁷³. На третий день Владыка и сановники их сказали Боярам Иоанновым: “Двор Ярославов есть наследие Государей, Великих Князей: когда им угодно взять его, и с площадью, да будет их воля. Народ слышал присягу и готов целовать крест, ожидая всего от Государевой, как Бог положит им на сердце, и не имея уже иного упования”. Дьяк Новгородский списал сию клятвенную грамоту, а Владыка и пять Концев утвердили оную своими печатями¹⁷⁴. Января 13 многие Бояре Новгородские, Житые люди и купцы присягнули в стане Иоанновом. Тут Государь велел сказать им, что пригороды их, Заволочане и Двиняне будут оттоле целовать крест на имя Великих Князей, не упоминая о Новгороде; чтобы они не дерзали мстить своим единоплеменникам, находящимся у него в службе, ни Псковитянам, и в случае споров о землях ждали решения от Наместников, не присвоивая себе никакой своевольной управы¹⁷⁵. Новгородцы обещались, и вместе с Феофилом просили, чтобы Государь благоволил изустно и громко объявить им свое милосердие. Иоанн, возвысив голос, сказал: “Прощаю, и буду отныне жаловать тебя, своего богомольца, и нашу отчину, Великий Новгород”.

Января 15 рушилось древнее Вече, которое до сего дня еще собиралось на Дворе Ярослава. Вельможи Московские, Князь Иван Юрьевич, Феодор Давидович и Стрига-Оболенский, вступив в палату Архиепископскую, сказали, что Государь, вняв молению Феофила, всего священного Собора, Бояр и граждан, навеки забывает вины их, в особенности из уважения к ходатайству своих братьев с усло-

вием, чтобы Новгород, дав искренний обет верности, не изменял ему ни делом, ни мыслию¹⁷⁶. Все знатнейшие граждане, Бояре, Житые люди, купцы целовали крест в Архиепископском доме, а Дьяки и воинские чиновники Иоанновы взяли присягу с народа, с Боярских слуг и жен в пяти Концах. Новгородцы выдали Иоанну ту грамоту, коею они условились стоять против него единодушно, и которая скреплена была пятидесятью-осмью печатями¹⁷⁷.

Января 18 все Бояре Новгородские, Дети Боярские и Житые люди били челом Иоанну, чтобы он принял их в свою службу. Им объявили, что сия служба, сверх иных обязанностей, повелевает каждому из них извещать Великого Князя о всяких злых против него умыслах, не исключая ни брата, ни друга, и требует скромности в тайнах Государевых¹⁷⁸. Они обещали то и другое. — В сей день Иоанн позволил городу иметь свободное сообщение с окрестностями; Января 20 отправил гонца в Москву к матери своей (которая без него постриглась в Инокини¹⁷⁹), к Митрополиту и к сыну с известием, что он *привел Великий Новгород во всю волю свою*; на другой день допустил к себе тамошних Бояр, Житых людей и купцев с дарами, и послал своих Наместников, Князя Ивана Стригу и брата его, Ярослава, занять Двор Ярославов; а сам не ехал в город, ибо там свирепствовали болезни.

Наконец, 29 Января, в Четверток Масленой недели, он с тремя братьями и с Князем Василием Верейским прибыл в церковь Софийскую, отслушал Литургию, возвратился на Паозерье, и пригласил к себе на обед всех знатнейших Новгородцев. Архиепископ пред столом поднес ему в дар панагию обложенную золотом и жемчугами, струфово яйцо окованное серебром в виде кубка, чарку сердоликовую, хрустальную бочку, серебряную мису в 6 фунтов и 200 корабельников или 400 червонцев. Гости пили, ели и беседовали с Иоанном.

Февраля 1 он велел взять под стражу Купеческого Старосту, Марка Памфилиева, Февраля 2 славную Марфу Борецкую¹⁸⁰ с ее внуком Василием Феодоровым (кого отец умер в Муромской темнице), а после из Житых людей Григория Киприанова, Ивана Кузмина, Акинфа с сыном

Романом и Юрия Репехова, отвезти в Москву, и все их имение описать в казну. Сии люди были единственною жертвою грозного Московского Самодержавия, или как явные, непримиримые враги его, или как известные друзья Литвы. Никто не смел за них вступиться. Февраля 3 Наместник Великокняжеский, Иван Оболенский-Стрига, отыскал все письменные договоры, заключенные Новгородцами с Литвою, и вручил их Иоанну. – Все было спокойно; но Великий Князь прислал в город еще двух иных Наместников, Василия Китая и Боярина Ивана Зиновьевича, для соблюдения тишины, велел им занять дом Архиепископский.

Февраля 8 Иоанн вторично слушал Литургию в Софийской церкви и обедал у себя в стране с братом Андреем Меньшим, с Архиепископом и знатнейшими Новгородцами. Февраля 12 Владыка Феофил пред Обеднею вручил Государю дары: цепь, две чары и ковш золотые, весом около девяти фунтов; вызолоченную^{8*} кружку, два кубка, мису и пояс серебряные, весом в тридцать один фунт с половиною, и 200 корабельников¹⁸¹. – Февраля 17, рано по утру, Великий Князь отправился в Москву; на первом стане в Ямнах, угостил обедом Архиепископа, Бояр и Житых людей Новгородских; принял от них несколько бочек вина и меда; сам отдалил всех, отпустил с милостию в Новгород, и приехал в столицу 5 Марта. В след за ним привезли в Москву славный Вечевый колокол Новгородский и повесили его на колокольне Успенского Собора, на площади. – Если верить сказанию современного Историка, Длугоша, то Иоанн приобрел несметное богатство в Новгороде, и нагрузил 300 возом серебром, золотом, камнями драгоценными, найденными им в древней казне Епископской, или у Бояр, коих имение было описано, сверх бесчисленного множества шелковых тканей, сукон, мехов и проч. Другие ценят сию добычу в 14 000 000 флоринов¹⁸²: что без сомнения увеличено.

Так Новгород покорился Иоанну, более шести веков сльв в России и в Европе Державою народною или Республикою, и действительно имел образ Демократии: ибо Вече гражданское присвоивало себе не только законода-

тельную, но и вышнюю исполнительную власть; избирало, сменяло не только Посадников, Тысячских, но и Князей, ссылаясь на жалованную грамоту Ярослава Великого; давало им власть, но подчиняло ее своей верховной; принимало жалобы, судило и наказывало в случаях важных; даже с Московскими Государями, даже и с Иоанном заключало условия, *взаимною* клятвою утверждаемые, и в нарушении оных имея право мести или войны; одним словом, владычествовало как собрание народа Афинского или Франков на поле Марсовом, представляя лице Новгорода, который именовался *Государем*. Не в правлении вольных городов Немецких – как думали некоторые Писатели – но в первобытном составе всех Держав народных, от Афин и Спарты до Унтервальдена или Глариса, надлежит искать образцов Новгородской политической системы, напоминающей ту глубокую древность народов, когда они, избирая сановников вместе для войны и суда, оставляли себе право наблюдать за ними, свергать в случае неспособности, казнить в случае измены или несправедливости, и решить все важное или чрезвычайное в общих советах. Мы видели, что Князья, Посадники, Тысячские в Новгороде судили тяжбы и предводительствовали войском: так древние Славяне, так некогда и все иные народы не знали различия между воинскою и судебною властью. Сердцем или главным составом сей Державы были Огнищане или Житые люди, то есть, домовитые или владельцы: они же и первые воины, как естественные защитники отечества; из них выходили *Бояре* или граждане знаменитые заслугами. Торговля произвела купцев: они, как менее способные к ратному делу, занимали вторую степень; а третью свободные, но беднейшие люди, названные Черными. Граждане *Младшие* явились в новейшие времена и стали между купцами и Черными людьми. Каждая степень без сомнения имела свои права: вероятно, что Посадники и Тысячские избирались только из Бояр; а другие сановники из Житых, купцев и Младших граждан, но не из Черных людей, хотя и последние участвовали в приговорах Веча¹⁸³. Бывшие Посадники, в отличие от Степенных или настоящих именуясь *Старыми*, преимущественно уважались до конца

жизни. — Ум, сила и властолюбие некоторых Князей, Мономаха, Всеволода III, Александра Невского, Калиты, Донского, сына и внука его, обуздывали свободу Новгородскую, однако ж не переменили ее главных уставов, которыми она столько веков держалась, стесняемая временно, но никогда не отказываясь от своих прав.

(Обозрение истории Новгорода [от начала до конца]). История Новгорода составляет любопытнейшую часть древней Российской. В самых диких местах, в климате суровом основанный, может быть, толпою Славянских рыбаков, которые в водах Ильменя наполняли свои мрежи изобильным ловом, он умел возвыситься до степени Державы знаменитой. Окруженный слабыми, мирными племенами Финскими, рано научился господствовать в соседстве; покоренный смелыми Варягами, заимствовал от них дух купечества, предприимчивость и мореплавание; изгнал сих завоевателей, и будучи жертвою внутреннего беспорядка, замыслил Монархию, в надежде доставить себе тишину для успехов гражданского общежития и силу для отражения внешних неприятелей; решил тем судьбу целой Европы северной, и дав бытие, дав Государей нашему отечеству, успокоенный их властью, усиленный толпами мужественных пришельцев Варяжских, захотел опять древней вольности, сделался собственным законодателем и судиею, ограничив власть Княжескую; воевал и купечествовал; еще в X веке торговал с Царемградом¹⁸⁴, еще во XII посылал корабли в Любек¹⁸⁵; сквозь дремучие леса открыл себе путь до Сибири, и горстью людей покорив обширные земли между Ладогою, морями Белым и Карским, рекою Обию и нынешнею Уфою, насадил там первые семена гражданственности, Веры Христианской; передавал Европе товары Азиатские и Византийские, сверх драгоценных произведений дикой Натуры; сообщал России первые плоды ремесла Европейского, первые открытия Искусств благодетельных; славясь хитростию в торговле¹⁸⁶, славился и мужеством в битвах, с гордостью указывая на свои стены, под коими легло многочисленное войско Андрея Боголюбского; на Альту, где Ярослав Великий с верными Новгородцами победил злочестивого Святополка;

на Липицу, где Мстислав Храбрый с их дружиною сокрушил ополчение Князей Суздальских¹⁸⁷; на берега Невы, где Александр смирил надменность Биргера, и на поля Ливонские, где Орден Меченосцев столь часто уклонял знамена пред Святою Софиєю, обращаясь в бегство. Такие воспоминания, питая народное честолюбие, произвели известную пословицу: *кто против Бога и Великого Новагорода*¹⁸⁸? Жители его хвалились и тем, что они не были рабами Моголов, как иные Россияне: хотя и платили дань Ординскую, но Великим Князьям, не зная Баскаков и не быв никогда подвержены их тиранству.

Летописи Республик обыкновенно представляют нам сильное действие страстей человеческих, порывы великодушия и не редко умилительное торжество добродетели, среди мятежей и беспорядка, свойственных народному правлению: так и летописи Новагорода в неискusstvenной простоте своей являют черты пленительные для воображения. Там народ, подвигнутый омерзением к злодействам Святополка, забывает жестокость Ярослава I, хотящего удалиться к Варягам; рассекает ладии, приготовленные для его бегства, и говорит ему: “ты умертвил наших братьев, но мы идем с тобою на Святополка и Болеслава; у тебя нет казны: возьми все, что имеем”¹⁸⁹. Здесь Посадник Твердислав, несправедливо гонимый, слышит вопль убийц, посланных вонзить ему меч в сердце, и велит нести себя больного на градскую площадь, да умрет пред глазами народа, если виновен, или будет спасен его защитою, если невинен; торжествует, и навеки заключается в монастырь, жертвуя спокойствию сограждан всеми приятностями честолюбия и самой жизни¹⁹⁰. Тут достойный Архиепископ, держа в руке крест, является среди ужасов междоусобной брани; возносит руку благословляющую, именует Новгородцев детьми своими, и стук оружия умолкает: они смиряются и братски обнимают друг друга¹⁹¹. В битвах с врагами иноплеменными Посадники, Тысячские умирали впереди за Святою Софию¹⁹². Святители Новгородские, избираемые гласом народа, по всеобщему уважению к их личным свойствам, превосходили иных достоинствами Пастырскими и гражданскими; истощали казну

свою для общего блага; строили стены, башни, мосты, и даже посылали на войну особенный полк, который назывался *Владычным*¹⁹³; будучи главными блюстителями правосудия, внутреннего благоустройства, мира, ревностно стояли за Новгород, и не боялись ни гнева Митрополитов, ни мести Государей Московских¹⁹⁴. – Видим также некоторые постоянные правила великодушия в действиях сего, часто легкомысленного народа: таковым было не превозноситься в успехах, изъяслять умеренность в счастье, твердость в бедствиях, давать пристанище изгнанникам, верно исполнять договоры, и слово: *Новгородская честь, Новгородская душа*, служило иногда вместо клятвы¹⁹⁵. – Республика держится добродетелию, и без нее упадет.

Падение Новгорода ознаменовалось утратою воинского мужества, которое уменьшается в Державах торговых с умножением богатства, располагающего людей к наслаждениям мирным. Сей народ считался некогда самым воинственным в России, и где сражался, там побеждал, в войнах междоусобных и внешних¹⁹⁶: так было до XIV столетия. Счастлием спасенный от Батюга, и почти свободный от ига Моголов, он более и более успевал в купечестве, но слабел доблестию: сия вторая эпоха, цветущая для торговли, бедственная для гражданской свободы, начинается со времен Иоанна Калиты. Богатые Новгородцы стали откупаться серебром от Князей Московских и Литвы; но вольность спасается не серебром, а готовностию умереть за нее: кто откупается, тот признает свое бессилие, и манит к себе Властелина. Ополчения Новгородские в XV веке уже не представляют нам ни пылкого духа, ни искусства, ни успехов блестящих. Что кроме неустройства и малодушного бегства видим в последних решительных битвах за свободу? Она принадлежит льву, не агнцу, и Новгород мог только избирать одного из двух Государей, Литовского или Московского: к счастью, наследники Витовтовы не наследовали его души, и Бог даровал России Иоанна.

Хотя сердцу человеческому свойственно доброжелательствовать Республикам, основанным на коренных правах вольности, ему любезной; хотя самые опасности и бес-

покойства ее, питая великодушие, пленяют ум, в особенности юный, малоопытный; хотя Новгородцы, имея правление народное, общий дух торговли и связь с образованнейшими Немцами, без сомнения отличались благородными качествами от других Россиян, униженных тиранством Моголов: однако ж История должна прославить в сем случае ум Иоанна, ибо государственная мудрость предписывала ему усилить Россию твердым соединением частей в целое, чтобы она достигла независимости и величия, то есть, чтобы не погибла от ударов нового Батыя или Витовта; тогда не уцелел бы и Новгород: взяв его владения, Государь Московский поставил одну грань своего Царства на берегу Наровы, в угрозу Немцам и Шведам, а другую за Каменным Поясом или хребтом Уральским, где баснословная Древность воображала источники богатства, и где они действительно находились, во глубине земли, обильной металлами, и во тьме лесов, наполненных соболями. — Император Гальба сказал: “Я был бы достоин восстановить свободу Рима, если бы Рим мог пользоваться ею”¹⁹⁷. Историк Русский, любя и человеческие и государственные добродетели, может сказать: “Иоанн был достоин сокрушить утлую вольность Новгородскую, ибо хотел твердого блага всей России”.

Здесь умолкает *особенная* История Новгорода. Прибавим к ней остальные известия о судьбе его в государственование Иоанна. В 1479 году Великий Князь ездил туда, сменил Архиепископа Феофила, будто бы за тайную связь с Литвою¹⁹⁸, и прислал в Москву, где он через шесть лет умер в Обители Чудовской, как последний из знаменитых народных Владык; преемником его был Иеромонах Троицкий, именем Сергей, избранный *по жребию* из трех духовных особ: чем Великий Князь хотел изъявить уважение к древнему обычаю Новгородцев, отняв у них право иметь *собственных* Святителей¹⁹⁹. Сей Архиепископ, не любимый гражданами, через несколько месяцев возвратился в Троицкую Обитель за болезнь. Место его заступил Чудовский Архимандрит Геннадий. — Не мог вдруг исчезнуть дух свободы в народе, который пользовался ею столько веков, и хотя не было общего мятежа, однако ж

Иоанн видел неудовольствие и слышал тайные жалобы Новгородцев: надежда, что вольность может воскреснуть, еще жила в их сердце; не редко обнаруживалась природная им строптивость; открывались и злые умыслы. Чтобы искоренить сей опасный дух, он прибегнул к средству решительному: в 1481 году велел взять там под стражу знатных людей: Василия Казимера с братом Яковом Коробом, Михаила Берденева и Луку Федорова, а скоро и всех главных Бояр, коих имущество, движимое и недвижимое, описали на Государя. Некоторых, обвиняемых в измене, пытали: они сами доносили друг на друга; но приговоренные к смерти, объявили, что взаимные их доносы были клеветою, вынужденною муками: Иоанн велел разослать их по темницам; другим, явно невинным, дал поместья в областях Московских. В числе богатейших граждан, тогда заточенных, Летописец именует *славную* жену Анастасию и Боярина Ивана Козмина: у первой в 1476 году пировал Великий Князь с Двором своим; а второй уходил в Литву с тридцатью слугами, но будучи недоволен Казимиром, возвратился в отчизну и думал по крайней мере умереть там спокойно²⁰⁰. В 1487 году перевели из Новгорода в Владимир 50 лучших семейств купеческих. В 1488 году Наместник Новгородский, Яков Захарьевич, казнил и повесил многих Житых людей, которые хотели убить его, и прислал в Москву более осьми тысяч Бояр, именитых граждан и купцев, получивших земли в Владимире, Муроме, Нижнем, Переславле, Юрьеве, Ростове, Костроме; а на их земли, в Новгород, послали Москвитян, людей служивых и гостей²⁰¹. Сим переселением был навеки усмирен Новгород. Остался труп: душа исчезла; иные жители, иные обычаи и нравы, свойственные Самодержавию. Иоанн в 1500 году, с согласия Митрополитова, роздал все Новгородские церковные имения в поместье Детям Боярским²⁰².

Один Псков еще сохранил древнее гражданское образование, Вече и народных сановников, обязанный тем своему послушанию. Великий Князь, довольный его содействием в походе Новгородском, прислал ему в дар кубок, и милостиво обещал не пренебрегать старины; а сведав, что Послы Великокняжеские делают там наглые обиды жите-

лям, с гордостью отвергают дары Веча, но своевольно берут у граждан и поселян, что им вздумается, он строго запретил такие насилия²⁰³. В сем случае, как и в других, видим Иоанново правило соглашать вводимое им Единовластие с уставом естественной справедливости, и не отнимать ничего без вины. Псков удержал до времени свои законы гражданские, ибо не оспоривал Государевой власти отменить их.

Довольный славным успехом Новгородского похода, Иоанн скоро насладился и живейшею семейственною радостью. София была уже матерью трех дочерей: Елены, Феодосии и второй Елены²⁰⁴; хотела сына, и вместе с супругом печалилась, что Бог не исполняет их желания. (Рождение [Иоаннова сына], Василия-Гавриила). Для сего ходила она пешком молиться в Обитель Троицкую, где, как пишут, явился ей Св. Сергей, держа на руках своих благовидного младенца, приблизился к Великой Княгине и *звергнул его в ее недра*: София затрепетала от видения столь удивительного; с усердием облобызала мощи Святого, и чрез девять месяцев родила сына, Василия-Гавриила. Сию повесть рассказывал сам Василий (уже будучи Государем) Митрополиту Иоасафу²⁰⁵. После того София имела четырех сыновей: Георгия, Димитрия, Симеона, Андрея, дочерей Феодосию и Евдокию²⁰⁶.

Покорение Новгорода есть важная эпоха сего славного княжения: следует другая, еще важнейшая: торжественное восстановление нашей государственной независимости, соединенное с конечным падением Большой или Золотой Орды. Тут ясно открылась Мудрость Иоанновой Политики, которая неусыпно искала дружбы Ханов Таврических, чтобы силою их обуздывать Ахмата и Литву. (Г. 1478–1480. Посольство в Крым). Не долго Зенебек господствовал в Тавриде: Менгли-Гирей изгнал его, воцарился снова и прислал известить о том Иоанна, который немедленно отправил к нему гонца с поздравлением, а скоро (в 1480 году) и Боярина, Князя Ивана Звенца²⁰⁷. Сей Посол должен был сказать Хану, что Великий Князь, из особенной к нему дружбы, принял к себе не только изгнанного Царя Зенебека, но и двух братьев Менгли-Гиреевых, Нор-

доулата и Айдара, живших прежде в Литве, дабы отнять у них способ вредить ему; что Государь согласен действовать с Менгли-Гиреем против Ахмата, если он будет ему поборником против Казимира Литовского. На сих условиях надлежало Послу заключить союз с Ханом: для чего и дали ему *шертную* или клятвенную грамоту с повелением изъяснить Вельможам Крымским, сколь усердно Государь доброжелательствует их Царю. Сверх того Боярин Звенец имел поручение отдать Хану на-едине тайную грамоту, утвержденную крестным целованием и золотою печатюю: сею грамотою, по желанию Менгли-Гирея написанною, Великий Князь обязывался дружески принять его в России, буде он в третий раз лишится престола; не только обходиться с ним как с Государем вольным, независимым, но и способствовать ему всеми силами к возвращению Царства. Испытав непостоянство судьбы, умный, добрый Менгли-Гирей хотел взять меры на случай ее новых превратностей и заблаговременно изготовить себе убежище: сия печальная мысль расположила его к самому верному дружеству с Иоанном. Боярин Звенец успел совершенно в деле своем: заключили союз, искренностию и Политикою утвержденный; условились вместе воевать или мириться; наблюдать все движения Ахмата и Литвы; тайно или явно мешать их замыслам, вредным для той или другой стороны; наконец обеим Державам, Москве и Крыму, действовать как единой во всех случаях.

(Свержение ига Ханского). Уверенный в дружбе Менгли-Гирея и в собственных силах, Иоанн, по известию некоторых Летописцев, решился вывести Ахмата из заблуждения и торжественно объявить свободу России следующим образом. – Сей Хан отправил в Москву новых Послов требовать дани. Их представили к Иоанну: он взял *басму* (или образ Царя), изломал ее, бросил на землю, растоптал ногами²⁰⁸; велел умертвить Послов, кроме одного, и сказал ему: “спеши объявить Царю виденное тобою; что сделалось с его басмою и Послами, то будет и с ним, если он не оставит меня в покое”. Ахмат воскипел яростию. “Так поступает раб наш, Князь Московский!” говорил он своим Вельможам, и начал собирать войско. Другие Летописцы,

согласнее с характером Иоанновой осторожности и с последствиями, приписывают ополчение Ханское единственно наущениям Казимировым. С ужасом видя возрастающее величие России, сей Государь послал одного служащего ему Князя Татарского, именем Акирея Муратовича²⁰⁹, в Золотую Орду, склонять Ахмата к сильному впадению в Россию, обещая с своей стороны сделать то же. Время казалось благоприятным: Орда была спокойна; племянник Ахматов, именем Касыда, долго спорив с дядею о Царстве, наконец с ним примирился²¹⁰. Злобствуя на Великого Князя за его послушание²¹¹ и не довольный умеренностию даров его, Хан условился с Королем, чтобы Татарам итти из Волжских Улусов к Оке, а Литовцам к берегам Угры, и с двух сторон в одно время вступить в Россию. Первый сдержал слово, и летом (в 1480 году) двинулся к пределам Московским со всею Ордою, с племянником Касыдою, с шестью сыновьями и множеством Князей Татарских. — К ободрению врагов наших служила тогда и несчастная распря Иоаннова с братьями: обстоятельства ее достойны замечания²¹².

(Ссора Великого Князя с братьями). Государь, сменив Наместника бывшего в Великих Луках, Князя Ивана Оболенского-Лыка, велел ему заплатить большее количество серебра тамошним гражданам, которые приносили на него жалобы, отчасти несправедливые. Князь Лыко в досаде уехал к брату Иоаннову, Борису, в Волок Ламский, пользуясь древним правом Боярским переходить из службы Государя Московского к Князьям Удельным. Иоанн требовал сего беглеца от брата; но Борис отвечивал: “не выдаю; а если он виновен, то нарядим суд”. Вместо суда Великий Князь приказал Наместнику Боровскому тайно схватить Лыка, где бы то ни было, и скованного представить в Москву: что он и сделал. Князь Борис Васильевич оскорбился; писал к брату, Андрею Суздальскому, о сем незаконном насилии, и говорил, что Иоанн тиранствует, презирает святыя древние уставы и единоутробных, не дал им части ни из Удела Юриева, ни из областей Новгородских, завоевав их вместе с ними; что терпению должен быть конец, и что они не могут после того жить в Государ-

стве Московском. Андрей был такого же мнения: собрав многочисленную дружину, оба с женами и детьми выехали из своих Уделов; не хотели слушать Боярина Иоаннова, посланного уговорить их²¹³; спешили к Литовской границе, злодействуя на пути огнем и мечем как в земле неприятельской; остановились в Великих Луках и требовали от Казимира, чтобы он за них вступился. Король, обрадованный сим случаем²¹⁴, дал город Витебск на содержание их семейств, к крайнему беспокойству всех Россиян, уstraшенных вероятностию междоусобной войны²¹⁵. Между тем Великий Князь подозревал мать свою в тайном соглашении с его братьями, зная отменную любовь ее к Андрею²¹⁶, и хотел быть великодушным: послал к ним Ростовского Святителя, Вассиана, с Боярином Василием Федоровичем Образцем, и предлагал мир искренний, обещал Андрею, сверх наследственного Удела, Алексин и Калугу²¹⁷. Но братья с гордостью отвергнули все убеждения Вассиановы и милость Иоаннову.

(Г. 9*-1478-1480-9*. Поход Ахмата на Россию). Тогда услышали в Москве о походе Ахмата, который шел медленно, ожидая вестей от Казимира. Иоанн все предвидел: как скоро Золотая Орда двинулась, Менгли-Гирей, верный его союзник, по условию с ним напал на Литовскую Подолию и тем отвлек Казимира от содействия с Ахматом. Зная же, что сей последний оставил в своих Улусах только жен, детей и старцев, Иоанн велел Крымскому Царевичу Нордоулату и Воеводе Звенигородскому, Князю Василью Ноздроватому^{10*}, с небольшим отрядом сесть на суда и плыть туда Волгою, чтобы разгромить незащищенную Орду или по крайней мере уstraшить Хана²¹⁸. Москва в несколько дней наполнилась ратниками. Передовое войско уже стояло на берегу Оки. Сын Великого Князя, Младший Иоанн, выступил со всеми полками из столицы в Серпухов 8 Июня: а дядя его, Андрей Меньший, из своего Удела. Сам Государь еще оставался в Москве недель шесть; наконец, сведав о приближении Ахмата к Дону, 23 Июля отправился в Коломну, поручив хранение столицы дяде своему, Михаилу Андреевичу Верейскому, и Боярину Князю Ивану Юрьевичу, Духовенству, купцам и народу. Кро-

ме Митрополита, находится там Архиепископ Ростовский, Вассиан, старец ревностный ко славе отечества²¹⁹. Супруга Иоаннова выехала с Двором своим в Дмитров, откуда на судах удалилась к пределам Белаозера; а мать его, Инокания Марфа, вняв убеждениям Духовенства, к утешению народа осталась в Москве²²⁰.

Великий Князь принял сам начальство над войском, прекрасным и многочисленным, которое стояло на берегах Оки реки, готовое к битве²²¹. Вся Россия с надеждою и страхом ожидала следствий. Иоанн был в положении Дмитрия Донского, шедшего сразиться с Мамаем: имел полки лучше устроенные, Воевод опытнейших, более славы и величия; но зрелостию лет, природным хладнокровием, осторожностью располагаемый не верить слепому счастью, которое иногда бывает сильнее доблести в битвах, он не мог спокойно думать, что один час решит судьбу России; что все его великодушные замыслы, все успехи медленные, постепенные, могут кончиться гибелию нашего войска, развалинами Москвы, новою тягчайшею неволею отечества, и единственно *от нетерпения*: ибо Золотая Орда ныне или завтра должна исчезнуть по ее собственным, внутренним причинам разрушения. Дмитрий победил Мамаю, чтобы видеть пепел Москвы и платить дань Тохтамышу: гордый Витовт, презирая остатки Капчакского Ханства, хотел одним ударом сокрушить их, и погубил рать свою на берегах Ворсклы. Иоанн имел славолубие не воина, но Государя; а слава последнего состоит в целостности Государства, не в личном мужестве: целость, сохраненная осмотрительною уклончивостию, славнее гордой отважности, которая подвергает народ бедствию. Сии мысли казались благоразумием Великому Князю и некоторым из Бояр, так, что он желал, если можно, удалить решительную битву.

Ахмат, слыша, что берега Оки к Рязанским пределам везде заняты Иоанновым войском, пошел от Дона мимо Мценска, Одоева и Любутска к Угре, в надежде соединиться там с Королевскими полками, или вступить в Россию с той стороны, откуда его не ожидали. Великий Князь, дав повеление сыну и брату итти к Калуге и стать на левом

берегу Угры, сам приехал в Москву, где жители посадов перебирались в Кремль с своим драгоценнейшим имуществом, и видя Иоанна, вообразили, что он бежит от Хана. Многие кричали в ужасе: “Государь выдает нас Татарам! отягощал землю налогами, и не платил дани Ординской! разгневил Царя, и не стоит за отечество!” Сие неудовольствие народное, по словам одного Летописца²²², столь огорчило Великого Князя, что он не въехал в Кремль, но остановился в Красном селе, объявив, что прибыл в Москву для совета с матерью, Духовенством и Боярами. “Иди же смело на врага!” сказали ему единодушно все Духовные и мирские сановники. Архиепископ Вассиан, седый, ветхий старец, в великодушном порыве ревностной любви к отечеству воскликнул: “Смертным ли бояться смерти? Рок неизбежен. Я стар и слаб; но не убоюсь меча Татарского, не отвращу лица моего от его блеска”²²³. – Иоанн желал видеть сына, и велел ему быть в столицу с Даниилом Холмским: сей пылкий юноша не поехал, ответствуя родителю: “ждем Татар”; а Холмскому: “лучше мне умереть здесь, нежели удалиться от войска”. Великий Князь уступил общему мнению, и дал слово крепко противоборствовать Хану. В сие время он помирился с братьями, коих Послы находились в Москве; обещал жить с ними дружно, наделить их новыми волостями, требуя единственно, чтобы они спешили к нему с своею воинскою дружиною для спасения отечества. Мать, Митрополит, Архиепископ Вассиан, добрые советники, а всего более опасность России, к чести обеих сторон, прекратили вражду единокровных²²⁴. – Иоанн взял меры для защиты городов; отрядил Дмитровцев в Переяславль²²⁵, Москвитян в Дмитров; велел сжечь посады вокруг столицы, и 3 Октября, приняв благословение от Митрополита, поехал к войску. Никто ревностнее Духовенства не ходатайствовал тогда за свободу отечества и за необходимость утвердить оную мечем. Первосвященник Геронтий, знаменуя Государя крестом, с умилением сказал: “Бог да сохранит твое Царство и даст победу, яко же древле Давиду и Константину! Мужайся и крепися, о сын духовный: как истинный воин Христов. Добрый пастырь полагает душу свою за овцы: ты не наемник! Избави вручен-

ное тебе Богом словесное стадо от грядущего ныне зверя. Господь нам поборник!” Все Духовные примолвили: *Аминь! буди тако!* и молили Великого Князя не слушать мнимых друзей мира, коварных или малодушных.

Иоанн приехал в Кременец, городок на берегу Лужи²²⁶, и дал знать Воеводам, что будет оттуда управлять их движениями. Полки наши, расположенные на шестидесяти верстах, ждали неприятеля, отразив легкий передовой отряд его, который искал переправы через Угру. 8 Октября, на восходе солнца, вся сила Ханская подступила к сей реке. Сын и брат Великого Князя стояли на противном берегу. С обеих сторон пускали стрелы: Россияне действовали и пищальями. Ночь прекратила битву. На другой, третий и четвертый день опять сражались издали. Видя, что наши не бегут, и стреляют метко, в особенности из пищалей, Ахмат удалился за две версты от реки, стал на обширных лугах и распустил войско по Литовской земле для собрания съестных припасов²²⁷. Между тем многие Татары выезжали из стана на берег и кричали нашим: “Дайте путь Царю, или он силою дойдет до Великого Князя, а вам будет худо”.

Миновало несколько дней. Иоанн советовался с Воеводами: все изъявляли бодрость, хотя и говорили, что силы неприятельские велики. Но он имел двух любимцев, Боярина Ощеру и Григория Мамона, коего мать была сожжена Князем Иоанном Можайским за мнимое волшебство²²⁸: сии, как сказано в летописи, тучные Вельможи любили свое имя, жен и детей гораздо более отечества, и не представляли *шептать* Государю, что лучше искать мира. Они смеялись над геройством нашего Духовенства, которое, не имея понятия о случайностях войны, хочет кровопролития и битвы; напоминали Великому Князю о судьбе его родителя, Василия Темного, плененного Татарами; не устыдились думать, что Государи Московские, издревле обязывая себя клятвою не поднимать руки на Ханов, не могут без вероломства воевать с ними. Сии внушения действовали тем сильнее, что были согласны с правилами собственного опасливого ума Иоаннова. Любимцы его жалели своего богатства: он жалел своего величия, снисканного трудами осьмнадцати лет, и не уверенный в победе, мыслил сохра-

нить оное дарами, учтивостями, обещаниями. Одним словом, Государь послал Боярина, Ивана Федоровича Товаркова, с мирными предложениями к Ахмату и Князю Ординскому, Темиру. Но Царь не хотел слушать их, отвергнул дары, и сказал Боярину: “я пришел сюда наказать *Ивана* за его неправду, за то, что он не едет ко мне, не бьет челом и уже *девять* лет не платил дани. Пусть сам явится предо мною: тогда Князья наши будут за него ходатайствовать, и я могу оказать ему милость”²²⁹. Темир также не взял даров, ответствуя, что Ахмат гневен, и что Иоанн должен у *Царского стремени* вымолить себе прощение. Великий Князь не мог унизиться до такой степени раболепства. Получив отказ, Ахмат сделался снисходительнее, и велел объявить Иоанну, чтобы он прислал сына или брата, или хотя Вельможу, Никифора Басенка, угодника Ординского. Государь и на то не согласился²³⁰. Переговоры кончились.

Сведав об них, Митрополит Геронтий, Архиепископ Вассиан и Паисий, Игумен Троицкий, убедительными грамотами напоминали Великому Князю обет его стоять крепко за отечество и Веру. Старец Вассиан писал так²³¹:

([Красноречивое] послание Архиепископа Вассиана к Великому Князю). “Наше дело говорить Царям истину: что я прежде изустно сказал тебе, славнейшему из Владык земных, о том ныне пишу, ревностно желая утвердить твою душу и Державу. Когда ты, вняв молению и доброй думе Митрополита, своей родительницы, благоверных Князей и Бояр, поехал из Москвы к воинству с намерением ударить на врага Христианского, мы, усредные твои богомольцы, дено и ношно припадали к олтарям Всевышнего, да увенчает тебя Господь победою. Что же слышим? Ахмат приближается, губит Христианство, грозит тебе и отечеству: ты же пред ним уклоняешься, молишь о мире и шлешь к нему Послов; а нечестивый дышет гневом и презирает твое моление! Государь! каким советам внимаешь? людей недостойных имени Христианского. И что советуют? повергнуть ли щиты, обратиться ли в бегство? Но помысли, от какой славы и в какое уничижение низводят они твое величество! Предать землю Русскую огню и мечу, церкви разорению, тьмы людей погибели! Чье сердце каменное не изливается в

слезах от единых мысли? О Государь! кровь паствы вопиет на небо, обвиняя пастыря. И куда бежать? где воцаришься, погубив данное тебе Богом стадо? *Взыграеши ли яко орел, и посреди ли звезд гнездо себе устроишь? свергнет тебя Господь и оттуду...* Нет, нет! уповаем на Вседержителя. Нет, ты не оставишь нас, не явишься беглецом, и не будешь именоваться предателем отечества!... Отложи страх и возмогай о Господе в державе крепости Его! Един поженет тысящу и два двигнут тьму, по слову мужа святого: *не суть боги их яко бог наш!* Господь мертвит и живит: Он даст силу твоим воинам. Язычник, Философ Демокрит, в числе главных Царских добродетелей ставит прозорливость в мирских случаях, твердость и мужество. Поревнуй предкам своим: они не только землю Русскую хранили, но и многие иные страны покоряли; вспомни Игора, Святослава, Владимира, коих данники были Цари Греческие, и Владимира Мономаха, ужасного для Половцев; а прадед твой великий, хвалы достойный Димитрий, не сих ли неверных Татар победил за Доном? Презирая опасность, сражался впереди; не думал: *имею жену, детей и богатство; когда возьмут землю мою, вселюся инде* – но стал в лице Мамаю, и Бог осенил главу его в день брани. Не уже ли скажешь, что ты обязан клятвою своих предков не поднимать руки на Ханов? Но Димитрий поднял оную. Клятва принужденная разрешается Митрополитом и нами: мы все благословляем тебя на Ахмата, не Царя, но разбойника и *Богоборца*. Лучше солгать и спасти Государство, нежели истинствовать и погубить его. По какому святому закону ты, Государь православный, обязан уважать сего злочестивого самозванца, который силою поработил наших отцев за их малодушие, и воцарился, не будучи ни Царем, ни племени Царского? То было действием гнева Небесного; но Бог есть отец чадолюбивый: наказует и милует; древле потопил Фараона и спас Израиля: спасет и народ твой, и тебя, когда покаянием очистишь свое сердце: ибо ты человек и грешен. Покаяние Государя есть искренний обет блюсти правду в судах, любить народ, не употреблять насилия, оказывать милость и виновным... Тогда Бог восставит нам тебя, Государя, яко древле Моисея, Иисуса и других, освободивших Израиля, да и новый Израиль,

земля Русская, освободится тобою от нечестивого Ахмата, нового Фараона: Ангелы снидут с небес в помощь твою; Господь пошлет тебе от Сиона жезл силы, и одолеешь врагов, и смятутся, и погибнут. Тако глаголет Господь: *Аз подвигох тя, Царя правды, и приях тя за руку десную, и укрепих тя, да послушают тебе языцы, и крепость Царей разрушиши; и Аз пред тобою иду, и горы сравню, и двери медные сокрушу, и затворы железные сломяю...* и дарует тебе Всевышний Царство славное, и сынам сынов твоих в род и род во веки. А мы Соборами Святительскими день и ночь молим Его, да расступятся племена нечестивые, хотящие брани; да будут омрачены молниею небесною и яко псы гладные да лижут землю языками своими! Радуемся и веселимся, слыша о доблести твоей и Богом данного тебе сына: уже вы поразили неверных; но не забуди слова Евангельского: *претерпевый до конца, той спасен будет.* – Наконец прошу тебя, Государь, не осудить моего худоумия; писано бо есть: *дай мудрому вино, и будет мудрее.* Да будет тако! Благословение нашего смирения на тебе, на твоём сыне, на всех Боярах и Воеводах, на всем Христолюбивом воинстве... Аминь”.

Прочитав сие письмо, достойное великой души бессмертного мужа, Иоанн, как сказано в летописи²³², *исполнился веселия, мужества и крепости*; не мыслил более о средствах мира, но мыслил единственно о средствах победы, и готовился к битве. Скоро прибыли к нему братья его, Андрей и Борис, с их многочисленною дружиною: не было ни упреков, ни извинений, ни условий; единокровные обнялись с видом искренней любви, чтобы вместе служить отечеству и Христианству.

Прошло около двух недель в бездействии: Россияне и Татары смотрели друг на друга чрез Угру, которую первые называли *поясом Богоматери*, охраняющим Московские владения. Ахмат послал лучшую свою конницу к Городищу Опакову, и велел ей украдкою переплыть Оку²³³: Воеводы Иоанновы не пустили Татар на свой берег. Ахмат злобился; грозил, что морозы откроют ему путь через реки; ждал Литовцев и зимы. О Литовцах не было слуха; но в исходе Октября настали сильные морозы: Угра по-

крывалась льдом, и Великий Князь приказал всем нашим Воеводам отступить к Кременцу, чтобы сразиться с Ханом на полях Боровских, удобнейших для битвы²³⁴.

Так говорил он; так, вероятно, и мыслил. Но Бояре и Князя изумились, а воины оробели, думая, что Иоанн страшится и не хочет битвы. Полки не отступали, но бежали от неприятеля, который мог ударить на них с тылу. Сделалось чудо, по словам Летописцев: Татары, видя левый берег Угры оставленный Россиянами, вообразили, что они манят их в сети, и вызывают на бой, приготовив засады: объятый странным ужасом, Хан спешил удалиться. (11*-Ноября 7.-11*). Представилось зрелище удивительное: два воинства бежали друг от друга, никем не гонимые! Россияне наконец остановились; но Ахмат ушел во-свояси, разорив в Литве двенадцать городов, за то, что Казимир не дал ему помощи²³⁵. Так кончилось сие последнее нашествие Ханское на Россию: Царь не мог ворваться в ее пределы; не вывел ни одного пленника Московского. Только сын его, Амуртоза, на возвратном пути захватил часть нашей Украйны²³⁶; но был немедленно изгнан оттуда братьями Великого Князя, посланными с войском в след за неприятелем. Один Летописец Казанский удовлетворительно изъясняет сие бегство Ахматова, сказывая, что Крымский Царевич, Нордоулат, и Князь 12*-Василий Ноздроватый^{-12*} счастливо исполнили повеление Иоанново: достигли Орды, взяли *Юрт Батыев* (вероятно Сарай), множество пленников, добычи, и могли бы в конец истребить сие гнездо наших злодеев, если бы Улан Нордоулатов, именем Обуяз, не помешал тому своими представлениями. “Что делаешь? сказал он своему Царевичу: вспомни, что сия древняя Орда есть наша общая мать; все мы от нее родились. Ты исполнил долг чести и службы Московской: нанес удар Ахмату, довольно; не губи остатков!” Нордоулат удалился; а Хан, сведав о разорении Улусов, оставил Россию, чтобы защитить свою собственную землю²³⁷. Сие обстоятельство служит к чести Иоаннова ума: заблаговременно взяв меры отвлечь Ахмата от России, Великий Князь ждал их действия, и для того не хотел битвы. Но все другие Летописцы славят единственно милость Божию, и

говорят: “Да не похвалятся легкомысленные страхом их оружия! Нет, не оружие и не мудрость человеческая, но Господь спас ныне Россию!”²³⁸ Иоанн, распустив войско, с сыном и с братьями приехал в Москву славословить Всевышнего, за победу, данную ему без кровопролития. Он не увенчал себя лаврами, как победитель Мамаев, но утвердил венец на главе своей и независимость Государства. Народ веселился; а Митрополит уставил особенный ежегодный праздник Богоматери и крестный ход Июня 23²³⁹ в память освобождения России от ига Моголов: ибо здесь конец нашему рабству.

〈Разорение Большой^{13*} Орды и смерть Ахмата〉. Ахмат имел участь Мамаю. Он вышел из Литвы с богатою добычею: Князь *Шибанских* или Тюменских Улусов, Ивак, желая отнять ее, с Ногайскими Мурзами, Ямгурчеем, Мусою, и с шестнадцатью тысячами Козаков гнался за ним от берегов Волги до Малого Донца, где сей Хан, близ Азова, остановился зимовать, распустив своих Уланов. Ивак приблизился ночью, окружил на рассвете Царскую *белую вежу*, собственною рукою умертвил спящего Ахмата, без сражения взял Орду, его жен, дочерей, богатство, множество Литовских пленников, скота; возвратился в Тюмень и прислал объявить Великому Князю, что злодей России лежит в могиле²⁴⁰. Еще так называемая Большая Орда не совсем исчезла, и сыновья Ахматовы удержали в степях Волжских имя Царей; но Россия уже не поклонялась им, и знаменитая столица Батыева, где наши Князья более двух веков раболепствовали Ханам, обратилась в развалины, донныне видимые на берегу Ахтубы: там среди обломков гнездятся змеи и ехидны²⁴¹. — Отселе Татары Шибанские и Ногайские, коих Улусы находились между рекою Бузулуком и морем Аральским²⁴², являются действующими в нашей Истории и в сношениях с Москвою, не редко служа орудием ее Политике. Князь Ивак Тюменский хвалился происхождением своим от Чингиса и правом на трон Батыев, называя Ахмата, его братьев и сыновей детьми Темир-Кутлуя, а себя истинным Царем *Бесерменским*²⁴³; искал дружбы Иоанновой и величался именем равного ему Государя, уже не дерзая требовать с нас дани и мыслить, чтобы Рос-

сияне были природными подданными всякого Хана Татарского.

Заметим тогдашнее расположение умов. Не смотря на благоразумные меры, взятые Иоанном для избавления Государства от злобы Ахматовой; не смотря на бегство неприятеля, на целость войска и Державы, Москвитяне, веселяся и торжествуя, не были совершенно довольны Государем: ибо думали, что он не явил в сем случае свойственного великим душам мужества и пламенной ревности жертвовать собою за честь, за славу отечества. Осуждали, что Иоанн, готовясь к войне, послал супругу в отдаленные северные земли, думая о личной ее безопасности более, нежели о столице, где надлежало ободрить народ присутствием Великокняжеского семейства. Строго осуждали и Софию, что она без всякой явной опасности бегала с знатнейшими женами Боярскими из места в место, не хотела даже остаться и в Белозерске, уехала далее к морю, и на пути позволяла многочисленным слугам своим грабить жителей как неприятелей²⁴⁴. И так славнейшее дело Иоанново для потомства, конечное свержение Ханского ига, в глазах современников не имело полной, чистой славы, обнаружив в нем, по их мнению, боязливость или нерешительность, хотя сия мнимая слабость происходит иногда от самой глубокой мудрости человеческой, которая не есть Божественная, и предвидя многое, знает, что не предвидит всего.

Тем более народ славил твердость нашего Духовенства, и в особенности Вассиана, коего послание к Великому Князю ревностные друзья отечества читали и переписывали с слезами умиления. Сей добродетельный старец едва имел время благословить начало государственной независимости в России: занемог и скончался, оплакиваемый всеми добрыми согражданами²⁴⁵. Славная память его осталась навеки неразлучною с памятию нашей свободы. – (Г. 1481. Кончина Андрея, меньшого брата Иоаннова). Тогда же преставился и брат Великого Князя, Андрей Меньший, любимый народом за верность и бодрую деятельность, оказанную им против Ахмата²⁴⁶. В духовном завещании он признает себя должником Иоанна, получив от него 30 000 рублей для платежа в Орды, в Казань и Царевичу Данияру; велит выку-

пить разные вещи, отданные им в залог Ивану Фрязину и другим; не оставив ни детей, ни жены, отказывает Государю Удел свой, его сыновьям иконы, кресты, поясы и цепи золотые, братьям Андрею и Борису некоторые волости, Троицкому монастырю 46 деревень на Вологде и проч.²⁴⁷ Таким образом делая себя единственным наследником своих ближних, умирающих бездетными, Великий Князь новыми договорными грамотами утвердил за Андреем старшим, за Борисом и за детьми их, Уделы родительские с частью Московских пошлин; дал еще первому город Можайск, а второму несколько сел, с условием, чтобы они не вступались в его приобретения, настоящие и будущие. В сих грамотах упоминается об издержках Ординских²⁴⁸: хотя Великий Князь уже не мыслил быть данником, но предвидел необходимость подкупать Татар, чтобы располагать их остатными силами в нашу пользу. Содержание Царевича Данияра и братьев Менгли-Гиреевых, Нордоулата и Айдара, сосланного за что-то в Вологду²⁴⁹; наконец дары посылаемые в Тавриду, в Казань, в Ногайские Улусы, требовали не малых расходов, в коих Андрей и Борис Василиевичи обязывались участвовать²⁵⁰.

(Посольство в Крым). Благополучно отразив Ахмата, сведав о гибели его, и миром с братьями успокоив как Россию, так и собственное сердце, Иоанн послал к Менгли-Гирею Боярина Тимофея Игнатъевича Скрыбу²⁵¹, с известием о своем успехе и с напоминанием, чтобы сей Хан не забывал их договора действовать всегда общими силами против Волжской Орды и Казимира, в случае, если преемники Ахматовы или Король замыслият опять воевать Россию. Боярин Тимофей должен был говорить в особенности с Князем Крымским, Именekom, нашим доброжелателем, и вручить его сыну, Довлетуку, *опасную грамоту* с золотою печатью для свободного пребывания во всех Московских владениях: ибо Довлетек, не веря спокойствию мятежной Тавриды, просил о том Иоанна. Странное действие судьбы: Россия, столь долго губимая Татарами, сделалась их Покровительницею и верным убежищем в несчастиях!



Глава IV

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ИОАННОВА.



Война с Ливонским Орденом. Литовские дела. Хан Крымский опустошает Киев. Сыновья Ахматовы воюют с Крымским Ханом. Король Венгерский Матфей в дружбе с Иоанном. Брак сына Иоаннова с Еленою, дочерью Стефана, Господаря Молдавского. Завоевание Твери. Присоединение Удела Верейского к Москве. Князья Ростовские, Ярославские лишены прав Владетельных. Происшествия Рязанские. Покорение Казани. Сношения с Ханом Крымским. Посольство Муртозы, сына Ахматова, в Москву. Посольство Ногайское. Покорение Вятки. Завоевание земли Арской. Кончина Иоанна Молодого. Казнь врача. Собор на еретиков Жидовских. Свержение Митрополита. Избрание нового.

Г. 1480—1490.

(Г. 1480. Война с Ливонским Орденом). В сие время Иоанн предприял нанести удар Ливонским Немцам. Еще в 1478 году, покоря Новгород, Московская рать входила в их Нарвские пределы и возвратилась оттуда с добычею²⁵². Скоро после того купцы Псковские были задержаны в Риге и в Дерпте: у некоторых отняли товары, других заключили в темницу. Псковитяне сделали тоже и с купцами Дерптскими; но не хотели войны, и считая себя в мире с Немцами, удивились, когда Рыцари заняли Вышегородок. Сие известие пришло во Псков ночью: ударили в Вечевой колокол; граждане собрались, и на рассвете выступили против неприятеля. Оставив Вышегородок, Немцы явились под Гдовом. С помощью Великого Князя, и с его Воеводою, Князем Андреем Никитичем Ногтем, присланным из Новагорода, Псковитяне заставили их бежать, сожгли Костер на реке Эмбахе, взяли там несколько пушек, осаждали Дерпт и возвратились обремененные добычею. Сие впадение Россиян в Дерптскую землю описано самим Магистром Ливонским, Бернгардом, в донесении его к

Главе Прусского Ордена²⁵³: нет лютости, в которой бы он не обвинял их; убиение людей безоружных было легчайшим^{1*} из злодейств, ими будто бы совершенных. Напомним Читателю сказание Византийских Историков о свирепости древних Славян или повествование наших Летописцев о набегах Татарских: Россияне, по словам Бернгарда, едва ли не превзошли тогда сих варваров. Магистр готовил месть: сведав, что Воевода Московский, недовольный Псковитянами, ушел от них с своею дружиною, и что Иоанн занят войною с Ахматом, Бернгард требовал помощи, людей и денег от Прусского Ордена; желая действовать всеми силами, но боясь упустить время, приступил к Изборску: не мог взять его, и выжег только окрестности. Псковитяне, видя огонь и дым, жаловались на своего Князя, Василия Шуйского, что он пьет и грабит их, а защитить не умеет. Немцы обратили в пепел городок Кобылий, умертвив до четырех тысяч жителей, и наконец (в 1460 году, Августа 20) осадили Псков. Войско их, как пишут, состояло из 100 000 человек, большею частию крестьян, худо вооруженных и совсем неспособных к ратным действиям, так, что необозримый стан его за рекою Великою ходил на Цыганский²⁵⁴: шум и беспорядок господствовали в оном. Но Псковитяне ужаснулись. Многие бежали, и сам Князь Шуйский уже садился на коня, чтобы следовать примеру малодушных: граждане остановили его; делали мирные предложения Магистру, с обрядами священными носили вокруг стен одежду своего незабвенного Героя Довмонта, и наконец исполнились мужества. Бернгард, имея 13 Дерптских судов с пушками, старался зажечь город. Немцы пристали к берегу: тут Россияне, вооруженные секирами, мечами, камнями, устремились в бой, и смяли их в реку. Немцы тонули, бросаясь на суда; а ночью, сняв осаду, ушли²⁵⁵. “Мы тщетно предлагали Россиянам битву в поле”, говорит Бернгард в письме к начальнику Прусского Ордена: река Великая не допустила нас до города”²⁵⁶. Ожидая нового нападения, Псковитяне требовали защиты от братьев Иоанновых, Андрея и Бориса, которые ехали тогда из Великих Лук в Москву с сильною дружиною; но сии Князья ответствовали, что им не время думать о Нем-

цах, и мимоездом ограбили несколько деревень, за то, как сказано в одной летописи, что Псковитяне, опасаясь Иоаннова гнева, не хотели принять к себе их Княгинь, бывших в Литве²⁵⁷.

Магистр^{2*}, испытав неудачу, распустил войско: сия оплошность дорого стоила бедной земле его. Сведав о неприятельских действиях Ордена, и не имея уже других врагов, Иоанн послал Воевод, Князей Ивана Булгака и Ярослава Оболенского, с двадцатью тысячами на Ливонию, кроме особенных полков Новгородских, предводимых Наместниками, Князем Василием Федоровичем и Боярином Иваном Зиновьевичем. Псков был местом соединения Российских сил, достаточных для завоевания всей Ливонии; но умеренный Иоанн не хотел оного, имея в виду иные, существеннейшие приобретения: желал единственно вселить ужас в Немцев в тем на-долго успокоить наши северо-западные пределы. (Г. 1481). В исходе Февраля, 1481 году, рать Великокняжеская, конница и пехота, вступила в Орденские владения и разделилась на три части: одна пошла к Мариенбургу, другая к Дерпту, третья к Вальку²⁵⁸. Неприятель нигде не смел явиться в поле: Россияне целый месяц делали, что хотели в земле его; жгли, грабили; взяли Феллин, Тарваст^{3*}, множество людей, лошадей, колоколов, серебра, золота; захватили обоз Магистра: едва и сам Бернгард не попался им в руки, бежав из Феллина за день до их прихода. Некоторые города откупались: Летописец обвиняет корыстолюбие Князей Булгака и Ярослава, тайно бравших с них деньги²⁵⁹. Всех более потерпели Священники: Москвитяне ругались над ними, секли их и жгли, как сказано в бумагах Орденских²⁶⁰: Дворян, купцев, земледельцев, жен, детей отправляли тысячами в Россию и тяжелые обозы с добычею. Весенняя распутица освободила наконец Ливонию: полки наши возвратились во Псков; а Бернгард, оплакивая судьбу Ордена, винил во всем Великого Магистра Прусского, не давшего ему помощи; другие же обвиняли Епископа Дерптского, который, имея свое особенное войско, не хотел действовать совокупно с Рыцарями²⁶¹. Но обстоятельства переменились: Орден три века боролся с Новгородцами и Псковитянами, часто несог-

ласными между собою: Единовластие давало России такую силу, что бытие Ливонии уже находилось в опасности. — (Г. 1482–1488). — В 1483 году Послы Иоанновы заключили в Нарве перемирие с Немцами на 20 лет²⁶².

〈Литовские дела〉. С Литвою не было ни войны, ни мира. Иоанн предлагал мир, но требовал наших городов и земель, коими завладел Витовт; а Король требовал Великих Лук и даже Новагорода²⁶³. С обеих сторон недоброжелательствовали друг другу, стараясь вредить тайно и явно. Россия имела друзей в Литве между Князьями единоверными: трое из них, Ольшанский, Михаил Олелькович и Федор Бельский, правнуки славного Ольгерда, будучи недовольны Казимиром, замыслили поддаться Иоанну с их Уделами в земле Северной²⁶⁴. Сие намерение открылось: Король велел схватить двух первых; а Бельский (в 1492 году) ушел в Москву, оставив в Литве юную супругу на другой день своей женитьбы. Так сказано о сем происшествии в наших летописях. Историк Польский говорит следующее: “Князья Северские, приехав в Вильну, хотели видеть Короля; но страж не позволил им войти во дворец, и дверь прихлопнул одному из них ногу: Казимир осудил сего воина на смерть, однако ж не мог укротить тем злобы Князей: считая себя несносно обиженными, и давно имея разные досады на Правительство Литовское, к ним неблагоклонное за иноверие, они поддались Государю Московскому”²⁶⁵. Иоанн, в надежде воспользоваться услугами Бельского, принял его с отменною милостию и дал ему в отчину городок Демон.

Казимир поставил 10 000 ратников в Смоленске²⁶⁶, однако ж не смел начать войны; ласково угостил в Гродне чиновников Пскова и снисходительно удовлетворил всем их требованиям в спорных делах с Литвою: между тем советовал Ахматовым сыновьям, Сеид-Ахмату и Муртозе, тревожить Россию, и старался отвлечь Хана Менгли-Гирея от нашего союза: в чем едва было и не успел, подкупив Вельможу Крымского, Именека, который склонил Государя своего заключить (в 1482 году) мир с Литвою. 〈Хан Крымский опустошил Киев〉. Но Иоанн разрушил сей замысел: Послы Великокняжеские²⁶⁷, Юрий Шестак и Ми-

хайло Кутузов, сильными представлениями заставили Менгли-Гирея снова объявить себя неприятелем Казимировым, так, что он в 1482 году, осенью, со многочисленными конными толпами явился на берегах Днепра, взял Киев, пленил тамошнего Воеводу, Ивана Хотковича, опустошил город, сжег монастырь Печерский и прислал к Великому Князю Дискос и Потир Софийского храма, вылитые из золота²⁶⁸. Сей случай оскорбил православных Москвитян, которые видели с сожалением, что Россия насылает варваров на единоверных, жечь и грабить святые церкви, древнейшие памятники нашего Христианства; но Великий Князь, думая единственно о выгодах государственных, изъявил благодарность Хану²⁶⁹ 4*, убеждая его и впредь ревностно исполнять условия их союза. “Я с своей стороны – приказывал к нему Иоанн – не упускаю ни единого случая делать тебе угодное: содержу твоих братьев в России, Нордоулата и Айдара, с немалым убытком для казны моей”^{5*}. Великий Князь в самом деле поступал как истинный, усердный друг Менгли-Гиреев. Взаимная ненависть Ханов Крымской и Золотой Орды не прекратилась смертью Ахмата, не смотря на то, что Султан Турецкий, правом верховного Мусульманского Властителя, запретил им воевать между собою²⁷⁰. (Сыновья Ахматовы воюют с Крымским Ханом). Скитаясь в Донских степях с особенным своим Улусом, Царь Муртоза, при наступлении жестокой зимы (в 1485 году), искал убежища от голода в окрестностях Тавриды: Менгли-Гирей вооружился, пленил его, отослал в Кафу и разбил еще Улус Князя Золотой Орды, Темира; но сей Князь в следующее лето, соединясь с другим Ахматовым сыном²⁷¹, нечаянно напал на Тавриду – когда жители и воины ее занимались хлебопашеством – едва не схватил самого Менгли-Гирея, освободил Муртозу и с добычею удалился в степи. Великий Князь, сведав о том, немедленно отрядил войско на Улусы Ахматовых сыновей и прислал к Менгли-Гирею многих Крымских пленников, вырученных Россиянами²⁷².

(Король Венгерский Матфей в дружбе с Иоанном). В Венгрии царствовал Матфей Корвин, сын славного Гуниада, знаменитый остроумием и мужеством: будучи непри-

ятелем Казимира, он искал дружбы Государя Московского, и в 1482 году прислал к нему чиновника, именем Яна²⁷³; а Великий Князь, приняв его благосклонно, вместе с ним отправил к Королю Дьяка Федора Курицына, чтобы утвердить договор, заключенный в Москве между сими двумя Государствами, и разменяться грамотами. Обе Державы условились вместе воевать Королевство Польское в удобное для того время. – Венгрия, быв некогда в частных сношениях с южною Россиею, уже около двух сот лет как бы не существовала для нашей Истории: Иоанн возобновил сию древнюю связь, которая могла распространить славу его имени в Европе и способствовать нашему гражданскому образованию. Великий Князь требовал от Матфея, чтобы он доставил ему 1) художников, умеющих лить пушки и стрелять из оных; 2) *Размыслов* или Инженеров; 3) серебреников для делания больших и малых сосудов; 4) зодчих для строения церквей, палат и городов; 5) горных мастеров, искусных в добывании руды золотой и серебряной, также в отделении металла от земли. “У нас есть серебро и золото”, велел он сказать Королю: “но мы не умеем чистить руды. Услужи нам, и тебе услужим всем, что находится в моем Государстве”²⁷⁴. Дьяк Курицын, возвращаясь в Москву, был задержан Турками в Белегороде, но освобожден старанием Короля и Менгли-Гирея. Новые взаимные Посольства, ласковые письма и дары утверждали сию приязнь. Иоанн (в 1488 году) подарил Матфею черного соболя с коваными золотыми ноготками, обсаженными крупным Новгородским жемчугом²⁷⁵; в знак особенного уважения допускал к себе Послов Венгерских, изустно говорил с ними, дозволяя им садиться и сам подавал кубок вина. Зная, что дружество Государей бывает основано на Политике, он внимательно наблюдал Матфееву и предписывал своим Послам разведывать о всех его сношениях с Турциею, Римским Императором, с Богемиею и с Казимиром.

В сие время явилась новая знаменитая Держава в соседстве с Литвою и сделалась предметом Иоанновой Политики. Мы говорили о начале Молдавского Княжества²⁷⁶, управляемого Воеводами, коих имена едва нам известны

до самого Стефана IV или Великого, дерзнувшего обнажить мечь на ужасного Магомета II, и славными победами, одержанными им над многочисленными Турецкими войсками, вписавшего имя свое в Историю редких Героев: мужественный в опасностях, твердый в бедствиях, скромный в счастьях, приписывая его только Богу, покровителю добродетели, он был удивлением Государей и народов, с малыми средствами творя великое. Вера Греческая, сходство в обычаях, употребление одного языка в церковном служении и в делах государственных, необыкновенный ум обоих Властителей, Российского и Молдавского, согласие их выгод и правил служили естественною связью между ими. Стефан, кроме Турков, опасался честолюбивого Казимира и Менгли-Гирея: первый хотел, чтобы Молдавия зависела от Королевства Польского; второй, будучи присяжником Султана, угрожал ей нападением. Иоанн мог действовать ее независимости и безопасности, обуздывая Короля страхом войны, а Менгли-Гирея дружественными представлениями, с условием, чтобы и Стефан, в случае нужды, помогал России* усердно. Сей *Воевода* и *Господарь* – так называет он себя в своих грамотах²⁷⁷ – противоборствуя насилиям Султанов, утеснителей Греции, имел еще особенное право на дружество зятя Палеологов, который принял герб их и с ним обязательство быть врагом Магометовых наследников.

⟨Брак сына Иоаннова с Еленою, дочерью Стефана, Господаря Молдавского⟩. Таким образом расположенные к искреннему союзу, Иоанн и Стефан утвердили оный семейственным: второй предложил выдать дочь свою, Елену, за старшего сына Иоаннова, избрав в посредницы мать Великого Князя²⁷⁸. Боярин Михайло Плещеев с знатною дружиною в 1482 году отправился за невестою в Молдавию, где и совершилось обручение. Стефан отпустил дочь в Россию с своими Боярами: Ланком, Синком, Герасимом и с женами их. Она ехала через Литву: Казимир не только дал ей свободный путь, но и прислал дары в знак учтивости²⁷⁹. Прибыв в Москву после Филиппова заговенья, Елена жила в Вознесенском монастыре у матери Великого Князя, и до свадьбы имела время познакомиться с жени-

хом. Их обвенчали в самый праздник Крещения²⁸⁰. Увидим, что Судьба не благословила сего союза.

(Завоевание Твери). Хитрою внешнею Политикою утверждая безопасность Государства, Иоанн возвеличил его внутри новым успехом Единовластия. Он уже покорил Новгород, взял Двинскую землю, завоевал Пермь отдаленную; но в осмидесяти верстах от Москвы видел Российское особенное Княжество, Державу равного себе Государя, по крайней мере именем и правами. Со всех сторон окруженная Московскими владениями, Тверь еще возвышала независимую главу свою, как малый остров среди моря, ежечасно угрожаемый потоплением. Князь Михаил Борисович, шурина Иоаннов, знал опасность и не верил ни свойству, ни грамотам договорным, коими сей Государь утвердил его независимость: надлежало по первому слову смиренно оставить трон, или защитить себя иноземным союзом. Одна Литва могла служить ему опорой, хотя и весьма слабую, как то свидетельствовал жребий Новагорода; но личная ненависть Казимира к Великому Князю, пример бывших Тверских Владетелей, искони друзей Литвы, и легкоеверие надежды, вселяемое страхом в малодушных, обратили Михаила к Королю: будучи вдовцем²⁸¹, он вздумал жениться на его внучке²⁸², и вступил с ним в тесную связь. Дотоле Иоанн, в нужных случаях располагал Тверским войском, оставлял шурина в покое: узнав же о сем тайном союзе, и, как вероятно, обрадованный справедливым поводом к разрыву, немедленно объявил Михаилу войну (в 1485 году). Сей Князь, затрепетав, спешил умоливать Иоанна жертвами: отказался от имени *равного* ему брата, признал себя *младшим*, уступил Москве некоторые земли, обязался всюду ходить с ним на войну²⁸³. Тверский Епископ был посредником, и Великий Князь, желая обыкновенно казаться умеренным, долготерпеливым, отсрочил гибель сей Державы. В мирной договорной грамоте, тогда написанной, сказано, что Михаил разрывает союз с Королем и без ведома Иоаннова не должен иметь с ним никаких сношений, ни с сыновьями Шемяки, Князя Можайского, Боровского, ни с другими Российскими беглецами; что он клянется за себя и за детей своих во-

веки не поддаваться Литве; что Великий Князь обещает не вступаться в Тверь, и проч.²⁸⁴ Но сей договор был последним действием Тверской независимости: Иоанн в уме своем решил ее судьбу, как прежде Новгородскую; начал теснить землю и подданных Михайловых: если они чем нибудь досаждали Москвитянам, то он грозил и требовал их казни; а если Москвитяне отнимали у них собственность, и делали им самые несносные обиды, то не было ни суда, ни управы. Михаил писал и жаловался: его не слушали. Тверитяне, видя, что уже не имеют защитника в своем Государе, искали его в Московском: Князя Микулинский и Дорогобужский вступили в службу Великого Князя, который дал первому в поместье Дмитров, а второму Ярославль. В след за ними приехали и многие Бояре Тверские²⁸⁵. Что оставалось Михаилу? готовить себе убежище в Литве. Он послал туда верного человека: его задержали, и представили Иоанну письмо Михайлово к Королю, достаточное свидетельство измены и вероломства: ибо Князь Тверский обещался не сноситься с Литвою, а в сем письме еще возбуждал Казимира против Иоанна. Несчастный Михаил отправил в Москву Епископа и Князя Холмского с извинениями: их не приняли. Иоанн велел Наместнику Новгородскому, Боярину Якову Захарьевичу, итти со всеми силами ко Твери, а сам, провождаемый сыном и братьями, выступил из Москвы 21 Августа со многочисленным войском и с огнестрельным снарядом ^{7*}-(вверенным искусному Аристотелю)-^{7*}; Сентября 8 осадил Михайлову столицу и зажег предместье. Через два дни явились к нему все тайные его доброжелатели Тверские, Князья и Бояре, оставив Государя своего в несчастьи. Михаил видел необходимость или спастись бегством или отдаться в руки Иоанну; решился на первое, и ночью ушел в Литву. Тогда Епископ, Князь Михаил Холмский с другими Князьями, Боярами и земскими людьми, сохранив до конца верность к их законному Властителю, отворили город Иоанну, вышли и поклонились ему как общему Монарху России. Великий Князь послал Бояр своих и Дьяков взять присягу с жителей; запретил воинам грабить; 15 сентября въехал в Тверь, слушал Литургию в храме Преображения, и торжественно

объявил, что дарует сие Княжество сыну, Иоанну Иоанновичу; оставил его там, и возвратился в Москву. Через некоторое время он послал Бояр своих в Тверь, в Старицу, Зубцов, Опоки, Клин, Холм, Новгородок, описать все тамошние земли и разделить их на сохи для платежа казенных податей²⁸⁶.

Столь легко исчезло бытие Тверской знаменитой Державы, которая от времен Святого Михаила Ярославича именовалась *Великим* Княжением и долго спорила с Москвою о первенстве. Ее народ, уступая другим Россиянам в промышленности, славился мужеством и верностию к Государям. Князья Тверские имели до 40 000 конного войска; но будучи врагами Московских, не хотели участвовать в великом подвиге нашего освобождения и тем лишились права на общее сожаление в их бедствии. Михаил Борисович кончил дни свои изгнанником в Литве, не оставив сыновей.

Иоанн известил Матфея, Короля Венгерского, о покорении Твери, и велел сказать ему: “Я уже начал воевать с Казимиром, ибо Князь Тверский его союзник. Наместники мои заняли разные места в Литовских пределах, и Хан Менгли-Гирей, исполняя мою волю, огнем и мечем опустошает Казимировы владения. И так помогай мне, как мы условились”²⁸⁷. Но Матфей, отняв тогда у Императора знатную часть Австрии и Вену, хотел отдохновения в старости. “Душевно радуюсь – писал он к Великому Князю – успехам твоего Единовластия в России. Я готов исполнить договор и вступить в землю общего врага нашего, когда узнаю, что ты всеми силами против него действуешь. Ожидаю сей вести”. Между тем, возбуждая друг друга к войне Польской, они не начинали ее и занимались иными делами.

〈Присоединение Верейского Удела к Москве. Князья Ростовские, Ярославские лишены прав владетельных〉. Взяв Тверь мечем, Иоанн грамотою присвоил себе Удел Верейский. Единственный сын и наследник Князя Михаила Андреевича, Василий, женатый на Гречанке Марии, Софииной племяннице, должен был еще при жизни родителя выехать из отечества, быв виною раздора в семейст-

ве Великокняжеском, как сказывает Летописец²⁸⁸. Иоанн, в конце 1483 года обрадованный рождением внука, именем Димитрия²⁸⁹, хотел подарить невестке, Елене, драгоценное узорочье первой Княгини своей; узнав же, что София отдала его Марии или мужу ее, Василию Михайловичу Верейскому, так разгневался, что велел отнять у него все женнино приданое и грозил ему темницею. Василий в досаде и страхе бежал с супругою в Литву; а Великий Князь, объявив его навеки лишенным отцовского наследия, клятвенною грамотою обязал Михаила Андреевича не иметь никакого сообщения с сыном изменником, и города Ярославец, Белоозеро, Верею по кончине своей уступить ему, Государю Московскому, в потомственное владение²⁹⁰. Михаил Андреевич умер весною в 1485 году²⁹¹, сделав Великого Князя наследником и душеприкащиком, не смев в духовной ничего отказать сыну в знак благословения, ни иконы, ни креста, и моля единственно о том, чтобы Государь не пересуживал его судов²⁹².

Присоединяя Уделы к Великому Княжению, Иоанн искоренял и все остатки сей несчастной для Государства системы. Ярославль уже давно зависел от Москвы, но его Князья еще имели особенные наследственные права, несогласные с Единовластием: они добровольно уступили их Государю. Половина Ростова еще называлась отчиною тамошних Князей, Владимира Андреевича, Ивана Ивановича, детей их и племянников: они продали ее Великому Князю²⁹³. – Сим восстановилась целость северной Российской Державы, как была она при Андрее Боголюбском или Всеволоде III. Усиленное сверх того подданством Новагорода и всех его обширных владений, также Уделов Муромского и некоторых Черниговских, Великое Княжение Московское было уже достойно имени Государства. (Происшествия Рязанские). – Но Рязань еще сохраняла вид Державы особенной: любя сестру свою, Княгиню Анну, Иоанн позволял супругу и сыновьям ее господствовать там независимо. Зять его, Василий Иванович, преставился в 1483 году, отказав большему сыну, Ивану, Великое Княжение Рязанское, с городами Переславлем, Ростиславлем и Пронским, а Феодору меньшему Перевитеску и Старую

Рязань с третью доходов Переславских. Сии два брата жили мирно, слушаясь родительницы, которая брала себе четвертую часть из всех казенных пошлин, и в 1486 году заключили между собою договор²⁹⁴, чтобы одному наследовать после другого, если не будет у них детей, и чтобы никаким образом не отдавать своего Княжества в иной род. Они боялись, кажется, чтоб Государь Московский не объявил себя их наследником.

Новый блестящий успех прославил оружие Иоанново. Еще в 1478 году Царь Казанский, нарушив клятвенные обеты, воевал зимою область Вятскую, приступал к ее городам, опустошил села и вывел оттуда многих пленников, будучи обманут ложною вестию, что Иоанн разбит Новгородцами и сам-четверт ушел раненный в Москву²⁹⁵. Великий Князь отмстил ему весною: Устюжане и Вятчане выжгли селения в окрестностях Камы; а Воевода Московский, Василий Образец, на берегах Волги: он доходил из Нижнего до самой Казани и приступил к городу; но страшная буря заставила его удалиться. Царь Ибрагим просил мира, заключил его и скоро умер²⁹⁶, оставив многих детей от разных жен. Казань сделалась театром несогласия и мятежа чиновников: одни хотели иметь Царем Магмет-Аминя, меньшего Ибрагимова сына, коего мать, именем Нурсалтан, дочь Темирова, сочеталась вторым браком с Ханом Таврическим, Менгли-Гиреем²⁹⁷; другие держали сторону Алегамы, старшего сына, и с помощью Ногаев возвели его на престол, к неудовольствию Иоанна, который доброжелательствовал пасынку своего друга, Менгли-Гирея, знал ненависть Алегамову к России и сверх того опасался тесного союза Казани с Ногаями. Юный Магмет-Аминь приехал в Москву²⁹⁸: Великий Князь дал ему в поместье Коширу и наблюдал все движения Алегамовы. Воеводы Московские стояли на границах; вступали иногда и в Казанскую землю²⁹⁹. Царь мирился; нелюбимый подданными, обещал быть нам другом, обманывал и злодействовал³⁰⁰. (Г. 1487. [Покорение Казани]). Наконец Иоанн, видя непримиримую его злобу, в Апреле 1487 года послал Магмет-Аминя и славного Даниила Холмского с сильною ратию к Казани. Мая 18 Холмский осадил ее: Июля 9

взял город и Царя. Сию радостную весть привез в Москву Князь Федор Ряполовский³⁰¹: Иоанн велел петь молебны, звонить в колокола, и с умилением благодарил Небо, что Оно предало ему в руки Мамутеково Царство, где отец его Василий Темный, лил слезы в неволе. Но мысль совершенно овладеть сим древним Болгарским Царством и присоединить оное к России, еще не представлялась ему или казалась неблагоприятною: народ Веры Магометовой, духа ратного, беспокойного, не легко мог быть обуздан властью Государя Христианского, и мы еще не имели всегдашнего, неперемного войска, коему надлежало бы хранить страну завоеванную, обширную и многолюдную. Иоанн только назвался *Государем Болгарии*³⁰², но дал ей собственного Царя: Холмский его именем возвел Магмет-Аминя на престол, казнил некоторых знатных Уланов или Князей, и прислал Алегам в Москву, где народ едва верил глазам своим, видя Царя Татарского пленником в нашей столице. Алегам с двумя женами был сослан в Вологду; а мать, братья и сестры его в Карголом на Белозере.

(Сношения с Ханом Крымским). Иоанн немедленно уведомил о сем счастливом происшествии Менгли-Гирея, и в особенности Царицу Нурсалтан, умную, честолюбивую, желая, чтобы она, из благодарности за ее сына, им возвеличенного, способствовала твердости союза между Россиею и Крымом³⁰³. Сия искренняя, взаимная приязнь не изменялась. Великий Князь уведомлял Менгли-Гирея о замыслах Ханов Ординских, о частых их сношениях с Казимиром; и сведав, что они двинулись к Тавриде, отрядил Козаков с Нордоулатом, бывшим Царем Крымским, на Улусы Золотой Орды; велел и Магмед-Аминю тревожить ее нападениями³⁰⁴; советовал также Менгли-Гирею возбудить Ногаев против сыновей Ахматовых. Сообщение между Тавридою и Россиею подвергалось крайним затруднениям, ибо Волжские Татары хватали в степях, кого встречали, на берегах Оскола и Мерли: для того Иоанн предлагал Хану уставить новый путь через Азов, с условием, чтобы Турки освобождали Россиян от всякой пошлины. Сия

безопасность пути нужна была не только для государственных сношений и купцев, но и для иноземных художников, вызываемых Великим Князем из Италии и ездивших в Москву через Кафу. Кроме обыкновенных гонцев, отправлялись в Тавриду и знаменитые Послы: в 1486 году Семен Борисович, в 1487 Боярин Дмитрий Васильевич Шеин³⁰⁵, с ласковыми грамотами и дарами, весьма умеренными; на пример, в 1486 году Иоанн послал Царю три шубы – рысью, кунью и беличью – три соболя и корабельник, жене его и брату, Калге Ямгурчею, по корабельнику, а детям по червонцу. За то и сам хотел даров: узнав, что Царица Нурсалтан достала славную Тохтамышеву жемчужину (которую, может быть, сей Хан похитил в Москве при Дмитриии Донском) он неотступно требовал ее в письмах и наконец получил от Царицы. – Как истинный друг Менгли-Гирея, Иоанн способствовал его союзу с Королем Венгерским, и не дал ему сделать важной политической ошибки. Сей случай достопамятен, показывая ум Великого Князя и простосердечие Хана. (Посольство Муртозы, сына Ахматова, в Москву). Братья Менгли-Гиревы, Айдар и Нордоулат, добровольно приехав в Россию, уже не имели свободы выехать оттуда. Хан Золотой Орды, Муртоза, желал переманить Нордоулата к себе и (в 1487 году) прислал своего чиновника в Москву с письмами к нему и к Великому Князю, говоря первому: “Брат и друг мой, сердцем праведный, величеством знаменитый, опора Бесерменского Царства! ты ведаешь, что мы дети единого отца; предки наши, омраченные властолюбием, восстали друг на друга: не мало было зла и кровопролития; но раздоры утихли: следы крови омылись млеком, и пламень вражды погас от воды любовной. Брат твой, Менгли-Гирей, снова возбудил междоусобие: за что Господь наказал его столь многими бедствиями. Ты, краса отечества, живешь среди неверных: сего мы не можем видеть спокойно, и шлем твоему величеству *тяжелый поклон с легким даром* чрез слугу, Ших-Баглула: открой ему тайные свои мысли. Хочешь ли оставить страну злочестия? Мы пишем о том к *Ивану*. Где ни будешь, будь здрав и люби наше братство”³⁰⁶. Письмо к Великому Князю содержало в себе следующее: “Мур-

тозино слово Ивану. Знай, что Царь Нордоулат всегда любил меня: отпусти его, да возведу на Царство, свергнув моего злодея, Менгли-Гирея. Удержи в залог жену и детей Нордоулатовых: когда он сядет на престол, тогда возмет их у тебя добром и любовью”. Великий Князь посмеялся над гордостью Муртозы; задержав его Посла, известил о том Менгли-Гирея, и прибавил, что Король Польский тайно зовет к себе другого брата Ханского, Айдара. Но Менгли-Гирей, не весьма прозорливый, скучая множеством забот, сам желал уступить Нордоулату половину трона, чтобы он, вместе с ним царствуя, своим умом и мужеством облегчил ему тягость власти. “Отправь его ко мне, писал Менгли-Гирей к Иоанну: мы забудем прошедшее. Айдара же не боюсь: пусть идет, куда хочет”. Великий Князь отвечивал, что не может исполнить требования столь неблагоразумного; что властолюбие не знает ни братства, ни благодарности; что Нордоулат, быв сам Царем в Тавриде, не удовольствуется частию власти, имея дарования и многих единомышленников; что долг приязни есть остерегать приятеля, и не соглашаться на то, что ему вредно³⁰⁷. Сии представления образумили и, может быть, спасли Менгли-Гирея.

(Посольство Ногайское. Г. 1489). Несчастливая судьба Алегама оскорбила Шибанских и Ногайских Владетелей, связанных с ним родством: Царь Ивак, Мурзы Алачь, Муса, Ямгурчей и жена его, прислали в Москву грамоты, убеждая в них Иоанна освободить сего пленника. Ивак писал к Великому Князю: “Ты мне брат: я Государь Бесерменский, а ты Христианский. Хочешь ли быть в любви со мною? отпусти моего брата, Алегама. Какая тебе польза держать его в неволе? Вспомни, что ты, заключая с ним договоры, обещал ему доброжелательство и приязнь”. Мурзы изъявляли в своих письмах более смирения, говоря, что они шлют Великому Князю *тяжелые поклоны с легким даром*, и ждут от него милости; что отцы их жили всегда в любви с Государями Московскими; что обстоятельство удаляли Юрт Иваков от пределов России, но что сей Царь, победив недругов, снова к ней приблизился и хочет Иоанновой дружбы. Послы Ногайские желали еще, чтобы

купцы их могли свободно приезжать к нам и торговать везде без пошлин. Государь велел объявить им следующий ответ: “Алегама, обманщика и клятвопреступника, мною сверженного, не отпускаю; а другом вашим быть соглашаюсь, если Царь Ивак казнит разбойников, людей Алегамовых, которые у него живут и грабят землю мою и сына моего, Магмед-Аминя; если возвратит все похищенное ими и не будет впредь терпеть подобных злодейств”. В ожидании сего требуемого удовлетворения Иоанн задержал в Москве одного из Послов, отпустил других, и велел, чтобы Ногайцы ездили в Россию всегда чрез Казань и Нижний, а не Мордовскую землю, как они приехали³⁰⁸. Сии сношения продолжались и в следующие годы, представляя мало достопамятного для Истории. Видим только, что Орда Ногайская, кочуя на берегах Яика и близ Тюменя, имела разных Царей и сильных Мурз или Князей Владетельных; называясь их другом, Иоанн говорил с ними языком повелителя; *дозволил* Князю Мусе, внуку Эдигееву и племяннику Темирову, выдать дочь свою за Магмед-Аминя, но не велел последнему выдавать сестры за сына Мурзы Ногайского, Ямгурчея, коего люди, вместе с жителями Астраханскими, грабили наших рыболовов на Волге³⁰⁹; не смотря на все убедительные просьбы Ногайских Владетелей, держал Алегама в неволе, ответствуя: “из уважения к вам даю ему всякую льготу”; посылал к ним гонцев и дары, Ипрские сукна, кречетов, рыбы зубы, не забывая и жен их, которые в своих приписках именовались его *сестрами*; но строго наблюдая пристойность в Дворских обрядах и различая Послов, Великий Князь изъяснялся с Ногайскими единственно через второстепенных сановников, Казначеев и Дьяков. Главную целию Иоанновой Политики в рассуждении сего кочевого народа было возбуждать его против Ахматовых сыновей и не допускать до впадения в землю Казанскую, где Магмед-Аминь царствовал как присяжник и *данник* России: ибо в тогдашних бумагах находим жалобу Магмед-Аминя на чиновника Московского, Федора Киселева, который сверх обыкновенных пошлин взял у жителей Цывильской области несколько кадок меда, лошадей, куниц, бобров, лисьих шкур и проч.³¹⁰

〈Покорение Вятки〉. Подчинив себе Казань, Государь утвердил власть свою над Вяткою. В то время, когда Холмский действовал против Алегама, беспокойный ее народ, не менее своих братьев, Новгородцев, привязанный к древним уставам вольности, изъявил непослушание, и выгнал Наместника Великокняжеского. Не смотря на многочисленность войска, бывшего в Казанском походе, Иоанн имел еще иное в готовности, и послал Воеводу, Юрия Шестака-Кутузова, смирить мятежников; но Вятчане умели обольстить Кутузова: приняв их оправдание, он возвратился с миром³¹¹. Великий Князь назначил других Полководцев, Князя Даниила Щеню и Григорья Морозова, которые с 60 000 воинов приступили к Хлынову. Жители обещались повиноваться, платить дань и *служить службы* Великому Князю, но не хотели выдать главных виновников бунта: Аникиева, Лазарева и Богодайщикова. Воеводы грозили огнем: велели окружить город плетнями, а плетни берестом и смолою. Оставалось несколько минут на размышление: Вятчане представили Аникиева с товарищами, коих немедленно послали окованных к Государю. Народ присягнул в верности. Ему дали новый устав гражданский, согласный с Самодержавием, и вывели оттуда всех нарочитых земских людей, граждан, купцев с женами и детьми в Москву³¹². Иоанн поселил земских людей в Боровске и в Кременце, купцев в Дмитрове, а трех виновнейших мятежников казнил: чем и пресекалось бытие сей достопамятной народной Державы, основанной выходцами Новгородскими, в исходе второго надесять века³¹³, среди пустынь и лесов, где в тишине и неизвестности обитали Вотяки с Черемисами. Долго История молчала о Вятке: малочисленный ее народ, управляемый законами Демократии, строил жилища и крепости, пахал землю, ловил зверей, отражал нападения Вотяков, и мало по малу усиливаясь размножением людей, более и более успевая в гражданском хозяйстве, вытеснил первобытных жителей из мест привольных, загнал их во глубину болотистых лесов, овладел всею землею между Камою и Югом, устьем Вятки и Сысолою; начал торговать с Пермьяками, Казанскими Болгарами, с восточными Новгородскими и Великокняже-

скими областями; но еще не довольный выгодами купечества, благоприятствуемого реками судоходными, сделался ужасен своими дерзкими разбоями, не щадя и самых единоплеменников. Вологда, Устюг, Двинская земля опасались сих Русских Норманов столько же, как и Болгария: легкие вооруженные суда их непрестанно носились по Каме и Волге. В исходе XIV века уже часто упоминается в летописях о Вятке. Полководец Тохтамышша выжег ее города: сын Донского присвоил себе власть над оною, внук стеснил там вольность народную, правнук уничтожил навеки. (Завоевание земли Арской). Воеводы Иоанновы вместе с Вяткою покорили и землю *Арскую* (где ныне город Арск); сия область древней Болгарии имела своих Князей, взятых тогда в плен и приведенных в Москву: Государь отпустил их назад, обязав клятвою подданства.

(Кончина Иоанна Младого. Г. 1490). Среди блестящих деяний государственных, ознаменованных мудростию и счастьем Венценосца, он был поражен несчастьем семейственным. Достойный наследник Великого Князя, Иоанн Младый, любимый отцем и народом, пылкий, мужественный в опасностях войны, в 1490 году занемог ломотою в ногах (что называли тогда *камчюгою*³¹⁴). За несколько месяцев перед тем сыновья Рала Палеолога, быв в Италии, привезли с собою из Венеции, вместе с разными художниками, лекаря, именем Мистра Леона, родом Жидовина³¹⁵ 8*: он взялся вылечить больного, сказав Государю, что ручается за то своею головою. Иоанн поверил и велел ему лечить сына. Сей Медик, более смелый, нежели искусный, жег больному ноги стеклянными сосудами, наполненными горячею водою, и давал пить какое-то зелие. Недуг усилился: юный Князь, долго страдав, к неописанной скорби отца и подданных скончался, имев от рождения 32 года³¹⁶. (Казнь врача). Иоанн немедленно приказал заключить Мистра Леона в темницу и через шесть недель казнил всенародно на Болванове за Москву рекою³¹⁷. В сем, для нас жестоком деле народ видел одну справедливость: ибо Леон обманул Государя и сам себя обрек на казнь. Таковую же участь имел в 1485 году и другой врач, Немец Антон, ле-

карствами уморив Князя Татарского, сына Даниярова: он был выдан родным головою, и зарезан ножом под Москворецким мостом, к ужасу всех иноземцев, так, что и славный Аристотель хотел немедленно уехать из России: Иоанн разгневался и велел заключить его в доме; но скоро простил³¹⁸.

〈Собор на еретиков Жидовских〉. Строгий в наказании бедных неискусных врачей, сей Государь в то же время изъявил похвальную умеренность в случае важном для Веры, в расколе столь бедственном, по выражению современника, Св. Иосифа Волоцкого, что благочестивая земля Русская не видала подобного соблазна от века Ольгина и Владимирова. Расскажем обстоятельства. Был в Киеве Жид именем Схариа, умом хитрый, языком острый: в 1470 году приехав в Новгород с Князем Михайлом Олельковичем, он умел обольстить там двух Священников, Дионисия и Алексия; уверил их, что закон Моисеев есть единый Божественный; что История Спасителя выдумана; что Христос еще не родился; что не должно поклоняться иконам, и проч. Завелась Жидовская ересь³¹⁹. Поп Алексий назвал себя Авраамом, жену свою Саррою, и развратил, вместе с Дионисием, многих Духовных и мирян, между коими находился Протоиерей Софийской Церкви, Гавриил, и сын знатного Боярина, Григорий Михайлович Тучин. Но трудно понять, чтобы Схариа мог столь легко размножить число своих учеников Новгородских, если бы мудрость его состояла единственно в отвержении Христианства и в прославлении Жидовства: Св. Иосиф Волоцкий дает ему имя *Астролога* и *чернокнижника*: и так вероятно, что Схариа обольщал Россиян Иудейскою Каббалою, наукою пленительною для невежд любопытных и славною в XV веке, когда многие из самых ученых людей (на пример, Иоанн Пик Мирандольский) искали в ней разрешения всех важнейших загадок для ума человеческого. Каббалисты хвалялись древними преданиями, будто бы дошедшими до них от Моисея; многие уверяли даже, что имеют книгу, полученную Адамом от Бога, и главный источник Соломоновой мудрости; что они знают все тайны Природы, могут изъяснять сновидения, угадывать будущее, повелевать Ду-

хами; что сею наукою Моисей восторжествовал над Египетскими волхвами, Илия повелевал огнем небесным, Даниил смыкал челюсти львам; что Ветхий Завет исполнен хитрых иносказаний, объясняемых Каббалою; что она творит чудеса посредством некоторых слов Библии, и проч. Не удивительно, если сии внушения произвели сильное действие в умах слабых, и хитрый Жид, овладев ими, уверил их и в том, что Мессия еще не являлся в мире. – Внутренно отвергая святыню Христианства, Новгородские еретики соблюдали наружную пристойность, казались смиренными постниками, ревностными в исполнении всех обязанностей благочестия, так, что Великий Князь, в 1480 году взял Попов Алексия и Дионисия в Москву, как Пастырей отличных достоинствами: первый сделался Протоиереем храма Успенского, а второй Архангельского. С ними перешел туда и раскол, оставив корень в Новгороде. Алексей снискал особенную милость Государя, имел к нему свободный доступ, и тайным своим учением прельстил Архимандрита Симоновского, Зосиму, Инока Захарию, Дьяка Великокняжеского Федора Курицына и других. Сам Государь, не подозревая ереси, слышал от него речи двусмысленные, таинственные: в чем после каялся наедине Святому Иосифу, говоря, что и невестка его, Княгиня Елена, была вовлечена в сей Жидовский раскол одним из учеников Алексиевых, Иваном Максимовым³²⁰. Между тем Алексей до конца жизни пользовался доверенностью Государя, и всегда хваля ему Зосиму, своего единомышленника, был главною виною того, что Иоанн, по смерти Митрополита Геронтия, возвел сего Архимандрита Симоновского (в 1490 году) на степень Первосвятителя³²¹. “Мы увидели – пишет Иосиф – чадо Сатаны на престоле Угодников Божиих, Петра и Алексия; увидели хищного волка в одежде мирного пастыря”. Тайный Жидовин еще скрывался под личиною Христианских добродетелей.

Наконец Архиепископ Геннадий открыл ересь в Новгороде: собрав все об ней известия и доказательства, прислал дело на суд Государю и Митрополиту вместе с виновными, большею частию Попами и Диаконами; он наиме-

новал и Московских их единомышленников, кроме Зосимы и Дьяка Федора Курицына. Государь призвал Епископов, Тихона Ростовского, Нифонта Суздальского, Симеона Рязанского, Вассиана Тверского, Прохора Сарского, Филофея Пермского, также многих Архимандритов, Игуменов, Священников, и велел Собором исследовать ересь³²². Митрополит председательствовал. С ужасом слушали Геннадиеву обвинительную грамоту: сам Зосима казался изумленным. Архиепископ Новгородский доносил, что сии отступники злословят Христа и Богоматерь, плюют на кресты, называют иконы болванами, *грызут оные зубами*, повергают в места нечистые, не верят ни Царству Небесному, ни воскресению мертвых, и безмолвствуя при усердных Христианах, дерзостно развращают слабых. Призвали обвиняемых: Инока Захарию, Новгородского Протопопа Гавриила, Священника Дионисия и других (глава их, Алексей, умер года за два до сего времени). Они во всем заперлися³²³; но свидетельства, Новгородские и Московские, были не сомнительны. Некоторые думали, что уличенных надобно пытать и казнить: Великий Князь не захотел того, и Собор, действуя согласно с его волею, проклял ересь, а безумных еретиков осудил на заточение³²⁴. Такое наказание по суровости века и по важности разврата было весьма человеколюбиво. Многие из осужденных были посланы в Новгород: Архиепископ Геннадий велел посадить их на коней, лицом к хвосту, в одежде вывороченной, в шлемах берестовых, острых, какие изображаются на бесах, с мочальными кистями, с венцем соломенным и с надписью: *се есть Сатанино воинство!* Таким образом возили сих несчастных из улицы в улицу; народ плевал им в глаза, восклицая: *се враги Христовы!* и в заключение сжег у них на голове шлемы. Те, которые хвалили сие действие как достойное ревности Христианской, без сомнения осуждали умеренность Великого Князя, не хотевшего употребить ни меча, ни огня для истребления ереси. Он думал, что клятва Церковная достаточна для отвращения людей слабых от подобных заблуждений.

Но Зосима, не дерзнув на Соборе покровительствовать своих обличенных тайных друзей, остался в душе ере-

тиком; соблюдая наружную пристойность, скрытно вредил Христианству, то изъясняя ложно Св. Писание, то будто бы с удивлением находя в нем противоречия; иногда же, в порыве искренности, совершенно отвергая учение Евангельское, Апостольское, Святых Отцев, говорил приятелям: “что такое Царство Небесное? что второе пришествие и воскресение мертвых? кто умер, того нет и не будет”. Придворный Дьяк Федор Курицын и многие его сообщники также действовали во мраке; имели учеников; толковали им Астрологию, Иудейскую мудрость, ослабляя в сердцах Веру истинную. Дух суетного любопытства и сомнения в важнейших истинах Христианства обнаруживался в домах и на торжищах: Иноки и светские люди спорили о Естестве Спасителя, о Троице, о святости икон, и проч. Все зараженные ересью составляли между собою некоторый род тайного общества, коего гнездо находилось в палатах Митрополитовых: там они сходились умствовать и пировать. – Ревностные враги их заблуждений были предметом гонения: Зосима удалил от церкви многих Священников и Дяконов, которые отличались усердием к православию и ненавистию к Жидовскому расколу. “Не должно (говорил он) злобиться и на еретиков: Пастыри духовные да проповедают только мир!”

Так повествует Св. Иосиф, основатель и начальник монастыря Волоколамского, Историк, может быть, не совсем беспристрастный: по крайней мере смелый, неустрашимый противник ереси: ибо он еще во время Зосимина Первосвятительства дерзал обличать ее, как то видим из письма его к Суздальскому Епископу, Нифонту. “Сокрылись от нас – пишет Иосиф – отлетели ко Христу древние орлы Веры, Святители добродетельные, коих глас возвещал истину в саду Церкви, и которые истерзали бы когтями всякое око, не право зрящее на божественность Спасителя. Ныне шипит тамо змий пагубный, изрыгая хулу на Господа и Его Матерь³²⁵”. Он заклинает Нифонта очистить Церковь от неслыханного дотоле соблазна, открыть глаза Государю, свергнуть Зосиму: что и совершилось. (Свержение Митрополита). Уверился ли Великий Князь в расколе Митрополита, неизвестно; но в 1494 году, без суда

и без шума, велел ему как бы добровольно удалиться в Симонов, а оттуда в Троицкий монастырь, за то, как сказано в летописи, что сей Первосвятитель не радел о Церкви и любил вино³²⁶. Благоразумный Иоанн не хотел, может быть, соблазнить Россиян всенародным осуждением Архипастыря, им избранного, и для того не огласил его действительной вины.

(Избрание нового). Преемник Зосимы в Митрополии был Игумен Троицкий, Симон. Здесь Летописцы сообщают нам некоторые, весьма любопытные обстоятельства. Когда Владыки Российские в Великокняжеской Думе нарекли Симона достойным Первосвятительства, Государь пошел с ним из Дворца в церковь Успения, провождаемый сыновьями, внуком, Епископами, всеми Боярами и Дьяками. Поклонились иконам и гробам Святительским; пели, читали молитвы и тропари. Иоанн взял будущего Архипастыря за руку, и выходя из церкви, в западных дверях *предал* Епископам, которые отвели его в дом Митрополитов. Там, отпустив их с благословением, сей скромный муж обедал с Иноками Троицкого монастыря, с своими Боярами и Детьми Боярскими. В день посвящения он ехал на *осляти*, коего вел знатный сановник Михайло Русалка. Совершились обряды, и новый Митрополит должен был ити на свое место. Вдруг священнодействие остановилось; пение умолкло: взоры Духовенства и Вельмож устремились на Иоанна. Государь выступил и громогласно сказал Митрополиту: “Всемогущая и Животворящая Святая Троица, дарующая нам Государство всея Руси, подает тебе сей великий престол Архиепископства руковозложением Архиепископов и Епископов нашего Царства. Восприими жезл Пастырства; взыди на седалище старейшинства во имя Господа Иисуса; моли Бога о нас – и да подаст тебе Господь здравие со многоденством”. Тут хор певчих возгласил *Исполлаэти Деспота*. Митрополит отвечив: “Всемогущая и вседержащая десница Вышнего да сохранит мирно твое Богоставленное Царство, Самодержавный Владыко! да будет оно многолетно и победительно со всеми повинующимися тебе Христолюбивыми воинствами и народами! Во вся дни живота твоего буди здрав, творя добро,

о Государь Самодержавный!” Певчие возгласили Иоанну многолетие. – Великие Князья всегда располагали Митрополию, и нет примера в нашей Истории, чтобы власть духовная спорила с ними о сем важном праве; но Иоанн хотел утвердить оное священным обрядом: сам указал Митрополиту престол, и торжественно действовал в храме: чего мы доселе не видали.

К успокоению правоверных, новый Митрополит ревностно старался искоренить Жидовскую ересь; еще ревностнее Иосиф Волоцкий, который, имея доступ к Государю, требовал от него, чтобы он велел по всем городам искать и казнить еретиков. Великий Князь говорил, что надобно истреблять разврат, но без казни, противной духу Христианства; иногда, выводимый из терпения, приказывал Иосифу умолкнуть; иногда обещал ему подумать³²⁷, и не мог решиться на жестокие средства, так, что многие действительные или мнимые еретики умерли спокойно; а знатный Дьяк Федор Курицын еще долго пользовался доверенностию Государя и был употребляем в делах Посольских³²⁸.



Глава V

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ИОАННОВА.



Заключение Андрея, Иоаннова брата. Смерть его [Андрея] и Бориса Васильевича. Посольства Императора Римского и наши к нему. Открытие Печерских рудников. Посольство Датское. Чагатайское, Иверское [посольство]. Первое дружественное сношение с Султаном Турецким. Посольства в Крым. Литовские дела. Смерть Казимира: сын его, Александр, на троне Литовском. Неприятельские действия против Литвы. Переговоры о мире и сватовстве. Злоумышление на жизнь Иоаннову. Посольство Князя Мазовецкого в Москву. Мир с Литвою. Иоанн отдает дочь свою, Елену, за Александра. Новые неудовольствия между Россиею и Литвою.

Г. 1491–1496.

⟨Г. 1491–1493. Заключение Андрея, Иоаннова брата⟩. Обратимся к государственным происшествиям. – Великий Князь жил мирно с братьями до кончины матери, Инокими Марфы: она преставилась в 1484 году³²⁹, и с того времени началось взаимное подозрение между ими. Андрей и Борис не могли привыкнуть к новому порядку вещей и досадовали на властолюбие Иоанна, который, непрестанно усиливая Государство Московское, не давал им части в своих приобретениях. Лишенные защиты и посредничества любимой, уважаемой родительницы, они боялись, чтобы Великий Князь не отнял у них и наследственных Уделов. Иоанн также, зная сие внутреннее расположение братьев, помня их бегство в Литву и наглые злодейства в пределах Российских, не имел к ним ни доверенности, ни любви; но соблюдал пристойность, не хотел быть явным утеснителем, и в 1486 году обязался новою договорною грамотою не присвоивать себе ни Андреевых, ни Борисовых городов, требуя, чтобы сии Князья не входили в переговоры с Казимиром, с Тверским изгнанником Михаилом, с Литовскими Панами, Новгородцами, Псковитянами, и

немедленно сообщали ему все их письма³³⁰. Следственно Иоанн опасался тайной связи между братьями, Литвою и теми Россиянами, которые не любили Самодержавия: может быть, и знал об ней, желая прервать оную или в противном случае не оставить братьям уже никакого извинения. Еще они с обеих сторон удерживались от явных знаков взаимного недоброжелательства, когда Андрею Васильевичу сказали, что Великий Князь намерен взять его под стражу: Андрей хотел бежать; одумался, и велел Московскому Боярину, Ивану Юрьевичу, спросить у Государя, чем он заслужил гнев его? Боярин не дерзнул вмешаться в дело столь опасное. Андрей сам пришел к брату, и хотел знать вину свою. Великий Князь изумился: ставил Небо во свидетели, что не думал сделать ему ни малейшего зла, и требовал, чтобы он наименовал клеветника. Андрей сослался на своего Боярина, Образца: Образец на слугу Иоаннова, Мунта Татищева; а последний признался, что сказал то единственно в шутку. Государь, успокоив брата, дал повеление отрезать Татищеву язык: ходатайство Митрополитово спасло несчастного от сей казни; однако ж его высекли кнутом³³¹. В 1491 году Великий Князь посылал войско против Ординских Царей, Сеид-Ахмута и Шиг-Ахмета, которые хотели итти на Тавриду, но удалились от ее границ, сведав, что Московская рать уже стоит на берегах Донца. Полководцы Иоанновы, Царевич Салтаган, сын Нордоулатов, и Князья Оболенские, Петр Никитич и Репня, возвратились, не сделав ничего важного³³². В сем походе долженствовали участвовать и братья Великого Князя; но Андрей не прислал вспомогательной дружины к Салтагану. Иоанн скрыл свою досаду. Осенью, Сентября 19, приехав из Углича в Москву, Андрей был целый вечер во дворце у Великого Князя. Они казались совершенными друзьями: беседовали искренно и весело. На другой день Иоанн через Дворецкого, Князя Петра Шастунова, звал брата к себе на обед, встретил ласково, поговорил с ним, и вышел в другую комнату, отослав Андреевых Бояр в столовую *грядню*, где их всех немедленно взяли под стражу. В то же время Князь Симеон Иванович Ряполовский со многими иными Вельможами явился перед Андреем, хотел го-

ворить и не мог ясно произнести ни одного слова, заливаясь слезами; наконец дрожащим голосом сказал: *Государь Князь Андрей Василиевич! поиман еси Богом, да Государем Великим Князем, Иваном Василиевичем, всея Руси, братом твоим старейшим.* Андрей встал и с твердостью отвечив: *“волен Бог, да Государь брат мой; а Всевышний рассудит нас в том, что лишаясь свободы безвинно”.* Андрея свели на Казенный двор, оковали цепями, и приставали к нему многочисленную стражу, состоящую из Князей и Бояр; двух его сыновей, Ивана и Димитрия, заключили в Переславле; дочерей оставили на свободе³³³: Удел же их родителя присоединили к Великому Княжеству. Чтобы оправдать себя, Иоанн объявил Андрея изменником: ибо сей Князь, нарушив клятвенный обет, замышлял восстать на Государя с братьями Юрием, Борисом и с Андреем Меньшим, переписывался с Казимиром и с Ахматом, наводя их на Россию; вместе с Борисом уезжал в Литву; наконец послушался Великого Князя и не посылал Воевод своих против Седи-Ахмута³³⁴. Только последняя вина имела вид справедливости: другие, как старые, были заглажены миром в 1479 году; или надлежало уличить Андрея, что он уже после того писал к Казимиру. Одним словом, Иоанн в сем случае поступил жестоко, оправдываясь, как вероятно, в собственных глазах известною строптивостью Андрея, государственною пользою, требующею беспрекословного Единовластия, и примером Ярослава I, который также заключил брата. – Государь тогда же потребовал к себе и Бориса Василиевича: сей Князь с ужасом и трепетом явился в Московском дворце, но через три дни был с милостию отпущен назад в Волок³³⁵. (Смерть [его] Андрея и Бориса Васильевича). Андрей в 1493 году умер в темнице, к горести Великого Князя, по уверению Летописцев. Рассказывают, что он (в 1498 году) призвав Митрополита и Епископов во дворец, встретил их с лицом печальным, безмолвствовал, заплакал и начал смиренно каяться в своей жестокости, быв виною жалостной, безвременной кончины брата. Митрополит и Епископы сидели: Государь стоял перед ними и требовал прощения. Они успокоили его совесть: отпустили ему грех, но с пастырским душеспа-

сительным увещанием³³⁶. – Борис Васильевич также скоро преставился. Сыновья его, Феодор и Иван, наследовали достояние родителя. В 1497 году они уступили Великому Князю Коломенские и другие села, взяв за них Тверские. Иван Борисович, умирая в 1503 году, отказал Государю Рузу и половину Ржева, вместе с его *воинскою рухлядью*, доспехами и конями³³⁷. Так в Государстве Московском исчезали все особенные наследственные власти, уступая Великокняжеской.

(Посольства Императора Римского и наши к нему). Между тем и внешние политические отношения России ^{1*}-более и более-^{1*}возвышали достоинство ее Монарха. Послы Ольгины находились в Германии, при Оттоне I, а Немецкие в Киеве около 1075 года; Изяслав I и Владимир Галицкий искали покровительства Римских Императоров; Генрик IV был женат на Княжне Российской, и Фридерик Барбарусса уважал Всеволода III³³⁸: но с того времени мы не имели сообщения с Империею, до 1486 года, когда знатный Рыцарь, именем Николай Поппель, приехал в Москву с письмом Фридерика III, без всякого особенного поручения, единственно из любопытства. “Я видел – говорил он – все земли Христианские и всех Королей: желаю узнать Россию и Великого Князя³³⁹”. Бояре ему не верили и думали, что сей иноземец с каким нибудь злым намерением подослан Казимиром Литовским; однако ж Поппель, удовлетворив своему любопытству, благополучно выехал из России, и чрез два года возвратился в качестве Посла Императорского с новою грамотою от Фридерика и сына его, Короля Римского, Максимилиана, писанною в Ульме 26 Декабря, 1488 года. Принятый ласково, он в первом свидании с Московскими Боярами, Князем Иваном Юрьевичем, Даниилом Холмским и Яковом Захарьевичем, говорил следующее: “Выехав из России, я нашел Императора и Князей Германских в Нюрнберге; беседовал с ними о стране вашей, о Великом Князе, и вывел их из заблуждения: они думали, что Иоанн есть данник Казимиров. *Нет*, сказал я: *Государь Московский сильнее и богаче Польского; Держава его неизмерима, народы многочисленны, мудрость знаменита*. Одним словом, самый усерднейший из слуг

Иоанновых не мог бы говорить об нем иначе, ревностнее и справедливее. Меня слушали с удивлением, особенно Император, в час обеда ежедневно разговаривая со мною. Наконец сей Монарх, желая быть союзником России, велел мне ехать к вам Послом со многочисленною дружиною. Еще ли не верите истине моего звания? За два года я казался здесь обманщиком, ибо имел с собою только двух служителей. Пусть Великий Князь пошлет собственного чиновника к моему Государю: тогда не останется ни малейшего сомнения”. Но Иоанн уже верил Послу, который именем Фридериковым предложил ему выдать его дочь, Елену или Феодосию, за Албрехта, Маркграфа Баденского, племянника Императора, и желал видеть невесту. Великий Князь отвечал ему через Дьяка, Федора Курицына, что вместе с ним отправится в Германию Посол Российский, коему велено будет изъясниться о сем с Императором, и что обычаи наши не дозволяют прежде времени показывать юных девиц женихам или сватам. – Второе предложение Поппелево состояло в том, чтобы Иоанн запретил Псковитянам вступаться в земли Ливонских Немцев, подданных Империи. Государь велел отвечать, что Псковитяне владеют только собственными их землями и не вступаются в чужие.

Весьма достопамятна третья аудиенция, данная Послу Фридерикову в *набережных сенях*, где сам Великий Князь слушал его, отступив несколько шагов от своих Бояр. “Молю о скромности и тайне, сказал Поппель: ежели неприятели твои, Ляхи и Богемцы, узнают, о чем я говорить намерен: то жизнь моя будет в опасности. Мы слышали, что ты, Государь, требовал себе от Папы *Королевского* достоинства; но знай, что не Папа, а только Император жалует в Короли, в Принцы и в Рыцари. Если желаешь быть Королем, то предлагаю тебе свои услуги. Надлежит единственно скрыть сие дело от Монарха Польского, который боится, чтобы ты, сделавшись ему равным Государем, не отнял у него древних земель Российских”. Ответ Иоаннов изображает благородную, истинно Царскую гордость. Бояре сказали Послу так: “Государь, Великий Князь, Божиею милостию наследовал Державу Русскую

от своих предков, и *поставление* имеет от Бога, и молит Бога, да сохранит оную ему и детям его вовеки; а поставления от иной власти никогда не хотел и не хочет”³⁴⁰. Поппель не смел более говорить о том, и вторично обратился к сватовству. “Великий Князь – сказал он – имеет двух дочерей: если не благоволит выдать некоторой за Маркграфа Баденского, то Император представляет ему в женихи одного из Саксонских знаменитых Принцев, сыновей его племянника (Курфирста Фридерика); а другая Княжна Российская может быть супругою Сигизмунда, Маркграфа Бранденбургского, коего старший брат есть зять Короля Польского”. На сие не было ответа, и Поппель скоро отправился из Москвы в Данию чрез Швецию, для какого-то особенного Императорского дела: Государь же послал в Немецкую землю Грека, именем Юрия Траханиота, или Трахонита, выехавшего к нам с Великою Княгинею, Софиею, дав ему следующее наставление:

“I. Явить Императору и сыну его, Римскому Королю Максимилиану, верующую Посольскую грамоту³⁴¹. Уверить их в искренней приязни Иоанновой. – II. Условиться о взаимных дружественных Посольствах и свободном общении обеих Держав. – III. Ежели спросят, намерен ли Великий Князь выдать свою дочь за Маркграфа Баденского? то отвечать, что сей союз не пристоеен для знаменитости и силы Государя Российского, брата древних Царей Греческих, которые, переселясь в Византию, уступили Рим Папам. Но буде Император пожелает сватать нашу Княжну за сына своего, Короля Максимилиана: то ему не отказывать, и дать надежду. – IV. Искать в Германии и принять в службу Российскую полезных художников, горных мастеров, архитекторов и проч.” На издержки дано было ему 80 соболей и 3000 белок³⁴². Иоанн написал с ним дружественные грамоты к Бургомистрам Нарвскому, Ревельскому и Любекскому.

Траханиот поехал (22 Марта) из Москвы в Ревель, оттуда в Любек и Франкфурт, где был представлен Римскому Королю Максимилиану, говорил ему речь на языке Ломбардском и вручил дары Великокняжеские, 40 соболей, шубы горностаевую и беличью. Доктор, Георг Торн,

именем Максимилиана отвечал Послу на том же языке, изъявляя благодарность и приязнь сего Венценосца к Государю Московскому³⁴³. Посла осыпали в Германии ласками и приветствиями. Король Римский, встречая его, сходил обыкновенно с трона и сажал подле себя; то же делал и сам Император. Они стоя подавали ему руку в знак уважения к Великому Князю³⁴⁴. Более ничего не знаем о переговорах Траханиота, который возвратился в Москву 16 Июля, 1490 года, с новым Послом Максимилиановым, Георгом Делатором³⁴⁵. Не за-долго до того времени умер славный Король Матфей, и Паны Венгерские соглашались избрать на его место Казимира сына, Владислава, Государя Богемского, в досаду Максимилиану, считавшему себя законным наследником Матфеевым. Сие обстоятельство соединяло Австрийскую Политику с нашею: Максимилиан хотел завоевать Венгрию, Иоанн южную Литовскую Россию: они признавали Казимира общим врагом, и Делатор, чтобы тем вернее успеть в государственном деле, объявил желание Римского Короля (тогда вдового) быть Иоанну зятем: хотел видеть юную Княжну и спрашивал о цене ее приданого. Ответ состоял в учтивом отказе: Послу изъяснили наши обычаи. Какой стыд для отца и невесты, если бы сват отвергнул ее! Мог ли знаменитый Государь с беспокойством и страхом ждать, что слуга иноземного Властителя скажет об его дочери? Изъяснили также Делатору, что Венценосцам не прилично торговаться в приданом; что Великий Князь без сомнения назначит его по достоинству жениха и невесты, но уже после брака: что надобно согласиться прежде в деле важнейшем, а именно в том, чтобы Княжна Российская, если будет супругою Максимилиана, не переменяла Веры, имела у себя церковь Греческую и Священников. Для последнего Великий Князь требовал уверительной записи; но Делатор сказал, что он для сего не уполномочен. И так перестали говорить о браке.

Однако ж союз государственный заключился, и написали договор следующего содержания:

“По воле Божией и нашей любви мы Иоанн, Божиею милостию Государь всея Руси, Владимирский, Москов-

ский, Новгородский, Псковский, Югорский, Вятский, Пермский, Болгарский (то есть, Казанский) и проч. условились с своим братом, Максимилианом, Королем Римским и Князем Австрийским, Бургонским, Лотарингским, Сtirским, Каринтийским и проч. быть в вечной любви и согласии, чтобы помогать друг другу во всех случаях. Если Король Польский и дети его будут воевать с тобою, братом моим, за Венгрию, твою отчину: то извести нас, и поможем тебе усердно, без обмана. Если же и мы начнем *добывать* Великого Княжения Киевского и других земель Русских, коими владеет Литва: то уведоим тебя, и поможешь нам усердно, без обмана. Если и не успеем обослаться, но узнаем, что война началась с твоей или моей стороны: то обязываемся немедленно идти друг ко другу на помощь. — Послы и купцы наши да ездить свободно из одной земли в другую. На сем целую крест к тебе, моему брату.... В Москве, в лето 6998 (1490), Августа 16”³⁴⁶.

Сей первый договор с Австриею, написанный на хартии, был скреплен золотою Великокняжескою печатюю. Делатор, видев супругу Иоаннову, Софию³⁴⁷, поднес ей в дар от Максимилиана серое сукно и попугая; а Государь, пожаловав его в *Золотоносцы*, дал ему золотую цепь с крестом, горностаевую шубу и серебряные^{2*} *остроги* или шпоры, как бы в знак Рыцарского достоинства³⁴⁸. Делатор выехал из Москвы Августа 19, вместе с нашими Послами, Траханиотом и Дьяком Василием Кулешиным. Наказ, им данный, состоял в следующем: 1) “Вручить Максимилиану договорную Иоаннову грамоту и присягнуть в верном исполнении условий. 2) Взять с него такую же, писанную языком Славянским; а буде напишут оную по-Немецки или по-Латини^{349 3*}, то изъяснить, что обязательство Великого Князя не имеет силы, ежели в грамоте будут отмены против Русской” (ибо Траханиот и Кулешин не знали сих двух языков). 3) “Максимилиан должен утвердить союз целованием креста перед нашими Послами. 4) Объявить Королю согласие Иоанново выдать за него дочь, с условием, чтобы она не переменяла Закона. 5) Сказать ему, что Послам его и Московским лучше ездить впредь чрез Данию и Швецию, для избежания неприятностей, какие мо-

гут им встретиться в Польских Владениях. 6) Требовать, чтобы он дал Великому Князю лекаря искусного в целении внутренних болезней и ран. 7) Приветствовать единственно Короля Римского, а не Императора: ибо Делатор, будучи в Москве, не сказал Великому Князю ни слова от Фридерика". Не смотря на государственную важность заключаемого с Австриею союза, Иоанн, как видим, строго наблюдал достоинство Российского Монарха, и в сие же время отослал из Москвы без ответа слугу Поппелева, который приезжал в Россию за живыми лосьями для Императора, но с письмом не довольно учтивым от господина своего. Не взяв даров Поппелевых, богатого монаста с ожерельем, Великий Князь милостиво принял от его слуги две объяри, и дал ему за то 120 соболей, ценю в 30 червонцев³⁵⁰.

Траханиот и Кулешев писали к Государю из Любека, что Король Датский и Князья Немецкие, сведав об их прибытии в Германию, и желая добра Казимиру, замышляли сделать им остановку в пути; что Посол Максимилианов едет вместе с ними и возмет меры для их безопасности; что Римский Король уже завоевал многие места в Венгрии. Они наехали Максимилиана в Нюренберге, вручили ему дары от Иоанна и Великой Княгини (80 соболей, камку и птицу кречета); явили письменный договор, им одобренный и клятвенно утвержденный, но не упоминали о сватовстве, ибо слышали, что Максимилиан, долго не имев ответа от Великого Князя, в угождение своему отцу помолвил на Княжне Бретанской. Пробыв там от 22 Марта до 23 Июня (1491 года), Послы Иоанновы возвратились в Москву Августа 30 с Максимилиановою союзною грамотою, которую Великий Князь приказал отдать в хранилище государственное³⁵¹.

В след за ними Король Римский вторично прислал Делатора, чтобы он был свидетелем клятвенного Иоаннова обета исполнять заключенный договор. Государь сделал тоже, что Максимилиан: целовал крест перед его Послом. Изъявив совершенное удовольствие и благодарность Короля, Делатор молил Великого Князя не досадовать за помолвку его на Принцессе Бретанской, и рассказал длин-

ную историю в оправдание сего поступка. “Король Римский – говорил он – весьма желал чести быть зятем Великого Князя; но Бог не захотел того. Разнесся в Германии слух, что я и Послы Московские, в 1490 году отплыв на двадцати четырех кораблях из Любека, утонули в море. Государь наш думал, что Иоанн не сведал о его намерении вступить в брак с Княжною Российскою. Дальнее расстояние не позволяло отправить нового Посольства, и согласие Великого Князя было еще не верно. Между тем время текло. Князья Немецкие требовали от Императора, чтобы он женил сына и предложили в невесты Анну Бретанскую. Фридерик убедил Максимилиана принять ее руку. Когда же Государь наш узнал, что мы живы и что Княжна Российская могла быть его супругою: то искренне огорчился, и доньне жалеет о невесте столь знаменитой”. Сия справедливая или выдуманная повесть удовлетворила Иоанновой чести: он не изъявил ни малейшей досады, и не отвечал Послу ни слова. Делатор, как бы в знак особенной, неограниченной к нему доверенности Максимилиановой, известил Великого Князя о тайных видах Австрийской Политики. Долговременная война Немецкого Ордена с Польшею решилась (в 1466 году) совершенною зависимостию первого от Казимира, так, что Великий Магистр^{4*} Лудвиг назвал себя его присяжником, и Рыцарство, некогда Державное, стеноло под игом чужеземной власти. Максимилиан тайно возбуждал Орден свергнуть сие иго и снова прибегнуть к оружию; но Магистры Немецкий и Ливонский требовали от него, чтобы он прежде доставил им важное покровительство Монарха Российского, сильного и грозного. Делатор убеждал Великого Князя послать Московского чиновника в Ливонию для переговоров, дать ее Рыцарям вечный мир, не теснить их и *взять Орден в его милостивое соблюдение*. – Столь же усердно ходатайствовал Посол за Швецию. Государственный ее Правитель, СтенСтур, находился в дружеской связи с Максимилианом, и жаловался ему на обиды Россиян, которые в 1490 году ужасным образом свирепствовали в Остерботне: жгли, резали, мучили жителей, присвоивая себе господство над Финляндиею³⁵². Делатор молил Иоанна оставить сию не-

счастную землю в покое. Наконец предлагал, чтобы Московские Послы ездили в Империю чрез Мекленбург и Любек, а не чрез Данию, где в рассуждении их не соблюдаются уставы чести и гостеприимства: ибо Король держит сторону Казимиrowу. – Заметим, что Посол Максимилианов в своих аудиенциях именовал Великого Князя *Царем*; так и наши Послы называли Иоанна в Германии: Немцы же в переводе дипломатических бумаг употребляли имя *Kayser Imperator* вместо Царя³⁵³.

Ответ Великого Князя, сообщенный Послу Казначеем Дмитрием Владимировичем и Дьяком Федором Курицыным, был такой: “Я заключил искренний союз с моим братом Максимилианом; хотел помогать ему всеми силами в завоевании Венгрии, и готовился сам сесть на коня; но слышу, что Владислав, сын Казимиров, объявлен там Королем, и что Максимилиан с ним примирился: следственно мне теперь нечего делать. Однако ж вместе с тобою отправлю к нему Послов. Не изменю клятве. Если брат мой решится воевать, то иду немедленно на Казимира и сыновей его, Владислава и Албрехта. В угодность Максимилиану буду посредником его союза с Господарем Молдавским, Стефаном. Что касается до Магистров Прусского и Ливонского, то я готов взять их в мое хранение. Последний желает условиться о мире с моими особенными Послами и вместо *челобитья* писать в договорах *моление*; но да будет все по старому. Прежде он *бил челом* вольному Новугороду: ныне да имеет дело с тамошними моими Наместниками, людьми знатными”. – О Швеции не было слова в ответе.

Делатор выехал из Москвы 12 Апреля, 1492 года³⁵⁴, с Великокняжеским Приставом, коему надлежало довольствовать его всем нужным до самой границы. Так обыкновенно бывало: Приставы встречали и провожали Послов. Маия 6 снова отправился Траханиот с Дьяком Михайлом Яропкиным в Германию. Ему велено было именем Иоанновым *спросить Максимилиана о здравии, но не править поклона*: ибо Делатор в первой аудиенции не кланялся ни Великому Князю, ни супруге его от своего Короля, а спрашивал только о здравии³⁵⁵. Наказ сего Посольства был следующий:

“Объявить Максимилиану, что Великий Князь, вступив с ним в союз, желал верно исполнять условия, и для того не хотел говорить о мире с Послом Литовским, бывшим в Москве: следственно и Король Римский не должен мириться с Богемиею и Польшею без Иоанна, который готов, в случае его верности, действовать с ним за-одно всеми силами, ему Богом данными. – Если он заключил мир с Владиславом, то разведать о тайных причинах оного. Узнать все обстоятельства и виды Австрийской Политики: имеет ли Максимилиан сильных доброжелателей в Венгрии, и кого именно? не для того ли уступает оную Владиславу, чтобы воевать с Государем Французским, который, по слуху, отнимает у него невесту, Анну Бретанскую? – Ежели брак Римского Короля не состоялся, то искусным образом внушить ему, что Великий Князь, может быть, не отринет его вторичного сватовства, когда Император и Максимилиан пришлют к нему убедительную грамоту с *человеком добрым*” (то есть, знатным). “В таком случае изъясниться о Вере Греческой, о церкви и Священниках. А буде Король женится на Принцессе Бретанской, то говорить о сыне его, Филиппе, или о Саксонском Курфирсте Фридерике. Наведаться также о пристойных невестах для сына Государева, Василия, из дочерей Королевских, и проч.; но соблюдать благоразумную осторожность, чтобы не повредить Государевой чести. – Заехать к Саксонскому Курфирсту, поднести ему в дар 40 соболей и сказать: Великий Князь благодарит тебя за охранение его Послов в земле твоей: и впредь охраняй их, равномерно и тех, которые ездят к нам из *стран Италийских*. Дозволяй художникам, твоим подданным, переселяться в Россию: за что Великий Князь готов служить тебе всем, чем изобилует земля его”.

Послы наши имели письма к Герцогу Мекленбургскому, к Бургомистрам и Ратманам городов Немецких, о свободном их пропуске; в Нарве и в Ревеле они должны были вручить сии грамоты *сидя*. – Донесения, писанные ими к Государю в пути, любопытны своею подробностью, вмещающая в себе известия не только о главных делах Европейской Политики, но и купеческие: на пример, о дороговиз-

не хлеба во Фландрии, где ласт ржи стоил тогда 100 червонцев³⁵⁶. Описывая войну Максимилиана с Королем Французским, Траханиот и Яропкин говорят о союзе первого с Англиею, Шотландиею, Испаниею, Португалиею и со всеми Князьями Немецкими; о мире его с Владиславом, который обязался ему заплатить за Венгрию 100 000 червонцев, объявив Максимилиана после себя наследником; уведомляют также о походе Султанского войска в Сервию; одним словом, представляют все движения Европы очам любопытного Иоанна, который хотел быть сам одним из ее великих Монархов.

Приплыв на корабле из Ревеля в Германию, Траханиот и Яропкин жили несколько месяцев в Любеке – не зная, куда ехать к Максимилиану, занятому тогда Французскою войною – и для перевода Немецких бумаг, ими получаемых, приняли в Государеву службу тамошнего славного *книгопечатника*, Варфоломея, который дал им клятву таить содержание оных. Они нашли Максимилиана в Кольмаре, где и были от 15 Генваря до 23 Марта. Политика его уже переменялась: сей Государь, довольный условиями заключенного с Владиславом мира, не думал более о северном союзе, употребляя все усилия против Франции. Послы наши – не сделав, кажется, ничего – возвратились в Москву в Июле 1493 года³⁵⁷.

Таким образом прекратились на сей раз сношения Великокняжеского Двора с Империею, хотя и не имел важных государственных следствий, однако ж удовлетворив честолюбию Иоанна, который поставил себя в оных наравне с первым Монархом Европы. – Связь с Германиею доставила нам и другую существенную выгоду. Новое велелепие Двора Московского, новые Кремлевские здания, сильные ополчения, Посольства^{5*}, дары, требовали издержек, которые истощали казну более, нежели прежняя дань Ханская. Доселе мы пользовались единственно чужими драгоценными металлами, добываемыми внешнею торговлею и меною с Сибирскими народами через Югру: сей последний источник, как вероятно, оскудел или совсем закрылся: ибо в летописях и в договорах XV века нет ни слова о *серебре Закамском*³⁵⁸. Но издавна был у нас слух,

что страны полунощные, близ Каменного Пояса, изобилуют металлами: присоединив к Московской Державе Пермь, Двинскую землю, Вятку, Иоанн желал иметь людей сведущих в горном искусстве. Мы видели, что он писал о том к Королю Венгерскому³⁵⁹; но Траханиот, кажется, первый вывез их из Германии. (Открытие Печерских рудников). В 1491 году два Немца, Иван и Виктор, с Андреем Петровым и Василием Болтиным отправились из Москвы искать серебряной^{6*} руды в окрестностях Печеры³⁶⁰. Через семь месяцев они возвратились с известием, что нашли оную, вместе с медною, на реке Цыльме, верстах в двадцати от Космы, с трех стах от Печеры и в 3500 от Москвы, на пространстве десяти верст. Сие важное открытие сделало Государю величайшее удовольствие, и с того времени мы начали сами добывать, плавить металлы и чеканить монету из 7*-своего серебра; имели и золотые деньги или медали Российские. В собрании наших древностей хранится снимок золотой медали 1497 году с изображением Св. Николая: в надписи сказано, что *Великий Государь* вылил сей *единый талер* из золота для *Княгини* (Княжны) своей, Феодосии³⁶¹. На серебряных деньгах Иоаннова времени обыкновенно представлялся всадник с мечем.^{-7*}

Может быть, слух о новых, в северной России открытых, богатых рудниках скоро дошел до Германии и возбудил там любопытство увериться в справедливости одного (Европа еще не знала Америки, и нуждаясь в драгоценных металлах, долженствовала брать живейшее участие в таком открытии): по крайней мере в 1492 году приехал в Москву Немец Михаил Снупс с письмом к Великому Князю от Максимилиана и дяди его, Австрийского Эрцгерцога Зигмунда, княжившего в Инспруке: они дружески просили Иоанна, чтобы он дозволил сему путешественнику осмотреть все любопытное в нашем отечестве, учиться языку Русскому, видеть обычаи народа и приобрести знания нужные для успехов общей Истории и Географии. Снупс, обласканный Великим Князем, немедленно изъявил желание ехать в дальнейшие страны полунощные и на Восток, к берегам Оби. Иоанн усомнился, и наконец решительно отказал ему. Прожив несколько месяцев в Москве, Снупс

отправился назад в Германию прежним путем, через Ливонию, с следующим письмом от Великого Князя к Максимилиану и Зигмунду: “Из дружбы к вам мы ласково приняли вашего человека, но не пустили его в страны отдаленные, где течет река Обь, за неудобностию пути: ибо самые люди наши, ездящие туда для собрания дани, подвергаются не малым трудам и бедствиям. Мы не дозволили ему также возвратиться к вам чрез Владения Польские или Турецкие: ибо не можем ответствовать за безопасность сего пути. Бог да блюдет ваше здравие³⁶²”. Вероятно, что Иоанн опасался сего Немца как лазутчика, и не хотел, чтобы он видел наши северо-восточные земли, где открылся новый источник богатства для России.

⟨Посольство Датское⟩. Вторым достопамятным Посольством описываемых нами времен было Датское. Если не Дания, то по крайней мере Норвегия издревле имела сношения с Новымгородом, по соседству с его северными областями. Двор Ярослава Великого служил убежищем для ее знаменитых изгнанников^{363;8*} Александр Невский хотел женить сына на дочери Гаконовой^{364;9*} мы упоминали также^{10*} о договоре Норвегии с Правительством Новгородским в 1326 году^{365;11*} но отдаленная Москва скрывалась во мраке неизвестности для трех Северных Королевств до того времени, как Великий Князь сделался Самодержцем всей России, от берегов Волги до Лапландии. Приязнь, бывшая между тогдашним Королем Датским Иоанном, сыном Христиановым, и Казимиром, заставила первого нарушить долг гостеприимства в рассуждении Послов Московских, когда они ехали в Любек чрез его землю: ибо Траханиот и Яропкин жаловались на претерпенные ими в ней обиды; но существенные выгоды государственные переменили образ мыслей сего Монарха: будучи врагом Шведского Правителя, он увидел пользу быть другом Великого Князя, чтобы страхом нашего оружия обуздывать Шведов, и Посол Датский (в 1493 году) заключил в Москве союз любви и братства с Россиею. Грек Дмитрий Ралев и Дьяк Зайцов отправились в Данию для размена договорных грамот³⁶⁶.

⟨Чагатайское, Иверское посольство⟩. Упомянем также

о двух Посольствах Азиатских. Неизмеримая Держава, основанная завоеваниями дикого Героя, Тамерлана, хотя не могла по его смерти устоять в своем величии и разделилась: однако ж имя Царства Чагатайского, составленного из Бухарии и Хорасана, еще гремело в Азии: Султан Абу-саид, внук Тамерланова сына, Мирана, господствовал от берегов моря Каспийского до Мультана в Индии, и в 1468 году убитый Персидским Царем Гассаном, оставил сию обширную страну в наследие сыновьям, коих междоусобие предвестило их общую гибель. Гуссеин Мирза, правнук второго Тамерланова сына, Омара, завладел Хорасаном; прославился многими победами, одержанными им над Татарами-Узбеками; любил добродетель, Науки; слышал о величии Государя Российского, и желая его дружбы, в 1489 году прислал в Москву какого-то *богатыря* Уруса для заключения союза с Иоанном³⁶⁷. Может быть, он хотел, чтобы Великий Князь, имея связь с Ногаями, возбудил их против Узбеков. Но царство Чагатайское отжило век свой: Хан Узбекский, Шай-Бег, в начале XVI века изгнал Гуссеиновых сыновей из Хорасана, овладев и Бухарию, откуда последний Султан Тамерланова рода, Бабор, ушел в Индостан^{12*}, где Судьба определила ему быть основателем Империи так называемого *Великого Могола*.

Иверия, или нынешняя Грузия, искони славилась воинскою доблестью своего народа, так, что ни Персидское, ни Македонское оружие не могло поработить его; славилась также богатством (древние Аргонавты искали *Златого руна* в соседственной с нею Мингрелии). Завоеванная Помпеем, она делается с того времени известною в Римской Истории, которая именует нам ее разных Царей, данников Рима. Один из них, Фарасман II, верный друг Императора Адриана, удостоился чести приносить богам жертву в Капитолии и видеть свой изваянный образ в храме Беллоны на Берегу Тибра. Но далее не находим уже никаких известий о сей стране до разделения Империи; знаем только, что Христианская Вера начала там утверждаться еще со времен Константина Великого; что Св. Симеон Столпник способствовал успехам ее; что Иверия, имея всегда собственных Царей или Князей, зависела от Монархов

Персидских, то от Императоров Греческих, была покорена Моголами и в 1476 году подвластна Царю Персидскому, Узун-Гассану³⁶⁸. Нет сомнения, что Россия издревле находилась в связи с единоверною Грузиею: Изяслав I, как известно, был женат на Княжне Абассинской, а сын Андрея Боголюбского супругом славной Грузинской Царицы, Тамари³⁶⁹. Сия связь, прерванная нашествием Батыевым, возобновилась: Послы Князя Иверского, Александра, именем Нариман и Хоземарум, в 1492 году приехали к Иоанну, требовать его покровительства³⁷⁰. Уважаемый в Персии и в странах окрестных, Великий Князь мог действительно быть заступником своих утесненных единоверцев, которые оплакивали падение Греции, и под игом варваров закоснев в невежестве, имели нужду в советах нашего Духовенства для Христианского просвещения. Александр в грамоте своей смиренно именуется *холопом* Иоанна, его же называет великим Царем, *светом зеленого неба, звездою темных, надеждою Христиан, подпорою бедных, законом, истинною управою всех Государей, тишиною земли и ревностным обетником Св. Николая*.

Занимаясь делами Европы и Азии, мог ли Иоанн оставить без примечания Державу Оттоманскую, которая уже столь сильно действовала на судьбу трех частей мира? Как зять Палеологов и сын Греческой Церкви, утесняемой Турками, он долженствовал быть врагом Султанов; но не хотел себя обманывать: видел, что еще не пришло время для России бороться с ними; что здравая Политика велит ей употреблять свои юные силы на иные предметы, ближайшие к истинному благу ее: для того, заключая союзы с Венгриею и Молдавию, не касался дел Турецких, имея в виду одну Литву, нашего врага естественного. Выгодная торговля купцов Московских в Азове и Кафе, управляемой Константинопольскими Пашами, зависимость Менгли-Гирея (важнейшего союзника России) от Султанов, и надежда вредить Казимиру чрез Оттоманскую Порту склоняли Иоанна к дружбе с нею: он ждал только пристойного случая, и тем более обрадовался, узнав, что Султанские Пашаши, говоря в Белегороде с Дьяком его, Федором Курицыным, объявили ему желание их Государя искать Иоанно-

вой приязни³⁷¹. Великий Князь поручил Менгли-Гирею основательно разведать о сем предложении, и Султан, Баязет II, отвечивал: “ежели Государь Московский тебе, Менгли-Гирею, брат: то будет и мне брат³⁷²”. Следующее происшествие служило поводом к первому государственному сношению между нами и Портою. Купцев Российских обижали в Азове и в Кафе, так, что они перестали наконец ездить в Султанские владения. Паша Кафинский жаловался на то Баязету, слагая вину на Менгли-Гирея, будто бы отвратившего Россиян от торговли с сим городом; а Менгли-Гирей хотел, чтобы Иоанн оправдал его в глазах Султана. Удовлетворяя требованию оклеветанного друга, и как бы единственно из снисхождения, Великий Князь написал такую грамоту к Баязету³⁷³:

⟨Первое дружелюбное сношение с Султаном Турецким). “Султану, *вольному* Царю Государей Турских и Азямских, земли и моря, Баязету, Иоанн божиею милостию единый правый, наследственный Государь всея Руси и многих иных земель от Севера до Востока. Се наше слово к твоему Величеству. Мы не посылали людей друг ко другу спрашивать о здравии; но купцы мои ездили в страну твою и торговали, с выгодою для обеих Держав. Они уже несколько раз жаловались мне на твоих чиновников: я молчал. Наконец, в течение минувшего лета, Азовский Паша принудил их копать ров и носить камень для городского строения. Сего мало: в Азове и в Кафе отнимают у наших купцев товары за полцены; в случае болезни одного из них, кладут печать на имение всех: если умирает, то все остается в казне; если выздоравливает, отдают назад только половину. Духовные завещания не уважаемы: Турецкие чиновники не признают наследников, кроме самих себя, в Русском достоянии. Узнав о сих обидах, я не велел купцам ездить в твою землю. Прежде они платили единственно законную пошлину и торговали свободно: от чего же родилось насилие? знаешь или не знаешь оного?.... Еще одно слово: отец твой (Магомет II) был Государь великий и славный: он хотел, как сказывают, отправить к нам Послов с дружеским приветствием; но его намерение, по воле Божией, не исполнилось. Для чего же не быть то-

му ныне? Ожидаем ответа. Писано в Москве, 31 Августа” (в 1492 году). – Менгли-Гирей должен был доставить сию грамоту Баязету: увидим следствие.

(Посольства в Крым). Тесная связь Иоаннова с Ханом Таврическим не ослабевала, утверждаемая частыми Посольствами и дарами. В 1490 году ездил в Тавриду Князь Василий Ромодановский с уверением, что войско наше готово всегда тревожить Золотую Орду³⁷⁴. Сия тень Батыева Царства скиталась из места в место: иногда переходила за Днепр, иногда удалялась к пределам страны Черкесской, к берегам Кумы. Тщетно сыновья Ахматовы вместе с Царем Астраханским, Абдыл-Керимом, замышляли впадение в Тавриду, оберегаемую с одной стороны Россиянами, Магмет-Амином Казанским и Ногаями, а с другой Султаном, который дал Менгли-Гирею 2000 воинов для его защиты. Крымцы отгоняли стада у Волжских Татар, и в одной кровопролитной сшибке убили сына Ахматова, Едигея. – В 1492 году новый Посол Иоаннов, Лобан Колычев, убеждал Менгли-Гирея воевать Литовские владения, представляя, что Ординские Цари злодействуют ему единственно по внушениям Казимировым³⁷⁵. Хан отвечивал: “Я с братом моим, Великим Князем, всегда один человек, и строю теперь при устье Днепра, на старом *городище*, новую крепость, чтобы оттуда вредить Польше”. Сия крепость была *Очаков*, основанный на каких-то древних развалинах. Брат Ханский, Усмемир, и племянник Довлет жили у Казимира: Великий Князь, для безопасности Менгли-Гирея, старался переманить их в Россию, но не мог; в угодность ему принял также меньшего пасынка его, Абдыл-Летифа, и с честью отправил к Царю Казанскому, Магмет-Аминю. Менгли-Гирей желал еще, чтобы он дал Коширу в поместье Царевичу Мамытеку, сыну Мустафы: сие требование не было уважено, равно как и другое, чтобы Иоанн заплатил 33 000 алтын, взятых Ханом в долг у жителей Кафинских для строения Очакова. “Не строением бесполезных крепостей, отдаленных от Литвы – приказывал Великий Князь к своему другу – но частыми впадениями в ее земли должен ты беспокоить общих врагов наших”. Хан любил дары; просил кречетов и соболей для Ту-

рецкого Султана: Государь давал, однако же не бескорыстно, и (в 1491 году) походом Воевод Московских на Улусы Золотой Орды оказав услугу Менгли-Гирею, хотел, чтобы он в знак благодарности прислал к нему свой *большой красной лал*. Заметим еще, что Хан Крымский, опасаясь Иоаннова подозрения, сносился с Царем Казанским только чрез Москву: всякую грамоту их переводили и читали Государю, который думал, что осторожность не мешает дружбе³⁷⁶.

(Литовские дела). Так было до 1492 года, когда важная перемена случилась в Литве и переменяла систему России. Не смотря на взаимную ненависть между сими двумя державами, некоторая не хотела явной войны. Казимир, уже старый и всегда малодушный, боялся твердого, хитрого, деятельного и счастливого Иоанна, увенчанного славою побед; а Великий Князь отлагал войну по внушению государственной мудрости: чем более медлил, тем более усиливался и вернее мог обещать себе успехи; неусыпно стараясь вредить Литве, казался готовым к миру и не отвергал случаев объясняться с Королем в их взаимных неудовольствиях. С 1487 до 1492 года Литовские Послы, Князь Тимофей Мосальский, Смоленский Боярин Плюсков, Стромилов, Хребтович и Наместник Утенский, Клочко, приезжали в Москву с разными жалобами. Со времен Витовта Удельные Князья древней земли Черниговской, в нынешних Губерниях Тульской, Калужской, Орловской, были подданными Литвы: видя наконец возрастающую силу Иоанна, склоняемые к нему единоверием и любезным их сердцу именем Русским, они начали переходить к нам с своими отчинами, и для успокоения совести давали только знать Казимиру, что слагают с себя обязанность его присяжников. Уже некоторые Одоевские, Воротынские, Белевские, Перемышльские Князья служили Московскому Государю, и вели непрестанную войну с своими родственниками, которые еще оставались в Литве. Так Василий Кривой, Князь Воротынский, опустошил несколько мест в земле Королевской^{13* 377}. Сыновья Князя Симеона Одоевского взяли город их дяди, Феодора, Одоев; расхитили казну, пленили мать его. Дружина Князя Дмитрия Воро-

тынского обратила в пепел многие Брянские села. Князь Иван Белевский силою принудил брата, Андрея, отложиться от Короля. Казимир жаловался, что Иоанн принимает изменников и терпит их разбои; что многие Литовские места отошли к нам; что Великие Луки и Ржева не хотят платить ему дани, и проч. Иоанн отвечал ему на словах и чрез собственных Послов, что сии жалобы большею частию несправедливы; что Великие Луки и Ржева суть искони Новгородские области; что Казимировы подданные сами обижают Россиян; что ссорные дела должны быть решены на месте общими судиями; что Князья племени Владимирова, добровольно служив Литве, имеют право с наследственным своим достоинством возвратиться под сень их древнего отечества.^{14*} Государь требовал, чтобы Казимир отпустил в Россию жену Князя Бельского, не обременял наших купцов налогами и возвратил отнятое у них насилем в его земле, казнил обидчиков, дозволил Послам Великокняжеским свободно ездить чрез Литву в Молдавию, и проч. “Государь ваш – сказал Король чиновнику Иоаннову, Яропкину – любит требовать, а не удовлетворять: я должен следовать^{15*} его примеру”. Однако ж взаимно соблюдалась учтивость: Литовские Послы обедали у Государя; не только он, но и юный сын его, Василий Иоаннович, приказывал с ними дружеские поклоны к Казимиру; в знак приязни Великий Князь освободил даже многих Поляков, которые находились пленниками в Орде. (Смерть Казимира: сын его, Александр, на троне Литовском). В Мае 1492 году был отправлен в Варшаву^{16*} Иван Никитич Беклемишев с предложением, чтобы Король отдал нам городки Хлепен, Рогачев и другие места, издревле Российские, и чтобы с обеих сторон выслать Бояр на границу для исследования взаимных обид. Но Беклемишев возвратился с известием, что Казимир умер 25 Июня; что старший его сын, Алберт, сделался Королем Польским, а меньший, Александр, Великим Князем Литовским.

Сей случай казался благоприятным для России: Литва, избрав себе иного Властителя, уже не могла располагать силами Польши, которая не имела вражды с нами и должна была следовать особенной государственной систе-

ме. Иоанн немедленно послал Константина Заболоцкого к Менгли-Гирею, убедить его, чтобы он воспользовался смертью Короля и шел на Литовскую землю, не отлагая похода до весны; что Волжская Орда кочует в отдаленных восточных пределах и не опасна для Тавриды; что ему никогда не будет лучшего времени отомстить Казимировым сыновьям за все злые козни отца их³⁷⁸. — Другой Великокняжеский чиновник, Иван Плещеев, отправился к Стефану Молдавскому, вероятно с такими же представлениями³⁷⁹. (Неприятельские действия против Литвы). Начались и неприятельские действия с нашей стороны: Князь Федор Телепня-Оболенский, вступив с полком в Литву, разорил Мценск и Любутск; Князья Перемышльские и Одоевские, служащие Иоанну, пленили в Мосальске многих жителей, Наместников и Князей с их семействами; другой отряд завоевал Хлепен и Рогачев³⁸⁰.

Между тем новый Государь Литовский, Александр, всего более желал мира с Россиею, от юных лет слышав непрестанно о величии и победах ее Самодержца. Вернейшим средством снискать Иоаннову приязнь казалось ему супружество с одною из его дочерей, и Наместник Полоцкий, Ян, писал о том к первому Воеводе Московскому, Князю Ивану Юрьевичу, представляя, что Россия и Литва наслаждались счастливым миром, когда дед Иоаннов, Василий Димитриевич, совокупился браком с дочерию Витовта³⁸¹. (Переговоры о мире и сватовстве). Скоро явилось в Москве и торжественное Посольство Литовское³⁸². Пан Станислав Глебович, вручив верующую грамоту, объявил Иоанну о смерти Казимира, о восшествии Александра на престол, и требовал удовлетворения за разорение Мценска и других городов. Ему ответствовали, что мы должны были отомстить Литве за грабежи ее подданных; что пленники будут освобождены, когда Александр удовольствуется всех обиженных Россиян, и проч. Станислав, пируя у Воеводы Московского, Князя Ивана Юрьевича, в веселом разговоре упомянул о сватовстве: он был не трезв, и для того, не получил ответа; а на другой день сказал, что Литовские Сенаторы желают сего брака, но что ему велено тайно разведать о мыслях Великого Князя. Дело столь важное

требовало осторожности: не входя ни в какие изъяснения, Послу дали чувствовать, что надобно утвердить искренний, вечный мир прежде, нежели говорить о сватовстве; что мир легко может быть заключен, если Правительство Литовское удержится от *лишних речей* и требований неосновательных. То же написал и Князь Иван Юрьевич к Наместнику Полоцкому.

(Г. 1493). Станислав уехал из Москвы и неприятельские действия продолжались. Князья Воротынские, Симеон Федорович с племянником Иваном Михайловичем, вступив в нашу службу, засели города Литовские, Серпейск и Мещовск: Воевода Смоленский, Пан Юрий, и Князь Симеон Можайский выгнали их оттуда; но Государь послал сильное войско, Московское и Рязанское, которое взяло приступом Серпейск и городок Опаков; а Мещовск сдался. В числе пленников находились многие затные Смоленяне и Паны Двора Александра³⁸³. Другое наше войско покорило Вязму: се Князья, присягнув, Государю, остались в наследственном владении; также и Князь Мезецкий, выдав Иоанну своих двух братьев, сосланных в Ярославль за их усердие к Литве³⁸⁴. Князья Воротынские завоевали Мосальск³⁸⁵.

(Злоумышление на жизнь Иоаннову). В сие время открылось в Москве гнусное злоумышление, коего истинный виновник уже тлел во гробе, но которое едва не исполнилось и не пресекло славного течения Иоанновой жизни. Никогда выгода государственная не может оправдать злодеяния; нравственность существует не только для частных людей, но и для Государей: они должны поступать так, чтобы правила их деяний могли быть общими законами. Кто же устави́т, что Венценосец имеет право тайно убить другого, находя его опасным для своей Державы: тот разрушит связь между гражданскими обществами, устави́т вечную войну, беспорядок, ненависть, страх, подозрение между ими, совершенно противные их цели, которая есть безопасность, спокойствие, мир. Не так рассуждал отец Александров, Казимир: он подослал к Иоанну Князя Ивана Лукомского, племени Владимирова, с тем, чтобы злодейски убить или отравить его. Лукомский клялся ис-

полнить сие адское поручение, привез с собою в Москву яд, составленный в Варшаве^{17*}, и будучи милостиво обласкан Государем, вступил в нашу службу; но какою-то счастливою нескромностию обнаружил свой умысел: его взяли под стражу; нашли и яд, коим он хотел умертвить Государя, чтобы сдержать данное Казимиру слово. Злодейство столь необыкновенное требовало и наказания чрезвычайного: Лукомского и единомышленника его, Латинского толмача, Поляка Матиаса, сожгли в клетке на берегу Москвы-реки³⁸⁶. Князь Феодор Бельский также впал в подозрение, и был сослан в Галич: ибо Лукомский доказывал, что сей легкомысленный родственник Казимиров хотел тайно уехать от нас в Литву. Открылись и другие преступники, два брата, Алексей и Богдан Селевины, граждане Смоленские: будучи пленниками в Москве, они жили на свободе, употребляли во зло доверенность Государеву к их честности, имели связь с Литвою и посылали вести к Александру Литовскому. Богдана засекли кнутом до смерти: Алексею отрубили голову.

Такое происшествие не могло расположить Иоанна к миру: он непрестанно побуждал Менгли-Гирея воевать Литву. Посол Александра, Князь Глинский, находился тогда в Крыму, и требовал, чтобы Хан снес город Очаков, построенный им на Литовской земле. В угодность Великому Князю, Менгли-Гирей задержал Глинского, зимою подступил к Киеву, и выжег окрестности Чернигова, но за разлитием Днепра возвратился в Перекоп³⁸⁷. Между тем Воевода Черкасский, Богдан, разорил Очаков, к великой досаде Хана, истратившего 150 000 алтын на строение оно-го. “Мы ничего важного не сделаем врагам своим, если не будем иметь крепости при устье Днепра”, писал Менгли-Гирей к Великому Князю³⁸⁸, уведомляя, что Александр посредством Султана Турецкого предлагал ему мир и 13 500 червонцев за Литовских пленников, но что он, как верный союзник Иоаннов, не хотел о том слышать; что сей новый Государь Литовский, следуя Политике отца, возбуждает Ахматовых сыновей против Тавриды и России; что Царь Ординский, Шиг-Ахмед, женатый на дочери Ногайского Князя Мусы, и за то сверженный с престола, опять царст-

вует вместе с братом Сеид-Махмутом³⁸⁹; что войско Крымское всегда готово идти на них и на Литву, и проч. В самом деле Менгли-Гирей не престаивал тревожить Александровых владений набегами и грабежем.

〈Посольство Князя Мазовецкого в Москву〉. Новый союзник представился Иоанну, Владетельный Князь Мазовецкий, Конрад, племени древних Венценосцев Польских. Будучи тогда врагом сыновей Казимировых, он желал вступить в тесную связь с Россиею и прислал в Москву Варшавского Наместника, Ивана Подосю, сватать за него одну из дочерей Великого Князя. Сей брак казался пристойным и выгодным для нашей Политики; но Государь не хотел вдруг изъявить согласия, и сам отправил Послов в Мазовию для заключения предварительного договора с ее Князем: 1) о вспоможении, которое он дает России против сыновей Казимировых; 2) о назначении вена для будущей супруги его: то есть, Иоанн требовал, чтобы она имела в собственном владении некоторые города и волости в Мазовии³⁹⁰. – Не знаем, с каким ответом возвратились Послы; но сие сватовство не имело дальнейших следствий, вероятно, от перемены обстоятельств.

Если и Казимир, Государь Литвы и Польши, опасался войны с Иоанном: то Александр, властвуя единственно над первою, и не уверенный в усердной помощи брата, мог ли без крайности отважиться на кровопролитие? Менгли-Гирей опустошал, Стефан Молдавский грозил, заключив тесный союз между собою посредством Иоанна³⁹¹, и следуя его указаниям. Но всего опаснее был сам Великий Князь, именем отечества и единоверия призывая к себе всех древних Россиян, которые составляли большую часть Александровых подданных. Уже Москва расширила свои пределы до Жиздры и самого Днепра, действуя не столько мечем, сколько приманом. В городах, в селах и в битвах страшились измены. – И так Александр решительно хотел искреннего вечного мира.

Не столь легко изъяснить обстоятельствами миролюбие Иоанна; все ему благоприятствовало: он имел сильное, опытное войско^{18*}, друзей в Литве и счастье, важное в делах человеческих; видел ее боязнь и слабость; мог обе-

щать себе редкую славу и даже Христианскую заслугу, то есть, возратить отечеству лучшую его половину, а Церкви шесть или семь знаменитых Епархий, насилием Латинским отторженных от ее истинного, общего Пастырства. Но мы знаем характер Иоаннов, для коего умеренность была законом в самом счастье; знаем ум его, который не любил отважности, кроме необходимой. Властвовав уже более тридцати лет в непрестанной и часто беспокойной деятельности, он хотел тишины, согласной с достоинством великого Монарха и благом Державы. Вообще люди на шестом десятилетии жизни редко предпринимают трудное и менее обольщаются успехами отдаленными. Покушение завоевать всю древнюю южную Россию возбудило бы против нас не только Польшу, но и Венгрию, и Богемию, где царствовал брат Александров, Владислав; надлежало бы воевать долго и не распускать полков: что казалось тогда невозможностию. Союз Хана Крымского и Стефана Великого, полезный для усмирения Литвы, не мог быть весьма надежен в усильном борении с сими тремя Государствами. Менгли-Гирей зависел от Султана, готового иногда оказывать услуги Венгрии и Польше: хотя не изменял Иоанну, однако ж не во всем удовлетворял ему: на пример, без его ведома освободил Глинского, ссылался с Александром и действовал против Литвы слабо, недружно³⁹². Стефан же имел более ума и мужества, нежели сил, истощаемых им в войнах с Турками. — Заметим наконец, что время уже приучило Северную Россию смотреть на Литовскую как на чуждую землю; в обычаях и нравах сделалась перемена, и связь единородства ослабела. Иоанн, отняв у Литвы некоторые области, был доволен сим знаком превосходства сил, и лучше хотел миром утвердить приобретенное, нежели войною искать новых приобретений.

В след за Литовскими Послами, бывшими в Москве, Великий Князь отправил Дворянина Загряского к Александру, с объявлением, что отчины Князей Воротынских, Белевских, Мезецких и Вяземских, служащих Государю, будут впредь частию России, и что Литовское Правительство не должно вступаться в оные. В верующей грамоте, данной Загряскому, Иоанн по своему обыкновению назвал

себя Государем *всей России*. Сей Посол имел также письмо от юного сына Иоаннова, Василия, к изгнаннику, Князю Василию Михайловичу Верейскому, коему дозволялось возвратиться в Москву: ибо Великая Княгиня София исходатайствовала ему прощение³⁹³. В Вильне отвечали Загряскому, что новые Послы Александровы будут в Москву: они действительно приехали в исходе Июня с требованием, чтобы Иоанн не только отдал их Государю все захваченные Россиянами Литовские области, но и казнил виновников сего насилия; сверх того изъявили негодование, что Великий Князь употребляет в грамотах титул новый и *высокий*, именуясь Государем *всей России* и многих земель; а в заключение сказали Воеводе Московскому, Ивану Юрьевичу, что Александр, по желанию Сенаторов Литовских, готов начать переговоры о вечном мире³⁹⁴. Ответ Иоанновых Бояр состоял в следующем: “Князья Воротынские и другие искони были слугами наших Государей. Пользуясь *незгодю России*, Литва завладела их странами: теперь иные времена. – Великий Князь не пишет в грамотах своих ничего *высокого*, а называется Властителем земель, данных ему Богом”.

(Г. 1494. Мир с Литвою). В Генваре 1494 году *Великие Послы* Литовские, Воевода Троцкий, Петр Янович Белой и Станислав Гастольд, Староста Жмудский, прибыли в Москву для заключения мира. Они хотели возобновить договор Казимиров с Василием Темным, а наши Бояре древнейший Ольгердов с Симеоном Гордым и отцем Донского. Первые уступали Иоанну Новгород, Псков и Тверь в вечное потомственное владение, но требовали всех иных городов, коими завладели Россияне в новейшие времена. “Вы уступаете нам не свое, а наше”, сказали Бояре. Спорили долго, хитрили и несколько раз прерывали сношения; наконец согласились, чтобы Вязма, Алексин, Тешилон, Рославль, Венев, Мстиславль, Торуса, Оболенск, Козельск, Серенск, Новосиль, Одоев, Воротынск, Перемышль, Белев, Мещера остались за Россиею; а Смоленск, Любутск, Мценск, Брянск, Серпейск, Лучин, Мосальск, Дмитров, Лужин и некоторые иные места по Угрю за Литвою³⁹⁵. Князьям Мезецким или Мещовским дали волю слу-

жить, кому они хотят. Александр обещал признать Велико-го Князя *Государем всей России*, с тем, чтобы он не требо-вал Киева. (Иоанн отдает дочь свою, Елену, за Александра). Тогда Послы Литовские, вторично представленные Иоанну, начали дело сватовства, и Государь изъявил согласие вы-дать дочь свою, Елену, за Александра, взяв слово, что он не будет нудить ее к перемене Веры. На другой день, Фев-раля 6, в комнатах у Великой Княгини Софии они увидели невесту, которая чрез Окольничего спросила у них о здо-ровье будущего супруга. Тут, в присутствии всех Бояр, со-вершилось обручение. Станислав Гастольд заступал место жениха, ибо старшему Послу, Воеводе Петру, имевшему *вторую жену*, не дозволили быть действующим в сем об-ряде. Иереи читали молитвы. Обменялись перстнями и крестами, висящими на золотых цепях.

Февраля 7 Послы именем Александра присягнули в верном соблюдении мира; а Великий Князь целовал крест в том же. Главные условия договора, написанного на хар-тии с золотою печатью, были следующие: 1) “Жить обоим Государям и детям их в вечной любви и помогать друг дру-гу во всяком случае; 2) владеть каждому своими землями по древним рубежам; 3) Александру не принимать к себе Князей Вяземских, Новосильских, Одоевских, Воротын-ских, Перемышльских, Белевских, Мещерских, Говдырев-ских, ни Великих Князей Рязанских, остающихся *на сто-роне* Государя Московского, коему и решить их спорные дела с Литвою; 4) двух Князей Мезецких, сосланных в Яро-славль, освободить; 5) в случае обид выслать общих судей на границу; 6) изменников Российских, Михаила Тверско-го, сыновей Князя Можайского, Шемяки, Боровского, Ве-рейского, никуда не отпускать из Литвы: буде же уйдут, то вновь не принимать их; 7) Послам и купцам ездить свобод-но из земли в землю”, и проч.³⁹⁶ – Сверх того Послы дали слово, что Александр обяжется грамотою не беспокоить супруги в рассуждении Веры. Они три раза обедали у Государя и получили в дар богатые шубы с серебряны-ми ковшами³⁹⁷. Отпуская их, Великий Князь сказал изустно: “Петр и Станислав! милостию Божиею мы ут-вердили дружбу с зятем и братом Александром; что обе-

щали, то исполним. Послы мои будут свидетелями его клятвы³⁹⁸”.

Для сего Князя Василий и Симеон Ряполовские, Михайло Яропкин и Дьяк Федор Курицын были посланы в Вильну³⁹⁹. Александр, присягнув, разменялся мирными договорами; написал также грамоту о Законе будущей супруги, но вместил слова: “если же Великая Княгиня Елена сама захочет принять Римскую Веру, то ее воля”. Сие дополнение едва не остановило брака: Иоанн гневно велел сказать Александру, что он по видимому не хочет быть его зятем. (Г. 1495. Генваря 6). Бумагу переписали, и чрез несколько месяцев явилось в нашей столице Великое Посольство Литовское. Воевода Виленский, Князь Александр Юрьевич, Князь Ян Заберезенский, Наместник Полоцкий, Пан Юрий, Наместник Бряславский, и множество знатнейших Дворян приехали за невестою, блистая великолепием в одежде, в услуге и в украшении коней своих. В верующей грамоте Александр именовал Великого Князя отцем и тестем. Выслушав речь Посольскую, Иоанн сказал: “Государь ваш, брат и зять мой, восхотел прочной любви и дружбы с нами: да будет! Отдаем за него дочь свою. – Он должен помнить условие, скрепленное его печатью, чтобы дочь наша не переменяла Закона ни в каком случае, ни принужденно, ни собственною волею. – Скажите ему от нас, чтобы он дозволил ей иметь придворную церковь Греческую⁴⁰⁰. Скажите, да любит жену, как Закон Божественный повелевает, и да веселится сердце родителя счастьем супругов! – Скажите от нас Епископу и Панам вашей Думы Государственной, чтобы они утверждали Великого Князя Александра в любви к его супруге и в дружбе с нами. Всевышний да благословит сей союз!”

Генваря 13 Иоанн, отслушав Литургию в Успенском храме со всем Великокняжеским семейством и с Боярами, призвал Литовских Вельмож к церковным дверям, вручил им невесту и проводил до саней. В Дорогомилове Елена остановилась и жила два дни: брат ее, Василий, угостил там Панов роскошным обедом; мать ночевала с нею, а Великий Князь два раза приезжал обнять любезную ему дочь, с которою расставался навеки. Он дал ей следующую

записку: “Память Великой Княжне Елене. В божницу Латинскую не ходить, а ходить в Греческую церковь: из любопытства можешь видеть первую или монастырь Латинский, но только однажды или два раза. Если свекровь твоя будет в Вильне и прикажет тебе итти с собою в божницу, то проводи ее до дверей и скажи учтиво, что идешь в свою церковь”. – Невесту провожали Князь Симеон Ряполовский, Боярин Михайло Яковлевич Русалка и Прокофий Зиновьевич с женами, Дворецкий Дмитрий Пешков, Дьяк и Казначей Василий Кулешин, несколько Окольных, Стольников, Конюших, и более сорока знатных Детей Боярских. В тайном наказе, данном Ряполовскому, велено было требовать, чтобы Елена венчалась в Греческой церкви, в Русской одежде, и при совершении брачного обряда на вопрос Епископа о любви ее к Александру ответствовала: *люб ми, и не оставити ми его до живота никога ради болезни, кроме Закона; держать мне Греческий; а ему не нудить меня к Римскому*. Иоанн не забыл ничего в своих предписаниях, назначая даже, как Елене одеваться в пути, где и в каких церквах петь молебны, кого видеть, с кем обедать, и проч.⁴⁰¹

Ее путешествие от пределов России до Вильны было веселым торжеством для народа Литовского, который видел в ней залог долговременного, счастливого мира. В Смоленске, Витебске, Полоцке, Вельможи и Духовенство встречали ее с дарами и с любовию, радуясь, что кровь Св. Владимира соединяется с Гедиминовою; что Церковь Православная, сирая, безгласная в Литве, найдет ревностную покровительницу на троне; что сим брачным союзом возобновляется древняя связь между единоплеменными народами. Александр выслал знатнейших чиновников приветствовать Елену на пути и сам встретил ее за три версты от Вильны, окруженный Двором и всеми Думными Панами. Невеста и жених, ступив на разостланное алое сукно и золотую камку, подали руку друг другу, сказали несколько ласковых слов, и вместе въехали в столицу, он на коне, она в санях, богато украшенных⁴⁰². Невеста в Греческой церкви Св. Богоматери отслушала молебен: Боярыни Московские расплели ей косу, надели на голову кичу с покрыва-

лом, осыпали ее хмелем и повели к жениху в церковь Св. Станислава, где венчал их, на бархате и на соболях, Латинский Епископ и наш Священник Фома. Тут был и Виленский Архимандрит Макарий, Наместник Киевского Митрополита⁴⁰³; но не смел читать молитв. Княгиня Ряполовская держала над Еленою венец, а Дьяк Кулешин скляницу с вином. – По совершении обряда Александр торжественно принял Бояр Иоанновых; начались веселые пиры: открылись и взаимные неудовольствия.

Давно замечено Историками, что редко брачные союзы между Государями способствуют благу Государств: каждый Венценосец желает употребить свойство себе в пользу; вместо уступчивости рождаются новые требования, и тем чувствительнее бывают отказы. Кажется, что Иоанн и Александр в сем случае не хотели обмануть друг друга, но сами обманулись: по крайней мере первый действовал откровеннее, великодушнее, как должно сильнейшему; не уступал, однако ж и не мыслил коварствовать, с прискорбием видя, что надежда обеих Держав не исполнилась, и что свойство не принесло ему мира надежного.

(Новые неудовольствия между Россиею и Литвою).
Еще во время сватовства Александр с досадою писал в Москву о новых обидах, делаемых Россиянами Литве⁴⁰⁴: Иоанн обещал управу; но сам был не доволен тем, что Александр именовал его в грамотах только Великим Князем, а не *Государем всей России*. Весною приехал из Литвы Маршалок Станислав с брачными дарами: вручив их Государю и семейству его, он жаловался ему на Молдавского Воеводу, Стефана, разорившего город Бряславль, и на Послов Московских, Князя Ряполовского и Михайла Русалку, которые, едучи из Вильны в Москву, будто бы грабили жителей; требовал еще, чтобы все Российские чиновники, служащие Елене, были отозваны назад: “ибо она имеет довольно своих подданных для услуги”. Иоанн обещал примирить Стефана с зятем; но досадовал, что Александр не позволил ни православному Епископу, ни Архимандриту Макарию венчать Елены, не соглашается построить ей домовую церковь Греческого Закона, удалил от нее почти всех Россиян, и весьма худо содержит остальных. Жалоба

на Московских Послов была клеветою: напротив того они дорогою терпели во всем недостаток⁴⁰⁵. — Отпустив Станислава, Великий Князь послал гонца в Вильну навеститься о здоровье Елены, и дал ему два письма: одно с обыкновенными приветствиями, а другое с тайными наставлениями, желая, чтобы она не имела при себе чиновников, ни слуг Латинской Веры, и никак не отпускала наших Бояр, из коих главным был тогда Князь Василий Ромодановский, посланный в Вильну с женою⁴⁰⁶. Для переписки с родителем Елена употребляла Московского Подьячего и должна была скрывать оную от супруга: положение весьма опасное и неприятное! Юная Великая Княгиня, одаренная здравым смыслом и нежным сердцем, вела себя с удивительным благоразумием, и сохраняя долг покорной дочери, не изменяла мужу, ни государственным выгодам ее нового отечества; никогда не жаловалась родителю на свои домашние неувольствия, и старалась утвердить его в союзе с Александром. В сие время разнесся слух в Вильне, что Хан Менгли-Гирей идет на Литву: Елена вместе с супругом писала к Иоанну, чтобы он, исполняя договор, защитил их; о том же писала и к матери в выражениях убедительных и ласковых⁴⁰⁷.

Великий Князь находился в обстоятельствах затруднительных: без ведома и без участия Менгли-Гиреева вступив в тесный союз в Александром, их бывшим неприятелем, он известил Хана Таврического о сем важном происшествии, уверяя его в неизменной дружбе своей, и предлагая ему также помириться с Литвою. Ответ Менгли-Гиреев, сильный искренностию и прямодушием, содержал в себе упреки, отчасти справедливые. “С удивлением читаю твою грамоту”, писал Хан к Государю: “ты ведаешь, изменял ли я тебе в дружбе, предпочитал ли ей мои особенные выгоды, усердно ли помогал тебе на врагов твоих! *Друг и брат великое дело; не скоро добудешь его*: так я мыслил, и жег Литву, громил Улусы Ахматовых сыновей, не слушал их предложений, ни Казимировых, ни Александровых: что ж моя награда? Ты стал другом наших злодеев, а меня оставил им в жертву!... Сказал ли нам хотя единое слово о своем намерении? Не рассудил и подумать с твоим братом⁴⁰⁸!” Однако ж Менгли-Гирей все еще держался Ве-

ликого Князя, и даже снова клялся умереть его верным союзником; не отвергал и мира с Литвою, требуя единственно, чтобы Александр удовлетворил ему за понесенные им в войне убытки.

И так Иоанн мог бы легко примирить зятя с Ханом; но прежде надлежало удостовериться в искренней дружбе первого: ответствуя ему, что договор с нашей стороны будет исполнен, и что войско Российское готово защитить Литву, если Менгли-Гирей не согласится на мир, Иоанн послал в Вильну Боярина Кутузова, с требованием, чтобы Александр непременно позволил супруге своей иметь домовую церковь, не принуждал ее носить Польскую одежду, не давал ей слуг Римского Исповедания, писал в грамотах весь титул Государя согласно с условием, не запрещал вывозить серебра из Литвы в Россию, и чтобы наконец отпустил в Москву жену Князя Бельского⁴⁰⁹. В угодность зятю, Великий Князь отозвал из Вильны Бояр Московских, коих Александр считал опасными доносителями и ссорщиками: остались при Елене только Священник Фома с двумя Крестовыми Дьяками и несколько Русских поваров. Не смотря на то, зять не хотел исполнить ни одного из требований Иоанновых, ответствуя на первое, что устав предков его запрещает строить вновь церкви нашего Исповедания, и что Елена может ходить в приходскую, которая недалеко от дворца. “Какое мне дело до ваших уставов? возражал Государь: у тебя супруга православной Веры, и ты обещал ей свободу в Богослужении”. Но Александр упрямылся; не отпустил даже и Княгини Бельской, говоря, что она сама не едет в Россию.

(Г. 1495–1496). К сим досадам он присококупил новую. Султан Турецкий, Баязет, получив грамоту Великого Князя⁴¹⁰, и строго запретив утеснять купцев наших, торгующих в Кафе и Азове, немедленно отправил в Москву Посла с дружественными уверениями: Александр велел ему и бывшим с ним Константинопольским гостям возвратиться из Киева в Турцию, приказав к Иоанну, что никогда Султанские Послы не езжали в Россию чрез Литву, и что они могут быть лазутчиками⁴¹¹.

Однако ж Великий Князь еще изъявлял доброхотство

зятю, и дал ему знать, что Стефан Молдавский и Менгли-Гирей соглашаются жить в мире с Литвою⁴¹². Сего недовольно: услышав, что Александр, по совету Думных Панов, готов отдать в Удел меньшему брату, Сигизмунду, Киевскую область, Иоанн писал к Елене, чтобы она всячески старалась отвратить мужа от намерения столь вредного. Повторим собственные слова его: “Я слыхал о неустройствах, какие были в Литве от Удельного Правления. И ты слыхала о наших собственных бедствиях, произведенных разновластием в княжение отца моего; помнишь, что и сам я терпел от братьев. Чему быть доброму, когда Сигизмунд сделается у вас особенным Государем? Советую, ибо люблю тебя, милую дочь свою; не хочу вашего зла. Если будешь говорить мужу, то говори единственно от себя⁴¹³”. В сем случае Иоанн явил образ мыслей достойный Монарха сильного и великодушного: имел досаду на зятя, но как искренний друг предостерегал его от губительной погрешности, не смотря на то, что Россия могла бы воспользоваться ею.

Сие великодушие, по видимому, не тронуло Александра: он с грубостью отвечивал, что не видит расположения к миру в наших союзниках, Менгли-Гирее и Стефане, непрестанно враждующих Литве; что тесть указывает ему в его делах, и не дает никакой управы. Огорченный Великий Князь, жалуюсь Елене на мужа ее, спрашивал, для чего он не хочет жить с ним в любви и братстве? “Для того – писал Александр к тестю – что ты завладел многими городами и волостями, издавна Литовскими; что пересылаешься с нашими недругами, Султаном Турецким, Господарем Молдавским и Ханом Крымским, а доселе не помирил меня с ними, вопреки нашему условию иметь одних друзей и неприятелей; что Россияне, не взирая на мир, всегда обижают Литовцев. Если действительно желаешь братства между нами, то возврати мое и с убытками, запрети обиды, и докажи тем свою искренность: союзники твои, увидев оную, престанут мне злодействовать⁴¹⁴”. Елена в сей грамоте приписала только поклон родителю.

Все неудовольствия Александровы происходили, кажется, от того, что он жалел о городах, уступленных им

России, и с прискорбием оставлял Елену Греческою Христианкою. Иоанн не отнял ничего нового у Литвы после заключенного договора; видя же упрямство, несправедливость и грубости зятя, брал свои меры. Боярин Князь Звенец поехал к Менгли-Гирею: извиняясь, что за худую зимнею дорогою не уведомил его во-время о сватовстве Александром, Иоанн убеждал Хана забыть прошедшее. “Не требую – говорил он – но соглашаюсь, чтобы ты жил в мире с Литвою; а если зять мой будет опять тебе или мне врагом, то мы восстанем на него общими силами⁴¹⁵”. Вероятно, что Иоанн таким же образом писал и к Стефану Молдавскому: по крайней мере сии два союзника России не спешили мириться с Александром, и Великий Князь в случае войны мог надеяться на их усердную помощь.



Глава VI

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ИОАННОВА.



Заложен Иваньгород. Гнев Вел[икого] Князя на Ливонских Немцев и заключение всех купцев Ганзейских в России. Союз с Даниею. Война с Шведами. Иоанн в Новгороде. Поход на Гамскую землю или [на] Финляндию. Дела Казанские. Первое наше Посольство в Константинополь. Рязанская Княгиня в Москве и выдает дочь за Бельского. Гнев Иоаннов на супругу и [на] сына, Василия. Великий Князь торжественно венчает на Царство внука своего, юного Димитрия Иоанновича[. Иоанн] мирится с супругою [и] казнит Бояр. Называет Василия Вел[иким] Князем Новагорода и Пскова. Посол из Шамахи. Посольство [-а] в Венецию и в Константинополь. Завоевание земли Югорской или северо-западной Сибири. Послан Воевода в Казань. Разрыв с Литвою. Князья Черниговский и Рыльский поддаются Иоанну. Завоевание Мценска, Серпейска, Брянска, Путивля, Дорогобужа. Князья Трубчевские добровольно покоряются. Местничество наших Воевод. Битва на берегах Ведроши. Хан Крымский опустошает Литву и Польшу. Союз Александра с Ливонским Орденом. Переговоры о мире. Александр избран в Польские Короли. Новая победа над Литвою близ Мстиславля. Война с Орденом. Сражение [на Сирице] близ Изборска. Болезнь в Ливонской рати. Россияне опустошают Ливонию. Царь Большой Орды, Шиг-Ахмет, помогает Литве. Хан Крымский совершенно истребляет сии остатки Батыева Царства. Александр вероломно заключает Шиг-Ахмета. Досада Хана Крымского на Великого Князя. Иоанн, заключив невестку и внука, объявляет Василия наследником. Разрыв с Стефаном Молдавским. Смерть Стефанова. Осада Смоленска. Битва с Магистром Ливонским близ Пскова. Папа старается о мире. Перемирие с Литвою и с Орденом. Хитрость Вел[икого] Князя. Александр безрассудно досаждают ему.

Г. 1495–1503.

Имея Литву главным предметом своей Политики, Государь с тою же деятельностью занимался и другими внешними делами, важными для чести и безопасности России. (Заложен Иваньгород). Он велел в 1492 году зало-

жить каменную крепость против Нарвы, на Девичьей горе, с высокими башнями, и назвал ее, по своему имени, *Иваньгород*, к великому беспокойству Ливонских Немцев, которые однако ж не могли ему в том воспрепятствовать, и в 1493 году продолжили мир с Россиею на десять лет⁴¹⁶. Чрез несколько месяцев – так пишет Немецкий Историк – “всенародно сожгли в Ревеле одного Россиянина, уличенного в гнусном преступлении⁴¹⁷, и легкомысленные из тамошних граждан сказали его единоземцам: мы сожгли бы и вашего Князя, если бы он сделал у нас то же. (Гнев Великого Князя на Ливонских Немцев, и заключение всех купцов Ганзейских в России). Сии безрассудные слова, пересказанные Государю Московскому, возбудили в нем столь великий гнев, что он изломал трость свою, бросил на землю, и взглянув на небо, грозно произнес: *Бог суди мое дело и казни дерзость*”. А наш Летописец говорит, что Ревельцы обижали купцов Новгородских, грабили их на море, без отсылки с Иоанном и без исследования варили его подданных в котлах, делая^{1*} несносные грубости Послам Московским, которые ездили в Италию и в Немецкую землю⁴¹⁸. (Г. 1495). Раздраженный Государь требовал, чтобы Ливонское Правительство выдало ему Магистрат Ревельский⁴¹⁹, и получив отказ, велел схватить Ганзейских купцов в Новгороде: их было там 49 человек, из Любека, Гамбурга, Грейфсвальда, Люнебурга, Мюнстера, Дордтмунда, Билефельда, Унны, Дуизбурга, Эймбека, Дудерштата, Ревеля и Дерпта. Запечатали Немецкие гостинные дворы, лавки и божницу; отняли и послали в Москву все товары, ценою на миллион гульденов⁴²⁰; заключили несчастных в тяжкие оковы и в душные темницы. Весть о сем бедственном случае произвела тревогу во всей Германии. Давно не бывало подобного: Новгород в самых пылких ссорах с Ливонским Орденом щадил купцов Ганзейских, имея нужду во многих вещах, ими доставляемых России: ибо они привозили к нам не только Фламандские сукна и другие Немецкие рукоделия, но и соль, мед, пшеницу⁴²¹. Ганза находилась тогда на вышней степени ее силы и богатства. Новгородская Контора сего достопамятного купеческого союза издавна считалась матерью других: удар

столь жестокий произвел всеобщее замешательство в делах оного. Послы Великого Магистра, семидесяти городов Немецких и зять Иоаннова, Александра, приехали в Москву ходатайствовать за Ганзу и требовать освобождения купцев, предлагая с обеих сторон выслать судей на остров реки Наровы для разбора всех неудовольствий⁴²². Миновало более года: заключенные томились в темницах. Наконец Государь умилился, и велел отпустить их: некоторые умерли в оковах, другие потонули в море на пути из Ревеля в Любек; не многие возвратились в отечество, и все лишились имения: ибо им не отдали товаров⁴²³. Сим пресеклась торговля Ганзейская в Новгороде, быв для него источником богатства и самого гражданского просвещения в то время, когда Россия, омраченная густыми тенями варварства Могольского, сим одним путем сообщалась с Европою. Иоанн без сомнения сделал ошибку, последовав движению гнева; хотел исправить оную и не мог: Немецкие купцы уже страшились вверять судьбу свою такой земле, где единое мановение грозного Самовластителя лишало их вольности, имения и жизни, не отличая виновных от невинных. Любек, Гамбург и другие союзные города, пострадав за Ревель, имели причину жаловаться на жестокость Иоанна, который думал только явить гнев и милость, в надежде, что Немцы, смиренные наказанием, с благодарностию возвратятся на свое древнее торжище: чего однако ж не случилось. Люди охотнее подвергаются морским волнам и бурям, нежели баззаконному насилию Правительств. Дворы, божница, лавки Немецкие опустели в Новгороде; торговля перешла оттуда в Ригу, Дерпт и Ревель, а после в Нарву, где Россияне менялись своими произведениями с чужестранными купцами⁴²⁴.

Так Великий Князь в порыве досады разрушил благое дело веков, к обоюдному вреду Ганзы и России, в противность собственному его всегдашнему старанию быть в связи с образованною Европою. Некоторые Историки умствуют, что Иоанн видел в Ганзейских купцах проповедников народной вольности, питающих дух мятежа в Новгороде, и для того гнал их⁴²⁵; но сия мысль не имеет никакого исторического основания, и не согласна ни с духом вре-

мени, ни с характером Ганзы, которая думала единственно о своих торговых выгодах, не вмешиваясь в политические отношения граждан к Правительству, и не смотря на покорение Новгорода, еще несколько лет купечествовала там свободно. Другие пишут, что Великий Князь сделал то в угождение Королю Датскому, ее неприятелю; что они условились вместе воевать Швецию; что Король уступал Иоанну знатную часть Финляндии, требуя уничтожения Ганзейской Конторы в Новгороде⁴²⁶. (Союз с Даниею. Война с Шведами.) Сии два Монарха действительно заключили между собою тесный союз. Наши Послы возвратились из Копенгагена с новым Послом Датским⁴²⁷, и скоро Воеводы Российские, Князь Щеня, Боярин Яков Захарьевич, Князь Василий Федорович Шуйский, осадили Выборг. Приготовления и силы наши были велики. Желая изъяснить особенное усердие, Псковитяне с каждых десяти сох поставили вооруженного всадника, и на шумном Вече обесчестили многих Иереев, которые доказывали Номоканон, что жители церковных сел не должны участвовать в земских ополчениях⁴²⁸. Но Россияне около трех месяцев стояли под Выборгом, и не могли взять его. Уверяют, что тамошний начальник, храбрый витязь Кнут Поссе, видя их уже на стене крепости, зажег башню, где лежал порох: она с ужасным треском взлетела на воздух, а с нею и множество Россиян; другие, оглушенные, израненные обломками, пали на землю; остальные бежали, гонимые страхом и мечем осажденных. Сей случай, едва ли не баснословный, долго жил в памяти Финнов под именем *Выборгского треска* и прославил мнимое волшебное искусство Кнута Поссе⁴²⁹. Воеводы наши удовольствовались только опустошением сел на пространстве тридцати или сорока миль.

(Иоанн в Новгороде). Желая распорядить на месте военные действия, Иоанн сам ездил в Новгород со внуком Димитрием и сыном Юрием, оставив старшего сына, Василия, в Москве. Уже сей город не имел ни прежнего множества, ни величавых Бояр, ни купцев именитых; но Архиепископ Геннадий и Наместники старались пышною встречей удовлетворить вкусу Иоаннову ко всему торже-

ственному: Святитель, Духовенство, чиновники, народ ждали Государя на Московской дороге; радостные восклицания провожали его до Софийской церкви: он обедал у Геннадия со Двором своим, который состоял из осьми Бояр Московских, четырех Тверских, трех Окольничих, Великого Дворецкого, Постельничего, Спальничего, трех Дьяков, пятидесяти Князей и многих Детей Боярских⁴³⁰.

〈Поход на Гамскую землю или [на] Финляндию. Г. 1496). Воеводы, Князь Василий Косой, Андрей Федорович Челяднин, Александр Владимирович Ростовский и Дмитрий Васильевич Шеин, посланные на *Гамскую землю*^{2*}, *Ямь* или Финляндию, разбили 7000 Шведов. Сам Государственный Правитель, Стен Стур, находился в Або, имея сорок тысяч воинов, и хотел встретить Россиян в поле; но дал им время уйти назад с добычею и пленниками⁴³¹. Иоанн возвратился в Москву, приказав двум братьям, Князьям Ивану и Петру Ушатым, собрать войско в области Устюжской, Двинской, Онежской, Вагской, и весною итти на Каянию или *на десять рек*⁴³². Сей поход имел важнейшее следствие: Князья Ушатые не только разорили всю землю от Корелии до Лапландии, но и присоединили к Российским владениям берега Лименги, коих жители отправили Посольство к Великому Князю в Москву и дали клятву быть его верноподданными. За то Шведский чиновник, Свант Стур, с двумя тысячами воинов и с огнестрельным снарядом приплыв на семидесяти легких судах из Стокгольма^{3*} в реку Нарову, взял Иваньгород. Тамошний начальник, Князь Юрий Бабич, первый ушел из крепости; а Воеводы, Князья Иван Брюхо и Гундоров, стояли, не далеко оттуда с полком многочисленным, видели приступ Шведов и не дали никакой помощи гражданам⁴³³. Зная, что ему нельзя удержать сего места, Свант уступал оное Ливонскому Рыцарству; но Магистр отказался от приобретения столь опасного. Шведы разорили часть крепости, и спешили удалиться с тремя стами пленников.

Война кончилась тем, что Король Датский, друг Иоаннов, сделался Государем Швеции, согласно с желанием ее Сената и Духовенства. Он старался всячески соблюсти приязнь Великого Князя и, может быть, отдал ему некото-

рые места в Финляндии. Два раза (в 1500 и в 1501 году) Послы его были в Москве, а наши в Дании⁴³⁴, вероятно для утверждения бесспорных границ между обеими державами. Финляндия наконец отдохнула, претерпев ужасные бедствия от наших частых впадений, так, что Шведский Государственный Совет, обвиняя бывшего Правителя Стена во многих жестокостях, сказал в Манифесте: “он злодействовал в Швеции как Россияне в Финляндии!”⁴³⁵ Главною причиною сей войны было, кажется, упрямство Стена, который никак не хотел относиться к Новгородским Наместникам, требуя, чтобы сам Великий Князь договаривался с ним о мире: Иоанн досадовал на такую гордость, и желал смирить оную⁴³⁶.

⟨Дела Казанские. Г. 1497⟩. Доселе Царь Казанский верно исполнял обязанность нашего присяжника; но угождая Иоанну, теснил подданных и был ненавидим Вельможами, которые тайно предлагали Владетелю Шибанскому, Мамуку, избавить их от тирана. Магмед-Аминь, узнав о том, требовал защиты в Москве, и Государь прислал к нему Воеводу, Князя Ряполовского, с сильною ратию⁴³⁷. Изменники бежали: Мамук удалился от пределов Казанских: все было тихо и спокойно. Магмед-Аминь отпустил Ряполовского, но чрез месяц сам явился в Москве, с вестию, что Мамук, незапно изгнав его, царствует в Казани. Сей новый Царь умел только грабить: жадный к богатству, отнимал у купцев товары, у Вельмож сокровища, и посадил в темницу главных своих доброжелателей, которые предали ему Казань, изменив Магмед-Аминю. Он хотел завоевать городок Арский: не взял его, и не мог уже возвратиться в Казань, где граждане стояли на стенах с оружием, велев сказать ему, что им не надобен Царь-разбойник. Мамук ушел во свояси; а Вельможи Казанские отправили Посольство к Иоанну, смиренно извиняясь перед ним, но виня и Магмед-Аминя в несносных для народа утеснениях. “Хотим иметь иного Царя от руки твоей”, говорили они: “дай нам второго Ибрагимову сына, Абдыл-Летифа”. Иоанн согласился и послал сего меньшего пасынка Менгли-Гиреева в Казань, где Князья Симеон Данилович Холмский и Федор Палецкий возвели его на Царство, заставив народ присягнуть в

верности к Российскому Монарху. — Чтобы удовольствоваться и Магмед-Аминя, Великий Князь дал ему в поместье Коширу, Серпухов и Хотунь, к бедствию жителей, коим он сделался ненавистен своим алчным корыстолюбием и злым нравом.

Сие происшествие могло обеспокоить Нурсалтан, жену Менгли-Гирееву: Иоанн дал ей знать о том в самых ласковых выражениях, уверяя, что Казань всегда будет собственностью ее рода⁴³⁸. Благодаря Великому Князю, она уведомляла его о своем возвращении из Мекки и намерении ехать в Россию для свидания с сыновьями. Менгли-Гирей прислал Иоанну в дар яхонтовый перстень Магомета П⁴³⁹, и старался утвердить Султана Баязета в благосклонном к нам расположении. (Первое наше посольство в Константинополь). Хотя Посол Турецкий и не доехал до Москвы⁴⁴⁰, однако ж Иоанн решился тогда отправить своего в Константинополь, чтобы изъявить признательность Султану за его доброе намерение, и поручил сие дело Михайлу Андреевичу Плещееву⁴⁴¹: Хан Крымский дал ему письма и вожатых. Целию Посольства было доставить нашим купцам безопасность и свободу в торговле с областями Султанскими: по крайней мере в бумагах оно не упоминается ни о чем ином; сказано только, чтобы Плещеев в изъявлениях Иоаннова дружества к Баязету и к юному сыну его, Магмеду Шихзоде, Кафинскому Султану, строго наблюдал достоинство Великому Князю; чтобы *правил им поклон стоя, не на коленях*, и никому из других Послов не уступал места; чтобы говорил речь единственно Султану, а не Пашам, и проч. Плещеев, исполняя в точности наказ Государев, своею гордостью удивил Двор Баязетов. Обласканный Пашами в Константинополе, и слыша, что его на другой день представят Султану, он не хотел ехать к ним на обед, не взял их даров, которые состояли в драгоценной одежде, ни десяти тысяч Оттоманских денег, назначенных ему на содержание, и сказал присланному от них чиновнику: “Мне с Пашами нет речи; их платя не надену; денег не хочу; буду говорить только с Султаном”. Однако ж Баязет отпустил Плещеева с ласковою ответною грамотою, и сделал все, чего требовал Иоанн в рассуждении наших

купцев. “Государь Российский, – писал он к Менгли-Гирею – с коим искренно желаю быть в любви, прислал ко мне какого-то невежду: для сего не посылаю с ним моих людей в Россию, опасаясь, чтобы их там не оскорбили. Уважаемый от Востока до Запада, не хочу подвергнуть себя такому стыду. Пусть сын мой, Правитель Кафы, сносится с Иоанном”. Но соблюдая учтивость, Баязет не жаловался самому Великому Князю на его Посла, и писал к нему следующее: “Ты от чистого сердца прислал *доброто* мужа к *моему порогу*: он видел меня и вручил мне свою грамоту, которую я приложил к своему сердцу, видя, что желаешь быть нам другом. Послы и гости твои да ездят часто в мою землю: они увидят и скажут тебе нашу правду, равно как и сей, едуший назад в свое отечество. Дай Бог, чтобы он благополучно возвратился *с нашим великим поклоном* к тебе и ко всем друзьям твоим: ибо кого ты любишь, того и мы любим”⁴⁴². – Столь мирно и дружелюбно началось государственное сношение России с Оттоманскою Державою! Ни та, ни другая не могла предвидеть, что Судьба готовит их к ужасному взаимному противоборству, коему надлежало решить падение Магометанских Царств в мире и первенство Христианского оружия!

(Г. 1498). Плещеев возвратился в Москву тогда, как Двор, вельможи и народ были ужасным образом волнуеты происшествиями горестными для Иоаннова сердца. Мы видели, что с XV века уставилось новое право наследственное в России, по коему уже не братья, а сыновья были преемниками Великокняжеского достоинства; но кончина старшего Иоаннова сына произвела вопрос: “кому быть наследником Государства, внуку ли Димитрию или Василию Иоанновичу?” Великий Князь колебался: Бояре думали разное, одни доброхотствуя Елене и юному сыну ее, другие Софии и Василию; первых было гораздо более, отчасти по любви, которую все имели к великодушному отцу Димитрию, отчасти и потому, что мать его окружали только Россияне: Софию же многие Греки, неприятные нашим Вельможам. Друзья Еленины утверждали, что Димитрий естественным образом наследовал права своего родителя на Великое Княжение; а Софиины доброжелатели ответ-

ствовали, что внук не может быть предпочтен сыну – и какому? происшедшему от крови Императоров Греческих. София и Елена, обе хитрые, честолюбивые, ненавидели друг друга, но соблюдали наружную пристойность. (Рязанская Княгиня в Москве и выдает дочь за Бельского). Великая Княгиня Рязанская, Анна, гостила тогда в Москве у брата, равно ласкаемая его супругою и невесткою: он мог еще наслаждаться семейственными удовольствиями; поддержал сестру несколько месяцев, склонил ее выдать дочь за Князя Федора Ивановича Бельского, и с любовию отпустил в Рязань, где надлежало быть свадьбе⁴⁴³.

(Гнев Иоаннов на супругу и на сына, Василия). Скоро по отъезде Анны донесли Государю о важном заговоре. Дьяк Федор Стромиллов уверил юного Василия, что родитель его хочет объявить внука наследником: сей Дьяк и некоторые безрассудные молодые люди предлагали Василию погубить Димитрия, уйти в Вологду, и захватить там казну Государеву. Они втайне умножали число своих единомышленников и клятвою обязались усердно служить сыну против отца и Государя. Иоанн, узнав о том, воспылал гневом. Обвиняемых взяли в допрос, пытали, и вынудив от них признание, казнили на Москве-реке: Дьякам Стромиллову и Гусеву, Князю Ивану Палецкому и Скрябину отсекли голову: Афанасию Яропкину и Поярку ноги, руки и голову; многих иных Детей Боярских посадили в темницу, и к самому Василию приставили во дворце стражу. Гнев Иоаннов пал и на Софию: ему сказали, что к ней ходят мнимые колдуньи с зелием; их схватили, обыскали и ночью утопили в Москве-реке⁴⁴⁴. С того времени Государь не хотел видеть супруги, подозревая, кажется, что она мыслила отравить ядом невестку Елену и Димитрия. В сем случае Наместник Московский, Князь Иван Юрьевич, и Воевода Симеон Ряполовский действовали явно как ревностные друзья Иоаннова внука и недоброжелатели Софины.

(Великий Князь торжественно венчает на Царство внука [своего, юного Димитрия Иоанновича]. Февраля 4). Елена торжествовала: Великий Князь немедленно назвал ее сына своим преемником, и возложил на него венец Мо-

номахов. Искони Духовные Российские Пастыри благословляли Государей при восшествии их на престол, и сей обряд совершался в церкви⁴⁴⁵; но древние Летописцы не сказывают ничего более: здесь в первый раз видим Царское венчание, описанное со всеми любопытными обстоятельствами. В назначенный день Государь, провождаемый всем Двором, Боярами и чиновниками, ввел юного, пятнадцатилетнего Дмитрия в Соборную церковь Успения, где Митрополит с пятью Епископами, многими Архимандритами, Игуменами, пел молебен Богоматери и Чудотворцу Петру. Среди церкви возвышался амвон с тремя седалищами: для Государя, Дмитрия и Митрополита. Близ сего места лежали на столе венец и бармы Мономаховы. После молебна Иоанн и Митрополит сели: Дмитрий стоял пред ними на вышней степени амвона. Иоанн сказал: “Отче Митрополит! издревле Государи, предки наши, давали Великое Княжество первым сынам своим: я также благословил оным моего первородного, Иоанна. Но по воле Божией его не стало: благословляю ныне внука, Дмитрия, его сына, при себе и после себя Великим Княжеством Владимирским, Московским, Новгородским: и ты, отче, дай ему благословение”. Митрополит велел юному Князю ступить на амвон, встал, благословил Дмитрия крестом, и положив руку на главу его, громко молился, да Господь, Царь Царей, от святого жилища Своего благоволит воззреть с любовью на Дмитрия; да сподобит его помазаться елеем радости, приять силу свыше,^{4*} венец и скипетр Царствия; да воссядет юноша на престол правды, оградится всеоружием Святого Духа, и твердою мышцею покорит народы варварские; да живет в сердце его добродетель, вера чистая и правосудие. Тут два Архимандрита подали бармы: Митрополит, ознаменовав Дмитрия крестом, вручил их Иоанну, который возложил оные на внука. Митрополит тихо произнес следующее: “Господи Вседержителю и Царю веков! се земный человек, Тобою Царем сотворенный, преклоняет главу в молении к Тебе, Владыке мира. Храни его под кровом Своим: правда и мир да сияют во дни^{5*} его; да живем с ним тихо и покойно в чистоте душевной!”... Архимандриты подали венец: Иоанн взял его из рук Перво-

святителя и возложил на внука. Митрополит сказал: “во имя Отца и Сына и Святого Духа!”

Читали Ектению и молитву Богоматери. Великий Князь и Митрополит сели на своих местах. Архидиакон с амвона возгласил многолетие обоим Государям: за ним лик Священников и Диаконів. Митрополит встал, и вместе с Епископом поздравил деда и внука: также сыновья Государевы, Бояре и все знатные сановники. В заключение Иоанн сказал юному Князю: “Внук Димитрий! я пожаловал и благословил тебя Великим Княжеством; а ты имей страх Божий в сердце, люби правду, милость, и пекись о всем Христианстве”, – Великие Князья сошли с амвона. После обедни Иоанн возвратился в свой дворец, а Димитрий, в венце и в бармах, провождаемый всеми детьми Государевыми (кроме Василия) и Боярами, ходил в Собор Архангела Михаила и Благовещения, где сын Иоаннов, Юрий, осыпал его в дверях золотыми и серебряными^{6*} деньгами⁴⁴⁶. – В тот день был великолепный пир у Государя для всех духовных и светских сановников. Лаская юного Димитрия, он подарил ему крест с золотою цепью, пояс осыпанный драгоценными камнями, и сердоликовую крабью Августа Цесаря⁴⁴⁷.

Не смотря на сии знаки любви ко внуку, грозное чело Иоанново изъясляло мучительное смятение его души, так, что самые усердные доброжелатели Елены – самые те, которые своими доносами и внушениями возбудили гнев Государев на Софию и Василия – не смели радоваться, опасаясь перемены. Страх их был весьма основателен. Иоанн любил супругу, по крайней мере чтит в ней отрасль знаменитого Императорского Дома, двадцать лет благоденствовал с нею, пользовался ее советами, и мог по суеверию, свойственному и великим людям, приписывать счастью Софии успехи своих важнейших предприятий. Она имела тонкую Греческую хитрость⁴⁴⁸ и друзей при Дворе. Василий, коего рождение, прославленное чудом⁴⁴⁹, было столь вожделенно для отца, не мог лишиться всех прав на любовь его. Вина сего юного Князя – если и не сомнительная – находила извинение в незрелости ума и в легкомыслии молодых лет. Но миновал год: Россия уже привыкла к мыс-

ли, что Димитрий, любезный, непорочный сын отца памятного благородным мужеством, и внук двух великих Государей⁴⁵⁰, будет ее Монархом. Открылось, что дед украсил венцем сего юношу как жертву обреченную на гибель.

⟨Иоанн мирится с супругою и казнит Бояр. Г. 1499⟩. К сожалению, Летописцы не объясняют всех обстоятельств сего любопытного происшествия, сказывая только, что Иоанн возвратил наконец свою нежность супруге и сыну, велел снова исследовать бывшие на них доносы, узнал козни друзей Елениных, и считая себя обманутым, явил ужасный пример строгости над знатнейшими Вельможами, Князем Иваном Юрьевичем Патрикеевым, двумя его сыновьями и зятем, Князем Симеоном Ряполовским, обличенными в крамолу⁴⁵¹: осудил их на смертную казнь, не взирая на то, что Иван Юрьевич, праправнук славного Ольгерда, был родной племянник Темного, сын дочери Великого Князя Василия Димитриевича, Марии⁴⁵², и тридцать-шесть лет верно служил Государю как первый Боярин в делах войны и мира: отец же Ряполовского, один из потомков Всеволода Великого, спасал Иоанна в юности от злобы Шемякиной⁴⁵³. Государь по видимому уверился, что они, усердствуя Елене, оклеветали пред ним и Софию и Василия; не знаем точной истины; но Иоанн во всяком случае был обманут кознями той или другой стороны: жалостная участь Монархов, коих легковерие стоит чести или жизни невинным! ⟨Февраля 5⟩. Князю Ряполовскому отсекли голову на Москве-реке; но Митрополит Симон, Архиепископ Ростовский и другие Святители ревностным ходатайством спасли Патрикеевых от казни: Иван Юрьевич и старший его сын, Боярин Василий Косой, постриглись в Монахи: первый в Обители Св. Сергия, а второй Св. Кирилла Белозерского; меньший сын Юрьевича, Иван Мынинда, остался под стражею в доме⁴⁵⁴. Сия первая знаменитая Боярская опала изумила Вельмож, доказав, что гнев Самодержца не щадит ни сана, ни заслуг долговременных.

⟨Называет Василия Велик[им] Князем Новагорода и Пскова⟩. Через шесть недель Иоанн назвал Василия *Государем, Великим Князем Новагорода и Пскова*; изъяснял

холодность к невестке и ко внуку; однако ж долго медлил и совестился отнять старейшинство у последнего, данное ему пред лицом всей России и с обрядами священными. Еще Димитрий именовался Великим Князем Владимирским и Московским; но Двор благоговел пред Софиею, удаляясь от Елены и сына ее: ибо предвидели будущее. Мог ли Иоанн, столь счастливо основав Единовластие в России, предать ее по своей кончине в жертву новому, вероятному междоусобию двух Князей Великих, сына и внука? Могла ли и София быть спокойною, не свергнув Димитрия? Одним словом, его падение казалось уже необходимым. — Псковитяне, с удивлением и неудовольствием сведав, что Иоанн дал им Государя особенного, послали к нему знатнейших чиновников, жаловались на такую новость, и молили, чтобы Димитрий, как будущий наследник Российской Державы, остался и Главою земли их. Великий Князь с гневом отвечивал: “Разве я не волен в моем сыне и внуке? Кому хочу, тому и дам Россию. Служите Василию”. Послов заключили в башню, но скоро освободили⁴⁵⁵.

⟨Посол из Шамахи⟩. Сие время без сомнения было самым печальнейшим Иоанновой жизни: однако ж Монарх являл и тогда непрестанную деятельность в отношениях государственных. В Шамахе господствовал Султан Махмут, внук Ширван-Шаха, данника Тамерланова и сыновей его⁴⁵⁶. Слабость и бедствия их преемников, смерть завоевателя Персидского, Узун-Гассана, и малодушие его наследников возвратили назависимость сей стране Каспийской. Махмут, величаясь достоинством Монарха, желал иметь любовь и дружбу с Государями знаменитыми, каков был Иоанн. Он прислал в Москву Вельможу своего, Шебедина, с учтивыми и ласковыми словами, на которые отвечивали ему такими же⁴⁵⁷; но Государь не счел за нужное отправить собственного Посла в Шамаху, сведав, может быть, о завоеваниях Измаила Софи, мнимого потомка Алиева, который около сего времени назвался Шахом, овладел Ираном, Богдадом, южными окрестностями моря Каспийского, и сделался основателем сильной Державы Персидских Софиев, во дни отцев наших уничтоженной Тахмасом Кулы-Ханом.

⟨Посольства в Венецию и в Константинополь⟩. Тогда же Иоанн посылал в Венецию Грека Дмитрия, Ралева сына, с Митрофаном Карачаровым, и к Султану Баязету Алексея Голохвастова, с коим отправились многие наши купцы в Азов рекою Доном (они грузились на Мече у Каменного Коня⁴⁵⁸. Голохвастов, имея учтивые письма к Баязету и к сыну его, Магмеду Шихзоде, должен был исходатайствовать разные выгоды Московским торговым людям в Баязетовых владениях, и сказать Пашам Султанским следующие слова: “Великий Князь не ведает, чем вы обвиняете бывшего у вас Российского Посла Михайла Плещеева; но знайте, что многие Государи шлют Послов к нашему, чтущему и жалующему их ради своего имени: Султан может в том удостовериться опытом”. Голохвастов через несколько месяцев возвратился с ответными грамотами от Баязета и Шихзоды: последний прислал из Кафы в Москву и собственного чиновника, который обедал у Великого Князя⁴⁵⁹. Но дело шло, как и прежде, единственно о безопасной и свободной торговле.

⟨Завоевание земли Югорской [или северо-западной Сибири]⟩. В сей год Иоанн утвердил власть свою над северо-западною Сибирью, которая издревле платила дань Новгороду. Еще в 1465 году – по известию одного Летописца⁴⁶⁰ – Устюжанин, именем Василий Скряба, с толпою вольницы ходил за Уральские горы воевать Югру, и привел в Москву двух тамошних Князей, Калпака и Течика: взяв с них присягу в верности, Иоанн отпустил сих Князей в отечество, обложил Югру данию, и милостиво наградил Скрябу. Сие завоевание оказалось недействительным или мнимым: подчинив себе Новгород, Иоанн (в Мае 1485 году) должен был отрядить Воевод, Князя Федора Курбского Черного и Салтыка-Травина⁴⁶¹, с полками Устюжскими и Пермскими на Вогуличей и Югру. Близ устья реки Пелыни разбив Князя Вогульского, Юмшана, Воеводы Московские шли вниз по реке Тавде мимо Тюменя до Сибири, оттуда же берегом Иртыша до Великой Оби в землю Югорскую, пленили ее Князя Молдана, и с богатою добычею возвратились чрез пять месяцев в Устюг. Владетели Югорские или *Кодские* требовали мира, коего посредни-

ком был Епископ Пермский Филофей; присягнули в верности к России и *пили воду с золота* пред нашими чиновниками, близ устья Выми; а Юмшан Вогульский с Епископом Филофеем сам приезжал в Москву, и милостиво облаканный Великим Князем, начал платить ему дань, быв дотоле, равно как и отец его, Асыка, ужасом Пермской области. Но конечное покорение сих отдаленных земель совершилось уже в 1499 году: Князя Симеон^{7*} Курбский, Петр Ушатов и Заболоцкий-Бражник, предводительствуя пятью тысячами Устюжан, Двинян, Вятчан, плыли разными реками до Печоры, заложили на ее берегу крепость, и 21 Ноября отправились на лыжах к Каменному Поясу⁴⁶². Сражаясь с усилием ветров, и засыпаемые снегом, странствующие полки Великокняжеские с неописанным трудом всходили на сии, во многих местах неприступные горы, где и в летние месяцы не является глазам ничего, кроме ужасных пустынь, голых утесов, стремнин, печальных кедров и хищных белых кречетов, но где, под мшистыми гранитами, скрываются богатые жилы металлов и цветные камни драгоценные. Там встретили Россияне толпу мирных Самоедов, убили 50 человек и взяли в добычу 200 оленей; наконец спустились в равнины, и достигнув городка Ляпина (ныне Вогульского местечка в Березовском уезде) исчислили, что они прошли уже 4650 верст. За Ляпиным съехались к ним Владетели Югорские, земли Обдорской, предлагая мир и вечное подданство Государю Московскому. Каждый из сих Князьков сидел на длинных санях, запряженных оленями. Воеводы Иоанновы ехали также на оленях, а воины на собаках, держа в руках огонь и меч для истребления бедных жителей. Курбский и Петр Ушатов взяли 32 города, Заболоцкий 8 городов (то есть, мест укрепленных острогом), более тысячи пленников и пятьдесят Князей; обязали всех жителей (Вогуличей, Югорцев или, как вероятно, Остяков и Самоедов) клятвою верности, и благополучно возвратились в Москву к Пасхе. Сподвижники их рассказывали любопытным о трудах, ими перенесенных; о высоте Уральских гор, коих хребты скрываются в облаках, и которые, по мнению Географов, назывались в древности Рифейскими или Гиперборейскими; о

зверях и птицах неизвестных в нашем климате; о виде и странных обыкновениях жителей Сибирских: сии рассказы, повторяемые с прибавлением, служили источником баснословия о чудовищах и *немых людях*, будто бы обитающих на Северо-Востоке; о других, которые по смерти снова оживают, и проч.⁴⁶³. — С того времени Государи наши всегда именовались Князьями *Югорскими*; а в Европе разнесся слух, что мы завоевали древнее отечество *Угров* или Венгерцев: сами Россияне хвалились тем⁴⁶⁴, основываясь на сходстве имен и на предании, что единоплеменник Аттилин, славный Маджарский Воевода Альм, вышел из глубины Азии северной, или Скифии, где много соболей и драгоценных металлов: Югория же, как известно, доставляла издревле серебро и соболей Новугороду⁴⁶⁵. Даже и новейшие Ученые хотели доказывать истину сего мнения сходством между языком Вогуличей и Маджарским или Венгерским⁴⁶⁶.

⟨Послан Воевода в Казань⟩. Иоанн посылал еще войско в Казань с Князем Федором Бельским, узнав, что Шибанский Царевич Агалак, брат Мамуков, ополчился на Абдыл-Летифа: Агалак ушел назад в свои Улусы, и Бельский возвратился; а для защиты Царя остались там Воеводы, Князь Михайло Курбский и Лобан Ряполовский, которые чрез несколько месяцев отразили Ногайских Мурз, Ямгурчю и Мусу, хотевших изгнать Абдыл-Летифа⁴⁶⁷.

⟨Разрыв с Литвою⟩. Но дела Литовские всего более заботили тогда Иоанна: взаимные неудовольствия тестя и зятя произвели наконец разрыв явный и войну, которая осталась навеки памятною в летописях обеих Держав, имев столь важные для оных следствия.

Александр мог двумя способами исполнить обязанность Монарха благоразумного: или стараясь искреннею приязнию заслужить Иоаннову для целости и безопасности Державы своей, или в тишине изготовляя средства с успехом противоборствовать Великому Князю, умножая свои ратные силы, отвлекая от него союзников, приобретая их для себя: вместо чего он досаждал тестю по упрямству, по зависти, по слепому усердию к Латинской Вере;

приближал войну, и не готовился к оной; не умел расторгнуть опасной для него связи Иоанновой с Менгли-Гиреем, ни с Стефаном Молдавским, искав только бесполезной дружбы бывшего Шведского Правителя, Стена, и слабых Царей Ординских; одним словом не умел быть ни приятелем, ни врагом сильной Москвы. Великий Князь еще несколько времени показывал миролюбие: освобождая купцов Ганзейских, говорил, что делает то из уважения к ходайству зятя; не отвергал его посредничества в делах с Швециею⁴⁶⁸; объяснял несправедливость частых Литовских жалоб на обиды Россиян. В 1497 году войско Султанское перешло Дунай, угрожая Литве и Польше: Иоанн велел сказать зятю, что Россияне в силу мирного договора готовы помогать ему, когда Турки действительно вступят в Литву. Но сие обещание не было искренним: Султан успел бы взять Вильну прежде, нежели Россияне тронулись бы с места. К счастью Александра, Турки удалились⁴⁶⁹. Досадуя на Стефана за разорение Брянска, он хотел воевать Молдавию: Великий Князь просил его не тревожить союзника Москвы⁴⁷⁰. “Я всегда надеялся – ответствен Александр – что зять тебе дороже свата: вижу иное”. В 1499 году приехал в Москву Литовский Посол, Маршалок Станислав Глебович, и представленный Иоанну, говорил так именем своего Князя⁴⁷¹: “В угодность тебе, нашему брату, я заключил наконец союз любви и дружбы с Воеводою Молдавским Стефаном. Ныне слышим, что Баязет Султан ополчается на него всеми силами, дабы овладеть Молдавию: Братья мои, Короли Венгерский, Богемский, Польский, хотят вместе со мною защитить оную. Будь и ты нашим сподвижником против общего злодея, уже владеющего многими великими Государствами Христианскими. Держава Стефанова есть ограда для всех наших: когда Султан покорит ее, будет равно опасно и нам и ^{8*}тебе -8* Ты желаешь, чтобы я в своих грамотах именовал тебя *Государем всей России*, по мирному договору нашему: на отрицаюсь, но с условием, чтобы ты письменно и навеки утвердил за мною город Киев..... К изумлению и прискорбию моему сведал я, что ты, вопреки клятвенному обету искреннего доброжелательства, умышляешь против меня зло в своих

тайных сношениях с Менгли-Гиреем. Брат и тесть! вспомяни душу и Веру”. Сей упрек имел вид справедливости: Иоанн, (в 1498 году) послав в Тавриду Князя Ромодановского будто бы для того, чтоб прекратить вражду Менгли-Гирея с Александром, велел на-едине сказать Хану: “Мирись, если хочешь; а я всегда буду за-одно с тобою на Литовского князя и на Ахматовых сыновей”. Александр – неизвестно, каким образом – имел в руках своих выписку из тайных бумаг Ромодановского, и прислал оную в Москву для улики. Казначей и Дьяки Великокняжеские ответствовали Послу, что Иоанн, будучи сватом и другом Стефану, не откажется дать ему войска, когда он сам того потребует; что Государь никогда не утвердит Киева за Литвою, и что сие предложение есть нелепость; что Ромодановский действительно говорил Менгли-Гирею вышеприведенные слова, но что виною тому сам Александр, будучи в дружбе с неприятелями России, сыновьями Ахматовыми.

Зная трудные обстоятельства Воеводы Молдавского, Иоанн не препятствовал ему мириться с Литвою; но тем приятнее было Великому Князю, что Менгли-Гирей изъявлял постоянную ненависть к наследникам Казимировым, отвергая все Александровы мирные предложения, или требуя от него Киева, Канева и других городов, завоеванных некогда Батыем, то есть, невозможного. Он убеждал Иоанна немедленно итти на Литву войною, обещая ему даже помощь Баязетову; но в то же время сам не верил Султану и писал откровенно к Великому Князю, что мыслит на всякий случай о безопасном для себя убежище вне Тавриды. Вот собственные слова его: “Султаны *не прямые люди*; говорят то, делают другое. Прежде Кафинские Наместники зависели от моей воли; а ныне там сын Баязетов: теперь еще молод и меня слушается; но за будущее не лзя ручаться. У стариков есть пословица, что *две бараньи головы в один котел не лезут*. Если начнем ссориться, то будет худо; а где худо, оттуда бегут люди. Ты можешь достать себе Киев и городок Черкасск: я с радостию переселюсь на берег Днепра; наши люди будут твои, а твои наши. Когда же *ни добром, ни лихом* не возмем Киева, ни Черкаска, то не лзя ли хотя выменить их на другие места? что

утешит мое сердце и прославит имя твое”. Иоанн отвечал: “Ревностно молю Бога о возвращении нам древней отчины, Киева, и мысль о ближнем соседстве с тобою, моим братом, весьма для меня приятна”⁴⁷². Он ласкал Менгли-Гирея во всех письмах как друга, желая располагать его силами против Литвы, в случае явного с нею разрыва.

Но Александр столь мало надеялся на успех своего оружия, и Великий Князь столь любил умеренность в счастии, столь был доволен последним миром с Литвою, что не смотря на беспрестанные взаимные досады, жалобы, упреки, война едва ли могла открыться между ими, если бы в распрю их не замешалась Вера. Иоанн долго сносил грубости зятя; но терпение его исчезло, когда надлежало защитить Православие от Латинских Фанатиков. Как ни скромно вела себя Елена, как ни таилась в своих домашних прискорбиях, уверяя родителя, что любима мужем, свободна в исполнении обрядов Греческой Веры и всем довольна: однако ж Иоанн не престававал беспокоиться, посылал ей душеспасительные книги, твердил о Законе, и сведав, что Духовник ее, Священник Фома, выслан из Вильны, с удивлением спрашивал о вине его. “Он мне неугоден, сказала Елена: буду искать другого”⁴⁷³. Наконец (в 1499 году) уведомили Великого Князя, что в Литве открылось гонение на Восточную Церковь; что Смоленский Епископ, Иосаф, взялся обратить всех единоверцев наших в Латинство; что Александр нудит к тому и супругу, желая угодить Папе и в летописях Римской Империи заслужить имя Святого. Может быть, он хотел и государственного блага, думая, что единоверие подданных утверждает основание Державы; сие неоспоримо; но предприятие опасно: должно знать свойство народа, приготовить умы, избрать время и действовать более хитростию, нежели явною силою, или вместо желаемого добра произведешь бедствия: для того язычник Гедемин, Католик Витовт, и отец Александров, впрочем суеверный, никогда не касались совести людей в делах Закона. Встревоженный известием, Иоанн немедленно отправил в Вильну Боярского сына, Мамонова, узнать подробно все обстоятельства, и велел ему на-едине сказать Елене, чтобы она, презирая льстивые слова и даже муки,

сохранила чистоту Веры своей. Так и поступила сия юная, добродетельная Княгиня; ни ласки, ни гнев мужа, ни хитрые убеждения коварного отступника, Смоленского Владыки, не могли поколебать ее твердости в Законе: она всегда гнушалась Латинским, как пишут Историки Польские⁴⁷⁴.

Между тем гонение на Греческую Веру в Литве продолжалось. Киевского Митрополита Макария (в 1497 году) злодейски умертвили Перекопские Татары близ Мозыря⁴⁷⁵: Александр обещал Первосвятительство Иосифу Смоленскому. В угодность ему, сей честолюбивый Владыка, Епископ Виленский Альберт Табор и Монахи Бернардинские ездили из города в город склонять Духовенство, Князей, Бояр и народ к соединению с Римскою Церковию: ибо по смерти Киевского Митрополита, Григория, Святителя Литовской России, отвергнув устав Флорентийского Собора, не хотели зависеть от Папы и снова принимали Митрополитов от Патриархов Константинопольских⁴⁷⁶. Иосиф доказывал, что Римский Первосвятитель есть действительно Глава Христианства; Виленский Епископ и Бернардины вопили: “да будет едино стадо и един Пастырь!” Александр грозил насилием: Папа в красноречивой Булле изъявлял свою радость, что еретики озаряются светом истины, и присылал в Литву мощи Святых⁴⁷⁷. Но ревностные в Православии Христиане гнушались Латинским соблазном, и многие выехали в Россию. Знатный Князь, Симеон Бельский, первый поддался Государю Московскому с своею отчиною: за ним Князья Мосальские и Хотетовский, Бояре Мценские и Серпейские; другие готовились к тому же, и вся Литва находилась в волнении⁴⁷⁸. Принимая к себе Литовских Князей с их поместьями, Иоанн нарушал мирный договор; но оправдывался необходимою быть покровителем единоверцев, у коих отнимают мир совести и душевное спасение.

Видя опасность своего положения, Александр прислал в Москву Наместника Смоленского, Станислава⁴⁷⁹, написал в верующей грамоте весь Государев титул^{9*}, и требуя, чтобы Иоанн взаимно исполнил договор, удовлетворил всем жалобам Литовских подданных, и выдал ему Князя Симеона Бельского вместе с другими беглецами, коих он

будто бы никогда не мыслил *знать за Веру*, и которые бесстыдным образом на него клеветуют. “Поздно брат и зять мой исполняет условия”, ответил Великий Князь: “именует меня наконец Государем всей России; но дочь моя еще не имеет придворной церкви и слышит хулы на свою Веру от Виленского Епископа и нашего отступника, Иосифа. Что делается в Литве? строят Латинские божницы в городах Русских; отнимают жен от мужей, детей у родителей и силою *крестят* в Закон Римский. То ли называется *не знать за Веру?* и могу ли видеть равнодушно утесняемое Православие? Одним словом, я ни в чем не преступил условий мира, а зять мой не исполняет оных”.

(Князя Черниговский и Рыльский поддаются Иоанну). Новые измены устрашили Александра. Князь Иван Андреевич Можайский и сын Шемякин, Иван Дмитриевич, непримиримые враги Государя Московского, пользовались в Литве отменною милостию Казимира, так, что он дал им в наследственное владение целые области в южной России: первому Чернигов, Стародуб, Гомель, Любеч; второму Рыльск и Новгород Северский⁴⁸⁰, где, по смерти сих двух Князей, господствовали их дети: сын Можайского, Симеон, и внук Шемякин, Василий, верные присяжники Александра до самого того времени, как он вздумал обращать Князей и народ в Латинство. Сие безрассудное дело рушило узы любви и верности, соединявшие Государя с подданными. Следуя примеру Бельского, Симеон и Василий Ивановичи, забыв наследственную вражду, предложили Великому Князю избавить их и подвластные им города от Литовского ига⁴⁸¹. Тогда Иоанн решился действовать силою против зятя: послал чиновника, именем Телешева, объявить ему, чтобы он уже не вступался в отчину Симеона Черниговского, ни Василия Рыльского, которые добровольно присоединяются к Московской Державе, и будут охраняемы ее войском⁴⁸². Телешев должен был вручить Александру и *складную грамоту*: то есть, Иоанн, *сложив с себя крестное целование*, объявлял войну Литве за принуждение Княгини Елены и всех наших единоверцев к Латинству. Грамота оканчивалась словами: “хочу стоять за Христианство, сколько мне Бог поможет”.

⟨Завоевание Мценска, Серпейска, Брянска, Путивля, Дорогобужа⟩. Тщетно Александр желал отклонить войну, уверяя, что он всякому дает полную свободу в Вере, и немедленно отправит Послов в Москву: Государь дозволил им приехать, но уже брал города в Литве. Войском нашим предводительствовал бывший Царь Казанский, Магмед-Амин⁴⁸³, но действовал и всем управлял Боярин Яков Захарьевич. Мценск и Серпейск сдались добровольно. ⟨Май. Князя Трубчевские [добровольно] покоряются. Августа 6⟩. Брянск не мог сопротивляться долго: тамошний Епископ и Наместник, Станислав Бардашевич, были отосланы в Москву. Князь Симеон Черниговский и внук Шемякин, встретив Москвитян на берегу Кондовы, с радостью присягнули Иоанну: то же сделали и Князя Трубчевские (или Трубецкие), потомки Ольгердовы. Усиленный их дружинами, Воевода Яков Захарьевич овладел Путивлем, пленил Князя Богдана Глинского с его женою и занял без кровопролития всю Литовскую Россию от нынешней Калужской и Тульской Губерний до Киевской. – Другая Московская рать, предводимая Боярином⁴⁸⁴ Юрием Захарьевичем (прапрадедом Царя Михаила Феодоровича) вступила в Смоленскую область и взяла Дорогобуж.

Необходимость защитить свою Державу вооружила наконец Александра. Обнажив меч с трепетом, и чувствуя себя неспособным к ратному делу, он искал Полководца между своими Вельможами. Не за-долго до того времени Гетман Литовский, Петр Белый, старец уважаемый Двором и любимый народом, будучи на смертном одре, сказал горестному Александру: “Князь Острожский, Константин, может заменить меня отечеству, будучи украшен достоинствами редкими⁴⁸⁵”. Таков действительно был сей муж, один из потомков славного Романа Галицкого⁴⁸⁶, имея весьма скромную наружность, малый рост, но великую душу. Еще не многие ведали его доблесть, которая оказалась после в тридцати битвах, счастливых для оружия Литовского; но все отдавали ему справедливость в добродетелях государственных, гражданских и семейственных: “дома благочестивый Нума” (писал об нем Легат Римский к Папе) “в сражениях Ромул: к сожалению, он *раскольник*, ос-

леплен излишним усердием к Греческой Вере и не хочет отступить ни на волос от ее Догматов⁴⁸⁷. Не смотря на то, Александр возвел Константина на степень Гетмана Литовского и – что еще важнее – вручил ему главное Воеводство против Россиян, его братьев и единоверцев: такую доверенность имел к его чести и присяге! В самом деле никто не служил Литве и Польше усерднее Острожского, брата Россиян в Церкви, но страшного врага их в поле. Смелый, бодрый, славолюбивый, сей Вождь одушевил слабые полки Литовские: знатнейшие Паны и рядовые воины шли с ним охотно на битву. Сам Александр остался в Борисове: Константин выступил из Смоленска.

〈Местничество наших Воевод〉. Между тем Иоанн прислал в Дорогобуж Князя Даниила Щеню с Тверскою силою⁴⁸⁸, велел ему предводительствовать *Большим* или главным Полком, а Юрию Захарьевичу *Сторожевым* или оберэгательным, к досаде сего честолюбивого Боярина, не хотевшего зависеть от Князя Даниила; но Государь дал знать Юрию, чтобы он не смел противиться воле Самодержца; что всякое место хорошо, где служишь отечеству и Монарху; что предводитель Сторожевого полку есть товарищ главного Воеводы и не должен обижаться своим сано⁴⁸⁹. Здесь видим древнейший пример так называемого *Местничества*, столь вредного в последствии для Российских воинств.

〈Битва на берегах Ведроши. Июля 14〉. Близ Дорогобужа, среди обширного Митькова поля, на берегах реки Ведроши стояли Иоанновы Полководцы, Даниил Щеня и Юрий, готовые к бою. Князь Острожский знал от пленников о числе Россиян, надеялся легко управиться с ними, и смело шел сквозь болотистые, лесистые ущелья к нашему стану. Передовой Московский полк отступил, чтобы заманить Литовцев на другой берег реки. Тут началась кровопролитная битва. Долго и мужество и силы казались равными: с обеих сторон сражалось тысяч восемьдесят или более; но Воеводы Иоанновы имели тайную засаду, которая внезапным ударом смяла неприятеля⁴⁹⁰. Литовцы искали спасения в бегстве: их легло на месте тысяч восемь; множество утонуло в реке: ибо наша пехота зашла им в

тыл и подрубила мост. Военачальник Константин, Наместник Смоленский Станислав, Маршалки Григорий Остюкович и Литавор Хребтович, Князя Друзкие, Мосальские, Паны и чиновники были взяты в плен; весь обоз и снаряд огнестрельный достался в руки победителю. С сею счастливою для нас вестию прискакал в Москву Дворянин Михайло Плещеев. Государь, Бояре, народ изъявили радость необыкновенную. Никогда еще Россияне не одерживали такой победы над Литвою, ужасною для них почти не менее Моголов в течение ста-пятидесяти лет. Слыхав от своих дедов, как знамена Ольгердовы развевались перед стенами Кремлевскими, как Витовт похищал целые Княжества России, и с каким трудом благоразумный сын Донского, Василий Димитриевич, спас ее последнее достояние, ликующие Москвитяне дивились Иоанновой и собственной их славе! – Князя Острожского вместе с другими знатными пленниками привезли в Москву окованного цепями, по сказанию Литовского Историка⁴⁹¹; но Иоанн чтит его и склонял вступить в нашу службу. Константин долго не соглашался: наконец, угрожаемый темницею, присягнул в верности Российскому Монарху, весьма неискренно; ему дали чин Воеводы и земли: но он, Литвин душою, не мог простить своих победителей, желал мести, и совершил оную чрез несколько лет, как увидим.

Довольный искусством и мужеством наших Полководцев, Иоанн в знак чрезвычайной милости послал к ним знатного чиновника *спросить о их здравии*, и велел ему сказать *первое* слово Князю Даниилу Щене, а *второе* Князю Иосифу Дорогобужскому, который отличился в сем деле⁴⁹². – Скоро также пришла весть, что соединенные полки Новгородские, Псковские и Великолуцкие, разбив неприятеля близ Ловати, взяли Торопец⁴⁹³. В сем войске были племянники Государевы, Князя Иван и Феодор, сыновья брата его, Бориса: они начальствовали только именем, подобно Царю Магмед-Аминю: Новгородский Наместник, Андрей Федорович Челяднин, вел *Большой Полк*, имел знамя Великокняжеское, избирал частных предводителей и давал все повеления. – Государь хотел увенчать свои успехи взятием Смоленска; но дождливая осень, недо-

статок в съестных припасах и зима, отменно снежная, заставила^{10*} его отложить сие предприятие⁴⁹⁴.

В самом начале войны он спешил известить Менгли-Гирея, что пришло для них время ударить с обеих сторон на Литву. Сообщение между Россиею и Крымом было весьма неверно: Азовские Козаки разбойничали в степях Воронежских, грабили нашего Посла, Князя Кубенского, принужденного бросить свои бумаги в воду, а другого, Князя Федора Ромодановского, пленили⁴⁹⁵. (Хан Крымский опустошает Литву и Польшу). Не смотря на то, Менгли-Гирей, как усердный наш союзник, уже в Августе месяце громил Литву. Сыновья его, предводительствуя пятнадцатю тысячами конницы, выжгли Хмельник, Кременец, Брест, Владимир, Луцк, Брянславль, несколько городов в Польской Галиции, и вывели оттуда множество пленников⁴⁹⁶. — Желая довершить бедствие зятя, Великий Князь старался воздвигнуть на него и Стефана Молдавского, обязанного договорами помогать России в случае войны с Литвою⁴⁹⁷.

(Г. 1501. Союз Александра с Ливонским Орденом). В сих несчастных обстоятельствах Александр делал, что мог, для спасения Державы своей: укрепил Витебск, Полоцк, Оршу, Смоленск⁴⁹⁸; писал к Стефану, что ему будет стыдно нарушить мирный договор, заключенный между ими, и служить орудием сильному к утеснению слабого; предлагал свою дружбу Менгли-Гирею, убеждая его следовать примеру отца, постоянного союзника Казимира, и называя Государя Московского вероломным, хищником, лютым *братоубийцею*⁴⁹⁹; в то же время отправил Посла в Золотую Орду склонять Хана, Шиг-Ахмета, к нападению на Тавриду⁵⁰⁰; в Польше, в Богемии, в Венгрии, в Германии⁵⁰¹ нанимал войско, не жалея казны, и заключил тесный союз с Ливониею. Хотя силы Ордена никак не могли равняться с нашими; но тогдашний Магистр^{11*} оного, Вальтер Фон-Плеттенберг^{12*}, был муж необыкновенных достоинств, благоразумный правитель и военачальник искусный: такие люди умеют с малыми средствами делать великое и бывают опасными неприятелями. Воспитанный в ненависти к Россиянам, иногда беспокойным и всегда не-

уступчивым соседям; досадуя на Великого Князя за бедствие, претерпенное Немецкими купцами в Новгороде, и за другие новейшие обиды, Плеттенберг требовал помощи от Имперского Сейма в Ландау, в Вормсе, также от богатых городов Ганзейских⁵⁰², и думая, что война Литовская не позволит Иоанну действовать против Ордена большими силами, обязался быть верным сподвижником Александровым. Написали договор в Вендене, утвержденный Епископом Рижским, Дерптским, Эзельским, Курляндским, Ревельским, и всеми чиновниками Ливонии: условились вместе ополчиться на Россию, делить между собою *завоевания*, и в течение десяти лет одному не мириться без другого⁵⁰³.

Но Князь Литовский в самом деле не мыслил о *завоеваниях*: изведав опытом могущество Иоанново, утратив и войско и знатную часть своей Державы, не хотел без крайности искать новых ратных опасностей и бедствий. (Переговоры о мире). В начале 1501 года приехали в Москву Послы от Королей, его братьев, Владислава Венгерского и Альбрехта Польского, а за ними и чиновник Александров, Станислав Нарбут. Именуя Великого Князя братом и сватом, Короли желали знать, за что он вооружился на зятя; предлагали ему мир; обещали удовлетворение; хотели, чтобы Иоанн освободил Литовских пленников и возвратил завоеванные им области. Посол Александров предлагал то же, и говорил: “Ты *открыл* лютую войну и *пустил огонь* в нашу землю; *засел* многие области Александровы, и прислал грамоту складную поздно; взял в плен Гетмана и Панов, высланных единственно для обережения границы⁵⁰⁴. Уйми кровопролитие. Большие Послы Литовские готовы ехать к тебе для мирных переговоров”. Казначей и Дьяки Великокняжеские именем Иоанна ответствовали, что зять его навлек на себя войну неисполнением условий; что Государь, обнажив меч на Веру, не отвергает мира пристойного, но не любит даром освобождать пленных и возвращать *завоевания*; что он ждет Больших Послов Литовских и согласен сделать перемирие. – Послы обедали во дворце; но отпуская их, Государь не подал им ни вина, ни руки.

⟨Александр избран в Польские Короли⟩. Прошло несколько времени: Александр молчал, и Немецкие воины, им нанятые, грабя жителей в собственной его земле имели сшибки с нашими отрядами⁵⁰⁵. Великий Князь решился продолжать войну, не смотря на то, что его зять, по смерти Албрехта, сделался Королем Польским, следственно мог располагать силами двух Держав⁵⁰⁶. ⟨Новая победа над Литвою [близ Мстиславля]. Ноября 14⟩. Сын Иоаннов, Василий с Наместником Князем Симеоном Романовичем должен был из Новагорода итти к северным пределам Литвы⁵⁰⁷; а другое войско, под начальством Князей Симеона Черниговского или Стародубского, Василия Шемякина, Александра Ростовского и Боярина Воронцова, близ Мстиславля одержало знаменитую победу над Князем Михаилом Ижеславским⁵⁰⁸ и Воеводою Евстафием Дашковичем: положив на месте около семи тысяч неприятелей, оно взяло множество пленников и все знамена; впрочем удовольствовалось только разорением Мстиславских окрестностей и возвратилось в Москву.

⟨Война с Орденом⟩. Уже Магистр^{11*} фон-Плеттенберг действовал как ревностный союзник Литвы и враг Иоаннов. Купцы наши спокойно жили и торговали в Дерпте: их всех (числом более двух сот) нечаянно схватили, ограбили, заключили в темницы⁵⁰⁹. Началась война, славная для мужества Рыцарей, еще славнейшая для Магистра, но бесполезная для Ордена, бедственная для несчастной Ливонии. Исполняя договор, и думая, что Король Александр также исполнит его, то есть, всеми силами с другой стороны нападет на Россию, Плеттенберг собрал 4000 всадников, несколько тысяч пехоты и вооруженных земледельцев⁵¹⁰; вступил в область Псковскую; жег, истреблял все огнем и мечем. ⟨Сражение на Сирице [близ Изборска]⟩. Воеводы, Наместник Князь Василий Шуйский с Новгородцами, а Князь Пенко Ярославский с Тверитянами и Московскою дружиною пришли защитить Псков, но долго не хотели отважиться на битву⁵¹¹; ждали особенного указа Государева, получили его и сразились с неприятелем, 27 Августа, в десяти верстах от Изборска. Ливонский Историк пишет, что Россиян было 40 000⁵¹²: сие превосходство сил оказа-

лось ничтожным в сравнении с искусным действием огнестрельного снаряда Немецкого. Приведенные в ужас пушечным громом, омраченные густыми облаками дыма и пыли, Псковитяне бежали; за ними и дружина Московская, с великим стыдом, хотя и без важного урона⁵¹³. В числе убитых находился Воевода, Иван Бороздин, застреленный из пушки. — Беглецы кидали свои вещи и самое оружие; но победители не гнались за сею добычею, взятою жителями Изборскими, которые, разделив ее между собою, зажгли предместье, изготовились к битве, и на другой день мужественно отразили Немцев.

Псков трепетал: все граждане вооружились; от двух третьему надлежало итти с копьем и мечем против гордого Магистра, который безжалостно опустошал села на берегу Великой, и 7 Сентября сжег Остров, где погибло 4000 людей в пламени, от меча или во глубине реки, между тем, как наши Воеводы стояли неподвижно в трех верстах, а Литовцы приступали к Опочке, чтобы, взяв сию крепость, вместе с Немцами осадить Псков⁵¹⁴. (Болезнь в рати Ливонской). К счастью Россиян, открылась тогда жестокая болезнь в войске Плеттенберга: от худой пищи и недостатка в соли сделался кровавый понос; всякой день умирало множество людей. Не время было думать о геройских подвигах. Немцы спешили во-свояси: Литовцы также удалились⁵¹⁵. Сам Магистр^{11*} занемог, с трудом достигнул своего замка, и распустил войско, желая единственно отдохновения.

Но Иоанн желал мести и поручил оную храброму Князю Даниилу Щене, победителю Константина Острожского. В глубокую осень, не смотря на дожди, чрезвычайное разлитие вод и худые дороги⁵¹⁶, сей Московский Воевода вместе с Князем Пенком опустошил все места вокруг Дерпта, Нейгаузена, Мариенбурга, умертвив или взяв в плен около 40 000 человек⁵¹⁷. (Октяб. 18–24. Россияне опустошают Ливонию). Рыцари долго сидели в крепостях; наконец, в темную ночь, близ Гельмета ударили на стан Россиян: стреляли из пушек; секлись мечами, во тьме и беспорядке. Воевода нашей передовой дружины, Князь Александр Оболенский, пал в сей кровопролитной битве. Но

Рыцари не могли одолеть, и бежали⁵¹⁸. Полк Епископа Дерптского был истреблен совершенно. “Не осталось ни одного человека для вести, говорит Летописец Псковский: Москвитяне и *Татары не саблями светлыми* рубили поганых, а били их как вепрей шестоперами”. – Щеня и Пенко доходили почти до Ревеля, и зимою возвратились, причинив неописанный вред Ливонии. (Г. 1502). Немцы отплатили нам разорением предместия Ивановгородского, умертвив тамошнего Воеводу, Лобана Колычева, и множество земледельцев в окрестностях Красного⁵¹⁹.

(Царь Большой Орды, Шиг-Ахмет, помогает Литве). Как мужественный Плеттенберг отвлек знатную часть Иоанновых сил от Литвы, так Шиг-Ахмет, непримиримый злодей Менгли-Гиреев, обуздывал Крымцев. Он с двадцатью тысячами своих Улусников, конных и пеших, расположился близ устья Тихой Сосны, под Девичьими горами: на другом берегу Дона стоял Хан Крымский, с двадцатью пятью тысячами, в укреплении, ожидая Россиян. “Люди твои – писал он к Великому Князю – ходят в судах рекою Доном: пришли с ними несколько пушек, для одной славы: враг уйдет”. Как ни занят был Иоанн войною Литовскою и Немецкою, однако ж немедленно выслал помощь союзнику: Магмет-Аминь вел наших *служилых* Татар, а Князь Василий Ноздроватый Москвитян и Рязанцев; за ними отправлялись пушки водою. Но Менгли-Гирей не дождался их, отступил, извиняясь голодом, и ручался Иоанну за скорую гибель Золотой Орды⁵²⁰. С того времени Крымцы действительно не давали ей покоя ни летом, ни зимою, и зажигали степи, в коих она скиталась. Напрасно Шиг-Ахмет звал к себе Литовцев: подходил к Рыльску и не видал их знамен; видел только наши и войско Иоанново готовое к бою; жаловался, винил Александра, говоря ему чрез своих Послов: “Для тебя мы ополчились, сносили труды и нужду в пустынях ужасных; а ты оставляешь нас без помощи, в жертву гладу и Менгли-Гирею”. Новый Король посылал Хану дары, обещал и войско, но обманывал или медлил, занимаясь тогда празднествами в Кракове⁵²¹. Между тем Князья, Уланы бежали толпами от Шиг-Ахмета. Оставленный и самую любимую женою, которая ушла в

Тавриду⁵²²; будучи в ссоре с братом, Сеит-Махмутом, желавшим тогда иметь пристанище в России⁵²³; досадуя на Короля Польского, и зная худые успехи его оружия, Шиг-Ахмет решился искать дружбы Иоанновой, и в конце 1501 года прислал в Москву Вельможу Хаза, предлагая союз Великому Князю с условием воевать Литву, ежели он ни в каком случае не будет вступаться за Менгли-Гирея⁵²⁴. Политика не злопамятна: Иоанн охотно соглашался быть другом Шиг-Ахмета, чтобы отвратить его от Литвы; только не мог пожертвовать ему важнейшим союзником России: для того послал в Орду собственного чиновника с ласковыми приветствиями, но с объявлением, что враги Менгли-Гиревы не будут никогда нашими друзьями⁵²⁵. (Хан Крымский совершенно истребляет сии остатки Батыева Царства). Слепленный лично ненавистию, Шиг-Ахмет лучше хотел зависеть от милости своего бывшего данника, Государя Московского, нежели примириться с единоверным братом, Ханом Таврическим, и погубил остатки Батыева Царства: весною в 1502 году Менгли-Гирей внезапным нападением сокрушил оные; рассыпал, истребил или взял в плен изнуренные голодом толпы, которые еще скитались с Шиг-Ахметом; прогнал его в отдаленные степи Ногайские и торжественно известил Иоанна, что древняя Большая Орда уже не существует⁵²⁶. “Улусы злодея нашего в руке моей, говорил он: а ты, брат любезный, слыша столь добрые вести, ликуй и радуйся!”

Заметим, что Летописцы наши едва упоминают о сем происшествии: ибо Россияне уже презирали слабую Орду, еще не давно трепетав Ахматова могущества. – Поздравляя Менгли-Гирея с одолением их общего врага, Иоанн писал к нему, чтобы он не забывал гораздо важнейшего, то есть, Короля Польского, и навсегда безопасный от злобы Ахматовых сыновей, довершил победу над Литвою. Имея единственно сию цель, Великий Князь мыслил даже восставить^{13*} Шиг-Ахмета: пересылаясь с ним, обещал ему Астрахань, с условием, чтобы сей изгнанник клятвенно обязался быть врагом Литвы и доброжелателем Хана Крымского⁵²⁷. Таким образом Шиг-Ахмет мог еще остаться Царем по милости Государя, коему более

всех иных надлежало бы ненавидеть племя Батыево! Но увлеченный Судьбою, он с двумя братьями, Козяком и Халеком, поехал в Царьград к Султану Баязету. Их остановили. Султан велел им сказать, что для врагов Менгли-Гиреевых нет пути в Турецкую Империю. (Александр вероломно заключает Шиг-Ахмета). Гонимые Царевичами Крымскими, они бежали в Киев, и вместо помощи нашли там неволю: Шиг-Ахмета, братьев, слуг его взяли под стражу: ибо Государь Литовский, уже не имея нужды в союзе беглеца, думал, что сей несчастный может быть для него залогом мира с Тавридою. “Враги твои в моих руках”, приказывал он к Менгли-Гирею: “от меня зависит на зло тебе освободить Ахматовых сыновей, если не примиришься со мною⁵²⁸”. Но Иоанн убеждал Хана не верить ему и писал: “В противность всем уставам Литовцы заключили своего союзника, который долгое время служил им орудием: так некогда поступили и с Седи-Ахматом, так и сия новая жертва их вероломства погибнет в темнице. Будь спокоен: они уже не освободят твоего злодея, ибо должны опасаться его мести”⁵²⁹. Предсказание Великого Князя исполнилось: быв еще несколько лет игралищем Литовской Политики – то с уважением честимый во дворце как знаменитый Властитель, то осуждаемый на самую тяжкую неволю как преступник – Шиг-Ахмет изъяснял великодушие в бедствии, и представленный на Сейм Радомский, торжественно обвинял Короля, сказав: “Ты льстивыми обещаниями вызвал меня из дальних стран Скифии и предал Менгли-Гирею. Утратив мое войско и все Царское достояние, я искал убежища в земле друга, а друг встретил меня как неприятеля и ввергнул в темницу. Но есть Бог (примолвил он, воздев руки на небо): пред Ним Будем судиться, и вероломство твое не останется без наказания”. Ни красноречие, ни истина сих упреков не тронули Александра, коего Вельможи ответствовали, что Шиг-Ахмет должен винить самого себя; что его воины грабили в окрестностях Киева; что Король советовал ему удалиться к границам Российским, к Стародубу, и там искать добычи; что он упрямылся, не хотел того сделать, держался в соседстве с опасною для него

Тавридою, погубил свою рать и думал тайно уехать к Султану, без сомнений с каким нибудь вредным для Польши и Литвы намерением. Одним словом, сей именованный последний Царь Золотой Орды умер невольником в Ковне, не доставив заключением своим ни малейшей выгоды Литве. Самая жестокосердая Политика, хвалясь иногда злодействами счастливыми, признает бесполезные ошибки. Иоанн лучше своего зятя умел соглашать ее законы с правилами великодушия: в то время, когда сыновья Ахматовы кляли вероломство Литовское, племянники сего врага нашего, Царевичи Астраханские, Исуп и Шигавляир, хвалились милостию Великого Князя, вступив к нему в службу⁵³⁰.

⟨Досада Хана Крымского на Велик[ого] Князя⟩. Не слушая никаких льстивых предложений Александровых⁵³¹, Менгли-Гирей едва было не размолвился с Иоанном по другой причине. Сведая о многих несправедливостях Царя Казанского⁵³², Абдыл-Летифа, Государь велел Князю Василью Ноздроватому взять его, привезти в Москву, и заточил на Белоозеро, а в Казань послал господствовать вторично Магмет-Аминя, отдав ему жену бывшего Царя, Алегамы⁵³³. Менгли-Гирей оскорбился и просил, чтобы Иоанн, извинив безрассудную молодость Летифа, или отпустил его или наградил поместьем. Хан писал: “Если не исполнишь сего, то уничтожится наш союз, весьма для тебя полезный: ибо счастливым действием одного враги твои исчезли и Государство твое распространилось. Старые, умные люди твердят, что лучше умереть с добрым именем, нежели благоденствовать с худым: а можешь ли сохранить первое, нарушив святую клятву братства между нами?..... Посылаю тебе перстень из рога *Кагерденева*, Индейского зверя, коего тайная сила мешает действию всякого яда: носи его на руке и помни мою дружбу; а свою докажешь мне, когда сделаешь то, о чем молю тебя неотступно⁵³⁴”. Но Великий Князь опасался выпустить Летифа из России, и дав ему пристойное содержание, удовольствовал Менгли-Гирея, так, что сей Хан не престаивал вместе с ним усердно действовать против Литвы. Войско Крымское, состоящее из

90 000 человек и предводимое сыновьями Ханскими, в Августе 1502 года опустошило все места вокруг Луцка, Турова, Львова, Бряславля, Люблина, Вишневецца, Бельза, Кракова.

Тогда же Стефан Молдавский, пользуясь обстоятельствами, завоевал на Днестре Колымью, Галич, Снятин, Красное⁵³⁵, и тем ослабил могущество Польши, хотя уже и не думал в сие время содействовать нашим выгодам, ибо имел важную причину к неудовольствию на Иоанна. (Иоанн, заключив невестку и внука, объявляет Василия наследником). Около трех лет дочь его, вдовствующая Княгиня Елена, среди Двора Московского находилась с юным сыном, Димитрием, как бы в изгнании, оставленная прежними друзьями, угрожаемая немилостию Великого Князя и ненавистию Софии. Может быть, открылись новые недозволенные происки честолюбивой Елены, или нескромные слова, внушенные ей досадою, оскорбили ее свекора, или клевета представила ему невестку в виде опасной заговорщицы: не знаем; но Иоанн вдруг разгневался на Елену и на Димитрия, приставил к ним стражу, запретил внуку именоваться Великим Князем и даже поминать их в церковных молитвах; а чрез два дни объявил сына, Василия, Государем, наследником престола Всероссийского⁵³⁶. Димитрию едва исполнилось 18 лет: в такой юности он не мог быть важным соумышленником матери, если и действительно виновной. Народ жалел об нем, хотя ни Духовенство, ни Вельможи не смели осуждать приговора, изреченного Самодержцем. (Разрыв с Стефаном Молдавским). Но Россия утратила Стефанову дружбу: седый Герой Молдавский, оскорбленный бедствием своей дочери и внука, возненавидел Иоанна, и старания благоразумного Менгли-Гирея не могли примирить их. Великий Князь любил исполнять только собственную волю; не терпел гордых требований, и в ответ Хану Крымскому на вопрос: “для чего Димитрий лишен отцовского наследия?” сказал: “Милость моя возвела внука на степень Государя, а немилость свергнула: ибо он и мать его досадили мне. Жалуют того, кто служит или угождает: грубящих за что жаловать?⁵³⁷” Елена от горести и

тоски скончалась в Генваре 1505 года; а несчастный ее сын, бывший наследник Российской Монархии, остался под стражею как государственный преступник: никто не имел к нему доступа, кроме малого числа слуг и надзирателей⁵³⁸.

Впрочем сей разрыв между Стефаном и Великим Князем не имел никаких важных следствий, кроме того, что первый задержал наших Послов и художников Италианских, которые ехали из Рима в Москву⁵³⁹: о чем Иоанн писал не только к Менгли-Гирею, но и к Султану Кафинскому, Баязетову сыну, убеждая их вступить за такое нарушение Права Народного. Стефан отпустил Послов. Тщетно Король Александр склонял его быть деятельным врагом России и союзником Польши: Стефан не хотел возвратить ему завоеванной им Днестровской области до самой своей кончины. [«Смерть Стефанова.»] Сей великий муж умер в 1504 году: готовый закрыть глаза навеки, он дал совет сыну Богдану и Вельможам покориться Оттоманской Империи, сказав: “Знаю, как трудно было мне удерживать право независимого Властителя. Вы не в силах бороться с Баязетом, и только разорили бы отечество. Лучше добровольно уступить то, чего сохранить не можете⁵⁴⁰”. Богдан признал над собою верховную власть Султана, и слава Молдавии исчезла с Господарем Стефаном, быв искусственным творением его души великой.

Иоанн не терял времени в бездействии; и желая увенчать свои победы новым важным приобретением, в Июле 1502 года отправил сына, Димитрия, со многочисленною ратию на Литву⁵⁴¹. С ним находились племянники Государевы, Феодор Волоцкий, Иван Торуский; Бельский, зять сестры его, Анны; Удельный Князь Рязанский Феодор; Князь Симеон Стародубский и внук Шемякин, Василий Рыльский; Бояре Василий Холмский, Яков Захарьевич, Шеин; Князя Александр Ростовский, Михайло Корамыш-Курбский, Телятевский, Репня и Телепень Оболенские, Константин Ярославский, Стрига-Ряполовский. (Осада Смоленска). Целию столь знаменитого ополчения был наш древний, столичный город Смоленск, укреплен-

ный Природою и каменными стенами. Осада требовала искусства и больших усилий. Димитрий послал отряды к Березине и Двине. Россияне взяли Оршу, выжгли предместье Витебское, все деревни до Полоцка, Мстиславля; пленили несколько тысяч людей, но должны были за недостатком в продовольствии удалиться от Смоленска⁵⁴², где начальствовали Воеводы Королевские, Станислав Кишка и Наместник его, Сологуб, прославленные Историком Литовским за оказанное ими мужество⁵⁴³. – В Декабре того же года Князья Северские, Симеон Стародубский и внук Шемякин, Василий, с Московскими и Рязанскими Воеводами опять ходили на Литву; не завоевали городов, но везде распространили ужас жестокими опустошениями⁵⁴⁴.

(Битва с Магистром Ливонским близ Пскова). Верный союзник Александров, Вальтер Плеттенберг, снова хотел отвратить счастья в полях Российских, и с 15 000 воинов приступил к Изборску: разбил пушками стены, но боясь терять время, спешил осадить Псков. Он ждал Короля, давшего ему слово встретить его на берегах Великой⁵⁴⁵. Сего не сделалось: Литовцы остались в своих пределах; однако ж Магистр^{11*} с жаром начал осаду: стрелял из пушек и пищалей; старался разрушить крепость⁵⁴⁶. К счастью жителей, Воеводы Иоанновы, Даниил Щеня и Князь Василий Шуйский, уже были не далеко с полками сильными. Немцы отступали: Воеводы от Изборска зашли им в тыл. Они увидели друг друга на берегах озера Смолина. Плеттенберг, ободрив своих великодушною речью, употребил хитрость: двинулся с войском в сторону, как бы имея намерение спастись бегством. Россияне кинулись на обоз Немецкий; другие устремились за войском и в беспорядке наскakали на стройные ряды неприятеля: сметенные действием его огнестрельного снаряда, хотели мужеством исправить свою ошибку; сразились, но большею частию легли на месте: остальные бежали. Магистр^{11*} не гнался за ними. Россияне ободрились, устроились и снова напали. Если верить Ливонским Историкам, то наших было 90 000. Немцы бились отчаянно; пехота их заслужила в сей день славное название *железной*. Оказав

неустрасимость, хладнокровие, искусство, Плеттенберг мог бы одержать победу, если бы не случилась измена. Пишут, что Орденский Знаменосец, Шварц, будучи смертельно уязвлен стрелой, закричал своим: “кто из вас достоин принять от меня знамя?” Один из Рыцарей, именем Гаммерштет, хотел взять его, получил отказ, и в досаде отсек руку Шварцу, который, схватив знамя в другую, зубами изорвал оно; а Гаммерштет бежал к Россиянам и помог им истребить знатную часть Немецкой пехоты. Однако ж Плеттенберг устоял на месте. Сражение кончилось: те и другие имели нужду в отдыхе⁵⁴⁷. Прошло два дни: Магистр^{11*} в порядке удалился к границе и навеки уставлял торжествовать 13 Сентября или день Псковской битвы, знаменитой в летописях Ордена, который долгое время гордился подвигами сей войны как славнейшими для своего оружия. — Заметим, что Полководцы Иоанновы гнушались изменою Гаммерштета: недовольный холодностью Россиян, он уехал в Данию, искал службы в Швеции, наконец возвратился в Москву уже при Великом Князе Василии, где Послы Императора Максимилиана видели его в богатой одежде среди многочисленных Царедворцев.

(Папа старается о мире. Г. 1503). Не смотря на ревностное содействие и славу Плеттенберга, Король Польский не имел надежды одолеть Россию, сильную многочисленностию войска и великим умом ее Государя. Литва истощалась, слабела: Польша не охотно участвовала в сей войне разорительной. Сам Римский Первосвященник, Александр VI, взялся быть посредником мира, и в 1503 году чиновник Короля Венгерского, Сигизмунд Сантай, приехал в Москву с грамотами от Папы и Кардинала Регнуса. Оба писали к Великому Князю, что все Христианство приведено в ужас завоеваниями Оттоманской Империи; что Султан взял два города Венецианской Республики, Модон и Корон, угрожая Италии; что Папа отправил Кардинала Регнуса ко всем Европейским Государям, склонять их на изгнание Турков из Греции; что Короли Польский и Венгерский не могут участвовать в сем славном подвиге, имея врага в Иоанне; что Святый Отец, как

Глава Церкви, для общей пользы Христианства молит Великого Князя заключить мир с ними, и вместе с другими Государями воевать Порту⁵⁴⁸. Посол вручил ему и письмо от Владислава такого же содержания, требуя, чтобы Иоанн дал *опасную грамоту* для проезда Вельмож Литовских в Москву. Бояре наши ответствовали, что Великий Князь рад стоять за Христиан против неверных; что он, умея наказывать врагов, готов всегда и к миру справедливому; что Александр, изъявив желание прекратить войну, обманул его: навел на Россию Ливонских Немцев и Хана Ординского; что Государь дозволяет Послам Королевским приехать в Москву.

⟨Перемирие с Литвою и с Орденом⟩. Послы явились, шесть знатнейших сановников Королевских⁵⁴⁹, из коих главным был Воевода Петр Митковский. Они предлагали вечный мир, с условием, чтобы Иоанн возвратил Королю всю его *отчину*, то есть, все завоеванные Россиянами города в Литве; освободил пленников, примирился с Ливонским Орденом и с Швециею (где властолюбивый Стур, изгнав Датчан, снова был Правителем Государственным). Великий Князь хладнокровно выслушал и решительно отвергнул столь неумеренные требования. “*Отчина* Королевская, сказал он, есть земля Польская и Литовская, а Русская наша. Что мы с Божиею помощью у него взяли, того не отдадим. Еще Киев, Смоленск и многие иные города принадлежат России: мы и тех добывать намерены⁵⁵⁰”. Возражения^{14*} Послов остались без действия: Иоанн был непоколебим. Наконец, вместо вечного мира, условились в перемирии на шесть лет, и только *из особенного уважения к зятю* Государь возвратил Литве некоторые волости, Рудью, Ветлицы, Шучью, Святые Озерища; велел Наместникам, Новгородскому и Псковскому, заключить такое же перемирие с Орденом, а с Правителем Шведским не хотел иметь никаких договоров. Тогда находились в Москве и Послы Ливонские: они в письмах своих к Магистру жаловались на грубость Иоаннову, Бояр наших, а еще более на Послов Литовских, которые не оказали им ни малейшего вспоможения, ни доброжелательства. Епископ Дерптский обязался, за

ручательством Магистровым, платить нам какую-то старинную поголовную дань: ибо земля и город его, основанный Ярославом Великим, считались древнею собственностью России. При обнаружении сего условия во Пскове стреляли из пушек и звонили в колокола⁵⁵¹.

(Хитрость Великого Князя). Неприятельские действия прекратились – ибо самая Россия, истощенная наборами многолюдных ополчений, желала на время успокоиться – но вражда существовала в прежней силе: ибо Александр не мог навсегда уступить нам Витовтовых завоеваний: Великий же Князь, столь счастливо возвратив оные России, надеялся со временем отнять у него и все прочие наши земли. Потому Иоанн, известив Менгли-Гирея о заключенном договоре, предлагал ему для вида также примириться с Александром на 6 лет; но тайно внушал, что лучше продолжать войну; что Россия никогда не будет в истинном, вечном мире с Королем, и время перемирия употребит единственно на утверждение за собою городов Литовских, откуда все худо-расположенные к нам жители переводятся в иные места, и где нужно сделать укрепления; что союз ее с Ханом против Литвы остается неизменным⁵⁵².

(Александр безрассудно досаждаёт ему). Великий Князь действовал по крайней мере согласно с выгодами своей Державы: напротив чего Александр, внутренно недовольный условиями перемирия, хотя и весьма нужного для его земли, следовал единственно движениям малодушной досады на врага сильного, счастливого: он задержал в Литве наших Бояр и Великих Послов, Заболоцкого и Плещеева, коим надлежало взять с него присягу в соблюдении договора и требовать уверительной грамоты, за печатью Епископов Краковского и Виленского, в том, что в случае смерти Александра наследники его не будут принуждать Королевы Елены к Римскому Закону⁵⁵³. Иоанн, удивленный сим нарушением общих государственных уставов, желал знать предлог оногo: Король писал, что Послы остановлены за обиды, делаемые Россиянами Смоленским Боярам; но скоро одумался, утвердил перемирие и с честью отпустил их в Москву⁵⁵⁴. Тогда же схва-

тили в Литве гонца нашего, посланного в Молдавию: Александр не хотел освободить его до решительного мира с Россиею; не хотел еще, чтобы Королева Елена исполнила волю родителя в деле семейственном: Иоанн велел ей искать невесты^{15*} для брата, Василия, между Немецкими Принцессами; но Елена отвечала, что не может думать о сватовстве, пока Великий Князь не утвердит истинной дружбы с Литвою⁵⁵⁵.

Такими ничтожными способами мог ли Король достигнуть желаемого мира? скорее возобновил бы кровопролитие, если бы Иоанн для государственной пользы не умел презирать маловажных, безрассудных оскорблений: желая временного спокойствия, он терпел их хладнокровно, и готовил средства к дальнейшим успехам нашего величия.



Глава VII

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ИОАННОВА.



Кончина Софии и болезнь Иоаннова. Завещание. Суд и казнь еретиков. Посольство Литовское. Сношение [-я] с Императором. Василий женится на Соломонии. Измена Царя Казанского. Впадение его в Россию. Кончина Великого Князя. Тогдашнее состояние Европы. Иоанн творец величия России. Устроил лучшее войско. Утвердил Единовластие. Имя Грозного.^{1*} Жестокость его характера. Мнимая нерешительность есть осторожность. Название Великого^{2*}, приписанное ему иностранцами. Сходство с Петром I. Титул Царский. Белая Россия. Умножение доходов. Законы Иоанновы. Городская и Земская Полиция. Соборы. Поставление Кесарийского Митрополита в Москве. Российский монастырь на Афонской горе. Каплан Августинского Ордена принимает Греческую Веру. Некоторые бедствия Иоаннова века. Древнейшее описание Княжеской свадьбы. Путешествие в Индию.

Г. 1503—1505.

(Г. 1503. Кончина Софии и болезнь Иоаннова). Сей Монарх не слабел ни в проицании, ни в бодрости, ни в усердии ко благу вверенной ему Небом Державы, вопреки своим уже преклонным летам и сердечным горестям, необходимым в жизни смертного. Он лишился тогда супруги⁵⁵⁶: хотя, может быть, и не имел особенной к ней горячности; но ум Софии в самых важных делах государственных, ее полезные советы⁵⁵⁷, и наконец долговременная свичка между ими сделала для него сию потерю столь чувствительною, что здоровье Иоанново, дотоле крепкое, расстроилось. Веря более действию усердной молитвы, нежели искусству врачевания, Государь поехал в Лавру Св. Сергия, в Переславль, в Ростов и в Ярославль, где находились знаменитые святостию Обители⁵⁵⁸. Там, сопровождаемый всеми детьми, но без всякого мирского великолепия, он в виде простого смертного умилялся пред Богом, ожидая от Него исцеления или мирной кончины; но, вкусив

сладость Христианской набожности, спешил возвратиться на престол, чтобы устроить будущую судьбу России.

(Завещание). Он написал завещание, в присутствии знатнейших Бояр, Князей Василия Холмского, Даниила Щени, Якова Захарьевича, Казначея Дмитрия Владимировича и Духовника, Архимандрита Андрониковского, именем Митрофана, объявив старшего сына, Василия Иоанновича, преемником Монархии, Государем всей России и меньших его братьев. Тут, в исчислении всех областей Василиевых, в первый раз упоминается о *дикой* Лапландии⁵⁵⁹; далее сказано, что Старая Рязань и Перевитеск составляют уже достояние Государя Московского, быв отказаны Иоанну умершим его племянником, сыном Великой Княгини Анны, Феодором; именуется также и все города отнятые у Литвы, Мценск, Белев, Новосиль, Одоев, кроме Чернигова, Стародуба, Новагорода Северского, Рыльска: ибо тамошние Князья хотя и поддалися Государю Московскому, но удержали право Владетельных. Другим сыновьям Иоанн дал богатые отчины: Юрию Дмитров, Звенигород, Кашин, Рузу, Брянск, Серпейск; Димитрию Углич, Хлепень, Рогачев, Зубцов, Опоки, Мещовск, Опаков, Мологу; Симеону Бежецкий Верх, Калугу, Козельск; Андрею Верею, Вышегород, Алексин, Любутск, Старицу, Холм, Новый Городок. Имея особенных придворных и воинских чиновников, пользуясь всеми доходами своих городов и волостей, братья Василиевы не могли в оных судить душегубства, ни делать монеты, и не участвовали в выгоде откупов государственных⁵⁶⁰; однако ж Василий обязывался уделять им часть некоторых Московских сборов и не покупать земель в их отчинах, которые оставались наследственными для их сыновей и внуков⁵⁶¹. То есть, меньшие сыновья Иоанновы долженствовали иметь права только частных владельцев, а не Князей Владетельных. Одна Рязань еще представляла тень вольной Державы: Князь ее, Иоанн, умер в 1500 году, оставив пятилетнего сына, именем также Иоанна⁵⁶², под опекою матери, Агриппины, и бабки его, любимой сестры Великого Князя, Анны, которая представилась в 1501 году, утвердив внука в достоинстве независимого Владетеля, но только именем: ибо Государь Мо-

сковский был в самом деле верховным повелителем Рязани, ее войска и народа⁵⁶³. — Исполняя желание отца, Василий и братья его обязались между собою грамотами жить в согласии, по родительскому завещанию⁵⁶⁴.

〈Суд и казнь еретиков〉. Иоанн хотел утвердить и спокойствие нашей православной Церкви. В сие время возобновилось дело *Жидовской ереси*, нами описанной. Еще она не пресеклась, хотя и скрывалась. Иосиф Волоцкий в Москве, Архиепископ Геннадий в Новгороде неутомимо старались истребить сие несчастное заблуждение ума: первый только говорил и писал, второй действовал в своей Епархии, откуда многие из гонимых еретиков бежали в Немецкую землю и в Литву⁵⁶⁵. Убежденный наконец представлениями Духовенства, или сам видя упрямство отступников, не исправленных средствами умеренности, ни клятвою Церковною, ни заточением, Великий Князь решился быть строгим, опасаясь казаться излишно снисходительным или беспечным в деле душевного спасения. Созвав Епископов, он вместе с ними и с Митрополитом снова выслушал доносы. Иосиф Волоцкий заседал с судьями, гремел красноречием, обличал еретиков и требовал для них мирской казни. Главными из обвиняемых были Дьяк Волк Иван Курицын, посланный к Императору Максимилиану с Юрием Траханиотом⁵⁶⁶, — Дмитрий Коноплев, Иван Максимов, Некрас Рукавов и Кассиан, Архимандрит Юрьевского Новгородского монастыря: они дерзнули говорить откровенно, утверждая мнимую истину своих понятий о Вере; были осуждены на смерть и всенародно сожжены в клетке⁵⁶⁷; иным отрезали язык, других заключили в темницы или разослали по монастырям. Почти все изъявляли раскаяние; но Иосиф доказывал, что раскаяние, вынужденное пылающим костром, не есть истинное и не должно спасти их от смерти. Сия жестокость скорее может быть оправдана Политикою, нежели Верою Христианскою, столь небесно-человеколюбивою, что она ни в каком случае не прибегает к мечу; единственными орудиями служат ей мирные наставления, молитва, любовь; таков по крайней мере дух Евангелия и книг Апостольских. Но если кроткие наставления не имеют действия; если явный, дерзостный

соблазн угрожает Церкви и Государству, коего благо тесно связано с ее невредимостию: тогда не Митрополит, не Духовенство, но Государь может справедливым образом казнить еретиков. Сия пристойность была соблюдена: их осудили, как сказано в летописях, по *градскому* закону⁵⁶⁸.

⟨Посольство Литовское. Г. 1504⟩. Узнав о болезни Иоанна, и думая, что приближение смерти легко может ослабить твердость его в правилах внешней Политики, Александр чрез новых Великих Послов, Воеводу Станислава Глебовича, Пана Юрья Зиновьевича и *Писаря* или Секретаря Государственного, Богдана Сапегу, предложил Великому Князю купить дружество Литвы уступкою ей наших завоеваний. Король именовал Иоанна *отцем* и *братом*: Елена *кланялась* ему с почтением и нежностью. Сей Монарх, приближаясь ко гробу, без сомнения желал бы провести остаток дней своих в тишине, тем более, что спокойствие его любезной дочери зависело от согласия между ее родителем и супругом; но Иоанн знал свою обязанность: еще сидел на троне, следственно должен был мыслить только о благоденствии отечества; не измерял веком своим века России, смотрел далее гроба и хотел жить в ее величии. Боярин его, Яков Захарьевич, сказал Послам Литовским: “Великий Князь никому не отдает своего. Желаете ли истинного, прочного мира? уступите России и Смоленск и Киев”. По многих прениях Паны уехали⁵⁶⁹, и Король уверился в невозможности заключить вечный мир с Иоанном на условиях, каких ему хотелось. Предметом дальнейших сношений между ими были единственно дела пограничные: жаловались то наши, то Литовские подданные на обиды. С обеих сторон обещали удовлетворение и рождались новые неудовольствия. Знатный Королевский чиновник, Евстафий Дашкович, житель Волынии, Веры Греческой, уехал в Москву с великим богатством и со многими Дворянами: Александр требовал, чтобы мы, согласно с перемирною грамотою, выдали ему сего человека. Иоанн отвечивал, что грамотою определено выдавать татей, беглецов, холопей, должников и злодеев; а Дашкович был у Короля Воеводою, не уличен ни в каком преступлении и добровольно вошел к нам в службу, как то и в

старину делалось невозбранно. — Чтобы иметь верные известия о внутренних обстоятельствах Литвы, Государь посылал гонцев к Елене с дарами, приказывая всегда дружески клянуться ее супругу⁵⁷⁰.

(Сношения с Императором). Мы видели, что Политика Западной Европы уже находилась в связи с нашею: война Литовская, славная для Иоаннова оружия, придала нам еще более важности и знаменитости. Император Максимилиан вспомнил о России и выгодах ее союза против сыновей Казимировых: он жалел о Венгрии, не охотно им уступленной Владиславу; думал возобновить свои требования на сие Королевство, и послал к Великому Князю чиновника, именем Гартингера, который, выехав из Аугсбурга в Августе 1502 года, прибыл в Москву не прежде, как в Июле 1504⁵⁷¹. Слог Максимилианова письма достоин замечания. “Слышу, говорит Император, что *некоторые* соседственные Державы восстали на Россию. Помня клятвенные обеты нашей взаимной любви, я готов помогать тебе, моему брату, советом и делом”. Не сказано ни слова о Венгрии; но Посол, как надобно думать, говорил о том изустно Иоанновым Боярам. В другом особенном письме Император просит у Великого Князя белых кречетов. Милостиво угостив Гартингера обеденным столом во дворце, Иоанн отвечал Максимилиану, что Россию воевали Король Польский и Магистр^{3*} Ордена, были наказаны и примирились с нею на время; что если Император, в случае новых неприятельских действий с их стороны, поможет Россиянам^{4*} то и Россияне, исполняя договор, помогут Австрии овладеть Венгриєю. Государь извинялся, что не отправляет собственного Посла в Германию: ибо Король Александр и Магистр^{3*} Ливонский без сомнения остановили бы его на пути. — (Г. 1505.) В следующем году тот же Гартингер, находясь в Эстонии, чрез Иваньгород доставил в Москву новые грамоты от Максимилиана и сына его, Филиппа, Короля Испанского, к Иоанну и юному Василию, *Царям* России⁵⁷². Гартингер просил ответа на языке Латинском, сказывая, что Делатор умер, и что при Дворе их нет уже ни одного человека знающего Русской язык. Дело шло о Ливонских пленниках: Максимилиан и Филипп

убеждали Великих Князей освободить сих несчастных, изнуренных долговременною неволею; а Гартингер ручался за безопасность нашего Посольства, если Иоанн велит кому нибудь из своих придворных ехать в Немецкую землю на Ригу, чтобы сделать тем удовольствие Максимилиану. Но Великий Князь не сделал сего; сам писал к Императору, а Василий к Королю Филиппу, учтиво и ласково, с объяснением, что пленники немедленно будут свободны, когда Магистр^{3*} прервет дружественную связь с Литвою. Одним словом, Иоанн по видимому уже худо верил Максимилиану: платил только ласками за ласки, и дарил ему кречетов, но не хотел изменить для него своим правилам и жалел денег на бесполезное Посольство в Австрию.

⟨Василий женится на Соломонии⟩. Сын и наследник Великого Князя, Василий, имел уже 25 лет от рождения и еще не был женат, в противность тогдашнему обыкновению. Политика осуждает брачные союзы Государей с подданными, особенно в Правлениях Самодержавных: свойственники требуют отличия без достоинств, милостей без заслуг; и сии, так сказать, родовые Вельможи, пользуясь исключительными правами, редко не употребляют оных во зло, думая, что Государь обязан в них уважать самого себя, то есть, честь своего Дома. Нарушается справедливость, истощается казна, или семейственные доуки вредят драгоценному спокойствию Монарха. Зная сию, как и многие другие важные для Единовластия истины по внушению собственного Гения, Иоанн думал женить сына на Принцессе иностранной: будучи союзником Дании, он предлагал ее Королю утвердить их взаимную дружбу свойством: для того, может быть, находился в Москве Датский Посол около 1503 года⁵⁷³; но Король – в угождение ли Шведам, коих ему хотелось снова подчинить Дании, и которые не любили России, или затрудняясь иноверием жениха – уклонился от чести быть тестем наследника Великокняжеского и выдал дочь свою, Елисавету, за Курфирста Бранденбургского. Видя пред собою близкую кончину, желая благословить счастливый брак сына и не имея уже времени искать невесты в странах отдаленных, Государь решил тогда женить его на подданной. Пишут, что сам Василий

хотел того, уважив совет любимого им Боярина, Грека Юрия Малого, у которого была дочь невеста; но жених выбрал иную, будто бы из 1500 благородных девиц, представленных для сего ко Двору: Соломонию, дочь весьма незнатного сановника Юрия Константиновича Сабурова, одного из потомков выходца Ординского, Мурзы Чета⁵⁷⁴. Соломония отличалась, как вероятно, достоинствами целомудрия, красотою, цветущим здоровьем; но в выборе не участвовала ли и Политика? Может быть, Иоанн лучше хотел вступить в свойство с простым Дворянином, нежели с Князем или с Боярином, чтобы иметь более способов наградить родственников невестки без излишней щедрости и не уделяя им особенных прав, несовместных с званием подданного. Отец Соломонии был возвышен на степень Боярина уже в царствование Василия⁵⁷⁵. Но мудрый Иоанн не предвидел, что сей брак, приблизив Годуновых, ее родственников, ко трону, будет виною ужасных для России бедствий и гибели Царского Дома!

⟨Измена Царя Казанского⟩. В то время, когда Двор и столица ликовали, празднуя свадьбу юного Великого Князя, Государь сведал о злобной измене нашего Казанского присяжника, Магмет-Аминя. Сей так называемый Царь всего более любил корысть и лукавую жену свою, бывшую вдову Алегамову, которая несколько лет жила невольницею в Вологде. Ненавидя Россиян как злодеев ее первого мужа, она замышляла кровопролитную месть, тайно беседовала с Вельможами Казанскими о средствах, и приступила к делу, возбуждая Магмет-Аминя быть истинным, независимым Владетелем. “Что ты? раб Московского тирана! говорила ему Царица: ныне на престоле, завтра в темнице, и подобно Алегаму умрешь невольником. Цари и народы презирают тебя. Воспряни от унижения к величию; свергни иго или погибни достойным славы⁵⁷⁶”. Пленительные ласки ее действовали еще сильнее красноречия: она день и ночь, по словам Летописца, висела на шее у мужа, и достигла желаемого. Забыв милости Иоанна, своего названного отца, и присягу, Магмет-Аминь дал ей слово отложиться от России; но еще медлил, и послал одного из Вельмож, Князя Уфимского, с какими-то

представлениями в Москву. Будучи недоволен оными – угадывая, может быть, и злое его намерение – Иоанн велел ехать в Казань Дьяку Михайлу Кляпику, чтобы объясниться с Царем. Тогда Магмет-Аминь решился действовать явно. (Июня 24). Настал праздник Рождества Иоанна Предтечи, день славной ярмонки в Казани, где гости Российские съезжались с Азиатскими меняться драгоценными товарами, мирно и спокойно, не опасаясь ни малейшего насилия: ибо Казань уже 17 лет считалась как бы Московскою областью. В сей день схватили там Посла Великокняжеского и наших купцев: многих умертвили, не щадя ни жен, ни детей, ни старцев; иных заточили в Улусы Ногайские; ограбили всех без исключения. Народы не любят господ чужеземных: Казанцы, обольщенные и свободою и корыстию, служили усердным орудием воли Царской, в исступлении злобы лили кровь Москвитян и радовались отнятыми у них сокровищами. “Магмет-Аминь, сказано в летописи, наполнил целую палату серебром Русским, наделал себе золотых венцев, сосудов, блюд; уже перестал есть из медных котлов или *опаниц*, являясь на пирах в сиянии драгоценных камней и металлов, в убранстве истинно Царском. Самые бедные Казанские жители разбогатели: носив прежде зимою и летом овчины, украсились тканями шелковыми, и в одеждах разноцветных как павлины гордо расхаживали пред своими *катунами* или домами”⁵⁷⁷.

(Впадение его в Россию). Надменный убиством мирных гостей, Магмет-Аминь вооружил 40 000 Казанцев, призвал 20 000 Ногаев, вступил в Россию, умертвил несколько тысяч земледельцев, осадил Нижний Новгород и выжег все посады. Воеводою был там Хабар Симский: имея мало воинов для защиты города, он выпустил из темницы 300 Литовских пленников, взятых на Ведроше; дал им ружья и Государевым именем обещал свободу, если они храбростию заслужат ее. Сия горсть людей спасла крепость. Будучи искусными стрелками, Литовцы убили множество неприятелей и в том числе Ногайского Князя, шурина Магмет-Аминева, который, стоя близ стены, распрыгал приступом⁵⁷⁸. Видя его мертвого, Ногайские полки уже не хотели биться: сделалась распря между ими и Ка-

занцами; началось даже кровопролитие. Царь едва мог смирить их; снял осаду и бежал во свояси. – Литовские пленники немедленно были освобождены, с честью, благодарностию и дарами.

(Кончина Великого^{5*} Князя). Великий Князь не успел наказать Магмет-Аминя: высланные против него Московские Воеводы худо исполнили свою обязанность; имея около 100 000 ратников, не пошли за Муром и дали неприятелю удалиться спокойно⁵⁷⁹. В сие время болезнь Иоаннова усилилась: подобно великому своему деду, Герою Донскому, он хотел умереть Государем, а не Иноком; склоняясь от престола к могиле, еще давал повеления для блага России, и тихо скончался 27 Октября 1505 года, в первом часу ночи, имел от рождения 66 лет, 9 месяцев, и властвовав 43 года, 7 месяцев. Тело его погребли в новой церкви Св. Архистратига Михаила. Летописцы не говорят о скорби и слезах народа: славят единственно дела умершего, благодаря Небо за такого Самодержца!

Иоанн III принадлежит к числу весьма немногих Государей избираемых Провидением решить на-долго судьбу народов: он есть Герой не только Российской, но и Всемирной Истории. Не теряясь в сомнительных умствованиях Метафизики, не дерзая определять вышних намерений Божества, внимательный наблюдатель видит счастливые и бедственные эпохи в летописях гражданского общества, какое-то согласное течение мирских случаев к единой цели, или связь между оными для произведения какогонибудь главного действия, изменяющего^{6*} состояние рода человеческого. (Тогдашнее состояние Европы). Иоанн явился на феатре политическом в то время, когда новая государственная система вместе с новым могуществом Государей возникала в целой Европе на развалинах системы Феодалной или Поместной. Власть Королевская усилилась в Англии, во Франции. Испания, свободная от ига Мавров, сделалась первостепенною Державою. Португалия цвела, приобретая богатства успехами мореплавания и важными для торговли открытиями. Разделенная Италия хвалилась по крайней мере флотами, купечеством, Искусствами, Науками и тонкою Политикою. Беспечность и равнодушие

Императора, Фридерика IV, не могли успокоить Германии, волнуемой междоусобиями; но сын его, Максимилиан, уже готовил в уме своем счастливую перемену для ее внутреннего состояния, которой надлежало возвысить достоинство Императорское, униженное слабодушием Рудольфовых преемников, и поставить Дом Австрийский на высшую степень величия. Венгрия, Богемия, Польша, управляемые тогда Гедиминовым родом, составляли как бы одну Державу и вместе с Австриею могли обуздывать ужасное для Христиан властолюбие Баязета. Соединение трех Государств Северных, обещая им силу и важность в политической системе Европы, было предметом усилий Короля Датского. Республика Швейцарская, основанная любовью к вольности, безопасная в ограде твердынь Альпийских, но побуждаемая честолюбием и корыстию, хотела славы участвовать в распрях Монархов сильнейших, и заслуживала оную храбростию своих пастырей. Ганза – сей торговый и воинский союз осьмидесяти-пяти городов Немецких, беспримерный в летописях и весьма достопамятный в отношении к древней России – пользовалась всеобщим уважением Государей и народов. Личная слава Плеттенбергова возвысила достоинство Ордена Ливонского и Немецкого. – Кроме успехов власти Монархической и разумной Политики, которая произвела сношения между самыми отдаленными Государствами – кроме лучшего гражданского состояния, если не всех, то по крайней мере многих Держав – век Иоаннов ознаменовался великими открытиями. Гуттенберг и Фауст изобрели книгопечатание, которое более всего способствовало распространению знаний, едва ли уступая в важности и в пользе изобретению букв. Колумб открыл новый мир, привлекательный для хищного корыстолюбия и торговли, любопытный для испытателей Естества и для Философа, который, видя там человечество в состоянии дикой Природы и все начальные степени ума гражданского, Историею Америки объяснил для себя Всемирную. Драгоценные произведения Индии достигали Азова чрез Персию и море Каспийское, путем многотрудным, медленным, неверным: сия страна, древнейшая населением, образованием, художест-

вами, скрывалась от Европейцев как бы за щитом непроницаемым, и темные об ней слухи рождали басни о несметных ее богатствах. Смелые порывы некоторых мореплавателей обойти Африку увенчались наконец совершенным успехом, и Васко де-Гамо, оставив за собою мыс Доброй Надежды, с таким же восторгом увидел берег Индии, с каким Христофор Колумб Америку. Сии два открытия, обогатив Европу, распространив ее мореплавание, умножив промышленность, сведения, роскошь и приятности гражданской жизни, имели сильное влияние на судьбу Держав^{7*}. Политика сделалась хитрее, дальновиднее, многосложнее: при заключении государственных договоров Министры смотрели на географические чертежи, и вычисляли торговые прибыли, основывая на них государственное могущество; родились новые связи между народами; одним словом, началась новая эпоха, если не для мирного счастья людей, то по крайней мере для ума, для силы Правительств и для общественного духа Государств благоприятная.

(Иоанн творец величия России). Россия около трех веков находилась вне круга Европейской политической деятельности, не участвуя в важных изменениях гражданской жизни народов. Хотя ничто не делается вдруг; хотя достохвальные усилия Князей Московских, от Калиты до Василия Темного, многое приготовили для Единовластия и нашего внутреннего могущества: но Россия при Иоанне III как бы вышла из сумрака теней, где еще не имела ни твердого образа, ни полного бытия государственного. Благотворная хитрость Калиты была хитростию умного слуги Ханского. Великодушный Димитрий победил Мамаю, но видел пепел столицы и раболепствовал Тохтамышу. Сын Донского, действуя с необыкновенным благоразумием, соблюдал единственно целость Москвы, невольно уступив Смоленск и другие наши области Витовту, и еще искал милости в Ханах; а внук не мог противиться горсти хищников Татарских, испил всю чашу стыда и горести на престоле, униженном его слабостию, и быв пленником в Казани, невольником в самой Москве, хотя и смирил наконец внутренних врагов, но восстановлением Уделов подверг-

нул Великое Княжество новым опасностям междоусобия. Орда с Литвою как две ужасные тени заслоняли от нас мир и были единственным политическим горизонтом России, слабой, ибо она еще не ведала сил, в ее недрах сокровенных. Иоанн рожденный и воспитанный данником степной Орды, подобной нынешним Киргизским, сделался одним из знаменитейших Государей в Европе, чтимый, ласкаемый от Рима до Царяграда, Вены и Копенгагена, не уступая первенства ни Императорам, ни гордым Султанам; без учения, без наставлений, руководствуемый только природным умом, дал себе мудрые правила в Политике внешней и внутренней; силою и хитростию восстанавливая свободу и целостность России, губя Царство Батыево, тесня, обрывая Литву, сокрушая вольность Новгородскую, захватывая Уделы, расширяя владения Московские до пустынь Сибирских и Норвежской Лапландии, изобрел благоразумнейшую, на дальновидной умеренности основанную для нас систему войны и мира, которой его преемники должны были единственно следовать постоянно, чтобы утвердить величие Государства. Бракосочетанием с Софиею обратив на себя внимание Держав, раздрав завесу между Европою и нами, с любопытством обозревая престолы и Царства, не хотел мешаться в дела чуждые; принимал союзы, но с условием ясной пользы для России; искал орудий для собственных замыслов, и не служил никому орудием, действуя всегда как свойственно великому, хитрому Монарху, не имеющему никаких страстей в Политике, кроме добродетельной любви к прочному благу своего народа. Следствием было то, что Россия, как Держава независимая, величественно возвысила главу свою на пределах Азии и Европы, спокойная внутри, и не боясь врагов внешних.

〈Устроил лучшее войско〉. Совершая сие великое дело, Иоанн преимущественно занимался устройением войска. Летописцы говорят с удивлением о сильных его полках. Он первый, кажется, начал давать земли или поместья Боярским Детям⁵⁸⁰, обязанным, в случае войны, приводить с собою несколько вооруженных холопей или наемников, конных или пеших, соразмерно доходам поместья (от сего

умножилось число ратников); принимал в службу и многих Литовских, Немецких пленников, волею и неволею: сии иноземцы жили за Москвою-рекою в особенной слободе⁵⁸¹. С его времени также начинаются *Розряды*⁵⁸², которые дают нам ясное понятие о внутреннем образовании войска, состоявшего обыкновенно из пяти так называемых *полков*: Большого, Передового, Правого, Левого и Сторожевого или запасного. Каждый имел своего Воеводу; но Предводитель Большого Полку был главным. Не дозволяя Вождям считаться между собою в старейшинстве⁵⁸³, Государь еще менее терпел непослушание воинов: сын Великокняжеский, Димитрий, возвратясь из-под Смоленска, жаловался, что многие Дети Боярские без его ведома приступали к городу, отлучались от стана и ездили грабить: Иоанн наказал их всех, темницею или торговою казнию⁵⁸⁴. Силою, устройством, мужеством рати и Воевод побеждая от Сибири до Эмбаха и Десны, он лично не имел духа воинского. “Сват мой – говорил об нем Стефан Молдавский – есть странный человек: сидит дома, веселится, спит покойно и торжествует над врагами. Я всегда на коне и в поле, а не умею защитить земли своей⁵⁸⁵”. То есть, Иоанн родился не воином, но Монархом; сидел на троне лучше, нежели на ратном коне, и владел скиптром искуснее, нежели мечем. Имея выпранный ум для Государственной Науки, он имел слуг для победы: Холмский, Стрига, Щеня вели к ней его легионы. Воин на престоле опасен: легко может обмануть себя и начать кровопролитие только для своего личного славолубия; легко может одною несчастною битвою утратить плоды десяти счастливых. Ему трудно быть миролюбивым: а народы желают сего качества в Венценосцах. Одна необходимая для государственной целости и независимости война есть законная: так Иоанн воевал с Ахматом и Литвою, среди успехов не отвергая мира, согласного с нашим благом.

(Утвердил Единовластие). Внутри Государства он не только учредил Единовластие – до времени оставив права Князей Владетельных одним Украинским или бывшим Литовским, чтобы сдержать слово и не дать им повода к измене – он был и первым, истинным Самодержцем России,

заставив благоговеть пред собою Вельмож и народ, восхищая милостию, ужасая гневом, отменив частные права, несогласные с полновластием Венценосца. Князья племени Рюрикова и Св. Владимира служили ему наравне с другими подданными и славились титлом Бояр, Дворецких, Окольничих, когда знаменитою, долговременною службою приобретали оное. Василий Темный оставил сыну только четырех Великокняжеских Бояр, Дворецкого, Окольничего: Иоанн в 1480 году имел уже 19 Бояр и 9 Окольничих, а в 1495 и 1496 годах учредил сан Государственного Казначея, Постельничего, Ясельничего, Конюшего⁵⁸⁶. Имена их вписывались в особенную книгу для сведения потомков. Все сделалось чином или милостию Государевою. Между Боярскими Детьми придворными или младшими Дворянами находились сыновья Князей и Вельмож. — Председательствуя на Соборах Церковных, Иоанн всенародно являл себя Главою Духовенства; гордый в сношениях с Царями, величавый в приеме их Посольств, любил пышную торжественность; уставил обряд *целования* Монаршей руки в знак лестной милости⁵⁸⁷; хотел и всеми наружными способами возвышаться пред людьми, чтобы сильно действовать на воображение; одним словом, разгадав тайны Самодержавия, сделался как бы земным Богом для Россиян, которые с *сего времени* начали удивлять все иные народы своею беспредельною покорностию воле Монаршей. (Имя Грозного. Жестокость его характера). Ему первому дали в России имя *Грозного*⁵⁸⁸, но в похвальном смысле: грозного для врагов и строптивых ослушников. Впрочем, не будучи тираном подобно своему внуку, Иоанну Васильевичу Второму, он без сомнения имел природную жестокость во нраве, умеряемую в нем силою разума. Редко основатели Монархий славятся нежною чувствительностью, и твердость, необходимая для великих дел государственных, граничит с суровостию. Пишут, что робкие женщины падали в обморок от гневного, пламенного взора Иоаннова; что просители боялись итти ко трону; что Вельможи трепетали и на пирах во дворце, не смели шепнуть слова, ни тронуться с места, когда Государь, утомленный шумною беседою, разгоряченный вином, дремал по

целым часам за обедом: все сидели в глубоком молчании, ожидая нового приказа веселить его и веселиться⁵⁸⁹. — Уже заметив строгость Иоаннову в наказаниях, прибавим, что самые знатные чиновники, светские и духовные, лишаемые сана за преступления, не освобождались от ужасной торговой казни: так (в 1491 году) всенародно секли кнутом Ухтомского Князя, Дворянина Хомутова и бывшего Архимандрита Чудовского, за подложную грамоту, сочиненную ими на землю умершего брата Иоаннова⁵⁹⁰.

(Мнимая нерешительность есть осторожность). История не есть похвальное слово, и не представляет самых великих мужей совершенными. Иоанн как человек не имел любезных свойств ни Мономаха, ни Донского, но стоит как Государь на высшей степени величия. Он казался иногда боязливым, нерешительным, ибо хотел всегда действовать осторожно. Сия осторожность есть вообще благоразумие: оно не пленяет нас подобно великодушной смелости; но успехами медленными, как бы неполными, дает своим творениям прочность. Что оставил миру Александр Македонский? славу. Иоанн оставил Государство удивительное пространством, сильное народами, еще сильнее духом Правления, то, которое ныне с любовью и гордостью именуем нашим любезным отечеством. Россия Олегова, Владимирова, Ярославова погибла в нашествие Моголов: Россия нынешняя образована Иоанном; а великие Державы образуются не механическим слеплением частей, как тела минеральные, но превосходным умом Державных. Уже современники первых счастливых дел Иоанновых возвестили в Истории славу его: знаменитый Летописец Польский, Длугош, в 1480 году заключил свое творение хвалою сего неприятеля Казимира⁵⁹¹. ([Название В е л и к о г о, приписанное ему иностранцами.] Сходство с Петром I). Немецкие, Шведские Историки шестаго-надесять века согласно приписали ему имя Великого⁵⁹²; а новейшие замечают в нем разительное сходство с Петром Первым⁵⁹³: оба без сомнения велики; но Иоанн, включив Россию в общую государственную систему Европы и ревностно заимствуя искусства образованных народов, не мыслил о введении новых обычаев, о перемене нравствен-

ного характера подданных; не видим также, чтобы пекся о просвещении умов Науками: призывая художников для украшения столицы и для успехов воинского искусства, хотел единственно великолепия, силы; и другим иноземцам не заграждал пути в Россию, но единственно таким, которые могли служить ему орудием в делах Посольских или торговых; любил изъявлять им только милость, как пристойно великому Монарху, к чести, не к унижению собственного народа. Не здесь, но в Истории Петра должно исследовать, кто из сих двух Венценосцев поступил благоразумнее или согласнее с истинною пользою для отечества. – Между иноземцами, которые искали тогда убежища и службы в Москве, достойны замечания Князь Таманский, Гуйгурсис, жертва Султанского насилия, и Кафинский Еврей Скарья: Государь милостивыми грамотами, скрепленными золотою печатюю, дозволив им быть к себе, уверял их в особенном покровительстве и в совершенной свободе выехать из России, если не захотят в ней остаться⁵⁹⁴.

〈Титул Царский〉. Петр думал возвысить себя чужеземным названием Императора: Иоанн гордился древним именем Великого Князя и не хотел нового: однако ж в сношениях с иностранцами принимал имя *Царя*⁵⁹⁵, как почетное титло Великокняжеского сана, издавна употребляемое в России. Так Изяслав II, Димитрий Донский назывались *Царями*⁵⁹⁶. Сие имя не есть сокращение Латинского *Caesar*, как многие неосновательно думали, но древнее Восточное, которое сделалось у нас известно по Славянскому переводу Библии и давалось Императором Византийским, а в новейшие времена Ханам Могольским, имея на языке Персидском смысл *трона* или верховной власти⁵⁹⁷; оно заметно также в окончании собственных имен Монархов Ассирийских и Вавилонских: Фаллассар, Набонассар, и проч. – 〈Белая Россия〉. Исчисляя в титуле своем все особенные владения Государства Московского, Иоанн наименовал оное *Белою Россиею*, то есть, великою или древнею, по смыслу сего слова в языках Восточных⁵⁹⁸.

〈Умножение доходов〉. Он умножил государственные доходы приобретением новых областей и лучшим порядком в собирании дани, расписав земледельцев на сохи⁵⁹⁹, и

каждого обложив известным количеством сельских, хозяйственных произведений и деньгами: что записывалось в особенные книги. На пример, два земледельца, высевая для себя 6 *коробей* или четвертей ржи, давали ежегодно Великому Князю 2 гривны и 4 деньги (около нынешнего серебряного рубля), 2 четверти ржи, три овса, осьмину пшеницы, ячменя, так, что с тягла сходило по нынешним умеренным ценам более двадцати рублей нашими ассигнациями. Некоторые крестьяне представляли в казну пятую или четверную долю собираемого хлеба, баранов, кур, сыр, яйца, овчины и проч.⁶⁰⁰. Одни давали более, другие менее, смотря по изобилию или недостатку в угодьях. — Торговля также обогащала Казну более прежнего. Россия сделалась извне независимою, внутри спокойною: Государь любил пышность, дотоле неизвестную, и купцы наши вместе с иноземными стремились удовлетворять новым потребностям Москвы, где находилось для них несколько гостиных казенных дворов, и где собиралась пошлина с товаров и с лавок⁶⁰¹. Иоанн перевел древнюю ярмонку из Холопьяго города в Мологу, поместье сына его, Димитрия, и велел ему довольствоваться там старыми купеческими сборами, не умножать их, не вымышлять новых, предписав его братьям, чтобы они не запрещали своим людям ездить на сию важную для России ярмонку⁶⁰². Вероятно, что Казна имела также не малый доход от внешней торговли: не даром Великий Князь столь ревностно заботился об ее безопасности в Азове и в Кафе; не даром Послы его обыкновенно езжали туда с обозами купеческими, нагруженными пушным, драгоценным товаром, мехами собольими, лисьими, горностаевыми, зубами рыбьими, *Лунскими* (Немецкими, Лондонскими) однорядками, холстом, юфтью: на что Россияне выменивали жемчуг, шелк, тафту⁶⁰³. Богатство *древних*^{8*} наших Государей известно более по сказкам, нежели по действительным историческим свидетельствам. ^{9*}— Не говоря о дани, взятой Олегом с Греков⁶⁰⁴, знаем только, что Византийский Император Никифор дал Святославу 15 центнеров золота⁶⁰⁵, если верить Льву Дякону, и что Мономах (как означено *буквою* в рукописи его *Поучения*) привез отцу *триста* гривен се-

го металла^{9*606}. По крайней мере *новейшие*^{8*} Великие Князья не могли равняться богатством с Иоанном. “Каж-дому из сыновей моих – говорит он в завещании – остав-ляю по нескольку ларцев с казною, за их и мою печатями, у Государственного Казначея, Печатника и Дьяков. Все иные сокровища, лалы, яхонты, жемчуг, драгоценные ико-ны, сосуды, деньги, золото и серебро, соболи, шелковые ткани, одежды – все, что находится в моей казне *постель-ной*, у Дворецкого, Конюшего, Ясельничих, Прикащиков, в Москве, в Твери, Новгороде, Белеозере, Вологде и вез-де – то все сыну моему Василию⁶⁰⁷”. – Вспомним, что кро-ме умножения обыкновенных, поземельных и таможен-ных доходов, открытие и произведения Пермских рудни-ков служили новым источником богатства для государст-вования Иоаннова.

(Законы Иоанновы). Сей Монарх, оружием и Полити-кою возвеличив Россию, старался, подобно Ярославу I, ут-вердить ее внутреннее благоустройство общими граждан-скими законами, в коих она имела необходимую нужду, быв долгое время жертвою разновластия и беспорядка. Митрополит Геронтий, в 1488 году отсылая некоторых ли-шенных сана Иереев к суду Государева Наместника, пи-шет в своей грамоте, что они должны быть судимы, как ус-тавил Великий Князь, по *Царским Правилам*, или по зако-нам Царей Греческих, внесенным в Кормчую Книгу⁶⁰⁸: следственно сия Книга служила тогда для нас и граждан-ским Уложением в случаях неопределенных Российским Правом. Но в 1497 году Иоанн велел Дьяку Владимиру Гу-севу собрать все наши древние судные грамоты, рассмот-рел, исправил, и выдал собственное Уложение, ^{10*}–писан-ное весьма ясно, основательно⁶⁰⁹. Главным судиею был Великий Князь с детьми своими; но он давал сие право Боярам, Окольничим, Наместникам, так называемым *Воло-стелям* и поместным Детям Боярским, которые однако ж не могли судить без Старосты, Дворского и *лучших людей*, избираемых гражданами. Судьям воспрещалось всякое пристрастие, лихоимство; но осужденный платил им и Дья-кам их десятую долю иска, сверх пошлины за печать, за бумагу, за труд. Все решилось единоборством: самое душе-

губство, зажигательство, разбой; виновного, то есть победенного, казнили смертью: всю собственность его отдавали истцу и судьям. За *первую* татьбу, кроме церковной и *головной* (то есть, похищения людей), секли кнутом и лишали имения, делимого между истцом и судьей; преступник бедный выдавался истцу головою. За *вторую* татьбу казнили смертью, и даже без суда, когда пять или шесть *добрых* граждан утверждали клятвенно, что обвиняемый есть вор известный. Человека *подозрительного*, оговоренного татем, пытали; но *беспорочного* не касались и требовали от него только поруки до объяснения дела. Несправедливое решение судей уничтожалось Великим Князем, но без всякого для них наказания. С жалобой, с доносом надлежало ехать в Москву, или к Наместнику, или к Боярину, имевшему судную власть в той области, где жил ответчик, за коим посылали *Недельщика* или Пристава. Являлись свидетели. Судья спрашивал: “можно ли им верить?” *Допросите их, как закон и совесть повелевают*, ответствовали судимые. Свидетели начинали говорить: обвиняемый возражал, заключая обыкновенно речь свою так: “требую присяги и суда Божия; требую *поля* и единоборства”⁶¹⁰. Каждый вместо себя мог выставить бойца. Окольничий и Недельщик назначали место и время. Избирали любое оружие, кроме огнестрельного и лука; сражались обыкновенно в латах и в шлемах, копьями, секирами, мечами, на конях или пешие; иногда употреблялись и кинжалы. Пишут, что в Москве был славный, искусный и сильный боец, с которым уже никто не смел схватиться, но которого убил один Литвин. Иоанн оскорбился; хотел видеть победителя, взглянул гневно, плюнул на землю, и запретил судные поединки между своими и чужестранцами: ибо последние, зная превосходную силу Россиян, одолевали их всегда хитростью.

Сие Уложение, древнейшее после Ярославова, не должно удивлять нас своею краткостью: где все затруднения в тяжбах решились острым железом; где законодатель, так сказать, не распутывал их узла глубокомысленными соображениями, а рассекал ее столь чудным уставом: там надлежало единственно дать правила для судебных по-

единков. Видим, как и в первобытных наших законах⁶¹¹, великую доверенность к присяге, к совести людей. Телесные наказания унижали человечество в преступниках; но имя *доброго* гражданина, без всякого иного титула, было правом на государственное уважение: кто имел его, тот в случае свидетельства одним словом спасал невинного или губил виновного. – Несогласные с рассудком, поединки судебные могли однако ж утверждать безопасность Государства: они питали воинский дух народа.

В Уложении Иоанновом находятся весьма немногие постановления о купле, займе, наследстве, землях, межах, холопах, земледельцах. На пример: 1) “Кто купил вещь новую при двух или трех честных свидетелях, тот уже не лишается ее, хотя бы она была и краденая; но *кроме лошади*”: следственно лошадь возвращалась хозяину. – 2) “Если деньги или товары, взятые купцем, будут у него в пути отняты, сгорят или утратятся без его вины: то ему дать время для платежа, и без всякого росту; в противном же случае он, как виновный, отвечает всем имением и головою”. Сей закон есть древний Ярославов. – 3) “Кто умрет без духовной грамоты, не имея сына: того имение и земли принадлежат дочери; а буде нет и дочери, то ближайшему родственнику. – 4) Между селами и деревнями должны быть загороды: в случае потравы взыскать убыток с того, в чью загороду прошел скот. Кто уничтожит межу или грань, того бить кнутом и взять с него рубль в удовлетворение истцу” (закон Ярославов). – 5) “Кто три года владеет землею, тому она уже крепка; но если истец Великий Князь, то сроку для иска полагается шесть лет: далее нет суда о земле. – 6) Крестьяне (или свободные земледельцы) отказываются из волости в волость, из села в село (то есть, переходят от одного владельца к другому) за неделю до Юрьева дни, и через неделю после оногo. Пожилого за двор назначается рубль в степных местах, а в лесных 100 денег. – 7) Холоп или раб, с женою и детьми, есть тот, кто дает на себя крепость, кто идет к господину в Тиуны (закон Ярославов) и ключники сельские (но если дети служат другому господину или живут сами собою, то они не участвуют в судьбе отца); кто женится на рабе; кто отдан в при-

даное или отказан по духовному завещанию. Если холоп, взятый в плен Татарами, уйдет от них: то он уже свободен, и не принадлежит своему бывшему господину. Если отпущенная, данная рабу, писана рукою господина, то она всегда действительна: иначе должна быть явлена Боярам и Наместникам, имеющим судное право, и подписана Дьяком. – 8) Попа, Дякона, Монаха, Монахиню, старую вдову (которая питается от церкви Божией) судит Святитель; а мирянину с церковным человеком суд общий”. – Сии законы, с помощью Греческих, или Номоканона⁶¹², были достаточны. Древние обычаи служили им дополнением.^{-10*}

(Городская и Земская Полиция). Иоанн учредил лучшую городскую Исправу или Полицию: он велел поставить на всех Московских улицах *решетки* (или рогатки), чтобы ночью запирать их для безопасности домов⁶¹³; не терпя шума и беспорядка в городе, указом запретил гнусное пьянство⁶¹⁴; пекся о дорогах: завел почту, ямы, где путешественникам давали не только лошадей, но и пищу, если они имели на то приказ Государев⁶¹⁵. Здесь же вместим одну любопытную черту его заботливости о физическом благосостоянии народа. Открытие Америки доставило Европе золото, серебро и болезнь, которая доныне свирепствует во всех ее странах, искажая человечество, и которая с удивительною быстротою разлила свой яд от Испании до Литвы. Сперва не знали ее причины, и лицемеры нравственности не таились с нею во мраке. Историк Литовский пишет следующее: “В 1493 году одна женщина привезла из Рима в Краков болезнь *Французскую*. Сия ужасная казнь вдруг постигла многих: в числе их находился и *Кардинал Фридерик*⁶¹⁶”. Слух о том дошел до Москвы: Великий Князь, в 1499 году посылая в Литву Боярского Сына, Ивана Мамонова, в данном ему наставлении говорит: “Будучи в Вязьме, разведай, не приезжал ли кто из Смоленска с недугом, в коем тело покрывается болячками, и который называют *Французским?*”⁶¹⁷ Иоанн хотел предохранить свой народ от нового бича Небесного.

(Соборы). Мы говорили о важнейших делах Церковных. Кроме суда над еретиками, было еще три Собора: первый для уложения Церковной Пасхалии на осьмое ты-

сящелетие, которое настало в 31 год Иоаннова государствования. Суеверные успокоились; увидели, что земля стоит и небесный свод не колеблется с исходом *седьмой тысячи*⁶¹⁸. Митрополит Зосима созвал Епископов и поручил Геннадию Новгородскому сделать исчисления Церковного Круга. Сей разумный Святитель написал введение, где свидетельствами Апостолов и правилами истинного Христианства опровергает все мнимые предсказания о конце мира, известном единому Богу. “Нам должно, говорит он, не искать таинств сокровенных от мудрости человеческой, но молить Вседержителя о благоустройстве мира и Церкви, о здравии и спасении великого Государя нашего, да цветет его держава силою и победою⁶¹⁹”. Сперва изложили Пасхалию только на 20 лет и дали рассмотреть оную Пермскому Епископу Филофею, которого вычисления утвердили ее верность⁶²⁰: после того Геннадий означил на больших листах круги солнечные, лунные, Основания, Эпакты, *в руке лето и ключи границ* от 533 до 7980 года. Сей Собор утвердил, что год начинается в России вместе с Индиктом 1 Сентября⁶²¹.

Вторый Собор был при Симоне Митрополите. В 1500 году раздав Новгородские церковные земли Детям Боярским, Великий Князь мыслил, что Духовенству, и в особенности Инокам, непристойно владеть бесчисленными селами и деревнями, которые возлагали на них множество мирских забот. Сие важное дело именем Государя было предложено Митрополиту и всем Епископам в общем их Совете⁶²². Иоанн не присутствовал в оном. Митрополит послал к нему Дьяка Леваша с такими словами: “Отец твой, Симон Митрополит всея Руси, Епископы и весь Освященный Собор говорят, что от Равноапостольного Великого Царя Константина до позднейших времен везде Святители и монастыри *держали грады, власти и села*: никогда Соборы Св. Отцев не запрещали сего; запрещали им единственно продавать недвижимое достояние. При самых предках твоих, Великом Князе Владимире, Ярославле, Андрее Боголюбском, брате его Всеволоде, Иоанне Даниловиче, внуке блаженного Александра, современника Чудотворца Петра Митрополита, и до наше-

го времени Святители и монастыри имели грады и власти, слободы и села, управы, суды, пошлыны, оброки и дани церковные. Не Святой ли Владимир, не Великий ли Ярослав сказали в Уставе своем: *кто преступит его из детей или потомков моих; кто захватит церковное достояние и десятины Святительские, да будет проклят в сей век и будущий?* Самые злочестивые Цари Ординские, боясь Господа, щадили собственность монастырей и Святительскую: *не смели двигнуть вещей недвижимых.....* И так не дерзаем и *не благоволим* отдать церковного стяжания: ибо оно есть Божие и неприкосновенно”. Великий Князь не захотел упорствовать; мыслил, но не совершил того, что и в самом осьмом-надесять веке еще казалось у нас смелостию. Екатерина II чрез 265 лет исполнила мысль Иоанна III, присоединив земли и села церковные к государственному достоянию и назначив Духовенству денежное жалованье.

На третьем Соборе (в 1503 году) Иоанн оставил с Митрополитом, следуя правилам Апостольским и Св. Петра Чудотворца, чтобы ни Иереи, ни Диаконь вдовы не священнодействовали. “Забыв страх Божий – сказано в сем приговоре – многие из них держали наложниц, именуемых *полу-попадьями*. Отныне дозволяем им только, буде ведут жизнь непорочную, петь на крылосах и причащаться в олтарях, Иереям в епитрахилях, а Диаконам в стихарях, и брать четвертую долю из церковных доходов; уличенные же в пороке любострастия да живут в мире и ходят в светской одежде. Еще уставляем, чтобы Монахам и Монахиням не жить никогда вместе, но быть в особенности монастырям женским и мужеским⁶²³”, и проч. – Грамотою сего же Собора, скрепленною подписями Святителей, запрещалось всякое церковное мздоимство. Не смотря на то, Архиепископ Геннадий дерзнул явно брать деньги с посвящаемых им Иереев и Диаконов: строгий Иоанн, свергнув его с престола Святительского, запер в Чудове монастыре, где он и кончил дни свои в горести⁶²⁴.

(Поставление Кесарийского Митрополита в Москве). Ревностный ко благу и достоинству Церкви, Великий Князь с удовольствием видел новую честь Духовенства

Российского. Прежде оно искало милости в Византийских Святителях: тогда Москва сделалась Византиею, и Греки приходили к нам не только за дарами, но и за саном Святительским. В 1464 году Митрополит Феодосий поставил в Москве Митрополита Кесарии. Патриарх Иерусалимский, угнетаемый тиранством Египетского Султана, оставил Святые места и скончался на пути в Россию. Она была утешением бедных Греков, которые хвалились ее Православием и величием как бы их собственным. (Российский монастырь на Афонской горе). Знаменитые монастыри Афонские существовали нашими благодеяниями, в особенности монастырь Пантелеймона, основанный древними Государями Киевскими⁶²⁵.

Соглашая уважение к Духовенству с правилами всеобщей Монаршей власти, Иоанн в делах Веры соглашал терпимость с усердием ко Православию. Он покровительствовал в России и Магометан и самых Евреев, но тем более изъявлял удовольствия, когда Христиане Латинской Церкви добровольно обращались в наше Исповедание. (Каплан Августинского Ордена принимает Греческую Веру). Вместе с братом Великой Княгини Софии, с Италианскими и с Немецкими художниками, в 1490 году приехал в Москву Каплан Августинского Ордена, именуемый в летописи Иваном *Спасителем*: он торжественно принял Греческую Веру, женился на Россиянке и получил от Великого Князя богатое село в награду⁶²⁶.

(Некоторые бедствия Иоаннова века). Описав государственные и церковные деяния, упомянем о некоторых бедствиях сего времени. В 1478 и 1487 годах возобновлялся мор в северо-западных областях России, Устюге, Новгороде, Пскове. Были неурожаи, голые зимы, чрезвычайные разлития вод, необыкновенные бури, и в 1471 году, Августа 29, землетрясение в Москве. Целые города обращались в пепел, а столица несколько раз. В сих ужасных пожарах, днем и ночью, Великий Князь сам являлся на коне с Детьми Боярскими, оставляя трапезу и ложе: указывал, распоряжал, тушил огонь, ломал дома, и возвращался во дворец уже тогда, как все угасало⁶²⁷.

Наконец заметим еще две достопамятности: первая от-

носится к истории наших старинных обычаев; вторая к ученой истории древних путешествий.

⟨Древнейшее описание Княжеской свадьбы⟩. Иоанн, особенно любя свою меньшую дочь, не хотел расстаться с нею и не искал ей женихов вне России. Горестные следствия Еленина супружества, хотя и блестящего, тем более отвращали его от мысли выдать Феодосию за какогонибудь иноземного Принца. В 1500 году он сочетал ее с Князем Василием Холмским, Боярином и Воеводою, сыном Даниила, славного мужеством и победами, который умер через шесть лет по завоевании Казани⁶²⁸. Сия свадьба описана в прибавлении Розрядных Книг с некоторыми любопытными обстоятельствами. Знаменитый противник Ливонского Магистра, Героя Плеттенберга, Боярин и Полководец, Князь Даниил Пенко-Ярославский, был в *Тысяцких*, а Князь Петр Нагой-Оболенский в *Дружках* с их женами. В поезде с женихом находилось более ста Князей и знатнейших Детей Боярских. У саней Великих Княгинь, Софии и Елены, шли Бояре, Греческие и Российские. Свадьбу венчал Митрополит в храме Успения. Не забыли никакого обряда, нужного, как думали, для счастья супругов; все желали его и предсказывали молодым; веселились, пировали во дворце до ночи. – Счастливые предсказания не сбылись: Феодосия ровно через год скончалась.

⟨Путешествие в Индию⟩. Доселе Географы не знали, что честь одного из древнейших, описанных Европейских путешествий в Индию принадлежит России Иоаннова века. Некто Афанасий Никитин, Тверский житель, около 1470 года был по делам купеческим в Декане и в Королевстве Голькондском. Мы имеем его записки⁶²⁹, которые хотя и не показывают духа наблюдательного, ни ученых сведений, однако ж любопытны, тем более, что тогдашнее состояние Индии нам почти совсем неизвестно. Здесь не место описывать подробности. Скажем только, что наш путешественник ехал Волгою из Твери до Астрахани, мимо Татарских городов *Услана* и *Берекзаны*; из Астрахани в Дербент, Бокару, Мизандеран, Амоль, Кашан, Ормус, Маскат, Гузурат и далее, сухим путем, к горам Индейским, до Бедера, где находилась столица Великого Султана *Хоро-*

санского; видел *Индийский Иерусалим*, то есть, славный Элорский храм, как вероятно; именует города, коих нет на картах; замечает достопамятное; удивляется роскоши Вельмож и бедности народа; осуждает не только суеверие, но и худые нравы жителей, исповедующих Веру Брамь; везде тоскует о православной Руси, сожалея, если кто из наших единоземцев, прельщенный славою Индейских богатств, вздумает ехать по его следам в сей мнимый рай купечества, где много перцу и красок, но мало *годного для России*; наконец возвращается в Ормус, и чрез Испагань, Султанию, Требизонт прибыв в Кафу, заключает историю своего шестилетнего путешествия, которое едва ли доставило ему чтонибудь, кроме удовольствия описать оное: ибо Турецкие Паши отняли у него большую часть привезенных им товаров. Может быть, Иоанн и не сведал о сем любопытном странствии: по крайней мере оно доказывает, что Россия в XV веке имела своих Тавернье и Шарденей, менее просвещенных, но равно смелых и предприимчивых; что Индейцы слышали об ней прежде, нежели о Португалии, Голландии, Англии. В то время, как Васко де Гама единственно мыслил о возможности найти путь от Африки к Индостану, наш Тверитянин уже купечествовал на берегу Малабара и беседовал с жителями о Догматах их Веры.

КОНЕЦ VI ТОМА.

ПРИМЕЧАНИЯ К VI ТОМУ “ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО”

¹ “В лето 72 К. Вел. и мати его Марья отпустили К. Рязанскаго И.В. на Рязань на его отчину, и тоя же зимы Генв. приеде к Москве и понят за себе сестру Вел. Князя, Анну, и венчася у Преч. Богородицы в Неделю о Блуднем, и на той же недели на память 3 Святителей поиде на свою отчину и с Княгинею”.

² *Собр. Госуд. Грам.*^{1*} 209.

³ Там же, 215.

⁴ *Архив. Псков. Лет.*: “Юрьевцы (в 1463 г.) посла Псков. Кондрата Сотцакого и гостя посадиша в погреб, а Псковичи Немецк. гостя, а на миру И Марта в 21, в 1 часу дни, придоша Немцы к Новому городку и начаша шибати пушки, а иная сила жещи Псков. исады; и Князь Иван Иванов. Дебрянских Князей прислал своего человека, что рать Нем. под городком ... а Немцы, услышавше Псков. силу, отбегоша Того же м. в 27 пришедши Немцы, два исада больших выжгоша, Островье, да Полесье и поидоша борзо чрез озеро в свою землю.... И Псковичи поидоша к Воронью каменю, и Чюдин доброхот сказа Посадником, что Немцы хотят ударить на Колпиное, и Псковичи взвратишася на тую же ночь и узреша рано, что Немцы зажгоша церковь Колпинскую, и Посадники ударишася на них на Колпиной реце, и Немцы устремишася на бег Марта в 31, и биша их на 13 верст до Кохове реце..... а иная рать Псковская, нерубленные люди, охвочей человек, ходиша за Изборск в слободу и воеваша с Воеводою Ивашком Дьяком Априля в 4 придоша Изборяны под Новой городок Нем. и волости пожгоша. Апр. в 10 день прииде во Псков на Княжение К. Иван Александр. Звенигороцкой, и выйдоша против его со кресты, и Псковичи посадиша его на Княжение, на всей Псковской пошлине. Июля в 8 день присла В.К. Воеводу своего, К. Федора Юрьевича, с людьми своими, и быша во Пскове с неделю, на подворьи у Св. Спаса в монастыри на Мирожии и у Св. Николы на Завеличьи.... И совокупишася Псковичи с Воеводою и поидоша за Великую реку к Новому городку И выехаша 3 Немчина с вестью к Юрьеву, и наши погнаша за ними, и Москвитин удари по главе Немчина саблею, и поймаша жива, а 2 убежаша и стояша 4 дни, и пустиша болшею пушкою на городок, и колода вся изломалася, и железа около разорвашася, а пушлица вся цела, и отыдоша Посадник Дорофей Олферьевич с охвочим человеком поиде в насадах воевать Немецкой земли, а иноземцы биша челом, чтоб приняли в пасады к себе, и прияша И много воеваша, и Кжерлу

половину выжгоша И Немцы в шнеках и в лодьях ударишася на Наровлян И ту поимаша наших 8 человек, а судью Сидора Ода-
 нья мечи изсекоша, и Гдовляне прислаша гонца во Псков, что Нем-
 цы воюют, а немцы прислаша на Псков святым словом, чтоб наше-
 му послу добровольно приехать на поговорку, и Псковичи даша ему
 на том руку; и присла Князь Местер Ивань Князча Сивладайского и
 толка своего Индрика и мира взяша; и о пошлине Великих Князей,
 что в Юрьеве, а то Пискупу давати Вел. Князю по старине; а что
 Руский Конец и Святыя церкви, а то им держать по старым грамо-
 там И печати своя привесиша Князь Местера и Арцыбискуплю на
 Вече И послаша Июду суконника и Василья Луковиць в Юрьев”,
 и проч. В 1464 г. приезжал посол Дерптского Архиепископа во
 Псков для окончания сего дела.

⁵ См. Архив. *Псков. Лет.* год 6972–6978. Великий Князь присы-
 лал для того во Псков Боярина Селивана, а Митрополит своего чи-
 новника.

⁶ *Архив Лет.* г. 1465 и *Степен. Кн.*

⁷ В предисловии Новгородск. Архиепископа Геннадия к *Цер-
 ковному Кругу* сказано: “Неции мнеша, яко скончеваеме седмой ты-
 сущи быти и скончанию мира, якоже и преже скончеваемей шестой
 тысущи сицево же мнение объдержаше люди”. В описанном нами
 раздоре Духовенства Псковского с Новгородским Владыкою так-
 же упоминается о наступающем конце мира (см. Архив. *Псков. Лет.*
 г. 6972–6978). Я имею прекрасный список Геннадиева *Церковного
 Круга*. В начале сказано: “Писавый же сей Круг Великаго Новаго-
 рода Акафолика церкви Великия Св. София Премудрости Божия
 Священнаго Собора и Свв. Исповедник и Чюдотворцов Гуриа и
 Самона и Авива грешный Поп Агафонище грешною рукою по
 обету На втором пренесении многочюдесных мощей Св. Петра
 Митрополита, из *сребренных раки преложенных во златую раку* в
 лето 7046, Мая в 5 день (в 1538 г.) В то время прилучившу ми ся
 быти в богоспасаемем граде Москве велми болну сушу”, и проч.

⁸ *Архив. Лет.* г. 6975, Ноября 1: “Ставьясь озеро Ростовское вы-
 ло по две недели, и ночи людям в городе спати не дало, и после про-
 тяжно застучит, как бы в десетере молотят или в осмере, и за много
 лет того не бывало”. Затмение луны было в 1465, Окт. 5, первом ча-
 су ночи.

⁹ В 1466 году, Мая 14, и в 1467, Мая 5, “снег пал пяди и лежал 2
 дни, и того же м. в 26 день снег лежал день; Авг. в 18 мороз был и
 другой того же м. в 27 и ярь бил ... Мая 5 снег пал в полколени и ле-
 жал 3 дни. Месяца Июня 2 мраз был”.

¹⁰ См. *Архив Новгород. Лет.* № 1, стр. 116, г. 1467: “Симеонов-
 ской мор в Новеграде. В л. 6975 бысть мор велик зело в Вел. Нове-
 граде, во Пскове, в Старой Русе и во всех Пятинах Новгородских.

Преставися в Вел. Новеграде 48 402 человека; еще же и Бог весть что; а в монастырех Игуменов и Монахов и в Девичих монастырех Игумений и Монахинь 7652 человека; а в Старой Русе Священников 28, а Монахов 1300; в Нове же граде (в монастырях) Игуменов и Священников 18, а во граде Священников 300, Диаконов 21; а которые Священники овдовели и постриглися 19, а Диаконов 6; всего же в Вел. Новеграде и в Старой Русе и во всех Пятинах Новгородския области мужеска пола и женска 250 652 человека. Бысть же в Новеграде в Неревском Конце в Зверинском Девичем монастыре близ церквей Покрова Богородицы скудельница велия. Архиепископ же Иона бысть в велицей печали, и во ужасе слыша глас свыше сице: *иди со крсты в Неревский Конец и престанет мор*. Тогда явися на скудельнице образ Св. Симеона Богоприимца. Архиепископ же поиде со множеством народа в Зверинской мон., и пад на колена пред иконою Св. Симеона, молящеся со слезами и нача пети молебн на скудельнице, и того дне поставиша церковь деревяну во имя Св. Симеона; людие же носиша бревна на рамах из леса Окт. в 1 день, и освяти ю сам Архиепископ”. Во Пскове мор начался в 1465. “Поча мрети из Опочскаго Конца от Ропатой Лавиды у Федорка у Царьска сына: приехав из Юрьева, преставись Июля в 24 Той же осени бысть мор велик во Пскове и по всей волости по Семене дни Летопроводца, и бысть сам напор в Рожественское говенье во всяком Конце позади скудельницы ископаша и тамо кладоша мертвыя; а мроша сице: аще у кого явится железа, то на другой или на третий день умираше Бысть мор по два годы с одного Того же лета (1467) во Пскове мор преста; а был той мор и в Новеграде и по всей волости железю” (см. *Архив. Псков. Лет*).

¹¹ В *Архив Лет*. г. 1463: “от Сент. до Филипова заговейна от коросты люди многие мерли..... Тое же зимы Генв. 14 (г. 1467) бысть мор лют и множество людей изомре по дорогам и на Москве, и по иным городом и по селом”.

¹² См. *Лет. Русск.* изданный Львовым, Ч. II, г. 1467, стр. 363. Мария, добрая, смиренная, умерла Апреля 22, в 5 часу ночи.

¹³ *Лет. Русск.* издан. Львовым, Ч. II, г. 1464. Феодосий оставил Митрополию Сент. 13, а Филипп был поставлен в Ноябре. В *Послании Рос. Митрополитов* есть грамота Феодосиева к Новгородцам, о том, чтобы они не вступались в Епископские дела и суды (см. Синод. библиот. № 164, л. 40). Там же (л. 126) находится и покаяние его, писанное им еще во время его Архиепископства в Ростове. “Аз смиренный Феодосей (говорит он) по Дяволю искушению, а по своему скудоумъству, дерзнух сотворити новоначалъствено в церкви Божией, и чрез уставленное в Св. уставех.... якоже ныне прилучися седмыя тысяща последняго ста 63 лета навечерию Богоявления Господня быть в день Недельный: аз же, худый и грешный, по уставу о пени-

их Литургиных и Вечерных свершив, и седох за тряпезою, и не вем, как по искушению Дияволю, или по своему греху, вмени ми ся тако, яко да и сам ямы сыр и млеко и прочим Иноком повелел та же ядение ясти, и мирским человеком мясо; мнози же прилучишась тогда ту от Священников и Иноков и от мирских благоразумных, много возбраняху ми таковых не творити; аз же не послушах, и отвещах им токмо единою речью, Недельным днем. Господин же наш и Осподарь, Иона Митрополит, собрав Бож. и Священ. Сбор, и Великий Государь земьский, В.К. Василей Васильевич, с своим Синклитом, да и по меня послали, и возря в Божественная правила, да мене духовно наказали; аз же пришед в чюство, каюся”, и проч.

¹⁴ По Родословн. Книгам (Синод. Библиот. № 461, л. 176) Мамутек оставил двух сыновей, Халила и Ибрагима: следственно жена Касимова была вдовою Мамутека. Герберштейн пишет, что Царь Казанский, *Хелеалек*, умер бездетен, и что жена его, Нурсалтан, вышла за Ибрагима (R.M Comment. стр. 67): сей *Хелеалек* есть Халил, сын Мамутеков, брат Ибрагимов.

¹⁵ В *Арханг. Лет.* сказано, что Великий Князь еще в 1463 г. посылал Воевод своих, Бориса Кожунова и Бориса Слепого, с Устюжанами, Вологжанами и Галичанами на Черемису; что они шли мимо Устюга к Вятке, Вяткою до Камы и сею рекою в Великую Пермь; что Казанцы с Черемисою в том же году приходили на Устюжский уезд, в верховье Юга, на волость Лоху, и пленили многих людей; что Устюжане догнали и побили их.

Касима обманули Ибрагимов Вельможа, Князь Авдулман-Амон, и другие, уверив, что доставят ему престол. В *Арханг. Лет.*: “Пришла сила Вел. Князя к Волзе на Звениче бору, и Татарове пришли на них в судех, и вылезли на берег, а наши норовятся заскочити их от судов, и некто Айдар, Постельник Вел. Князя, Григорьев сын Карпова, не отпустя Татар от судов, кликну на них: Татарове же вмешався в суды и побегоша за Волгу; а судовая сила еще не поспела”.

В *Продолжении Нест. Лет.* стр. 265: “на Вербной недели взяша Татарове Казанские две волости Костромских, Кусь, и множество полону: Князь же Иван Васил. Стрига ходи за ними и до Унжи с Костромы. Тое же весны те же Татарове имаша около Муром в неделю Св. Мирносиц, и отыдоша. Того же лета воеваша около Муром: Князь же Данило Дмитр. Холмский иде за ними из Муром и постиже, и бив их”, и проч.

¹⁶ Он выехал из Владимира в Москву в Великую Пятницу.

¹⁷ В *Арханг. Лет.* говорится о сем походе так: “К.В. посылал рать на Черемису двою, Ивана Ивановича Глухова, да Ивана Руно, а с ними Устюжане, да Галичане, и шедше на Каму, да изымали языка; а сказывает, что Татарове пошли вверх по Каме в Великую

Пермь, и Воеводы шедше за ними, да их побили. На том бою убит Атаман Устюжской Сава Осеев". В *Архив. Лет.*: "По Велице дни послал К.В. Двор свой на Каму с Москвы к Галичю Руна с Казаки, а из Галича Семеновых детей Филимонова Глеба, Ивана Шуста, Василья Губу, и пойдоша к Вологде, а с Вологды в судех с Вологжаны к Устюгу на Николин день, и с Устюга поиде К. Иван Звенец, а Иван Игнатъевич Глухой с Кичменжаны.... и Вятчане пойдоша с ними, и бысть Вятчанам весть, что идут на них Казанцы, и возвратишася.... И в то время Татарове Казанские 200 ч. пошли воевати, и пометавше (на Воложке) коней у Черемисы, пойдоша в судех по Каме ... и Воеводы избраша от своих людей семь насадов и отпустиша с ними Воеводу Руна Татарове же выскакаша на берег, и забегоша за речку и ту их избиша, и Воеводу их Тулазея изымаша, Князева сына Тарханова, да другова Бердешкина а Руси убили 2 человека, да 60 ранили".

¹⁸ Тут убили еще богатыря Колупая. Сражение было за 40 верст от Казани, на Звениче бору.

¹⁹ "Не возмогоша противитися". В *Продолжении Нестор. Лет.* стр. 266: "Вятчане же обещашася им дань давати гобины деля: отняша бо у них гобину. Потом же не даша им. Татарове же идоша прочь; не сотвориша зла никоего же".

²⁰ "С Москвы послал Сурожан и суконников и купчих людей и те пойдоша Москвою рекою, а ини Клязмою; а Коломничи Окою, и Муромцы такожь; а Володимерцы и Суздальцы Клязмою; а Дмитровци, Можайчи, Угличане, Ярославцы, Ростовцы, Костромичи и вси Поволжане Волгою".

²¹ "Того же дни отплывше 60 верст ночевали; а наутрие обедали на Рознежи, а ночевали на Чебоксаре, а от Чебоксаря шли день и ночь всю и пришли под Казань на ранней зоре".

²² См. *Арханг. Лет.* стр. 144.

²³ "Коломнятин".

²⁴ "Срок им учинил пол-четыре недели Костянтин же стоял еще пол-четыре недели".

²⁵ "Пришедше на Звеничь остров, ту ночеваша".

²⁶ *Арханг. Лет.* стр. 145 и 146: "К. Данила убили и Никиту Костянтиновича, а Петра Плещеева полонили, а Григорей Перхушков пробежал не бився Всех Устюжан изгибло 110, а всех Руских 430 человек, и побили и в Орду свели, и К.В. многих выкупал, и послал (Устюжанам) двожды по денге золотой, а они обе отдали Попу Ивану а в третия послал ужину запас 700 четвертей муки, да 300 пудов масла, да 300 луков, 600 стрел, да 300 шуб бараньих, да 300 однорядок Чипских и Лунских (Лондонских: см. Т. VIII, примеч. 435) и Новогольских и Трекумских, да 300 сермяг; велел им еще итти под Казань с К. Юрьем на зимование". Убитый Воевода К. Данило на-

зван в сей летописи *Александровичем Пенком-Ярославским*, а в других летописях *Васильевичем Ярославским*. Даниил Пенко был еще жив в 1505 году; а по Родословным Книгам не знаем другого К. Ярославского Даниила.

²⁷ “Да Федор Давыдович”.

²⁸ *Арханг. Лет.* стр. 147.

²⁹ *Архив Лет.* стр. 6: “Ради *последняго сего времени* тое старины все по грехом позабыли, а дела Государьскаго ничего не исправили, а пошлин не отдают, а которых земель и вод с суда по старине отступилися Вел. Князю, да те опять за собя поймали и людей к целованью приводили на Новгородское имя, и на дворе Вел. Князя на Городище с Большаго Веча присылали многих людей Наместником его, да и послу Вел. К. лаяли, да в имени Вел. К. за отказом на Городище дву Князей поймали сильно, а людей перебили и переймали и в город сводили и мучили в его имени, а с рубежов с Новгородских отчине Вел. К. и его братьи отчинам и людям пакость чинили, грубачи Вел. Князю, а сами держати себе мысля”, и проч.

³⁰ *Архив. Псков. Лет.* г. 1466: “тое же осени К. Иван Александровичь, ударив челом Псковичем за все добро Псковское, и поеха на Москву”. Они просили себе в Правители К. Федора Юрьевича. “И приеха К. Феодор Апр. в 29 (в 1467 г), и выйдоша противо его со кресты А посадники и Псков даша ему на всех 12 пригородах Наместников держати и судове судити; а из веков Княжие Наместники бывали только на семи пригородах”.

³¹ Во-первых Иона, Архиепископ Новгородский, крайне оскорблял их своим мздоимством и самовластием в делах церковных; во-вторых Новгородцы обижали купцов Псковских и даже послов (см. *Архив Псков. Лет.* г. 1470).

³² В *Архив. Псков. Лет.* г. 1471: “Вашего посла к Вел. К. не хотим поднимати, ни сами ему челом бити не хотим, а вы бы есте за нас на конь усели по-своему с нами миродокончанию И Псков учиниша Родиону, послу Новгородскому, таков ответ: как вам К. Вел. отшлет возметную грамоту, тогда нам явише; а мы о том погадав вам отвечаем А от Новгородскаго посла людей его поотнимав обиднии люди – те, которые в Новегороде были обижены – во Пскове на Вече, да и серебро на них поймали, и у Новгородскаго посла полчетвертатцать (35) рублей; а имали серебро порубленнии люди, которые в Новегороде были в порубах измучени или от посла отнима ни, как ездил в Новгород Иван Фомичь, Владычень Наместник, а больше полугода сидели на крепости, измучени в железах от биричей; и только их головами выправил Посадник Псковской, Яков Иванович, как ездил на Москву бить челом о том же”.

³³ “В сие же лето и в мимошедшее прежде сего много знамения начаша быти в Новегороде, якоже слышахом от тамосущих жите-

лей В монастыри Св. Евфимии в женском от иконы Богородицы слезы от очию исхождаху”, и проч.

³⁴ Архив. Псков. Лет. г. 1471: “Тоя же осени преставися К. Симеон Киевский на Кieve, брат Михайлов Олельковичь, честно боронив свою отчину Киев от сильней себе Ординских Царей: тем же и превознесся во всей Руси, яко же и Великих Киевских Князей древних честно имя его”. Михаил прибыл в Новгород 8 Ноября 1471 года.

³⁵ Летописцы называют его просто Священноиноком; но Псковский именно “Протодиаконом и Ризником Владычным”. Для выбора клали на престол Софии жеребей Варсонофия, Духовника Архиеп., Пимена Ключника Владыкина, и Феофилов. Иона умер 5 Ноября, а Феофил в тот же день был наречен Святителем^{2*}.

³⁶ Синод. Лет. Новог. в лист № 46, под годом 6985: “Сент. в 21 бысть пожар от Розважи улице и до Боркове улице, погоре побережье все и до Великой улицы, и Марфе Посадници чюдный двор”^{3*} – В Истории Рос. Иерархии, Ч. IV, стр. 629–632, напечатана грамота, данная Марфою Корельскому Николаевскому монастырю на села, земли, рыбные ловища, и сказано, что сей монастырь основан ею на месте, где погребены ее (взрослые) сыновья, Антон и Феликс Филипповы, утопшие в море. Обитель Св. Николая уже существовала в 1419 году (см. Т. V, примеч. 218). Положим, что Филиппом назывался первый супруг Марфы: но каких же лет была она в 1471 году, еще столь бодро действуя в мятеже народном и думая опять выйти за-муж? Слог грамоты также не имеет признаков древности: “Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Се аз раба Божия Марфа... поставила есми церковь, храм Св. Николы в Корельском, на гробех детей своих, Антона да Филикса; а дала есми в дом Св. Николы куплю мужа своего, Филиппа ... А приказываю дом Св. Николы господину, своему деверю, Федору Григорьевичу и его детям, и Леонтию Аввакумовичу, и затю своему Афромее Васильевичу; а на то Бог послух и отец мой духовной, Игумен Василий Св. Спаса; а кто сие писание преступит или порудит (испортит), а наши памяти залягут, сужуся с ним пред Богом в день Страшнаго суда”.^{-3*}

³⁷ См. В Минеях житие Св. Зосимы.

³⁸ См. Послужной Список Бояр в Опытe Трудов Вольного Рос. Собрания, I, 219. Марфину сыну дан чин Боярина в 1471 году, вместе, с Федором Давидовичем Хромым.

³⁹ Архив. Псков. Лет. г. 1471: “Марта в 15 день выеха из Новгорода К. Михайло Киевский, а был в Новгороде 4 месяцы и 8 дней, а Новугороду было истомно сильно кормы и вологою и великими дарми. Приехав в Русу, оброки взя силою и пограби, а от Русы к рубежу едя, взя поспу и живот и головы войною великою ... а головы повезе до самага рубежа”.

⁴⁰ В Архив. Псков. Лет., г. 1471: “По неколицех днех (после избрания Феофилова) Великой Новгород Ключника Владычня Пимена великим сильным избесчествовав бесчестием, на крепости издержав самого измучив ... и самого на 1000 рублей продал”.

⁴¹ См. *Лет. Ростов, Архив. и Степен. Кн.*

⁴² Сей важной договор нашел я в Пушкинском собрании Двинских грамот, и выписываю его от слова до слова:

“Список с докончальные, что были написали себе Новгородци с Королем лета семдесят девятаго.

Се яз честный Король Польский и Князь В. Литовский докончал есмь мир с нареченным на Владычство с Феофилом и с Посадники Новгородскими и с Тысяцкими, и с Бояры и с Житьями, и с купци, и со всем В. Новымгородом. А приехаша ко мне послове от нареченнаго на Владычство Феофила, и от Посадника Степеннаго и от Тысяцкаго Степеннаго Василия Максимовича, и от всего В. Новгорода мужей вольных, Посадник Новгородский Офонас Остафьевичь, Посадник Дмитрий Исаковичь, и Иван Кузьмин сын Посадничь, а от Житьих Панфилей Селифонтович, Кирило Ивановичь, Яким Яковличь, Яков Зиновьевичь, Степан Григорьевичь. Докончал есмь с ними мир и со всем В. Новымгородом, с мужи вольными; а держать ти, честный Король, Новгород на сей на крестной грамоте. А держати тебе, честному Королю, своего Наместника на Городище от нашей Веры от Греческой, от православнаго Христианства. А Наместнику твоему без Посадника Новгородскаго суда не судити, а от места кун не имати, а В. Новугороду у твоего Наместника суда не отъимати, опричь ратной вести и городоставления. А судити твоему Наместнику по Новгородской старине; а Дворецкому твоему жити на Городище во дворце по Новгородской пошлине; а Дворецкому твоему пошлыны продавати с Посадником Новгородским по старине с Петрова дни. А Тиуну твоему судити в одрине с Новгородскими приставаы. А Наместнику твоему и Дворецкому и Тиуну быти на Городище в пятидесяти человек. А Наместнику твоему судити с Посадником во Владычне дворе на пошлом месте, как Боярина, так и Житьего, так и молодшого, так и селянина; а судити ему в правду по крестному целованью всех равно. А пересуд ему имати по Новгородской грамоте по крестной противу Посадника; а опричь пересуда посула ему не взяти. А во Владычень суд и в Тысяцкаго, а в то ся тебе не вступати, ни в монастырские суды по старине. А пойдет Князь Великий Московский на В. Новгород, или его сын, или его брат, или которую землю подымет на В. Новгород, ино тебе, нашему господину, честному Королю, всести на конь за В. Новгород, и со всею с своею Радою Литовскою против Великаго Князя, и боронити В. Новгород. А коли, господине честный Король, не умирив В. Новгорода с Вел. К., а поедешь в Лятцкую землю или в Немецкую;

а без тебе, господине, пойдеть К. Вел. или его сын, или его брат, или кою землю подойдет на В. Новг., ино твоей Раде Литовской всести на конь за В. Новгород по твоему крестному целованию, и боронити Новгород. А что Ржова и Великиа Луки и Холмовской погост, четыре перевары, а то земли Новгородские, а в то ся тебе, честному Королю, не вступати, а знать тебе своя черна куна; а те земли к Вел. Новгороду. А Ржеве и Лукам и Холмовскому погосту и иным землям Новгородским и водам от Литовской земли рубеж по старине. А сведется Новгородцу суд в Литве, ино его судити своим судом, а блюсти Новгородца как и своего брата Литвина по крестному целованью. А сведется суд Литвину в Вел. Новогор., ино его судити своим судом Новгородским, а блюсти его как и своего брата Новгородца по крестному целованию такожь. А сведется поле Новгородцу с Новгородцом, ино Наместнику твоему взяти от поля гривна, а двема приставом две денги. А учнут ходити за сречкою на поле, ино взяти твоим приставом две денги. А в Русе ти имати за проежжий суд через год сорок рублей; а держать ти десять варниц в Русе. А в Водцкой земле имать ти за проежжий суд через год тритцать рублей; а в Ладоге ти пятнадцать рублей; а с Ижеры два рубля; а с Лопци рубль за проежжий суд через год; а по иным по волостем по Новгородским имати тебе пошлины по старине. А Новгороду пошлин не таити по крестному целованию. А вывода ти, честный Король, из Новгородской отчины не чинити; а челяди не закупати, ни даром не принимать. А подвод по Новогор. отчине не имати, ни твоим послом, ни твоему Наместнику, ни иному никому ж в твоей Державе. А черна куна имать ти по старым грамотам и по сей крестной грамоте. А на Молвотицах взяти ти два рубля, а Тиуну рубль за Петровщину; а на Кунске взяти ти рубль; а на Стержи тритцать куниц, да шестьдесят бел; а с Моревы сорок куниц, да восемьдесят бел; а Петровщины рубль, а в осенине полрубля; а в Жавне дватцать куниц да восемьдесят бел, а Петровщины рубль, а мед и пиво с перевары по силе; а на Лопастацах и на Буйцах у чернокунцов по две куницы, и по две беле, а слугам бела; а на Луках наш Тиун, а твой другой, а суд им наполе. А Торопецкому Тиуну по Новгородской волости не судити. А в Лубокове и в Заклинье по две куницы и по две беле, а Петровщины сорок бел; а во Ржеве по две куницы и по две беле, а с перевары мед, пиво по силе. А в Новгородских волостех, ни на Домоне, ни на Цсне, ни на Полонове ненадобе иное Литве ничтожь, ни черны куны не брати. А иных пошлин тебе, честный Король, на Новгородские волости не вскладывать через сию крестную грамоту. А сведется Вира, убьют Соцкаго в селе: ино тебе взяти полтина; а не Сотского, ино четыре гривны. А нам Вир не таити в Новогороде; а о убистве Вир нет. А что волости, честный Король, Новгородские: ино тебе не держати своими мужи, а держать мужми Новгородски-

ми. А что пошлина в Торжку и на Волоце, Тивун свой держать на своей части, а Новугороду на своей части Посадника держати. А се волости Новгородские: Волок со всеми волостьми, Торжок, Бежицы, Городец, Палец, Шипин, Мелеца, Егна, Заволочье, Тир, Пермь, Печера, Югра, Вологда с волостьми. А пожни, честный Король, твои и твоих муж, а то твои; а что пожни Новгородские, а то к Новугороду, как пошло. А Дворяном с Городища и Изветником позывать по старине. А на Новгородской земле тебе, честный Король, сел не ставити, ни закупать, ни даром не примать, ни твоей Королеве, ни твоим детем, ни⁴⁴ твоим Князем ни твоим Паном, ни твоим слугам. А холоп, или роба, или смерд почнет на осподу вадити, а тому ти, честный Король, веры не нять. А купец пойдет..... а смерд потягнет в свой потуг к Новугороду, как пошло. А приставов тебе, честный Король, не всылати во все волости Новгородские. А у нас тебе, честный Король, Веры Греческие православные нашей не отъимати; а где будет нам В. Новугороду любо в своем православном Христьянстве, ту мы Владыку поставим по своей воли. А Римских церквей тебе, честный Король, в В. Новегороде не ставити, ни по пригородом Новгородским, ни по всей земли Новгородской. А Тиуну твоему в Торжку судити суд с Новг. Посадником; такожь и на Волоце по Новгородской пошлине Новгородским судом: и Виры и полевое по Новгородскому суду. А что во Пскове суд и печать и земли Вел. Новг., а то к Вел. Новуг. по старине. А умирить, господине честный Король, Вел. Новг. с Вел. К., ино тебе взяти, честному Королю, черный бор по Новгород. волостем по старине одинаво по старым грамотам; а в иные годы черный бор ненадобе. А Немецкаго Двора тебе не затворяти, ни пристав своих не представлявати; а гостю твоему торговати с Немцы нашею братьею. А послом и гостем на обе половины путь им чист по Литовской земле и по Новгородской. А держать тебе, честный Король, Вел. Новг. в воли мужей вольных по нашей старине и по сей крестной грамоте. А на том на всем, честный Король, крест целуй ко всему Вел. Новуг. за все свое Княжество и за всю Раду Литовскую в правду без всякаго извета; а Новгородские послове целоваша крест Новгородскою душею к честному Королю за весь Вел. Новг. в правду, без всякаго извета”.

⁴³ См. *Архив. Лет.* л. 28 на обор.

⁴⁴ См. *Степен. Кн.*

⁴⁵ См. *Ростов. Лет., Никон., Степен. Кн. и Архив. Лет.* л. 24.

⁴⁶ См. *Архив. Лет.* л. 29, и *Ник.* стр. 22.

⁴⁷ См. *Архив. Лет.* 31. – В *Архив. Псков. Лет.*: “Приеха с Москвы послом Дьяк Яков на Троицкой недели в Пятюк, а веля Пскову в Новеграде положити розметнии грамоты в другую Неделю заговев Петрова говения, а Вел. К. за вашими свои грамоты положить. И Псковичи Июня в 16 послаша с розметными Подвойскаго Савку в

Вел. Новг. А сам той посол, много позывая Псковичь на конь всесть, и Псковичи обещаша, дондеже услышим в Новгор. земли Вел. Князя; и он на другой недели в Середу Петрова говения со Псковскими послы поехал к Вел. К. В сам Петров день приеха Князя Вел. Боярин, на имя Василей Зиновьев, а с ним 100 человек ... и привез с собою шкабатов клячь Новгородских с 300, и все рос-прода, и Псковичи ему дали подворье у Св. Спаса в монастыри за рекою, и бысть Пскову истора кормом..... и весь Псков пригороды и волости собрав.^{5*} К. Федора Юрьевича сын Василей и Тимофей Васильевич, Посадники Псковския, а с ними 13 Посадников пойдоша на Новг. землю Июля в 10 день, в Среду, а в 12 начаша воевати. В тожь время приехал к ним посол наш Богдан, а с ним Боярин Вел. К. Кузма Коробьин, а сказывает наехал вел. Князя в Петров день в Торжку, а вы бы есте, отчина моя Псков, в Ильин день на конь всели..... а только есми у него день был, а Василья Быкова оставил у себя..... Новгородцы пригонивше с Вышегорода, и в Навережской губе много хором пожгли и церковь Св. Николы вельми преудивленну, и таковой не было во всей Псковской волости, о полтретьюдесяти углах... Псковская сила обступиша Вышегород Июля в 15, и начаша бити пушками и примет приметывати, и зажгоша... и мало не подохшеса в городке.... и на завтрее вышедши со кресты и на забороле начаша повествовати с челобитьем и с плачем.... и Воеводы челобитье приняли.... и Новгородцы отрядиша на Псковичь Казимера, да Дмитрия, Марфина сына, и более 40 000, и пойдоша, и наехаха на Шелони на Московскую силу”. – В то же время 2000 *охотников* Псковских жгли за рекою Лютою: Новгородцы разбили их, но ушли назад, оставив и своих убитых. Псковитяне возвратились через 9 дней и схоронили трупы.

⁴⁸ В *Архив. Лет.* говорится здесь только об одной битве (так и в Синод. *Новгородск.*), а в *Ростов.* и в *Никон.* о двух. “Приидоша Воеводы Вел. Князя на место нарицаемое Коростыня у озера Ильмери на брезе, и прииде на них рать в судех..... И оттоле паки возвратишася к Русе в той же день, аже в Русе иная рать пешая множае первой, и пришли рекою же в судех, Полою именем. Воеводы же и тех побиша”.

⁴⁹ В Синод. *Новгород. Лет.* № 46, стр. 409: “Новгородци изыдоша на Шолону, а к Русе послаша пешую рать, и пешая рать бишася много и побиша Москвич много, и пешей рати паде много, а инии разбегохась, а иных Москвичи поимаха; а коневая рать не пошла к пшей на срок в пособие, занеже Владычень стяг на хотяху ударишис на Княжю рать, глаголюще: Владыка нам не велел на Вел. К. руке подынуть; послал нас Владыка на Пскович”.

⁵⁰ В *Архив. Лет.* л. 33 на обор.: “Послаша другова посла к Вел. К., Посадника Луку Клементьевича”, и проч.

⁵¹ См. ниже, примеч. 53.

⁵² Синод. *Новгород. Лет.* № 46, л. 409 на обор.: “Начаша Новгородци вопити на больших людей, которые приехали ратью на Шолону: ударимся ныне. Каждо глаголюще: *яз человек молодой; испротеряхся конем, да доспехом.* Москвичам же до Понедельника отлагающим: баше бо Неделя; и начашася бити, и погнаша Новгородци Москвич за Шолону реку, и ударишася на Новгородцев западная рать Татары, и паде Новгородцев много, а инии побегоша, а иных в полон поведоша”. – В *Архив. Псков. Лет.*: “Наехаша (Новгородцы) на Шелони силу Московскую К. Данильа; едут с ними по ровну обон-пол реки, и не дошедше Мустца и Сольцы, и вергошася Москвичи в реку Дрянъ с берега, и ударишася на них, и победиша их”. В другом месте, ниже: “Данило Холмский в день Недельный до обеда сrete их рать, и бысть сеча люта, и вся сила Новгород. показаша плеща своя..... и гнашась по них и до Глин”. Летописцы за чудо сказывают, что Холмский перешел реку в таком месте, где никогда не бывало броду.

⁵³ В *Архив. Лет.* л. 36: “Гласы отвсюду слышашусь; иде же из женущих не бе никого же, и тамо слышаху, яко уставлен бе ясак глаголати: Москва!”

⁵⁴ “Посадницы Кузма Григорьев, Яков Федоров, Матвей Селезев, Василий Селезев, два сестричыча Казимеровы, Павел Теляшев, Кузма Грузов, а Житых множество”. О числе пленных см. *Архив. Лет.* л. 36 на обор. – Москвитяне спрашивали у пленных, от чего они, имея более войска, не могли драться? Новгородцы ответствовали: “Мы бо видехом вас безчисленное множество грядуще на нас, и еще иные полки видехом в тыл по нас пришедших; знамена же имуть желты и большия стяги и скипетры, и говор людский мног, и топот конский страшен, и ужас нападе на ны”.

⁵⁵ *Архив. Лет.* л. 36 на обор.

⁵⁶ “Замятня пригонил Июля в 18. Бе тогда у Вел. К. Царевич Данияр и братие его, Юрий и Андрей; и обещася К. Вел. поставити на Москве церковь Св. Апостола Акилу, еже и бысть; а Воеводы К. Данила и Феодор другую Воскресение.... Кн. же Вел. отпусти Луку Клементьева с Селищ противу Демона... Воеводы Новгородские в Демоне предашася на том, что их головами выпустити, а с города окупа дали 100 рублей”.^{6*}

⁵⁷ “И великое место, зовомое Новое село, пожгоша”.

⁵⁸ *Архив. Лет.* л. 38, и Синод. *Новгород.* л. 410. В *Послужном Боярском Списке* сказано, что в сей год *выбыл* Дмитрий Исакович Борецкой.

⁵⁹ “С Воеводами Вел. К. было рати 4000 без 30 человек. Вышед из суд обои пеши и начаша битися (на речке Шиленге) о третьем чаше дне и до захождения солнечнаго.... И знамя у Двинян выбиша, а

трех знаменщиков убиша: убили бо перваго, ино другой подхватил.... Убиша тогда 8 Вятчанинов, да Устюжанина одного, да Борисова Слепцева человека Мигуна". В Синод. *Новгород. Лет.*: "Паде многое множество с обе половины; а Двиняне не тягнуша по Князи по Васильи Васильевич и по Воеводе по Васильи по Микифорович, и *шестники* (иноземцы?)^{7*} измогоша, и Заволочан посекоша и Двинян иссекоша". В *Архив. Лет.* сказано, что с Шуйским были и Новгородские *шильники*: т.е. бродяги, сволочь?^{8*}

⁶⁰ Синод. *Новогор. Лет.* л. 409 на обор. и *Архив.* стр. 148.

⁶¹ В Синод. *Новогород. Лет.* л. 411: "А переветника Упадыша Новгород казниша... С своими единомысленики 55 пушок железом заколачивал".

⁶² Синод. *Новогород. Лет.* л. 410.

⁶³ *Архив. Лет.* л. 39. Феофил прибыл в стан Московский 27 Июля.

⁶⁴ Летописец Львова, III, 17: "Испроси у матери своей, у Вел. Княг., Дьяка Степана Бородатаго, умеюща говорить по Руским летописцам", и проч.

⁶⁵ *Архив. Лет.* л. 40.

⁶⁶ Сии пять грамот находятся в Пушкинском Собрании Двинских грамот. Выписываю здесь четыре; а пятая о суде уже сообщена нами (Т. V, стр. 388).

1. *Лета 79, Августа 11, новая докончальная Великому Князю с Новымгородом на Шолоне, да и приписная грамота.* "По благословию нареченнаго на Архиепископство Великаго Новагорода и Пскова Священноинока Феофила. Се приехаша к Великому Князю Ивану Васильевичу Всея Руси и к его сыну, к Вел. К. Ивану Ивановичу всея Руси, от Посадника Новгородскаго Тимофея Остафиевича и от Тысяцкаго Новгородскаго Василия Максимовича, и от всего Вел. Новаг., Посадники Новгородские, Посадник Иван Лукиничь, Посадник Яков Александровичь, Пос. Феофилат Захариничь, Пос. Лука Федоровичь, Пос. Иван Василиевичь; а от Житьих Лука Остафьевичь, Александр Клементьевичь, Федор Иевличь, Онкиф Васильевичь, Дмитрий Михайловичь, и добили челом своей Господе Великим Князем, и кончали мир по крестным грамотам с Вел. Князем Иван Васильевичем и с его сыном с Вел. К. Иван. Иван., как целовал К. Вел. Андрей, и К. Вел. Иван, и К. Вел. Семен, и прапрадед твой К. Вел. Иван и прадед твой К. Вел. Дмитрий, и дед твой К. Вел. Василей, и отец твой К. Вел. Василей: целуй Господине К. Вел. Иван Васильевич, и К. Вел. Ив. Иванович, по томужь крест ко всему Вел. Новугороду. И по сей грамоте Новг., Господине, держати вам в старине по пошлине без обиды, а нам мужем Новгородцем Княжение ваше держати честно и грозно без обиды. А за Короля и за Вел. К. Литовскаго, кто Король или Вел. К. на Литве ни буди, от вас от Вел.

Князей нам вашей отчине, Вел. Новгороду, мужем вольным, не отдаться некоторою хитростию, а быти нам от вас от Вел. Князей неоступным ни к кому. А Князей нам у Короля и у Вел. К. Литовскаго себе на пригороды не просити, ни приимати из Литвы Князей в Вел. Новгород. Так же нам, отчине вашей, недругов ваших, К. Ивана Можайскаго, и К. Ивана Шемякина, и К. Василю Ярославича, и их детей и их зятю к себе в Новгород не приимати. А после сего докончания из Московской земли, из Вел. Княженья, кто лиходеи Вел. Князей приедет в Вел. Новг., и Новугороду их не приимати. Или кто лиходеи Вел. Князей побежить из Московской земли в Литву или в Немцы, а из Литвы или из Немец прибежить в Новгород, и Новугороду их не приимати. А на Владычество нам, Вел. Новугороду, избирати себе по своей старине, а ставитися нашему Владыце в дому Пречистыя и у гроба Св. Петра Чудотворца на Москве, у вас у Вел. Князей, у вашего отца^{9*} Митрополита, которой Митрополит у вас у Вел. Князей на Москве ни буди, а инде нам Владыки опрочь Московскаго Митрополита нигде не ставити. А пошлины вам, Вел. Князем, и вашему отцу Митрополиту от Владыки имати по старине, а лишнего не прибавляти. А на Волоце и на Вологде Владыце церкви и десятина, пошлина своя, ведати по старине. А что Юрьевского монастыря земля на Волоце, и та земля к Юрьеву монастырю по старине. А пошлин ваших, Вел. Князей, нам Вел. Новугороду не таити”, и проч., как в древних Новогород. грамотах.

2. “А се за то ялися послове от В. Новагорода к Великому Князю Ивану Василиевичу всея Руси и к его сыну, В.К. Ивану Ивановичу всея Руси, по Новгородскому слову и по Новгородской грамоте, на чем послали к Великим Князем Посадника Ивана Лукиничя, Посадника Якова Александровича, Пос. Фефилата Захарьинича, Пос. Луку Федоровича, Пос. Ивана Василиевича, а от Житьих Луку Остафьевича, Александра Климентьевича, Федора Иевлича, Онкифа Василиевича, Дмитрия Михайловича. Повелехом суд дати на Городище. От Великих Князей Боярин судьею, а от Вел. Новагорода Боярин. Судити им Князей Великих человека с Новгородцом, а судити им как право по крестному целованию. Аже ся сопруть о каком деле, а не взмогут управити, и коли будет К. Вел. в Новгороде, или Великаго К. сын, или Великаго К. брат, и тому делу тогда учинит К. на Городище с Посадником конец. А что заклад в рядных грамотах, а то имати Великим Князем с Владыкою на виноватом от сего докончания. А крюк Великим Князем по старине на третий год. А от волости дар имати по старине. А печати быти Князей Великих. А Виры имати Князем Великим по старине, а Новгородцом не таити. А с Новоторжцев и с Демонцов Князи Великие целование сложили. А что серебро и хлеб Великим Князем в Торжку, или на Губах, а то Великим Князем не надобе. А кто будет дан на поруце в серебре, или

в хлебе, а с тех порука долов. А что собрано, а то Великим Князем; а Новгороду о том на Новоторжцов нелюбиа не держати, ни мщати-ся им никоею хитростию. А что война была Князей Великих над Новгородскими волостями, или Новгородская война была над Великих Князей волостями, тому всему погреб. А после сего крестнаго целования аже доспеется война с обе половине, а не ведая сего докончания, иманое назад отдати с обе половине. А учинится мертвый, а почнут клепати мертвыми, или грабежем с обе половины: ино суд тому на Городище перед теми судьями; а суда нам у Великих Князей Наместников не отъимати, опрочь ратныя вести, или коли имуть город делати без хитрости; а Вечным грамотам не быти. А в Вочскую землю слати Князем Великим ежегод по старине. А коли приведется Князем Великим взяти черной бор, и нам черный бор дати по старине. А позов по волостем Новгородским позывати позовником Великих Князей, да Новгородским; а в городе позывати Князей Великих Подвойской, да Новгородской Подвойской. Так же что наша братья Новгородци покупили земли Ростовские и Белозерские, или даром поймали, и нам, обьискав тех земель, вам Великим Князем отступитися по крестному целованию; а кто которые земли запрится, и тому суд и исправа по крестному целованию. А приедут к вам, к Вел. Князем, от Вел. Новагорода послы о каких обидных делех исправы просити, а наедут вас Вел. Князей, обою в Руской земле, ино им посольство правити обема Вел. Князем, и исправы просити у обих Вел. Князей, а им исправа дати Вел. Новгороду по крестному целованию, и ответ дати Вел. Новгороду; а наедут одного Вел. Князя в Руской земле, ино одному посольство правити, а ему исправа дати Вел. Новгороду по тому же крестному целованию... А коих людей привели к целованию за Вел. Князей, которые живут на Новгородской земле в Торжку, или за Волоком, или инде где ни есть, и с тех людей Великие Князи цслование сложили, а земли и воды к Вел. Новгороду по старине, и по старым крестным грамотам, и по сей грамоте; а на тех людей Вел. Новгороду нелюбиа не держати по крестному целованию. А Псковским послом ездити к Вел. Князем, также и от Вел. Князей назад ко Пскову через Новгородскую землю путь чист добровольно, также и Новгородским послом ездити через Псковскую землю где ни есть путь чист из Новагорода и в Новгород. А учинится татьба или розбой в Великом Княжении Новгородцу, ино Велик. Князем обьискати то дело в правду по крестному целованию. А доспеется Великого Князя торговцу в Новгородской земли татьба или розбой, ино то дело Новгороду обьискати в правду по крестному целованию. А что грамота докончальная в Новегороде промеж собя о суде, ино у той грамоты быти имени и печати Вел. Князей. А что заклад в той в Новгородской грамоте в докончальной написано на наезщиков и на грабежщиков, и на надвощиков, ино

Князем Вел. взяти половина от сего dokonчания, а Вел. Новгороду половина взяти. А кто почнет посул давати, или кто почнет имати по Концем и по Рядом, и по Стам, и по улицам, и у грабежщиков, и у надвощика, и у наезщика: ино взяти на том той же заклад Вел. Князем половина по Новгородской грамоте, а Вел. Новгороду половина. А Сотским и Рядовичем без Князей Великих Наместника и без Посадника не судити нигде. А что у нас у Великих Князей нятцев и полону, и мы Вел. Князи пожаловали свою отчину Вел. Новгород, тех есмь нятцев Новгородских всех и полон весь велели отпустить. А на всем на том, Господине Князь Вел. Иван Василиевичь всея Руси и К. Вел. Иван Ивановичь всея Руси целуйте, Господине, крест ко всему к Вел. Новгороду безо всякого извета. Также и мы Посадники и Тысяцкие и весь Вел. Новгород целуем крест к своей Господе к Великим Князем, к Вел. К. Ивану Василиевичу всея Руси и к Вел. К. Ивану Ивановичу всея Руси, по любви в правду безо всякия хитрости. А писан лета 79, Августа в 11 день”.

3. О *деньгах*. “Се добил челом Вел. Князю Ивану Василиевичу всея Руси и сыну его Вел. Князю Ивану Ивановичу всея Руси нареченный на Архиепископство Вел. Новагорода и Пскова Священноинок Феофил, и Посадники Новгородские... по Новгородскому велению всего Новгорода за Новгородскую проступку полушестьми-натцаты тысячи рублей деньгами в отчет, а серебром в отвес; а дати нам то серебро своей Господе, Вел. Князем, на Рожество Св. Богородицы полтретьи тысячи рублей, а на Крещение Господне три тысячи рублей, а на Велик день 5000 р., а на Успение в той же год 5000 р.; дати нам тое серебро на тыя сроки по крестному целованию. А сия грамота писана лета 79, Августа 9”.

4. О *землях*. “По благословению нареченного на Архиепископство Вел. Новагорода и Пскова Священноинка Феофила, от Посадника Степенного Новгородского Тимофея Остафьевича, и от всех Старых Посадников, и от Тысяцкого Степенного Василиа Максимова и от Старых Тысяцких и от Бояр и от Житьих людей и от купцев, и от черных людей, и от всего Вел. Новгорода с Веча с Ярославля Двора на Пинегу, и на Кегролу, и на Чаколу, и на Пермские, и на Мезень, и на Пилии горы, и на Немьюгу, и на Пинешку, и на Выю, и на Суру на Поганую^{10*}, к Старостам и ко всем Христианом, что тые земли на Пинезе, Кегролу, и Чаколу, и Пермские, и Мезень, и Пилии горы, и Немьюгу, и Пинешку, и Выю, и Суру Поганую^{10*} поймали за себе наши братья Новгородци, и вас к целованию привели на Новгородское имя: ино то земли Осподы нашей Вел. Князей, Вел. Князя Ивана Василиевича всея Руси, и сына его Вел. К. Ивана Ивановича всея Руси; а то крестное целование Новгороду с вас долов”.

В Архив. *Псков. Лет.* сказано: “Сверх всего Вел. Князь на них

(Новгородцах) 17 тысяч рублей *копейного* прикончал, ино Владычня ради челобитья 1000 отдал... и Псковичи пойдоша от Вел. К. ко Пскову Авг. в 15... К. Вел. на Рождество Св. Иоанна с Москвы выступил, а в Петров день стал в Торжку, и был в нем 4 дни; а под Демон Вел. Князю весть приде о побииении Новгородском, а полоняников привели к нему Июля в 14 до обеда... а стоял на Коростыни 2 недели, а Псковичи в Княжичах”.

⁶⁷ Вел. Князь выступил с Коростыни^{11*} к Москве Авг. 13. “Срете его Митрополит со кресты близ церкви, с мосту большего шед каменного до кладезя площадного, а народи Московский далече за градом, инии за 7 верст пети.... а сын его и брат и Бояре на канон Семеня дни, иде же бе ему ночевати”.

⁶⁸ В *Ростов. и Никон. Лет.* сказано так; в *Архив. Лет.*: “изгибших людей числом яко две седмь тысячь”. В *Синод. Новог. Лет.*: “Бысть буря велика и истопи Рушан много опосле рати на Илмене на усть Ловоти, которые от рати бегали из Русы в Новгород, учанов 9, а малых суд 60, а Крестьянских душ в едином месте обретоша 120, а боле того Бог весть, зане же Ловоть засохла, бяше бо засуха того жь лета, и бысть пагуба велика”.

⁶⁹ Он приехал 30 Ноября с чиновниками, поставлен 15 Дек., а выехал назад 23. – Освобожденных Новгородцев было 30.

⁷⁰ “Месяца Дек. по Рождестве явися звезда велика, а лучь от нея долог, толст, светел, светлее самыя звезды, а восходяше от 6 часе нощи с летняго Всрода солнечнаго и идяше к Западу летнему же, а лучь от нея вперед протяжеса, а конец луча аки хвост великия птицы распостерт. – По Крещении другая звезда явися хвостата над летним Западом; хвост же тонок, а не добре долог, а первыя звезды луча потемнее, но первая за 3 часа до всрода на кое место приходила, а другая по захождении солнца 3 часа на том же месте являшеса, да к Западу же идяше”.

⁷¹ См. Т. IV, стр. 221.

⁷² См. выше, примеч. 66.

⁷³ “Июня в 26 прииде весть к Вел. К., что Воевода его землю Пермскую взял; а пришел на усть Черныя реки на Фоминой недели в Четверток, и оттуду поиде на плотех и с коньми... на Верхнюю землю, к городку Искору, а Гаврила Нелидова отпустил на Нижнюю землю на Урос, на Чердыню, да на Почку на Князь Михайла... Зыран же по опасу пришел к нему. Поймал же и иные городки и пожег.... и оттуду послал К. Федор *Пермских* Воевод к Вел. К. Князя *Михайла* и *Бурмота* и *Мичкина*” (см. *Архив. Лет.* л. 51). – В *Продолжении Несторова Лет.* стр. 177: “В лето 7013 Князь Великий, Иван Васильевич свел с Великия *Перьми вотчичя*^{12*} Князя *Матфия Михайловича*, а на Великую *Перьмь* послал Наместника своего, К. *Василья Андреевича Ковра*: сей же бысть *первый от Руских Князей*, а

приехал в Неделю Цветную”. – В *Послании Рос. Митрополитов* (в Синод. Библиот. № 164, л. 219) находится письмо Митрополита Симона от 22 Авг. 1501 к слуге Вел. К., Князю Матвее Михайловичу Пермскому, и ко всем *Пермичам, большим и меньшим людям, мужам и женам, юношам и младенцам*. Там сказано: “А кумиром бы есте не служили, ни треб их не принимали; ни Воипелю болвану не молитесь по древнему обычаю, и всех Богу ненавидимых тризнищ не творите идолом, ни женить незаконных не чините, яко же слышу о вас, что поймаются в племени по ветхому по Татарскому обычаю: хто у вас умрет, и второй его брат жену его поимает, и третьей его брат также творит; а жены ваши ходят простовласы, непокровенными главами: ино то чините не по Закону Християнскому... А сию бы есте грамоту положили в церкви”, и проч.

⁷⁴ В *Продолжении Несторова Лет.* стр. 264: Тое же осени приходиша Татарове от Большие Орды и воеваша около Рязани села и волости. Рязанцы же совокупишася и гнаша по них, и бысть бой и сеча зла. Татарове же знамя подсекоша у Рязанскова полку: Рязанцы же зямтошася и побегоша. Татар же множество избиено ту”.

⁷⁵ См. *Ростов. Лет.* 500 на обор. и 511. Кирей приехал в Орду осенью 1470 года, а выехал оттуда через год.

⁷⁶ *Архив. Лет.* л. 42 на обор. и *Арханг.* 149. В первом сказано, что Большая Орда кочевала *за едино днище* от Сарая; что Татары хотели перехватить Вятчан и под Казанью; а во втором, что Воеводою Вятчан был Костя Юрьев; что они пленили Княгинь Сарайских, и проч.

⁷⁷ Именем Григорий Волнин (см. *Архив. Лет.* л. 54).

⁷⁸ См. *Архив. Псков. Лет.*

⁷⁹ Холмский и Стрига выступили из Москвы 10 Июля; в тот же день выехала в Ростов и мать Иоаннова; за нею братья Вел. Князя против Ахмата 30 Июля “во втором часу дне Вел. К. повеле пети обедню, и не вкусив ничтоже, пойте к Коломне, а сыну повеле за собою в Ростов”.

⁸⁰ В *Арханг. Лет.* стр. 152: “В городе был Воевода Семен Васильевич Беклемишев..... и захоте у жителей посула, и Олексинцы давали ему 5 рублей, и он хотел шестова жене своей.... и приидоша Татарове, и Воевода побеже за Оку... и Царь повеле зажещи город. Князь же Юрье и ины Воеводы плачюще стояху, а пособить не лзе глубины ради того места.... Царь же нача бояться Князя Юрья, понеже бо его трепетаху многи страни погании. Татарове же распросивше Татар, кои на сей стороне Вел. Князя, только ли силы Руския? Они же реша: сам К. Вел. под Ростиславлем, а Даньяр на Коломне, а в Серпухове Углечский Кн. Андрей, а с ним Муртоса Царевич Мустофин Казанскаго. Слышав то, Ахмат побеже, ведя с собою полону не много, и вопросы Русина, что много у него были Олексинцы,

полону мало, а сгорело мало? и Русин запроси живота себе: Царь отпусти его обеща. Он же рече: боле тысящи голов забегло в тайник с добром. Царь было с две версты отшел и воротися на пожарище и взя тайник и с людьми и с добром.... и прочь пойте; а тайник был выведен к реце, а поведавашаго отпусти”.

⁸¹ См. *Никон. Лет.* стр. 46, и *Ростов.*

⁸² *Собр.* Г.Г. 230: “Дати ми Володимеру Григориевичю 300 рублев и 80 р. да полтину, а положил есмь в том серебре заклада чепь золоту 4 гривенки да полчетверта золотника, да пояс золот начервчате тясме полпяты гривенки да 6 золотник, да пояс золот на сине тясме 5 гривенок, да пояс золот 2 гривенки да 6 золотник, да чару золоту 2 грив. без полудевята золотника, да ковш золот гривенка да полтора золотника, да ковш серебрян с венцем 8 грив. да полпята золотника, да ковш серебр. 4 гривенки без полупята золотника, да кубок серебрян на чешую бит 5 грив. да 4 золотники, да кубок серебрян на косые грани бит 5 грив без 7 золотник”. Следственно в 380 1/2 рублях закладом служило 9 фунтов золота и 11 фунтов серебра с золотниками: что по нынешней цене составило бы около десяти тысяч рублей ассигнациями. Далее: “дати ми Ондрию Шихову 30 рублев, а мой у него постав Ипской (Ипрской) светло зелен..... Да взял есмь у Петра у Игнатиева конь сер, цена ему десять рублев”, то есть, два фунта серебра или около 180 рублей ассигнациями. Далее: “Сестре своей Вел. Княгине Рязанской Анне даю монисто, чем мя благословила баба моя”. Далее отказывает многие села монастырям, уступая крестьянам недоимку. В конце: “у грамоты седали господин мой Живоначальные Троицы Сергиева монастыря отець мой духовной Игумен Спиридоней, да Боярин мой Иван Микитичь, да Боярин мой Василей Феодорович Велиаминов, да Иван Василиевич Ощера”.

⁸³ См. *Архив. Лет.* стр. 64, и *Рос. Вивлиоф.* II, 51, 73.

⁸⁴ Дюканж *Histor. Byzant.* стр. 247. Фома преставился в Риме 12 Мая, 1465 года.

⁸⁵ “Февр. в 11 день прииде из Рима посол”, и проч.

⁸⁶ “Листы своя Папа дал И. Фрязину, что послом Вел. Князя ходити добровольно 2 года по всем землям, которые под его Папешством присягают до Рима”. В *Лет.* Львова стр. 30: “Царевну на иконе написав принесе”.

⁸⁷ См. Райнальд. *Annal. Eccl.* г. 1470. № 9.

⁸⁸ Райнальд. *Annal. Eccl.* г. 1471, № 48.

⁸⁹ Все сии любопытные подробности находятся в Райнальде, г. 1471. К сожалению, он сгорел у меня в Москве вместе с моею библиотекою во время нашествия Французов.

⁹⁰ См. *Никон., Ростов., Архив. Псков. Лет.* и *Арнта Lifl. Chr.*

⁹¹ См. *Архив. Псков. Лет.* г. 6981.

⁹² Так во всех летописцах; а в Львовском, стр. 32: “венча его

Протопоп Коломенский Осия, занеже здешним Протопопом и Духовнику своему не повеле, понеже вдовцы”.

⁹³ В *Лет.* Львова, стр. 30–31, сказано, что Фрязин^{13*} уже отпустил было Тревизана с переводчиком в Орду, и что посланные Вел. Князя догнали его в Рязани. Тревизан сидел в Москве под стражею в доме у Никиты Беклемишева.

⁹⁴ *Лет.* Львова, стр. 32.

⁹⁵ Кранц в *Wandal.* стр. 397: “Ea quoque spes fovebat Pontificem Sixtum, ^{14*} quod inclinaret maritum puella ad suscipiendos ritus ecclesiae Romanae, in quibus ea fuerat educata apud sedem Apostolicam. Sed concessit illa, nolens volensque, in ritus Russorum, in quibus et pater ejus vicitabat [Понтифик Сикст питал также надежду, что девица склонит мужа к принятию обрядов Римской церкви, в которых она была воспитана подле папского престола. Но она, волей или неволей, отошла в русскую веру, в которой жил ее отец].

⁹⁶ В Дюканжевой росписи Палеологов нет сего Рала. – О Феодоре Ласкире сказано в Родослов. Книгах, что он приехал к нам от Короля Венгерского, и что отец его был в Цареграде Тысячским.

⁹⁷ См. Дюканжа *Hist. Bysant.* стр. 248. Елисавета Кастильская известнее под именем Изабеллы. Андрей умер в Риме в 1502 году.

⁹⁸ См. *Собрание Государ. Г. Т. I*, стр. 333. Вел. Князь начал употреблять сей герб с 1497 года; до 1472 на печати его изображались Ангел, держащий в руке кольцо, и человек с обнаженным кинжалом; а с сего времени до 1497 г. лев терзающий змею: работа Греческая, и, как вероятно, подарок Софиин.

⁹⁹ *Лет.* Львова, стр. 32.

¹⁰⁰ “И Князь Вел. от того дни велел Тривизана из желез выпустити и у себя ему быти”. Далее см. *Лет.* Львова стр. 33.

¹⁰¹ В 1471 г., осенью, Митрополит велел заготовлять камень для строения церкви; 30 Апреля заложили ее. Главные Архитекторы были Ивашко Кривцов и Мышкин: они растворяли известь с песком, и весьма жидко; а в стены насыпали мелких каменьев. Митрополит обложил серебром все монастыри и церкви для строения сего храма (см. *Лет. Русск.* Львова). В Мае и в Июле перенесли туда мощи Митрополитов. ^{15*} “И вземшо раку Киприана и поставиша в киоте в стене на десней стране ... а Фотия поставиша с Кипр. во едином киоте ... Егда же сняша дску с гроба Ионы, изыде благоухание; мощи же вси целы: прильне бо плоть к кости, и не двигнушася состави, а ризы не истлеша ... и поставиша на левой стране в киоте ... И егда разбираша церковь, и выняша из стены церкви Св. Димитрия мощи Княжи Юриевы Даниловича, Вел. Князя, и вложше в раку древяну, поставиша их на гробе Феогноста Митр., иде же была церковь Поклонение Вериг, и егда же, зиждуще церковь, уготоваша место в той же церкви в Великом Димитрии в стене на той же стороне,

и принесше их на уготованное место, и положиша тамо И разобраша надгробницу Св. Петра М., и мощи его – ^{15*} яко свет сияху; а гроб распался от огня: тогда изгорел бяше, егда Тохтамыш взял Москву, и тогда разорили гроб его, чающе нечто сокровенно, и не обретоша ничтоже... ^{16*}– И вземше понесоша раку на уготованное место, иде же бе и прежде, но тогда бе место оно внутрь олтаря близ жертвенника, а в нынешней церкви пред дверьми жертвенника... –^{16*} Во время пренесения мощей Святого голубь бел над гробом его видеша высоко паряще; когда же покрывша мощи, невидим быст”. См. подробности в *Никон.*, в *Ростов.* и в *Архив. Лет.* Далее: “Апр. в 4 загореся внутри града у Рожества Богородицы... и Митрополич двор сгоре, и Князь Борисов Василиевича по Богоявление Троицкое, да по житницы городские, и дворец житничной.... да по каменный погреб, что на Княже Михайлове дворе Андреевича во стене.... и градная кровля обгоре, и приправа вся городная и Митрополит вышел из града в монастырь Св. Николы Старого, и огню унимающуюся в последнем часу ночи, прииде в церковь Пречистыя. Прииде ту и Вел. К., и виде его плачущася, и глагола: отче господине! не скорби; тако Богу изволившу Аз ти колико хощещи хором дам, или кой запас, то все у меня емли..... Тогда бо бяше церковь (Успения) возделана до большого пояса до половины И нача (Митрополит) о том же приказывати Володимеру Григорьевичу и сыну его Ивану Голове”. Филипп, благословив многих Бояр, Князей, Княгинь, Священников, преставился с пятого на шестое Апреля. “Мнози глаголаху, яко видение виде в церкви. Обретошася под свиткою на теле его великии чепи железны, иже и ныне зримы суть на гробе его, а преже ни Духовнику его, ни келейнику ведомы были... Апр. в 7 день положиша его в церкви Пречистыя.... И избраша Геронтия, и возведен бысть на двор Митрополичь Июня в 4, а поставлен в 29 день”. – В *Лет. Львова*, стр. 34: “Вел. К. (по кончине Митроп.) нача пытати, кто соделал ему цепи, и кузнец избрася един, его же искупил Митроп. из полону у Татар.... и той рече, яко един жеребей приковах к тем железам, занеже они тесны ему, и не повеле никому же сказывати”. Сей кузнец на другой день сказал, что Филлип явился ему во сне и прибил его своими веригами за нескромность.

¹⁰² “Мая в 20 день (в 1474 г.), в 1 час ночи, паде церковь Пречистыя.... Возделана уже бе до сводов.... И чудотворца Петра гроб засыпа”, и проч. См. *Никон Лет.* и др.

¹⁰³ *Лет. Львова* стр. 39. Зодчий и Механик Аристотель известен в Италии под двумя именами: Alberti Aristotile и Ridolfe Fioraventi. Пишут, что он какою-то механическою хитростию передвинул Болонскую колокольню Св. Марии del Tempis с места на место, а в городе Ченто выпрямил колокольню Св. Власия, не вынув из нее ни одного кирпича; что, уехав в *Венгрию*, он сделал там удивительный

мост, был за то пожалован в Кавалеры, имел дозволение бить монету и вырезывать на ней свое имя. Вместо *Венгрии* надобно поставить *Россию*. См. статью об нем в *Dictionnaire historique*. В *Лет.* Львова: “дом же (у Аристотеля в Венеции) добр и палаты есть и блюдо у него медяно на четырех яблоках; судно же на нем яко умывальница, яко же оловяничным делом; и начал лить из него из одного на блюдо воду и вино и мед, и что хотяше, то и потечет... Взял же с собою Аристотель сына своего, Андрея, да паробка Петрушку.... Ту же церковь разби сицевым образом: три древа постави, и концы их верхние совокупив, и брус дубовый обесил на ужищи посреди их поперег, и конец его обручем железным скова, и раскачиваючи разби; а иные стены сысподи подобра и поление подставляя, и зажже поление, и стены падошася... Книжницы же называли брус *бараном*... Сицевым образом Тит Иерусалим разби.... Кирпичь его нашего уже, да продолговатее; егда его ломать, то в воде размачивают; известь же густо мотыгами повеле мешати: яко наутрие засохнет, то ножом не можно расколупати. Св. Петра Чудотворца и Иван Св. вынесли под колоколы”. – В *Ростов. Лет.*: “месяца Июня Венецииский мулярь Аристотель нача рвы копати, глубина 2 сажени и глубже Апр. в 22 (г. 1476) начаша делати у церкви Богоматери... Мая в 12 молитвы глаголемы от Митрополита на основание храма и почтение креста”. – В *Лет.* Львова, стр. 44, 65, 70: “На первое лето изведе церковь из земли Аристотель, известь же как тесто густое растворяше, а мазаше лопатками железными, а камень равной внутри класти повеле; столпы же едины четыре обложи круглы, крепко стоять, а в олтаре 2 столпа кирпичные, те на 4 углы, а все делано в кружало и в правило Тогожь лета (1475) храм по кивоты сотвори: внутрь же стен цепи положи и между столпов, иде же брусье дубовое в наших церквах, то все железное И колесо сотворил (г. 1476), и вверх камень ношаше, ужищем цепляше ... Вверху же цепляше малые колесца, еже плотники векшею зовут, чем на избы землю волочат; на столпы же камни велики положи, и совокупив кружало, и истеса на них по четыре конца на четырех странах, едино против другаго, и мниши кому, яко на каменных деревьях насквозь камень то збито ... Сотвори Аристотель у церкви верхи 4, около шеи большие казну сотвори, полати же подле олтаря от сторонних дверей, и на верх церкви всходити лествицу, своды же в один кирпичь, того ради, егда дождь идет, ино каплет. Помост же мелким камением измости; в олтаре же над Митрополичьим местом крыж Ляцкий истеса на камени за престолом; перед передними дверьми помост накрыл камением и в один кирпичь сведе, и середину на гире повеси на железной”. – В *Ростов. Лет.*: “Верхи же церкви тоя крыти привел Князь Вел. из Новаграда мастера; они же начаша крыти прежде дровом хорошо велми, по древу же железом Немец-

ким Князь же Великий (в день освящения) повеле раздати милостыню на весь град, а Митрополит со Епископы и Архимандриты с ним на обеде у него ядоша, и вси Боляре; а Собори вси 7 дней на его же дворе в другой храмине ядоша и пиша”. 23 Авг. Вел. Князь и сын его с помощниками перенесли Св. Митроп. Петра в деревянной раке в новую церковь, а 27 Авг. мощи других ^{16*}–Митрополитов: “Взяша раку кам. с мощми Митр. Киприана... и поставиша на десной стране у предние стены во угле равно с мостом церковным... И Фотиевы мощи поставиша рядом с Киприаном, и учиниша над ними надгробницы каменны ... Вземлют же раку деревяную, в ней же лежит Иона Чудотв. в теле, и принесше поставиша и на другой стороне против тех Митрополит на верх мосту. Феогноста же поставиша в церкви Св. А. Петра на верх мосту и окладоша кирпичем об едину стену с Св. Петром, яко же и прежде лежали бяху. Потом же Князя Юрья Даниловича мощи в древяне гробе пренесоша и положиша в церкви Св. Димитрия в застение в землю с мостом равно, и надгробницу учиниша над ним. По сем же приидоша ко гробу Митр. Филиппа: той бо лежаше посторонь новые церкви на левой стране, юже бе сам заложил, и открыша гроб, и видша его цела, яко же и Митр. Иона, и ризы его ни мало не истлеша ... и взяша его во гробе каменне и поставиша на той же стране, иде же Иона ... и 12 дний лежал не покрыт, и в 13 д. складоша над ним надгробницу”. –^{16*} В следующий день Митроп. и все Соборы обедали у Государя в *средней горнице*, а сам Вел. К. стоял перед ними и с сыном своим. – Все подробности описаны в *Ростов.*, в *Никон.* и в *Архив. Лет.* – В летописи Львова 131, 180: “тогда нецы клеветаша на Митрополита, яко не по солнечному ходу ходил со кресты около церкви; сего ради гнев воздвиже нань Вел. К. и много пыташе, и написания не обрете об освящении церкви, чтоб по солнцу ходить или не по солнцу. Речено же о том много бысть: овии по Митрополите глаголаху Архимандриты и Игумены; иной рече: во Святей Горе видел, что так же святители церковь. Вел. К. Геннадия призва Архимандрита и Владыку Ростовскаго Вассиана на спор. Митрополит свидетельство приводя: еда круг престола Диакон в олтарь на правую руку ходит с кадилом? а они глаголаху: солнце праведное, Христос, на Ад наступи и смерть связа; и того ради исходят на Пасху и много препирахуся, и не обретоша истины Митроп. же съеха на Симоново, посох свой остави в церкви, только ризницу взял, думая, ежели Вел. К. не упросит его и роптания не оставит, что по солнцу ходити, он хотел оставить сан и в кельи жить. Много бо церквей Вел. К. своих, Иоанна Златоуст. на посаде каменную, с год не велел святить, и Рожд. Богород. в городе и Онуфрия придела, доколе предложит на одно; но вси книжники по Митрополите глаголаху, а по Вел. Князе един Владыка Ростов., Князь Иоасаф, да Архим. Геннадий. Князь же Вел. посла сына

своего моля Митроп., дабы возвратился; он же не послуша. Князь же Вел. сам ехав, моля его, и винным в споре себя творя Митрополит же возвратися” (в 1483 г.).

¹⁰⁴ В начале 1490 года с братом Вел. Княгини Софии и с нашими послами, Дмитрием и Мануилом, сыновьями Ивана Палеолога Рала, приехали в Москву Архитектор Петр Антоний, ученик его Замантоний, пушечный мастер Яков с женою, серебряники Христофор с двумя учениками из Рима, Немец Олберт из Любека, Карл с учеником из Милана, Грек Петр Райко из Венеции, Каплан из белых Чернцев Августинова Ордена, Иван *Спаситель*, и Грек Арганнагой (см. *Продолжение Нестор. Лет.* стр. 317). В 1490 году был в Риме наш посол, Грек Юрий Траханиот или Тарханион. В Мае 1493 Вел. К. Посылал в Венецию и в Милан Грека Мануила Ангелова и Данила Мамырева за *стенными и палатными* мастерами. В 1494 они возвратились с Алевизом, стенным мастером, с Петром *пушечником* и с другими художниками. В 1499 Грек Дмитрий, сын Ивана Палеолога Рала, и Митрофан Федоров Карячаров ездили в Италию за *Государевыми потребями* через Краков и Венгрию: “да с ними послал Вел. К. Михайла Погожево к Олбрехту Королю, чтоб дал путь послом через свою землю”. В 1504 г. они возвратились и привезли с собою многих *мастеров серебряных, пушечных и стенных*.

¹⁰⁵ *Никон. Лет.* стр. 119, 122, 129.

¹⁰⁶ “Апр. в 5 день вышел К. Вел. из своего двора из старого во Княжь Иванов двор Юрьевича (Патрекеева) в новой и с Вел. Княгинею и с детми и с невесткою и со внуком и нача ставити каменной двор Того же лета поставиша Вел. Князю двор древян Тое же весны (г. 1493) на Радуницу, 16 Апреля, погоре Москва нутрь весь, и казна у Чуда в монастыре; только остался двор новой Вел. К. Июля 28 в 7 часов загоресь от свечи церковь Св. Николы на песку, и вста буря велия, и кинуло огонь на другую сторону Москвы-реки ко Всем Святым на Кулишках и оттоле на Дмитровку к Св. Георгию.... и выгоре посад за Неглинною, и от Св. Духа по Черторью до Петровской слободки, и Орбат и Стретинская по Васильев лужок и в городе двор новой Вел. Князя и стрелница Боровицкая и во граде все *алачюги* погорели, понеже бо не успели и хором поставити после вешняго пожара и из града загоресь торг, и посад подле Москву реку до Зачатья на Востром конце.... и по Старую Троицу Людей згоре более 200, а все то в половину дни до вечера, и, по Летописцам, как Москва стала, таков пожар не бывал”. В 1484 Вел. К. за новою церковию Благовещения заложил палату, а в 1485 г. каменный погреб на Казенном дворе. Ховрин и Василей Образец построили каменные дома в 1485 или 1486 году. Митрополит Зосима в 1493 г. поставил на своем дворе три келлии каменные с подклетами.

¹⁰⁷ “Повелением Вел. К. (в 1493 г.) сносиша дворы за Неглинну и церкви, и устави меру от стены до дворов 109 сажон болших Тоя же весны (в 1495) велел дворы снести и церкви за Москвою против города, и заложил стену градную каменну на Москве не по старой стене возле Неглинны”. Архиеп. Новгород. Геннадий в письме к Митрополиту Зосиме говорит: ^{16*}– Ныне беда ся стала земская ... церкви извечныя выношены из города вон, да и монастыри с места переставлены... и кости мертвых выношены на Дорогомилово; и кости выносили, а телеса ведь тутю остались, в персть разошлись, да на тех местех ныне сад посажен ... от Бога грех, а от людей сором. Здесь приехал Жидовин новокрещеной, Данилом зовут, да мне сказывал за столом во все люди: Князь-де Великой (так говорили Данилу Жиды в Киеве) на Москве церкви из города в селы метал вон ...-^{116*} А что дворы отодвинуты от города, ино то и в лепоту; а церкви бы стояли вокруг города: еще бы честь граду большая была Где престол стоял, да и жертвенник, а ныне те места неогорожены: ино и собаки на те места ходят и всякой скот”. См. *Древ. Рос. Вивлиоф.* XIV, 285, ^{16*} 287.

¹⁰⁸ “Мая (1505 г.) в 21 разбраша церковь Св. Архистр. Михаила ... и заложилша новую на том же месте и вынесоша мощи Вел. Князей и Удельных; и другую разобраша Ивана Лествичника, иже под колоколы; создана от Вел. же Князя, Ивана Даниловича, в лето 6837, и заложилша новую на том же месте”.

¹⁰⁹ ^{17*}– Но не ту, которая ныне слывет в Москве *большую пушкою*: она вылита в 1686 году Андреем Чоховым, как означено в ее надписи.-^{17*}

¹¹⁰ Сии монеты весьма известны. Есть и с другими именами.

¹¹¹ См. Архив. *Псков. Лет.* г. 1472. К. Федор ограбил всех чиновников Псковских, посланных с честию проводить его до границы. К. Ярослав приехал во Псков в 1473 году, Февр. 29.

¹¹² *Псков. Лет.* г. 1469: “Марта 8 Немцы побиша Пскович 26 ... а перевет учинил Ив. Подкурской, да Ив. Торгоша: он весть ко Пскову пригонил, и Псков его рублем жаловал... Ив. Подкурского, доведався, на беревне замучили”.

¹¹³ “Марта в 5 (г. 1471) приездил от К. Местера брат его, Пантелей Альский, с своею дружиною и весь Псков честь ему воздали, и он 2 недели быв поехал... Присла Местер (в 1472 г.) своего посла во Псков и срок положи, что быти съезду на Рождество Богородицы”. Вел. Князь 3 Сент. прислал на сей съезд Боярина своего, Андрея Тимофеевича, с 20 Боярскими Детьми; но 8 Сент. явился во Пскове Немецкий посол с ответом, что Магистру не досуг. “Приеха (в Ноябре) от Князь Местера Клавши с порубежья, да Иван Боярин земный, и Псков их с обидными людьми приял в серебре, что К. Местер съезды складывает, а на съезд не едет. Тоя же весны (в 1473 г.) по Велице

дни приехали от К. Местера послы и выняша Никулу Клавша, да Ивана Земсаго, а серебро за них 75 рублей поплатив, а о земли и о воде срок положили съезду быти за 2 недели по Петрове дни... И отрядив посла, Алексея Посадника (и других), в Новое село на Нарову на съезд к Новгородским послом, а К. Местер своих в Ругодив прислал, и по неделю съезжався и разъехашася, а управы не учинивше. Того жь лета К. Местер прислал посла в В. Новгород, и Псков отрядив Посадников, Ивана Гахоновича (и других), а с ними Богдана, что ему ехати из Новагорода к Вел. К., что ни учинитца на том съезде, и бывши недели 3, о миру не учинили ничего, а К. Местер и перемирья не емлет со Псковом по срочных". – Войско Московское пришло во Псков около 30 Ноября.

¹¹⁴ В Архив. *Псков. Лет.*: "Прислал Пискуп Юрьевский и Посадники и Ратмани во Псков Иван Бобров, Иван Земский, Дек. в 24, перемирья просить на 5 лет, и начаша мир прикончивати". Магистр (в Генв. 1474 г.) прислал во Псков какого-то Генриха для заключения мира. Новгородское войско пришло туда Генв. 5. Юрьевцы также обязались "во Псков корчмы не возити, ни торговати, ни колоды (заставы) у костра не держати". Холмский выехал оттуда Генв. 30.

¹¹⁵ *Древ. Рос. Вивлиоф.* II, 94–96.

¹¹⁶ См. *Послужный Список Бояр в Трудах Вольн. Рос. Собрания.* Т. I.

¹¹⁷ Архив. *Псков. Лет.*

¹¹⁸ В Генв. 1470 г. Псковские чиновники ездили к Королю в Полоцк: "и посольство правиша Генв. в 31; а были у Короля 3 дни на очах, а сам Король был в Полоцку неделю, и прежде того был за 21 год". Положили быть съезду на границе около Рождества Богоматери. "Отрядив 4 Посадники и Бояр изо всех Концов, да с ними сам К. Федор Юрьевич, и був на съезде на Березничи, понеже на том месте исперва съезжаются с Литовскими Паны, да истомы по 4 дни положе, розно розъехались... а от Короля были Пан Родивиль Остиковичь, Троцкий Воевода, да Пан Никула Немировичь Маршалок, и Пан Богдан Ондрюшковичь, Сент. в 14". – В 1471 году опять ездили Псковские чиновники к Королю в Вильну: в аудиенции 30 Марта он дал им слово быть на границе (см. Архив. *Псков. Лет.*).

¹¹⁹ Богдан приехал в Сент. 1474 года. Василий Китай с Федькою Мансуровым отправился в Литву 2 Апр. 1475.

¹²⁰ Еще в 1471 году, во время Новгородского похода, Никита Беклемишев ездил в поле за Муртозою, и привез его в Москву к сыну Иоаннову. См. *Никон. Лет.* стр. 33 и 35.

¹²¹ См. Кромера кн. XXVII, 390. Абульгази, стр. 367, говорит об *осьми сыновьях Ази-Гиреевых.*

¹²² В посольстве Семена Борисовича, 1486 года, о сем Хозе Косе сказано так: "Молвити Кокосю Жидовину: как еси наперед то-

го нам служил и добра нашего смотрил, и ты бы и ныне нам служил”. См. Дела Крымские № 1, стр. 122.

¹²³ См. *Дела Крымские* в Архиве Иностран. Коллеги, № 1, л. 14.

¹²⁴ Сообщаем сей договор в пример тогдашнего дипломатического слога:

“Вышняго Бога волею яз Менгли-Гирей Царь с своим братом, с Великим Князем Иваном, взяли есмя любовь и братство и вечный мир. От детей и на внучата быти нам везде за-один, другу другом быти, а недругу недругом быти. Кто будет друг мне Менгли-Гирею Царю, тот и тебе друг Великому Князю Ивану; а кто будет мне Менгли-Гирею Царю недруг, тот и тебе Вел. К. Ивану недруг; а кто будет друг тебе Вел. К. Ивану, тот и мне друг; а кто будет тебе недруг, тот и мне недруг. А мне Менгли-Гирею Царю твоее земли и тех Князей, которые на тебя смотрят, не воевати, ни моим Уланом, ни Князем, ни Казаком; а без нашего ведания люди наши твоих людей повоюют, а придут к нам, и нам их казнити, а взятое отдати, и головы людские без окупа нам тебе отдать. А коли мой посол от меня пойдет х тебе Вел. Кн. Ивану, и мне его х тебе послати без пошлин и без пошлинных людей; а твой посол ко мне придет, и он идет прямо ко мне; а пошлинам *Даражским* (путевым) и иным всем пошлинам некоторым не быти; а на сем на всем, как писано в сем ярлыце, яз Менгли-Гирей Царь с своими Уланы и со Князми тебе брату своему Вел. Кн. Ивану, молвя крепкое слово, *шерть* (клятву) есми дал, жити нам с тобою по сему ярлыку”.

Беклемишев поехал из Москвы в Марте 1474 года, а Старков 23 Марта в 1475 году. – Наставления Послам давались весьма обстоятельные. Выписываем нечто для примера:

“*Правити посольство Олексею Ивановичу Старкову.* – Князь Великий велел тебе говорити:

Князь Великий челом бьет. Как мя еси пожаловал, на чем еси ко мне крепкое свое слово молвя, *шерть* дал, и на чем ярлык свой шерстный дал, в том бы еси пожаловал и стоял..... И учнет Царь говорити: приказывал есми к своему брату, да и ярлык свой к нему послал есми, чтобы со мною был на Царя Ахмата за-один: коли пойдет на меня Ахмат, и он бы Царевичев своих отпустил на Орду; и брат мой, Князь Великий, у своей правды то выговорил, а на том мне правды не дал.

И Олексею говорити так: Осподарь мой К.В. посылал к тебе своего Боярина Микиту, а бил тебе челом по твоему жалованью, по твоему приказу, как еси к нему приказал с своим послом с Ази-Бабю, что другу другом быти, а недругу недругом быти, без выговора на всякаго недруга: ино не Государь мой то выговаривал на имя: выговорил ты, *вольной человек*, у своей шерти Осподаря нашего недруга Короля, а нашему Государю не хочешь на Короля помогати, а то Осподарю моему большей недруг; и говоришь, *вольный человек*,

то, что Король еще с твоим отцом в братстве и в dokonьчанье был, а с тобою нынеча также в братстве и в dokonчанье, и ты тово не хочешь порушити: ино ты ведаешь, что Осподари наши, Великий Князи, от отцов и от дед и от прадед слали своих послов к прежним Царям к Ординским, а они своих послов посылали к Великим Князем; а Осподарь мой, К.В., и нынеча потомужь своих послов шлет к Ахмату Царю и к брату его к Махмуту, а они своих послов к моему Государю посылают. И Осподарь мой тебе выговорил у свое правды Царя Ахмата, не хотя старины порушити, потому же, как ты моему Осподарю у своей роты Короля выговорил”. – Называясь *братом*, Иоанн всегда писал Менгли-Гирею *челобитье*, а Менгли-Гирей к нему *поклон*, или, в знак особенной ласки, *много, много поклон*; то есть, Вел. Кн. употреблял почтительнейшие выражения. – Ближними Ханскими Вельможами были Именек, Авдула и Карач Мурза, Беклемишеву велено было дать двум первым по сороку соболей, а если мало, то и по два сорока.

¹²⁵ “А как будет быти Олексею у Князя у Исайка, ино поклониться К. Исайку и его Княгине, да подати им поминки, да и до *черных* от Вел. К. поминок подати (т.е. и простым людям)..... А се говорити Алексею Кокосу, бывши у Князя у Исайка: К.В. велел тебе говорить, что еси ко мне присылал свою грамоту о том, что у К. у Исайка дочи, и мне бы пожаловати та его дочка взяти за своего сына: ино Боярин мой Никита девку видел.... и ты бы мне учинил ведомо о том, что взятка с девкою на кольцо тысячь золотых; то бы еси переписал на список, да ко мне прислал”. – После увидим, что Султаны Турецкие присылали к нам Князей Манкупских послами, и что сии Князья были Греки.

¹²⁶ См. сей *Истории* Т. I.

¹²⁷ *Архив. Лет.* г. 1475: “Туркове взяша Кафу, и гостей Московских многих побиша, а иных поимаша, и иных пограбив на окуп даваша; Ази-Гирееву Орду Крым и Перекоп осадил да дань давати, и посадил у них меншова сына Ази-Гиреева, Менди (Менгли) Гирея, а два сына Ази-Гиреевых убежаша; а приходил Воевода Турского Царя, а Царь сам не бывал”.

¹²⁸ См. Кромера стр. 412 и Кантемира в *Истории Оттоман. Империи*.

¹²⁹ *Архив. Лет.* г. 1476.

¹³⁰ Дела Крымские № 1, л. 30. Вел. К. желал иметь посла Зенебекова, но с условием, чтобы он приехал с немногими людьми и без *пошлинников*.

¹³¹ См. Длугоша Hist. Polon. 588, *Ядро Рос. Истории* 200, Герберштейна Reg. Moscov. Comment. 8^{16*}-, и ниже о *басме* примеч. 208. Последний говорит, что Иоанн при въезде Ординских послов всегда сказывался больным^{-16*}.

¹³² См. *Рос. Вивлиоф.* II, 86, 106.

¹³³ *Никон. Лет.* стр. 58.

¹³⁴ *Лет.* Львова, стр. 33. В *Архив. Лет.* стр. 67: “Тое же осени прибежал из Орды Вел. Князя посол, Дмитрий Лазарев”. Может быть, Ханский гнев заставил его *поспешно уехать* из Орды.

¹³⁵ *Архив. Лет.* л. 78. С Бочюком находилось 50 человек дружины, да 550 купцев с лошадьми и с разным товаром. Он поехал назад 6 Сент.

¹³⁶ Герой Галлерова Романа, Узонга.

¹³⁷ См. *Voyage de Perse par. Ambroise Contareni*, в Бержероне стр. 38–55.

¹³⁸ *Архив Псков. Лет.*: “А Новгородцы люди *Житии* и Молодшии сами призвали (его) а приехал во Вторник на Введение Св. Богородицы”.

¹³⁹ В Розрядной Книге Бекетова: “Лета 6984, Окт. в 22, Князь Вел. поехал с Москвы в В. Новгород миром, а с ним Бояре Иван Юрьевич, Федор Давыдович, Василей Федорович Образец, Петр Федорович, К. Иван Булгак, К. Данило Щеня, Василей да Иван Борисовичи, Григорей Васильевич Морозов, К. Александр Васильевич Оболенской, да Василей Китай – Окольничей Андрей Михайлович, Иван Васильевич Ощеря – Дворецкой Михайло Яковлевич Русалка – а Дети Боярские К. Михайло Колышка, К. Иванов сын Юрьевича Григорей Малой, К. Иван Звенец, Иван Товарков Молодой, К. Петр Васильевич Оболенской, Юрья Шестак – а Дьяки Микита Беклемишев, Алексей Полуектов”. – Вел. К. в Дмитриев день обедал в Волоке у своего брата, Бориса. См. все дальнейшие подробности в *Архив.*, *Ростов.* и в *Никон. Лет.*

¹⁴⁰ Назывались *Ипскими*, в *Архив. Новогород. Лет.* Иеродиакона Геронтия сказано здесь, что постав сего сукна стоил 30 рублей, т.е. шесть фунтов серебра.^{16*} – В старинных наших арифметических книгах определена мера *постав*: в нем было около 37 аршин сукна.^{–16*}

¹⁴¹ См. Круга *Münzkunde Russlands*, 162^{18*}. На сих монетах Английских и Французских XIV и XV века изображались *роза* и *корабль*; по-Немецки назывались оне *Rose-Nobel* и *Schiff-Nobel*; ходили в Германии, Дании, Пруссии, Ливонии.

Великий К. уже изъявлял неблаговоление к Архиепископу, как то видно из следующих мест летописей: “Владыка прислал к Дворецкому и к Конюшему (людей своих) кормы отдавати, и К. Вел. тех не похотел, да и на Владыку озлобился, что то не пригоже. Архиепископ же добил челом, и велел кормы отдавати Наместнику своему, Юрию Репехову.... и К. Вел. нелюбие Владыце отложил, и был того дне у него Владыка, и бил челом, звал его хлеба ясти к себе, и К. Вел. не пожаловал”.

¹⁴² См. Далин. *Gesch. des R. Schwed.* II, 607. В *Ростов. Лет.*: “пришел посол Немецкий от Короля Свейского, от Герстура, сестричь его Орбан, Генв. в 12 день”, и проч.

¹⁴³ В Архив. *Псков. Лет.* г. 6983: “Приеха с Москвы Ноября в 13 Князь Псковской Ярослав и нача у Пскова просити и суд держати не по Псковской старине, на ссылку вдвое езды имати, и по пригородом его Наместником Княжая продажа имати, такожь и денги Наместничи”. Граждане посылают с жалобою к Вел. Кн. и представляют ему древние грамоты: он взглянул на них, отдал назад послам и сказал, что сии грамоты писаны не Великими Князьями, и что Псковитяне должны удовлетворить всем требованиям *Ярослава*. Второе челобитье Псковитян: Вел. К. дает слово отправить к ним посла для разобрания всех жалоб. Они присылают ему в Новгород 50 рублей в дар. Тут в *Псков. Лет.* рассказывается чудо. “Послове же приехали во Вторник на другой недели, и в Четверток на ту ночь бысть чудо дивно и страха исполнено. Стряхнувшесе Вел. Новгород против Князя В., и бысть пополох во всю ночь сильно по всему городу, и в ту же ночь видеша и слышаша мнози вернии, как столп огня стоящ над Городищем от небеси до земля, такоже и гром; и ко свету не бысть ничто же”. Вел. К. велел остаться послам в Новгороде до прибытия Ярославова, которой и приехал наконец Дек. 12, взяв с своих граждан 20 рублей на путь, с обещанием ходатайствовать за них у Государя; но вместо ходатайства начал жаловаться. “И Бояре приехаша во Псков, а за ними К. Ярослав Генв., а с ним послы Вел. К., повестуя, чтобы есте К. Ярославу денгу Наместничю освободили, и езды вдвое и продажи по городом Наместником имати Княжая, и нивнии судове по старине судиши, всякая копная и изгородное прясло и коневая валища ... а нас прислал в пять дней от вас и семо и тамо съездити ... За все сполу К. Ярославу Псков дал на Вече 130 р., а Вел. Князю за все то поимали жь, чего он просил, тое оправиши и его Наместником. Того же мес. в 5 день опять поехал Ярослав и с послы Вел. Князя (в Новгород), а Псков с ними отрядил Посадников ... и К. Вел. (отвечал), что есте рклися К. Ярославу, тем вас жалую, а кого к вам ни пришлю, и вы бы есте меня слушали... и приехаша во Псков Генв. в 18”.

¹⁴⁴ См. Архив. *Псков. Лет.* и Синод. *Новогор.* № 46. В первом: “много Христиан пограблено по дороги и по селом и по монастырем, и числа края нет, колико золота и серебра вывезе от них”. Во втором: “бысть Новгород, области убытка много, и с кровию”. В обоих сказано, что с Иоанном находилось *много силы*, т.е. людей воинских, но не полков.

¹⁴⁵ Феофил приехал Марта 30, с Посадником Яковом Коробом, Казимеровым братом, и проч. — “Коих поимал Вел. К. в Новгороде, послал в заточение трех на Коломну, Ивана Афанасова с

сыном Олферьем, да Богдана; а трех в Муром, Федора Исакова, да Василья Ананьина, да Ивана Лошинского. И дары много привез Владыка а обедал у Вел. К. Апр. 1 со всеми своими, а в 7 день, в Неделю Вербную, был пир отпускной на Владыку у Вел. Князя”. На другой день он уехал. – Федор Исаков, Марфин сын, постригся в Муроме и умер 9 Мая в 1476 году, еще до прибытия Феофилова в Москву.

¹⁴⁶ Летописцы забыли, что и Мономах заставлял их ездить к себе на суд.

¹⁴⁷ В *Ростов.* и в других: “В лето 6985 (1477 г.) мес. Марта, Архиеп. и весь В. Новгород прислали к Вел. Князем, Иоанну и сыну его, Назара Подвойского, да Захария Дьяка Вечного, бити челом и называти себе их Государи Апр. в 24 К. Вел. посла Феод. Давид. и Ивана Борисовичь, да с ними Дьяка Василья Долматова ко всему В. Новугороду покрепити того, какова хотят Государства отчина их, В. Новгород; и они того заперлися, рекуще: *с тем есмя не посылавали*, и назвали то лжею”. – Но в *Архив Псков. Лет.* гораздо обстоятельнее: “Мая в 18 приехал посол от Вел. Князей в Новгород Фед. Дав., да с ним Тучков и окольних людей много и конев, и стал на Городищи, и пришел на Вече, и учал В. Новугороду повествовати, что есте Князем Великим своих послов присылали и с своею грамотою, а что его есте Государем себе назвали и за него есте задавали, и суду его у вас в В. Новегороде быти, и по всем улицам сидети Князя Великого Тиуном, и Ярославле вам Дворище очистити, и в Вел. Князей суд не вступати? И Новгородцы же тех Посадников и Бояр и живот пограбили, и дворы и доспехи поотнимали, и всю ратную приправу, которые так чинили, а без В. Новагорода ведома тую прелесть чинили”.

¹⁴⁸ См. *Ростов.* и *Архив. Псков. Лет.*, где Василий назван *Ананьиным*, в других же во всех Никифоровым.

¹⁴⁹ *Архив. Псков. Лет.*: “Вам, Господином своим, челом бием, а что *Государи* вас, а то не зовем; а суд вашим Наместником на Городище по старине; а вашему суду Вел. Князей, ни вашим Тиуном, то у нас не быти; ни Дворища вам Ярославля не даем. На чем есмы с тобою на Коростыни мир кончали и крест целовали, по тому dokonчaнью хотим с вами и жити”, и проч.

¹⁵⁰ См. *Ростов. Лет.* л. 534.

¹⁵¹ 30 Сент. с Подъячим Родионом Богомоловым.

¹⁵² Первый приехал в Торжек к Наместнику Великокняжескому, Василию Китаю, еще в Августе; а второй в Октябре.

¹⁵³ В *Ростов. Лет.*: “да Новоторжцы, *Берновы* и *Глуховы*”. Ружанами именуются жители Рузы.

¹⁵⁴ “Окт. в 19 приехали в Торжек к Вел. К. Бояре Новгородские, Лука Клементьев, да брат его Иван, и били челом в службу...”

Окт. в 26 на Волочке Посадник Новгород. Григорий Михайл. Тучин бил челом в службу”.

¹⁵⁵ “Велел им (Вел. К.) стояти на Бронничи, а ждати вести от себе; а иным Воеводам у озера Илмеря на Взваде и на Ужине”.

¹⁵⁶ В Архив. Псков. Лет.: “Июня в 15 (в 1476 г.) послаша Псковичи Бояр изо всех Концов на Москву с грамотою жалобною с плачем к Вел. Князю на К. Ярослава, чтоб его сослал, а нам был дал К. Ивана Александ. Звенигородцкого; и Князь Великой только нялся, посла своего прислати.... а хочет суд творити по его засыльным грамотам, а не по своим старинам, как его прародители... И Псковичи другово посла отрядили Авг. в 27 просити Князя Ивана Бабича, понеже К. Иван Звенигородцкой преставися в *Великом* Володимере в Великой Пяток, и постригся.... Сент. во 2 расперичился с людьми люди на Княжи дворе с пьяными Княжедворцы, и се почаша битися, а *сестники*^{19*}– (*шестники*, *пришельцы?*)–^{19*} ножи колотися, а наши камением, и пойдоша *сестники* на весь мир с ножи на торг; а иные с луки... а Псковичи только боронилися... и сам Ярослав пьян же, и в пансыре вышед, почал стрелять.... и пойдоша на торг Посадники и Бояре и люди Житейския и с запасы, и к вечеру Князь и *сестники* пойдоша на сени, людьми доброхотящими укрощени. А Псковичь бяше тогда полно побито до крови, иного в ногу, иных в хребет”. О причине ссоры так в Синод. Псков. Лет.: “Повезе Псковитин с огорода капусту через торг мимо Княжей двор, и *шестник* похитив силою наручье капусты, даде Княжому барану; и про то начаша Псковичи которатися.... дву человек до смерти застрелиша.... и убиша на торгу повара Княжого Курву”. Псковичи стояли с оружием во всю ночь, ибо люди Княжеские грозились зажечь город. На другой день Вече отрешило Ярослава; но Иоанн не хотел сменить его, и посол Великокняжеский, Боярин Иван Федорович Товарков, сделал Псковитянам множество убытку и досад. Новое целобитье Государю. “Гнев. во 2 день (1477) приехаша послы Псковския: наехали Вел. К. в Володимере, и там держав их 3 дни, опять на Москву отослал, и на Москве ждали 4 недели, и К. Вел. ответ дал: *коли отчина моя Псков на двор нашего Наместника, а своего Князя, находила, ино сама изо старины выступила, а не яз Князь Великой*. Тоя же зимы К. Великой, Февр. в 15, прислал грамоту к Ярославу, веля ему к собе ехати, и со Княгинею и со всем Двором”. 23 февр. он уехал. Летописец говорит, что никогда не бывало у них такого Князя злосердного и хищника: Наместники его в пригородах также грабили. “А Псков, того не рядя, слали ему на всяк стан корм с честию до последняго стана... Он же приставы и Старост Губских (Губных), которые его чествовали, всех 18 человек повязав мучи и с собою на Москву увел.... Марта в 9 послали к Вел. Князем Посадников и Бояр Андрея Рублева, Трофима и проч. бити челом о своих старинах и Князя просити себе

вольного, К. Василья из Новагорода, или К. Ивана Володимерича, также и о сведеных людех.... Апр. в 23 приехаша во Псков здоровы, и тех всех с собою припровадили, которых Ярослав свел.... а сам Ярослав ни на очех в то время при наших послех не бывал.... а К. Великой и поминки принял 100 рублей, и с честью отпустил, а *яз к вам шлю своих послов....* Июня в 7 приехал от Вел. Князей Иван Зиновьев и Дьяк Григорей Иванов сын Волнин, поднимая Псков на Новгород.... и быв неделю, прочь поехали". Псковитяне сами отправили посольство к Вел. К.; оно возвратилось 27 Авг. "Ответ таков: со всем моим приказом мой посол еще у вас будет.... Сент. в 5 приеха опять Дьяк Волнин, а веля сими часы грамоты вскинути В. Новугороду; а за ним много гостей прибегоша Низовских и с товары из Новагорода, а инии поехали на Литву. Вскинуша грамоту Новугороду Сент. 30 на Вече, а свои Князь Вел. на заутре положи".

¹⁵⁷ См. Архив. *Псков. Лет.* – Дьяк Волнин схватил на Вече второго посла Новгородского, но освободил из уважения к ходатайству Псковитян, которые все еще не хотели вооружиться и пересылались с Вел. К. "Григорей Дьяк приходя на Вече повествовати: на конь вседайте, а яз вам приставлен Воеводою; а как Князя Великого где наедем, и он вам и Наместника даст, а я вам Князя".

¹⁵⁸ См. *Ростов. Лет.* – В *Псков. Лет.*: "Окт. 10 загорелось в 3 часу нощи от Сысоевых ворот, от Федора от Дмитрова двора, и погоре всего града застенье и до кола, а горело до назаутрея до вечера".

¹⁵⁹ В Архив. *Псков. Лет.*: "Князь Василей приехал с Вел. Князя Воеводою, с Васильем с Дятлем.... и крест поцелова на Вече на всех Псковских пошлинах и старинах Ноября в 25".

¹⁶⁰ См. *Ростов., Архив. и Никон. Лет.*

¹⁶¹ "Говорили о том, что Князя Великого Мукобрыне позывают на суд Новгородцев", и проч. Не знаю, что такое Мукобрыне: это имя не встречалось мне нигде в другом месте. Но видно по связи слов, что они были Великокняжеские люди.

¹⁶² См. *Ростов. Лет.* л. 539.

¹⁶³ "Пришел К.В. под град через Ильмерь по льду". – В Архив. *Псков. Лет.*: "стал (В.К.) в Ракомли над Волховом за 3 версты от В. Новагорода".

¹⁶⁴ "По Пидбе вверх по левой стороне и на Стипе".

¹⁶⁵ "И Савастиан Кушелев (посланный) сретил их (Псковитян) у Солицы на Шолоне".

¹⁶⁶ См. Архив. *Псков. Лет.*

¹⁶⁷ См. Синод. *Псков. Лет.* л. 209.

¹⁶⁸ См. *Ростов. Лет.* л. 541–542.

¹⁶⁹ В *Ростов. Лет.*: "и донележе К.В. возвратися к Москве, а мост стоит".

¹⁷⁰ См. *Псков. и Ростов. Лет.* Сей Гребенка Шуйский назван

братаничем К. Ивана Горбатого. В *Продолжении Нестор. Лет.* сказано, что Вел. К. дал ему Новгород Нижний.

¹⁷¹ “И Кн. Вел. у Владыки взял 10 волостей, Порог Ладожский и земля Порожская по обе стороны Волхова, да в нагории Емелегежский погост, да Колбалской, а сох в них 43 1/2; да в Дреглех погост, да Кременицкой, 50 сох; да на месте Белая 39 1/2 сох; да Удомля 50 сох; да Кирва, да Ахона 52 1/2 сох; да Перос, а в ней 80 куниц и две.... да прежде-писанных шести монастырей по половине волостей; а Юрьева монастыря в половине, что взял Кн. Великий 720 обеж; а у Аркажа 332, у Благовещенского 253; а у Никольских Неровского Конца 251; а у Антонова монастыря 50 сох; а у Михайловского 97 обжей, да шесть сел, которые были за Князем В. Шуйским, а сох 58”. В *сохе* было три *обжи*. Хотя мы и назвали здесь *обжу* тяглом, но иногда в *пяти* обжах находилось *семь* работников, иногда *шесть* (см. Архив. Книгу Поместного Приказа). В летописях же сказано здесь: “обжа (Новгородская) един человек на единой лошади орет”.

¹⁷² “Кн. Вел. захотел взяти с обжи по полугривне, и Владыка со всеми своими начаша бити челом, чтобы Государь имел дань, как бием челом, по 7 денег с сохи единова на год, и Кн. Вел. тем их пожаловал, что имати ему с сохи по полугривне”. Следственно в гривне было только 14 денег *Новгородских*: так говорит и Герберштейн.

¹⁷³ С Одинцом.

¹⁷⁴ “Да тот список и *подписати* велел Владыце”.

¹⁷⁵ “Да и о Попе Иоанне говорили (Бояре Вел. Кн.), да о Сенке о Княжеском, чтобы Попом ругу отдали за давние годы, что им не дали, да и вперед бы давали ругу; а что у Попа Иоанна взяли, а то бы ему все отдали, а Сенке бы двор, да и статок весь отдали, что у него взяли”.

¹⁷⁶ Посольство правил *один* К. Иван Юрьевич.

¹⁷⁷ См. *Ростов. Лет.* л. 548.

¹⁷⁸ В *Ростов. Лет.*: “а что услышите кто у брата своего Новгородца о Вел. Князех о добре и о лихе, а вам то сказати своим Государем; а что учнут Вел. Князи с вами говорити которое свое дело или Бояре Вел. Князя, и того вам Государского дела не проносить”.

¹⁷⁹ “Февр. в 2 день Вел. Княгиня Марья постриглась на своем дворе и наречена бысть Марфа; а постриг ее Игумен Кирилова монастыря”. Гонец приехал в Москву 27 Генв.

¹⁸⁰ В Тверской Губернии, в Вышневолоцком Уезде, в селе Млехе, при церкви Спаса Нерукотворенного, есть надгробный камень с надписью: “*Лета* 3 *положенася*, преставися раба Божия Марфа на пам” ... Некоторые думали, что Борецкая, не доехав до Москвы, умерла и погребена в сем месте. Надпись действительно кажется

древнею; но числительная буква З указывает на семитысячный год, а Борецкая отправлена из Новгорода в 6986 году от сотворения мира.

¹⁸¹ “Чепь златую 5 гривенок, чару золоту 10 грив., чару золоту 1 1/2 грив. и 10 золотник, ковш золот гривенка и 3 золотника, кружку золочену сребрену 13 грив., да кубок складной золочен 14 грив., да мису сребрену 11 грив., да кубок золочен 6 1/2 грив., да пояс золочен великие оковы 18 1/2 грив”.

¹⁸² Длугош. Hist. Polon. кн. XIII, 538, и Арнта Lief. Chron. 16* — В Кремлевском Арсенале показывают набатной колокол вылитый в 1714 г. из старого набатного: уверяют, что сей последний был Вечевый Новгородский.—^{16*}

¹⁸³ *Ростов. Лет.* л. 503 на обор.: “наймоваху злых смердов ... и тии приходяще на Вече, бияху в колоколы, и кричаху”, и проч.

¹⁸⁴ При Олеге.

¹⁸⁵ См. Сей *Истории*. Т. III, стр. 207.

¹⁸⁶ Кранц в Wandal. стр. 301: Ita civitas potentissima, non tam armis quam ingenia, servit hodie [Ныне это государство очень сильное, не столько оружием, сколько хитростью]. Далее Историк говорит, что успехи торговли противны духу воинскому, и проч.

¹⁸⁷ См. Сей *Истории* Т. III, стр. 158.

¹⁸⁸ Кранц в Wandal. 301: Novguardia metropolis Russiae tam potens, ut in proverbio efferrent cives eius: quis potest contra Deum et magnam Novguardiam? [Русский город Новгород столь могуществен, что у граждан его есть пословица: Кто против Бога и Великого Новгорода?] Сочинитель *Жизни Царя Иоанна Васильевича* (Ioannis Basilidis, Magni Moschoviae Ducis vita, a Paulo Oderbornio conscripta) также говорит о сей пословице; а Немецкий его переводчик, Христ. Куне, сообщает ее и на старом Русском языке; Ocho moschet stojati protif Vocho dai Welik Novogorod? то есть: *кто может стоять против Бога да Великого Новгорода?*

¹⁸⁹ Т. II, стр. 12.

¹⁹⁰ Т. II—III, стр. 450.

¹⁹¹ Т. V, стр. 118.

¹⁹² Т. IV, стр. 61.

¹⁹³ См. выше, примеч. 49.

¹⁹⁴ Т. V, стр. 102.

¹⁹⁵ Новгородцы изъявили редкую умеренность, разбив войско Боголюбского и Михаила Тверского (Т. III и IV); приняли Князей Суздальских, ослепленных Всеволодом Великим (Т. III); Юрия Смоленского, Шемяку (Т. V), Гребенку Шуйского (см. выше) и проч.

¹⁹⁶ Сия *История* представляет доказательства.

¹⁹⁷ См. в Таците речь Гальбы при усыновлении Оттона.

¹⁹⁸ Во многих сказано только: “поймал Владыку в *крамоле* а

казну его, множество злата и сребра и сосудов взял на себя”. В *Продолжении Нестор. Лет.*: “Не хотяше бо той Владыка, чтобы Новгород был за Вел. К., но за Королем или за иным Государем. Кн. Вел. отъя половину волостей у Владыки, и про то Владыка нелюбие держаше”. – В *Послании Рос. Митрополитов* (Синод. библиот. № 164, л. 191) есть *отписная Феофилова грамота*, которою он отказывается от Архиепископии, говоря: “Познаваю убожество своего ума и великое смятение своего неразумия и того ради яз, смиренный Феофил, Бога молю и челом бью господину своему и отцю, Геронтию Митрополиту, и извещаю пред своею братиею, пред Архиеп. и Епископы, и приимаю благословение и прощение о своем дерзновении и о своей грубости и о недостатности своего ума, что Христова стада пасти не возмогох: и того ради оставляю свою Архиепископию”. Феофил клянется провести остаток жизни в смирении, не именоваться Архиепископом, благословляет Вл. Кн. и сына его, и внизу подписал грамоту собственною рукою.

¹⁹⁹ “Положили (в 1483 г. Июля 17) жребий на престол Елисея Архимандрита Спаскаго, да Сергия Старца Троицкаго, да Генадия Архим. Чудовскаго на Архиепископство в Новгород... Сент. в 4 поставлен Сергей, бывший Протопоп Богородский Симеон”. В *Архив Новгород. Лет.* Иеродиакона Геронтия, л. 163, находится следующее: “И прилучися ему (Архиеп. Сергию или Симеону) ехати мимо монастырь Арханг. Михаила Сковоротку. Сергей же сниде с коня и вниде в монастырь, и помолися и поиде в паперть, и сказаша туто гроб строителя монастыря того, Архиеп. Моисея. Он же повеле Священнику гроб вскрыти. Священник не смея, и рече: подобает Святителю Святителя вскрывати. Архиеп. же рече с гордости: *кого сего смердовича и смотри!* и поиде из монастыря, и приеде в Новгород, и от того времени приде на него изумление: овогда видяху его в Софийской паперти сидяща в одной ряске; иногда же в полдни у Святей без манатии, и свезоша его к Троице в Сергиев монастырь в свое постриженье”. В *Летоп. Львова*, стр. 190: “Не хотяху Новгородцы покоритися ему, что не по их он мысли ходит, понеже Вел. К. посла Боярина своего с ним и Казначей и Дьяка; они же отъяша у него ум волшебством и глаголаша: Иоанн Чудотворец, что на бесе ездил, тот сотвори ему”. В *Синод. Псков. Лет.* л. 217: “В Новгороде Владыке Сергию начаша являтися Святители Новгородстии, овогда во сне, овогда яве, обличающе безумное дръзновение на поставление, яко оставльшу Каноны, в них же глаголет, яко живу сущю Епископу и не яшу, ни обличену ересью, но по правилом изгнану, не подобает иному на престол его дръзати. И сия глаголюще, в недуги вложиша его и невидимою силою порази его о землю, и пребысть неколико нем и пострижесь в Скиме в монастыри на Хутины, и тамо его невидимо па-

че первого явления умучи и вне монастыря изверже; и отъеха на Москву с своими Дворяны Июл. 23". Геннадий поставлен 9 Дек. 1484.

²⁰⁰ *Лет.* Львова стр. 189. Новгородцев допрашивал в Москве на дворе Ивана Товаркова Подъячий* Гречников.

²⁰¹ В Розрядной Книге Бекетова сказано: "Как Бог поручил Вел. Кн. Ивану Васильевичу под его державу В. Новгород, и по его Государеву изволению распущены из Княжеских дворов и из Боярских служилые люди, и тут им имена, кто чей бывал, как их поместил Государев писец Дмитрий Китаев:

1. Янышевы, Борановы, Тыртовы, Постельниковы, Клементьевы, Чепуюговы, Печенеговы, Хомутовы: то Ивановские послужильцы Борисовича Тучкова восемь семей в те поры двory его помещены.

2. Сарыевы, Теткины, Зеленины, Берюлевы, Битюговы, Амбучевы: то Князь Семена Ряполовскаго послужильцы шесть семей.

3. Шедрюнины, Быковы, Ланкины, Пестриковы, Хомутовы, Печенеговы, Нефедьевы, Щербинины, Редровы: то Васильевские послужильцы Тучкова 9 семей.

4. Мустофины, Татьянаины, Нестеровы, Нороватые, Нелединские: те Шереметевские послужильцы 5 семей.

5. Шляковы, Обрамовы, Тарузины, три семьи Шереметева двора.

6. Быковы Васильевские послужильцы Кузмина 1 семья.

7. Базаровы, Авсиевы, Гулдовы, Назимовы: то Богдановские послужильцы Есипова 4 семьи.

8. Белосельские, Одинцовы, Рындины, Чернышевы, Саблуковы, Колокольцовы, Савины, Мещениновы: те Салтановские послужильцы Травина 8 семей.

9. Муравьевы. — 10. Некрасовы, Назимовы: те Обрамовские послужильцы 2 семьи.

И помещены по Государеву указу в Вотцкой Пятине".

²⁰² *Лет. Никон.* стр. 158.

²⁰³ См. *Архив. Псков. Лет.* — Сей Летописец так заключает историю Новгорода: "И посади Вел. Князь во граде четыре свои Наместники, два на Ярославли дворе, Князь Ивана Стригу да брата его Кн. Ярослава; а на Владычни стороне Бояр Василья Китая да Ивана Зеновьева, и дела судебная и земския правити, а Владыке опрочь Святительскаго суда, ни Посадником, ни Тысяцким, ни всему Новгороду не вступатися ни во что же; ни Вечу быти, ни послов слати нам к ним, посольства правити со иныя земли к Наместником, а не к Владыке, ни к Новгороду... Сеже все бысть по строению Божию.

* Здесь и далее так в тексте.

Что ми о сем промышляти много, или писанию предавати? *Дожде вся скончашася о Великом Новегороде!*"

²⁰⁴ Первая родилась Апр. 18 в 1474 году, вторая в Мае 1475, третья (по кончине первой) 9 Мая 1476.

²⁰⁵ См. *Степен. Кн.* II, 137. Сие видение было Софии за монастырским селом Клементьевым, когда она сходила в долину к Лавре. Василий родился 25 Марта и назван именем Гавриила в честь Архангела Благовестителя.

²⁰⁶ Юрий или Георгий родился 23 Марта 1480 года, Димитрий 6 Окт. 1481, Феодосия в 1485, Симеон в 1487, Андрей Авг. 1490. Год рождения Евдокии не означен в летописях.

²⁰⁷ Архив. Дела Крымские № 1, л. 34–39. Братья Менгли-Гиревы приехали в Москву осенью в 1479 году, когда Вел. К. находился в Новгородском походе. В летописях: "тое же весны Мердоулата Царевича, Мердоулатова сына, зарезал Татарин его, и тому Татарину отец его голову отрезал".

²⁰⁸ В *Казанск. Лет.*: "Великий же Князь, прием басму лица его (Царского), и поплевав на ню, излома", и проч.^{16*} У нас несправедливо толковали, что *басма* есть Ханская грамота с печатью: грамоты Ханов назывались *ярлыками*, а печать *нишаном*. *Басма* собственно значит *тиснение, изображение, снимок*, от глагола *басмак*, так изъясняемого в Латин. словаре: *Basmak, calcare, premere, impressionem facere* [попирать, давить, тискать].^{-16*}

²⁰⁹ Синод. *Лет.* в четвертку, № 365, л. 466.

²¹⁰ Контарини, стр. 45, пишет: En ce tems l'Empereur des Tartares avoit la guerre avec son neveu, qui, parce que son pere avoit tenu l'Empire, pretendoit le lui disputer [В это время татарский император вел войну со своим племянником, который имел притязания на власть, ибо отец его царствовал в Империи].

²¹¹ По тому что Иоанн не захотел ехать к нему в Орду.

²¹² См. *Летоп.* Львова, г. 1480, стр. 132.

²¹³ Синод. *Псков Лет.* л. 211 на обор.: "Князь Андрей *Горай* и Борис разгневался на брата, на Вел. Кн. и поидоша прочь; а около их Бояр и людей, яко мнеши ми, до 20 000, и стаха на Луках на Великих, а волости вся положиша пусты", и проч. – О замышляемом ими бегстве Иоанн узнал будучи в Новегороде и спешил возвратиться перед Вел. постом. Борис приехал к Андрею в Угличь на Масленице, отпустив свое семейство во Ржеву, куда после и сам отправился с братом. Иоанн присылал к ним во Ржеву (или Ржев) Боярина Андрея Михайловича (см. Архив. Лет.).

²¹⁴ Синод. *Лет.* № 365, л. 466: "И Король *порадовася* тому"; однако ж не хотел явно вступить за них: "послали к Королю, чтобы их управил в обидах с Вел. Князем и помогал, и Король им *отмолвил*" (См. *Архив. Лет.*).

215 В *Архив. Лет.*: “быша в страсе велице... все грады быша в осадах, и по лесом бегаючи, многие мерли”.

216 См. *Летоп.* Львова, стр. 136.

217 Вассиан ездил к ним два раза: сперва в Молвятицы (в области Новгородской), откуда они послали с ним к Иоанну Бояр своих, двух Князей Оболенских, требуя удовлетворения. Сей Архиепископ возвратился в Москву на Страстной неделе, и 27 Апр. опять поехал к ним в Великие Луки вместе с Дьяком их матери.

218 См. *Казанск. Лет.*

219 В *Синод. Лет.* в четв. № 365, л. 467, сказано, что вместе с Вассианом был там и Владыка Прохор *Подрельский*. Крутицкие Епископы назывались прежде и *Подрельскими* (см. ниже, примеч. 326).

220 См. *Синод. Лет.* в четв. № 365, л. 468. С Софиєю и с казною Великокняжескою поехали Василий Борисович и Андрей Михайл. Плещеев.

221 В *Синод. Лет.* № 365, л. 467 на об.: “Сила его ста по Оке и по Угре на 60 верьстах”.

222 *Лет.* Львова стр. 169.

223 *Лет.* Львова стр. 169. Но в сем Летописце все перемешено.

224 Мать его и Митрополит посылали своих Бояр уговаривать Князей Андрея и Бориса; они усовестились и прислали в Москву своих чиновников. См. *Ростов. Лет.*

225 *Лет.* Львова стр. 170: “Дмитровцев же в осаду в Переславль велел перевести Полуехту Бутурлину, да Ивану Кике”.

226 Между Боровска, Медыни и М. Ярославца.

227 См. *Синод. Лет.* № 365, л. 469.

228 См. *Лет. Архив* и Львова.

229 См. *Синод. Лет.* № 365, л. 469 на обор. Стриковский пишет, что Темир, подкупленный Великим Князем, отвел Ахмата от сражения и зарезал сего Царя.

230 См. *Лет.* Львова стр. 172.

231 В *Синод. Лет.* № 365, л. 487, означено внизу грамоты, что она писана на *Дорогомилове*. См. *Ростов. Архив. Лет.* и *Степен. Кн.* II, 140. Я выписал здесь только сильнейшие места сего Вассианова послания, достойные войти в Историю: то есть, сократил его без всяких прибавок или украшений. – Грамота Геронтиева к Иоанну находится в послании *Рос. Митрополитов* (в *Синод. Библиот.* № 164, л. 254).

232 *Синод. Лет.* № 365, л. 487.

233 В *Синод. Лет.* № 365, л. 471: “Царь же хотя искрасти Вел. Князя под Опаковым Городищем, хотя прелезти Оку”. – В *Казан. Лет.*: И могу нареци ту реку (Угру) пояс самая Пречист. Богородицы, аки твердь от поганых защищающу Русскую землю”.

²³⁴ В *Синод. Лет.* № 365, л. 487 на обор.: “отступи со всею силою в поля в Боровецку, как мощно бой поставити противу Ахмата”.

²³⁵ *Синод. Лет.* № 365, л. 487—488.

²³⁶ *Синод. Лет.* № 365, л. 488: “Проч идучи, приходил Царев сын, Амуртоза, на Конин, да на Нюхово в вечери; а Кн. Вел. отпустил братию, К. Андрея, да К. Бориса, да К. Андрея меншаго со множеством Воевод. Татарове же нощи тое поимаша человека и начаша мучити, а прашивая Кн. Великого. Он же сказал, что Кн. Вел. близко и побеже (Царевич) на ранней зори”.

²³⁷ См. в *Казан. Лет.* главу X.

²³⁸ См. *Лет.* Львова стр. 174 и 175.

²³⁹ *Степен.* Кн. II, 150: “От того времени уставиша праздник праздновати Пречист. Богородицы и хождение со кресты м. Июня в 24 день”. Не 24, а 23 Июня. В сей день бывает в Москве Крестный ход в Сретенской монастырь.

²⁴⁰ См. *Ростов., Никон. и Казан. Лет.* гл. XI. Там сказано, что Ахмата убил шурин его, Ногайский Мурза Ямгурчей; но обстоятельнее и вернее говорит о сем *Архангельский Летописец*, стр. 159: “Тое же зимы слышав Царь Ивак Шибанский, что Царь Ахмат идет с Руси, а воевал землю Литовскую, полону и богатства безчисленно, и приде Царь Ивак в Нагаи, а с ним силы 1000 Казаков, и взял с собою шурию свою из Нагаи, Мусу Мырзу, да Ямгурчей Мырза, а с ними силы 15 000 Казаков, и перевезеся Волгу на горную сторону, а уже осень, и поиде на переем на Ахмата, и перенял след его за Доном и поиде после Ахмата по вестем, и как Ахмат разделился с своими Салтаны, на зимовище приде, и ста зимовати, расплошася; а Царь Ивак приде на него с силою своею безвестно с Мырзами, Генв. в 6 день (1481), на утре изноровяся, а Царь Ахмат еще спит, а Царь Ивак сам вскочи в белу вежу Цареву Ахматову и уби его своими руками, а силы меж собою не билися, а Шибаны с Нагаи начаша Ахматову Орду грабити меж Доном и Волгою, на Донцу на Малом близ Азова; и стал Царь Ивак 5 дней на Ахматове Орде и поиде прочь; а Ордобазар с собою поведе в Тюмень не грабя, а добра и скота и полона Литовскаго безчисленно поймал, и за Волгу перевел. Того же лета Царь Ивак послал Чюмгура Князя к Вел. Князю Ивану Васильевичу и к сыну его с радостию, что супостата твоего есми убил Царя Ахмата; и Кн. Вел. посла Ивакова чествовал и дарил, и отпусти ко Царю с честью, а Царю Иваку шеть послали”. — Шибаны и Ногаи кочевали в соседстве, однако ж разделялись между собою; первые, кажется, так назывались от имени Шибана или Шейбани-Хана, Батьева брата, который господствовал в Туране или в Сибири (См. Абульгази Hist. des Tat. стр. 483, и в Бержероне путешествие Карпина и Рубруквиса). В других летописях и в самых посольских бумагах Шибанские Татары именуются обыкновенно Ногаями. Дела Ногай-

ские в Архиве начинаются с 1489 года (см. ниже примеч. 308). В сем году и в 1494 был в Москве Иваков посол Чюмгур; но о первом его посольстве в 1481 году нет известий в Архиве. Ивак в своих грамотах к Вел. Кн. именуется себя Ибрагимом, сыном Шыбана Царя, бывшего с Россией в дружбе: “отец мой стоит с твоим юртом в опришнину; и друг и брат был”. (См. Дела Ногайск., л. 30).

²⁴¹ См. сей *Истории* Т. IV, примеч. 74.

²⁴² *Больш. Чертеж*, стр. 229: “от верху реки Бузувулка на полях и до Синяго моря кочевье все Больших Нагаев”. Стр. 93: “от реки Кубы; от гор к Черному морю и к Азовскому, и до верху реки Маначи все кочевье Малых Нагаев, Казыева Улусу”.

²⁴³ См. В Архиве *Дела Ногайские*, л. 2 и 30. Ивак в своей грамоте к Вел. Кн., 1494 году, пишет: “Мне счастье дал Бог: Тимер-Кутлуева сына убивши, Саинской есми стул взял; да еще сам с братьями и с детьми условившись, а Вел. Князя детей на княженье учинив”: какого *Вел. Князя?* думаю, Ахмата, которого он из презрения не хочет назвать *Царем*.

²⁴⁴ См. *Лет. Архив., Ростов.* и Львова. В сем последнем, стр. 175, сказано: “да не похвалятся несмысленнии, в своем безумии глаголюще: *мы своим оружием избавихом* Рускую землю!.. Бог спасе”, и проч.

²⁴⁵ Вассиан преставился в 1481 году, Марта 23.

²⁴⁶ Андрей скончался 10 Июля 1481.

²⁴⁷ *Рос. Вивлиоф.* II, 146, или *Собр.* Г.Г.

²⁴⁸ *Рос. Вивлиоф.* II, 102–146. В Синод. Лет. № 365, л. 488, на обор. сказано, что Вел. Кн. дал тогда и верному своему брату, Андрею Меньшему, город Серпухов с волостями.

²⁴⁹ Весною в 1480 году.

²⁵⁰ Андрей пишет: “В выход мне давати в 1000 рублей 100 рублей и 30 алтын и 3 денги.... а с Романова городка давати Татарщину к Ярославлю по старине”. Борис давал на тысячу 60 рублей (см. *Вивлиоф.* II, 106, 124).

²⁵¹ Дела Крымские № 1, стр. 60. Скрыба поехал из Москвы 26 Апр. 1481. Иоанн уже знал о смерти Ахматовой, ибо говорит в наставлении послу: “ко мне весть пришла, что Ахмата Царя в животе не стало”.

²⁵² В Архив. *Псков. Лет.*: “А как Кн. Вел. стоял под Новымгородом, в тое ж время воеваша Вел. Князя Воеводы и по Заволочью и по западной стороне и за Яму за городок и до моря в Немецкую землю ходиша, и Немец побиша Ругодивцов, иных изсекоша, а иных с собою приведоша, и много Чюди и добытка”. Весною Магистр^{20*} захватил многих купцов Псковских, и хотя скоро выпустил, но удержал их товары в Риге. В Сент. Псковичи воевали область Ливонскую, и заключили Немецких купцов, узнав, что в Дерпте заключе-

ны Псковские. “В лето 6988 (1479) приехал Кн. Вел. в Новгород Дек. 2 и Кн. Псковской Василей Васил. Шуйской и Посадники Дек. 7 поехали к Вел. Кн. и повезоша поминка 65 рублей серебром Дек. 30 приехали послы от Вел. Кн. во Псков, и Генв. 6 на крестном целовании Местеровы люди да Арцыбискупли Вышегородок взяли, да и стену сожгли, и церковь Бориса и Глеба, а мужей и жену и деток изсекли; а Немец пало в городке 50, а инии погорели И срубашася с четырех сох конь, и приехаша, а уже Немцы прочь побегоша И послу Вел. Кн. поминка дали на Вече 20 рублей Генв. 20 Немцы приидоша нощию ко Гдову и почаша пушками шибать; а иная рать под Городком. Псковичи же слаша к Вел. Кн. в Новгород силы просити, и Кн. Вел. прислал Воеводу Кн. Андрея Никитича Ногтя с людьми своими и начаша совокуплятися под Изборск и поиде вся сила Псковская по Великому озеру к Костру Немецкому и взяша, и много добра из него и пушек и зелей пушечных; а Немцы сами дашась руками, и жонок и робят 52; и Псковичи сожгли Костер, да и поидоша к Юрьеву и стояли ту ночь да день, а под Костром 3 дни, да поехали ко Пскову и Воевода Вел. Князя и его сила много добра повезоша на Москву и головами Чюди и Чюдок множество Февр. 25 приеха Местер с Немцы со многим замышлением к Изборску и пожже волости”. В Синод, *Псков. Лет.* л. 240: “И поиде к г. Пскову и не дошедше за 30 верст, възьгнетиша в ночь многи огни.... и Князь и Посадники и вси Псковичи вседше на коня ови в доспесех, а инии нази, токмо в кого что угодилося, или копие, или оружие, или щит, ови на конех, ови пеши, и стяги поймавше, выйдоша и сташа в Устьях и Немци устрашишася, а Псковичи убояшась, и не съступишась на бой. Токмо сторожовый полк Немецкий зашед пешцов Пскович побиша 300 человек, а доспешная рать на конех того не видеша, и стояша с поранья до вечера; а Князь Местер побеже и приидоша (Немцы) к Новому городку Кобыле Марта в 4 день и принесше под град хврастие с смолоу, зажгоша град, а людие начаша чрез стену реяшись; они же погании камением побиша, а иных сулицами а Макарью Посадника и иных живых поймавше”.

²⁵³ Список сего донесения прислан ко мне из Кенигсбергского Архива, г. 1480, № 700. См. ниже, примеч. 258.

²⁵⁴ См. Арнта *Lief. Chr.* стр. 159.

²⁵⁵ Архив. *Псков. Лет.*: “Авг. 18 приде Местер со всею землею к Изборску, хупучися на дом Св. Николы....пушками шибаячи во град.... и поидоша Немцы ко Пскову, а стояли под Изборском 2 дни”. В Синод. *Псков. Лет.* л. 212: Тогда поганый възьярився и попухнев лицом, прииде ко Пскову, съкрежеша своими многоядными зубы а Псковичи Завеличье сами зажгоша, а по Великой реке на Выбут и в Устьях заставы поставиша; а на четвертый день Юрьевцы в снеках приехаша и привезоша множество ратнаго запаса и хлебов и пива и

вологи, акы на пир зовоми и напившись заклышась Местеру посады зажещи, а Псков взяти, и собравше по Завеличью оставшаяся дресеса и накладоша 2 учаны и полияша хвраст смолою, и хотеша Запсковие зажещи; бяше бо посилен ветр от Завеличья на град. И бяху Псковичи в скорби... и мнози безумнии побегоша за рубеж, от них же помяну Филипа Посадника Пукышова: поимаша его вне града а К. Василий повеле своим и кони седлаши и хоте бежати... Явися тогда естеру мужю благоверный К. Довмонт, веля ему: *одеяние гроби моего вземше, и с кресты около града грядите трижды, и молитесь, и не бойтеся*. Он же, скоро от сна встав, взвести Стефану Посаднику И тако нощию вземше от гроба одеяние благовернаго Кн., обходиша и с кресты около Крому и погании, влезше в снеки по сту человек али и боле, и попустиша ово стрелами, ово пушками, акы дождем и преплывше реку межю Св. Лазаря и Св. Спаса, в лугу приставше, хотеша на брег вылезти... И истопоша 50 Немчинов”, и проч.

²⁵⁶ См. сие письмо под № 701 между моими Кенигсбергскими бумагами. Магистр^{20*} говорит, что Псковитяне предлагали ему размен пленных, человека на человека; хотели возвратить Немцам разные места, и проч. Он должен был, по словам его, отступить за недостатком в фураже. См. Арнта Lief. Chr. 159.

²⁵⁷ В Синод. Псков. Лет. л. 213 на обор.: “Сент. в 3 день (1480) приехаша в Псков братиа Вел. К. и быша во Пскове 10 дней и рекоша: како нам пойти с вами в иноверных землю, а наши жены и дети и животы повержены в чюжей земли? Егда убо zde изволите быти женам нашим, тогда ради есмо вас боронити. И беху Псковичи в сетовании, не домышляющесь, что сътворити, боящесь Кн. Великого: понеже врага Царского аще хто хранит, супостат ему есть и отрекоша им Они же разгневавшесь, поехаша из града и сташа на Мелотове, и распустиша по всем волостем люди своя: бяше бо людей около их, мною, яко до 10 000, и повоеваша много волостей акы невернии, и домы Божиа пограбиша и скоту много посекоша, а жены и девици поскверниша и пленивше многих сведоша; не оставиша ни куряти; токмо огнем не жгоша, ни оружием не секоша И Псковичи, много бивше чолом, даша 200 рублей, а околицы 15 рублей; и тако отъидоша в Новгородскую с многым вредом”.

²⁵⁸ См. между моими Кенисбергскими бумагами № 702 письмо Магистра Ливонского к Вел. Магистру Прусскому, в коем он жалуется, что Немецкий Орден не дал никакой помощи Ливонии. Приведем некоторые места, где говорится о мнимых, как надеюсь, злодействах Россиян: *Sie obirczogen disse Lande Junckfrauwen und Frauwen beschemten, ere Borste abesneten unnd den Mennen in de Munde stissen, den Mennen ere Gemechte berobten unnd den Weibesperssonen in de Munde bynghen, den Cristenen Nessen unnd Oren abesneten, Fynghen red-*

erten, Hende unnd Fusse Abehywen, schwanger Frouwen offsneten, de Frucht awsssem Leibe nomen unnd spisseten, dy Dermen hefften an dy Boeme, dy Lewthe *dwunghen ere eygene Yngewethe awsssem Leibe zu reisen* [Они вторглись в эти земли, насильовали девушек и женщин, срезали волосы у них с тела и запихивали мужчинам в рот, отрывали у мужчин половые органы и совали в рот женщинам, отрезали христианам носы и уши, колесовали людей, отрубая им руки и ноги, вспарывали беременным животы, вынимала плод из чрева и насаживали на копыя, прикрепляли челоуечьи кишки к дереву, заставляли людей самих вырывать себе внутренности]. (Физически^{21*} невозможно!) – и проч. Такие ужасы обыкновенно рассказывали неприятели друг о друге, чтобы питать взаимную ненависть между народами. Историк замечает, но редко верит. Далее Магистр^{20*} пишет, что, кроме Московитян, находилось в Русском войске множество Татар, Сарацын, неверных.

В Синод. *Псков. Лет.* л. 214 на обор.: “Тоя же зимы послаша Псковичи к Вел. Кн. бити чолом о помощи.... Воеводы же приехаша во Псков Февр. в 11 день и плениша всю землю Немецкую от Юрьева и до Риги; а Лотыголу и Чюхнов овых изсекоша, овых пожгоша, а сущии в лесех от мразы изверзьше умроша; а инии гладом: бе бо тогда мразы силно велицы, и снег челоуеку в пазуху А Немецкая земля вся тогда бяше не в опасе пива многи варяху, не чаяху на себе таковыя пагубы и отмстиша Немцом за свое и в двадесятеро, али и боле, якоже неции рекоша: *Псков стал, не бывало тако*”. – В *Архив. Лет.* сказано, что Псковитяне прислали к Вел. Кн. 50 Феллинских колоколов.

²⁵⁹ См. *Архив. Лет.* л. 130: “Взяша в Вышегорода Велияда таем 2000 рублей”. Прежде сказано о Феллине: “разбивше стену, охабень Велияда взяша”. За Магистром гнались 50 верст.

²⁶⁰ См. выше, примеч. 258. Слова Магистровы: *Pristere gegeisselt unnd darezu uns Fewr geworffen* [священников секли, а после бросали в огонь].

²⁶¹ См. Кранца *Wand.*, Кельха, Арнта, Гадебуша.

²⁶² Так в *Архив.* и *Никон. Лет.*; а в *Псков.*: Приехаша Немци в Новгород и добиша чолом Наместником Князя Вел. и Посадником Псковским, и взяша мир в Данильеву грамоту (то есть, по договорной грамоте Даниила Холмского) на *десять* лет Того же лета приехаша Немци от Кн. Местера послове и просиша пути к Москве и ездisha к Вел. Кн., не вемы, чего дея, Авг. в 18.... Того же лета приехаша послы от Вел. Кн. и ездisha к Кн. Местеру в Кесь, не вемы, о чем”.

²⁶³ В *Лет.* Львова, стр. 184: “Король прислал Богдана, прося Новгорода Великаго и Лук Великих”. О сем посольстве упоминается в делах Крымских 1482 года, № 1, стр. 79. Иоанн приказывал к

Менгли-Гирею: “Посылал есмь к Королю о любви и докончаньи, и Король ко мне присылал *Богдана* после того, как есми к тебе отпустил послов, а любви и докончанья Король со мною не хочет, а города мои и земли за собою держит, а того мне не отдаст”. О другом Королевском посольстве к Вел. Кн. упоминается еще в 1481 году (см. сии Дела стр. 63).

²⁶⁴ В *Архив. Лет.* г. 1482, л. 128 на обор.: “Бысть мятеж в Литовской земли: восхотеша вотчичи Олшанской, да Олельковичь, да К.Ф. Бельской отъехать к Вел. Кн. на Москву и отсести Литовские земли по Березыню, и дойде мысль их до Короля: Король же Олшанскаго и Олельковича стял”. В *Архив. Киев. Лет.* № 70: “Августа 30 (1481) Казимир повеле стяти Кн. Михаила Олельковича и Кн. Ивана Юрьевича, а вина их Богу единому сведущу, при Воеводе Виленском Пану Олехну Судимонтовичу”.

²⁶⁵ Крамер стр. 427. – Кранц пишет, что Литовские Князья по согласию с Иоанном хотели умертвить Казимира (*Wandal.* стр. 304).

²⁶⁶ Синод. *Псков. Лет.* л. 216 на обор.: “Тоя же зимы (1484) Лит. Король Андрей (Казимир) заставу постави в Смоленске 10 000 ратных, боящесь Вел. Князя, и стояша осень и зиму и лето все. Тоя же зимы послаша Псковичи к Королю многих исправ просити Посадника Василья и Андрея Рублова; они же наехаша Короля в Городне: он же наскоре подаваше им исправу о всем с коростию, и много почествовав и отдарив их отпусти; и при после нашем преставись у него сын”.

²⁶⁷ Юрий был отправлен из Москвы 15 Марта 1482, Кутузов 14 Мая (см. Крым. дела № 1, стр. 69–84).

²⁶⁸ См. *Архив. Лет.* л. 131, *Никон.* стр. 118 и *Синописис.* В *Синод. Лет.* № 365, л. 489, на обор.: Приде к нему (Хотковичу) весть за 4 дни, что идет он же осаду осади из монастыря Печерскаго изыде Игумен со Старци во град, и казну и сосуды в град же снесе. Приде Царь на Семень день в 1 час дни и приступи ко граду и не мало не побився зажже, и погореша людие вси и казны, и мало из града выбегоша, и тех поимаша, а посад пожгоша и ближния села и прочь пойде”.

²⁶⁹ 22*– Он посылал к Хану Князя Ив. Владимировича Лыкова и К. Вас. Ноздроватого. Первый выехал из Москвы 9 Марта 1483, а второй 14 Марта 1484. ^{-22*} Между тем и Крымские послы находились в Москве (см. Крым. Дела № 1, стр. 84–100).

²⁷⁰ Менгли-Гирей в письме к Магмет-Аминю от 10 Марта 1490 говорит: “ С *Намаганским* (Золотой Орды) Юртом, Султан Баязыт меж их вступився, в соседстве жили бы есте, молвил; и мы пак старую недружбу с сердца сложивши, на добре есмя стояли; и в то время от Султана, Бакшеем Князя зовут, посольством приехал. Седихмат, Шиг-Ахмат Цари, Мангыш-Азика Князь в головах от всех *Ка-*

рачаев и от добрых людей человек приехал и шерть и правду учинили; и мы, роте их поверив, улусы свои на пашни и на жито распустили; а послы их у нас были перед Крымом”. Тут описывается нападение сыновей Ахматовых. См. Дела Крымск. и *Лет. Архив.* л. 133.

²⁷¹ Летописец называет его Махмутом. Отъя брата своего Муртозу, и посади на Царстве. Менгли-Гирей же посла к Турскому, и Турской (Султан) посла ему силу свою, да и к Нагаем послал, велел им воевати Орду”.

²⁷² См. Дела Крым. № 1, стр. 139.

²⁷³ См. *Архив. Никон. Лет.* и Дела Цесарские № 1, л. 172–186. Матфей еще присылал в Москву Климента и в 1488 году Дьяка Ивана, того же, думаю, который был у нас в 1482 году. В ответе ему сказано: “Посол Федор (Курицын) до нас (Иоанна и сына его) дошел и грамоту Королеву утвержденую донесл, и мы видев грамоту брата своего, тогда же с Божиею волею почали есмя дело делати и наступили на своего на вопчего недруга, на Казимира, и не с одну сторону; а наперед того наш брат Матеаш Король присылал к нам своего человека Климента, потвержая, чтобы нам с Казимиром не миритися ... что наш брат Матеаш с Казимиром роскинул, а на него готов, а Панове Ляцкие, которые ему нороят, уже почали И мы посылали (к Матфею) своего человека Федца ... И брат наш прислал к нам тебя и как межи нас с нашим братом Матеашом записано, и мы на том твердо стоим ... а ты нам от Короля о том деле некоторых речей не говорил, а почина и наступа Королева не слышим никогого”.

²⁷⁴ См. Дела Цесарские № 1, л. 178–179.

²⁷⁵ Там же, л. 184: “а поминок послал Кн. Вел. к Матиашу соболь черн, ноготки у него золотом окованы с жемчюги, 20 жемчюгов Новгородских на всех ногах, а жемчюги не малы и хороши и чисты; а то от Вел. Князя Угорскаму Королю первой поминок”.

²⁷⁶ См. *Сей Истории* Т. IV. стр. 173.

²⁷⁷ См. *Сей Истории* Т. IV, примеч. 389.

²⁷⁸ См. Дела Крым. № 1, л. 54–56. В наказе послу К. Ивану Звенцу 1480 года сказано: “Князь Великий велел тебе говорити: присылал ко мне Стефан Воевода Волошский о деле, и яз к нему посылаю своего человека молодого, и ты бы (Менгли-Гирей) пожаловал меня дея велел до Стефана моего человека допроводити, а ко мне Стеф. Воевода пошлет своего человека, и ты бы отпустил его ко мне с моим Боярином *Князю Ивану Звенцу:* отпустить к Волошскому Княгинина Федкина человека не мотчая; а се говорити Федкину:

Княжа Семенова Юрьевичь Княгини Федка велела тебе (Стефану) говорити, что еси присылал к моему брату, ко Князю Михайлу Александровичю (Олельковичу) и к моему сестричичю, ко Кня-

зю Ивану Юрьевичю, о том, что мне бити челом Вел. Княгине Марии, чтобы печаловалася сыну своему, Вел. Князю, чтобы Князь Вел. за своего сына твою дочку взял ... Князь Вел. хочет и приказали, чтобы еси с тем делом прислал своего человека доброго, и яз тогда приказала к своему брату ко Кн. Михайлу о том ... и до сих мест ты своего человека не присыльывал а нынеча Вел. Князя Боярин К. Звенец в Орде у Царя у Менгли-Гирея, и ты бы своего человека прислал к Звенцу и (он) вместе с Звенцом будет у Вел. Князя”.

²⁷⁹ *Летоп.* Львова стр. 185 и *Синод. Лет.* № 365, л. 490.

²⁸⁰ Венчал Спасский Архимандрит Елисей (см. там же).

²⁸¹ Супруга его преставилась в 1483 году.

²⁸² *Синод. Псков. Лет.* л. 219 на обор.: “и испроси (Михаил) у Короля за себе внуку”.

²⁸³ *Архив. Лет.* л. 132.

²⁸⁴ *Рос. Вивлиоф.* II, 202.

²⁸⁵ *Летоп.* Львова стр. 194 и *Архив. Лет.* л. 133.

²⁸⁶ *Архив. Лет.* л. 144: “Того жь лета (1491) послал Кн. Вел. писать Тверские земли в сохи Кн. Федора Олабыша, а в Старицу Бориса Кутузова, а Зубцова да Опок Дмитр. Пешкова, а Клина Петра Лобана Заболоцкого, а Холму и Новгородка Андрея Карамышева, а Кашина Василья Карамышева”.

²⁸⁷ В 1488 году, Июля 29, Вел. Кн. отправил к Матфею какого-то Штибора и Василья Карамышева с письмом: “Божиею милостию Государь всяя Руси, Вел. Кн. Иван Васильевич Володимерский и Московский, и Новгородцкий, и Псковский, и *Тферский*, и Югорский, и Вятский, и Пермский и иных, възможному и честнейшему Матеашу Божиею милостью Угорскому и Чешскому и иных земель Кралю и Князю Авщрие, нам брату почтенному и другу милому здравие”. Следует повторение сказанного на словах послу Венгерскому, Дьяку Ивану (см. выше примеч. 273); Вел. Кн. убеждает Матфея быть ему верным союзником против Казимира. См. дела Цесарские № 1, л. 179–186. В Наказе, данном Штибору, сказано: “А вспросят о том, которые города и волости Князь Великий поимал у Казимира, ино сказати ти, Луцкой город (Великие Луки) да Ржевской и иные”. – Штибор возвратился в 1489 году, Апреля 9, с письмом от Матфея, в коем сказано: “о здравии твоём и честнейшем животе, о любви и вере радуемся. Добробытье, мир и единачество Кралевства и земель твоих ради слышимо, и о всех реченных обрадовася сердце наше.... Егда будеши готов на общего нашего недруга со всею мощью наступити и с ним дело делати, рано и вскоре нам прикажи”, и проч.

Со вторым Венгерским послем Климентом приехал в Москву *Матфейко* Лях и *Фрянцоск* Фрязин: Вел. Кн. не отпустил их назад,

сказав, что *Матфейко*, будучи Казимировым подданным, может сделать нам вред, а *Фрянцоск* живет в Москве у своего брата, у Фрянзина, и занимается Государевым делом.

²⁸⁸ *Летоп.* Львова стр. 188: “Восхоте Кн. Вел. сноху свою дарити *саженъем* первые своей Вел. Княгини Тверские Она же (София) не даде, понеже много истеряла казны Вел. Князя: давала бо бе брату, иное же за своею племянницею в приданые Князю Василию Верейскому. Кн. же Вел. посла и взя у него приданое все; еще же хотел его и с Княгинею поймать. Он же бежа в Литву и со Княгинею. Кн. же Вел. посла за ним в погоню К. Бориса Михайловича Турену-Оболенскаго и едва его не пойма”.

²⁸⁹ Димитрий родился Окт. 10, в десятом часу дня.

²⁹⁰ *Собр. Г.Г.* 290. В сей договорной грамоте сказано: “А с сыном ти своим, со Кн. с Васильем, не ссылатися никоторою хитростью; а кого к тебе пришет с какими речми, и то ти мне сказати вправду, а того ти ко мне прислати, ково к тебе пришет”. Писана 12 Дек. 1483.

²⁹¹ В *Архив. Лет.* 135: “Преставися К. Мих. Андр. Верейской в Неделю 3 по Пасце, и положиша его в Пафнутьеве монастыре, и на похоронах был у него Кн. Вел. Иван Иванович”.

²⁹² *Собр. Г.Г.* 299. Михаил отказал монастырям и церквам несколько волостей и знатные суммы денег. “Даю брату своему, Кн. Ивану Юрьевичю, свои сельца того деля, что даров его за мною много, да и душу мою поминает Да чтобы Господин мой, Кн. Вел., пожаловал после моего живота судов моих не посудил А что еси давал сыну своему, Кн. Василью, коли сын мой у меня был, и снохе своей, Княг. *Марье*, а тот еси список велел подписать Духовнику жь своему, Ивану Печатнику Г. Кн. Вел. даст дочери моей, Княгине Настасье, 300 рублей”.

²⁹³ В *Арханг. Лет.* 140: “Тогожь лета (1463) Князи Ярославские сосупилися вотчины своя Вел. Князю, печалованием Алексея Полухтовича, Дьяка Вел. Князя”. В *Архив. Лет.*: “Тое же зимы (г. 1474) продаша Вел. Князю Ростовские Князи отчину свою половину Ростова ... Князь же Вел. дал матери своей”.

²⁹⁴ См. *Собр. Г.Г.* В начале сей грамоты: “по благословенью Семиона, Владыки Рязанскаго и Муромскаго”. Кн. Рязанский Иван был женат на дочери К. Феодора Бабича, Агриппине. На обороте написано: “Списки ... а самые грамоты с печатъми (посланы) к Вел. Княгине к Резанской, к Огрофене, с ее человеком с Медведем”.

²⁹⁵ Царь Казанский пришел на Масленице и воевал до четвертой недели поста. В *Лет.* Львова, стр. 127: “Прииде весть ложная в Казань, яко не взял Кн. Вел. Новагорода и побили его Новгородцы и сам-четверт убежа ранен потом прииде правая весть, и посла Царь Казанский и велел скоро воем своим возвратиться: они же бе-

жаша; елико варяху в котлех яству, все опрометаша”. В *Арханг. Лет.*: “И на Устюг пошел был (Ибрагим): ино Молома река была водяна; не лъзе итти, и он шед день един, да воротился а Устюжане в осаде сидели и зиму всю”.

²⁹⁶ *Архив. Лет.* л. 107.

²⁹⁷ Дела Крым. № 1, стр. 140. Нурсалтан вышла за Менгли-Гирея около 1485 года.

²⁹⁸ *Лет.* Львова стр. 195 и 196: “Приеха Царевич Казанскаго Царя сын, Темирев внук (в 1485 году): еще бе мал Прислали Казанцы к Вел. Кн., глаголюще: мы отпустили к тебе Царевича для того, что хотели изведать смыслу у другаго Царевича ... а ныне оставший у нас Царевич, меншицын сын, почал над нами делать худо: зазав нас к себе на обед, и всех хотел перетерять: от чего мы в поле убежали, а он въехав в град и его укрепля, за нами жь в поле вышел”.

²⁹⁹ В Розрядной Книге Бекетова: “Лета 6990 (1482), Июля 16, в Нижн. Новгороде стояли Воеводы от Алегама Царя беречь и Кн. Вел. велел им говорить: послал есми в Казань к Царю Звенца и вы бы отобрались с теми людьми, которые в легких судех и промышляли моим делом”. В *Русск. Лет.* Львова сказано, что Аристотель с пушками был тогда в Нижнем. Далее в Розрядной Книге: “Посылал Государь (в 1485 г.) Воевод своих в Казань, на Алегама, Царевича Магмет-Аминя, да с ним Кн. Василья Ивановича, да Юрья Захарьевича, да Кн. Семена Романовича Ярославскаго, да К. Ивана Ромодановскаго; и брат его Алегам пришед из Нагай по слову с Казанцы ... и они, шед на Казань, *взяли* с Магмет-Аминем”. Это несправедливо по летописям: ходили, но не *взяли*. “Посылал Государь (в 1486 году) в Казань к *Магмет-Аминю* Царю (разве Алегаму?) Князь Василья Ивановича Оболенскаго, да Кн. Василья Тулупова, да К. Тимофея Тростенскаго, да по Цареве присылке, что хотел выдать братью свою к Вел. Князю, и Князи Казанские воли ему не дали, хотели его самого убить. Магмет-Аминь (Алегам) ушел к Государевым Воеводам, и Князи Казанские добили ему челом, и Магмет-Аминь (Алегам) пошел к ним опять в город на Царство. – Посылал Государь (в 1487 году) Воевод своих (К. Данила^{23*} Холмского и других) и согнал с Казани Магмет-Аминя” (Алегама). – В *Арханг. Лет.*: “Воеводы Казань обсели, и Кн. Татарский Алгазый с Царем в город не полез, и зла много чинил, и сила Вел. Князя прогна его за Каму”.

³⁰⁰ См. Дела Ногайск. л. 4, где Вел. Кн. так отзывается о сверженном Казанском Царе: “Алегам Царь был с нами в правде и грамоты были меж нас с ним записаны ... да на чем нам молвил, в том ни в чем не стоял, а нам не правил”.

³⁰¹ Холмский выступил из Москвы Апреля 11, а Магмет-Аминь выехал Апр. 24 (см. *Архив. Лет.* и Львова стр. 197).

³⁰² С 1487 года находим сей титул в государственных бумагах Иоанновых (см. Дела Архивские его времени).

³⁰³ Дела Крым. № 1, стр. 147.

³⁰⁴ Там же, стр. 149.

³⁰⁵ В Июне 1484 года был послан в Тавриду Костя Севрюк, в Июле 1485 Шемердень Умачев, в Марте 1486 Семен Борисович, в Июне того ж года вторично Шемердень Умачев, в Авг. Татарин Резяк, в Марте 1487 Татарин Белек Ардашов, в Июне Грибец Иванов, в Авг. вторично Белек Ардашов, в Окт. 1488 Дмитрий Васильевич Шейн. См. Дела Крым. № 1, стр. 100–170.

³⁰⁶ Вот подлинник (Дела Крым. № 1, стр. 163):

“Брат мой Нордовлат Царь! Дай Господи, твое Осподарство у тебя было; дни б твои вперед были на многие лета. Ближней еси нам брат, святой милосердной и прямой ведомой еси промеж всех добр, правдою праведен, а величеством еси велик и ко всем тщивец еси приветлив, милосердой Государь ты; на семь свете Вере еси нашей подпора, Бесерменом и Бесерменьству нашему помочь ты еси и Закону наказатель; милосердного Бога милостью истинной еси прямой Осподарь. Ино, брате Нурдовлат Царь, велика бы и счастна была твоя Держава до второго пришествия Магатметевы дея молитвы и учеников его. А после сего добра и похвалы сведомо бы тебе то было, что из старины и до сех мест с вами мы одного отца дети есмя были: правда так есть. После пак того прилучей таков състался, предние наши о кости, о лодыжном мозгу Юрта дея своего разбра- нилися: да того дея промеж их много лиха и нелюбви было; а опосле того опять то лихо от себя отложили, и кои потоки кровью текли, те опять меж их молоком протекли, а тот бранной огонь любовною водою угасили; а с вашим Юртом наш Юрт как бы один учинил, кой на Божей покой пошел, святой Ахмат Царь, и как ся уж есмя умирили, и тот бранной огонь опять заож брат твой, Менгли-Гирей Царь, в право свое порушил, а нам не по мере силу учинил был: ино Сотворитель всей вселенной, Господь Бог, то лихо на него оборотил. Сколько над ним дел състалось, то тебе сведомо. В нынеча отец мой, Ахмат Царь, милосердие Божие над ним было: он был то нам в прок учинил; а мы пак братья твои: инако учинити, того у нас на мысли нет; а хто будет лих, тому противу Бог самому отдаст. Нам верным про твое величество своего брата, что ты живешь промеж неверных, не пригоже ся видишь так. Сем случаем величеству твоему тяжелой поклон с легким поминком, Шихбаглулом зовут слугу своего, послал есми. А ещо сесь Шихбаглул доедет до твоего величества, лице твое увидит, и что будут у тебя твои тайные речи, и ты те речи про свое величество и здоровье с Шихбаглулом ко мне прикажи, нас себе в любви держа. Нечто из тое из поганые земли избы- ти захочешь мысль твоя будет, ино яз к Ивану с тем же Шихбаглу-

лом о том же грамоту свою послал есми. Авосе пак нечто не всо-чешь, мысли твоей не будет, и ты где ни будешь, там бы еси здоров был, а нас в братстве не забывай. Молвив, грамоту послал есми; лета 891 писана”.

³⁰⁷ Дела Крым., № 1, стр. 179–181.

³⁰⁸ Муромский Наместник, Кн. Федор Хованский, остановив сих послов в своем городе, писал к Вел. Кн. в Сент. 1489 года: “Холоп твой, Государь, Федорец челомъ бьет. Приехали, Государь, к тебе послы из Ногайския Орды а всех их, Государь, 22; а сказывают, Волгу возилися под Черемшаны а проважали их полем до Суры до Папулы до Мордвина; а оттоле, сказывают, ехали на Князя на Ромодана, да на Кирданову Мордву, да на Саканы; а нынеча, Государь, стоят за рекою против города, и яз, Государь, на сю сторону их возити не велел без твоего ведома; и ты, Государь, как укажешь? – И Кн. Вел. послал против Ногайскаго посла Юшка Подъячего, а велел ему давати послу корм на стану по два барана, а овчины назад отдавать; а на кони, на которых они едут, на десетеро лошадей четверть овса; а которые кони гонят на продажу, на те не давати”.

Сии посольства от 1489 года идут до 1509 (см. Дела Ногайск.).

³⁰⁹ Вел. Кн. пишет к Ямгурчею (Ног. Дела л. 34 на обор.). “ваши люди из Азторокани и сего лета наших людей рыболовей на Волзе побили и пограбили: ино пригоже ли ся так делает?”

³¹⁰ Дела Ногайск., л. 13. Магмет-Аминь пишет: “Брату Великому Кн. челом ударя поклон Приехав Федор Киселев, чего из старины не бывало, лишних пошлин с Цевели Десятскаго Артака с детьми изымав взял да бил, силою взял 3 кади меду, да конь, да корову, да овцу, да 7 куниц, да 3 лисицы взял; да с Багатыря с Десятскаго 3 кади меду, да бобр, да 2 куницы, да 3 лисицы; да на Алныше на реке с Шиховых детей взял конь сив, да конь кур, да конь гнед, да 700 бел, да два бобришка ярчики”.

³¹¹ *Лет.* Львова стр. 196, 197. Вятчане не только худо слушались Вел. Князя, но и грабили в его владениях. В *Арханг. Лет.* стр. 142, г. 1466: “Вятчане ратью прошли мимо Устюг на Кокшенгу, а сторожи не слыхали на городе, а шли по Сухоне вверх а назад шли Вагою вниз, а по Двине вверх до Устюга и Наместник Василий Сабуров послал гонца к Вел. Кн., и Кн. Великий велел Вятчан переимати и Сабуров доспел (их) под городком под Гледеном, и Вятчане дали ему посул, и стояв 3 дни, к Вятке пошли”. Стр. 162, г. 1486: “Марта в 18 Вятчане пришли ратью на Устюг и стояли под Осиновцом городком день, и 3 волости разграбили; а Устюжане в погоню за ними ходили. Тогожь лета о Троицыне дни двою Вятчане приходили в судех на Устюг под Осиновцом изгоном, и стали обедать, а Воевода Костя шол с ними в неволю, а в ту пору сына его Торопа Иван Трясца поймал, и он захотел соку сосноваго, и Костя с ним пошел в лес,

взем топор, и с сыном в город в Осиновец утекл, и Осиновляне на конех отпустили к Москве, и Кн. Вел. их пожаловал; а Вятчане хватились, оже Воеводы нет, и возмялись; начаша к городу приступати, чаючи в городе. Осиновляне же им правду сказаша ... и они на ту ночь побегоша к Вятке". В *Послании Рос. Митропол.*, л. 65 и 68 (в Синод. Библиот. № 164) есть письмо Митрополита к Вятчанам и к их Духовенству: первых укоряет он непослушанием Вел. Князю и разбоями, а священников именует зловерными, ибо они не требовали поставления от Митрополитов, совокупляли браком родных, дозволяли пятый, шестой и седьмой брак, и проч.

³¹² *Арханг. Лет.* 165: "Кн. Вел. послал К. Данила, да Григорья Поплева а у Тверичь Воевода Ондрей Коробов, да К. Осип Дорогобужской, а у Устюжан К. Ив. Ивановичь Звенец, а у Двинян К. Иван Лыко, а у Важан и у Каргапольцов Юрье Иван. Шостак; а Царь Казанской посла 700 Татар, а Воевода Урак Князь; а Москвичи иные шли коньми, а Устюжане и Белозерцы и Вологжане и Вымичи и Сысоличи в судех Пришли Июля в 24, а Московская конная рать в 30 день под Котельничь, а Татарская Августа во 2; а стояли под Котельничем до 6 Авг.; а было силы 64 000 Пришли к Хлынову Авг. в 16. Вятчане жь затворишась, а к Воеводам послаша с поминки Исупа Есипова сына Глазатово, и Воеводы дали Вятчанам опас; а назавтрее Вятчане люди большие вышли бить челом Воеводам ... *покоряемся на всей воле Великого Князя, а дань даем и службу служим.* И Воеводы отвечали: целуйте за Вел. Кн., а изменников и коромолников выдайте головами: Ивана Оникиева, да Пахомья Лазарева, да Палку Богодайщикова. И Вятчане рекли: дайте нам сроку до завтрея... и думали 2 дни, да Воеводам отказали – и Воеводы велели приступ готовити и примет к городу всякому человеку по беремени смол да берест, да на 50 человек по две сажени плетения, и к городу плетени поставляли. Вятчане же добили челом ... а Ивана Оникиева, до Пахомью, да Палку вывели и Воеводы поковав дали их на руки Устюжаном А на Семень день всю Вятку розвели а приставы у них были Кн. Иван Волк Ухтомской с товарищи; и Кн. Великий велел Аникиева, Пахомья, да Палку кнутьем бити, да и повесити". См. еще *Архив. Лет.* и Львова 202.

³¹³ См. сей *Истории* Т. III, в конце княжения Боголюбского.

³¹⁴ См. *Архив. Лет.* л. 138 и обор.

³¹⁵ См. *Архив. Лет.* л. 138 на обор. и *Никон.* стр. 125.

³¹⁶ Он скончался 7 Марта в 1490 году.

³¹⁷ *Никон. Лет.* стр. 125.

³¹⁸ *Лет.* Львова стр. 185: "Врач Немчин Антон приеха (в 1485 г.) к Вел. Кн., его же в велице чести держал Вел. Кн.; врачава же К. Каракачу Царевича Даньярова, да умори его смертным зелием за посмех. Князь же Вел. выдал его сыну Каракачеву; он же мучив его,

хоте на окуп дати. Князь же Вел. не повеле ... они же сведше его на Москву реку под мост зимою и зарезали ножом как овцу”.

³¹⁹ См. о сей ереси книгу Св. Иосифа Волоцкого в Синод. библиотеке под № 334, и *Рос. Вивлиоф.* XIV, 128.

³²⁰ Иосиф: “и Кн. Вел. молвил: яз-де ведал ересь их; да и сказал ми, которую дръжал Олексей Протопоп ересь, и которую держал Федор Курицын; а Иван-де Максимов и сноху у мене мою в Жидовство свел”. Новгородский Архиеп. Геннадий в письме к Митроп. Зосиме говорит: “Сталася та беда с тех мест, как Курицын из Угорския земли приехал; а отселе еретицы сбежали на Москву ... Протопоп Алексей, да Истома, да Сверчек, да Поп Денис приходили к Курицыну, да иные еретицы: да он-то у них и печальник (заступник)”: см. *Древ. Рос. Вивлиоф.* XIV, 285.

³²¹ В *Лет.* Львова г. 1497, стр. 190: “Геронтий Митроп. хотел оставить Митрополию и съеха на Симоново, и ризницу и посох взял, понеже болен, и оздраве, и хотя опять на Митрополию: Кн. же Великий не восхоте того, и неволею остави Митрополию; и посла к нему Паисию, и не може его ввести в то: многажды убегал из монастыря, и имаша его, и тужил много по Митрополии. Кн. Вел. хотяше Паисию на Митрополию: он же не хотяше: принуди бо его дотоле Князь Вел. у Троицы в Сергиеве Игумном быти и не може Чернцев превратити на Божий путь ... и хотеша его убити: бяху бо тамо Бояре и Князи постригшиися, и не хотяху повиноватися, и остави Игуменство и Митрополии не восхоте. По Кузмо-Демьяне (г. 1488) возведе Кн. Вел. тогожь Митрополита Геронтия на престол”. Геронтий преставился 28 Мая в 1489 году. ^{16*}—К сему Митрополиту в Июне 1480 писал Иерусал. Патриарх Иоаким: “Тригорий Русин дошел до нас, яко купец, и наше смирение обрел в Египте ... и молился нам, дабы есмь дали свое благословение к твоему Святительству ... и того ради посылаем благословение”, и проч. (см. *Вивлиоф.* XIV, 271).-^{16*} Зосима Собором Святительским избран 12 Сент., а поставлен 26 в 1490.

³²² 17 Окт. 1490: см. *Архив. Лет.* л. 140 на обор.

³²³ Там же. л. 141.

³²⁴ В *Степен. Книге* сказано, что некоторых сожгли; но это было уже после вторичного суда в 1503 году. В *Архив. Лет.* г. 1488, л. 136 на обор.: “били в торгу Попов Новгородских, что поругались иконам пьяни, а прислал их Архиеп. Геннадий; и бив, отослали их опять ко Владыце”. Это было еще при Митроп. Геронтии. Ересь уже и тогда открывалась, как видно из письма Геронтиева к Геннадию, напечатанному в *Древ. Рос. Вивлиоф.* XIV, 235. “Писал еси к нам (говорит он) к Господину и к сыну моему к Вел. Кн., да и ко мне, что прозябают ереси в Новегороде ... да и списки на еретиков прислал, как они хулили Христа, и ругались свят. иконам, а величают Жидов-

скую Веру – и мы то дело с Госп. с Вел. Кн. и со всем православ. Собором поразсудили, что в твоём списке писаны Поп Григорей Семеновской, да Поп Герасим Никольской, да Попов сын Григорьев Самсонко Диак и Кн. Вел. велел тех трех казнити градскою казнью, да казнив, послал их к тебе; и ты б у себя в своем Зборе тех обличив, да понакажи духовне а не покаются, и ты их пошли к Наместником Вел. Князя, и они их тамо велят казнити градскою казнию по Вел. Князя наказу, как писано в *Царских правилех*, а Гридя Диак не дошел еще по правилом градския казни, потому что на него один свидетель, Поп Наум ... а которых еси иных писал, и ты бы того обыскивал а Кн. Вел. приказал с тобою того дела обыскивати Наместником Якову да Юрию Захарьевичам ... и которые дойдут духовныя казни, и ты их духовне казни; а которые дойдут градския казни, ино тех Наместники казнят”, и проч. Так называемые *Царские Правилы* или законы Греческих Царей, взятые из Кормчей Книги, служили добавлением к *Судебнику* в старых списках оного: см. *Судебник* изданный Башиловым. Там, стр. 43, именно сказано, что свидетельство одного человека недостаточно для обвинения; по тому и нельзя было осудить Диака Гридю.^{16*} – Вместе с Митрополитом писал тогда к Геннадию и Вел. Князь: сия грамота находится в библиотеке Волоколам. монастыря, в книге под № 666, л. 167. Иоанн, говоря то же, прибавляет, что Наместники опишут имение осужденных. Внизу подписано: “А Князь Великий и Митрополит писал с Кривоборским о еретицех в лето 96 (1488) февр. 13”.^{-16*.24*}

³²⁵ Сие письмо находится в той же книге Иосифа о ереси.

³²⁶ Зосима удален 17 Мая.^{16*} – См. в *Вивлиоф.* XIV, 203, письмо Новгород. Архиеп. Геннадия к Святителям Рос., где сказано: “Зосима М. ради немощи оставил стол Руск. Митрополии, и пришед в Соборн. церковь, пред всеми Омофор свой на престоле положил, свидетеля на то Господа Бога нарицая, яко невозможно ему Святительская действовати, ни Митрополитом нарицатись”.^{-16*} В ветхом *Синод. Лет.* № 365, л. 510: “Сент. в 8 день (г. 1495) в 4 часу дни наречен бысть Митрополитом Игумен Симон. Кн. же Вел. со Владыками и с своими детьми и со внуком и с Бояры и с Дьяки проводил нареченнаго Митр. с своего Двора в Соборную церковь, в Пречистую, и знаменовася у иконы и у гробов Святительских и став перед Митрополитским местом, и сотворили Трепари и Достойно, и поведоша его на Митрополичь двор Кн. Великий в дверех западных предасть его Владыкам: они же его возведоша на его двор в полату от сторожни и посадиша, и благословишась от него и прочь отъидоша; у Митрополита жь тогда не обеда ни один Владыка, а обедали у него старцы Троицкые Сергиева монастыря, Сава, Веньямин Плещеев, Келарь Васьян Ковезин, Филипп Износок, Фегнаст Дубеньский, да его Бояре и Дети Боярьские. Того же месяца в 20, в

Неделю, и поставлен бысть; а на поставлении его было Владык Тихон Ростовский, Нифонт Суздальский, Семион Рязанский, Аврамей Коломенский, Силуян *Подрельский* и *Крутицкой*, Филофей Пермский; и тогда обедаша у Митрополита все Владыки; а ося тогда водил под Митрополитом Михайло Русалка”. См. еще *Никон*. и *Архив. Лет.* л. 155.

³²⁷ См. в книге Иосифа письмо его к Государеву Духовнику, Архимандриту Андроникова монастыря, Митрофану, где сказано: “да по та места, господине, мне Кн. Вел. велел престати говорить; и мне, господине, мнится, кое Государь наш блюдется греха казнити еретиков”, и проч.

³²⁸ В летописях упоминается об нем в 1496 году, а в грамотах Архивских и после (см. *Рос. Вивлиоф.* Т. II).

³²⁹ Июля 4.

³³⁰ См. *Рос. Вивлиоф.* II, 230.

³³¹ *Архив. Лет.* л. 136, г. 1488, и Львова стр. 198.

³³² *Архив. Лет.* л. 142. Магмет-Аминь также посылал с ними войско, предводительствуемое Собат-Уланом и Собурат-Сеитом. Сей поход был в Мае.

³³³ *Арханг. Лет.* 170. Андрей пришел к Вел. Кн. в ту горницу, которая называлась *западню*. “И кн. Вел., посидев, выйде от него в *повалушу*... и сидел в *западне* до вечерни, и посла (Вел. Кн.) на Угличе Поле К. Василья Косова, да брата его К. Ивана Мынынду, К. Ивановых детей Юрьевича, да К. Петра Ушатова и Детей Боярских по 500, и велел поймати детей... и железа возложиша (на Андрея) Сент. в 22, и сторожев к целованию приведше”.

³³⁴ *Никон. Лет.* стр. 129.

³³⁵ *Ветхий Синод. Лет.* № 365, л. 507: “а по Князя по Бориса Вас. на Волок послал тогожь часу Боярина своего Данила Иванова”, и проч. Он приехал в Москву Окт. 7. — К. Андрей скончался Окт. 7, а Борис в Мае 1494, в своем уделе; погребен в Москов. Архангельском Соборе Мая 29: там лежит и Андрей.

³³⁶ См. печатный Летописец, служащий продолжением Несторова, стр. 339.

³³⁷ *Рос. Вивлиоф.* II, 286, 294.

³³⁸ См. сей *Истории* Т. III, г. 1189.

³³⁹ См. Дела Цесарского Двора № 1, л. 1–19. Начала нет. Первая страница содержит конец верующей грамоты, данной Императором Поппелю: “Николая, слугу нашего милого, к тебе посланого, принял”, и проч. — Поппель требовал, чтобы Государь беседовал с ним наедине, выслав Бояр; но Великий Кн. не хотел того. Сей рыцарь ехал через Псков и Новгород с дружескими письмами Ливонского Магистра к тамошним Наместникам. В грамоте к К. Псковскому, Константину Ярославичу. Магистр^{20*} подписался так: “Иван

брат Фридах (Freitag) Монастыря Св. Пречистые и Местер Ливонский”.

³⁴⁰ Лист 16: “А что еси нам говорил о Королевстве, если нам любо от Цесаря хотети Кралем поставлену быти на своей земле; и мы Божию милостию Государи на своей земле из начяла от первых своих прародителей; а поставление имеем от Бога, как наши прародители, так и мы; а просим Бога, чтобы нам дал Бог и нашим детям и до века в том быти, как есмя ныне Государи на своей земле; а поставления как есмя наперед сего не хотели ни от кого, так и ныне не хотим”.

³⁴¹ “Лета 97 (1489) Марта 22 послал Кн. Вел. к Римскому Цесарю Фердериду и к сыну его, к Максимиану, к Бергонскому Князю, посла своего, Юрья Грека; а с ним послал Ивана Халяпу, да Костю Оксентьева, а в Ругодив (Нарву) и в Колывань (Ревель) с ним же послан с грамотами о его проезде Кулпа Оксентиев А сего правити посольством Юрию Трахониту. Первое поклон: Иоанн, Великий Государь всеа Руси, твоему Величеству велел поклониться. А опосле поклона о здоровии вспросити: Государь всеа Руси твоей Светлости велел здравие видети. А опосле за поминки поклониться... Да после поминки подати: Государь всея Руси твоей Светлости поминается 40 соболей, да шуба горностайна, да шуба белинна. А опосле подати грамота; а се с тое грамоты список:

Иоанн Божию милостию Великий Государь всеа Руси, Володимерский и Московский, и Новгородский, и Псковский и Тверский, и Югорский, и Вятский, и Пермский, и иных. Пишем твоему Величеству приятельски и ласкове, чтожь приехал до нас посол твой, Николай Поплев, Рицерь Двора вашего, и лист нам верующий от твоей Высоты подал с дары ваши Светлости, и говорил нам, абы меж нас было приятельство и любовь в нашей с тобою знамости; и мы для приятельства дары ваши с любовью приняли, а тые речи от посла вашего выслушали, и добре тому сразуели, и с доброю волею и хотением для предняго приятельства и любви послали есмя до ваши Светлости посла нашего Георгия Трахонита Грека, вернаго нашего, с нашими речми, и что будет тебе от нас говорити, твоя бы Светлость ему праве уверил; то есть наши речи. А писан на Москве от създания миру в лето 6997, Марта 22. А на подписи: Светлейшему и Наяснейшему Фердериду, Римскому Цесарю и Кралю Ракусскому и иных, приятелю нашему возлюбленому”.

³⁴² “Память Юрию да Халепе. Добывати им мастеров, рудника.... да другова, которой умеет от земли розделити золото и серебро А рядити тех мастеров на наем, покольку им найму на месяц давати за все про все; а дано на те мастера Юрию, чем их до Вел. Кн. провадити, 2 сорока соболей, да 3000 белки; а что у того останется, и Юрию добывати мастера хитрого, которой бы умел к городом при-

ступать, а другова, которой бы умел из пушок стрелять; да каменщика хитрово, которой бы умел палаты ставити, да серебрянова мастера хытрово, который бы умел болшие ссуды делати, да и кубки, да и чеканити и писати на ссудах; а рядити их на наем же; а не поедут на наем, а похотят поехати на Вел. Князя жалованье, и Юрию их с собою взяти; а не пойдут те соболи и белки на мастера, ино то продати на золотые на Венедитские или на Угорские, да золотые привезти к Вел. Князю”.

³⁴³ Сие посольство, как замечает Миллер, описано Леманом в Спирской Хронике, кн. VII, гл. 120, стр. 999.

³⁴⁴ Л. 31 на обор.: “И Юрьи сказал, что ему от Цесаря и от его сына, Максимиана Короля, честь была велика; а коли к ним Юрьи прихаживал, и они сами встречали его, съступив с своего места ступени 3 или 4, да руку подавали стоя; а коли Юрьи в первые был у Максимиана, и он посадил его против себя на скамейке близко; а опосле того сажал всегда подле себя; а как поехал от Максимиана к Цесарю, Цесарь послал против его в стречю Бояр своих в судне морем врѣст за 5 или за 6 от того города, где его наехал”. Сей город не именован.

³⁴⁵ Вероятно, тем самым, которого Леман (см. выше, примеч. 343) называет Торном.

Л. 32 на обор.: “На Москве Приставом велел Кн. Вел. быти у посла Ивану Берсеню (Беклемишеву), и встретил его за 10 верст от Москвы у Кузмы-Демьяны на Хинске на Тферской дороге; а велел ему Кн. Вел. у себя быти Июля 18; а посылал по него на подворье Окольного К. Ивана Звенца, да Юрия Грека, и приехали с ним вместе на двор; и Кн. Вел. велел его встретити на своем дворе конец лесници каменные Околничему Ивану Чеботу, да Дьяку Федору Курицыну, а перед своими дверми перед полоту перед малою Боярину своему, Андрею Михайловичю Плещееву, да Одинцу Диаку. А как пришел к Вел. К., и он от Короля Максимиана поклон правил. Кн. Великий встав, да въспросил о Королеве здоровии, да и руку ему подал стоя, да велел ему сести на скамейке противу себя близко; да посидев мало, Юрий встав подал грамоту верующую ... А се список:

Максимилиан Божию милостию Король Римский всегда Август, и Князь Авѣстрьский, Кн. Бергоньский, Лургинский, Стырский и Карантеньский и иных. Премоощнейшему и начальнейшему дражайшему другу. Мы есмя нашему съветнику и в царьстве драгому и верному Юрию Делатору некия вещи с твоим Навышством от нашеа страны приказали говорити, якоже он от нас наедине и по части есть изображен. Просим от твоего Навышества, любообразно моляся, оному угодно буди, предреченному нашему Советнику ныне совершенно, аще бы как телу нашему,^{25*} възяти достойную веру,^{26*} и в сем явить твое дражайшество любезнейшее изволение. Дан в граде

нашем Бебре в 17 день Февраля^{27*}, от Въплощенья Хр. в 1490, в 5 лето государства нашего. – А на подписи: *Светлейшему и всемоцнейшему и началнейшему Иоанну, вседръжавному Государю Русьскому, нашему дражайшему другу*. А опосле грамоты подал от Короля поминок, бархат Венедитцкой темно синь гладок. – А того дни речей Вел. Князю от Короля не говорил. А тогды были при нем у^{28*} Вел. Кн. дети его, К. Василей да К. Юрий; а поклона им от Максимиана не правил; а руки ему подавали и о здоровье его спросили. А Бояре все были у Вел. Князя. И ел того дни у Вел. Кн.”

³⁴⁶ Дела Цесарские № 1, л. 44 на обор.

³⁴⁷ Сказано: “в повалуше в средней”.

³⁴⁸ Л. 41: “Да тутожь на отпуске пожаловал К. Вел. Максимианова Королева посла, Юрья Делатора, учинил его *Золотоносцем*: дал ему чепь золоту со крестом, да шубу отлас с золотом на горностаех, да остроги серебряны золочены”.

³⁴⁹ Л. 48: “Говорити Королю, чтобы велел писати грамоту свою докончальную Руским писмом, будет у него писец Сербин или Словенин.... а не будет у Короля такова писца, ино по-Латынски писати или по-Немецки... а будет писано по-Латынски или по-Немецки, ино выговорити у целованья....зане же мы Латынские грамоты и Немецкие не знаем”.

³⁵⁰ Николай Поппель в своей грамоте к Вел. Князю изъявил большую досаду на Московских Вельмож, которые не хотели верить его первому посольству и смеялись над ним. Далее говорит он: “Яз коли есмь был у Высокости твоей, слышел есми, иже манисто и ожерелье златые, которые принес мой слуга на продажу от купца из Ноберька, Высокости твоей полюбилися; и яз нынече тое манисто и ожерелье купивши, послал к твоей чьсти и любви... да и 15 локоть Московских бархату на золоте; а сыну твоему первородному платно, черленой бархат на золоте с подкладкою синего чамлата...Святое Величество Цесарское про то ся на мене злобит, иже есмь не привел из твоей земли живых зверей, иже словут по-Руски лоси, а по-Немецки *Элеут*...Да пожаловал бы прислал одного *Гогулятина*, которые едят сырое мясо, и Цесарскому Величеству будет вельми за честь; а естли не лзя будет послати одного *Гогулятино*, и ты бы еси послал предреченные зверята лоси.... а как будут молоды, тем и лутчи, иже бы были смирны; а естли будут старые, ино им роги сняти”. Далее Поппель говорит о своей болезни и надписывает грамоту: “Светлейшему Князю и Господину Государю Ивану Васильевичю, Вел. Князю Московскому, Государю моему ласковому”. Федор Курицын отвечал его слуге именем Вел. Князя: “Государь твой Николай писал к Государю нашему не по-пригожу, как есть пишут к Великим Государем: ино нам поминки его не надобе”. См. л. 60–66.

³⁵¹ Л. 78: “И та грамота дана Дмитрею Володимерову в казну”.

То есть, они разменялись грамотами. Не знаю, сохранилась ли Иоаннова в Императорском Венском Архиве; но Максимилианова подлинная у нас пропала: имеем только список.

³⁵² См. Далина *Gesch. des R. Schw.* II, 627.

³⁵³ На пример (л. 86): “Наяснейший и насветлейший Государь, един *Царь* всеа Руси”. С Траханиотом послана была грамота к Любекскому Бургомистру, в коей Иоанн называет себя *Царем*: “Божию милостию Государь *Царь* всеа Руси”. Так и во многих иных бумагах.

³⁵⁴ Дела Цесар. л. 82–93. Он был в Москве около пяти месяцев. Максимилиан прислал с ним Вел. Князю постав *скарлату и дамашки*.

³⁵⁵ Л. 94. – В дар Максимилиану была послана шуба соболья и горностаевая с камкою.

³⁵⁶ Л. 111: “а сказывают, Государь, что в Филандрии рожь дорога: купят по сту золотых ласт”.

³⁵⁷ Л. 114–128.

³⁵⁸ См. сей *Истории* Т. III, примеч. 88, и Т. IV, примеч. 291.

³⁵⁹ См. выше, стр. 106.

³⁶⁰ Они выехали из Москвы Марта 26, нашли руду Авг. 8, а возвратились Окт. 20. В ветхом *Синод. Лет.* № 365, л. 508: “в лето 6999, Марта в 2 (не в 1491, а в 1492 году) отпустил Кн. Вел. Мануила Илариева сына, Грека, да с ним своих Детей Боярских, Василья Болтина да Ивана Брюха Коробына, да Ондрюшку Петрова с мастера с Фрязы серебра делати и меди на реце на Вылме, а деловцов с ними, кому руда копати, с Устюга 60 человек, с Двины 100, с Пинеге 80; а Пермичь и Вымичь и Вычегжан и Усоличь 100: тем ужина провадити в судех до места, а не делати”.

³⁶¹ ^{29*}-Упомянутый серебряный снимок, хранящийся в Монетном Кабинете Эрмитажа, сделан без сомнения иноземцем, который изобразил подпись таким образом: ИКОЙВЕЛ (вместо *Великой*) ДРСОИГО (вместо *Государь* или *Государь*, т.е. поставив задние буквы наперед) ЗѸ ле (т.е. 7005 лето) *створил един талер злат и сълил злат и подарова Кнегини своа Тодосиа*. Св. Николай изображен в Святительском облачении; правою рукою благословляет, а в левой держит книгу; на правой стороне образ Спасителя, на левой Богоматерь.^{-29*}

³⁶² Дела Цесарские № 1, л. 120–127. Снупс отправился назад с приставом и следующею подорожною:

“От Вел. Кн. И. Вас. всея Руси от Москвы по дорозе по нашим землям, по Московской и по Тферской, по ямом ямъщиком до Торжку, а в Торжек Старосте, а от Торжку по Новгородцкой земле по ямъщиком до Новагорода, послал есми Сенку Зезевидова с Немчином, и вы бы давали Сенке по две подводы по ямом, а Немчи-

ну по две же от яму до яму, а корму на Немчина на яму, где ему лутитца стати, куря на две чясти говядины, да 2 части свинины, да соли и заспы (крупы) и сметаны, и масла, да 2 колача полуденежные по сей моей грамоте. Лета 7001 Генваря”.

³⁶³ Сей *Истории* Т. II, стр. 28.

³⁶⁴ Т. IV, стр. 43.

³⁶⁵ Т. IV, стр. 139.

³⁶⁶ *Архив. Лет.* л. 150, 152. Датский посол приехал в Июле. См. Далина II, 631, и Малета *Hist. de Dan.* г. 1493: первый называет его Рошильдским церковным сановником. Ралев и Зайцев возвратились в 1494 году: “они же привели Короля к целованию на докончальных грамотах, и грамоты розняша, а с ними пришел к Вел. Кн. посол от Дацк. Короля, именем Давыд, такожь о братстве и о любви”.

³⁶⁷ В *Архив. Лет.* л. 140: “Прииде (28 Сент. 1490) посол из Чаадай от Усеин-Салтана, Урус богатырь, о дружбе, и о любви”.

³⁶⁸ См. *Мемог. Popul.* IV, 258, и *Voyage de Contareni* в Бержероне.

³⁶⁹ См. сей *Истории* Т. II, стр. 160, и Т. III, стр. 430–431.

³⁷⁰ *Архив. Лет.* л. 144, на обор. Вот письмо Александрово к Вел. Князю (см. *Послание Рос. Митрополитов* в Синод. библиот. № 164, л. 180): “Великому Царю и Господарю, Вел. Князю, низкое челобитие. Ведомо бы было, что из дальные земли ближнею мыслью менший холоп твой Александр челом бью. Темным еси свет зеленого неба, звезда еси, Христианская еси надежа, Веры нашия крепости всесветлый Государь, всем еси Государем прибежище, всем еси Государем закон, бедным еси подпора и Бесерменом еси надея, законной земли грозный Государь, всем еси Князем справедливая управа, всем Князем вышний Князь, земли еси тишина, обетник еси Николин. Добрых Государей молитвою и счастием мы еще здесе в Иверьской земле в здравии живем. Аще бы про ваше здравие слышели быхом, слава Богу. И еще сведомо буди, много Государю челом бьючи, Наримана Дамияна ко твоему порогу послали есмя, Хоземарума, Шекенца в товарищех с ними же послали есмя вашего здравия отведати. Посылка наша дай Бог в доброй чяс. Счясток дай Бог всегда бы был. И холопству твоему недостойный Александр. И писана лета 91 Генваря”. В летописях посол Иверский назван Муратом.

³⁷¹ Дела Крым. № 1, л. 115.

³⁷² Там же, стр. 176.

³⁷³ Там же, стр. 336–339. Начало: “Салтану, великому Царю. Межи Бесерменских Государей великой еси Государь^{30*} над Турскими и над Азиямскими Государи волен еси; польской (земной) и морской Государь еси, Салтан Баазит”, и проч.

³⁷⁴ Там же, стр. 196 и след. Ромодановский выехал из Москвы 28 Окт. Он возвратился 16 Ноября 1491 с двумя послами Менгли-Гире-

евыми, которых Вел. К. не пустил в Москву, для того, что дорогою умерло у них несколько слуг от язвы. Они зимовали в селе Волконе, куда был послан К. Василий Ноздроватой с толмачами, которые говорили с ними через реку.

³⁷⁵ Там же, стр. 270. Лобанов поехал 20 Марта.

³⁷⁶ В образец слога приведем следующее место грамоты Магмет-Аминя к Менгли-Гирею (Дела Крым. стр. 300): “Един Бог! В большей беседе вольному. Над храбрыми и над грамотники большой еси; над Верою Осподарь еси; над Турским и над Азямским Осподарем волен еси, и силы от Бога в прок и имя великое достал еси; над недруги силен еси: над Бесермены в Бесерменской Вере свят еси; от лиха уймаешь; в Вере чистота еси; Божиа застенъ еси; на земли чист еси; от воды и от земли създан еси; вся сотворшаго Бога изволением чист еси; на сей земли все твое веление; сего времени и сего света Осподарь еси Брат мой, Менгли-Гирей Царь! Осподарства бы его свыше Бог учинил. Величеству твоему от Магмет-Аминя, челом ударив, поклон”. Осведомляясь о здоровье Менгли-Гирея, он извещает его о частых впадениях Князей Ногайских в Казанскую область, и проч. В некоторых летописях сказано, что Вел. К. дал Царевичу Летифу Звенигород с пошлинами.

³⁷⁷ К. Тимофей Владимирович Мосальский, Смоленский Окольныйчий, был у нас в начале Окт. 1487, вторично в Марте 1488, Плюсков в исходе Декаб., К. Мосальский в третий раз 23 Июля 1489, Подстолий Станислав Петряшкович Стромиллов 29 Июня 1490, Дворянин Василий Хребтович 30 Нояб. 1491, Наместник Утенский Войтко Янович Клочко 19 Марта. От нас к Казимиру ездили Михайло Кляпик Яропкин 1 Генв. 1488, Боярский сын К. Федор. Иванович Палецкий 9 Марта, Боярский Сын Василей Карамышев 29 Июля, вторично Яропкин 20 Марта 1489, Дворянин Григорий Афанасьев Путятин 22 Дек., Боярский Сын Михайло Зворыкин 18 Февр. 1490, в третий раз Яропкин 7 Мая, Боярский Сын Иван Никитич Беклемишев 16 Мая 1492. См. Дела Польского Двора № 1, стр. 5–151.

³⁷⁸ Дела Крым. № 1, 324. Заболоцкой поехал 30 Авг. 1492.

³⁷⁹ *Никон. Лет.* 133.

³⁸⁰ К. Оболенский пленил Мценского Воеводу, Бориса Семеновича Александрова. См. Дела Польск. Двора стр. 182 и след.

³⁸¹ Наместник Полоцкий, Ян Юрьевич Забережской, послал прежде к Новгородскому Воеводе, Якову Захарьевичу, своего писаря Лаврина в Июле 1492, говорить о сватовстве. Воевода известил о том Вел. Князя, который писал к нему, чтобы он на вежливость отвечал вежливостию, но что нельзя думать о сватовстве до мира. Ноября 2 прислал Забережской грамоту к К. Ивану Юрьевичу Патрекееву и писал так: “Коли есми был от Государя нашего в посольстве у Вел. К., и твоя милость велел ми у себя хлеба ясти, и размо-

вал твоя милость о згуду межи Государей, а межи слов припомянул еси житье Вел. Князя Василья Васильевича с нашим Госуд. Витовтом ино, Господине, и ныне похотим межи Осподарей на обе стороне добра.... была бы воля его (Иоаннова) дати дочку свою за нашего Осподаря; а мы zde с дядями и братиею нашею хочом в том деле постояти”, и проч. См. Дела Польск. Двора стр. 173–180.

³⁸² Там же, стр. 182 и след.

³⁸³ См. *Архив. Лет.* л. 146, – *Никон.* 134, и Львова 219. Пленников выведено 530. Войском предводительствовали Кн. Рязанский Феодор, Воевода брата его, Иоанна, Инко Измайлов, и Московские Полководцы, К. Михайло Иванович Колышко и К. Александр Васильевич Оболенский.

³⁸⁴ Вязьму взял К. Данило Васильевич Щеня. Один из Князей Вяземских, Михайло, был сослан на Двину, и там умер в оковах (см. *Арханг. Лет.*). – Князь Михайло Романович Мезецкой сам привез в Москву братьев своих, К. Семена и Петра.

³⁸⁵ В *Архив. Лет.* л. 147 на обор.: “того же лета Авг. послал К. Вел. К. Дмитрия да К. Семена Воротынских на город на Мосалеск; они же град взяша”. Иоанн известил Менгли-Гирея, что он завоевал, кроме упомянутых городов, Лучин, Мощин, Городечну, Дмитров, Залидов, Белую, Осугу (см. Дела Крым. стр. 404, 427).

³⁸⁶ См. *Архив. Лет.* л. 148, и *Никон.* 135. Лукомского сожгли в Генв. 1493.

³⁸⁷ Дела Крым. № 1, стр. 357–383.

³⁸⁸ Там же, стр. 406–414.

³⁸⁹ Там же, стр. 440 и след.

³⁹⁰ Посол Мазовецкий приехал в Мае 1495, а К. Вел. отправил с ним в Мазовию 21 Мая Василья Асанчука Заболоцкого и Василья Третьяка Далматова (см. в Архиве столпцы Польского Двора г. 1498).

³⁹¹ Дела Крым. стр. 360.

³⁹² См. Донесения Заболоцкого в Делах Крымских.

³⁹³ Загрязский поехал 5 Генв. 1493 (см. Дела Польск. Двора стр. 203) с Третьяком, Михайловым сыном, прозвищем Синия Губы.

³⁹⁴ Послами были Андрей Олехнович, Наместник Переломский, и Войтко Янович Клочко. Приехали 29 Июня 1493, а выехали 8 Июля. 16 Сент. Клочко возвратился в Москву за *опасным листом* или проезжею грамотою для Великих Послов. Литовские Сенаторы писали к К. Ивану Юрьевичу, чтобы он употребил старание для заключения мира.

³⁹⁵ Дела Польск. Двора № 1, стр. 247.

³⁹⁶ Подлинного договора нет в Архиве; остался только список: сообщаем его здесь.

“По Божией воле и по нашей любви, Мы Александр Божию

милостию Вел. Князь Литовский и Руский и Жомоитский и иных, взяли есмя любовь и вечное dokonчанье с своим братом и со тьстем с Иоанном, Государем всеа Руси, и Вел. Князем Володимерским, и Московским, и Новгородским, и Псковским, и Тферским, и Югорским, и Пермским, и Болгарским, и иных. Жыти мне с ним в любви по сей грамоте, а быти мне с ним везде за-один, и добра мне ему хотети и его землям везде, где бы ни было; а ему мне добра хотети и нашим землям везде, гдеб ни было; а кто будет мне друг, то и ему друг; а кто мне недруг, то и ему недруг; а кто будет ему друг, то и мне друг; кто будет ему недруг, то и мне недруг. А быти ти, брате, на всякого моего недруга со мною везде за-один и на Татар; а мне на всякаго твоего недруга быти со тобою везде за-один, и на Татар. А пойдут ли, брате, Татарове на нашы Украйные места и Князем нашим и Воеводам нашим Украйным, нашим людем, сослався да боронитися им с одиного. А где тебе, моему брату, будет моя помочь надобе на всякаго твоего недруга, и на Татар, и тебе ко мне послать, и мне тебе помочь дати; а такожь коли твоя помочь мне будет надобе, и мне к тебе послати, и тебе, моему брату, мне помочь дати на всякаго моего недруга и на Татар. А коли пришет ко мне про помочь, а мне к тебе будет в ту пору помочи не лъзе послати, ино то тебе от меня не в измену; а также коли яз к тебе пошлю про помочь, а тебе ко мне будет в ту пору помочи нелзе послати, ино то мне от тебя не в измену. А в вотчину нам, брате, в твою, во все твои Великие Княжества, и в Новгород Великий и во Псков и во вся Нугородская и во Псковская места не вступатися ничем, также во Тферь и во вся Тферская места не вступатися мне ни чем, и блюсти и не обидети, ни подыскивати под тобою и под твоими детми всее твоее отчины, Великих Княжеств; а рубеж Новгородским волостем, Лукам Великим и Ржеве, и Холмскому погосту, и Велиле, и Лопастиям и Буйцу, и иным волостем, всей земле Новгородской с Литвою, и с Полочяны, и с Видбляны, и с Торопчаны, земле и воде по старому рубежу; а Пскову, отчине твоей, рубеж с Литвою, земле и воде, по старому рубежу; также и Тфери, отчине твоей, и всей Тферской земле рубеж с Литвою по старому рубежу; также и в брата твоего, в Княжу Борису отчину, мне, Великому Князю Александру, не вступитися, и во Ржеву с волостми по озеро по Орлинце на полы, по озеро по Плотинце, по Красной Борок, по Боранью речку на верх Белейки, по Белейке, на Поникль с Поникли на верх Сижки, с Березы на Мох, со Мху на верх Осуги ... А по которая места ведали Волостели Осугу при Великом Князе Кестутье, и моим Волостелем потомуже ведати; а тебе, Вел. Кн. Ивану, не вступатися ... Также мне не вступатися в вашу отчину в город Вязму, и в города и в волости ... ни Князей мне Вяземских к себе не примати, также и Федора Блудова и Олександрова Борисова сына Хлепеньского, и Княжа Романова Фоминска-

го, и их братья и братаничев, и Юрьева доля Ромейковича, и Княжа Феодорова места Святославича, те вотчины все твои, Великого Князя Ивановы и твоих детей. Также мне не вступитися у вас в Олексин и в Тетылов, и в Рославль, и в Венев, и во Мстиславль, и в Торусу, и в Оболенск ... да и в Козельск, и в Людимеск, и в Серенеск, и во все ваши Украйные места ... А Князи Новосилские, Одоевские и Воротынские, и Перемышльские, и Белевские все твои Великого Князя Ивановы и твоих детей и с своими отчинами к вашему Великому Княжеству... а мне не приимати их с их отчинами. Также ми и в Мещеру, в вотчину твою, не вступатися и не приимати их; а тебе, Вел. Кн. Ивану, в вотчину мою, во все мои Великие Княжества, не вступатися, ни в Смоленск, и во вся Смоленская места, ни в Любутеск, ни во Мченеськ, ни во Брянск, ни в Серпееск, ни в Лучин, ни в Мосалеск, ни в Дмитров, ни в Жулин, ни в Лычино, также и в Залидов, и в Бышковичи, и в Опаков по Угру, ни во все мои Украйные места, и что к ним потягло, не вступатися ничем и блюсти и не обидети... А Мезецкие Князи, К. Михайло Романовичь и Княжы Ивановы дети Феодоровича Говдыревьсково, Кн. Василей и Кн. Феодор, служат тебе Вел. Кн. Ивану и твоим детем, и с своими отчинами, что их долины в городе в Мезецку и в волостех; а мне, Вел. Кн. Александру, их не обидети и не приимати их и с их отчинами; а что служат мне Мезецкие Князи, К. Федор Сухой, да К. Василей, К. Феодоровы дети Андреевича, и те Князи в Мезецку ведают свои отчины, долины свои; а тебе их не приимати с их отчинами; а что у тебя в нятстве Мезецкие Князи, К. Семен Романовичь и К. Петр Феодоровичь, и тебе тех Князей отпустить в Мезьческ на их отчину, и они кому хотят, тому служат и с своими вотчинами ... и учнут служити мне, ино их тебе и твоим детем не приимати и с их вотчинами; а учнут служити тебе и твоим детем, ино их мне не приимати. А Кн. Вел. Иван Васильевичь Рязаньской и брат его К. Феодор и с своими детьми и с своею землею в твоей стороне в Великого Князя в Иванове; а мне, Вел. К. Александру, их не обидети, ни в землю ми в их не вступатися, и в чем мне Кн. Вел. Иван Рязаньской и брат его К. Феодор съгрубят, и мне о том прислати к тебе Вел. К. Ивану, и тебе то мне направить. А которые Князи служат мне, Вел. К. Александру, с своих вотчин, и тебе и твоим детем их блюсти и не обидети; а которые Князи служат тебе и твоим детем с своих отчин, и мне их блюсти, а не обидети; а которой имет обидети Князей Служебных своего брата, и нам о том сослати судей, и они тому учинять исправу без перевода; а Князей нам Служебных по та места на обе стороны с вотчинами не приимати. А что у меня Вел. Кн. Александра ваших израдец дети, Княжы Ивановы дети Можайсково и Княжы Ивановы дети Шемякина и К. Ивана Ярославича, также и К. Михайло Борисовичь Тферский, и К. Михайлов сын Андреевича, К. Василей, и мне на ваше лихо их не

отпущати никуда; а пойдут от меня прочь из земли, и мне их опять не примати, а быти ми с тобою, с своим братом, и с твоими детьми на них везде за-один. А о землях и о водах и о всех обидных делах на обе стороны межы нас суд вопчей вперед от сего нашего докончания; а судьям нашим судити целовав крест. А что учинится в нашей любви межы нашими людьми и вашими, ино тому всему суд: Волостели наши съехався да учинят тому исправу без перевода; а про то нам нелюбья не держати, а суженого не посужати; а суженое, заемное, положеное, поручное дати; а холопа, робу, должника, поручника, татя, разбойника, беглеца, рубежника по исправе выдати. А послом нашим по нашим землям на обе стороны путь чист без всяких зацепок; а гостем нашим по нашим землям на обе стороны ездити без рубежа и без всякие пакости; а твоим гостем Ноугородцом изо всей Новгородские земли в моих землях, во всей моей отчине, торговати без пакости; также и моим гостем изо всей моей отчины в Новгороде Великом торговати с Новгородци без пакости; а Псковскому послу и гостю изо всей твоей отчины изо Псковские земли путь чист во все мои земли, в мою отчину; а гостю Псковскому торговати во всех моих землях в моей отчине без пакости по старой пошлине со всяким гостем; также из моих земель в твою отчину во Псков послу и гостю путь чист во Псковскую землю изо всей моей отчины, а гостю торговати во Пскове без пакости по старой пошлине со всяким гостем; а суд с моими землями отчине твоей Пскову на обе стороны держати по старине. Также моим гостем изо всех моих земель торговати в твоей отчине во Тферской земле без пакости; а твоим гостем из твоей отчины из Тферские земли торговати во всех моих землях без пакости. А придет Божия воля к тому, даст ми Бог дети, а меня Бог возмет с сего света, а ты останешь жив, и тебе, брате, вотчины моей под моими детьми блюсти, а не обидети, ни вступатися во все наши Великие Княжества, ни в Смоленск, ни во вся Смоленская места, ни во все наши Украйные места не вступатися, ни подыскивати всех наших Великих Княжеств. А придет Божия воля, возмет Бог тебя с сего света первие, а яз остану жив, и мне под твоими детьми ваши отчины блюсти, а не обидети, ни вступатися во все ваши Великие Княжества, и в Новгород в Великий, и во Псков, и во вся Ноугородская и во Псковская места, также и во Тферь и во вся Тферская места и во все ваши Украйные места не вступатися ... А на том на всем мы Александр Божию милостию Вел. К. Литовский и Руский и Жомотский и иных целовал есмь крест к брату своему и ко тестю ко Иоанну Государю Всеа Руси и Вел. К. Володимерскому и Московскому, и Новгородскому, и Псковскому и Тферскому, и Югорскому, и Пермскому, и Болгарскому, и иных, по любви в правду; а по сей нам грамоте правити”.

³⁹⁷ “Дал им по шубе по собольей, отласы на них золотом; да по ковшу по серебряному по великому. А от Вел. Княгини по шубе по горностадной по голой; а от Вел. Княжны по шубе по собольей по голой”.

³⁹⁸ “Да приказал К. Вел. с ними к В. К. к Олександру *поклон*, а дети В. Князя и внук *челобитье*; да были у В. Княгини, а Княжна была тут же”. Выехали Февр. 11, быв у Государя 11 раз на посольстве, да трижды у стола.

³⁹⁹ Приехав в Вильну 18 Апр. на третий день они поднесли Александру обручальные дары.

⁴⁰⁰ “Да молвите от нас брату и зятю нашему, чтобы учинил нас для, велел бы нашей дочери, а своей Вел. Княгине поставити церковь нашего Греческого Закона на переходех у своего двора у ее хором, чтобы ей близко к церкви ходити, а его бы жалованье к нашей дочери нам добро слышети” (стр. 371).

⁴⁰¹ Дела Польск. Двора стр. 390 и 434.

⁴⁰² Там же, стр. 440. См. также. *Рос. Вивлиоф.* Т. XIV, стр. 1–21.

⁴⁰³ Вопреки нашим Каталогам Митрополитов и Ходыкевичу, Симеон, Киевский Митроп., преемник Мисаилов, скончался в 1488 году. Его место заступил Иоана Глезна. “В лето 7003 (1495) събрашась Епископи, Володимерский Васьян, Полоцкий Лука, Туровський Васьян, Луцкий Иона, и поставиша Митрополитом *Макариа* Архимандрита, пореклом *Чорта*, Киеву и всеа Руси, а до Патриарха по благословение послаша Старца Деонисея и Германа Диакона *Инока*” (см. Архив. *Киев. Лет.* № 70).

⁴⁰⁴ Дела Польск. Двора стр. 330. С сими жалобами приезжали от Александра в Москву, 13 Авг. 1494, Маршалок Ян Литовор Хребтович, да Писарь Адам.

⁴⁰⁵ Дела Польск. Двора стр. 449–475. Станислав Петряткович, внук Стромиллов, приехал в Москву 15 Мая, а выехал 24.

⁴⁰⁶ Дела Польск. Двора стр. 475–482.

⁴⁰⁷ Там же, стр. 482–486.

⁴⁰⁸ В Ноябре 1493 Иоанн посылал Константина Малечкина к Менгли-Гирею с убеждением не принимать никаких мирных условий от Литвы, а в Мае 1495 известил его о союзе с Александром. Ответ Менгли-Гиреев см. в Крым. Делах стр. 463.

⁴⁰⁹ Дела Польск. Двора № 1, 496–522.

⁴¹⁰ См. выше, стр. 142.

⁴¹¹ Дела Польск. Двора № 1, г. 1496, стр. 529–539.

⁴¹² Там же, стр. 539–554. Тогда Иоанн посылал в Вильну Михайла Кляпика Яропкина с Подъячим Тимофеем Микулиным (19 Мая 1496).

⁴¹³ Там же, стр. 552.

⁴¹⁴ Там же, стр. 555–557. С сею грамотою приехал (в Ноябре

1496) в Москву Алексей Семичов, Дворянин находившийся при В. Княгине Елене.

⁴¹⁵ Дела Крым. № 1, стр. 477–496. Звенец поехал 11 Сент. 1496.

⁴¹⁶ См. *Никон. Лет.* 132, и между моими Кенигсбергскими бумагами отношения Ливонского Магистра 1492 и 1493 годов к Немецкому Ордену, № 728 и 729. О продолжении перемирия сказано: denn sie (Ливонские Рыцари) iczt mit den von Muschkow uffix lar sich gefriedet und mit dem Grossfürsten uss Littawen den ewigen Frieden besworn und verpewet haben [ибо они заключили теперь с москвитами перемирие на десять лет и подтвердили и возобновили вечный мир с великим князем Литовским].

⁴¹⁷ In hottendo flagitio (см. Кранц. *Wandal.* стр. 327).

⁴¹⁸ *Никон. Лет.* стр. 141. Дела Польск. Двора № 1, стр. 564: “и в тех городех Немцы через крестное целованье и через перемирные грамоты нашим людям много лиха и убытков починили”.

⁴¹⁹ Кельх стр. 153.

⁴²⁰ Гадебуш Th. I, Abschn. II, стр. 247. Вел. К. посылал в Новгород Дьяка Василья Жука и Данила Мамырева, чтобы опечатать товары Ганзейских купцев (см. *Продолжение Нестор. Лет.* 336).

⁴²¹ Дела Цесарские № 1, л. 106: “Память Юрью (Траханиоту) и Михайлу. Били ему (Вел. Князю) челом Ноугородский купци, а называют, что приходит в Новгород соль и мед от Немец неполно, того деля, что в Новгороде весу нет. В ласту приходит 90 пудов Московских, а в ином менши; а наперед того в ласту приходило по 100 пудов и по 20. А мед приходит не полон же, бочка по 9 пудов а наперед того приходила бочка по 10 пудов Пошлинники Новгородские ныне всечго на Немцах не емлют: емлют на купцах, хто у них купит; а Великого же Князя в вотчине во Пскове у Немец соль и мед весят и всечго на Немцах емлют: ино лжи нет от Немец ... А Колыванци и Ругодивци сами у заморских купцов из кораблей соль и мед весят, а Ноугородским купцом у себя продают соль и мед, весят же и всечго на них емлют: и они в одном Новегороде хотят без весу продавати”.

⁴²² В Архив. Розрядн. Книге л. 12 на обор.: “На зговоре с Немцы Костянтин Григорьев сын Заболоцкой, да Михайло Кляпов, да Дьяки Кулешин, да Волк Курицын, а с ними детей Боярских и гостей 19 человек”. Келер в Ганзейской Хронике пишет следующее: “Послы с обеих сторон долго спорили о назначении места для переговоров. Московские хотели, чтобы им выдали тех Немцев, которые в Риге и в Ревеле осудили несколько Россиян на казнь; а Ганзейские требовали свободы четырех Немецких купцев, заключенных в Новегороде: ибо в Ливонских городах освободили всех Российских пленников. Сие требование не было уважено. Тогда сказали Московским послам, что, согласно с их желанием, Россиянам позволяет-

ся иметь церковь в Дерпте и в Ревеле; но они хотели еще казни упомянутых четырех купцев, по тому что им не выдают судей Ревельских и Рижских. Между тем началась ссора Великаго Князя с женою и с сыном: послы Московские уехали". Гадебуш г. 1489, стр. 254.

⁴²³ *Никон. Лет.* 142 – Кранц. *Wandal.* 327 – Кельх 153 – Гадебуш 250.

⁴²⁴ См. Арнта L. Chr. 158.

⁴²⁵ См. Сартория в *Gesch. des Hans. Rund.*

⁴²⁶ См. Далина *Gesch. des R. Schw.* II, 632.

⁴²⁷ См. выше, примеч. 366.

⁴²⁸ См. Архив. *Ростов. Лет.* л. 572. "А в Степени тогда был Посадник Яков Афанас. Брюхатой, да Василий Опимаховичь, и учили сильно десяти над Священники и лазили многожды на сени и в Вечии, и хотели Попов кнутом избежествовати, Иоанна Рожественскаго и Андрея в одних рубахах стояли на Вечи; и иных всех изсромотиша". См. также *Архив. Лет.*, л. 154, и Розрядные Книги. В большом полку находился К. Щеня, в передовом К. Петр Никитич Оболенской, в правой руке Петр и Василий Борисовичи; а у Воеводы Новгородского, Якова Захарьевича, в передовом Иван Андр. Лобан-Колычев, в правой руке Федор Конст. Беззубцев, в левой К. Тимофей Александр. Тростенской. Они воевали Шведские владения от Сент. до Рождества (в 1495 году). Под Выборгом убит из пищали Иван Андреевич Субота-Плещеев.

⁴²⁹ См. Далина II, 936.

⁴³⁰ Государь выехал из Москвы Окт. 24, а приехал в Новгород Ноября 17 (в 1495 г.). О свите его см. Архив. Розр. Книгу л. 6.

⁴³¹ Воеводы пошли Генв. 17. В большом полку К. Василий Косой с Андреем Федор. Челядниным, в передовом К. Ростовск. с К. Иваном Михайл. Репнею, в правой руке Дмитрий Васил. Шейн с Григорьем Федоровичем (внуком Давидовым), в левой Семен Карпович с Андр. Иванов. Коробовым. См. Далина II, 637.

⁴³² *Архив. Лет.* 156 на обор.: "а се им (рекам) имена: Кем, Торна, Колокон, Овлуй, Сиговая, Снежна, Гавка, Путаш". В *Арханг. Лет.*: "Извоевали Полну реку да Торнову, да Снежну; добра поимали много, а полону безчисленно; а ходили с Двины морем Акияном, да через Мурманской Нос".

⁴³³ См. Далина II, 638, и *Архив. Лет.* л. 159. Стокгольм^{31*} назван в сей летописи *Стекольном*, а Свант Стур *Князем Стефаном Кстуром*. Он пришел Авг. 19.

⁴³⁴ В *Архив. Лет.* л. 166 на обор.: "Тое же зимы (1500) Февр. приде посол на Москву от Дацкого Короля Ивана Каплян, именем Иван ... Тоя же весны, Апр. 2, послал Кн. Вел. к Дацкому Королю посольством Юрья Мануиловича Грека, да Дьяка Третьяка Долматова, да и Дацкого посла Капляна с ними же отпустил ... Придоша

Авг. (1501) от Дацк. Короля Юрий Старой да Третьяк, да с ними вместе Дацкого посол Давыд”. В *Архив. Лет.*: “Они пришли на Двину около Свейского Королевства и Мурманского Носу, мимо Соловецкой монастырь на Двину; да с собою привели Якова разбойника Немчина сам-третей”.

⁴³⁵ Далина II, 642.

⁴³⁶ Дела Польск. Двора № 1, стр. 563, в ответе Александрову послу 1497 года; “Наперед сего Свейские Господарева и Воеводы их и Свейская земля присылали о перемирьех и о иных делах в нашу отчину в Вел. Новгород ... а и ныне Свейской Воевода и Свейская земля пришлют в нашу отчину, в В. Новгород, к нашим Наместником бити челом о перемирье, и наши Наместники емлют с ними перемирье, как будет пригоже, по тому, как бывало у них наперед того”.

⁴³⁷ В Мае 1496 года пришла весть в Москву о нападении Мамука, *Шибинского* Царя, на Казань: “А измену чинят Казанские Князи Калемет, да Урак, да Садыр, да Агыш”. В начале Сент. Ряполовский вышел из Казани. – Мамук умер на возвратном пути в Ногайскую землю. В Апреле 1497 года возвели Летифа на престол. См. *Никон. Лет.* стр. 146 и *Архив.* л. 157.

⁴³⁸ См. Дела Крымск. № 1, стр. 536–546.

⁴³⁹ Там же, стр. 570–604.

⁴⁴⁰ См. выше.

⁴⁴¹ Посольство его в Крымск. Делах № 1, стр. 496–536. Он выехал из Москвы 11 Сент. 1496, вместе с К. Иваном Звенцом, отправленным к Менгли-Гирею. В свите Плещеева находились Костя Оксентьев, Подъячий Родя Кудолжиков, толмач Кудаш и Лука Сокольник.

⁴⁴² Вот подлинный перевод Баязетовой грамоты:

“Бог! – Великоименитой Хумаюн (птица) Баязид Султан Мухаммедовичь^{32*} ныне в своей земли. Божию милостью Анатолийский и Румской земли, Белого моря и Черного моря, и Караманский и Меншого Рима, и иных многих земель Государь, Султана Махаммеда Царя сын. Султан Баазид; а всея Руси, и Вьсточной и Полской и иных многих земель Князь Иван. К моему порогу послал ты в частие доброе своего посла, от своего правого сердца чистого, доброго человека Михайла. Посольства его путь до меня дошел, мене как видел, и твою грамоту полную мне дал, и яз ее взяв приложил к своему сердцю, и что в той грамоте написано было, и что твой посол своим языком говорил от тебя, то до меня дошло от твоего правого сердца, и разумел есми, единачества со мною хочешь, каков бы ты ко мне, таков бы яз к тебе, и по сем межы бы нас послы наши ходили чясто; и гости свои в мою землю отпускай, и пришед увидят нашу правду к тебе и тебе скажут. Что о тех гостех писал ты ко мне пе-реж сего, о всем твой посол и твоя грамота ведомо мне дала с прав-

дою, и познав яз то ныне, твоему послу своим языком говорил и грамоты свои к тебе послал, и он тебе мои речи скажет и грамоты подаст; а твой посол мне по пошине службу полну учинил; а ныне у мене посол твой отпросился назад; и яз его отпустил в свою страну, и он от меня и пошел. Дай Бог, твой посол по-здорову дошел до тебя. Мое здоровье и дружбу и любовь тебе скажет, от меня тебе великой поклон; и кто мне друг, и тебе друг, и тому великой поклон. А писан по конец месяца Речедбюль Мюрачедль, девять сот второго лета в Константине граде. (*Перевод Молнин Шамахийского*)". – Деда Крымск. стр. 522. Плещеев возвратился 27 Февр. 1498.

⁴⁴³ "Того же лета (1497) Авг. прииде на Москву В. Княгиня Рязан. Анна, и Князь стрете ее на Всполье за Болвановьем со внуком и с детми, такожь Вел. Княини Софья с снохою, с Вел. Княинею Еленою и с Боляринями, и пребысть В.К. Анна на Москве до Крещенья, и отпустил ее К. Вел. с великою честию и со многими дары, и проводил ее К. Юрью до Угреши; и отпустил ее К. Вел. наборзе свадьбы для: дала она тогда дочь свою за К.Ф.И. Бельского; а свадьба была на Резани Генв. 1".

⁴⁴⁴ Архив. *Ростов. Лет.* л. 569: "Он (Василий) сведал от Диака от Ф. Стромилова то, что отец его хочет жаловати Вел. Княжением внука своего, и нача думати Князю Василию второй Сатанин предотеца Афанасий Ропченко; бысть в думе той и Диак Ф. Стромиллов и Поярок, Рунов брат, и иные Дети Болярские; а иных тайно к целованию приводиша на том, что Князю Василию от отца своего отъехати, Великаго Князя казна пограбити на Вологде и на Белеозере, и над Князем Димитрием, над внуком, израда учинити. И сведав то и обыскав Кн. Вел. злую их мысль, и велел изменников казнити. Казниша их на Москве-реце по-ниже мосту шестерых: Аф. Ропченку руки да ноги и голову, а Поярку руки и голову, а Ф. Стромиллову да Володимеру Елизарову (Гусеву), да Князю Палецкому-Хрулю, да Щавию Скрябина сына Стравина, тем головы отсекли, Дек. в 27 день И в то время опалу положил на жену свою, на Софию, о том, что к ней приходиша бабы с зелием, и обыскав тех баб лихих, Кн. Вел. велел их казнити".

⁴⁴⁵ См. *Воскресенск. Лет.* II, 39 и 140 – *Новгород. Лет.* стр. 62, и сей *Истории* Т. III, стр. 203.

⁴⁴⁶ См. *Никон. Лет.* стр. 156.

⁴⁴⁷ См. Архив. *Ростов. Лет.* л. 569 на обор. – Сию так называемую Августову крабю можно видеть в нашей Оружейной Палате. – Герберштейн (R.M. Comment. стр. 16) пишет, что коронованному Димитрию за Великокняжеским торжественным обедом, в исполнение древнего обряда, подали блюдо *сельдей Переславских*: сим напоминалось новому В.К., что Москва и Переславль должны быть всегда неразлучны под его скипетром.

⁴⁴⁸ Герберштейн (стр. 7) говорит об ней: *Aiunt Sophiam hanc fuisse astutissimam, cuius impulsu Dux multa fecit* [говорят, что эта София была весьма хитра и князь многое делал по ее наущению].

⁴⁴⁹ См. выше, стр. 87.

⁴⁵⁰ То есть, Иоанна и Стефана Молдавского.

⁴⁵¹ В *Степен. Книге II*, 160: “Вел. Князь испыта подробно вся прежде бывшая *крамолы*, их же ради повеле К.С. Ряполовскаго казнити”, и проч. в *Архангельск. Лет.* стр. 173: “К. Вел. поймал в *измене* К. Ивана Юрьевича и сына его, да К.С. Ряполовскаго”. – В *Синод. Лет.* № 365, л. 513 на об., сказано, что тогда же, в Апреле, Государь приказал взять под стражу К. Василья Ромодановскаго и Андрея Коробова Тверитянина.

⁴⁵² См. сей *Истории Т. V*, примеч. 254, под годом 1418. В Родословных Книгах мать к. Ивана Юрьевича несправедливо именуется Анною.

⁴⁵³ См. сей *Истории Т. V*, стр. 319. – Ряполовские происходили от Стародубских Князей: см. Родослов. Книгу II, 76.

⁴⁵⁴ См. Архив. *Ростов. Лет.* 569 на обор. К. Иван Юрьевич скончался в том же 1499 году, а сын его, К. Василий Косой, в 1500: см. Послужной Список Бояр в *Трудах Волын. Рос. Собрания*, I, 226.

⁴⁵⁵ В *Степен. Книге II*, 160: “о внуке своем не радети нача”. В *Псков. Лет.* Графа Толстого: “Послаша Посадников ... и по 3 Боярина с Конца бити челом который бы был Великий Князь на Москве, той бы нам был Государь И В. Князь опалился: чи не волен я во своем внуке и в своих детех? Ино кому хочю, тому дам Княжество Посадников Григорья Хрустолова да Федора всадил в костер, а Посадника Стефана отпустил Того же лета приехал Владыка Генадей Мая в 30 д. во Псков, и Псковичи (ему) соборовать не дали: ты-де хочешь молити Бога за Князя Великого Василья: ино наши Посадники поехали о том к Вел. Кн.” и проч. Иоанн, убежденный их смиренными извинениями, выпустил Посадников в Сент. 1499 и прислал к Псковитянам своего Боярина Ив. Чеботова с объявлением прощения за дерзость: “и Псковичи честь ему подаваша от хлеба и от меда много; а на ответ дали ему поминка 10 рублей”.

⁴⁵⁶ См. Эрбелот. *Bibl. Orient.* II, 426.

⁴⁵⁷ “Тое же зимы (1499) Марта приде посол от Шамаheyского Государя, от Махмуда Салтана, Салтан Махметева сына, внука Ширваншина, именем Шебендин, и посольство правил о любви”.

⁴⁵⁸ См. выше, прим. 104, и дела Крымск. стр. 615. Грек Дмитрий и Голохвастов поехали из Москвы в Марте.

⁴⁵⁹ См. Крым. Дела стр. 622 и 639. Посол Кафинский, Конюший Салый, с толмачем и с *Дворянами* приехал в Окт. 1499 года. Тогда же возвратился из Крыма и К. Семен Ромодановской, и Голохвастов 6 Февр. 1500. В 1501 году Вел. Кн. послал в Кафу Андрея Семен. Ку-

тузова, убитого на возвратном пути Азовскими Татарами (Дела Крым. стр. 895). В Сент. сего года был в Москве Кафинский посол Алакозь: с ним вместе отправился к Султану Ших-Зоде Алексей Яковл. Голохвастов, требовать, чтобы Азовские разбойники были наказаны и все пограбленное ими возвращено (см. там же, стр. 879–894).

⁴⁶⁰ В *Архангельск. Лет.* 141: “Того жь лета (1465) велел Князь Вел. Василью Скрябе Устюжанину Югорскую землю воевати, а шли с ним хотячие люди, да Кн. Василий Вымский Ермоличь с Вымичи и с Вычегжаны; а пошла рать с Устюга Мая в 9 день и полону много вывели и землю за Вел. Кн. привели”, и проч. Стр. 142: “Того жь лета (1467) Вятчан 120 человек ходили на Вогуличи, да с ними Пермьяки Вогуличь воевали, а Князя Вогульского Асыку на Вятку привели”. – Стр. 160: “Того жь лета (1481) Андрей Мишнев со шильники и с Устюжаны ходили в Великую Пермь, да побии Вогуличь под Чердынем, а на Каму шедши, да встретили гостей и Тюменских Татар, да пограбили”.

⁴⁶¹ “Ивана Ивановича, а с ними Устюжане и Вологжане, Вычегжане, Вымчи, Сысоличи, Пермьяки Юмшан убежал ... Шли мимо Тюмень в Сибирскую землю а от Сибири по Иртышу ... А пошла рать с Устюга Мая 9, а пришли на Устюг на Покров; а в Югре померло Вологжан много, а Устюжане все вышли. Тое же весны (1484) пришли с челобитьем Князи Вогульские и Югорские, Вогульский Юмшан да Калпа, а Сибирский Князь Лятик; а Югорский Пыткей, а Большой Князь Югорской Молдан: того с собою наперед Курбский привел; и Князь Великий дань на них уложил, да отпустил в свояси”. *Арханг. Лет.* 160. В Синод. Лет. № 365:” Поимаша (Салтык и Курбский) на реце на Оби Князя Молдана и Княжих Екмычевых двою сынов Того же лета (1484) приходили к Вел. Кн. от Вогульского Кн. Юмшана, Асыкына сына, бити челом о опасе шурина его Вогулятин Юрга, да Сотник его Вогулятин Анфим, а печаловался о нем Владыка Филофей Пермский, и Кн. Вел. опас дал, и послал Владыка с Вел. Князя опасом к Юмшану слугу своего Леваша. Того же лета приходил к Вел. Кн. бити челом Вогулятин Кн. Пыткей с поминки с великими от Князей Кодских, от Лаба да от Чангила, и от всее земле Кодские и Югорские, да били челом о полоненых Князех, о Молдане с товарищи, и Кн. Вел. отпустил их во свою землю, да и Пыткея печалованием Владыки Филофея, да Володимера Григорьевича Ховрина. Тое же зимы Генв. 4 (1485) Князи Кодские, Молдан с детми, да Пынзей, да Сонта, да Пыткей имали мир под Владычним городом Устьвымским за вси свои земли с Князьми Вымскими, с Петром да с Федором, да с Вычегодским Сотником, Алексеем Казаком, да со Владычним слугою с Левашом, на том, что им лиха не смыслити, ни силы не чинити над Пермскими людьми, а

Вел. Князю правитись во всем; а крепость их, со золота воду пили, и пойдоша в свою землю Февр. ... Авг. 18 прииде ко Владыце Филофею на усть Выми по опасу Вогульский Кн. Юмшан, а с ним Вогуличи, тесть его Калба да Ломотко. Сент. в 1 пойде с ними Филофей к Вел. Кн. бити челом”, и проч.

⁴⁶² См. Архив. Розрядную Книгу л. 16 и 23 на обор.: “Хождение Воевод Князя Петра Федоровича Ушатаго, да К. Сем. Фед. Курбскаго, да Василья Ивановича Заболоцкого-Бражника на Югорскую землю, на Куду и на Гогоуличи. Послал Кн. Вел. Петра Федоровича, да подал ему Детей Боярских Вологжан, а пошли до Пиноковского волоку реками 2000 верст, да тут ся сождали с Двиняны да с Важаны и пошли с Ильина дни Колодою рекою 150 верст, с Оленья броду на многия реки ходили, и пришли в Печеру реку и сождались К. Петр со Князем Семеном, да с Васильем Иванов и пошли с Печеры на Введение ... шли до Камени две недели, и туто розвелись Воеводы: К. Петр да К. Семен (пошли чрез) Камень щелью; а Камени в оболоках не видишь; коли ветрено, ино оболока роздирает, а длина его от моря до моря”, и проч.

⁴⁶³ См. Гербершт, стр. 61 Кн. Симеон Курбский был еще жив, когда Барон Герберштейн находился в Москве. Сей Воевода рассказывал ему, что он 17 дней взбирался на горы и никак не мог перейти через их вершину, именуемую *столпом*.

⁴⁶⁴ Гербершт. Reg. Mosc. Comment стр. 63. – Иоанн еще и прежде сего назывался в титуле Князем Югорским.

⁴⁶⁵ См. сей *Истории* Т. III. Стр. 403.

⁴⁶⁶ См. сей *Истории* Т. I, примеч. 300.

⁴⁶⁷ Агалака (в 1499 году) подвел Казанский Кн. Урак. Бельской предводительствовал в конной рати большим полком, Кн. Симеон Романович Ярославский передовым; в правой руке был Юрий Захарьевич, в левой Дмитрий Васильевич Шеин; а с судовою ратью Кн. Иван Александрович Суздальской Борбаш, Михайло Константинович Беззубцев, Андрей Васильевич Сабуров и Семен Карпович. – Ногайские Мурзы осаждали Казань в 1500 году. “Царь же повеле около города нарядиши острог, и по вся дни выходя бой творяху и Ногаи вскоре пойдоша прочь”.

⁴⁶⁸ Дела Польск. Двора № 1, стр. 558–567, в посольстве Зенка, приехавшего к нам в Марте 1497.

⁴⁶⁹ Там же, стр. 568–574, в посольстве Ивана Сапеги, 13 Июня 1497. Турков было за Дунаем 60 000. От голода и мора они потеряли 40 000 человек.

⁴⁷⁰ Там же, стр. 580–596, в посольстве Боярина Петра Григорьевича Лобана-Заболоцкого и Дьяка Ивана Волка. В *Русск. Лет.* Львова: “и Александр сотвори лесь: сам возвратися, а Князей Руских с силою своею послал к брату своему Албрехту на помощь”.

⁴⁷¹ Там же, стр. 654–675, в Июле 1498. В Марте сего года ездил в Литву наш Боярин К. Василий Васильевич Ромодановский.

⁴⁷² Дела Крымск. № 1, стр. 622–638, г. 1499, и стр. 691, г. 1500.

⁴⁷³ Дела Польск. Двора № 1, стр. 585–590, г. 1498.

⁴⁷⁴ Кромер, стр. 440: Helena Graecorum schismati dedita, ab instituto Ecclesiae Romanae abhorreret [Елена преданная греческой вере, испытывала отвращение к закону римской церкви]. – Государь получил известие о гонении нашей Веры в Литве от Вяземского Наместника, Кн. Бориса Оболенского, а сей Кн. от Подъячего, Федора Шестакова, бывшего при Елене. См. Дела Польск. Двора № 1, стр. 676–684. Около сего времени Елена занемогла: Александр уведомил о том Вел. Князя, чрез Дьяка Горемыку: см. там же, стр. 685–687.

⁴⁷⁵ В Архив. *Киев. Лет.* г. 7005: “Мая в 1 день убили безбожнии Татарове Перекопскийи Преосвящ. Митропол. Киевскаго и всея Руси, Архиеписк. Макария, пореклом Чорта, в селе Скриголове, на Бчичи реце, за 5 миль от Мозыря; ту его нагнаша, неведущю о них никомуждо, и всех, еже с ним, побиша, а иных в плен побрали съгрешихом бо от ног и до главы Поехал был до Киева хотя помощи церкви Божьей Софии, разореной тыми жь Агаряны прежде ... Никогда бо сие случися в Руской земли, яко ныне тому Архирею Божию от поганых”. В *Русск. Лет.* Львова стр. 178: “Приезжал (посол) из Литвы (в 1483 г.) от Митрополита, иже zde Чернец бывал, его же Сатаню зовут за резвость, и шед в Царьград, ста в Митрополиты. Король же посади его в заточение. И сказа (посол) от него Вел. Князю, яко много мощей везох к тебе, Король все взял к себе. Кн. же Вел. держа того Пана долго, и отпустив рек: не подымати рати с Королем за сие”. – В Архив *Киев. Лет.*: “в лето 7006 (1498) Мая в 30 Вел. Кн. Александр Литовский даде Митрополью Киевскую и всея Руси Иосифу Епископу Смоленскому с Епископью^{33*} Смоленскою”. *Русской Временник* Ч. II, 188: “на него же (Иосифа) Бог послал недуг разслабу, и в том недуге и поставлен бысть на Митрополию, и пребысть в том сану едино лето, и живота изменися”.

⁴⁷⁶ По крайней мере требовали их благословения. В Архив. *Киев. Лет.* г. 1495: “Той же осени прииде из Царяграда от Патриарха Нифонта посол, келейник его, Старец Исаф, и Митрополита Киевскаго Макариа послы с ним Деонисей Старец, а Герман Диакон, и принесоша листы благословенныи под великими печатями оловяными Вел. Князю и Вел. Княгине, и Митрополиту, и Епископом, и Князем, и Бояром, и всем православ. Християном; токмо прирече Патриаршь посол Епископом, да не поставише потом Митрополита, аще не прежде от нас благословение берете, кроме великое нужда. Они же рекоша: мы не отмещемся древных обычаев Сборныя Церкви Цареградцкия и благословения отца нашего, Патриарха, но за нужю сътворихом се, яко же и прежде нас сътвориша братиа наша

Епископи при Вел. Князе Витовте поставиша Митрополитом Григория Цемивлака”.

⁴⁷⁷ Райнальд. *Annal. Eccl.* г. 1501, № 37.

⁴⁷⁸ См. *Никон. и Архив. Лет.* год 1500; также Дела Польск. Двора № 1, стр. 733–736. Бельский выехал к нам 12 Апр.

⁴⁷⁹ См. Дела Польск. Двора № 1, стр. 737–748. Станислав приехал Апр. 23.

⁴⁸⁰ См. Дела Крымск. стр. 733.

⁴⁸¹ В Апреле 1500. Иоанн известил Менгли-Гирея, что К. Семен Иванович поддался нам с Черниговым, Стародубом, Гомьем, Любичем; К. Василий Шемякин с Рыльским и Новымгородком Северским; Князья Трубецкие с городом Трубецким, Мосальские с Мосальским, а Бельской с своею отчиною (см. Дела Крымск. № 2, стр. 733).

⁴⁸² Дела Польск. Двора № 2, стр. 54.

⁴⁸³ В Розряд. Книгах: “Посылал Кн. Вел. к Путивлю и ко Брянску Царя Магмет-Аминя, а с ними Бояр и Воевод: в большом полку Яков Захарыч, в правой руке К. Тимоф. Александр. Тростенской, в передовом К. Иван Мих. Репня, в сторожовом Петр Мих. Плещев, в левой К. Василий Семен Мних-Ряполовской”. – См. еще Гербершт. *Comment.* и Стриков. *Литовскую Хронику.*

⁴⁸⁴ Сей Юрий, брат Якова Захаревича, был отец Романа Юрьевича, дед Никиты Романовича и Царицы Анастасии Романовны, первой супруги Царя Иоанна Васильевича, прадед Филарета, прапрадед Михаила. – У Юрия в правой руке был К. Федор Иванович Стригин и Воевода племянника Иоаннова, Феодора Борисовича, К. Иван Хованской-Ушак; в передовом Иван Щедра Вельяминов и Князья Туренины, Василий и Владимир Борисовичи; в левой Петр Иванович Житов и К. Ивана Борисовича, племянника Иоаннова, Воевода Обляз-Вельяминов.

⁴⁸⁵ См. Стриков. *Хрон. кн. XXI*, гл. 5.

⁴⁸⁶ Польские Родословы производят Константина от Даниилова брата, Василья, сказывая, что у Василя был сын Даниил, у Даниила Василий, у Василя Феодор, у Феодора Василий, у Василя Иван, у Ивана сей Константин (*Korona Polska, przez Kaspra Niesieckiego*, под именем *Ostrog*, стр. 511). Яблоновский в своих генеалогических таблицах дает Даниилу Васильевичу Острожскому сына Романа, Роману Василя, Василью Симеона и Феодора (*Энгеля Gesch. von Halitsch*. стр. 610, 611, таблица № 11). Но мы знаем по современной Волынской летописи, что у Василя Романовича, брата Короля Даниила, был только сын Владимир, который умер бездетным (см. сей *Истории Т. IV*, стр. 147).

⁴⁸⁷ *Korona Polska* под именем *Ostrog*, стр. 514; *Domi Numa religiosus, fortis Romulo non inferior*, и проч. Сей Легат был Пизон.

⁴⁸⁸ Архив. Розрядн. Книга, л. 19: “В большом полку Боярин и Воевода К. Данило Васильевич Щеня, да Боярин К. Семен Иванович Ярославской; в правой руке Боярин К. Осип Андр. Дорогобужской, да К. Федор Васил. Оболенской, да К. Петр. Иван. Стригин, да с *Татары* К. Иван Мих. Воротынской; в передовом Боярин К. Мих. Федор. Телютевской^{34*}, да К. Петр Васил. Оболенской, да К. Волод. Борисович Туренин-Оболенской; в сторожевом Боярин Юрий, да Иван Васил. Шадра; в левой руке К. Володимер Андр. Микулинской, да Дм. Вас. Киндырев, да Петр Иван. Житов. А по вестям присланы на прибавку от Государя по К. Данилове отписке К. Семен Роман. Ярославский, да Дмитрий Васил. Шеин; а велел К. Семену быть в большом полку со К. Данилом, а Дмитрею в передовом на Княже Петрово место Оболенского”.

⁴⁸⁹ Архив. Розрядн. Книга, л. 21: “Боярин Юрьи Захар. писал к Вел. Кн., что ему в сторожевом полку быти не мочно: *то мне стеречи Князя Данила*. И кн. Вел. к нему приказал со К. Константином Ушатым: *Гораздо ли так чинишь? Говоришь, тебе не пригоже стеречи Князя Данила: меня и моего дела? Каковы Воеводы в большом полку, тако чинят и в сторожевом: ино не сором тебе*”, и проч. Вел. К. приказал напомнить Юрию, что знаменитый Боярин Федор Давидович в свое время не стыдился предводительствовать сторожевым полком.

⁴⁹⁰ Герберштейн Reg. Moscov. Com. 7. Стриков. пишет (кн. XXI, гл. 7): “Острожский поиде к Смоленску и взя с собою Воеводу Смоленскаго Кишку и вся Смольяны и поимаша единаго от войска Московскаго именем Германа, иже прежде убеже до Москвы (бе Дьяком у Богдана Сопеги): той поведа, яко Воевода Москов. с малым людом под Дорогобужем стоял, и се третий день приидоша к нему друзии Воеводы и не советова, дабы сразитися Обаче Литва, не имуще ему веры, повелеша обесити (повесить) его; а сами поидоша, и пришедши село Лопачино, а не дошедши реки и села Ведроши, в 10 поприщах от войска Москов. стаща, где уведеша истинно, яко Москвы много и ожидают Литвы. Константин, сотворивши совет с Воеводы, поидоша тесными лесы и блатным путем, и сразишася Москва уступивши вспячь за реку Ведрошу к своим великим полком Бе Москвы 40 000 конных, кроме пеших, а Литвы пол-четыре тысячи”. По другим известиям силы были равные: Герберштейн приписывает нашу победу не числу воинов, но искусству Воевод, которые умели скрыть засаду и во время употребить оную. В *Москов. Лет.* (в Синодальной книге под титулом: 1) *О древностях Рос. Государства*, Т. I, л. 193 на обор.): “убили (Литовских) больших людей 5000, а с меньшими всех человек с пол-осьмы тысячи побили”. В ветхом же *Синод. Лет.* № 365, л. 517: “а убиенных Литвы и Ляхов болши *тридцати тысяч*”. В первом именованы пленники,

Друцкие Князья, К. Юрий Михайлович, К. Богдан Одинцов, К. Богдан Горинской; К. Олехно Масланской, К. Михайло Глушонок-Глазынич, К. Тувешь Татарин, Иван Муник, Староста купцев Смоленских, и множество других. По *Ростов. Лет.* число их простиралось до 500 или более. В *Арханг. Лет.*: “И сретошась обои полки о реце о Тросни, и стояша много дний, и Литва перелезла по мосту, и бишась до 6 часов, имающеся за руки, и в трупу конь не скочит и мало их утече, занеже Вел. Князя сила пешая зашли да мост посекали на Тросне”.

⁴⁹¹ Стриковский: “Поведано бе, яко им руце назад оловом залиты и ноги окованы; егда бо не можаше и добротою, тогда тяжкою неволю в верности ко крестному целованию Московский Князь принуждал, еже по сем, аще и от неправого сердца, сотвори умыслне, и бе одарен Княжскими имении в Москве, и велия брани с Татары имел и побеждал”. В *Арханг. Лет.*: “Князя Острожскаго *оковав* посла (Иоанн) на Вологду, и велел его не нужно держати и поити и кормити довольно; иным Князем и Паном кормили по полуденге на день, а Острожскому по четыре алтына на день а своим Воеводам воздал честь и дары и жалованья”.

⁴⁹² В Розрядн. Книге Бекетова и других: “И Кн. Вел. прислал о здоровье спрашивать Петра Плещеева; а велено ему перво говорить Князю Данилу Васильевичу, да К. Осипу Дорогобужскому”.

⁴⁹³ В Розрядн. Книгах сказано, что сражение было на реке Подме, на Тешкове поле. В *Синод. Лет.* № 110, л. 86: “Посылал Кн. Вел. своих братаничев да Боярина Андрея Федор. Наместн. Новгородскаго, да Кн. Александра Володимер. Ростовскаго, Наместн. Псковскаго; они же Торопец взяша, и волости около Полотска и Витебска поплениша, а людей многих мечеви предаша”. В *Лет. Псков.* Графа Толстого: “Прислал Кн. Вел. во Псков, чтобы отчина моя послужила на Александра Короля, а называли его Милостивым и Псковичи порубившися с 10 сох конь, а с 40 рублей конь и человек в доспесех, а бо были пеши люди”. Они, взяв Торопец, через 11 недель возвратились.

⁴⁹⁴ См. Дела Крымск., № 2, стр. 789.

⁴⁹⁵ К. Иван Семенович Кубенской с Федором Кушелевым, с Подъячим и толмачами поехали из Москвы в Апр. 1500, Иван Григорьев Мамонов 11 Авгус., К. Федор Ромодановской 11 Марта в 1501 году. Первый, доехав наконец до Тавриды без бумаг, правил посольство на память. Ромодановский, выкупленный на Кафе толмачем Султанским за 70 рублей, также немедленно отправился к Менгли-Гирею. – Здесь в первый раз упоминается в летописях о *Козаках Азовских*: “В лето 7008 Сент. (1499) придоша Татарове Ординские Казаки и *Азовские* под Козелеск и взяша сельцо Олешню; и К. Ив. Перемышльской и Одоевские Князи их побиша, а иных изымаша и

приведоша на Москву. – И приидоша на них (на Кубенского) Татарове, *Азовские Казаки*, Угу Черкас да Коробай, и грабиша их”.

⁴⁹⁶ В донесении Ромодановского к Государю (Дела Крымск. № 2, стр. 820): “Воевали Царевичи в Литов. земле Хмельник, да и посад сожгли, да Вишневец, да Кременец, да Березын на Стыре реце; да в Ляцкой земле взяли город Рубешов, и сожгли, да город Люю на Бугу на реце, да городок Белзу, да Львов, да Бойской на Сакале на реце, да Холм, да Люблин, да Красной Став посад сожгли;^{35*} да в Литов. земле воевали Берест и посад сожгли, а с города окуп взяли; да воевали Каменец Литовской, да Володимерец, да Луческ, да Бряславль; а полону, сказывают, взяли с 50 000 душ; а пришли Царевичи по Николине дни, а люди многие по Рожестве пришли”.

⁴⁹⁷ Дела Крымск. № 2, стр. 729: “Послал есми – говорит Иоанн Менгли-Гирею – к Волошскому Воеводе своего Диака земского Микиту (в 1500 году), а с ним послал есми к Воеводе его человека Петра”, и проч.

⁴⁹⁸ Стриков. Хрон. кн. XXI, гл. 7.

⁴⁹⁹ Менгли-Гирей прислал к Вел. К. (в 1500 году) список грамоты, полученной им от Александра. В ней сказано: “коли он нам, зятеви своему, слова своего, докончания и присяги не дръжал: чи бы пак он имел тебе то долго держати? а он што и братьи своей роженой поделал также через присягу свою, и какую их смертью уморил? и иным соседом своим то чинит” (Дела Крымск. № 2, стр. 762).

⁵⁰⁰ Менгли-Гирей пишет к Иоанну: “ко мне с пустыми речми посылает (Александр), а в Орду посла послал, и мои люди того в Азове видели” (см. там же стр. 758). Стефан Молдавский (в 1501 году) вызывался быть посредником между Вел. Князем Литовским и Менгли-Гиреем; но последний никак не хотел заключить мира без своего друга, Иоанна (см. там же, стр. 820).

⁵⁰¹ Мамонов писал к Государю: “Сказывал Куршка – человек Менгли-Гиреев, ездивший в Польшу – что К.В. Александр ко брату своему, к Королю Польскому, послал на дву возех серебра наймывать жолнырей пеших к Смоленску” (см. там же, стр. 817).

⁵⁰² Гадебуш *Livl. Jahrbüch. Th. I*, стр. 253, 255.

⁵⁰³ Там же, стр. 256.

⁵⁰⁴ Послом Владислава Венгерского был Постельничий Матвей Цезелицкий, а Короля Албрехта Александр Скорута (см. Дела Польск. Двора № 2, стр. 55–61). Нарбут привез письмо от Троицкого Воеводы, Яна Забережского, к Иоаннову Боярину, Якову Захарьевичу, в коем он именем всего Литовского Сената убеждал его стараться о заключении мира.

⁵⁰⁵ Стриков. Хрон. кн. XXI, гл. 7.

⁵⁰⁶ Супруга Александрова, Елена, как иноверная, не могла быть коронована: см. Кромера, стр. 440.

⁵⁰⁷ В Розряд. Книгах: “Мая в 14 день (1501) в розряде написано, в речи Ноугороцкым Наместником, К. Семену Роман. да Ивану Андр. Колычеву Лобану с Ярцом Зайцовым: будет дело от Литвы, ино бы шол Наместн. К. Семен, а быти с Великого Князя Сыном, с В.К. Васильем. В большом полку К. Вел. Василий Ивановичь, да с ним Наместн. К. Семен; в правой руке К. Иван Буйнос, Князь Александров сын Хохолков-Ростовской, К. Иван Гундор; в передовом К. Иван Тулуп, да Михайла Андр. Колычов; в сторожевом Игнатий Образец; в левой руке Иван да Василей Григорьевы дети Морозовы”. В летописях: “А в Новгороде велел (Государь) быти Владыке Генадия, да Наместнику Ивану Андр. Лобану-Колычову, да Дворецкому Ивану Мих. Волынскому, да с ними Дьяку Сумороку Вокшерину, да Дворцовому Дьяку Ермоле”.

⁵⁰⁸ Сыном Юрия Лугвениевича. В Розряд. Книгах: “А Федня Крылова изъимали, и посады пожгли; а Мих. Ижеславской, да Якуш Костевин, да Остафей Дашков утекли в город. А в больш. полку со Князем Стародубским и с Шемячичем были К. Алексан. Володим. Ростовской, да Семен Иванов. Воронцов; в передовом К. Петр Семен. Ряполовской-Лобан, да К. Иван Мих. Воротынской; в правой руке Григорей Федор.; в левой Иван Васил. Жук; в сторожевом К. Василий Васил. Ромодановской”. Получив от Воевод известие о победе, Вел. К. отправил к ним Ивана Микулина Ярого с изъявлением милости; приказал Ростовскому и другим Воеводам быть к себе, а Воротынскому и Ряполовскому остаться в Стародубе.

⁵⁰⁹ В *Псков. Лет.* Графа Толстого сказано, что Немцы остановили 25 судов Псковских с товаром и людей 150. Далее: “Послаша Псковичи в Юрьев Олексея судью, чтобы гостя отпустили; и Алексея прияли, а гостя не отпустили; и другаго посла прияша, отпустив Олексея, и посольство пословаша на Вечи от Немец, чтоб наше святство отдали и мощей и татьбу, что крали Петра и Павла. И Псковичи третьего посла послаша, и Немцы втораго посла отпустили с тем же посольством, а третьяго прияша. И Новгородскими Наместники своего посла послаша, и того прияша, а товар из учанов вывезоша на Юрьев, а гостей в погреб посажали”.

⁵¹⁰ См. Руссова, Кельха, Арнта, Гадебуша под г. 1501. Плеттенберг, готовясь к походу, известил Вел. Магистра Немецкого, что он будет около 15 Авг. на границе Российской, прибавляя о Короле Александре: *up welke Tyt sick vick de Here Groitf.* (Литовск.) *mit den sinen vormuge unse Bundes an gelegenen Enden unns dorch Viande Lande so dat ouerkomen under egen verfolgend wirt* [к которому времени Гос. Вел. князь Литовский придет нашему ордену на подмогу, вторгшись во вражеские земли с другого конца], и проч. См. между моими Кенигсбергс. бумагами № 716.

⁵¹¹ См. *Псков. Лет.* Графа Толстого. Вел. Кн., исполняя прозь-

бу Псковитян, прислал к ним сперва Шуйского, а через неделю К. Данила Пенка. “И жили во Пскове 3 недели, а Псковичам много проторы: овса 100 зобниц, а сена 100 стогов; да кое на колачи, кое на хлебы 25 рублей на один день”. Псковитяне 4 раза посылали в Москву с требованием защиты.

⁵¹² См. Руссова, Кельха, Арнта. – В *Архив. Лет.*: “Тое же осени послал Кн. Вел. Воевод своих, Кн. Данила Александ. Пенка и иных”. В Розряд. Книгах сказано в одном месте: “в большом полку К. Дан. Ал. Пенко^{36*} да со Пскова велел итти Наместнику своему К. Ивану Горбатову, со Псковичи”. В другом месте: “в большом полку Кн. Д.А. Пенков, да Кн. Василий Василевич Шуйской, в правой руке Иван Борисович Захарьин, да К. Андр. Кропотка, да К. Ив. Гундор большой; в передовом К. Ив. Тулуп, да Мих. Андр. Колычев, да К. Федор; в левой Петр Борисов. Захарьин, да Иван да Василей Григорьевичи Поплевины; в сторожевом К. Ив. Буйнос Ростовской, да Образец Симской”.

⁵¹³ В *Псков. Лет.* Г. Толстого сказано, что войско наше выступило из Пскова 22 и 23 Авг., что другое, состоящее из добровольных людей, отправилось на лодках, но ничего не сделало; что Псковитяне начали битву, и потеряв 20 человек, убили множество Немцев и Чуди; что сражение сделалось общим; что Псковитяне, видя своего Воеводу, Посадника Ивана Теншина, убитого, обратили тыл; что Московитяне следовали их примеру. “Изборяне, выскоча из Изборска, как бежали мимо, и грабиша *быто* Московское и Псковское”, и проч. Там же означены день и место. В других летописях: “Сретоша их (наших Воевод) Немцы, многие люди, безвестно на *Сирице*, и потопташа их Немцы, понеже Вел. Князя Воеводы не успели воорудитися; и на том бою убили из пушки Ив. Борисовича Бороздина, а иных немногих людей побиша.... И К. Данило отойде и ста во Пскове”. Ливонские Историки, Руссов и Кельх, сказывают только, что сражение было в наших пределах 7 Сент. (см. ниже), вместо 27 Авг.; другие же (Арнт, Гадебуш) несправедливо полагают оное близ Магольма, в трех милях от Везенберга и в двух от Финского залива.

⁵¹⁴ См. *Псков. Лет.* Гр. Толстого, где сказано: Поидоша (Россияне) противу Немцев по другую сторону Великой реки, и ту бишася много на бродах, и приидоша Немцы к Острову городку, и начаша бити пушками и огненные стрелы пущати Сент. в 7 (см. выше, примеч. 513) и плениша дом Св. Николы и огнем выжгоша и того дни прочь отойдоша к Изборску, и ночеваша, а назавтрие поидоша прочь и западоша (скрылись в засаде); а Изборяне приидоша на стан, и удариша (на них) Немцы западные и гнашася за ними до самыя стены, и всех изсекоша, а иных руками яша, 130 человек”.

⁵¹⁵ В *Псков. Лет.* Гр. Толст.: “Тогоже времени Немцы с Литвою

совокупишася, а быти было им вместе подо Псковом, и Пан Черняк не поспел: под Опочкою услышил, что Немцы выжгли Остров; а Литва мало не взяли Опочки: Спас ублюде”. О болезни Немцев см. Руссова, Кельха, Арнта.

⁵¹⁶ В *Архив. Лет* и в других: “И Кн. Вел. после послал К. Данила Васильевича Щеню, да К. Вас. Васильев. Шуйскаго в большом полку, в передовом Кн. Александра Васильев. Оболенскаго, да Петра да Василья Борисовых; в правой К. Михайла Телятевскаго, да К. Володимера-Микулинскаго, да Петра Житова; в сторожевом Ив. Андр. Лобана Колычева, да Игнатья Образца, да Андр. Короба; а в левой К. Михайла Карамыша, да К. Ив. Щетину Оболенскаго, да Дмитрея Киндырева со многими людьми Немец воевати Ливонские земли Воеводыжь Вел. Кн., два Князя Данила (т.е. Щеня и Пенко) с товарищи начаша пленити”, и проч. – Плеттенберг в исходе Ноября вторично писал к Вел. Магистру Немецкому о сем впадении Россиян, соединенных с *Татарами* (mircklichen Tail Tataren), [замечательное нападение татар], о разлитии вод и худых дорогах: so vick der gelykene by Menschen Dechtnissen nue gehort [наводнения, подобно-го которому на памяти людей не было], и проч. См. между моими Кенигсб. бумагами № 717.

⁵¹⁷ См. Руссова и Кельха.

⁵¹⁸ *Архив. Лет.* и в других: “И внезапно лучися им (Воеводам) бой велик Ноября в 24, на третьем часу ночи: приидоша Немцы безвестно с стороны со мною силою, с пушками и с пищальми, и Божию милостию Воеводы Вел. Кн. одолеша: овех побиша, и иных поимаша, а множество их утече”, и проч. В *Псков. Лет.* Гр. Толстого: “Посла Вел. Кн. своего Воеводу К. Ал. Оболенскаго с силою Московскою и Царя Тотарскаго (Магмет-Аминя) с Татараы ... а взяша собе Воеводы (Московские) праву руку, а Псковичи левую, и услышавши Воеводы, что под Гелменем сила Юрьевская, и изьясачившися и поидоша на них, и на первом ступе убиен К. Оболенский за Св. Троицу и биша поганых на 10 верст, и не оставиша их ни вестноши; а не саблями светлыми секоша их, но биша их Московичи и Тотарове аки свиней шестероперы, и идоша мимо Юрьев и Ругодив к Иванюгороду; а Псковичи труп насхаша на 3 день, а не ведаша того бою, и выйдоша вси здрави”. См. также Руссова, Кельха, Арнта. Плеттенберг от 28 Дек. из Вейсенштейна писал к Вел. Магистру Немецкому, что он вышел наконец с войском в поле, но не мог нигде *догнать* Россиян и должен был остановиться; что они между тем осадили Гельмет, и что некоторые Рыцари с людьми набранными в Гаррии, в Вирландии и с дружиною Епископа Дерптскаго хотели отразить их 24 Ноября, убили тысячи две неприятелей, но сами также потерпели урон (so is des Bischops Volck enen Dach touom in der Nacht van den Vianden bedrangt und bith to Helmede vor dem Slotte erslagen

worden) [так полк епископа был посреди ночи выбит врагом из ук-
рытия, его гнали вплоть до Гельмета, где его перебили перед зам-
ком]. См. мои Кениг. бумаги № 718.

⁵¹⁹ Марта 9 “убили Ивана Андреев. Лоб. Кольчова, да Михайла
Смолка, Иванова сына Слизнева и иных 20 человек: понеже тогда с
Иваном Андреев. были не многие люди, а Немцы пришли многие
люди”. В Кенигсб. бумагах, № 719 и 720, в донесениях Ландмаршала
и Коммандора Ревельского к Магистру, описано сие нападение ли-
вонцев: первый жег и грабил семь дней около Красного; а второй
хвалится победою, одержанною им при Иване городе над 1600 лат-
никами Московской конницы, de all woll gewappenth, geharnschet unde
schöne geszyret wegenp teyste Deyll Weyarenn [все они были хорошо
вооружены и имели богато украшенные латы ... большая часть из
них – бояре]. Немцы убили 200 человек и гнались за бегущими до го-
рода Ямы; возвратились от усталости и сожгли предместье Иваняго-
рода. – В *Псков. Лет. Гр. Толстого*: “Марта в 17 пришедши Немцы
ко Красному городку, и в Коройбору волость взяша, и голов посеко-
ша много, а в городе притужно было, и Бог ублюде, и завешаша цер-
ковь поставити Св. Пятницу; а Немцом виделося за Синию рекою на
горе от часовни Св. Георгия сила велика и побегоша а Псков-
ские Воеводы не пособиша им ничим же”.

⁵²⁰ Иван Мамонов писал к Вел. Кн. в Июне 1501: “Сказывают,
Государь, что Орда нынеча худа прикочевала к Дону за тем, что
Муртоза ныне в Тюмени, а с Муртозою Азика Кн.; а Тюмень и Чер-
касы Орде недруги; и там ся Орда отвселя блюдет: за тем там и не
пахали”. (Дела Крым. № 2, стр. 818). Выкупленный из неволи посол
наш, Кн. Ромодановский, догнав Менгли-Гирея на Ярыше, известил
Государя, что сей Хан думал воевать Литву, но принужден был итти
на Ахматовых сыновей, чтобы не допустить их до соединения с Лит-
вою. Сам Менгли-Гирей писал к Вел. К. из своего стана при Ко-
быльей Воде: “Ших-Ахмет и Сеид-Махмут к Дону пришли, на Кан-
даузском песку возитись хотят Десять тысяч человек посадив на
конь, к нам пришли в судех пушки и пищали пришлешь, только
славы деля, имя бы было” (стр. 824). Иоанн 7 Авг. послал Магмет-
Аминя с Нордоулатовыми Уланами и К. Ноздроватого, велев им
взять с собою Воевод Рязанских, *Великой Княгини* и К. Феодора (см.
Розрядн. Книги г. 1501). Иван Мамонов, находясь в походе с Менгли-
Гиреем, писал: “Шиг-Ахмет Царь с Сеид-Махмутом Царем Базар
розделил и не дошед Дону, да розбранив с Шиг-Ахметем, Сеид-
Махмут от него воротился, да пошел к Асторохани а рати, сказы-
вают, с Шиг-Ахметем и с Салтаны и со Князьми конных и пеших ты-
сяч с двадцать, а послы Литовской и Польской с ним, да перешод
Дон, да тут себе учинил крепость; а Менгли-Гирей дошел Орды
Ших-Ахметя в Середу перед Оспожиным заговеньем, да против их

крепость учинил” (стр. 836). Менгли-Гирей 7 Авг. прислал гонца в Москву требовать себе *корму* и людей, а чрез 5 дней уведомил Иоанна о своем отступлении, говоря: “корму у нас не стало, а слышел есми, к Ших-Ахметю Мусин Княжей сын Шихим Мурза едет Ших-Ахмет охудел, и ты бы Казаков своих послал Улусов его воевати и животину отгонити В борзых днех того нашего недруга дасть нам Бог, чаем. Молвя, жиковиною запечатав, ярлык послал есми, мес. Июля в 18 день” – Авг. 30 Вел. Кн. писал к Менгли-Гирею (стр. 842): “Ших-Ахметь пришел к наших Князей отчине, к Рьльску, и наши Князи К. Семен Иван. и К. Василей Шемячичь и наши Воеводы со многими людми пошли против их”. Стриковский в своей Хронике пишет ложно, что Шиг-Ахмет имел 100 000 воинов, разбил Менгли-Гирея, опустошил владения Московские до Брянска, и взяв Новгород Северский с другими местами, отдал их Александрову послу, Пану Михаилу Халецкому. Менгли-Гирей в Генв. 1502 года уведомлял Иоанна, что Ахматовы сыновья зимуют близ устья Семи (или Сейма), около *Белагорода*, и что он велел жечь степи (стр. 855; см. еще стр. 926). В Марте Вел. К. отправил в Тавриду посла Алексея Заболоцкого и приказал сказать Хану: “Хотел есми к тебе послати и судовую рать с пушками и с пищальми (когда Менгли-Гирей стоял на Тихой Сосне) и мне ныне рати своей к тебе послати не лзе, за тем, что наш недруг Литовской, снявся с Немцы, стоит против нас”.

⁵²¹ См. Кромера de Reb. Polop. стр. 440.

⁵²² См. там же.

⁵²³ Дела Крым., в Посольстве Заболоцкого, стр. 868: “Сего лета присылал ко мне Азика К. братанича своего Камбарама, с тем, чтобы яз (Иоанн) Азику к себе взял, а Азике бы моим жалованьем своего Юрта доставати; да и о Сеит-Махмуте Царе говорил, чтобы яз к себе взял Приказал есми, чтобы ко мне пошли, твоего для дела да и своего”.

⁵²⁴ Дела Крымск. стр. 867, и *Архив. Лет.* 173. Сей посол, Князь Хаз Согер, приехал в Декабре с людьми шурина Менгли-Гиреева, Тевекеля, Улусника Ших-Ахметова.

⁵²⁵ В *Архив. Лет.*: “тое же зимы, Марта (1502), отпустил К. Вел. посла Большие Орды, да с ним своего посла, Давыда Лихарева Ясельничего о любви же”.

⁵²⁶ См. *Архив. Лет.* 174, и Дела Крым. стр. 332. Июня 28 с сею вестию возвратился из Крыма Федор Михайлов сын Киселев, посланный туда 7 Окт. 1501; а 3 Июля приехал в Москву посол Менгли-Гиреев с грамотами.

⁵²⁷ См. Дела Крым. стр. 957. 16 Окт. 1502 года послал Вел. К. в Тавриду Ивана Никитина Берсеня Беклемишева, приказав к Менгли-Гирею: “Коли Ших-Ахмет Царь от нашего недруга от Литовско-

го отстанет, а брату моему Менгли-Гирею лиха не учнет чинити, и яз, уповая на Бога, хочю ему Азторокани доставати”. Перед тем были в Москве Шиг-Ахматовы послы, Чытырбай и Аллагьяра. Царем Астраханским был тогда дядя Шиг-Ахметов, Аблекерим (см. там же, стр. 987).

⁵²⁸ См. Дела Крым. г. 1504, в письме Менгли-Гиреевом к Вел. К., стр. 1100.

⁵²⁹ См. там же, в письме Вел. К. к Менгли-Гирею, 20 Авг. 1504.

⁵³⁰ См. Стрик. Хрон., кн. XXII, гл. 3, 4 и 6. Шиг-Ахмет умер после 1505 года. – Об Астраханских Царевичах см. ниже, примеч. 629, г. 1502.

⁵³¹ Александр в 1502 году предлагал Хану Крымскому мир весьма выгодный, уступал ему некоторые места, обязывался ежегодно присылать дары, изъявлял желание помириться и с Вел. К., говоря в письме к Менгли-Гирею: “Ино сколько лиха межь нас ни будет, а Ивану Князю, взяв Литовская вотчина, не продержати; а мне взяти Московскую отчину не продержати”. Менгли-Гирей прислал сию грамоту к Иоанну. См. Дела Крым. стр. 98.

⁵³² В наказе послу Берсеню Беклемишеву сказано: “яз (Иоанн) был Абдыл-Летифа пожаловал посадил на Казани, и он мне почял лгати, и ни в каких делех не учял управы чинити; да и земле Казанской учял лих быти, и яз его того дея с Казани свел и держу у себя”. Дела Крым. стр. 1107.

⁵³³ *Архив. Лет.* г. 1502, л. 173: “Тое же зимы, Генваря, послал К. Вел. в Казань К. Вас. Ноздроватаго, да Ивана Телешова, велел поимати Царя ... а на Казань пожаловал Магмет-Аминя, да и Царицу ему дал, невиско его Алегамовскую; а со Царем послал в Казань К. Семена Борисов. Суздальского, да К. Василья Ноздроватаго”. В *Арханг. Лет.*: “К. Вел. велел К. Казанскому Калемету поимати Царя; он же приехав с Москвы в весне на поле воде, Царя поимал, да сковав с железа к Москве послал; а К. Вел. на Казань послал Магмет-Аминя Царя: он же приехав в Казань, да К. Камелета убил, и на Вел. К. гнев держа”.

⁵³⁴ См. Дела Крым. стр. 1029 и 1030. “Тебе, надеюсь, ведомо – пишет Менгли-Гирей – в Эндустанской земле *Кергеденем* зовут однорог зверь, и рог его о том деле надобен, у кого на руке будет, как едячи то лизати, и в той естве что лихое зелие будет, и тому человеку лиха не будет. Слышал есми Кергеденев рог в Хан-Дыкарове казне есть, и просити послал есми, и он две жиковины (два перстня) нарядив послал ко мне”, проч.

⁵³⁵ См. также, стр. 1021.

⁵³⁶ В *Архив. Лет.* г. 1502, л. 174; “Апреля 11 опалился Кн. Вел. на внука своего и на его мать, и от того дни не велел их поминати в охтенях и на литиях, ни нарицати Великим Князем, и велел их по-

садити за приставы ... Апр. в 14 день пожаловал сына своего, Василья, посадил на Великое Княженье, на Володимерское и Московское всея Руси". В *Арханг. Лет.* стр. 174: "А внука своего посадил в камень, и железа на него возложил". В том же Летописце сказано после, что Димитрий был скован уже при Вас. Иоанновиче. – В ветхом *Синод. Лет.* № 365, л. 519 на об.: "за некое их прегрешенье с очей сосла и в крепости посади до их смерти".

⁵³⁷ Дела Крым., стр. 967, 1009, 1131.

⁵³⁸ Елена погребена в Вознесенском монастыре. – В *Переписной Книге* Архива Посольских Дел означена *тетрадка*, а в ней писано, как *стеречи внука*: нет сомнения, что это был наказ В.К. Иоанна, данный надзирателям Димитрия. К сожалению, сия книжка утратилась после 1614 года.

⁵³⁹ В грамоте Вел. К. к послу Заболоцкому, Июля 1502: "Мне сказывали, что Стефан Воевода наших послов да и мастеров к нам не отпустит, ни денег, ни платья, ни коней им на путь не даст" (Дела Крым. стр. 942).

⁵⁴⁰ См. Кантемирову *Историю Оттоманской Империи*.

⁵⁴¹ 14 Июля. В большом полку с Димитрием Воевода К. Василий Данилович Холмский и Яков Захарьевич; в передовом К. Симеон Иванов. Стародубский, К. Вас. Иван. Шемячич, К. Алекс. Владим. Ростовский, К. Михайло Корамыш; в правой руке К. Федор Борисов. Волоцкой, К. Федор Иван. Бельской, Димитрий Васил. Шейн; в левой К. Федор Иван. Рязанской, Воевода Москов. К. Василий Мних Стрига-Ряполовский, К. Ив. Михайл. Репня; в сторожевом К. Ив. Борис., К. Михайло Федор. Телятевской, К. Фед. Васил. Телепень, К. Констан. Ярославской. Выступили в поход из Воронцова. См. *Розряд. Книги*.

⁵⁴² Дела Крым., стр. 964: "Смоленска не взяли за тем, что пришла великая рать, ино корму не стало". Так должен был сказать посол Беклемишев Менгли-Гирею. Димитрий возвратился в Москву 23 Окт.

⁵⁴³ Стриков. (кн. XXI, гл. 7) пишет: "Староста Жмодский со всею Литовскою, также Черный Чех со всеми иноземцы, прешедше реку Днепр, под Оршу иде с Татарами Заволоскими: что слыша К. Димитрий, вскоре побеже к Москве; а Литва ста на горах, и бе тамо чрез всю осень". Король Александр, в письме своем к Магистру хвалясь счастливыми вылазками Смоленских Воевод, изъявлял опасение, чтобы они не сдались от голода и заразы, производимой множеством гниющих мертвых тел под стенами (см. мои Кенигсб. бумаги, № 721).

⁵⁴⁴ См. Дела Крым. стр. 992 и *Розряд. Книги*. В большом полку находились Князья Стародубский, Шемякин, Александр. Володим. Ростовский; в правой руке Боярин и Воевода К. Васил. Семенов.

Одоевской и Вел. Княгини Рязанской Воевода Яков Захарьев.; в передовом Боярин и Воевода К. Ив. Семенов. Одоевской-Сухорук, К. Ив. Мих. Воротынской и Брянской Наместник, Ив. Васил. Жук; в левой Боярин и Воевода К. Ив. Мих. Оболенской Репня и Воевода К. Федора Рязанского, Чавка Васильев Дурной; в сторожевом К. Васил. Васильев. Ромодановской.

⁵⁴⁵ Герберштейн в Comment, стр. 85.

⁵⁴⁶ В *Продолжении Нестор. Летоп.*, стр. 344: “Приидоша Немцы и Местерь со многим воинством и стояша под Изборском, и биша стены многими пушками, и град, разбиша, и оттоле поидоша за Великую реку под град Псков, и стояша под градом, и стены биша многими пушками и пищальми, и граду не доспеша ничтоже”. – В *Псков. Лет.* Гр. Толстого: “Прииде Мастер Сент. во 2 день ко Изборску, и городка Бог ублюде а стоял под городком одну ночь Того же месяца в 6 день пришли (Немцы) на Завеличье, и Псковичи зажгоша посад, и вышли против их и биша пушками на городок на Кром, а детинца Бог ублюде и пошли на брод к Выбуту, и Псковичи противу их, да много билися с ними на броду, и перебродилися Немцы к Полонищу и к стене лезли и стояли на Полонищи 2 дни и прочь отошли А ждала Псковская сила Москов. Воевод в Песках по два дни а Немцы выжгоша мост на Черехе, и поидоша в брод, куда они погании не бывали и ожгоша Псковичи около Полонища посадки и Гремячую гору”.

⁵⁴⁷ В *Продолжении Нест. Летописца*, стр. 344: “И Кн. Вел. послал Воевод своих, в большом полку Боярина К. Данила Васильев. Щеню, да Боярина К. Ив. Васил. Шуйского, да К. Бориса Иванов. Тулупова (или Тебетуланова); в правой руке Бояр. К. Осипа Андр. Дорогобужского да Окольного Петра Иванов. Житова; в передовом Боярина К. Василья Васил. Шуйского, да К. Петра Семен. Ряполовского Лобана; в сторожевом Окольного Семена Карповича, да Мих. Семен. Колычева; в левой руке Бояр. К. Володим. Андр. Микулинского, да К. Семена Ромодановского со множеством воинства (из Новагорода) во Псков противу Немец. Немцы же убоявшися отступиша от града за 30 поприщ. Воеводы же Вел. К. обойдоша их от града Изборска, и сретошася с Немцы на озере на Смолине и учиниша им бой м. Сент. в 13 день, и бишася, и разыдошася обои; и на том бою убиша К. Федора Кропотича (Александровича Кропоткина), да Григор. Дмитр. сына Давидовича, да Юрья Тимофеева сына Юрлова (Плещеева) и иных многих Детей Боярских, а Немец падоша безчисленно; и оттоле Немцы отыдоша во свояси, а Воеводы Вел. К. разыдошася и с своим воинством к себе”. – в *Архив. Лет.*: “И Воеводы доидоша их (Немцев) на Смолине, и сказаша Воеводам Данило Щекин, да Лева Харламов, што Немцы бежат, и люди многие Вел. К. из полков погониша, а полки изрушили, и кошевых (обозных) людей

Немецких многих побили, и пришли на полки Немецкие, а Немцы стоят исполчаяся, и Вел. Князя людей не много избиша, которые пришли изрывкою, а сами ся остали, потому что у Вел. К. Воевод полки ся изрушили”. В *Псков. Лет. Гр. Толстого*: “И погнашася Воеводы Вел. Князей и Псковичи, и нагнаша Немцев в озерах на *Могилнике*, и Немцы кош свой поставиша опричь, и молвиша: ^{37*}– толке де^{–37*} Русь ударится на кош, и мы-де выйдем изо Псковской земли; а толке же де и нас, ино туто нам головы покласти своя. И Псковичи первое ударишася на кош, и потом Москвичи, и начаша межи собя драться о быте Немецком, а Чюдь кошевую всю присекоша, и Немцы в то время ступишася с Москвичи и со Псковичи, и бысть сеча, а не велика, и К. Псковский Ив. Горбатой нача заганивати Псковичь, чтоб не ехали розно; а они вси по закустовью, и начаша ему Псковичи прозвище давати *Опремом и Кормихном*: аще бы не тот Г. Кн. Иван велел стену деревянную поставити около Полонища и бродей, ино все тоб дымом взялося и до старой стены”. – Гербершт., стр. 8, пишет, что Немцы, малочисленные и тяжело вооруженные, не могли гнаться за Россиянами, которые ободрились, снова напали на пехоту Орденскую, состоявшую из 1500 человек, и разбили оную; что от измены Гаммерштетовой погибло около четырех сот Ливонских пеших воинов; что остальные вместе с конницею благополучно возвратились в свою землю. Он сам видел Гаммерштета в Москве при Дворе Василья Иоанновича. – Ливонские Историки пишут, что у Магистра было 7000 всадников, 1500 Немецких солдат, 5000 Курляндских, Летландских, и несколько сот Эстонских крестьян; что пленники сказали ему о числе Россиян, которые показались в двенадцати толпах; что Магистр^{20*} привел их в беспорядок действием своей артиллерии; что наших убито 40 000, а Ливонцев 400 пеших, несколько всадников, Капитан Матвей Пернауер, Поручик Генрик, брат его, и Прапорщик Кондрат Шварц (см. Руссова, Кельха, Арнта и Гадебуша).

⁵⁴⁸ См. Дела Польск. № 2, стр. 64–67.

⁵⁴⁹ Петр, Воевода Ланчинский; Станислав Глебович Маршалок; Войтек Янович, Кухмистр Королевин; Ян Бучицкий, Подचाший; Петр Врицьмовской, Стольник Краковский; Иван Сапега, Писарь Королевский, и Канцлер Королевин (см. там же, стр. 67–69).

⁵⁵⁰ Сей ответ Иоаннов находится в Делах Крым. № 2, стр. 998.

⁵⁵¹ Плеттенберг, уведомляя Вел. Магистра Немецк: о возвращении своих послов из Москвы, говорит: *sy^e38* van dem Grossfursten zour Moscow und seinen Hern vil Widderwertigkeith, Frevel und Schmaheit, umb der Vorbuntnisse willen zowischen Konig. Majest. und uns gescheen, das durch nu die Russischen Lande im Furstenthume zcu Lettawen einzunemen vorhindert is, geleden und gebad haben* [они препетели от государя и великого князя московского много злоключе-

ний, унижений и глумлений, ради того, чтобы сохранить союз между нами и Королевск. Величеств., препятствием чему является захват русскими земель Литовского княжества] (см. мои Кенигсберг. бумаги № 740). Он называет сие перемирие жалостным и постыдным для Короля. Тогдашний мирный Плеттенбергов договор с Вел. К. состоял из 54 статей, но утратился. Знаем только, что Епископ Дерптский обязывался в оном платить дань России. Ливонские и в особенности Дерптские земледельцы (как пишут) искони давали Новугороду и Пскову известное количество меду и воску (см. Арнта Liefland. Chg. 177). Важность сего обстоятельства увидим в царствовании Иоанна IV.

⁵⁵² См. Дела Крым., стр. 1050, 1054, 1055, 1128. Иван Беклемишев (см. выше, примеч. 27) не доехал до Тавриды: Царевич Ногайский, Ахмет, сын Мамуков, напал на него близ Оскола и пленил многих бывших с ним людей: Беклемишев ушел обратно в Москву. В Сент. 1503 Вел. К. отправил к Менгли-Гирею Ивана Иванова Ощерина. Кроме послов, с обеих сторон ездили гонцы с письмами.

⁵⁵³ Дела Польск., № 2, стр. 69–70. Послами были Боярин и Окольниковий Петр Мих. Плещеев, Бояр. и Дворецкой Конст. Григорьев. Заболоцкой, Окольниковий Мих. Яков. Яропкин, и Дьяк Никита Моклоков. Их сослали в Троки.

⁵⁵⁴ Дела Польск. № 2, стр. 70–71.

⁵⁵⁵ Там же, стр. 82. Иоанн посылал тогда к Елене Дьяка Губу-Моклокова, который должен был таить свое поручение от мужа ее. Она велела сказать родителю, что есть дочери у Маркграфа; есть и другие невесты в Германии, и проч.

⁵⁵⁶ Она скончалась в девятом часу дня, 7 Апр. 1503.

⁵⁵⁷ Гербершт. стр. 7: *Aiunt Sophiam hanc fuisse astutissimam, cuius impulsu Dux multa fecit.* [Говорят, что эта София была весьма хитра и князь многое делал по ее наущению]. – Кранц в *Wandal.* стр. 297: *ingeniosa, ut ferebant, mulier* [умнейшая, как говорят, женщина].

⁵⁵⁸ Он выехал из Москвы 21 Сент. 1503, а возвратился в Ноябре.

⁵⁵⁹ См. *Рос. Вивлиоф.* II, 408, или *Собрание Государ. Грамот,* I, 389.

⁵⁶⁰ *Собр. Государ. Грамот,* I, 397: “Сын мой Юрь с братьею по своим Уделом в Московской земле, и в Тферской денег делати не велят, а деньги велит делати сын мой Василей на Москве и во Тфери. А откуп ведает сын мой Василей; а в откуп у него мои дети Юрьи с братьею не вступаются ... А которые есми города и волости подавал детям своим, Юрью с братьею в Уделы, а тянули душегубством к городу к Москве: и те города и уезды и волости тех городов тянут душегубством к городу к Москве, по старине; а дети мои, Юрьи с братьею, в то не вступаются”.

⁵⁶¹ Там же, стр. 393: “Благословляю сына своего Василья и детей своих меньших в Москве годом Князь Константиновским Дмитриевича, что был дан брату моему, Юрью да годом Княжым Петровским Дмитриевича, что был дан брату моему, Андрею Меньшому, да годом Князь Михайловским Андреевича; а др̄жить сын мой Василей и мои дети меньшие на тех годех на Москве своих Наместников, переменяя 5 лет по годом. А что был брату моему Борису в Москве год Княж Ивановской Андреевича, и тот год приходил брата моего Борисовым детем обема др̄жати на Москве своего Наместника на шостой год, и братаничь мой Иван ту полгода дал мне, и яз ту полгода даю сыну своему Василью, и братаничь мой Федор с сыном с моим с Васильем тот шостой год др̄жат по полугоду”. – О собственности и наследстве меньших сыновей см. там же, стр. 397.

⁵⁶² Кн. Рязанский умер 29 Мая: “а сын его Иван остался полупята года”.

⁵⁶³ Анна Рязанская скончалась в Апреле, на Святой неделе в Среду, в 6 часу дня. Имя ее невестки, Агриппины, известно нам по делам Архивским. На пример, в 1502 году Вел. К., отпустив назад Кафинского посла Алакоза, с своим чиновником, Яков. Телешовым, через Рязань, велел поклониться *Великой* Княгине *Аграфене* и сказать: “Отпустил есмь судном посла Турецкого до Старой Рязани; а от Ст. Рязани ехати ему Пронею вверх, а из Прони к Пранову, а из Прановой Хупшою вверх до Переволоки до Рясского поля. И ты послала б 130 человек его проводити до Переволоки, да Переволокою Рясским полем до реки до Рясы; а деверю твоему, К. Федору, велели есми послати 70 человек... А сколько им будет надобе коней и телег, и ты б им дала два жеребья; а Князю Федору велел есми дати терть..... И ты бы у Алакоза десяти человеком ослободила (позволила) нанятись Козаком, а не лучшим людем Занежь твоим людем служилым, Бояром и Детям Боярским и сельским, быти всем на моей службе; а торговым людем лутчим и середним и черным быти у тебя в городе а ослушается и пойдет кто (на Дон), их бы велела казнити а не учнешь казнити, ино их мне велети казнити и продавати”. См. Дела Крым. г. 1502 в посольстве Голохвастова.

⁵⁶⁴ *Рос. Вивлиоф.* II, 300, или *Собр. Госуд. Грамот* I, 344. Сохранилась только грамота договорная между Василием и Юрием, писанная 16 Июня 1504. В ней сказано: “А Орды, Господине, ведати и знати тебе, Великому Князю (Василию) ... а в выходы ми (Юрию) в Ординьские и в Крым, в Асторакань, и в Казань, и во Царевичев городок (Касимов) и в иные Цари и в Царевичи, которые будут у тебя в земле, давати ми тебе по тому, как отец наш в своей духовной грамоте написал”. Внизу подпись: “Смиранный Симон Митрополит всея Руси”.

⁵⁶⁵ Иосиф Волоцкий в своей книге о ереси: “Они же (еретики) убояшася казни и начаша клятися вси: Архиепископ же Генადей ят веру покаянию их, а даст им ослабу, и яко прияша ослабу, и абие вси на бегство устремишася, инии в Литву, инии же в Немцы и в иныя грады”.

⁵⁶⁶ См. *Никон. Лет.* VI, 138 и 171.

⁵⁶⁷ Казнь совершилась 27 Дек. 1503. Некрасу отрезали язык, а после сожгли его в Новгороде, также и брата Кассианова. Иосиф Волоцкий пишет: “Они же (еретики) таковую свою беду видя, вси начаша каятися ... а Божественная Писания повелевают на покаяние приимати по своей воли, а не по нужи кающихся”, и проч.

⁵⁶⁸ *Степен. Книга*, II, 155.

⁵⁶⁹ Дела Польск., № 2, стр. 73–74.

⁵⁷⁰ Там же, стр. 73–78. От нас в 1504 году ездил в Польшу Константин Замыцкий, с кречетами, с белками и сухою рыбою для Елены; а в 1505 Рахманин Тюленин и Подъячий Гридя Чеслюков. От Короля были в Москве гонец Матвей Кунцевич в 1504, Посланник Дьяк Залуцкий и Дворянин Богдан Долгирдович.

⁵⁷¹ См. Дела Цесарск. Двора № 1, л. 129. Он называется в сих бумагах Юдок Кантирьгер, Картингир, а после Гертинге, Гертинг. Приехал в Москву 2 Июля.

⁵⁷² Дела Цесар. Двора № 1, л. 137: “Лета 7013 Иун. 16 прислали из Новагорода Наместники К. Данило Васильев и К. Вас. Шуйской грамоту: Государь и В.К. холопи твои Данило да Васюк Шуйской челом бият. Прислал к нам с Иванягорода К. Константин Федорович грамоту Цесарского Короля ... и тое у нас перевести некому”, и проч. К. Констант. Ушатой писал к Новгородским Наместникам: “Прислал ко мне Юшт Римского Цесаря посол, чтобы яз выслал к нему Дмитриа Щербатово на реку, а Дмитрий (слова Юштовы) языку нашему умеет и меня знает, а яз тутож буду на реке, да и грамоту дам ко Государем, Руским Царем ... И наперед того тот Юшт был посольством у Государей, Вел. Князей”. – Гартингер пишет в своих посольских речах к Иоанну. “А велел бы Ваше Величество писати по-Латынски, зане же не могут разумети письма Рускаго; а были некоторые разумющие язык Руской, тех не стало: также и Юрья Делатора не стало”.

⁵⁷³ См. Дела Польск. Двора № 2, стр. 71–72. Дьяк Моклоков был послан к Королю Александру требовать, чтобы он дозволил послу Датскому ехать из Москвы через Литву. Маллет пишет, что Король Датский не согласился выдать дочери за Василья (*Histoire de Dan.* кн. VI, г. 1500).

⁵⁷⁴ Гербершт. *Comment.* стр. 18. – В Родосл. Книгах: “В лето 6838 прииде из Орды Князь Чет, а во крещении Захария, а у Захарины сын Александр, у Александра сын Димитрий Зерно, а Димитриевы дети Иван да Константин Шея, да Димитрий, а у Ивана Димитриевича Зернова дети Федор Сабур, да Иван Годун”.

575 В первой год сего царствования. Василий женился 4 Сент. 1505. Митрополит венчал его в Успенском Соборе.

576 См. *Казан. Лет.* гл. 12 Сия Царица названа женою *большущею*, то есть, первую женою.

577 См. там же.

578 В *Казан. Лет.* сказано, что Татары 30 дней приступали к Нижнему; а по другим летописям они ушли на третий день.

579 См. *Казан. Лет.* Татар было 60 000, как он говорит.

580 В 1500 году он роздал им Новгородские земли.

581 О сем пишут Олеарий и Флетчер, которой был Английским послом в Москве при Феодоре, сыне Царя Иоанна Васильевича, и написал книгу *Of the Russe Common-Wealth*.

582 Древнейшая из Розрядных Книг, мне известных, начинается с 6979 или 1471 года.

583 См. выше, примеч. 489.

584 В *Продолжении Нестор. Лет.* стр. 343: “Пожаловашеся (Димитрий) отцу своему: многие Дети Боярские подступали под град и в волости отъезжая грабили без его ведома, а его не послушаша. За то К. Вел. воспалися на тех, и многих повеле испоимати, да казнити, по торгу вода кнутьем бити, а многих в тюрьму пометати”.

585 Гербершт. *Comment.* стр. 8: *Stephanus, crebro in conviviiis eius mentionem faciens, diceret: illum domi sedendo et dormitando imperium suum augere, se vero pugnando quotidie vix limites defendere posse.*

586 См. в *Труд. Вольного Рос. Собрания* послужный список Бояр, стр. 217–229.

587 Мы говорили о том в описании Посольств.

588 См. Петрееву *Musskow. Chron.* стр. 165. Он называет его *Grotzdyn*. В Летописце Латухинском, которой у меня, сказано: “Сей бо Вел. Кн. Иоанн, именуемый Тимофей *Грозный*”. См. Также *Ядро Рос. Истории*.

589 См. Гербершт. стр. 8.

590 В *Лет. Русск.* Львова стр. 199: “Тое же зимы (г. 1488) Архимандрита Чудовского били в торгу кнутьем, и Ухтомского Кн. и Хомутова, про то, что зделали грамоту на землю после Князь Андр. Васильев. Вологодскаго кончины, в коей написали, яко бы он Андрей дал к Спасову монастырю на Каменное”.

591 *Hist. Polon.* кн. XIII, стр. 587: *Dux Jwan magni animi et factivitatatis erat vir.* См. также Кромера, стр. 445.

592 Гербершт., стр. 8. См. также Петрея *Musskow. Chron.* стр. 165–169.

593 Солиньяк в *Hist. de Pologne*, кн. XV, г. 1479.

594 Дела Крым., стр. 99, 169, 170. К Жиду Захарии Скарье были посланы две грамоты, одна в 1484, а другая в 1487 году. Таманский Князь, Захария Гуйгурсис, в Окт. 1487 прислал из Крыма в Москву

на Латинском языке письмо с Арменином Богданом, говоря: “Посылаю сего человека к Осподарствию твоему, да повесть моих бед прошлых: толь есмь найти Осподарствия твоего, и на пути меня Стефан Воевода ограбил, да и мучил мя только что не до конца; также мя отпустил нагово, и тово ради есмь не мог ити к Осподарствию твоему, но и назад есмь хотел воротиться Аще Осподарствие твое въсхощет приати единого слугу аки мене, есмь хотящъ и готов, токмо слышанья ради великих доброт и хвалу, юже имееш по всеи земли Прииду с всем ли своим домом или ныне прежде мне единому с некими малыми людьми?” и проч. Кто был сей Князь? не племени ли Козарских Ханов? имя кажется Азиатским.

⁵⁹⁵ См. выше,^{39*} в описании первого Императорского посольства. – В грамотах к Еврею Скарье и в других: “Божиею милостию Господарь Руские земли, Великий Князь Иван Васильевичь, *Царь* всея Руси” (Дела Крым. стр. 169).

⁵⁹⁶ См. сей *Истории* Т. II, стр. 161, и Т. V, стр. 222.

⁵⁹⁷ См. Баера в *Origin. Russ.* – В нашем переводе Св. Писания вместо *Caesar* говорится *Кесарь*; а *Царь* есть совсем иное слово.

⁵⁹⁸ См. сей *Истории* Т. I, примеч. 302. Вопреки Татищеву, я нигде не находил имени Белой России до времен Иоанна III.

⁵⁹⁹ В *Никон. Лет.* VI, 130: “К Вел. послал Тверские земли писати по-Московски в сохи”.

⁶⁰⁰ См. в Архиве Коллегии Иностранных Дел, под № 5, Книгу Поместного Приказа. На пример: “Деревня Ольховець: Еська Степанков, Ермачко Клексин, сеют ржы 6 коробей, а сена косят 20 копен: две обжы. Старого дохода две гривны, четыре денги; две коробы ржы, три коробы овса, полкоробы пшеницы, полкоробы ячмени, а ключнику полкоробы ржы, два сыра, две лопатки бораньи, две горсти льну”. В другом месте: “Дохода с обеих деревень (с четырех тягол) пять денег, а из хлеба пяттина, два сыра, две овчины, две горсти льну, воз сена”. Иные давали и хмель. – Сия Книга писана не в 1677 году, как заметил кто-то из Архивских чиновников на ее переплете, а без сомнения или при Иоанне Васильев. I или при его сыне, Василии: первое даже вероятнее. Вот доказательства:

1) Везде говорится о *Великом Князе*; нигде нет имени *Царя* в Титуле.

2) Упоминается о родоначальниках фамилии Коновницыных, Александре и Василии, *тогдашних* помещиках Новгородских: от них до малолетства Петра I было в сем роде шесть поколений (см. печатную Родослов. Книгу, II, 97): следственно прошло лет около двух сот.

3) Упоминается еще об Илье, сыне Квашни, тогдашнем помещике бывших деревень Марфы Исаковой Борецкой: прадед сего Ильи выехал из Литвы около 1340 года во время Иоанна Калиты (см. в Синод. библиот. Родослов. Книгу под № 461, л. 125).

4) Сей Илья Квашнин означен *первым* владельцем бывших Марфиных деревень, описанных на Государя в 1478 году. Где владельцы уже переменялись, там сказано, кто именно после кого владел.

5) Говорится о рублях *Новгородских*, коих уже не было при сыне Царя Иоанна, Феодоре.

6) Сказано о некоторых деревнях, что они *тянут судом и всеми пошлинами по старине ко Пскову*: Василий Иоаннов. уничтожил сию старину.

7) Письмо сей книги древнее XVII века и сходно с письмом Иоаннова времени.

⁶⁰¹ В духовном завещании Иоанна: “Ставятся гости с товаром иноземци и из Московския земли ... на гостиных дворах; а дети мои у моего сына у Василья в те дворы в гостиные и в те пошлины не вступаются”. См. *Собр. Г.Г. или Древн. Рос. Вивлиоф.*

⁶⁰² См. там же.

⁶⁰³ Дела Крым. стр. 907, 913, 914, в росписи вещей, отнятых Татарами, Азовцами и Кафинцами у наших людей. На пример: “Копыла, Боброва брата, самага взяли Татарове, коли Кубенского грабили, а с ним взяли сороков собольих и горностаев и белки, и шуб бельих, и черев рысьих, и однорядок Лунских, и шуб горл лисьих, и зубов рыбьих, и конец и меринов, всего на 1364 рубли и холстов и юфшей на 50 рублей Ортема да Мартьяна Котельниковых не стало в Азове, а рухлядь свою приказали Олешуне Селиванову полшесть десять косяков бежи, да 11 литр шолку Бурского, да на 30 рублей женчугу, да полтора косяка тафты Бурские червчатые”.

⁶⁰⁴ См. сей *Истории* Т. I, ^{40*}— примеч. 310.—^{40*}

⁶⁰⁵ ^{41*}— Там же, примеч. 391—^{41*}.

⁶⁰⁶ Т. II, примеч. 134.

⁶⁰⁷ В духовн. завещании Иоанна: “Сына своего Василья благословляю крест Животворящее древо в раце Цареградской, да крест Петров Чюдотворцев; а Юрью крест золот Борисоглебской; а Дмитрея крест золот Парамшина дела; а Семена крест золот Михайловской Владычень; а Андрея икона золота Распятъе, делана финифтом с камнем и с жемчуги. А что есми дал своей казны Юрью, Дмитрею, Семену, Андрею, и то если поклал в ларци; а у тех ларцов печать моя”, и проч. Сии ларцы стояли у Казначая Дмитрия Владимирова, у Печатника Юрия Димитриева Грека, у Дьяков Данилки Мамырева и Тишки Моклокова; а ключи были у сыновей Иоанновых.

⁶⁰⁸ См. выше, примеч. 324.

⁶⁰⁹ В *Продолжении Нестор. Летописца*, стр. 339: “ В лето 7006 Кн. Вел. Окольникович и всем судиям уложил суд, судити Бояром по судбнику Володимера Гусева”. ^{42*}— Сей Судебник был нам известен только по некоторым статьям его, переведенным на Латинский язык Герберштейном: *Ordinationes a Ioanne Basillii, Magno Duce, anno mundi*

7006 factae (Reg. Moscow. Comment. стр. 38) Но в 1817 году, старанием нашего знаменитого, просвещенного Любителя Древностей, Государственного Канцлера, Графа Николая Петровича Румянцева, нашелся современный список Иоанновых законов. Вот начало: “Лета 7006, м. Септ. (в 1497 г.) уложил К.В. Иван Васильевич всея Руси с детми своими и с Бояры о суде, како судити Бояром и Окольничим ... а на суде быти у Бояр и у Окольничих Диаком, а посулов от суда и от печалованна не имати ... не мстити, ни дружити никому. А какой жалобник к Боярину придет, и ему жалобников от себе не отсылати, а давати всем управа... а котораго жалобника не пригоже управити, и то сказати Вел. Князю, или к тому его послати, которому которые люди приказаны ведати” (из сего места можно заключить, что тогда уже существовали Приказы). Далее: “А имати Боярину в суде от рублевого дела на виноватом 2 алтына, а Диаку 8 денег (следственно 20 денег или десятую долю рубля): а будет дело выше рубля или ниже, имати по тому росчету. А досудятся до поля, а у поля не стояв помирятся, и Боярину и Диаку по тому росчету ... а Окольничему и Диаку (его) и Недельщиком пошлин полевых нет”. Кроме Бояр, имевших судную власть в Москве и в других областях, главным распорядителем поединков был Государев Окольничий. Недельщиком именовался пристав, который ездил за обвиняемыми и представлял их в суд. Далее: “А у поля стояв помирятся, Окольничему четверть (рубля) и Диаку 4 алтыны с деньгою (сверх известного платежа Боярину и Дьяку его) а Недельщику четверть, да Недельщику же вясчего 2 алтына” (за связание, за представление ответчика). “А побьются на поли в заемном деле или в бою (в драке), и Боярину с Диаком взяти на убитом (побежденном) противень противу исцева” (то же, что берет истец) “а Окольничему полтина, а Диаку четверть, а Недельщику полтина, да вясчего 4 алтыны. А побьются на поли в пожеге, или в душегубстве, или в разбой, или в татбе, ино на убитом исцево доправити, да Окольничему полтина да доспех, а Диаку четверть, а Недельщику полтина, да вясчего 4 алтыны; а сам убитой в казни и в продажи Боярину и Диаку” (то есть, им отдавалось его имение, которое они делили по вышеозначенной соразмерности). “А доведут на кого татбу, или разбой, или душегубство, или ябедничество, или иное лихое дело, и будет ведомой лихой, и Боярину того велети казнити смертною казнию, а исцево доправити; а что ся останеть, ино то Боярину и Диаку... А не будет, чем исцево заплатити, и Боярину лихого истцу в его гыбели не выдати, и велети его казнити смертною казнию Тину В.К. Московскому да Дворскому” (следственно сим чиновникам поручалось исполнение казни). “А государьскому убойце (убийце господина своего) и коромолнику (мятежнику, изменнику) и церковному татю и головному (кто людей крадет, уводит, похищает: plagiarius у Герберштейна, Sclavendieb, Menschendieb; а не смертоубийца, как изьясняет Татищев) и подымищю (описка вместо подметчика: см. Судебник

Царя Иоанна и Гербершт. Р. М. С. 39) и зажигальнику живота не дати ... А которого татя поймают впервые, ино его казнити торговою казнию, да исцево доправя, да судье его продати; а не будет, чем исцево заплатить, ино его, бив кнутием, да исцу выдать головою, а судье не имати ничего на нем. А поймают вдругые, ино казнити ... а не будет у татя с исцеву гибель, ино его исцу в гибели не выдати: казнити его смертною казнию. А на кого взмолвят Детей Боярских человек 5 или 6 добрых по крестному целованью, что он татя, ино на том взяти исцеву гибель без суда. А с поличным его приведут впервые, а взмолвят на него человек 5 или 6, что он татя ведомой, и преж того крадывал, ино того казнити... А на кого татя взмолвит, ино того опытати, будет *прочной*, (описка вместо *прирочной* или *порочной*) человек с *домом* (описка вместо с *доводом*) ... Следует устав судейских пошлин: с рубля за *правую грамоту* Боярину 9 денег *от печати*, Дьяку за подпись алтын, Подъячему за написание 3 денги; за холопью отпускную то же; за *докладной список* Боярину Алтын, Дьяку 4 денги, Подъячему 2 денги (а если *доклад* был предложен Вел. Князю и детям его, то Государев Печатник брал 9 денег, а Дьяк алтын); за *безсудной список* Печатнику алтын, Дьяку то же, Подъячему 2 денги; за срочныя Дьяку 2 денги". *Правую грамотою* называли ту бумагу, которая давалась оправданному в суде; *докладным списком* описание или предложение дела, или экстракт; *безсудным обвинение* того, кто не явился к суду; *срочными* те грамоты, в коих означался срок для суда. Далее: "А которого обвинит Боярин не по суду (несправедливо) и грамоту правую на него с Диаком дать, ино та грамота не в грамоту, а взятое отдать назад; а Боярину и Диаку в том пени нет; а исцем суд с головы" (см. сию статью в Судебнике Царя Иоанна, у Татищ. стр. 12). Далее запрещается Наместникам и Волостелям освобождать и выдавать рабов без суда Боярского. О Недельщиках сказано, что им дается *приставная грамота*, с которою они должны ехать за ответчиком. Далее: "От приставных имати Печатнику у Недельщиков по езде: с которые приставные рубль Недельщику, и Диаку от подписи взяти алтын у Недельщика с рубля, а Печатнику алтын же... а будет в приставной иск меньше езде, и Диаку тех приставных не подписывати; а без Недельщиков Диаком приставных не подписывати же. А колько вытей (частей, дел, поручений) в приставной ни будет, и Недельщику езд один до того города, в которой приставная писана; а хоженного на Москве, площаднаа (площадного), Недельщику 10 денег, а на правду (на суд) вдвое, и от поруки поминков не имати им; а езд емлет до которого города, а на правду им имати вдвое". Следует указ об езде. Недельщику давали за посылку от Москвы до Калуги рубль, до Вязмы 2 рубли; до Звенигорода 2 гривны, до Козельска рубль с четвертью, до Переславля 20 алтын, и так далее. "А ездити им самим с приставными, или своих племянников и людей посылати; а урочников (собирающих уроки или пени? см. *Русск. Правду*) не посылати. А в кото-

ром городе живет Недельщик, ино ему с приставными в том городе не ездити”. Из следующего видно, что Недельщик пытал воров и мог ответчиков *давать на поруку*. Ему предписывалось быть беспристрастным, бескорыстным и проч. Далее: “А в которой город или в волость приедет Недельщик, и ему приставная явити Наместнику или Волостелю; а будут оба исца того города, и ему обоих поставити пред Наместником... А Бояром или Детем Боярским, за которым кормления с судом Боярским, судити; а на суде у них быти Дворьскому и Старосте и лутчим людем; а без Дворского и без Старосты и без лутчих людей Наместником и Волостелем не судити... А имати ему (Наместнику, Боярину), оже доищется ищя своего, по грамотам; а не будет где грамоты, и ему имати противу исцева; а не доищется ищя своего, а будет виноват ищя, и ему имати на ищей с рубля по 2 алтына, а Тиуну его по 8 денег“. Следующее доказывает, что судебные поединки были и в волостях. Далее: “А с холопа и с робы от отпустные имати Боярину или Сыну Боярьскому, за которым кормление с судом с Боярским, от печати с головы по полутретья алтына, а Дьяку по 3 денги; а Тиуну его на кормление холопу правые грамоты без доклада государя (т.е. его начальника или Боярина) и отпустныя не дати. А положит кто отпустную без Боярьского доклада и без Дьячьей подписи, или с городов без Наместничя доклада, и та отпустная не в отпустную, опроче тое, что государь (господин холопа) своею рукою напишет... Наместником и Волостелем, которые дръжат кормление без Боярьского суда, и Тиуном Вел. Князя и Боярьским Тиуном холопа и робы без доклада не выдати и отпустные не дати, и татя и душегубца не пустити, и всякого лихого человека без доклада не продати, ни казнити, ни отпустити. А приставом (Недельщиком) Наместничим по городом имати хоженое и езд по грамоте, а где нет грамоты, и ему хоженое имати в городе по 4 денги, а езд на версту по дензе... Аще кто пошлет Пристава по Наместника и по Волостеля, по Боярина и по Сына Боярского... и им к сроку отвечать ехати..... А кого послух послушествует в бою, или в грабежю, или в займех, ино судити на того волю, на ком ищут: хочет на поле с послухом лезет, или, став у поля, у креста положит, (чего) на нем ищут, и истец без целования свое возмет, и ответчик полевые пошлыны заплатит, а вины ему убитые нет” (т.е. не наказывается, как побежденный). “А не стояв у поля, у креста положит, и он судиам пошлыну по списку заплатит, а полевых ему пошлын нет. А противу послуха ответчик будет стар, или мал, или безвечен, или Поп, или Чернец, или Черница, или жонка, ино противу послуха наймит наняти вольно, а послуху наймита нет... а послух не пойдет пред судью, ино на том исцово и убытки взяти; а с праветчиком о сроце тому послуху суд. А послух не говорит перед судьями в исцевы речи (согласно с истцем) и истец тем и виноват. А на ком чего възыщет жонка, или детина, мал, или кто стар, или немощен или чем увечен, или Поп, или Чернец, или Черница, или кто от тех в по-

слушестве будет кому, ино наймита наняти вольно. А исцем или послу-ху целовати (присягать) а наймитом битися; а противу тех исцу или ответчику наймит же, а восхочет и он сам ... А кто кого поимает приставом в бою, или в лае (в брани), или в займех, и на суд ити не восхотят, и доложат судии помирятся: а судьи продажи на них нет, опроче езду и хоженного. А наймит не дослужит своего урока, и пойдет прочь, и он найму лишен". Смысл законов о купле, наследстве, земледельцах, холопах, и проч., мы предложили в тексте Истории. Выпишем только некоторые места. "А которой Христианин (земледелец) поживет за ким год, да пойдет прочь, и он платит четверть двора; а 2 года поживет, и он полдвора платит; а 3 годы поживет, и платит $\frac{1}{4}$ двора; а 4 годы, и он весь двор платит (т.е. рубль) А где отхожие пожни (сенокос), ино поженному государю не городится: городит тот всю огороду, чья земля ораная к пожни... Кто межу переорет или перекосит, ино Волостелем или Посельскому имати на том *за боран* (вероятно, на харч: у Татищева *забором*) по 2 алтына; и за рану (убыток, вред) присудят посмотра по человеку, и по ране, и по рассуждению.... А которые земли за Приставом в суде, и те земли досуживати, а пересудчиком пересуд имати на виноватом 2 гривны; а меньше рубля пересуда нет. А с списка с суднаго и с холопа и с земли пересуда нет; а с поля со всякого пересуд. А список оболживит кто, да пошлется на правду, ино в том пересуд; а Подвойским праваго десятка 4 денги на виноватом.... А велети прокликать по торгом, чтобы судьям и приставом посулу не сулили... а послушствует послух лживо, не видево, ино на том послухе гибель исцева вся и с убыткы. А к полю приедет Окольнічей и Диака, и въспросити исцев, ищей и ответчиков, кто за ними стряпчей и поручники, и тем велети и стояти, а доспеху и дубин и ослопов стряпчим и поручником у себя не держати" (из сего несправедливо заключали, что и бойцы сражались у нас только ослопами и дубинами). "А которые имуть опришние (посторонние) у поля стояти, и тех отслати прочь; а не пойдут, и на тех исцово доправити и с пошлинами, да дати их на поруку, да поставити перед Вел. Князем".-42*

⁶¹⁰ 43*-Сие обстоятельство и следующее взято из Герберштейна R.M. С. 39.

⁶¹¹ Известных нам по Олегову договору с Греками и *Правде Русской* (см. Т. I. и Т. II).

⁶¹² См. выше, примеч. 324.-43*

⁶¹³ "Того же лета (1504) поставиша на Москве решотки по улицам". Павел Иовий в описании древней Москвы говорит: *upequaeeque urbis regio foribus cancellisque sepitur.*

⁶¹⁴ См. *Ядро Рос. Истории* стр. 216. Древнейшие из чужеземцев, бывших в России, согласно пишут, что народу Московскому позволялось пить вино только в некоторые дни (см. Флетчера и Олеария).

⁶¹⁵ В духовном завещании Иоанна: "Сын мой Василей в своем

Вел. Княжене дрѣжит ямы и подводы на дорогах по тем местам, где были ямы и подводы на дорогах при мне”. См. выше, примеч. 362.

⁶¹⁶ Стриков. Хрон. кн. XXI, гл. I.

⁶¹⁷ Дела Польск. Двора № 1, стр. 684: “Память Ивану Мамонову. Пытати ему в Вязме Кн. Бориса, в Вязму кто не приезживал ли болен из Смоленска тою болестью, что болячки мечются, а словеть Французска, а будто в вине ее привезли; да и в Смоленску о том опытати, ещо ли та болесть есть или нет: да о том к Вел. Кн. отписати; да и в Вильне о том пытати, есть ли ещо та болесть или нет”.

⁶¹⁸ См. выше, стр. 8. В некоторых летописях: “В лето 7000, сиречь *начало* осьмая тысяча месяца *Сентября*, повелением Вел. К. Ив. Вас. всея Руси того ради снидошася на Собор к Москве Преосвящ. Зосима Митроп., Генадий Архиеп. Вел. Новаграда и Пскова, Тихон Архиеп. Ростовский и Ярославский, Нифонт Еписк. Суздальский и Таруский, Симеон Рязанский и Муромский, Васьян Тферский и Кашинский^{44*}, Авраамий Коломенский и Каширский, Прохор Сарский и Подонский, Филофей Пермский, и Архимандриты и Игумены, и весь Освященный Собор, и начаша Св. Миротворный круг“, и проч.

⁶¹⁹ В подлиннике: “О летех же и о времени несть наше искати, но подобает нам молити Господа о устроении всего мира и о благосостоянии Божиих Церквей, и о пособлении и укреплении благоверн. и христолюб. Вел. Кн., Ив. Васильевича, всея Руси Самодержца, и о здравии его”, и проч. Далее: “В лето 7001 повелено бысть от Господина, отца нашего, Зосима Митроп. всея Руси, мне Генадию, Архиепископу Вел. Новагорода и Пъскова, учинити Пасхалия на осьмую тысящу”, и проч. См. выше, примеч. 7.

⁶²⁰ *Синод. Лет.* № 365, л. 509: “В лето 7001, Ноября в 27, Зосима Митрополит на Москве соборне изложил Пасхалию на 20 лет; прислал на Вологду Владыце Филофею Пермскому и Вологодцкому за своею подписью, а Филофею також соборне велел о том поискати; и Владыка пообыскав, ино пришли по Митрополичи жь Пасхалии, и послал к Митрополиту свою Пасхалию на 19 лет за своею подписью за Пермскою”.

⁶²¹ См. выше, примеч. 618.

⁶²² См. в Синод. библиот. книгу в четвертку под № 79, л. 31. Там сказано: “В Царство Вел. Кн. Ив. Васил., всеа Руси Самодержца, Собор был о землях церковных, Святительских и монастырских. Симон Митрополит всеа Руси со всем Освящен. Собором первое сие послаша писание к Вел. Кн. с Дьяком с Левашем:

“Говорити Вел. Князю Ив. Вас. всеа Руси от Симона Митр. всеа Руси и от всего Освящ. Собора Дьяку Левашу:

Отец твой, Господине, Симон Митрополит и весь Освящ. Собор говорят, что от первого благочестиваго, Святаго и равнаго Апостолом Великаго Царя Константина и матери его Елены, да и по них

.... Святители и монастыри грады и власти и села держали”, и проч. Далее: “Такоже, Государь, и в наших Русийских странах при прародителях, при В.К. Владимире, и при его сыне, Вел. К. Ярославе ... даже и до сех мест Святители и монастыри грады и власти, слободы и села имели, и суды и управы, и пошлыны и оброки и дани церковныя держали по Божественным велением и уставлением, и по правилом Св. Апостол, и Св. Отец, и Христолюб. Царей и по твоих прародителей, В.К. Владимира и его сына, В.К. Ярослава, установлению и утверждению, яко же тамо в их установлении подлинно писано есть И ныне Святители и монастыри земли держат, а отдавати их не смеют и не благоволят”, и проч. Следует сказание о том, что Андрей Боголюбский дал церкви Владимирской. Далее: “Мнози и от неверных и нечестивых Царей в своих Царствах от Св. церквей и от свящ. мест ничто же не имаху, и недвижимых вещей не смели двигнути, и судити или поколебати и зело по святых церквах побораху не токмо в своих странах, но в Русийском вашем Царствии, и ярлыки давали”, и проч.

⁶²³ См. в Синод. библиот., под № 529, *Книгу о древностях Рос. Государства*, I, 327, и *Древ. Рос. Вивлиоф.* XIV, 206. Сей Собор был в Сент.

⁶²⁴ *Архив. Лет.* л. 176 и 177 на обор. и *Руск. Лет.* Львова, стр. 280, где сказано: “нача мзду имати советом своего любовника, Дьяка Михайла Иванова сына Алексеева Гостенка”. Геннадий свержен в Июне 1504 года, а скончался в третий год своего заключения.

⁶²⁵ См. ниже, примеч. 629, год 1464 и 1497.

⁶²⁶ См. там же, г. 1492, и выше, примеч. 104.

⁶²⁷ См. ниже, примеч. 629 в разных годах.

⁶²⁸ В 1495 году, как видно из послужного списка Бояр Иоаннова времени. См. *Древ. Рос. Вивлиоф.* Т. XIII, и Бекетова Розряд. Кн. У Дружки были *поддатень*, Окольныйчий Иван Чебот, и два рассыльщика. *Ковер Княжий* (а в другом списке колпак) держал Николай Ангелов, переменяясь с Иваном Баршовым. Дьяки назначали *свешников, коровайников, фонарников*. Одни чиновники стояли у *сголовья местнаго*, другие несли подушки в церковь, шли перед камками и слали их под ноги жениху с невестою. Конюший Гридя Афанасьев ездил на жеребце; у него было 15 человек Детей Боярских. Поп Афанасий стоял с крестом у постели. У саней Софиинных шли Бояре Греки Димитрий, Юрий и Юшко Малой, любимец Василиев, о коем мы упоминали в описании женитьбы сего молодого Вел. Князя. В заключении сказано: “А что от Вел. К и от Вел. Княгини даров Кн. Василью Даниловичу Холмскому было, и то записано на Казенном Дворе”. – Феодосия скончалась 19 Февр. 1501. См. подробнейшее известие о свадебных обрядах в VII Т.^{45*}

⁶²⁹ Я нашел их в библиотеке Троицы Сергиева монастыря при одной летописи в четвертку старинного письма. Вот начало: “Госпо-

ди Иисусе Христе! помилуй мя раба своего грешнаго, Афанасья Ми-
кишина сына. Се написах грешное свое хождение за три моря: пер-
вое море Дербентское или Дория Хвалитская; второе море Индей-
ское, Дория Индустанская; третье море Черное, Дория Стембуль-
ская. Пойдох от Св. Спаса Златоверхаго с его милостью от Вел. Кн.
Михаила Борисовича и от Владыки Генадия Тверских; пойдох на
низ Волгою и приидох в монастырь к Св. и Живоначальной Троице,
Св. Мучеником Борису и Глебу, и у Игумена ся благословив у Мака-
рия. Из Колязина поидох на Угльч, с Угльча на Кострому ко Кн.
Александру с иноу грамотою, и Кн. Вел. отпустил мя всея Руси до-
бровольно и на Плесо в Новгород Нижний к Михайлу к Киселеву к
Наместнику и к Пошлиннику Ивану Сараеву пропустили доброволь-
но; а Василей Папин проехал город, а яз ждал в Новгороде 2 неде-
ли посла Татарского Ширваншина Асамбека; а ехал с кречеты от
Вел. К. Ивана, а кречетов у него 90. И поехал с ним наниз Волгою,
и Казань есмя, и Орду, и Услан, и Сарай, и Берекзаны проехали до-
бровольно, и въехали есмя в Бузань реку, и ту наехали нас три Тата-
рины поганыи и сказали нам лживыя весте: *Кайсым Солтан стре-
жет гостей в Кузани; а с ним 3000 Татар.* И посол Ширваншин
Асанбек дал им по одноряткы, да по полотну, чтобы провели мимо
Азтархань, и они весть дали в Азторохани Царю, и яз свое судно по-
кинул, да полез есми на судно послово с товарищи. По месячу ночи
парусом Царь нас видел, и Татарове нас кликали: *не бегайте!* и Царь
послал за нами всю свою Орду, и по нашим грехом нас постигли на
Бузуне: застрелили у нас человека, а мы у них двух застрелили, и
судно наше меньшее стало на езу, и они его взяли часа того, да роз-
грабили, а моя рухлядь вся в меньшем судне, а болшим есмя судном
дошли до моря, ино стали на усть Волгы на мели, и они нас туто взя-
ли, да судно есмя взад тянули до езу, и тут судно наше большее взяли
и 4 головы Руские, а нас отпустили голыми головами за море, а
вверх нас не пропустили весте деля, и пошли есмя к Дербенти двема
суды: в одном судне, посол, а Русаков нас 10 головами, а в другом 6
Москвичь, да 6 Тверичь; и встала фурстовина на море, да судно мен-
шее разбило о берег, и пришли *Кайтаки*, да людей поймали всех. –
И пришли есмя в Дербенть, и ту Василей (Папин) по-здорову при-
шел, а мы пограблены; и бил есми челом Василью Папину да послу
Ширвану^{46*}, что есмя с ним пришли, чтобы ся печаловал о людех,
что их поймали под Тархы (Тарки) Кайтаки. И Асанбек печаловал-
ся и ездил на гору к Ширваншебегу^{47*}... И Ширваншабег^{48*} того ча-
са послал к шурина своему Алильбегу, Кайтаческому Князю, что
судно ся мое разбило под Тархы, и твои люди пришед людей пойма-
ли, а товар их пограбили, и ты бы мене деля люди ко мне прислал и
товар их собрал, зане же те люди посланы на мое имя; а что тебе бу-
дет надобе, и ты ко мне пришли, и я тебе, своему брату, за то не

стою. И Алильбег того часа отослал людей всех в Дербент добровольно, а из Дербенти послали их к Ширванши, в Орду его Койтул; а мы поехали к Ширванше в Койтул, и били есмя ему челом, чтобы нас пожаловал чем дойти до Руси, и он нам не дал ничего. Ано нас много, и мы заплакав, да разошлись кой куды. У кого что есть на Руси, и тот пошел на Русь; а кой должен, а тот пошел куды его очи понесли; а иные остались в Шамахе, и иные пошли работать к Баке”.

Сего довольно для примера в слоге. Теперь *другими словами*, предложим извлечение:

49*— “Я пошел в Дербент, в Баку, где горит огонь неугасаемый; из Баки за море в *Чебокару* (Бокару), в Сару, в землю *Маздраньскую* (Мазандеранскую), в *Амиль* (Амоль), *Димовант* (Демавену), *Корею* (Киеру), *Кашень* (Кашан), *Наин* (Наим), *Ездею* (Езд), *Сырган* (Керман или Sirjan), *Таром* (Тарем), Лар, Бендер, *Гурмыз* (Ормус), где я взял первый Великий день (или Пасху), и где пламенное солнце жжет человека. Тут пристанище целого света: видишь людей и товары всех стран; что родится на земле, есть в Ормусе; но пошлина весьма тягостна для купцев: берут изо всего десятое. Оттуда поехали мы морем с *конями в Мошкат* (Маскат), *Кузрят* (Гузурат), Камбат, где родится краска *дилек* (индиго); из Камбата в *Чивиль*; из Чивили сухим путем в *Пали* (Пили), к горам Индейским, в *Умри* (Орман), в *Чюнер*, город на каменном острове, и в Бедер, столицу Великого Султана. Именуя единственно большие города, между коими находится множество иных, расстоянием один от другого в десяти и менее верстах. В сей Индостанской стране господствуют Хоросанцы. Султан их есть двадцатилетний юноша, управляемый Боярами; он имеет 300 000 воинов. Народ Индейский, ему подвластный, многочислен, но беден, особенно в селах. За то Вельможи Хоросанские богаты: их носят на серебряных кроватях; а перед ними идут кони украшенные золотом, воины, трубачи, *свирельники*. С Султаном на охоте бывает всегда 10 000 всадников, 50 000 пеших, 200 слонов наряженных в блестящие доспехи, 100 обезьян и 100 наложниц. Дворец его великолепен: нет камня простого; все украшено искусною резьбою и золотом. Для безопасности города всякую ночь разъезжает по улицам стража с факелами. Жители весьма склонны к воровству и злодеяниям; а жена редка целомудренна, редкая не ведьма. Войны бывают частые; главная сила рати состоит в слонах, покрытых доспехами; к рылу их и зубам привязывают длинные мечи; на спине же у каждого сидит 12 человек с пушками. Всадники и Воеводы все Хоросанцы; пехота Индейская. В Бедере торгуют лошадьми, камками и всяким товаром, но мало годного для Русской земли, хотя и думают у нас, что в Индостане рай купечества. Дешевы перец и краски, шелк, сахар. Пошлина везде большая, разбойников множество. Жить здесь дорого: я издерживаю в день 15 денег“ (около 1½ рубля ассигнация-

ми). “В 300 верстах от Бедера родится алмаз, в горе принадлежащей Вельможе Меликхану: локоть ее продается по 2000 фунтов золота; а почка хорошего алмаза стоит 10 рублей.... Нет, братья Христиане, не ездите в Индию, если мила вам православная Вера: или сделаетесь Магометанами, которые здесь господствуют, или претерпите страшные бедствия. Увы! я все забыл, не имея книг с собою: не знаю ни праздников, ни Середы, ни Пятницы. По крайней мере молюся Богу истинному, Вседержителю, Творцу неба и земли; иногo не призывал, вопреки заблуждениям сего народа, исповедающаго 84 Веры, согласные в поклонении Буту^{50*}, но столь несогласные в правилах, что Индейцы разных Вер не хотят ни пить, ни есть вместе, и не совокупляются браком между собою”. Наш древний путешественник называет Верами гражданские степени, или *Касты* Индейцев. Продав в Бедере своего жеребца, он ездил в *Индьиский Иерусалим*, и пишет, что сие каменное здание величиною будет с пол-Твери; что на стенах его вырезаны деяния Браммы, представленного в виде обезьяны, с хвостом, с десницею простертою, как у статуи Царя Иустиниана в Константинополе, и с копием в левой руке; что перед ним стоит необыкновенной величины бык, вырезанный из черного камня, с позолотою; что народ, осыпая его цветами, лобызает в копыто, и проч. Описав войну Султана Бедерского и Нандерским, в которой будто бы сражалось более миллиона людей, наш путешественник отправился в Дабуль, Индостанскую гавань, куда привозят лошадей из Мизора, Аравии, Хоросана, Туркестана. За два червонца наняв для себя место на Индейской Таве или корабле, он вышел на берег в Ормусе, и поехал сухим путем через Лар, Ширас, Езд в Испагань, Кашан, Саву, Султанью, Таврис, Требизонт и Кафу.^{-49*}

^{3*}— В Воскресенской летописи, отысканной Г[осподиной]м Строевым (чиновником служащим в Архиве Иностр. Кол.) под годом 6983 (1475) сказано следующее: “Того же году обретох написание Офонаса Тферитина купца, что был в Индеи 4 годы, а ходил, сказывает, с Васильем с Папиным; аз же опытах, коли Василей ходил с кречаты послом от В.К., и сказаша ми, за год до Казанскаго похода пришел”: следственно в 1468?^{-3*}

Дополнительная выписка из летописей

Год 1462: “Поставлен бысть Архиепископом Ростову Трифон Архимандрит Спасский Московский Маия в 13; а прииде в Ростов в 23. — Скопившеся (во Пскове) Попове некупнии, биша челом Пскову, чтобы пятому Собору быти... и повелеша быти у Похвалы Св. Богородица да у Покрова, да у Св. Духа за Домантовою стеною. Заложыша (во Пскове) церковь кам. у примостья на Запсковьи Св. Козмы и Дамияна К. Володимер Андреев. и Посадник Степенный Зиновой Михайловичь ... Псковичи заложыша иный городок нов на Володчине горе, и нарекоша Володимерец. Поставыша церковь Св.

Николы. Заделаша Псковичи прясло стены на Крому от Великия реки, и врата на реку урядиша подле Великою реку от Кутняго острова и до Смердых ворот, как с другой стороны вделано преже, такоже в вышину от Псковы реки.... Поставиша (в Новгороде) церковь кам. Св. Дмитрия на Славкове улицы на старой основе; свещал Архиеп. Иона Окт. 26”.

Г. 1463: “Во граде Ярославле, в монастыри Св. Спаса, обретены быша мощи К. Федора Ярослав. и сынов его, Костянтина и Давыда, под церковью тою в подклете целы вси. Архиманд. же Христофор монастыря того взят их оттоле с великою честью, принесе во храм Спаса и положи в един гроб и ризы Чернеческии новы положи на них, понеже во Мнишеском чину преставишась; и бяху от них многа чудеса и исцеления. – Иона, Епископ Пермский, крести Великую Пермь, и Князя их (вероятно, Михаила, взятого после в плен войском Московским) и церкви поставил, и Игумены и Попы.... Почаша Псковичи делати стену на Крому перси в Довмантове стене; совершиша церковь Козмы и Дамияна; помостиша мост чрез Великую реку. Бысть во Пскове темьян дорог, по 60 денег рублевая гривенка”.

Г. 1464: “Марта 4 Феодосий Митроп. поставил некоего Иерусалимлянина Иосифа, брата Патриарха Иерусалимского, Митрополитом в Кесарии Филиповы; а той Патриарх Иерусалимский пошел был на Москву милостины ради, понеже бо бе Истома им от Египетского Салтана, и не дошед преставился в Кафе, и той Иосиф хоте быти на его место, и тако поставися и иде от Митроп. нашего, много собрав милостины, и не дойде своая земли”. (В *Послании Рос. Митропол.*, л. 99, есть письмо Митроп. к Новгородцам и Псковитянам о сем Иосифе: там сказано: “Приде к нам от Господня гроба Иосиф Протосингел, возвещаа онаго пришедшего с небеси страшнаго труса не пощаде разделитьи церкви Св. Воскресения, иже над Св. гробом, и церковный лоб впадъ внутрь скрутил; и слыша о том Салтан Египетский, и хотя разорити храм и на месте том поставити свою мизгить. Он же Иоаким Патриарх. много плакався, проша, да окуп возмет... и едва стал на полшести тысящи златых Венедцких, и в том поручники много Христиан; дан же и заклад, много святости церковныя”, и проч.) – “...Кн. Псковский Ив. Александ. и Посадник Степен. Алексей Васильев. заложилша град нов деревян на Сини реки и нарекоша Красной городец. Мес. Июля бысть дождя много и вода велика, а хлеб дешев (во Пскове): зобница ржи по 17 денег, а овса по 7, а пуд соли по 3 деньги”.

Г. 1465: “Прибежа на Москву Ефимей Епископ Брянский и Черниговский, покиня свою Епископью, и даша ему Суждаль и Колугу и Торусу Окт. в 5, в 1 часу нощи, месяц гибл, и вторый час весь... Покрыша (во Пскове) церковь Св. Софии железом и всю церковь; преставися Посадн. Максим во Иноческом чину, и сын его Симеон, и

Посадн. Юрьи Тимофеев.; прясло стены отвалишеса у Крома от реки Псковы, и того же лета и сделаша; бысть пожар на Запсковьи Маия в 16, и погоре монастырь и церковь Св. Ильи; совершиша перси у Крому Авг. в 30, а делаша 80 мужей наймитов по 3 лета, а взяша 175 рублев, и колокольницу на стене на персах поставиша ко Св. Троицы; почаша крыти храм Св. Троицы доски; покрыша Св. Воскресение железом и всю церковь в Домантове стене; почаша подписывати церковь на Мелетове; подписаша притвор Св. Троицы спереди от сторонних дверей. Авг. в 9 Псковичи с посажаны, своих хоромов блюдучи, заложиша стену древяну от Великой реки от монастыря от Покрова да и до Псковы, а от Псковы на Запсковьи заложиша от Гримячей горы до Великой реки, до Св. Варлама; а делаша сами посажаны своим запасом и поставиша тую стену в едину неделю. Той же осени, Окт. 6, приеха во Псков Архиеп. Иона, и сretoша его со кресты за новою стеною, и соборовав у Св. Троицы, и Сенадикт чтоша, и пеша многая лета, и злыя проклята. Окт. в 19 загорелося на Усосе у старой стены, в Бараусове дворе, и погоре весь Псков а загорелося в лягомо; а Владыка съехал на Снетную гору, и поеха Окт. в 24”.

Г. 1466: “Апреля в 8 преставися Васьян, Епископ Сарайский. Переставися Князь Петрова Княиня Дмитриевича Донского, жила долго в Черницах и в Схиме на Москве у Вознесенья, нареченная во Мнишеском чину Ефросинья. Заложиша (во Пскове) церковь кам. Похвалу Св. Богородицы на Романове, и 16 Июня загорелось в Кузнецкой улице от Климентия кузнеца^{51*} и погореша Полонище и до Рожества до монастыря, и церквей погоре 12, а горело от Великия реки по Лужский Костер и ко Пскове реке, и Бог ублюде Св. Троица: в том месте переметаша хоромы. Того же лета покрыша верх у Св. Иерусалима железом; того же Авг. в 1 повесиша колокол на персах на новой стене; свершиша церковь на Романове; побиша лоб у Св. Троица железом; бысть хмель дорог во Пскове, зобница по полтине и по 10 денег”.

Г. 1467: “Апреля 14 родися К. Вас. Иванов. Рязанскому сын Иван на Москве. Золожиша^{52*} (во Пскове) церковь кам. на Полонище, Св. Вознесение; а хлеб то лето во Пскове дешев, по 18 денег зобница ржи, а овса по 8, а соли пуд по 3 деньги, а меду по семи пуд за полтину; только хмель сильно дорог, по 60 денег ползобенье, только не велико время. Отписася своей Епископии Архиеп. Ростов. Трифон Авг. в 6: бе бо болен, и сойде в монастырь ко Спасу. Обновлена бысть на Москве церковь Вознесение Вел. Княгинею Марьею Вас. Васильев. Темного; заложила ту церковь Вел. Княгиня Евдокия Дм. Иванов. Донского прежде сего за 60 лет, и при ней не много делано, понеже того лета преставися; во многих же летех нача ту церковь совершати Вел. К. Софья Вас. Дмитриев., и соверши по кольцо, но верху не сведе; по многих же пожарех и сводом двигнувшим-

ся, а внутри все твердо бяше: Вел. же К. Марья восхоте разобрати и новую поставити, и помыслив о сем Вас. Дмитриев. Ермолин с мастеры, и не разобраша, но изгорелое каменье обломаша и своды разбиша, и сделаша новым каменьем и кирпичем, яко всем дивитися. Ноября 3 священа сия церковь Филиппом Митроп. Дек. 10 поставлен Ростову Архиеп. Васьян Рыло; преже был Игумен Троицкой”.

Г. 1468: “Февр. 15 Устюг Кремль весь сгорел. Заложилша (во Пскове) в монастыре на Красном дворе церковь кам. Св. Пантелеймона Апр. в 16, а взяша от нея дела своего мзду 30 рублей у Чернцев. Той же весне весь Псков поделиша по два пригорода на вси Концы, коемужь Концу к старым пригородам новья жеребьем делили, а имал жеребей К. Василей, К. Федора Юрьев. сын, с престола. Мая в 23, во втором часу нощи, загореся посад на Москве у Николы у Мокрого, и много дворов безчисленно сгоре, верх по рву и за Богоявленскую улицу, мимо Висяковых двор по Иван Св. на пяти улицах, а от Св. Ивана на подол по Васильевской луг, да на Большую улицу на Вострой конец по Кузьму и Дамиана; ветрено было и истомно в городе. Поставлена Вел. Князем церковь обетная Симеон Дивногорец. Бысть дождь все лето, 4 месяцы, и много по полю хлеба погнило, а траву водою отняло, и ржей многие не засеяли. Авг. 4 бысть гибель месяцу. Бысть мор велик на кони. Родися К. Василью сын Петр. Срубиша на Волзе городок Романов Бывший Архиеп. Трифон преставися Дек. 30 и положен бысть в Ярославли в монаст. Св. Спаса”.

1469: “Пять Соборов (во Пскове) и все Священство написав грамоту из Номоканона и в ларь положиша о церковных вещех (во время их ссоры с Архиеп. Новгородским) а над собою в правители на Вече пред всем Псковом посадили Попа Андрея Козу Св. Михаила, а другова с Завеличья Харитона Попа Успения, и востаха клетницы на Попа Андрея, и бежа в Новгород ко Владыце, и Генв. 22 приеха Владыка, и встретиша его со крестами, и призвав к себе в Пустынской двор, нача спрашивати о грамоте крепостной.... и не даша ему, и поезд свой на Священниках побрав, поеха Февр. в 5. Зделаша великия врата каменные (во Пскове) и костер наверху большой выше старых по конец мосту Запсковского, а взяша мастеры 30 рублей сребра. Был во Пскове хлеб и все дешево, а со всех сторон мирно и тишина велика. – Начаша (в Новгороде) тополци садити на Славкове улицы. Авг. в 30 бысть буря сильна, и град и гром, и страх велий. Тоя же осени приехал во Псков посол от В. Кн., именем Селиван, такожь от Митроп. Глеб с Митрополичьею грамотою, а глаголя так, чтобы есте, сынове, тое управление церковное на своего Архиеписк. положили... Вездеже Псков благословение его и своего Государя, Вел. Князя, слово прияли, а крепость ларную вынемше подрали Генв. в 5. – Дек. 21 у гроба Митроп. Петра отроковица слепа прозре; такоже исцеле человек некий из Рязани странной, име руку прикорченну и к ребром приростшую”.

Г. 1470: “Марта 13 бысть гром и молния и дождь велик. Апреля в 15 по Вечерни в 12 часов бысть знамение в солнци, явился круг на небеси единым краем посреди неба, а другой спустился к Западу, и половина круга того изнутри червлена, а около зелено до половины круга вверх по краем, якоже бывает дуга на небеси тем цветом; а другая половина бела; а под кругом тем две дуги тем же образом, снизу зелено, а внутри червлено, а концы дуг до самага Запада; внутри же их на серетке солнце сущее их близ к Западу идяше, а межи дуг под самым кругом яко два рога, един концом на Юг, другой на Север, а межи их яко солнце сияше светло, а стояше над сущим солнцем прямо, а на них от того солнца, иже межи рог, промеж дуг по обе стороны по солнцу, против сущаго солнца. И так 2 часа бяше видети; и потом круг и дуги изгибоша. А те три солнца необычныя снидошася вместо, и бысть едино, и идяше за сущим солнцем повыше его и зайдоша вместе, преже сущее, а то необычное за ним. Около же круга, иже был посреди неба, по обе стороны его повыше бело, вверх не снидеся, а вниз до полукруга концы их. Сие же знамение видели мнози на Москве, в прочих же градах не видели. – Тоя же весне (во Пскове) бысть вода велика, и наполнишася реки и озера. Мая в 21 бысть во всю ночь гром и молния, и тресну гром вельми, и молниєю у Св. Пантелеймона (в Пскове) в монастыри на Красном дворе на иконах золото пожгло, а в церкви ходила стрелка, и тою жь молниєю зажже церковь в Ситве и Бог весть, сколько побило Християн, и храмов и деревес пожгло. – Того же месяца женился К. Андрей Васильев. Углецкий на Москве, понял у К. Романа Мезецково дщерь Елену, а венчал их в Пречистой Филип Митроп. Таракан купец заложил себе (в Москве) палаты кирпичные у градной стены у Фроловских ворот единого лета и сведе. – Июня 24 (во Пскове) пред вечером бысть грохот, гром с молниєю силен, и на Званице у Коровьи гридницы 7 человек молниєю опали, и бысть дождь прапрудю; а тех 4 человеки отволочили, а три до смерти сразило; а в гридницы которые ни были, а ти добры здоровы. Свершиша (во Пскове) церковь в монаст. Св. Никиты, а взяша мастера 20 рублей сребра. – Того же лета Авг. в 1, исходящу второму часу, загореся на Москве внутри города на подоле, близ Царя Константина и Елены, от Богданова двора Носова, и до вечерни выгорело все за рекою многие дворы погорели, а головни и бероста далече носило, много верст; а К. Вел. тогда был на Коломне: остался в городе только двор, К. Ивана Юрьев., да братаничев его два двора, да Орины Олексеевы: оттоле бо ветер тянул. Преставися Иона, Епископ Пермский. Того же лета (в Новгороде) на Федорове улици из тополя воды капало много, от верха и из сучья; помостиша мост нов от Лубянке во весь Конец Плотницкой; на Славкове улици поставиша гридницу нову среднюю”.

Г. 1471: “Тоя жь зимы бысть снежно и бурно, а весне по рекам во-

ды мало. Марта 23 преставися Княгини Инока Марфа Ростовская, и положена у Рожества Богородицы в монастыри. Тое же весны Прохор поставлен бысть Епископом Сараю. Отъяли неведгласи мздоиматели (во Пскове) на Вече землю и воду от Св. Троицы, Апреля в 7, Машутину землю, его прадеда Нежатина дань, Посадника, и в тыя часы, еще и Вече не поспело разойтись, загореся за стеной того жь Матути двор, а той Матуга преже того за 4 месяцы преставися, и в пяти местех загоралося. Намостиша мост (во Пскове) на новом месте, на Черехе реки, а даша мастерам 18 1/2 рублей. Тое жь весны женися К. Борис Васильев. у К. Мих. Холмского, понял Княжну Ульяну. Преставися К. Алекс. Федоров Ярославский, Апреля 17, и положен в Ярославли у Св. Спаса в монастыри. Априля конец ветха и Мая новаго быша морози велицы по 9 утр, а обилье Бог ублюл, а дубие молодое и ясене и папорть вся мраз призноби. Бысть на Яковле^{53*} улицы (в Новегороде) пожар и серед Боркове улицы и до Козмодемьяне, и 4 церкви огоре, и того же лета 2 церкви от грома сгореша, конец Прусской улицы, Илья Св., а другая Св. Федор в Ракоме. *Потрясеся на Москве земля* Авг. в 29" (сказано в *Арханг. и Новогород. Лет.*). "Той же осени бысть пожар в Новегороде, от Вареской улицы от берега и до Лубяницы, и 2 церкви огореша, Св. Иоанна у Немецкого Двора и Св. Георгия в Торгу, и Немецкий Двор горний погоре. Нояб. 8 поставлен Еписк. Перми Филофей. Нояб. в 27 бысть гибель луне. Дек. 8 поставлен Рязани Еписк. Феодосий, Архиманд. Чудовской, а на поставлении были Архиеп. Ростовский, Еписк. Суздальский Ефимий, Коломенской Геронтий, Сарский и Пермский. Погоре град Остров, пригород Псковский. Попы некупнии биша челом Пскову о шестом Соборе. Тогда же и льянью грамоту подраша, вынемше из ларя, и бысть всем радость велия: с восьми бо год она была в ларю, да много Христианом истомы и убытков в тыя времена было. Бысть в Новегороде всякаго блага обильно и хлеб дешев".

Г. 1472: "Тоя жь зимы преставися в Литве Григорей Митр. в Новегороде. Июля в 22 в 3 час ноци загореся на Москве на Посаде у Воскресения на рве и горело всю ночь и назавтрие до обеда, единых церквей 25 сгорело по брегу до Вздвиженья на Востром конце, да по Васильевской луг и по Кулишку, а вверх от Воскресенья по рву по Вознесенье на рве, да по Яр, да Богоявление каменное, да по Воскресенья на Дмитровской улице, да по Св. Евпатия и по Кулишку; бысть буря, и огонь мешало дворов за восемь больших, и с хоромов верхи срывало; истомно бе внутри града, но ветер тянул с града, и сам Вел. К. там и по многим местом стоял со многими Детьми Боярскими, объезжая вскоре и повелевая гасити и розметывати. — Помазана бысть известью церк. Иоанн Вел. на Петряне дворе (в Новег.); а на Княжи дворе свершиша гридницу каменну. Сент. 9 загореся на Яневе улице (в Новег.), и пороге побережье все и за Даньславлю улицу и городской стены от

берега полтора прясла, и Гребельский мост, и Гребля до Вел. мосту, и 3 церкви огореша. Св. Владимир и Св. Димитрей на Даньславле улице, и Св. Кирил предел у Св. Дмитрия”.

Г. 1473: “Тоя жь весны около Св. Николы в Опоческом Конце (во Пскове) камнем оделав и врата каменные изрядив, и садом яблонями насадили. Июля в 25 поставлен на Епископию Коломенскую Священноинок Никита Семешков, сын Архангельского Протопопа, иже на Москве. Того же месяца обретоша во церкви Св. Спаса Княг. Марью Вел. К. Симеона Иванов., во Мнишеском чину Фетинию, в теле неврежену ничем же, толико риза истле; и посла К. Вел. по Игуменью Алексеевскую, и повеле возложить на ню новые ризы. – Человек некий во граде Москве, ходив по обычаю к селу скудельничу, иже имеют граждане на погребение странным: имеют же обычай то погребение делать в Четверток седьмая недели по Пасце; тамо поют Панихиды; и сей помянутый болен идяше, и творя то, что и людие: стары ямы засыпая, а новы выкапывая; и нечаянно упал в тесноте народа, ибо нес из новой ямы на старую землю: оглох и онемел.... и нача прикладываться ко всем гробом (в Успенском Соборе), и яко же к Феогностову приложися, и проглагола и прослыша.... и сказаша Митроп. Геронтию и В. Князю. Они^{55*} же неверием одержими быша, не повелеша звонити и всему городу славити его.... и заделаша мощи его (Феогностовы) и покрова на гробнице не положиша; и ныне в небрежении гроб его”.

Г. 1474: “Ноября в 9 Вел. Князя Ловчей Григорей Перхушков ездил на поле и видел знамение на небе два солнца в 2 часу дни: сущее солнце идяше своим путем, а другое необычное свыше того, и светло велми белостию; а лучей от него не быше; видел же то не один Григорей, но и с ним бывшие. – В Новегороде и на Устюзе мор бысть на люди, и поставиша единого дне на Устюзе церковь Воскресение над рвом, и преста мор”.

Г. 1475: “Апр. 23 по вечерни (в Москве) взошла туча, и бысть гром велик с полудни, а морозы и студень до 8 Мая, и пошли дожди на всяк день. Июня 10 загореся за рекою на Москве близ церкви Николы Борисова, и погоре много, и та церковь. Сент. 12 в полунощи загорелось на Москве на посаде за Неглинною меж Николы и Всех Святых, и те церкви погореша, а 27 Сент. погорел совсем на Арбате Никифор Басенок: точию главами выметашась. – Сент. 30 в 2 час дни гибло солнце: треть его изгибла, и бысть яко месяц в розех. На Москве же сего не видел никто, а на Коломне и в пределех ея. – Преставися прежде бывший Феодосий Митроп. в Сергиеве монастыре; ту же и положен. – Окт. в 4 час дни загореся на Москве внутри города близ ворот Тимофеевских: Князь же Вел. сам пришед со многими людьми, угасиша, и отголе пойте К. Вел. за стол, и часа того загореся внутри же града близ Никольских ворот в 5 час дни, меж Введе-

ния и Козмы и Дамияна, и выгоре мало не весь град, по Вел. Князя двор да по монаст. Спаской, да по Князь Михайлов Андреев двор, а Подолом по Феодоров двор Давидовича, и едва угасиша в 3 час ночи: понеже сам К. Вел. пристоял со многими людьми. Единых церквей кам. 10 обгоре, а деревяных сгоре 12, да два застенка у Архангела разметаша, Воскресение да Акилу. – Той же зиме (в *Новогор. Лет.*) некоторые Философове начаша пети: *Господи помилуй!* а друзии: *Осподи помилуй!*”

Г. 1476: “25 февр. во 2 часу дни бысть гибель солнцу и тма велика, яко и человеком друг друга в лице не видети; и того бысть не долго. Людям страх был велик. А на той же недели в ночи свет блистал на небеси. – Тое же весны почаша делати в Сергиеве монаст. церкви Св. Троица кирпичная другая на месте деревяныя церкви Псковскими мастера. Того же лета зделана бысть колокольница в Ростове Архиеп. Васьяном. Марта 10 в 3 часу ночи нача гибнути месяц. Прииде из Царяграда в Литовскую землю Митроп. Спиридон, родом Тверитин, поставлен на мзде Патриархом, а повелением Турскаго Царя. Апр. в 11 бысть знамение в солнце в 1 час дни: восшедшу ему вельми ясну, по нашему же зраку, яко видехом его из Москвы, яко же бе взошло ровно с верхом храма нерукотвореннаго образа иже в монаст. Андроникове; бе же круг солнца вельми велик, яко дуги образом червлено, зелено, багряно, желто; далече же от него лучи сияючи по сторонам два, един нами зрим аки за Св. Ильєю под сосною, а другой за Св. Никитою за Яузою; третий же луч высоко над солнцем; а в том же круге стояше межи их яко рог: беста бо от него яко 2 рога, один направо, а другой налево, но было повыше же того луча, иже рог тех, дуга бе образом, но верхом по кругу, иже около солнца, а концы ея простерлися до среди неба; цвети же ея яко же в дождь дуга бывает видети. Сие было до исхода 2 часа. На Св. недели погоре в поле на Прусской улице (в Новег.) и на Чюдинцове и на Легощи, и до Иоанна Богослова, и городской стены выгоре полтретья прясла. – Авг. 31 в 1 час ночи бысть гром ужасен и в монаст. на Симонове с церкви верх сшибло стрелкою, и по церкви ходя, много мосту рвало, и стену предних дверей проразил, и иконы побило, а икона Одигитриа на поклоне на левой стороне ничем же повреди. – Сент. 3 гибл месяц в ночи о полне луне. Сент. 26 сгорела на Москве церковь Вознесения на рве. Того же месяца горело в Новег. Вел., и церкви, и люди горели, и не помнят на себя такова пожара, 15 церквей сгорело, а 3 каменные разсыпалися, а над городом яко солнце красно стояло. Сия же осень суха была и студена; река стала Ноябрь в 12, а на Введение дождь был, а оттоле морозов великих неколико, а снегу не бывало. – Погоре монаст. каменной на Кубенском езере, церковь во всем узорочьем и с книгами, и с кузньою, и кельи. – Тоя же зимы приехавши Слобожане из Кокшинской волости, учили

бить челом всему Пскову, чтобы освободили им Новгородцы у речке у Лоде поставити город, и Псков на Вече освободил, и грамоту дал, что им запасы запасая на том месте класти, где быти городу; и того же лета послаша Посадников и Бояр своих изо всех Концов окладати города Городча у речке у Лоде в Кокшинской волости. Тоя же осени Псков вспалився испродавал Опочан, а взял 100 рублей, да дал К. Ярославу, что они повесили татя коневаго, а без повеления Псковскаго. – Владыка Феофил приеха во Псков Дек. 24 и часы повеле своим мастером самозвонные поставити на Снятогорском дворе, а тья часы сам же Владыка с своим Боярином Автономом присла в дом Живоначальныя Троицы.... и жил во Пскове весь свой месяц: иные же Владыки так всего месяца в свой приезд не живали”.

Г. 1477: “Гнев. в 9 снег пошел, а не много, а на пядь не бывало его во всю зиму. – Преставися Еписк. Генадей Тверский. – Февр. в 16 в 7 час ночи (в Москве) сгорела у Михайлова Чюда трапеза, да Архимандричья келья Генадиева. Марта в 20 в 7 час ночи загорелся двор К. Андрея Меншево и згореша дворы обеих Князей Ондреев; а которые дворцы малые около их Попов Архангел., а те разметаша: пристоял бо сам К. В. и сын его, понеже не успе лещи еще К. В. после Стояния Канона Андреева. – Мая в 1 день в 15 час дня преставися Игумен Пафнутий обители Рожества Богоматери на реце Поротве, близ града Боровска за 2 версты; сам же и состави обитель ту, пришед из монаст. Высокого из Боровска: прежде бо тамо игуменил при Князе тамошняго отчича К. Василья Ярославича... и в обители Богоматери церковь воздвиже древяну, потом же камену, и подписал чудно вельми, и украси иконами и книгами, яко дивитися и Самодержцем Руския земли нашея. – Мая в 31 мороз вельми велик был, и всяк овощь побило и садове и все обилье. – Сделан бысть верх церкви на Симонове, иже гром сразил, а делал мастер Венецийский другой, не той, иже большую церковь Пречистыя ставить. – Дек. 6 поставлен бысть во Тверь на Владычество Священноиннок Васиян Архиманд., Княж Иванов сын Васильев. Стригин Оболенского”.

Г. 1478: “Тоя же весны Иосиф Старец начал строити монастырь на Ламском Волоце в пустыни. – Тоя же зимы бысть мор в Вел. Новег: мряху бо старыя мужи и жены и молодыя детки: выкоплют яму, ино в тую яму положат 2 и 3 и 10 человек. – Преставись в Новег. Наместник К. Ив. Васильев. Оболенской-Стрига, и привезоша его оттуда, и положен в Суздале у Спаса в Ефимьеве монаст. как сам повелел. – Бысть брань меж Митроп. и Васьяном Архиеп. Ростовским о Кирилове монаст.: начат бо Геронтий отнимати от Ростов. Епископы, научаем Князем Михайлом Андреев. Тии бо Чернци Кирил. монаст. превознесшесь высокоумием и богатством, не восхотеша быти под правдами Ростов. Епископов, и научиша К. Михайла... и даде Митроп. грамоту, что Князю Михаилу ведати монастырь. Ар-

хиписк. же бил челом Вел. Князю и нача суда просити по правилом с Митрополитом. К. же Вел. посла взяти грамоту и повеле Собору быти всем Епископом и Архимандритом на Москве и даде суд Архиепископу на Митроп. Митрополит же убоясь суда и умоли В.К. – и умири их, и указа ведати по старине. Се же зло бысть от Игумена Нифонта и от новых Чернцев и от прихожих смутов; а старые Старцы не хотеша того. – Преставися Зосима Соловецкий, а Саватей Соловецкий преставися в лето 6937. – Кн. Вел. прислал гонца на Устюг к Наместнику Петру Федоров. Челяднину, а велел ставити город Устюг новой, а старой розваляти. Ноября 13 бысть вода велика (во Пскове) и много шкоты учинише по Великой реке около города и по волостем, а мимо город несло вниз запас колоды и дров, ово сенные стоги; да в другой ряд лед стал... и Дек. 7 бысть оттепель и вода болши первой, да и лед снесло, и множае шкоты учинило, и в третие лед стал наборзе неровен как хоромы, и до устей до озера, а Християне добры здоровы. – Дек. 26 нощию, по Великаго Князя войне (Новгородской) нощию бысть гром и молния”.

Г. 1479: “Июля в 14 заложил Вел. К. церковь камен. Иоанна Злауустаго, а деревяную разобрал; бе же та церковь изначала строение гостей Московских, да уже нача оскудевати монастырь той: К. же Вел. Игумена учини у тое церкви в Соборе под Воскресенским Игуменом загородцких Попов преж сего, егда обет положил: понеже имя его нареченно бысть Генв. в 27; а в застенке тоя церкви повеле церковь другую учинити Апостола Тимофея: в той бо день родился; а ту разобранную церковь древян. повеле поставити в своем монастыре у Покрова в садах, первую малую разобрал. – Шилники здумали на Устюзе Андрей Мишнев, да без ведома Вел. Кн. Емчу взяли. Сент. в 9 в 6 часов нощи загореся Москва внутри града у церкви Петра Чюдотворца на Угретском дворе: бе бо поварня за градом под стеною, и от того кровля градная загореся, а людем спящим, и кричаша из заречья: град горит! и горе подолом во Владычень двор Коломенского, да по Федоров Давидовича, а горою по Архангела и по Св. Иоанн и по Пречистую, да по Княжь Борисов двор, да по Богоявление на Троицком дворе и к Никольским вратом. Сам Кн. Вел. и сын его во всю ночь и 4 часа дни с конец не съседающе, своими руками разметающе... и поча быти ветер на погорелья места, и тако преста горение; на 5 же часа начаша в Соборных церквех литургисати”.

Г. 1480: “Тое же весны преставися Коломенский Епископ Никита. – Разобраша старую церковь на Троецком дворе: бе бо трухла вельми, и заложилша новую. – Сгоре церковь Св. Николы в Никольском во Архиепископле в Ростове, и кресты чудотворные сгореша, и множество кузни; а на Москве у Рожества у Св. Лазаря верх падеся напрасно некако и страшно в нощи, и иконы побии, и множество в казне Вел. К. сосудов побии. – Окт. в 9 вожжеся свеща о себе в храме

Пречистыя у гроба Петра Чюдотворца: Митроп. же молебная совершив, и вощаницу оныя свечи нарядив, посла к Вел. К. на Угру. – Поставиша Священники (во Пскове) в Домантове стене избу Священником и Диаконом, а дали мастером 5 рублев”.

Г. 1481: “Июня в 22 поставлен Архиеп. Ростову Иоасаф Оболенских Князей; того же мес. в 29 поставлен Коломне Епископ Герасим Смердков; а того же лета Симеон, Духовник Митрополита, Еписк. Рязани. – Псковичи привезоша к Вел. К. Немецкого половицу 8 колоколов Вельядских. – Сент. 8 заложены быша 2 церкви, Архангела и придел Воскресение, да Акила Апостол (в Москве). – Был К. Вел. в Володимере. – Андрей Мишнев с шильники и с Устюжаны ходили в Вел. Перм, да побили Вогуличь под Чердынем, а на Каму шедши, да встретили гостей и Тюменских Татар, да пограбили”.

Г. 1482: “Заложи Кн. Вел. церковь кам. Стретение на поле на Кучкове. – Иконники Денисей да Поп Тимофей, да Ярец, да Кнаш написали Дейсус вельми чюден в новую церковь Пречистыя. – Окт. в 13 священа церк. Воскресение, а в 27 Св. Апостол Акила”.

Г. 1483: “Згоре икона Одигитриа на Москве в церкви Вознесения Греческаго письма, в ту меру, якоже Цареграде зделана; только лик да оклад згоре: дска цела, и написа Дионисий иконник на той же дске той же образ. – Тое же зимы случися навечерие Крещения в Неделю: Архиманд. Чудовский Генадей повеле воду Богоявленскую едши пити: в Уставе же не писано о том. Митроп. же посла изымать его: он же к Вел. К. убежа. Митроп. же сам иде к В.К., и много глаголаше нань... К.В. выдал его Митрополиту: Митроп. же велел его сковати и под полатою в ледник посадити. К. же В. с Бояры выпечалова его, приводяще, егда Владыка Ростовский Феодосий повеле тако же мясо ясти в навечерие Богоявления, зане случися в Суботу: Митроп. же Иона Чюдотворец потязав его прости. – Апр. в 2 преставися Князь Елена Князя Андрея Васильев. Углецкого. – Заложил церковь кирпичную за Язую Св. Спаса Игумен Чигас. – Архиманд. Чудовской Генадей Гонзов заложил церковь у Чюда в Монастыре Алексея Чюдотворца, да и трапезу кам. – Поставиша (во Пскове) церковь Афанасья, да Николу на Валку, да Георгия в Печки. Посекоша Псковичи дворы у Посадников и у иных многих”.

Г. 1483 и 1484: “Геронтий Митроп. заложил у своего двора церк. кам. Пречистыя^{55*}– Ризы Положение^{55*}. – Повелением В.К. начаша здати в Вел. Новег. град камен по старой основе на Софейской стороне. – Дек. в 9 поставлен Архиманд. Симоновской Нифонт Епископом в Суздаль. – Совершена (во Пскове) церк. Св. Дух в Глине монастыре. – Хлеб уродился после Петрова дни; в той же день почали ржи жати, а с Ильина дни ярь. – Лета за два суседи Запсковляне, Богоявленский Конец, заложилша стену от Псковы свою треть, и сего лета свершена бысть, и на осень и покрыша; а тоя же весны суседи

Кузмодемьянский заложил стену от Великой реки свои 2 части до Богоявленцов стены. – Посадиша (во Пскове) смердов на крепость в погребу, а Посадников закликаша, что грамоту новую списали и в ларь вложили на сених со К. Ярославом, а Псков того не ведает. Посадника убиша Гаврила Июня в 13 всем Вечем. – В Петрово говение идяше дождя много и реки наполнишась, аки весною, а рожь цветяше, и превратись много ржи на метлу и на костер, а ярового обилья Бог умножи. Тогда же некоему Священнику в Велейской волости на Плотичне едущую путем, бысть тма, и по тме облак светел, и глас невидимый глаголя: *повежь людем, дабы ся обратили*. И бысть ино проявление на городке на Владимирци: Июля в 18 некоторой девице бысть глас, веляше молитись.... и в ту ночь у Св. Ильи свеща сама загорелась; а Новгородци обретоша икону Св. Бориса и Глеба на Волхове плавающую, и явись в Новег. знамение от иконы Св. Богородици, идяху слезы кровавыя седмию места. Июля в 24 бысть туча страшна и гром и град. Сент. 5 явись на небеси (во Пск.) 3 месяца: пред сими бо деньми Туркове плениша землю Волынскую. Тоя же осени Псковичи поставиша новый мост через Пскову, а даша мастером 60 рублей, а платиша по серебро мясники. – Тоя же зимы Псковичи послаша к В. Кн. бити челом, чтоб отдал своєю нелюбки, что казнили смердов, и он всполевся велел смердов отпустить, а Посадников откликати и животы отпечатати, а Князю Ярославу добити челом – и Псковичи чернии люди тому веры не няша, и за неделю до Рожества послаша иныя послы, а смердов не отпустя, а Посадников не откликав, и К.В. изополевся на них, и на 3 день повеле своим Бояром ответ дати, как первым послом – и чернии люди ни тем веры не яша, рекуще: занеже сии съгласишась по чолобитью Посадников, котории збегли на Москву – и начат быти метяж велик между Посадники и Бояры и Житьими людьми, понеже сии въсхотеша правити слово Князя В., смердов отпустиши, а Посадников откликать, а мертвая грамота, списаная на них, выкынути, а К. Ярославу добити челом, блюдушесь казни, что без его повеленья и пред послом В. Князя смерда казнили, и Посадника Гаврила убили; а чернии людии молодии не восхотеша, рекуще: мы прави.... и послаша от молодых людей Перха к Вел. К. и в Тферской земли, в Великое говение (уже в 1485 г.), разбойники убиша Перха и Лакомцова и дружину и вметаша в реку; и Псковичи послаша по Велице дни Посадников на Москву, и Вел. К. с Великою опалкою отвещал: аже моя вотчина слово мое исправить, и потом начнете ми бити челом о моей нечести... и Псковичи вскоре отпустиша смердов, Стехна и Сырня и Лежня, и списаную грамоту мертвую на Посадников из ларя выкынута, и животы и дворы отпечаташа”.

Г. 1485: “Архиеп. Геннадий на Масленой во Псков присла свою грамоту благословеную и даде в дар Псковичем турей рог окован златом,

да икону Локотницу на злате. – Подписал церковь Стретение (в Москве) Долмат иконник. – Апр. во 12 погорел град Москва. – Свершиша на Симанове трапезу камену у ворот. – В сие лето (во Пск.) с осени пал снег на талую землю, и потом быша мрази, и зима вся бяше тала, и по мхам и по болотам грязи люты, и под снегом подпрел корень ржаний, и по Велице дни бысть ведряно и солнечно, и потом студено и мокро, слоть с морозом, и померже вшедшей ржаний корень, и бысть черна земля, и потом не бысть дождя до Петрова заговенья, а ярь сеяна в сухую землю, и егда помолишась, бысть туча; и начаша дождеве быти по местам, и где быша, умножи Бог яроваго обилья... и купиша четвертку ржи по 8 денег, а жита по 5, а овса зобничь по 10 и 12 денег. – Тоя же осени Владыка Геннадий присла в Псков Боярина своего Безсона и с ним Игумена Евфимия, иже преже был ларником в Пскове, и в той власти много зла народу учини... и убежа и пострижесе; и мысляше Владыка того вместити Архимандритом в себе место правителем Пскову, и веляше описати церкви и монастыри и Попов; и Псковичи не вдашась в волю его. Тоя же осени, в Неделю пред Въздвиженьем, К. Псковский Ярослав и Посадники и Бояре ехаша на Москву и биша чолом Князю Вел., что били смердов чрез его повеленье, и В.К. пожаловал, повелел по всей старине Пскову жити. К. Ярослав оженись на Москве, и приведе Княгину в Псков. И тако уляже брань о смердах, и много тогда напасти учинилось, яко до 1000 рублей. И потом прилучись некоему Попу у Норовских смердов найти тую грамоту, како смердам из веков вечных Князю дань даяти и Пскову, и всякия работы по той грамоте им знати, а о той грамоте всей земли смятенье бысть, что они потаивше грамоту не потягнуша на работы, а Псковичем не сведущим, како бысть, а смерды обольстиша Князю Великому и все по криву сказаша. И таковую грамоту смерд исторже у Попа из рук и скры. Псковичи же посадиша того смерда на крепости.... и начаша из пригородов и изо всех волостей обидныи люди били чолом Пскову на Наместников К. Ярослава и на самага. И Псков събраша многыя обиды и отрядиша послы, Боярина Андрея Семеновичь Рублева и иных, и биша чолом Князю В., и поведаша о смерде, что грамоту потаил, и как нам Государь укажеши о том? и К.В. ярым оком възрев рече: *давно ли яз вам о смердах вины отдах? а ныне на тожь наступае!* И оттоле ни единыя жалобы на Ярослава не прият, и ответ дал: се яз посылаю по вас ужь своя Бояры и прикажу им о всех ваших делех. Посадники приехаша во Псков Июля в 8" (уже в 1486 году).

Г. 1486: "Генв. в 19 приеха во Псков Архиеп. Геннадий, а с ним Бояр много... и пребысть 3 недели, пришед на Вече народ благословил, и многа словеса учительная простер, вдасть грамоту, и отъеха прочь. Срублен град Володимер, а рубил Дьяк Василей Мамырев. – На Ильин день гибло солнце все на мног час. – Авг. 31 священа (в Москве) церковь Риз Положения".

Г. 1487: “Бысть (во Пск.) град велик с яблоко садовое. – Бысть мор велик в Пскове, и поставиша 2 церкви, Св. образа Иисуса, да Св. Мученицу Анастасию. – Того же лета Князь Окт. 4 Ярослав. преставися во Пскове и положиша его у Св. Троица; та же и Княг. его и сын преставися, и положены у Св. Ивана Предтечи, на Завеличьи. – Постави (Литовский) Митрополит Симеон Епископом Васьяна Владимерю и Берестью. Поеха изо Пскова на Москву сын К. Ярослава, Костянтин, Окт. 5”.

Г. 1488: “Февр. 13 присла Вел. К. во Псков Наместника, Симеона Романовича, Князем, и целова крест на Вечи по Плотинной грамоте. – Поставиша град нов на Белеозере в Карголоме от старого за 10 верст. – Пред. Вел. днем в сенях у Вел. Кн. громко из народа закричал из Спасова монастыря Галичанин, глаголя: *гореть Москва на Велик день!* Кн. же Вел. яко урода веле его поимати и на Угрешу его посла к Николе. Глаголют же, яко гости сведавши носилися из града, боящися пожара. Сбыться же его слово. – Авг. 13 в 9 часу дни, загорелось (в Москве) Благовещение на Болоте и погорело до Кулишки, мало не до Всех Святых, до Покрова в Садах, да по Неглинну, а церковей згорело 42. – Бысть знамение (во Пскове) у Св. Николы на пруде”.

Г. 1489. “Гнев. 15 Владыка Ростовский Иасаф остави Епископию и поставиша Тихона, иже прежде был Архиманд. у Спаса в Ростове. – Мая в 16 преставися Коломенский Владыка Герасим в Пафнутьеве пустыне. Авг. 9 священа церковь Благовещения на Вел. Князя Дворе на Сенях; а в 20 день Василий Кесарийский, придел у Благовещения”.

Г. 1490: “Повелением Вел. К. поставлен в Новег. В. град камен; две части града ставили Вел. Князя казною, а треть Владыка Генадий своею казною. – Загорелось (в Новег.) на Великом мосту у город. врат, и церковь Богоматери на городних вратах и стрельница огорели, а из стрельницы похватило тесницу с огнем и снесло на Яневу улицу, и Янева выгорела, и Росткина, и Хревкова, и Легоша, и Щеркова, и Розважа, и церковей 6 огоре Апр. в 25. – Поставлен на Коломну Епископом Авраамий, Игумен Угрешской. Ноября в 8 в Новег. Вел. в 4 час нощи явися знамение летняго Востока до летняго Запада, на северной стране промеж Востока и Запада, доспелось небо светло аки заря ведренная светла вечерняя, а в заре той столпы аки лучи солнечные, и осветиша весь град и поля аки пожар силен, и сходишася столпы и расходилися многажды в нощи той часа 3 и больше, да изгибли; а после 3 столпы великии и высокии явились, да стояли 13 часов, и како уже времени быть заутрени, пришли облаци с Востока, да ту светлость помрачили; потом взошла заря по своему обычаю, и Бог свет дал; а из Юрьева монаст. видели как бы страшный пожар и чаяли, что град весь горит. – Устюжане и Двиняне на

службе на лежачей на Костроме были, а отборщик Семен Болтин, и билися Устюжане с Костромичи. – Погоре на Устюзе посад от Скоморошья мовници и Соборн. церковь Авг. 1; и били челом Устюжские Попы В. Князю о погоревшей церкви Успения и в книгах Дьяки поискали, кто ставил изначала оную; и нашли лета 6905 Еписк. Ростовский Григорей на Устюзе поставил церк. древяну вельми велику Успения, и по тем книгам К.В. велел Архиеп. Ростов. Тихону поставити на Устюзе Собор. церк. такову же, и грамоту Попом дал к Тихону, и Владыка того лета не послал мастеров, а у Устюжан бревен было мало припасено, и послал Владыка мастера Алексея Вологжанина с своим Дьяком с Иваном с Вискуном после Покрова 2 недели спустя, и он церковь заложил не по старине кресьчату, и срубил до шти рядов, да и в Ростов поехал; а Устюжаном тот оклад стал не люб, и хотели бить челом Вел. Князю, и Владыка не велел, а ялся церковь поставити по старине, и прислал Алексея да 60 человек рубленников, и припровадили Епископли крестьяне из Шейбохты лес и береста, и заложили круглу по старине о 20 стенах Мая в 13” (уже в 1492 году).

Г. 1491: “Бысть гром зиме. Генв. 9, в 2 час ночи, явися звезда хвостата, с Запада хвост ея на Восток с две сажени, и бысть до 6 часа ночи. Бысть знамение в солнце мес. Мая, и две части изгибе. – Приехал Февр. в 17 К. Василей Федоровичь Наместником во Псков, а К. Симеон выехал в Москву. – Приходиша Татарове Завольские на Вольнскую землю 10 000: в Володимери церкви пожгли, и великую церк. Богомат. мурованую; а людей безчисленно посекали и полонили. И събрашась Волынци с Ляхи, угониша их не далече от Жеславля и побиша поганых, и полон отполониша; мало утекло их, и тья от зимы измроша, не дошедши Улусов. Над Волынци Старостою был Лудским К. Симеон Юрьевичь Голшанский. Мало наших убито, ниже и десяти; а поганцев 8000. – Повелением В. Князя Архим. Спасский Афанасий заложил церковь кам. на Новом Преображение. – Мая 23 згорел град Володимер весь, и посады, и церковь Пречистыя Рожества в монастыри внутри города выгоре, и *тело Князя Вел. Александра Невского огоре*; а всех церквей згорело в городе 9, а на посаде 13. – Того же лета Июня згорел град Угльчъ весь, дворов болши 500, а церквей 15. – Совершена (в Москве) церковь кам. на Симоновском дворе у Никольских ворот, Введения Богородицы. – Июня 5 преставися Дьяк Вел. Князя Василей Момырев в Чернцах и в Схиме, и наречен Варсонофей, а в Дьяках был 18 лет, 8 месяцев, а жил 58 лет, и положен у Троицы в Сергиеве монастыре Июня в 7. На Сергиеву память К. Вел. торг перевел от Троицы на Городок в Радонеж”.

Г. 1492: “М. Февр. повелением В. Князя Митроп. Зосима и Архиеп. Генадий придали из Митрополии и Архиепископии Новгородские церкви свои на Вологде, в городе и на посаде, Епископу Пермскому Филофею в Пермскую Епископию. – Февр. прииде из Волох

Скурат Зиновьевичъ, а с ним посол Стефанов, Мушат. – Тояжь весны послал Вел. К. Дьяка своего Василья Кулешина рубити города Володимера древяна по Васильеву окладу Мамырева, и срубиша его в 2 месяца. Мая в 17 Иван *Спаситель* Фрязин, Каплан постриженный Августинова закона белых Чернцев, закона своего отрекся, и Чернечество оставил, женился и понял за себя Алексеевскую жену Серинова, и К.В. его жаловал селом” (см. выше, примеч. 104). “Июля 10 приходили Татарове, Ординские Козаки, в головах Темешем зовут, а с ним 120 Козаков, во Алексин на волость на Вошан, и пограбив пойдоша назад; и приидоша погоня В. Князя, Федор Колтовской, да Горяин Сидоров, а всех 64, и бысть им в поле бой меж Трудов и Быстрые Сосны, и убьено бысть людей Вел. Князя 40 человек, а Татар 60, и иные Татарове, ранены идучи, померли на пути. – Тоя жь осени Ноября побежал от В. Князя в Литву Юшко Елизаров. – Епископ Сарский Прохор оставил Епископью и сойде с Крутиц к Богоявлению в монастырь”.

Г. 1493: “Снятая гора (во Пск.) погоре вся и церковь. – Бысть знамение в солнце, 4 луча и круг за круг. Церковь поставиша Св. Георгия в Острой лавице. В Вербную Суботу погоре град Кострома весь. – Священа бысть церковь Успения Соборная на Устюзе Апр. 22. – Мая в 4 поставлен Силуян Игумен Угрешский на Епископство Сарское и Подонское на Крутицу. – Повелением В. Кн. поставиша град древян на Луках Вел. по старой основе. – Приходили Татарове, Козаки Ординские, изгоном на Рязанския места, и взяша 3 села, и пойдоша назад. – Июля в 16 зажже гром верх маковицы большия тес под железом у Соборныя церкви Успения (в Моск.), а внутри церкви мало попало на Царских дверях, да половина опоны згорела на амвоне, да 2 болванца древяны розразило под амвоном, а верх вскоре угасиша. В той же день в Володимере у Пресвятыя бурею крест сломило. – М. Сент. згорел город Рязань весь. – На Устюзе в монаст. у Преображения от иконы шло муро у Спаса из груди, и у Моисея и у Илии”.

Г. 1494: “Поставиша церковь кам. на взводе Св. Георгия, и отставиша вдовых Попов от службы (во Пск.). – Апр. загорелся (в Новег.) от Никиты от денежника на Дворище, а огорело 3 церкви, Никола да Пятница, да Борис и Глеб; а Иван Великий отняли, и Маковицы до половины и Успение; а ряды все выгореша до вел. мосту мало не до половины; а переняли у Лубяницы”.

Г. 1495: “Поставиша церковь кам. Св. Варлаам на Запсковьи. Приехал Архиеп. Геннадий во Псков при К. Псковском Василии Федор. Февр. в 26, и соборовал, и был там 30 дней. – Мая в 30 преставиша на Устюзе Иван Юродивый. – Приходиша Татарове Перекопские, сын Царев Менгли-Гиреев, в Волыньскую землю, и мало не добыша града Корца, и уби их неколико К. Симеон Юрьевич, Староста Луцкий, Маршалко Волыньской земли, с Литвою и с Волынцями.^{56*} Преставишь Еписк. Луцкий Иона: бе бо тогда мор в Литовской зем-

ли и в Лятской и в Волынской и по иным странам; нас же Бог избавил (т.е. Киевлян). Поставлен Епископом граду Луцку Кирил Архиманд. Приходиша в Волыньскую землю сынове Крымского Царя... и церковь и монаст. Св. Николы в Жидычине съжгоша, и обогнаша К. Семена Юрьевича и Пана Василья Хрептовича, Наместника Володимерского, и К. Константина Острозкаго и всех Волынцев в граде Ровном, и начаша Татарове приезжати к граду; наши же не видевшие, яко множество их, и рекоша к себе: *сътворим что мужско*; и выехаша противу их пред место, и бишась крепко... и выступиша множество Татар, и К. Семен възвратись в град; и Половци же место съжгоша, и мало нечто с града окупа вземше, и с пленом възвратишась в свояси. – Той же осени Вел. К. Александр и Король Польский Ольбрехт снимались в Парьцеве, никто же не весть, чего ради; слышахом бо сами от некоторых Вельмож, яко и Панове их Рада о сем не ведали”.

Г. 1496: “Прииде в землю Волыньскую Перекопский Епонча Солтан, и множество Християн плени, и в Лядской земли не мало. – Зима люта бысть, мрази и снеги велики, и на весне половодие зело велико, и не помнят таковой воды. – Июля в 29 бысть пожар на Устюзе, загореся церк. Успение изнутри в 5 час нощи, и згоре со всеми иконами и с кузнью и с книги, и не сняли и замка; згореша на площади и Борис и Глеб, Прокопей Св. и Егорей, Козма и Дамиян, и дворов много. – Преставися К. Псковской Васил. Федор. приехав с войны Свейской; а К.В. прислал К. Алекс. Володим. Ростовского на Княжение во Псков Марта 24. Бысть пожар во Пскове, а зажег Чюхно, а послаша его Немцы; изымаша его на Крому и сожгоша Апр. во 12. – Сент. в 18 священа бысть церковь Преображения в монаст. на Новом Митропол. Симоном при Архимандритстве Афанасья Щедраго. – Дек. 18 поставлен на Крутицу Епископом Ефимей Старец от Троицы из Сергиева монаст., а на Рязань Протасий”.

Г. 1497: “Послал К.В. ко Стефану Воеводе в Волохи Ивана Ощерина, да Луку Волошенина лета 7004; отпущены же назад, а на пути под Теробовлим пограбил их Японча Салтан, Крымск. Царя сын, с своими Козаки: онижь возвратишась к Стефану. Стефан же посла к Царю Менгли-Гирею: Царь же повеле то обыскати; они же, сыскав мало, отослаша.... и приидоша на Москву л. 7005 Авг.; а с ними прииде посол из Волох, Иван Питаро, и отпустил его К.В. Сент. 3. Да с тем же послом приидоша к В.К. Игумен Паисея да 3 Старцы из Св. Горы милостыни ради, и К.В. милостынею изволил, и на иные монастыри послал: понеже бо из старины тот монаст. Св. Пантелеймона в Св. горе строение бяше прежних Великих Князей Руских от Вел. Володимера. – Марта во 2 приходиша Татарове и с Турки в Волыньскую землю, и около Кремянца с 400 душ плениша, и собрася К. Михайло Острозький с своими людьми, и угна их за Полонным и изби их всех, и плен возврати, благодарственныя песни Богу

воспеая. Того же лета приидоша Татарове Перекопський и множество поплениша во Олевской волости и в Мозырьской, и угониша их К. Михайло да К. Костянт. Острозский с Дворяны Князя Вел. в Суботу по Велице дни в зѣмли Брясловской на Сороце реце на Кошилавских селищах, а других верх Умы реки у могилы Петуховы, и избиша всех до конца: убили Царевича Акманлу, а всех 340, а наших 1 человек. – Того же лета поиде Вел. К. Александр со всеми вои Литовскими и Рускими, Жомоитскими и иными, против Царя Перекопского, и стоя в Жеславли, и оттоле поиде до Брясловя, и тамо город заруби, и опять взвратись в свою землю; а Царь не сме ополчитись против его. Того же лета Король Польской Олбрахт ходи в землю Волоскую со всеми вои, и много зла вои его сътвориша церквам и образом: срам и писанию предати; и взя мир с Волоским через брата своего послы Короля Ческого и Угорьского Владислава, и взвратись в свою землю, и которою дорогою повеле ему пойти Волоский, туда не восхоте пойти, и поиде просто до Снятина по Буковинью, и приидоша Волохове и Туркове на него, и много от вой его убиша; а сам Король в тот час бе боля. Тогожь году преставися Епископ Володимерский” (в Воынии).

Г. 1498: “Апр. в 26 пал снег в полколени, а лежал до Бориша дни, и на Бориш день шел дождь, и нача быти тепло, и учили пахати. – Хлеб был дорог во Пскове; четвертка по 9 денег, овсяная по 4 деньги, а жита по 6, а пшеницы зобница по 50, а соли мех по полсорока денег”.

Г. 1499: “Июня в 12 преставися Еписк. Крутицкой Евфимей. – Июля в 14 поставлен на Епископью Сарскую на Крутицу Трифон Игумен Богоявленский, а на поставлении его седел с Митропол. на месте К. Великий Дмитрий Ивановичь и Владык пять. – Сент. приидоша Татарове Ординские Козаки и Азовские под Козельск и взяли сельцо Олешну, и К. Иван Перемышльской да Одоевские Князи да Петровы дети Плещеева, Василей да Иван, догонив их побиша, а иных изымаша и приведоша на Москву”.

Г. 1500: “Погоре Запсковье на Фомине недели, а горело от Жирковского всхода до Молокнянской улицы. – Тоя жь весны прииде к В.К. посол Волоский, именем Федор Исаев, Наместник Хотенский. – Авг. в 17 на осьмом часу дни загореся на Москве на большом посаде и пороге от Москвы реки и до Неглинной и пушечной избы и Рожественской монастырь. – Бысть пожар во Пскове Окт. 6, и 2 костра поставиша на Запсковьи и на устьи Псковы реки. Псковичи порубившись, с 10 сох конь, а с 40 рублей конь и человек в доспесех, або были пеши люди, и поехаша на Литву Князем Великим в пособие”.

Г. 1501: “Выехал К. Псковской Александр Волод. на Москву Марта 24, и прияша Псковичи К. Ивана Ивановича на Княжение Апр. 24. – Апр. Еписк. Филофей Пермский оставил Епископью и

прииде в Кирилов монастырь. – Апр. в 23 у гроба Св. Максима Уродиваго Бог простил человека имущаго ногу прикорчену. – Повелением В.К. разобраша старую церковь Чюдо Св. Арханг. на Москве, юже бе совершил Св. Алексей Митроп. в лето 6873, и заложилша новую при Архимандр. Феогносте. – Тоя жь осени преставися Еписк. Коломенский Авраамий. Бысть лето все не погоже, бури великие, и хоромы рвало и деревья из корения, а дожди великие, и хлебу нерод; а то непогоде стояло и до Николина дни”. –

Г. 1502: “Мая в 1 поставлен на Епископью Коломен. Игумен Никон из Павловой пустыни, а Мая в 5 на Епископью Пермскую Игум. Никон от Св. Деонисия с Глушицы. – Приидоша к Вел. Князю служити два Царевича из Астрахани, Исуп Салтан, Ягуп Салтанов сын, да Шигавляяр Салтан, Бахтеяр Салтанов сын, братаничи Ахмата Царя Большая Орды. – Повелением Вел. Князя поставлен бысть древяный В. Новгород по старому спу, и стрельницы древяныя, а старыя каменя разбили”.

Г. 1503: “Генв. Тихон Ростов. за немощью оставил Архиепископью, и сойде в монаст. к Борису и Глебу на Устью. – Приехал во Псков К. Дм. Волод. Ростовской Мая в 6. – Сент. 6 священа ц. Архистр. Михаила на Москве Митрополитом и Архиеп. Геннадием. – На Устюзе погоре посад и 4 церкви, Св. Никола, Рожество, Св. Афанасий и Варвара. – Тоя же осени преставися Княг. Улияна, К. Бориса Васильевича Ноября, и К. Федор Борисовичь женился после ее, а брат его, К. Иван Бор., на свадьбе его разболелся и преставился, и положиша его в Иосифове монастыре. – Слит колокол на Москве большой, а делал Петр Фрязин, а меди в нем 350 пуд, кроме олова”.

Г. 1504: “Повел. В. Князя на Вознесенъев день Архим. Митрофан в Андроникове монастыре заложил трапезу кирпичну. – Разобраша старую церк. Козмы и Дамияна в Москве против Михайлова Чюда и заложилша новую. – Город сгорел Чердынь, и Князь Матфей Михайловичь Великопермский поставил город на Почке новой. – Ездили Посадник Псков. к Вел. Князю о Ржевском деле”.

Г. 1505: “В Понедельн. на Страстной рать пришла без вести из Тюмени на Вел. Пермь, Кулук Салтан, Ивака Царев сын, с братьею и с детьми, города не взяли, а землю Нижнюю извоевали, в Усолье на Каме Русаков вывели и высекли, и Князь Василей Ковер на поле воде в погоню послал Русаков в судех и догнали их в Сылве на перевозе заднюю заставу, да и побили”.

ПРИЛОЖЕНИЯ



ВАРИАНТЫ И РАЗНОЧТЕНИЯ

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В РАЗДЕЛЕ “ВАРИАНТЫ И РАЗНОЧТЕНИЯ” В ТОМЕ VI

- ИГР1* – первое прижизненное издание тома VI “Истории государства Российского”.
- ИГР2* – второе прижизненное издание тома VI “Истории государства Российского”.
- ИГРК* – рукописные поправки Карамзина в личном экземпляре “Истории государства Российского” второго издания (воспроизводятся по изданию И. Эйнерлинга).
- ИГР1О* – опечатки к тому VI первого издания “Истории государства Российского”.
- ИГР2О* – опечатки к тому VI второго издания “Истории государства Российского”.
- ИГР1П* – “Прибавления” к тому VI первого издания “Истории государства Российского”.
- ИГР2П(8)* – “Прибавления” к тому VIII второго издания “Истории государства Российского”.
- ИГР1П(9)* – “Прибавления” к тому IX первого издания “Истории государства Российского”.

ГЛАВА I

^{1*}*ИГР1* Хронографам: ^{2*}*ИГР1* Казанскому – ^{3*}–^{3*}*ИГР1* Скакал по судам ^{4*}–^{4*}*ИГР1* Пехота долженствовала плыть озером Ильменем к Русе, а конница, гораздо многочисленнейшая, ^{5*}*ИГР1* Москвитяне ^{6*}*ИГР1* Магистер ^{7*}*ИГР1* ; что ^{8*}*ИГР1* силою; ^{9*}*ИГР1О* пяти ^{10*}–^{10*}*ИГР1* скупость: уже ^{11*}–^{11*}*ИГР1* пленников и ^{12*}*ИГР1* другими ^{13*}*ИГР1* жителями, взяв бегущих в плен, *ИГР2О* жителями; ^{14*}*ИГР1* настигнуть

ГЛАВА II

^{1*}*ИГР1* Пеллопонесе ^{2*}*ИГР1* закон ^{3*}*ИГР2О* Феррарские. ^{4*}*ИГР1* не желал ^{5*}*ИГР1* хотел ^{6*}*ИГР1* оную ^{7*}–^{7*}*ИГРК* снято Ка-

рамзиным ^{8*}ИГРІ 1385 [верно: 1485] ^{9*}ИГРІ Магистер ^{10*}ИГРІ твердым ^{11*-11*}ИГРІ не дав ему слова ^{12*-12*}ИГРІ гордо объявил Иоанну чрез Посла, ^{13*}ИГРІ повеления ^{14*-14*}ИГРІ всею частию ^{15*}ИГРІ Лудовика ^{16*}ИГРІ сего ^{17*}ИГРІ позволил ^{18*}ИГРІ возвратили

ГЛАВА III

^{1*}ИГРІ частных людей, ^{2*}ИГРІ к ним, ^{3*}ИГРІ Г. 1475–1478. ^{4*}ИГРІ зубами ^{5*}ИГРІ *Государя?* ^{6*}ИГРІ Торжка ^{7*}ИГРІ налицо ^{8*}ИГРІ сознаете ^{9*}ИГРІ золоченную ^{10*-10*}ИГРІ Г. 1480. ^{11*}ИГРІ Ноздреватому ИГРІО Ноздреватому ^{12*-12*}ИГРІ 7 Ноября. ^{13*-13*}ИГРІ Василий Звенигородский ИГРІО Василий, Воевода Звенигородский ^{14*}ИГРІ Большой

ГЛАВА IV

^{1*}ИГРІ легчайшими ИГРІО легчайшим ^{2*}ИГРІ Магистер ^{3*}ИГРІ Тарвест ^{4*}ИГРІ [примечания 269 нет, вместо него текст:] чрез Послов, Князей Ивана Владимировича Лыкова и Василия Ноздроватого ^{5*}ИГРІ [примечание 269] ^{6*}ИГРІ ему ИГРІО ему (Великому Князю) ^{7*-7*}ИГРІ (коим управлял искусный Аристотель) ^{8*}ИГРІП Читателям нашим известна, как надеюсь, *История врачебного искусства в России* (Geschichte der Medicin in Russland), сочиненная Действ. Стат. Советником, В.М. Рихтером. Сия книга любопытна для всех, и в особенности полезна для врачей. Не говоря о последнем ее достоинстве, заметим, что описание домашней жизни древних Россиян, картина ужасов язвы в XIV веке и многие иные статьи сделали бы честь всякому Автору. Г. Рихтер, будучи одним из первых, деятельнейших Медиков в России, находит время и для ученых, многотрудных исследований: ибо любит пользу и честь. Сей благородный вкус доказывает благородство души его.

ГЛАВА V

^{1*-1*}ИГРІ более ^{2*}ИГРІ серебряные ^{3*}ИГРІ по-Латыни ^{4*}ИГРІ Магистер ^{5*}ИГРІ посольства ^{6*}ИГРІ серебряной ^{7*-7*}ИГРІ Русского серебра, даже и золота. На первой тогдашней золотой монете изображен Св. Николай в Епископской одежде: правою рукою благословляет, а в левой держит книгу; на одной стороне у него образ Спасителей, на другой Мариин; в подписи сказано, что Государь из собственного золота вылил сей единый *талер* и подарил своей дочери, Феодосии³⁶¹ (на серебряных же деньгах его времени обыкновенно представлялся всадник с мечем). ^{8*}ИГРІ изгнан-

ников³⁶³: 9*ИГРІ Гаконовой³⁶⁴: 10*ИГРІ нет 11*ИГРІ году³⁶⁵; 12*ИГРІ Гиндостан 13*ИГРІ Королевской, но сам потерял множество людей 14*ИГРІ отечества, и проч. 15*ИГРІ последовать 16*ИГРК Краков 17*ИГРК Польше 18*ИГРІ воинство

ГЛАВА VI

1*ИГРІ и делали 2*ИГРІ [прямым шрифтом] землю 3*ИГРІ Штокгольма 4*ИГРІ свыше ИГРІО свыше, 5*ИГРІ днях 6*ИГРІ серебряными 7*ИГРІ Семиян ИГРІО Симеон 8*-8*ИГРІ и тебе.... 9*ИГРІ Титул 10*ИГР20 заставили 11*ИГРІ Магистер 12*ИГРІ фон-Плеттенберг 13*ИГРІ возстановить 14*ИГРІ Возражение ИГРІО Возражения 15*ИГРІ невест

ГЛАВА VII

1*ИГРІ Грозного. 2*ИГРІ Великого 3*ИГРІ Магистер 4*ИГРІ Россиянам: 5*ИГРІ Великого 6*ИГРІ изменяющего на время 7*ИГРІ держав 8*ИГРІ [прямым шрифтом] 9*-9*ИГРІ Лев Диакон пишет, что Византийский Император Никифор дал Святославу 15 центнеров золота⁶⁰⁴: согласно ли сие с бедности даров, принятых матерью Святослава от Константина Багрянородного⁶⁰⁵? Владимир Мономах говорит в своем *Поучении*, что он, будучи Князем Смоленским, привез отцу 300 гривен золота; но число означено в рукописи буквою, и не весьма ясно 10*-10*ИГРІ коего важнейшия статьи переведены на Латинский язык Сигизмундом Герберштейном и находятся в описании Максимилианова Посольства к Великому Князю Василию. Читая сей перевод, видим, что известный Судебник Царя Иоанна Василевича основан на Уложении деда его: те же законы и слова⁶⁰⁹. Все решилось единоборством, и виновный, то есть побежденный, платил судьям, Боярину, Дворецкому или Казначее Государственному десятую долю иска⁶¹⁰, Окольничему 100 денег и доспех свой, Недельщику или приставу 100 денег и 4 алтына, Дьяку 50 денег, если дело шло о драке или займе. Самое душегубство, зажигательство, разбой, татьба судились боем: в таком случае все имение виновного отдавалось судьям; а за вину была, по ее мере, телесная казнь⁶¹¹. Обличенные убийцы своих господ, изменники, предатели городов, церковные и головные тати, подметчики, зажигатели, наказывались смертию. За *первое* воровство, кроме церковного и головного, налагали денежную пеню в удовлетворение истцу; за *второе* казнили смертию, и даже без суда, если ктонибудь из *честных* людей утверждал клятвенно, что обвиняемый и прежде оказывался вором. Подозрительного, развратного человека, уличаемого в татьбе, пытали; но если не было ни собственного признания, ни совер-

шенной улики, то выпускали его на *крепкую поруку*. – Наместники, не имевшие *полной* судебной власти, могли разбирать жалобы и налагать пени в несколько рублей, но должныствовали сообщать свои приговоры судьям Великокняжеским на утверждение: только в случае одобренного ими решения Наместнику и Дьяку его выдавалась уставленная законом судная пошлина. – С доносом в татьбе, разбое, душегубстве надлежало всегда ехать в Москву, откуда посылали Недельщика за обвиняемым. Истец представлял свидетелей. Судья спрашивал: “можно ли им верить?” *Допросите их как закон и совесть повелевают*, ответствовали судимые. Начинали говорить свидетели: обвиняемый возражал, заключая обыкновенно речь свою так: “требую присяги и суда Божия; требую *поля* и единоборства.” Каждый мог выставить за себя бойца. Окольничий и Недельщик назначали место и время. Избирали любое оружие, кроме огнестрельного и лука; сражались обыкновенно в латах и в шлемах, копьями, секирами, мечами, на конях или пешие; иногда употреблялись и кинжалы. Пишут, что в Москве был славный, искусный и сильный боец, с которым уже никто не смел схватиться, но которого убил один Литвин. Иоанн оскорбился; хотел видеть победителя, взглянул гневно, плюнул на землю, и запретил судные поединки между своими и чужестранцами: ибо последние, зная превосходную силу Россиян, одолевали их всегда хитростью.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹*ИГР1 курсив в Примечаниях везде передан разрядкой

²*ИГР2П(8) В одном рукописном Сборнике XVI века находится послание В. К. Иоанна Вас. к Новгород. Архиеп. Ионе, в коем сказано: “Брат наш Казимер, Король Польский, и В. К. Литовский, еще к нашему отцу, а нынеча ко мне Послов своих не одиново присылал о том, чтобы есмь приняли к собе его Митрополита Григорья: ино, отче, ведомо тебе, тот Григорей отколе пришел, от кого поставлен? Пришел из Рима от Папы, а поставлен в Риме Григорьем Патриархом бывшим Цареградским, который повиновался Папе с осмаго собора; а сами ведаете, за колико лет разделилася Греческая Вера с Латынскою, и святыми Отцы заклято и утвержено, что с Латыною не совокуплятися... В сего (Григориево) место иный Патриарх в то время (был) на Цариграде; а он, будучи в чужей стране, в Риме, да поставил того Григорья, Сидорова ученика, в Митрополиты на всю Русь, и отец мой послал к Королю, чтобы еси, брат, того Григорья к собе не принимал на нашего отца на общаго, на Иону Митрополита, а новины бы еси не чинил, а наша бы еси старины не рушал... Ионе взыскание Митропольское наших прародителей, Вел. Князей Русских, и наше и до сех мест, а не В. Князей Литовских: кто будет нам

люб, тот будет у нас на всей Руси; а от Рима у нас Митрополиту не быти... А примешь, ино ты Церковь Божию разделяешь, а не мы. А Король паки тако принял его, и Церквей ему Руских поступился.... Князь Великий повествует: коли еси, наш богомолец, приезжал к нашему отцу и ко мне, и к Ионе Митрополиту на свое поставление, ино тебе о том гораздо и самому ведомо... и каков паки еси обет свой дал Ионе Митрополиту, что ти к тому Григорью не приступати... а опосле его живота Феодосию Митрополиту. Нынеча паки являем тебе: прислал ко мне изо Царяграда Иосиф Митрополит Кесария Филипповы грамоту свою, что поставлен у нас на Москве и у вас был... а являет нам о том Григорий... (что) он посылал до Царяграда Посла своего Мануила, ищучи себе благословения и подтверждения от Царяградскаго Патриарха, а хотячи быти у нас на Москве... да чтобы о нем Патриарх Посла своего послал до меня, да от того-дей много порекл злата и порт Патриарху... и в то-дей время Патриарх был, Симоном звали, над некоторым монастырем над убогим, а большие церкви Божии Соборные Турецкий Царь в мизгити починил, а которыя церкви оставил Патриарху, на тех крестов нет, ни звону у них нет: поют без звону; и тот-дей Симон человек разсудителен, да у того Посла Мануила поминков не принял, а благословения не дал, а отрек-дей ему так: *аз сам живу в убожестве, в Бесерменских руках, в чужей неволе, а наше ся уже православье изрушило:* и мы умыслили собе с своим отцем с Митрополитом, и с своею матерью, и с своею братьею... и со всем Священством, да того ми Посла Патриарша, ни Григорьева, и в землю свою впускати не велеть: не требую ни его благословения, ни его неблагословения; имеем того Патриарха чюжа и отречена... Тобе бы, нашему богомолцу, ведомо было... Которыми делы тот Посол Патриарш пойдет к тебе с тем посланием, или тот Григорей учнет ся подсылати, и ты б того гораздо ся оберегал и детей своих (Новгородцев) наказал, чтоб никоторому посланью Патриаршу, ни Григорьеву, не верили, ни поученья его, ни ложнаго благословения не требовали... и помнил бы еси, отче, свой обет” и проч. (Сообщено от Г. Строева). ^{3*-3*}ИГРІ [нет] ^{4*}ИГРІ на ИГРІО ни ^{5*}ИГРІ собрав. ИГРІО собрав, ^{6*}ИГРІ(9) [далее:] Между бумагами Кенигсбергскаго Архива, не давно мне доставленными, нашел я письмо Ливонскаго Магистра к Магистру Немецкаго Ордена (от 15 Авг. 1471 года), где сказано, что Новгородцы заключают с Орденом союз против неверных Псковитян и В. К. Московскаго. ^{7*}ИГРІ (иноземцы) ^{8*}ИГРІ сволочь. ^{9*}ИГРІ отци ИГРІО отца ^{10*}ИГРІ поганую ^{11*}ИГРІ Корыстыни ИГРІО Коростыни ^{12*}ИГРІ В о т ч и ч я ^{13*}ИГРІ фрязин ^{14*}ИГРІ Sixtum ^{15*-15*}ИГРІ “И мощи его (Св. Петра Митрополита)” ^{16*}. ^{16*-16*} ИГРІ [нет] ^{17*-17*}ИГРІ И ныне показывают ее за чудо. ^{18*}ИГРК И сей Истории Т. Х. примеч. 270. ^{19*-19*}ИГРІ (ш е с т н и к и, пришельцы)

ИГР1П Здесь слово ш е с т и к и употреблено в смысле К н я ж е с к и х л ю д е й. ^{20*}*ИГР1* Магистер ^{21*}*ИГР1* физически ^{22*-22*}*ИГР1* Лыков поехал из Москвы 9 Марта 1483, Ноздроватой 14 Марта 1484. ^{23*}*ИГР1* Данила, *ИГР1О* Данила ^{24*}*ИГР2П(8)* Из того же Сборника [рукописного XVI в. См. прибавл. к примеч. 35] выписано следующее: “Генадий, Архиеп. В. Новаграда и Пскова... Нифонту, Еписк. Суздальскому... Что есми послал Государю В.К. грамоты, да и Митрополиту, да и подлинник о Новгородских еретикех, а Прохору Епископу Сарскому о той же ереси, а тебя тогды на Москве не было, и о сем въспоминаю, чтобы еси посмотрел в Прохорову грамоту... Ныне, как продлилось то дело, обыск ему не крепок чинится... Уже ныне наругаются Христианству: вязут кресты на вóроны и на ворóны... ворон летает, а крест на нем вязан древян... а на ворóне крест медян; садятся на стерве и на калу... А здесе обретох икону у Спаса на Ильине улице, Преображение.. стоит Василий Кисарийский, да у Спаса руку да ногу отрезал; а на подписи написано: *обрезание Господа нашего, Иисуса Христа*. Да привели ко мне Попа да Диака, а они крестьянину дали крест телник: древо плакун, да на кресте вырезан сором... и Христианин-дей с тех мест (учал) сохнути, да немного болел, да умерл. А Диак сказывается племенник Гриде Ключу еретику, что в подлинник написан... И того толко не управит Государь, ино будет последняя леть горше первыя... А тому бы есте не верили, что ся они зовут Христиане: то они покрывають тем свою ересь” и проч. “Противень послан Нифонту, да Филофею Епископу Пермьскому в одни речи о еретицех с Семеном с Зезевитом лет 96 (1488) Генваря”. (Сообщено от Г. Строева). ^{25*}*ИГР1* нашему ^{26*}*ИГР1* веру ^{27*}*ИГР1* февраля ^{28*}*ИГР1* от *ИГР1О* у ^{29*-29*}*ИГР1* Сия монета или медаль весьма редка: она известна мне только по описанию древних чеканов Монетного двора. ^{30*}*ИГР2О* Государь, ^{31*}*ИГР1* Штокгольм ^{32*}*ИГР1* Мухаммедивичь ^{33*}*ИГР1* Епископью ^{34*}*ИГР2О* Телятевской ^{35*}*ИГР1* сожгли, ^{36*}*ИГР1* Пенка ^{37*-37*}*ИГР1* толке-де ^{38*}*ИГР1* Sye ^{39*}*ИГР1* [далее с указ. стр. тома:] стр. 198, [см. наст. изд. С. 128] ^{40*-40*}*ИГР1* примеч. 391. ^{41*-41*}*ИГР1* Там же стр. 168 [см. наст. изд. Т. 1. С. 124–125] ^{42*-42*}*ИГР1* См. Ordinationes à Ioanne Basilii Magno Duce, Anno mundi 7006 factae, в Гербершт. Comment. стр. 38, и для сравнения статьи 8, 9, 10, 11, 12, 33, 38, 56, 57, 59, и 61 в Судебнике издан. Башиловым. ^{43*-43*}*ИГР1* У Гербершт.: Quum fuerit in unum rublum condemnatus, solvat iudici altinos duos, Notario octo dengas; то есть, с рубля 2 алтына судье, а Дьяку 8 денег: следственно десятую долю иска (см. 8 статью С у д е б н. Башилов.). Сверх того за письменное определение в рублевом деле взыскивалось для судьи 9 денег, для Секретаря или Дьяка алтын, для писца или Подьячего 3 деньги: см. 33 ст. в С у д е б н и к е.

611 У Гербершт.: corpore autem iuxta delicti qualitatem puniatur. – Г о л о в н ы м и татями назывались те, которые крали людей. Гербершт. называет их *plagiarii*. Не знаю, что значит у него *Veston qui ambas partes praescriptis conditionibus ad duellum committit*. В С у д е б н и к е говорится здесь единственно о Недельщике. – В 13 ст. С у д е б. сказано, что стряпчим и п о р у ч н и к а м, свидетелям поединка, не должно иметь ни доспехов, ни дубин, ни ослопов: из сего несправедливо заключали, что и бойцы сражались у нас только ослопами и дубинами.

(Все это было написано и текст VI Тома уже отпечатан, когда я получил современный – но, кажется неполный – список Судебника В. К. Иоанна от нашего знаменитого, просвещенного Любителя Древностей, Государственного Канцлера, Графа Н.П. Румянцева. Сказанное мною в И с т о р и и остается истиною; то есть, что законы Иоанна III служат основанием законов Иоанна IV. Сей вновь найденный Судебник будет скоро издан: между тем сообщаю из оно-го выписку.

“Лето 7006, Септемврия, уложил К. В. Иван Васильевич всея Руси с детьми своими и с Бояры о судех, как судити Бояром и Окольниковичим... а на суде быти у Бояр и у Окольниковичих Диаком. От суда и от печалования не имати... також и посула. А судом не мстити, ни дружити никому.” Следуют статьи: 1) О п о л е в ы х п о ш л и н а х; 2) о т а т б е; 3) о т а т е х; 4) о п о л и ч н о м; 5) о т а т и н ы х р е ч е х; 6) о п р а в о й г р а м о т е; 7) о д о к л а д н о м с п и с к е; 8) о х о л о п ь е й о п р а в о й г р а м о т е; 9) о о т п у с т н о й г р а м о т е; 10) о н е п р а в о м с у д е; 11) о Н а м е с т н и ч е у к а з е; 12) о В. Князя суде; 13) о б е з с у д н о м с п и с к е; 14) о с р о ч н ы х б е з с у д н ы х; 15) о п р и с т а в н ы х; 16) у к а з о е з д у; 17) о н е д е л ь ш и к а х; 18) у к а з Н а м е с т н и к о м о с у д е х г о р о д с к и х; 19) о т а т е х у к а з; 20) о п р и с т а в е х; 21) о т о р г о в ц е х; 22) о п о с л у ш е с т в е; 23) о з а й м е х; 24) о х р и с т и а н с к о м (к р е с ь т ь я н с к о м) о т к а з е; 25) о ч ь ю ж е з е м ц е х; 26) о и з г о р о д а х; 27) о м е ж а х; 28) о з е м л я х с у д; 29) о п о л н о й г р а м о т е; 30) о п о с у л е х. Все сии установления находятся в Судебнике Царя И. В., с объяснениями и дополнениями, но п о ч т и б е з в с я к о й п е р е м е н ы, д а ж е и в д е н е ж н ы х п е н я х. З а м е т и м о д н а к о ж р а з н и ц у. И о а н н III г о в о р и т: “А п о б и ю т с я н а п о л е в з а е м н о м д е л е и л и в б о ю, и Б о я р и н у с Д и а к о м в з я т ь н а у б и т о м п р о т и в е н ь п р о т и в у и с с е в а, а О к о л ь н и ч е м у п о л т и н а, а Д и а к у ч е т в е р ь т ь.” И о а н н IV: “и О к о л ь н и ч е м у п о л т и н а, д а з а д о с п е х у б и т а г о 3 р у б л и, а Д ь я к у ч е т в е р ь т ь.” О Б о я р и н е и п р о т и в н е н и ч е г о н е с к а з а н о. Г д е в С у д е б н и к е И о а н н а III у п о т р е б л е н о с л о в о п о д ы м щ и к, т а м в С у д е б н и к е И о а н н а IV с т о и т п о д м е т ч и к. В п е р в о м: “а н а к о г о в з м о л в я т ь Д е т е й Б о я р с к ы х ч е л о в е к 5 и л и

б добрых или черных человек пять шесть по крестному целованию.” Во втором поставлено: “человек 10 или 15.” В первом: “А доведут на кого татбу, или разбой, или душегубство, или ябедничество, или иное какое лихое дело, и будет ведомой лихой, и Боярину того велети казнити смертною казнию, а исцево велети доправити из его статка; а что ся у статка останеть, ино то Боярину и Диаку... делити, Боярину 2 алтына, а Диаку 8 денег.” Во втором: “А что ся его статка за истцовым останет, и то отдати в прогоны.” – В IX Томе Истории мы предложим полную систему сего нашего древнего законодательства.)

⁶¹² Гербершт. Comment. стр. 39.

^{44*}ИГР1 Кашенский ^{45*}ИГР1 [далее с указ. стр. тома:] стр. 215.

^{46*}ИГР1 Ширвану ИГР10, ИГР20 Ширваншину ^{47*}ИГР1 Ширвайшебегу ^{48*}ИГР1 Ширвайшабег ^{49*-49*}ИГР1 напеч. более крупным шрифтом, нежели текст остальных примечаний ^{50*}ИГР1 Бушу (Браме) ^{51*}ИГР1 кузнеца, ^{52*}ИГР10 Заложиша ^{53*}ИГР1 Яколе ^{54*}ИГР1 они ^{55*-55*}ИГР1 ризы положение ^{56*}ИГР1 Волынци. –

КОММЕНТАРИИ К ТОМУ VI “ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО”

КОММЕНТИРОВАННЫЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ Н.М. КАРАМЗИНЫМ В “ПРИМЕЧАНИЯХ”*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ПРИНЯТЫХ В “КОММЕНТИРОВАННОМ СПИСКЕ”

АВПР	– Архив внешней политики России
БАН	– Библиотека Академии наук
ГИМ ОР	– Государственный Исторический музей. Отдел рукописей
ДДГ	– Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.
ДРВ	– Древняя Российская вивлиофика
ИРЛИ	– Институт русской литературы Академии наук
ЛОИИ	– Ленинградское отделение Института истории Академии наук
МАКИД	– Московский архив Коллегии иностранных дел
НБ МГУ	– Научная библиотека им. А.М. Горького Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
ОРИ иностр.	– шифр хранения библиотеки РГАДА
ОРК УОБ	– Отдел редких книг Ульяновской областной библиотеки
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГБ (бывш. ГБЛ)	– Российская государственная библиотека
РНБ (бывш. ГПБ)	– Российская национальная библиотека
РС	– Русская старина
Хронол. кат.	– Хронологический каталог Отдела редких книг Ульяновской областной библиотеки. Т. 1
ЦГИА г. Москвы	– Центральный государственный исторический архив г. Москвы

* О принципах составления см.: *Карамзин Н.М. История государства Российского*. М., 1989. Т. 1. С. 330–332; 1991. Т. 2–3. С. 658.

Раздел I**

РУКОПИСИ

1. Архангельский Летописец (Арханг. Лет.) см. II, № 3.

2. Архив. Дела Крымские... см. Дела Крымские.

3. Архив. Дела Ногайские... см. Дела Ногайские.

4. Архив. Киев. Лет. № 70 = РГАДА. Ф. 181. № 21/26.

Летопись, подаренная в Архив Коллегии иностранных дел А.Ф. Малиновским, на которую обращал внимание К.Ф. Калайдович (см.: Библиограф. 1889. № 4–5. С. 146–147).

5. Архив. Книга Поместного приказа = РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород. № 1, 2, 2а–2в.

Новгородские писцовые книги конца XV в.: Переписная оброчная книга Деревской пятины (ок. 1495 г.), Переписная оброчная книга Шелонской пятины (1498 г.).

6. Архив лет. = РГАДА. Ф. 181. № 11/12.

Летописец, содержащий известия с 1389 по 1560 г., по определению Карамзина, “подобный Никоновскому”, или свод 1560 г. в списке начала XVII в. Карамзин в других томах ссылался на этот источник и как на “Архивскую Летопись № 8”. (Летопись отождествлена Б.Н. Морозовым.)

7. Архив. Новгород. Лет. = РГАДА. Ф. 181. № 62/85.

Новгородская вторая летопись. Карамзин пользовался изготовленной для него копией (ОР РНБ. Q. IV. 213) со списка, подаренного А.Ф. Малиновским в 1811 г. в Архив Коллегии иностранных дел.

8. Архив. Псков. Лет. = РГАДА. Ф. 181. № 69/92.

Псковская летопись по списку, подаренному Н.Н. Бантыш-Каменским в 1791 г. в Московский архив Коллегии иностранных дел. Карамзин в ряде примечаний смешивал Архивскую Псковскую летопись Бантыш-Каменского с Псковской летописью, переданной в тот же архив в 1811 г. А.Ф. Малиновским (см.: Яковлева О.А. К истории псковских летописей // Зап. / НИИ при СМ Мордов. АССР. Саранск, 1946. Т. 6. С. 132–146; Она же. Одна источниковедческая ошибка Н.М. Карамзина в “Истории государства Российского”, не замеченная и повторенная нашими историками // Зап. / НИИ при СМ Мордов. АССР. Саранск, 1948. Т. 10. С. 218–228). В ссылках в других томах Карамзин называл также этот источник “Псковской летописью”.

9. Архив. Розрядная Книга = РГАДА. Ф. 181. № 100.

Карамзин также ссылался на эту книгу как на “Архивную Розрядную Книгу № 109”. Книга была взята Карамзиным из Архива

** Подготовлен В.Ю. Афиани, Р.Б. Казаковым, В.П. Козловым.

Коллегии иностранных дел для работы и находилась в его петербургском доме в 1820-е годы (см.: *Козлова Н.А., Козлов В.П.* Архивные разыскания Н.М. Карамзина // Советские архивы. 1977. № 3).

10. Архив. Ростов. Лет. = РГАДА. Ф. 181. № 20/25.

Летописный сборник XVII – начала XVIII в., содержащий так называемую Ростовскую летопись, подаренный Н.Н. Бантыш-Каменским в 1787 г. в Архив Коллегии иностранных дел. В ссылках в других томах Карамзин называет ее также “Ростовской Архивской летописью”, “Ростовской летописью”.

11. В Архиве Коллегии Иностранных Дел, под № 5, Книга Поместного Приказа см. № 5.

12. В Архиве столпцы Посольского Двора.

Ссылка Карамзина имеет общий характер.

13. В Синод. Библиот. книга в четверку под № 79, л. 31 – Не отождествлено.

14. В Синод. библиот., под № 529, Книга о древностях Рос. Государства, I, 327 = ГИМ. Синод. № 964.

Летописный сборник XVII – начала XVIII в., составленный дьяконом Афанасьевского (“Холопьего”) монастыря на Мологе Т. Каменевичем-Рвовским.

15. Ветхий Синод. Лет. № 365 = ГИМ. Синод. № 485.

Вологодско-Пермская летопись в сборнике середины XVI в. Карамзин ссылается на нее так же как на “Летопись Синодальной библиотеки”.

16. Воскресенская летопись, отысканная ГМ. Строевым (чиновником, служащим в Архиве Иностр. Кол.) см. II, № 9.

Список XVII в. этой летописи находился в собрании Карамзина (ОР РНБ. F. IV. 601).

17. Геннадиев Церковный Круг, список Карамзина. – Не отождествлено.

18. Грамота Геронтиева к Иоанну... в Послании Рос. Митрополитов (Синод. Библиот. № 164, л. 254) см. № 44.

19. Грамота находится в библиотеке Волоколам. монастыря, в книге под № 666, л. 167 = ОР РНБ. Q. XVII. 50.

Грамота февраля 1488 г. великого князя Ивана III и митрополита Геронтия архиепископу новгородскому Геннадию. Находится в собрании Ф. Толстого (отд. II, № 341).

20. Грамота Феодосиева к Новгородцам... (Синод. библиот. № 164, л. 40) см. Послание Рос. Митрополитов см. № 44.

21. Дела Крымские в Архиве Иностран. Коллегии... № 1, 2 = РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1–2.

22. Дела Ногайск. = РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1.

23. Дела Польск. ... № 1, 2 (Дела Польск. Двора) = РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1–2.

24. Дела Цесарские... № 1 (Дела Цесарского Двора) = РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1.

25. Древнейшая из Разрядных Книг, мне известных, начинается с 6979 или 1471 года. – Не отождествлено.

Возможно имеется в виду список разрядной книги, начинающийся с 1471 г. и находящийся ныне в ОР РНБ (Эрм. № 389). См.: *Буганов В.И.* Разрядные книги последней четверти XV – начала XVII в. М., 1962.

26. Записки [Афанасия Никитина] = ОР РГБ. Ф. 178 (Музейное собр.). № 8665.

“Хождение за три моря” Афанасия Никитина в сборнике конца XV – начала XVI в. из Троице-Сергиева монастыря, так называемый Троицкий список. Сборник, который Карамзин называет “летопись в четверку старинного письма”, был им обнаружен в библиотеке монастыря.

27. Иосиф Волоцкий. Книга о ереси (Иосиф Волоцкий в своей книге о ереси, книга Св. Иосифа Волоцкого в Синод. библиотеке под № 334) – Не отождествлено.

28. Казан. Лет. = ОР РНБ. Ф. IV. 858.

Список летописца принадлежал Карамзину.

29. Книга Св. Иосифа Волоцкого в Синод. библиотеке под № 334 (Иосиф Волоцкий в своей книге о ереси, книга Иосифа) см. № 27.

30. Кормчая Книга = ГИМ. Синод. № 132.

Пергаменный список Синодальной (“Новгородской” или “Клементовской”) Кормчей книги 1280-х годов, содержащей ряд источников, использованных Карамзиным.

31. Крым. Дела см. Дела Крымские.

32. Между бумагами Кенигсбергского архива, не давно мне доставленными, нашел я письмо Ливонского Магистра к Магистру Немецкого Ордена (от 15 Авг. 1471 года). – Не разыскано.

Речь идет о документах Кенигсбергского архива, скопированных в 1808–1816 гг. Экспедицией прибалтийского дворянства под руководством ландрата В.Ф. Унгерн-Штернберга. В 1812 г. по ходатайству Карамзина и министра внутренних дел О.П. Козодавлева русское правительство выделило на эту работу ежегодное пособие в одну тысячу рублей. Часть копий после этого стала поступать к Козодавлеву и Карамзину. 21 апреля 1814 г. Карамзин писал А.Ф. Малиновскому: “...копии исторических и политических актов, касающихся до древней Лифляндии, в числе ста пятидесяти, мною получены от господина министра внутренних дел и будут представлены в Архив Иностранной Коллегии для сохранения, как скоро я извлеку из оных все нужное для сочинения Российской истории” (РГАДА. Ф. 180. Оп. 1. Д. 90. Л. 147). Как можно понять из письма Малиновскому И. Вей-

демейера от 15 февраля 1815 г., Карамзин в начале 1815 г. передал в Московский архив Коллегии иностранных дел по описи 334 “списка с источников и дипломатических актов, касающихся до древней Лифляндии” (одного из них, под № 290, как объяснил позже Карамзин, среди присланных к нему материалов не было) (РГАДА. Ф. 180. Оп. 1. Д. 91. Л. 124–125). 8 декабря 1820 г. новый министр внутренних дел В.П. Кочубей сообщил историку, что после смерти Козодавлева в делах министерства обнаружены 603 копии документов Кенигсбергского архива. Карамзин ответил, что “некоторые из них уже были в моих руках”, но попросил направить их к нему. 12 декабря 1822 г. историограф вернул эти копии Кочубею: три портфеля, включающих 505 копий, поступили затем в Московский архив Коллегии иностранных дел (см.: Северная Пчела. 1863. № 82, 83). В настоящее время среди копий Кенигсбергского архива (РГАДА. Ф. 147) материалы, использованные Карамзиным, не обнаружены.

33. Между моими Кенигсбергскими бумагами № 702 письмо Магистра Ливонского к Вел. Магистру Прусскому... *см.* № 32.

34. Между моими Кенигсберг. бумагами № 717 *см.* № 32.

35. Мои Кенигсб. бумаги, № 721 *см.* № 32.

36. Москов. Лет. (в Синодальной книге под титулом: 1) О древностях Рос. Государства, т. 1, л. 193 на обор.) *см.* № 14.

37. Одно из древнейших, описанных Европейских путешествий в Индию, принадлежит России Иоаннова века *см.* № 26.

38. Отношения Ливонского Магистра 1492 и 1493 годов к Немецкому Ордену, № 728 и 729... между моими Кенигсбергскими бумагами *см.* № 32.

39. Отписная Феофилова грамота... в Послании рос. Митрополитов (Синод. библиот. № 164, л. 191) *см.* № 44.

40. Переписная Книга Архива Посольских Дел... означена тетрадка, а в ней писано, как стеречи внука... = РГАДА. Ф. 138. № 1.

41. Письмо Митрополита Симона от 22 Авг. к слуге Вел. К., Князю Матвею Михайловичу Пермскому и ко всем Пермичам... (в Синод. Библиот. № 164, л. 219) *см.* № 44.

42. Письмо под № 701 между моими Кенигсбергскими бумагами *см.* № 32.

43. Покаяние Феодосия *см.* № 44.

44. Послание Рос. Митрополитов... (Синод. Библиот. № 164) = ГИМ. Синод. № 562.

Сборник XVI в. грамот митрополитов. Карамзин использовал “Грамоту Геронтиеу к Иоанну”, “Грамоту Феодосиеву к Новгородцам”, “Отписную Феофилову грамоту”, “Письмо Митрополита Симона от 22 Авг...”, “Покаяние Феодосия”.

45. Предисловие Новгородск. Архиепископа Геннадия к Церковному Кругу *см.* Архив. Псков. Лет. *см.* № 8.

46. Псков. Лет. см. № 8.

47. Псков. Лет. Графа Толстого = ОР РНБ. F. IV. 603.

“Толстовский”, или “Карамзинский”, список летописи из собрания графа Ф.А. Толстого.

48. Пушкинское собрание Двинских грамот = ОР РНБ. F. IV. 335.

Сборник копий новгородских и двинских грамот конца XVIII в. по списку конца XV – начала XVI в. из коллекции графа А.И. Мусина-Пушкина. Сборник остался у Карамзина и в 1866 г. поступил от его наследников в имп. Публичную библиотеку.

49. Пять грамот находятся в Пушкинском собрании Двинских грамот см. № 48.

[Грамота] 1. Лета 79, Августа 11, новая докончальная Великому Князю с Новымгородом на Шолоне, да и приписная грамота.

[Грамота] 2. “А се за то ялися послове от В. Новагорода к Великому Князю Ивану Васильевичу всея Руси и к его сыну, В.К. Ивану Ивановичу всея Руси, по Новгородскому слову и по Новгородской грамоте... лета 79, Августа в 11 день”.

[Грамота] 3. О деньгах. “...лета 79, Августа 9”.

[Грамота] 4. О землях.

[Грамота] пятая о суде уже сообщена... (т. V, стр. 388) = см. также наст. изд. Т. V. С. 391–394.

Новгородская судная грамота 1471 г.

50. Разрядная книга Бекетова = РГАДА. Ф. 181. № 84.

Список книги, подаренный П.П. Бекетовым в Архив Коллегии иностранных дел.

51. Разрядные книги. – Не отождествлено.

Известно, что Карамзин использовал различные списки разрядных книг, в том числе находящиеся в его собрании. См.: Буганов В.И. Разрядные книги последней четверти XV – начала XVII в. М., 1962.

52. Родословн. Книги (Синод. Библиот. № 461, л. 176) = ГИМ. Синод. № 583.

“Родословная велико-российского государства, писанная в Ярославле в 1668 г.”, впервые в литературе была широко использована Карамзиным.

53. Ростов. Лет. см. № 10.

54. Рукописный Сборник XVI века... послание В.К. Иоанна Вас. к Новгород. Архиеп. Ионе. – Не отождествлено.

55. Синод. Лет. № 110. – Не отождествлено.

56. Синод. Лет. в четверку, № 365 см. № 15.

57. Синод. Лет. Новог. в лист, № 46 = ГИМ. Синод. № 152.

Новгородская IV летопись.

58. Синод. Новгород. Лет. № 46 (Синод. Новгородск.) см. № 57.

59. Синод. Псков. лет. = ГИМ. Синод. № 154.

Летописный сборник, содержащий извлечения из Свода 1448 г., Новгородскую летопись типа “Летописи Авраамки” и Псковскую вторую летопись.

60. Список донесения... прислан ко мне из Кенигсбергского Архива, г. 1480, № 700 см. № 32.

61. Список с докончальные, что были написали себе Новгородци с Королем лета семдесят девятого см. также Пушкинское собрание Двинских грамот см. № 48.

62. Список [с подлинного договора о мире между Россией и Литвою 1494 г.] = РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1.

63. Степен. Кн. см. II, № 87.

64. Стриковский (Стриков. Литовская Хроника, Стриков. Хрон.) = ОРК УОБ, № 8.

“Хроника Польская, Литовская, Жмудская и всей Руси” Матвея Стрыйковского (Strykowski M., ок. 1547 – после 1582) в переводе 1688 г. по списку из коллекции Карамзина. Передана в 1867 г. В.Н. Карамзиным в Симбирскую общественную библиотеку (Хронол. кат. № 4654).

65. Судебник, изданный Башиловым см. II, № 89.

Раздел II*

ПЕЧАТНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Абульгази. Hist. des Tat.=*Abul-Ghazi Bahadur Khān (1603–1663). Histoire généalogique des Tatars / Traduite du manuscrit tartare d’Abul-Gasi-Bayadur-Chan ...* – Leiden: Kallewier, 1726.

Русский перевод осуществлен В.К. Тредиаковским в 1768 г.

2. Арнт. Liefländ. Chr. = *Arndt, Johann Gottfried (1713–1767). Der Lieflandischen Chronik Erster [–Andrer] Theil ...* – Halle: J.J. Gebauer, 1747–1753. – 2 Th.

Th. 2: *Von Liefland unter seinen Herren Meistern, welche die alte Geschichte des Ordens und der benachbarten Volker erleutert / Sowol mit Zuziehung der gedruckten und ungedruckten Schriftsteller ... zusammengetragen ... beschreiben worden von Johann Gottfried Arndt ...*

Экземпляр из библиотеки МАКИД с многочисленными пометами Карамзина периода работы над “Историей...” хранится в РГАДА (ОРИ иностр. № 18198).

3. Архангельский летописец = Летописец содержащий в себе российскую историю от 6360/852 до 7106/1598 года. Т.е. по кончину

* Подготовлен М.И. Афанасьевой и Г.А. Космолинской.

царя и великаго князя Феодора Иоанновича. – М.: Московская тип., 1781.

Устюжский летописный свод, составленный в начале XVI в. В основе издания – “архангелогородский список” кон. XVII – нач. XVIII вв. (ЛОИИ архив. Кол. 115, № 148 (806); варианты разночтения даны по списку нач. XVII в. (ГИМ ОР Синод. № 965), находившемуся у Карамзина.

4. Архив. лет. см. I, № 7.

5. Баер. Origin. Russ. = Bayer, Gottlieb Siegfried (1694–1738). Origines Russicae / Auctore T.S. Bayer // Commentarii Academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae. – СПб., 1741. – Т. 8. – P. 388–436.

6. Бержерон. Путешествие Карпина = *Giovanni da Pian del Carpine* (–1252). Relation du voyage de Jean du Plan Carpin, en Tartarie // Bergeron P. Voyages faits principalement en Asie... – La Haye, 1735. – Т. 1. – P. 1–68: ill.

Числится по описи книг, переданных в 1867 г. наследниками Карамзина в Симбирскую общественную библиотеку (Хронол. кат., № 4684).

7. Бержерон. Путешествие Рубруквиса = *Ruysbroeck, Willem van* (XIII s.). Voyage remarquable, de Guillaume de Rubruquis, envoie en ambassade par le roi Louis IX en differentes parties de l'Orient: principalement, en Tartarie et a la Chine, l'an ... 1253 ... / Ecrit par l'ambassadeur même; ... Traduit de l'anglois par ... de Bergeron ... // Bergeron P. Voyages faits principalement en Asie ... – La Haye, 1735. – Т. 1. – P. 1–149: 1 f. cart.

Числится по описи книг, переданных в 1867 г. наследниками Карамзина в Симбирскую общественную библиотеку (Хронол. кат., № 4684).

8. Больш. Чертеж = Книга Большому чертежу или Древняя карта Российского государства: Поновленная в Розряде и списанная в книгу 1627 года. – [2-е изд. / Подгот. к печ. при участии А.И. Мусина-Пушкина]. – СПб.: Тип. Горнаго училища, 1792.

Публикация памятника XVII в. по утраченному ныне списку, восходящему к основной редакции. Экземпляр этого издания с пометами Карамзина периода работы над “Историей...” передан его наследниками в 1867 г. в Симбирскую общественную библиотеку; хранится в ОРК УОБ (№ 148).

9. Воскресенск. лет. II = Русская летопись с Воскресенского списка, подареннаго в оной Воскресенской монастырь патриархом Никоном в 1658 году / [Изд. под наблюдением С.К. Котельникова]. – СПб.: При Императорской Академии наук, 1793–1794. – 2 ч.

Первая публикация Воскресенской летописи по Воскресенскому списку (БАН, 34.5.24). Экземпляр издания с пометами Карамзина периода работы над “Историей...” хранится в РГБ (инв. № 12590).

10. Временник см. № 70.

11. Гадебуш *Liefl. Jahrb.* т. I = *Gadebusch, Friedrich Konrad (1719–1788). Livlandische Jahrbucher ... von 1030 bis [1761] ... / Von Friedrich Konrad Gadebusch.* – Riga: Hartknoch, 1780. – 4 Th.

Числится по описи книг, переданных в 1867 г. наследниками Карамзина в Симбирскую общественную библиотеку (Хронол. кат., № 4670).

12. Гадебуш. Th. I. Abschn. II см. № 11.

13. Геннадий. Церковный круг см. I, № 17.

14. Герберштейн. *Reg. Moscov. Comment.* = *Herberstein, Siegmund von (1486–1556). Rerum Moscoviticarum commentarii / Sigismundo ... Herberstein ... autore // Rerum Moscoviticarum auctores varii ...* – Frankfurt a. M., 1600. – P. 1–117: 3 f. chart.

Карамзин в дальнейшем (т. VII) использует также Базельское издание сочинения З. Герберштейна 1567 г. в немецком переводе; числится по описи библиотеки Карамзина, составленной в 1834 г. К.С. Сербиновичем (№ 20).

15. Далин. *Gesch. des R. Schwed.* II = *Dalin, Olof van (1708–1763). Geschichte des Reichs Schweden / Aus dem Schwedischen übersetzt durch J. Benzelstierna und J.R. Dahnert ...* – Greifswald: Struck, 1756–1763. – 4 Th.

Экземпляр из библиотеки МАКИД с многочисленными пометами Карамзина периода работы над “Историей...” хранится в РГА-ДА (ОРИ иностр. № 15771–15773).

16. Длугош. *Hist. Polon.* = *Dlugosz, Jan (1415–1480). Joannis Dlugossii ... Historiae Polonicae. [tomus I–II]. [Accedunt ... Vicentii Kadlubkonis Historia Polonica ... Stanislai Samicii Annales ... Stanislai Orichovii ... Annales Polonici ... Illustrium virorum Epistolae ... Stanislai Samicii Descriptio veteris et novae Poloniae, itemque Russiae et Livoniae] ...* – Frankfurt a. M.; Leipzig: Gleditsch et Weidmann, 1711–1712. – 2 t.

Экземпляр с многочисленными пометами Карамзина периода работы над “Историей...” передан в 1867 г. наследниками в библиотеку Московского университета; хранится в НБ МГУ (инв. № и:69716, и:69717).

17. [Древняя] Рос. вивлиоф. II, 51 = Две договорные взаимные грамоты великаго князя Иоанна Васильевича и сына его князя Иоанна Иоанновича с братом князем Борисом Васильевичем Волоцким // Древняя российская вивлиофика ... / Изданная Николаем Новиковым. – М.: Тип. Комп. типографич., 1788. – Ч. 2. – С. 50–55. – № 75–76.

1473 г. февраля 13. – Договорные (докончальные) грамоты вел. кн. московского Ивана III Васильевича и его сына вел. кн. Ивана Ивановича с их братом и дядей кн. волоцким Борисом Васильевичем (ДДГ № 69/1). Экземпляр издания с многочисленными пометами Карамзина периода работы над “Историей...” в настоящее время хранится в библиотеке ИРЛИ (шифр: 49 6/1).

18. [Древняя] Рос. вивлиоф. II, 73 = Две договорные взаимные грамоты великого князя Иоанна Васильевича и сына его великого князя Иоанна Иоанновича, с братом князем Андреем Углицким // [Там же]. – Ч. 2. – С. 71–82. – № 79–80.

1473 г. сентября 14. – Договорные (докончальные) грамоты вел. кн. Ивана III Васильевича и его сына вел. кн. Ивана Ивановича с их братом и дядей кн. углицким Андреем Васильевичем Большим (ДДГ № 70/1). Экземпляр издания с многочисленными пометами Карамзина периода работы над “Историей...” в настоящее время хранится в библиотеке ИРЛИ (шифр: 49 6/1).

19. [Древняя] Рос. вивлиоф. II, 86 = Договорная взаимная грамота Великого князя Иоанна Васильевича, сына его Великого князя Иоанна Иоанновича, с братом их князь Андреем Углицким // [Там же]. – Ч. 2. – С. 82–88. – № 81.

1473 г. сентября 14. – Договорные (докончальные) грамоты вел. кн. московского Ивана III Васильевича и его сына вел. кн. Ивана Ивановича с их братом и дядей кн. углицким Андреем Васильевичем Большим (ДДГ № 70/II). Экземпляр издания с многочисленными пометами Карамзина периода работы над “Историей...” в настоящее время хранится в библиотеке ИРЛИ (шифр: 49 6/1).

20. Древ. Рос. вивлиоф. II, 94–96 = Запись клятвенная князя Даниила Дмитриевича Холмского, данная государю великому князю Иоанну Васильевичу, о верности его службы // [Там же]. – Ч. 2. – С. 94–96. – № 83.

1474 г. марта 8. – Крестоцеловальная запись боярина кн. Даниила Дмитриевича Холмского вел. кн. московскому Ивану III Васильевичу на верность. Экземпляр издания с многочисленными пометами Карамзина периода работы над “Историей...” в настоящее время хранится в библиотеке ИРЛИ (шифр: 49 6/1).

21. [Древняя] Рос. вивлиоф. II, 106 = Договорная взаимная грамота Великого князя Иоанна Васильевича и сына его Великого князя Иоанна Иоанновича с братом их князем Борисом Васильевичем Волоцким // [Там же]. – Ч. 2. – С. 102–108. – № 86.

1481 г. февраля 2. – Договорные (докончальные) грамоты вел. кн. московского Ивана III Васильевича и его сына вел. кн. Ивана Ивановича с их братом и дядей кн. волоцким Борисом Васильевичем (ДДГ № 73/II). Экземпляр издания с многочисленными пометами Карамзина периода работы над “Историей...” в настоящее время хранится в библиотеке ИРЛИ (шифр: 49 6/1).

22. [Древняя]. Рос. вивлиоф. II, 124 = Договорная взаимная грамота Великого князя Иоанна Васильевича и сына его Великого князя Иоанна Иоанновича с братом их князем Андреем Васильевичем Можайским // [Там же]. – Ч. 2. – С. 119–125. – № 89.

1481 г. февраля 2. – Договорные (докончальные) грамоты вел.

кн. московского Ивана III Васильевича и его сына вел. кн. Ивана Ивановича с их братом и дядей кн. углицким Андреем Васильевичем Большим (ДДГ № 72/II). Экземпляр издания с многочисленными пометами Карамзина периода работы над “Историей...” в настоящее время хранится в библиотеке ИРЛИ (шифр: 49 6/1).

23. [Древняя] Рос. вивлиоф. II, 102–146 = Имеются в виду Договорные (докончальные) грамоты вел. кн. московского Ивана III Васильевича и его сына вел. кн. Ивана Ивановича с кн. углицким Андреем Васильевичем Большим и кн. волоцким Борисом Васильевичем, опубликованные Н.И. Новиковым в “Древней российской вивлиофике” (М., 1788. Ч. 2. С. 102–146. № 86–92); см., например, № 21, 22.

24. [Древняя] Рос. вивлиоф. II, 146 = Духовная грамота князя Андрея Васильевича Меньшого // [Там же]. – Ч. 2. – С. 146–150. – № 93.

[1481 г. не позднее марта]. – Духовная грамота кн. вологодского Андрея Васильевича Меньшого, младшего сына вел. кн. московского Василия II Васильевича (ДДГ № 74). Экземпляр издания с многочисленными пометами Карамзина периода работы над “Историей...” в настоящее время хранится в библиотеке ИРЛИ (шифр: 49 6/1).

25. [Древняя] Рос. вивлиоф. II, 202 = Договорная взаимная грамота великого князя Иоанна Васильевича, сына его и братьев с великим князем тверским Михайлом Борисовичем и братом его // [Там же]. – Ч. 2. – С. 202–211. – № 101.

[1484–1485 гг.]. – Договорные (докончальные) грамоты вел. кн. московского Ивана III Васильевича, князей – углицкого Андрея Васильевича Большого, волоцкого Бориса Васильевича, верейского и белозерского Михаила Андреевича с вел. кн. тверским Михайлом Борисовичем (ДДГ № 79). Экземпляр издания с многочисленными пометами Карамзина периода работы над “Историей...” в настоящее время хранится в библиотеке ИРЛИ (шифр: 49 6/1).

26. Древ. Рос. вивлиоф. т. II, 230 = Договорная взаимная грамота князя Иоанна Васильевича и сына его великого князя Иоанна Иоанновича с братом своим князем Борисом Васильевичем // [Там же]. – Ч. 2. – С. 230–238. – № 105.

1486 г. августа 20. – Договорные (докончальные) грамоты вел. кн. московского Ивана III Васильевича и его сына вел. кн. Ивана Ивановича с их братом и дядей кн. волоцким Борисом Васильевичем (ДДГ № 81). Экземпляр издания с многочисленными пометами Карамзина периода работы над “Историей...” в настоящее время хранится в библиотеке ИРЛИ (шифр: 49 6/1).

27. [Древняя] Рос. вивлиоф. т. II, 286 = Запись великаго князя Иоанна Васильевича, данная племянникам его князь Федору и князь

Иоанну Борисовичам волоцким // [Там же]. – Ч. 2. – С. 286–294. – № 111.

1497 г. июля. – Жалованная меновная и отводная грамота вел. кн. московского Ивана III Васильевича его племянникам князьям волоцким Федору и Ивану Борисовичам на волости Буйгород и Колпь в Волоцком и Тверском уездах, промененные на их села и деревни во Владимирском, Вологодском, Дмитровском, Коломенском, Костромском, Московском, Переяславском и Юрьев-Польском уездах (ДДГ № 85). Экземпляр издания с многочисленными пометами Карамзина периода работы над “Историей...” в настоящее время хранится в библиотеке ИРЛИ (шифр: 49 6/1).

28. [Древняя] Рос. вивлиоф. т. II, 294 = Духовная грамота князь Иоанна Борисовича Волоцкого // [Там же]. – Ч. 2. – С. 294–300. – № 112.

[Около 1503 г. ноября]. – Духовная грамота кн. Юлианы (Иулианы), вдовы кн. волоцкого Бориса Васильевича (ДДГ № 87). Экземпляр издания с многочисленными пометами Карамзина периода работы над “Историей...” в настоящее время хранится в библиотеке ИРЛИ (шифр: 49 6/1).

29. [Древняя] Рос. вивлиоф. т. II, 300 = Две Договорные взаимные грамоты детей великого князя Иоанна Васильевича, Василья и Юрья Иоанновичей // [Там же]. – Ч. 2. – С. 300–309. – № 113–114.

1504 г. июня 16. – Договорные (докончальные) грамоты вел. кн. Василия Ивановича с его братом кн. Юрием Ивановичем (ДДГ № 90/II). Экземпляр издания с многочисленными пометами Карамзина периода работы над “Историей...” в настоящее время хранится в библиотеке ИРЛИ (шифр: 49 6/1).

30. [Древняя] Рос. вивлиоф. т. II, 408 = Духовная грамота великого князя Иоанна Васильевича о разделе имения его // [Там же]. – Ч. 2. – С. 408–434. – № 123.

[1504 г. ранее июня 16]. – Духовная грамота вел. кн. московского Ивана III Васильевича (ДДГ № 89). Экземпляр издания с многочисленными пометами Карамзина периода работы над “Историей...” в настоящее время хранится в библиотеке ИРЛИ (шифр: 49 6/1).

31. Древ. Рос. вивлиоф. Духовное завещ. Иоанна см. № 30.

32. Древ. Рос. вивлиоф. т. XIII = Свадьба князя Василия Даниловича Холмского // Древняя российская вивлиофика... / Изданная Николаем Новиковым. – М.: Тип. Комп. типографич., 1790. – Ч. 13. – С. 1–5. – № 1.

1500 г. [?]. – Дело о бракосочетании вел. княжны Феодосии Ивановны, дочери вел. кн. Ивана III Васильевича с кн. Василием Даниловичем Холмским. Экземпляр издания с многочисленными пометами Карамзина периода работы над “Историей...” в настоящее время хранится в библиотеке ИРЛИ (шифр: 49 6/1).

33. Древ. Рос. вивлиоф. XIV, 1–21 = Отпуск великия княжны Елены Ивановны, дочери государя великаго князя Ивана Васильевича, всея России самодержца, в супружество за великаго князя Александра Литовскаго. 1495 г. // Древняя российская вивлиофика... / Изданная Николаем Новиковым. – М.: Тип. Комп. типографич., 1790. – Ч. 14. – С. 1–21.

1495 г. января 15. – Дело об отпуске из Москвы в Литву вел. княжны Елены Ивановны, дочери вел. кн. Ивана III Васильевича, выдаваемой замуж за вел. кн. литовского Александра Казимировича. Экземпляр издания с многочисленными пометами Карамзина периода работы над “Историей...” в настоящее время хранится в библиотеке ИРЛИ (шифр: 49 6/1).

34. [Древняя] Рос. вивлиоф. XIV, 128 = Грамматы и другия бумаги, найденныя в библиотеке Иосифова монастыря: Грешнаго инока Иосифа сказание о новоявившейся ереси новгородских еретиков и отступников, Алексея протопопа и Дениса, Осипа и Федора Курицына... // [Там же]. – Ч. 14. – С. 128–147. – № 2.

“Сказание о новоявившейся ереси новгородских еретиков” – вступительная часть так называемого “Просветителя” Иосифа Волоцкого – опубликовано Н.И. Новиковым по неизвестному списку, поздней редакции с пропусками нескольких мест (см.: Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси. М.; Л., 1955, с. 439). Экземпляр издания с многочисленными пометами Карамзина периода работы над “Историей...” в настоящее время хранится в библиотеке ИРЛИ (шифр: 49 6/1).

35. [Древняя Российская] вивлиоф. XIV, 203 (письмо Новгород архиеп. Геннадия к святителям Рос.) = Грамматы и другия бумаги, найденныя в библиотеке Иосифова монастыря: Грамота игумена Иосифа к Васьяну епископу Ростовскому и Ярославскому, к Нифонту епископу Суздальскому и Торускому, к Васьяну епископу Тверскому и к прочим епископам о оставлении своая ради немощи митрополитом Зосимою стола Руския митрополии // [Там же]. – Ч. 14. – С. 203–204. – № 10.

36. Древ. Рос. вивлиоф. XIV, 206 = Грамматы и другия бумаги, найденныя в библиотеке Иосифова монастыря: О вдовых попех // [Там же]. – Ч. 14. – С. 206–210. – № 12.

1503 г. – Сочинение Иосифа Волоцкого “О вдовых попех”, вошедшее позднее в Стоглав (гл. 79).

37. Древ. Рос. вивлиоф. XIV, 235 (письмо Геронтиево к Геннадию) = Грамматы и другия бумаги, найденныя в библиотеке Иосифова монастыря: Грамота Геронтия митрополита всея России к Геннадию Архиепископу Великаго Новагорода и Пскова о явившихся в Новегороде ересях // [Там же]. – Ч. 14. – С. 235–237. – № 19.

Февраль 1488 г. – Грамота митрополита московского Геронтия

архиепископу Геннадию новгородскому. Опубликовано Н.И. Новиковым по списку XVI в. из библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря (ГИМ ОР. Епарх. 677). Экземпляр издания с многочисленными пометами Карамзина периода работы над “Историей...” в настоящее время хранится в библиотеке ИРЛИ (шифр: 49 6/1).

38. Древ. Рос. вивлиоф. XIV, 271 = Грамматы и другия бумаги, найденныя в библиотеке Иосифова монастыря: Послание патриарха Иоакима Иерусалимского Геронтию митрополиту // [Там же]. – Ч. 14. – С. 271–272. – № 34.

1480 г. – Послание патриарха иерусалимского Иоакима к московскому митрополиту Геронтию через куща Григория Русина. Опубликовано Н.И. Новиковым по списку XVI в. из библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря (ГИМ ОР. Епарх. 677). Экземпляр издания с многочисленными пометами Карамзина периода работы над “Историей...” в настоящее время хранится в библиотеке ИРЛИ (шифр: 49 6/1).

39. Древ. Рос. вивлиоф. XIV, 285, 287 (архиеп. Новгород. Геннадий в письме к митрополиту Зосиме) = Грамматы и другия бумаги, найденныя в библиотеке Иосифова монастыря: Грамота без начала и безъименная повольная на избрание митрополита и известительная о еретиках новгородских // [Там же]. – Ч. 14. – С. 278–290. – № 38.

[1490 г.?]. – Грамота архиепископа Новгорода и Пскова Геннадия к митрополиту Зосиме о новгородской ереси. Опубликовано Н.И. Новиковым по списку XVI в. из библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря (ГИМ ОР. Епарх. 677). Экземпляр издания с многочисленными пометами Карамзина периода работы над “Историей...” в настоящее время хранится в библиотеке ИРЛИ (шифр: 49 6/1).

40. Духовное завещание Иоанна (Собр. г. г.) см. № 83.

41. Дю-Канж. *Histor. Byzant.* стр. 247 = *Du Cange, Charles Du Fresne (1610–1688). Historia Byzantina duplici commentarlo illustrata: Prior Familias ac stemmata imperatorum Constantinopolitanorum ... complectitur; alter Descriptionem urbis Constantinopolitanae, qualiter extitit sub imperatoribus christianis ...* – Paris; Billaine, 1680. 2 ps.

Экземпляр из библиотеки Санкт-Петербургской Императорской Академии наук был послан Н.М. Карамзину 26 мая 1805 г. через канцелярию Московского университета (ЦГИА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 11. Д. 2. № 263). Числится также по описи библиотеки Карамзина, составленной в 1834 г. К.С. Сербиновичем (№ 5).

42. Дю-Канж. *Роспись Палеологов* см. № 41.

43. *Жизнь царя Иоанна Васильевича* см. № 105.

44. *Житие св. Зосимы в Минеях*. – Имеется в виду “Житие Зосимы и Савватия соловецких” – памятник древнерусской литературы,

созданный на рубеже XV–XVI вв. и претерпевший в дальнейшем ряд литературных переработок; содержится в Минее-четье (17 апреля).

45. Иовий, Павел. Описание древней Москвы = *Giovio, Paolo (1483–1552). Pauli Jovii ... De legatione Basilii Magni principis Moscoviae ad Clementem VII. pontificem max. liber: In quo situs regionis, ... religio gentis, mores, & causae legationis ... referuntur ... // Rerum Moscoviticarum auctores varii ... – Francofurti, 1600. – P. 118–130.*

По описи библиотеки Карамзина, составленной в 1834 г. К.С. Сербиновичем (№ 22), числится также издание немецкого перевода этого сочинения (Frankfurt, 1576).

46. Иосиф Волоцкий в своей книге о ереси см. I, № 27.

47. История Казанская см. I, № 28.

48. История Рос. иерархии т. II = *Амвросий (Орнатский, Андрей Антипович, 1778–1827). История Российской иерархии / Собранный... иеромонахом Амвросием. – М.: Синодальная тип., 1807 – 1815. – 6 ч.*

Числится по описи библиотеки Карамзина, составленной в 1834 г. К.С. Сербиновичем (№ 110). Экземпляр т. I с многочисленными пометами Карамзина периода работы над “Историей...” хранится в РНБ (18.62.5.20).

49. Казанская история (Казанск. лет.) см. I, № 28.

50. Кантемир. История Оттоманской империи. – Имеется в виду сочинение князя Дмитрия Константиновича Кантемира (1673/1674–1723) “История образования и падения Оттоманской империи”, написанное по-латыни и впервые изданное в 1734–1735 гг. на английском языке. Впоследствии вышли французский (1743) и немецкий (1745) переводы. Ссылки Карамзина (т. VI, примеч. 128, 540) не дают оснований для отождествления издания.

51. Келер. Ганзейская Хроника = *Kohler, Anton (XVIII s.). D. Anton Kohlers... Hinterlassene nachrichten von der teutschen Hansa. // Willebrand J.P. Hansische chronick, : Aus beglaubten nachrichten zusammen getragen ... – Lubeck, 1748. – Pt. 2. – P. 187–294.*

Источник цитируется Карамзиным по изд. “Лифляндской хроники” Ф.К. Гадебуша (см. № 11), г. 1489, стр. 254.

52. Кельх = *Kelch, Christian (1657–1710). Lieflandische. Historia, oder Kurtze Beschreibung der Denckwurdigsten Kriegs und Friedens - Geschichte Esth - Lief und Lettlandes ... biss auff 1690 Jahr ... / Zusammen getragen ... von Christiano Kelchen ... – Revall : Mehner; Rudolphstadt : Urban, 1695.*

Извлечения из сочинений Руссова, Фабрициуса, Геннинга и других хронистов, с добавлением актов из архива г. Ревеля. Экземпляр из библиотеки МАКИД с многочисленными пометами Карамзина периода работы над “Историей...” хранится в РГАДА (ОРИ иностр. № 15650).

53. Контарини в Бержероне см. № 101.

54. Кранц. Wandal. = *Krantz, Albert (-1517)*. A. Krantzii ... Wandalia: De Wandalorum vera origine, variis gentibus ... Adjecta est ... Polonici regni, et Prussiae ... descriptio [M. Kromeri] ... – Frankfurt a. M.: Wechel, 1575/1576.

Экземпляр с многочисленными пометами Карамзина периода работы над “Историей...” передан в 1867 г. наследниками в библиотеку Московского университета; хранится в НБ МГУ (инв. № и: 312882).

55. Кромер de Reb. Polon. = *Kromer, Marcin (1512–1589)*. De origine et rebus gestis Polonorum libri xxx / Tertium ab auctore diligenter recogniti... – Basel: Officina Oportiana, 1568.

Экземпляр с многочисленными пометами Карамзина периода работы над “Историей...” передан в 1867 г. наследниками в библиотеку Московского университета; хранится в НБ МГУ (инв. № и: 247290).

56. Круг. Munzkunde Russlands = *Krug, Johann Philipp (1764–1844)*. Zur Munzkunde Russlands / Hrsg. von der Kaiser. Akad. der Wissenschaften. – SPb.: Akad. der Wissenschaften, 1805.

Экземпляр с пометами Карамзина периода работы над “Историей...” передан его наследниками в 1867 г. в Симбирскую общественную библиотеку; хранится в ОРК УОБ (№ 2457).

57. Леман. Спирская Хроника = *Lehmann, Christoph (ca 1570–1638)*. Chronica Der Freyen Reichs-Stadt Speyer... – Frankfurt a. M.: N. Hoffman: J. Rosen, 1612.

Возможно также, что Карамзин использовал титульное переиздание этого сочинения (Frankfurt a. M.: J. Rosens Wittib: D. Fievet, 1662).

58. Летописец Русск., изданный Львовым, ч. II (Лет. Львова) = Летописец русской от пришествия Рурика до кончины царя Иоанна Васильевича / Издал Н.Л[ьвов]. – СПб.: Тип. Горнаго училища, 1792. – 5 ч.

Числится по описи книг, переданных в 1867 г. наследниками Карамзина в Симбирскую общественную библиотеку (Хронол. кат. 4653).

59. Маллет. Histoire de Dan. = *Mallet, Paul Henri (1730–1807)*. Histoire de Dannemarc / Par mr. P.H. Mallet... – 3 ed., rev., corrige... – Geneve: Barde, Manget; Paris: Buisson, 1787–1788. – 9 vol.

60. Никон. [летопись] = Русская летопись по Никонову списку / Изданная под смотрением Имп. Академии наук. – СПб.: При Императорской Академии наук, 1767–1792. – 8 ч.

Никоновская летопись по Академическому XV списку. Экземпляры ч. 3, 4, 7, 8 с пометами Карамзина периода работы над “Историей...”, переданные в 1687 г. его наследниками в Симбирскую общественную библиотеку, хранятся в ОРК УОБ (№ 6754–6756).

61. Олеарий = *Olearius (Oelschlager), Adam (ca 1599–1671)*. Имеется в виду его сочинение “Описание путешествия в Московию...”, издававшееся неоднократно под разными заглавиями.

62. Опыт трудов Вольного Рос. Собрания (Послужной список бояр, Послужной боярский список) см. № 65.

63. Петрей. *Musskow. Chron. = Petrejus, Petrus (ca 1570–)*. *Historien und Bericht Von dem Großfürstenthumb Muschkow... / ... Zusammen gefasset, beschrieben und publiciret Durch Petrum Petrejum... – Leipzig: Officina Bavarica, 1620.*

Экземпляр из библиотеки МАКИД (№ 19) был взят Карамзиным в 1816 г. (АВПр. Ф. Адм. дела. III – 20. 1801. Д. 1. Л. 24 об.).

64. Печатный Летописец, служащий продолжением Несторова см. № 67.

65. Послужной список бояр в Опыте Трудов Вольного Рос. Собрания, I, 219 = Послужной список старинных бояр и дворецких, окольных и некоторых других придворных чинов с 6970 по 7184 [то есть с 1462 по 1676] год, и так чрез 214 лет продолжающийся // Опыт трудов Вольного Российского собрания при Императорском Московском университете. – М.: Печатан при Императорском Московском университете, 1774 – Ч. 1. – С. 216–248.

Экземпляр с пометами Карамзина периода работы над “Историей...” передан его наследниками в 1867 г. в Симбирскую общественную библиотеку; хранится в ОРК УОБ (№ 687–689).

66. Правда Русская (Русская Правда) = Правда Руская или Законы великих князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха: С предложением древняго оных наречия и слога на употребительные ныне, и с объяснением слов и названий, из употребления вышедших / Изданы любителями отечественной истории [И.Н. Болтиным, И.П. Елагиным и А.И. Мусиным-Пушкиным]. – [М.]: Моск. Синод. тип., 1799.

Вторая отдельная публикация Пространной редакции Русской Правды с добавлениями из ее Краткой редакции. Основой данного издания Карамзин считал пергаменный Синодальный список Кормчей книги 1280-х годов; в настоящее время нет единого мнения по поводу основного списка публикации; возможно, она осуществлялась на основании нескольких списков.

67. Продолжение Несторова лет.[описца] (Печатный Летописец, служащий продолжением Несторова) = Древняго летописца часть вторая, содержащая в себе повесть происшествий, бывших в России с 6887/1379 по 6932/1424 год... / Издано Г.В. Козицким и И.Е. Глебовым. – СПб.: При Императорской Академии наук, 1775.

В основе издания – 2-й Остермановский том Лицевого свода XVI в. Экземпляр с пометами Карамзина периода работы над “Исто-

рией...” передан его наследниками в 1867 г. в Симбирскую общественную библиотеку; хранится в ОРК УОБ (№ 4504).

68. Райнальд. *Annal. Eccl.* г. 1470 № 9, г. 1471, № 48, г. 1501, № 37 = *Rinaldi, Odorico (1595–1671). Annales ecclesiastici ab anno 1198. ubi desinit cardinalis Baronius / Auctore Odorico Raynaldo...*; *Accedunt notae... auctore Joanne Dominico Mansi... – 14 t. // Baronio C. Annales ecclesiastici... – Lucca, 1738–1756. – Т. 21–34.*

Карамзин использует в качестве источника письмо папы Павла II (Paulus II, папа, 1404–1471) к королю польскому, речь папы Сикста IV (Sixtus IV, папа, 1414–1484) и буллу папы Александра VI (Alexander VI, папа, 1442–1503) “Non sine grandi...” (10.XI.1501).

Экземпляр из библиотеки Карамзина сгорел в Московском пожаре 1812 г. (см. примеч. 89 к т. VI “Истории...”).

69. Родослов. книга (печатная) = Родословная книга князей и дворян российских и выезжих: Содержащая в себе: 1) родословную книгу, собранную и сочиненную в Розряде при царе Феодоре Алексеевиче и по временам дополняемую... 2) роспись алфавитную тем фамилиям, от которых родословныя росписи в Розряд поданы... или о которых известия нет... 3) роспись, в которой выезжие роды показаны вместе по местам их выезда, 4) роспись алфавитную... в которой показаны все фамилии, содержащиеся в обеих частях сея книги... / Изданная по самOVERнейшим спискам [Н.И. Новиковым]. – М.: Университетская тип., у Новикова, 1787. – 2 ч.

Публикация по списку, предоставленному Г.Ф. Миллером. Экземпляры с пометами Карамзина периода работы над “Историей...” переданы его наследниками в 1867 г. в Симбирскую общественную библиотеку; хранятся в ОРК УОБ (№ 1022–1023).

70. Русской Временник ч. II (Временник) = Русский временник сиречь летописец, содержащий российскую историю от 6370/862 лета до 7189/1681 лета. [М.]: Синодальная тип., 1790. – 2 ч.

Первая публикация Русского временника из “Собрания российских древностей” А.И. Мусина-Пушкина. Экземпляр издания, переданный в 1867 г. наследниками Карамзина в Симбирскую общественную библиотеку, хранится в ОРК УОБ (№ 750).

71. Русская Правда см. № 66.

72. Руссов = *Russow, Balthasar (ca 1540–1601). Chronica der Provints Lyffandt... [bis 1561]. – Rostock, 1578.*

Переиздавалась неоднократно.

73. Сарторий. *Gesch. des Hans. Bund* = *Sartorius von Waltershausen, Georg Friedrich Christoph (1765–1828). Geschichte der Hanseatischen Bundes und Handels / Von Georg Sartorius. – Göttingen: Dieterich, 1802–1808. – 3 Bd.*

Числится по описи книг, переданных в 1867 г. наследниками Ка-

рамзина в Симбирскую общественную библиотеку (Хронол. кат. № 4671).

74. Синопис = *Иннокентий (Гизель, ок. 1600–1683)*. Синопис... – Киев, Тип. Киево-Печерской лавры, 1674.

Переиздавался неоднократно.

75. Собр. госуд. грам. 209 = Две договорные взаимные грамоты великого князя тверского Михаила Борисовича ... с великим князем Иоанном Василиевичем ...: Писана в 1462 году // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. – М., 1813. – Ч. 1. – С. 209–215. – № 88–89.

[1462 г. марта 27 – 1464 г. сентября 13]. – Договорные (докончальные) грамоты вел. кн. московского Ивана III Васильевича с вел. кн. тверским Михаилом Борисовичем. Опубликованы также в “Древней российской вивлиофике” (2-е изд. Ч. 2. № 67–68). Числится по описи библиотеки Карамзина, составленной в 1834 г. К.С. Сербиновичем (№ 21).

76. Собр. госуд. грам. 215 = Договорная грамота великого князя Иоанна Василиевича с можайским [верейским] князем Михаилом Андреевичем ... – Писана около 1463 года // [Там же]. – Ч. 1. – С. 215–217. – № 90.

[1462 г. марта 27]. – Договорная (докончальная) грамота вел. кн. московского Ивана III Васильевича с кн. верейским и белозерским Михаилом Андреевичем. Опубликована также в “Древней российской вивлиофике” (2-е изд. Ч. 2. № 69). Числится по описи библиотеки Карамзина, составленной в 1834 г. К.С. Сербиновичем (№ 21).

77. Собр. г. г. 230 = Духовная грамота (в копии) князя Юрия Васильевича ... – Писана 1472 года // [Там же]. – Ч. 1. – С. 230–233. – № 96.

[1472 г. ранее сентября 12]. – Духовная грамота кн. дмитровского Юрия Васильевича. Опубликована также в “Древней российской вивлиофике” (2-е изд. Ч. 2. № 74). Числится по описи библиотеки Карамзина, составленной в 1834 г. К.С. Сербиновичем (№ 21).

78. Собрание государ. г. т. I, стр. 333 (государственный герб 1497 г.). – Имеется в виду первая из сохранившихся государственных печатей (на Жалованной меновой и отводной грамоте Ивана III, июля 1497 г.) с изображением государственного герба и указанием нового титула великого князя, воспроизведенная в “Собрании государственных грамот” (М., 1813. Ч. 1. С. 333).

79. Собр. г. г. [духовное завещание брата вел. кн. Андрея Меньшого] = Духовная грамота (в копии) князя Андрея Василиевича Меньшого ... – Писана около 1481 года // [Там же]. – Ч. 1. – С. 270–272. – № 112.

[1481 г. не позднее марта]. Духовная грамота кн. вологодского Андрея Васильевича Меньшого, младшего сына вел. кн. московско-

го Василия II Васильевича. Карамзин использует этот источник также в публикации “Древней российской вивлиофики” (см. № 24). Числится по описи библиотеки Карамзина, составленной в 1834 г. К.С. Сербиновичем (№ 21).

80. Собр. г. г. 290 = Договорная грамота (в копии) великаго князя Иоанна Васи́льевича ... с князем Михаилом Андреевичем верейским ... – Писана 12 дек. 1483 года // [Там же]. – Ч. 1. – С. 290–292. – № 118.

1483 г. декабря 12. – Договорная (докончальная) грамота вел. кн. московского Ивана III Васи́льевича и его сына вел. кн. Ивана Ивановича с верейским и белозерским кн. Михаилом Андреевичем. Опубликована также в “Древней российской вивлиофике” (2-е изд. Ч. 2. № 100). Числится по описи библиотеки Карамзина, составленной в 1834 г. К.С. Сербиновичем (№ 21).

81. Собр. г. г. 299 = Духовная грамота князя Михаила Андреевича верейскаго ... – Писана около 1486 года // [Там же]. – Ч. 1. – С. 299–302. – № 121.

[Ок. 1486 г.]. – Духовная грамота кн. верейского и белозерского Михаила Андреевича. Опубликована также в “Древней российской вивлиофике” (2-е изд. Ч. 2. № 104). Числится по описи библиотеки Карамзина, составленной в 1834 г. К.С. Сербиновичем (№ 21).

82. Собр. г. г. [договор 1486 г. между рязанскими князьями Иваном и Федором Васи́льевичами] = Договорная грамота (в копии) великаго князя рязанского Ивана Васи́льевича с братом его родным князем Федором Васи́льевичем ...: Писана в Рязани 19 авг. 1496 года // [Там же]. – Ч. 1. – С. 320–324. – № 127).

1496 г. августа 19. – Договорная (докончальная) грамота вел. кн. рязанского Ивана Васи́льевича со своим братом кн. рязанским Федором Васи́льевичем (договор заключен в г. Переяславль-Рязанском); Карамзин ошибочно называет дату договора: 1486 г. Опубликована также в “Древней российской вивлиофике” (2-е изд. Ч. 2. № 109). Числится по описи библиотеки Карамзина, составленной в 1834 г. К.С. Сербиновичем (№ 21).

83. Собрание государ. грамот. I, 389, 393, 397 = Духовная грамота (в копии) великаго князя Иоанна Васи́льевича ...: Писана около 1504 года // [Там же]. – Ч. 1. – С. 389–400. – № 144.

[1504 г. ранее июня 16]. – Духовная грамота вел. кн. московского Ивана III Васи́льевича. Карамзин использует этот источник также в публикации “Древней российской вивлиофики” (см. № 30). Числится по описи библиотеки Карамзина, составленной в 1834 г. К.С. Сербиновичем (№ 21).

84. Собрание государ. грамот. I, 344 = Две договорныя взаимныя грамоты, заключенныя по приказанию великаго князя Иоанна Васи́льевича между детьми его великим князем Василием Ивановичем

чем и князем Юрием Ивановичем...: Писаны 16 июн. 1504 года // [Там же]. – Ч. 1. – С. 344–347. – № 133–134.

1504 г. июня 16. – Договорные (докончальные) грамоты вел. кн. Василия Ивановича с его братом кн. Юрием Ивановичем. Опубликованы также в “Древней российской вивлиофике” (2-е изд. Ч. 2. № 113–114). Числится по описи библиотеки Карамзина, составленной в 1834 г. К.С. Сербиновичем (№ 21).

85. Солиньяк. Hist. de Pologne, кн. XV = *Solignac, Pierre Joseph de la Pimpie (1687–1773). Histoire generale de Pologne, / Par mr. ... de Solignac ...* – Amsterdam: H. du Sauzet, 1751–1780. – 6 т.

Экземпляр из библиотеки МАКИД (№ 14) был взят Карамзиным в 1816 г. (АВПР. Ф. Адм. дела. III – 20. 1801. Д. 1. Л. 24 об.).

86. Сочинитель Жизни царя Иоанна Васильевича (Ioannis Basilidis, Magni Moscoviae Ducis vita, a Paulo Oderbornio conscripta) см. № 107.

87. Степен. книга II = Книга степенная царскаго родословия: Содержащая историю российскую с начала оныя до времен государя царя... Иоанна Васильевича / Сочиненная трудами... митрополитов Киприана и Макария; А напечатанная под смотрением ... Герарда Фридриха Миллера. – М.: При Императорском университете, 1775. – 2 ч.

Памятник XVI в., созданный в кругу митрополита Макария, содержащий краткие описания правлений русских царей, собранные по “степеням”, “граням” в соответствии с их генеалогией. Мнение Карамзина (близкое к современному) об авторстве Степенной книги, вероятно, основано на точке зрения К.Ф. Калайдовича (см. *Калайдович К.Ф. Об ученых трудах митрополита Киприана и о том, справедливо ли приписывается ему и митрополиту Макарию сочинение Книги степенной // Вестник Европы.* – М., 1813. – Ч. 72. – С. 207–224).

88. Стриковский. Литовская хроника см. I, № 64.

89. Судебник, изданный Башиловым = Судебник царя и великаго князя Ивана Васильевича. Законы из Юстиниановых книг. Указы дополнительные к Судебнику и Таможенный устав царя и великаго князя Ивана Васильевича / [Подгот. к печ. С.С. Башилов; под рук. А. – Л. Шлецера]. – СПб.: При Императорской Академии наук, 1768.

Судебник 1550 г. по несохранившемуся списку (XVII в.?) И. Попова, дополненному по двум спискам В.Н. Татищева (БАН. 16.14.9 и 17.8.19). Экземпляр издания с пометами Карамзина периода работы над “Историей...” хранится в ОРК УОБ (№ 1079).

90. Судебник царя Иоанна, у Татищ. = Судебник государя царя и великаго князя Иоанна Васильевича, и некоторые сего государя и ближних его преемников указы / Собранные и примечаниями изъясненные ... Васильем Никитичем Татищевым; [Подгот. к печ.

Г.Ф. Миллер]. – Издание второе. – М.: В Университетской типографии у Н. Новикова, 1786.

Судебник 1550 г. по “собственноручному списку” В.Н. Татищева. Экземпляр издания с пометами Карамзина периода работы над “Историей...” хранится в ОРК УОБ (№ 1152).

91. Татищев = *Татищев, Василий Никитич (1686–1750)*. История российская с самых древнейших времен / Неусыпными трудами ... собранная и описанная ... Васильем Никитичем Татищевым; [Изд. под наблюдением и с коммент. Г.Ф. Миллера]. – [М.]: При Имп. Московском университете, 1768–1784. – 4 кн.

92. Тацит. Речь Гальбы при усыновлении Оттона. = *Tacitus, Publius Cornelius (ca 55–ca 120)*. – Имеется в виду приведенная в его “Истории” (кн. I, гл. 15–16) речь римского консула Сервия Сульпиция Гальбы об усыновлении Гая Кальпурния Пизона Лициниана, которого Карамзин ошибочно называет Оттоном. Ссылка Карамзина не дает оснований для отождествления издания.

93. Труды Вольного Рос. Собрания, т. I см. № 65.

94. Узонга, герой Геллерова романа = *Haller, Albrecht von (1708–1777)*. *Usong: Eine morgenlandische Geschichte ...* – Bern, 1771.

Переиздавался неоднократно.

95. Флетчер. Of the Russe common-wealth = *Fletcher, Giles (1549?–1611)*. *Of the Russian common wealth. or Manner of government by the Russe Emperour ...* – London: T.D. Lawson, 1591.

Экземпляр из библиотеки МАКИД (№ 197) был взят Карамзиным в 1816 г. (АВПР. Ф. Адм. дела. III – 20. 1801. Д. 1. Л. 24 об.).

96. Ходыкевич = *Chodykiewicz, Klemens (1715–1797)*. *Dissertationes historico-criticae de utroque archiepiscopatu metropolitano Kijoviensi, et Haliciensi, uti olim distincto, nec non de episcopatu Leopoliensi ritus Graeco-uniti / A p. Clemente Chodykiewicz ... certioribus documentis illustratae.* – [Lwów]: S.n., 1770.

Числится по описи библиотеки Карамзина, составленной в 1834 г. К.С. Сербиновичем (№ 56). Получен Карамзиным через А.И. Тургенева, вероятно, из Императорской Публичной библиотеки (РС. 1899. Янв. С. 220).

97. Церковный круг см. I, № 17.

98. Энгель *Gesch. von Halitch* = *Engel, Johann Christian von (1770–1814)*. *Geschichte der Ukraine und der ukrainischen Cosaken, wie auch der Konigreiche Halitsch und Wladimir / Vervasset von Johann Christian von Engel.* – Halle: Gebauer, 1796.

99. Эрбелот. *Bibl. Orient. II* = *Herbelot, Barthelemy d' (1625–1695)*. *Bibliothèque orientale ...* – Paris, 1697.

Переиздавалась неоднократно. Ссылка Карамзина не дает оснований для отождествления издания.

100. Ядро Рос. истории = *Манкиев, Алексей Ильич (–1723)*. Яд-

по российской истории / Сочиненное ... Андреем Николаевичем Хилковым ... – М.: Университетская тип., у Ридигера и Клаудия, 1799.

Экземпляр издания со следами чтения Карамзина передан в 1867 г. наследниками Карамзина в Симбирскую общественную библиотеку; хранится в ОРК УОБ (№ 834).

101. Contarini, Ambroise. Voyage de Perse в Бержерон. = *Contarini, Ambrogio (XV s.). Voyage de Perse, par Ambroise Contareni ... en l'année MCCCCLXXIII. / Decrit par lui même. // Bergeron P. Voyages faits principalement en Asie ... – La Haye, 1735. – Т. 2. – 62 col., [1] p.*

Числится по описи книг, переданных в 1867 г. наследниками Карамзина в Симбирскую общественную библиотеку (Хронол. кат., № 4684).

102. Dictionnaire historique = *Bayle, Pierre (1647–1706). Dictionnaire historique et critique ... – Paris. 1695–1697. – 2 v.*

Переиздавался неоднократно. Ссылка Карамзина не дает оснований для отождествления издания.

103. Hist. Polon. кн. XIII см. № 16.

104. Niesiecki, Kaspar. Korona Polska = *Niesiecki, Kaspar (1684–1744). Korona Polska: Przy zlotey wolnoscі starozytnemi wszystkich katedr, prowincyi, у rycerstwa kleynotami ... ozdobiona ... / Podana przez х. Kaspra Niesieckiego ... – [Lwów]: Collegium Lwowski Societatis Jesu, 1728–1743. – 4 t.*

105. Oderbornius, Paulus. Joannis Basilidis, Magni Moscoviae ducis vita ... = *Oderborn, Paul (–1604). Joannis Basilidis, Magni Moscoviae ducis vita, / A Paulo Oderbornio conscripta ... – Witebergae: Haeredes Joannis Cratonis, 1585.*

Немецкий перевод этого сочинения цитируется Карамзиным (т. VI, примеч. 188) по изд.: *Der Grausamen Tyrannen Johannis Basilidis, sonst Iwan Wasilowitz genant, Gewesenen Tzaars in der Moschkau, Leben und Thaten, / Aus dem Lateinischen ins Teutsche übersetzt [von Ch. Kuhne] ... – Errfurth; Leipzig: J.Ch. Wohlfart, 1698.*

106. Voyage de Perse par Ambroise Contarini, в Бержерон. см. № 101.

**“ОТСЕЛЕ ИСТОРИЯ НАША
ПРИЕМЛЕТ ДОСТОИНСТВО
ИСТИННО ГОСУДАРСТВЕННОЙ...”**

Шестой том “Истории государства Российского” состоит из семи глав, расположенных, как и в целом в “Истории” Карамзина, в хронологическом порядке. Но заглавие первой из них, посвященной событиям 1462–1472 гг., – “Государь Державный Великий князь Иоанн III Васильевич”, – может служить заголовком ко всему тому – тема всех остальных есть не что иное, как “Продолжение Государствования Иоаннова”.

Хронологический принцип построения тома в целом выдержан, но по необходимости делаются тематические вставки, несколько нарушающие этот принцип. Глава VII включает в себя и фактическое заключение всего тома – в той же мере, как начало главы I является своего рода кратким введением, предваряя содержание тома и его итоги: “Вот содержание блестящей Истории Иоанна III, который имел редкое счастье властвовать сорок три года и был достоин оного, властвуя для величия и славы Россиян”.

Заглавие и введение служат лейтмотивом всего дальнейшего изложения.

Написанный в грозную годину наполеоновского нашествия, шестой том “Истории государства Российского” – это повествование о величии и славе России, воплощаемых в деяниях одного из величайших ее людей.

История для Карамзина – это рассказ о прошлом. Его интересуют не отвлеченные понятия, не институты и учреждения, не структура общества, не поиски причинно-следственных связей и выведение закономерностей, а прежде всего и почти исключительно – сами события как таковые. Он почти в равной мере чужд как средневековому провиденциализму, так и философскому и социологическому детерминизму XIX в. История – поле деятельности людей; она такая, какой люди ее делают, она всецело обусловле-

на поступками людей. Рассказ о событиях есть в то же время рассказ о людях, вершащих эти события. Но кто же эти люди, делающие историю?

Глядя на прошлое почти исключительно через призму летописных рассказов, как бы сверху вниз, Карамзин видит прежде всего деятелей “верхнего этажа” – князей. История превращается в деяния князей по преимуществу, она наполняется портретными характеристиками своих творцов. Вышедшие из-под пера талантливого писателя-сентименталиста, эти характеристики не всегда справедливы, т.е. не всегда опираются на известные автору факты, но почти всегда образны, выразительны и поэтому впечатляющи и долговечны.

История есть борьба личностей – прежде всего князей. Князья могут быть умными и глупыми, добрыми и злыми. Они могут сочетать в своем характере противоречивые качества, но какое-то из них всегда доминирует. Как правило, умный побеждает глупого, добрый – злого. В отличие от рационалистичного Щербатова Карамзин стремится увидеть в поступках своих героев проявление не только разума, но и чувства. Как правило, хоть и не всегда, добродетель торжествует над пороком, справедливость – над несправедливостью. Сами по себе добро и зло, добродетель и порок – априорны, вне- и над-историчны. Они образуют своего рода систему координат, не подвижных во времени и пространстве, определяющую поле реальных событий.

Карамзин – этатист по убеждению. Народ и государство для него неотделимы друг от друга. Князь – государь выступает как воплощение персонификации своего княжества, народа, государства. Этот чисто средневековый принцип единства поднят Карамзиным на высоту, почти недостижимую для последующих историков-аналитиков, склонных к анатомированию общественного организма, к разложению его на составные части и элементы, изучаемые изолированно и по большей части противопоставляемые друг другу. Монархизм Карамзина, естественный для русского человека его времени, но одиозный в глазах либералов и демократов последующих поколений, есть производная от его этатизма. Монархический принцип, не-

зыблемый для Карамзина, как нельзя лучше гармонизирует с принятыми принципами персонификации истории и вполне соответствует характеру его основного источника – летописи. Все это в сочетании с необыкновенно ярким талантом рассказчика-портретиста дает Карамзину счастливую возможность создать уникальную, непревзойденную по внутренней целостности картину русской истории. Ни один русский историк ни до, ни после Карамзина не сыграл такой роли в развитии национального самосознания и самопознания, не пользовался таким влиянием на современников и потомков. Татищева и Щербатова, Шлецера и Болтина читали только любители. Карамзин впервые открыл мир русской истории для всей быстрорастущей читающей публики. Одна из причин блестящего успеха Карамзина – эмоциональный характер его подхода к истории. Обращаясь к разуму и чувствам читателя, он сделал первый опыт не только рационалистического осмысления, но и этического и эстетического освоения русской истории. Для русской исторической науки Карамзин почти то же, что Пушкин для русской литературы – в своем роде непревзойденный, неповторимый, светящийся сквозь века, дающий начало всему последующему.

Именно VI том “Истории” дал Карамзину наилучшую возможность для проявления самых сильных сторон его исследовательской и литературной манеры. Он посвящен переломному времени в истории России, одному из звездных часов в судьбах нашего отечества. Именно в то время был заложен прочный фундамент всего будущего России. Униженная, ограбленная, раздробленная Русь на протяжении жизни одного поколения превратилась в великую державу, вызывающую у друзей надежду, у врагов страх и у всех – уважение и почтительный интерес. Главы VI тома последовательно раскрывают этот феномен – один из самых ярких и основополагающих в нашей тысячелетней истории.

Хронологический принцип изложения прагматической истории требовал привлечения прежде всего летописных источников и обусловливания ими. Сюда относятся, в первую очередь, летописи Архивская (Ростовская), “Летопи-

сец Русский” Львова, “Продолжение Несторова Летописца”, Архангелогородский Летописец, Никоновская, Казанский Летописец, Синодальная № 365, Воскресенская, Киевская Архивская, Синодальная № 110, Новгородские, Псковские, Степенная книга.

Летописный материал составляет канву повествования. Все прочие источники служат как бы узорами на этой канве. Привлекаются княжеские и государственные договоры, послания митрополитов и епископов из собрания Синодальной библиотеки, разрядные книги – Бекетова и Архивская, Родословные книги Синодальной библиотеки, “Послужной список бояр”. Используются материалы Архива Коллегии иностранных дел, т.е. Посольского приказа – дела Крымские, Ногайские, Польского двора, Цесарские. Из того же архива – впервые введенная в научный оборот одна из Новгородских писцовых книг (Водской пятины) и переписная книга “Архива посольских дел”, т.е. опись архива Посольского приказа. Из рукописи Синодальной библиотеки взято описание Собора 1504 г., в библиотеке Троице-Сергиевой лавры, “в одной летописи старинного письма” обнаружено – и с выдержками опубликовано в “Примечаниях” – “Хождение за три моря” Афанасия Никитина. В “Примечаниях” же опубликован (с сокращениями) текст Судебника 1497 г. Используются Четьи Минеи, “Просветитель” Иосифа Волоцкого, “Церковный круг” архиепископа Геннадия (с исчислением пасхалии). Не будет преувеличением сказать, что Карамзин так или иначе просмотрел материалы всех известных в его время русских архивных и рукописных хранилищ. Проявил интерес он и к вещественным памятникам – опубликовал описание русского серебряного талера, отлитого для великой княжны Феодосии, обратил внимание на надгробный камень в тверском селе Млево, связываемый по традиции с Марфой Борецкой, что, впрочем, он оспаривает. Русский европеец, Карамзин использовал и иностранные источники и литературу: записки Контарини, сочинения о “Московии” Герберштейна и Петрея, “Историю Византии” Дюканжа, “Церковные хроники” Рейнальда, Ливонские хроники Арндта, Рюссова и др., Польские хроники Длугоша и

Стрыйковского, “Историю Ганзейского союза” Сартория, “Историю русско-шведских отношений” Далина, “Историю Оттоманской Империи” Кантемира и др. В его руках были материалы Кёнигсбергского архива, из которых он извлек переписку магистров Ливонского и Тевтонского¹.

По богатству и разнообразию привлеченного материала, по тщательности и добросовестности его использования (источники, где возможно, цитируются или пересказываются близко к тексту) труд Карамзина превосходит своих предшественников не меньше, чем в содержательном и идейном отношении.

Основной метод использования источников, если можно так выразиться, “иллюстративный”: привлекаемые источники не подвергаются, как правило, детальному критическому анализу. Историографа не интересуют взаимоотношения источников, их происхождение и особенности. Ввиду этого он иногда приводит сведения мало достоверные из источников сомнительного свойства (вроде Казанского летописца). Источники используются, так сказать, с внешней стороны – они приводятся, цитируются, но обычно не анализируются по существу. Автор по большей части не замечает противоречий в источниках (например, летописях), во всяком случае не всегда пытается так или иначе их объяснить. Такой метод использования источников, совершенно недопустимый в современной нам науке, во времена Карамзина широко практиковался, а для него самого являлся фактически единственно возможным. Он был первым русским историком, увидевшим воочию огромную массу материала, до него почти не известную и никем не обработанную. Удивительно ли, что ближайшей задачей он поставил общее, первичное знакомство с этим материалом и его непосредственное использование (выражаясь современной нам терминологией – “введение в научный оборот”)? Ведь методы научной критики источников оставались еще почти не известны и во всяком случае мало распространены.

Одна из важных особенностей “Истории” – собственный комментарий к излагаемым событиям, основанный не на тексте источников, а на авторском видении лиц и собы-

тий. Именно в таких комментариях сильнее всего сказывается литературно-художественная сторона натуры Карамзина, пытающегося оживить, расцветить и насытить эмоциями суховатые летописные тексты. Исследователи творчества Карамзина уже давно заметили, что он, хотя и считал недопустимым вымышлять речи действующих лиц (и почти никогда не вымышлял), охотно “изъяснял” причины их поступков преимущественно в сентиментальном духе². В таком духе он дает и характеристики своим персонажам. “Россияне жалели о Пастыре, столь благочестивом, и страшились, чтобы Небо не казнило их за оскорбление святого мужа”, – утверждает Карамзин по поводу оставления кафедры митрополитом Феодосием, не имея для этого ни малейшего основания в источниках. “... Москвитяне гордились им, хвалили его правосудие, твердость, прозорливость; называли любимцем Неба, Властителем Богоизбранным; и какое-то новое чувство государственного величия вселилось в их душу”, – пишет он об Иване III в связи с подготовкой Новгородского похода 1471 г., ссылаясь при этом, между прочим среди других, на Никоновскую летопись³, где таких комплиментов в восточном духе и вообще подобных оценок нет. “Великий князь приехал оросить слезами гроб достойного брата, не только им, но и всеми искренне любимого за его добрые свойства и за ратное мужество, коим он славился”, – в описании сцены погребения князя Юрия Дмитровского историограф явно отдает свое перо автору “Бедной Лизы”. Изменяя своему обыкновению не “вымышлять” речей, Карамзин вкладывает в уста Ивану Фрязину слова, которые тот едва ли мог бы произнести, если сколько-нибудь дорожил собственным положением (осуждение митрополита и требование “честить” в Москве папского посла). Число подобных примеров эмоционально-сентиментального “раскрашивания” действительности можно легко умножить. Однако необходимо подчеркнуть, что это “раскрашивание” не носит конструирующего начала – не определяет хода изложения событий и не влияет на принципиальные оценки автора. В существенных, принципиальных вопросах и в их оценке верх берет историограф, а не литератор. Автору VI тома приходилось это делать не раз.

В истории нашей страны время Ивана III – одно из самых насыщенных важными событиями. Это – эпоха коренных преобразований средневековой Руси. Старая удельная Русь уступала место новой единой державе; выходя на новый уровень, перестраивались внутри- и внешнеполитические отношения; создавалась судебно-административная система; зарождалось ведомственное управление; развивались культурные связи с Европой; формировались государственная идеология и политическая доктрина. Особенностью этих коренных реформ был их внешне консервативный характер. В соответствии со средневековым миропониманием “новое” выступало не как разрыв с прошлым, а как возвращение к доброй “старине”, к исконным началам справедливости и порядка. Именно так оно понималось и самим реформатором. Эта особенность преобразовательной деятельности Ивана III не ускользнула от внимания Карамзина: “... видим Иоанново правило соглашать вводимое им Единовластие с уставом естественной справедливости, а не отнимать ничего без вины”.

Один из коренных вопросов истории эпохи Ивана III, до сих пор вызывающий оживленные споры и нередко противоположные оценки, – судьба Великого Новгорода. “... Более шести веков он слыл в России и в Европе Державою народною, или Республикою... имел образ демократии, ибо вече гражданское присваивало себе не только законодательную, но и вышнюю исполнительную власть”. Однако “образцов Новгородской политической системы” надлежит искать “не в правлении вольных городов Немецких, как думали некоторые писатели, но в первобытном составе всех Держав народных, от Афин и Спарты до Унтервальдена или Глариса”. Эта “система” напоминает “глубокую древность народов”, т.е., выражаясь современной нам терминологией, носит архаические, пережиточные черты.

“История Новгорода составляет любопытнейшую часть древней Российской”. “... Он умел возвыситься до степени Державы знаменитой”. Вообще “летописи Республик обыкновенно представляют нам сильное действие страстей человеческих, порывы великодушия и нередко

умилительное торжество добродетели, среди мятежей и беспорядка, свойственных народному правлению; так и летописи Новагорода в неискusstvenной простоте своей являют черты, пленительные для воображения”.

Однако “Республика держится добродетелию и без нее упадает”. XV век – зрелище упадка Новгородской добродетели. “Ополчения Новгородские... уже не представляют нам ни пылкого духа, ни искусства, ни успехов блестящих. Что кроме неустройства и малодушного бегства видим в последних решительных битвах за свободу? Она принадлежит льву, не агнцу, и Новгород мог только избирать одного из двух государей, Литовского или Московского...”

“... Сердцу человеческому свойственно доброжелательствовать Республикам, основанным на коренных правах вольности, ему любезной... Новгородцы... без сомнения отличались благородными качествами от других Россиян, униженных тиранством Моголов...” Все это так. Тем не менее “... История должна прославить в сем случае ум Иоанна, ибо государственная мудрость предписывала ему усилить Россию твердым соединением частей в целое... чтобы не погибла от ударов нового Батыея или Витовта; тогда не уцелел бы и Новгород...” «Историк Русский, любя и человеческие, и государственные добродетели, может сказать: “Иоанн был достоин сокрушить утлую вольность Новгородскую, ибо хотел твердого блага всей России”». При этом свои притязания на власть над Новгородом Иван III облекал в форму возвращения к “старине”: коренная реформа всего политического строя в республике рассматривалась как восстановление старых, справедливых порядков. Консервативная форма радикальных по существу преобразований, характерная для внутренней политики Ивана III, в его отношениях с Новгородом проявилась с особенной силой. Россия была и есть – от Рюрика и дальше – вот лейтмотив доктрины Ивана III, понятый и принятый историографом.

Этатизм Карамзина проявляется в полной мере. Он вовсе не принципиальный противник Республики, не безоговорочный сторонник монархии. Для него главное не фор-

ма правления, а благо России. Благо России – в ее единстве, которое только одно может обеспечить ее независимость и безопасность. “Бог даровал России Иоанна”, который сумел этого единства достигнуть.

По мысли Карамзина, падение Новгорода “ознаменовалось утратою воинского мужества, которое уменьшается в Державах торговых с умножением богатства, располагающего людей к наслаждениям мирным”. По мнению большинства современных нам историков, основная причина падения республики – в ослаблении или разрушении прежних общинных связей под влиянием роста социально-экономического неравенства. “Умножение богатства” выразилось в обогащении боярской верхушки, сосредоточившей в своих руках всю политическую власть. Не занимаясь специальным изучением социальных отношений и экономики Новгорода, Карамзин интуитивно подошел довольно близко к выводам современной нам науки, располагающей гораздо большим источниковым материалом, тщательно изучаемым несколькими поколениями исследователей. Однако этот вывод Карамзин сформулировал по-своему, сделав упор на морально-нравственный аспект действительности: “... эпоха, цветущая для торговли, бедственная для гражданской свободы, начинается со времен Иоанна Калиты”, когда “богатые Новгородцы стали откупаться серебром от князей Московских и Литвы...”

Итак, падение Новгорода объясняется общими, а не случайными причинами. В оценке этих причин и самого значения падения республики Карамзин сумел подняться на высоту, оказавшуюся не доступной для большинства либеральных историков, однозначно противопоставлявших традиции “новгородской вольности” “хищному деспотизму московских князей”. Точка зрения Карамзина, аргументом для которого было благо России, едва ли не самая плодотворная в историографии XIX в. Более сомнительна характеристика “выводов” из Новгородской земли бояр и житых: “Сим переселением был навеки усмирен Новгород. Остался труп: душа исчезла; иные жители, иные обычаи и нравы, свойственные Самодержавию”. Опираясь почти исключительно на летописные источники, рисуя-

щие главным образом события политической истории, историограф не мог увидеть другие аспекты реформы 1480–1490-х годов в новгородских пятинах: для оценки этих аспектов нужны были новые источники – писцовые книги, введение которых в научный оборот оставалось во времена Карамзина еще делом будущего. Изучение их показало, что “выводы” затронули только верхушку новгородского общества, основной же массы горожан они не коснулись. Хотя Карамзин видел некоторые писцовые книги (см. выше), они не вызвали его интереса. Он остался верен своему основному методу – изложению прагматической истории с точки зрения развития государства как такового. В данном случае этот метод оказался несостоятельным и привел к ошибочной оценке сути преобразований в Новгородской земле.

Если “покорение Новагорода есть важнейшая эпоха сего славного княжения”, то “другая, еще важнейшая – торжественное восстановление нашей государственной независимости...”

События 1480 г., завершившиеся низвержением ордынского ига, относятся к числу не только важнейших, но и удивительнейших событий в истории России.

Тяжелейший политический кризис – заговор в Новгороде, нападение Ордена, мятеж князей-братьев, враждебные приготовления короля, а главное, поход Орды Ахмата, – закончился полным торжеством Русского государства. Без единого крупного сражения, почти бескровно была решена важнейшая стратегическая задача – отражено нашествие Орды, ни один неприятель не смог перейти южный рубеж Русского государства, огромное русское войско, не понеся почти никаких потерь, сохранило полную боеспособность и смогло нанести сокрушительный удар по Ливонии. Но стратегическая победа, одна из величайших в истории России, не ознаменовалась победой тактической – повторения Куликовской битвы не произошло, и это, по-видимому, вызывало удивление современников. Летописцы, а за ними и историки больше всего интересовались “Стоянием на Угре”. Почему не произошло решительного сражения? Почему Иван III не повторил подвига

своих прадедов, не перешел Угру, не разгромил Орду Ахмата, как те разгромили Орду Мамаю? На протяжении веков бытуют версии о нерешительности и малодушии великого князя, охотно повторяемые отдельными историками, которые хотят видеть героями победы над Ахматом то архиепископа Вассиана, то Ивана Молодого, то анонимных горожан Москвы, выдвинувших якобы свою программу борьбы с нашествием.

Этот вопрос живейшим образом интересует и Карамзина. В центре его внимания – действия великого князя. Он “принял сам начальство над войском, прекрасным и многочисленным”, он “был в положении Дмитрия Донского, шедшего сразиться с Мамаем”. Однако по сравнению со своим великим прадедом он “имел полки, лучше устроенные, воевод опытейших, более славы и величия”. Почему же он не дал сражения? Причина: “зрелостию лет, природным хладнокровием, осторожностью” Иван был расположен “не верить слепому счастью, которое иногда бывает сильнее доблести в битвах”. “... Все его великодушные замыслы, все успехи, медленные, постепенные, могут кончиться гибелью нашего войска”. Кроме того, “Золотая Орда ныне или завтра долженствовала исчезнуть по ее собственным, внутренним причинам разрушения”. Самое же главное – “Иоанн имел славолубие не воина, но Государя; а слава последнего состоит в целости Государства, не в личном мужестве...”

Итак, в основе действий великого князя лежали трезвый расчет, осторожность и предусмотрительность. Такая характеристика вполне отвечает источникам и может считаться достаточно убедительной.

Основным источником для Карамзина послужила Синопольная летопись № 365 (по теперешнему названию – Вологодско-Пермская), использовал он также летописи Львовскую и Архивскую (Ростовскую). Видна характерная для Карамзина манера: известия разных летописей он сводит воедино и из нескольких летописных рассказов, не во всем совпадающих друг с другом, получает сводный комбинированный рассказ, который легко читается, но сглаживает углы и противоречия. Трогательный рассказ

Львовской летописи о непослушании Ивана Молодого, вызванного к отцу (“лучше мне умереть здесь, нежели удалиться от войска”), не имеет аналогов в других летописях, как и известие той же летописи о волнениях посадских людей. В Львовской летописи это известие связано с сообщением о двухнедельном пребывании Ивана III в Красном Сельце: это противоречит другим источникам. Карамзин помещает известие об Иване Молодом и о волнениях, но опускает сообщение о длительном пребывании великого князя вдали от войска.

Историограф рисует живописную картину (которой нет в летописях) совещаний великого князя с двумя его “любимцами”, Ощерой и Мамоном, – эти “тучные Вельможи любили свое имение, жен и детей гораздо более отечества”. Они “не переставали шептать Государю, что лучше искать мира. Они смеялись над геройством нашего Духовенства, которое, не имея понятия о случайностях войны, хочет кровопролития и битвы”. Эти внушения “были согласны с правилами собственного опасливого ума Иоаннова” – тогда-то он и послал Ивана Федоровича Товаркова с мирными предложениями к Ахмату. Переговоры закончились ничем.

Карамзин не анализирует этого известия, а ведь оно свидетельствует, скорее всего, об отсутствии у Ивана III искреннего желания добиться мира с Ахматом – он не пошел ни на какие уступки “царю”, а только хотел выиграть время, что ему и удалось. В свете этого возникает сомнение в том, что “тучные вельможи” (т.е. “богатые и брюхатые”) действительно имели серьезное влияние на великого князя.

Карамзин впервые приводит (в пересказе, близком к тексту) знаменитое “Послание на Угру” архиепископа Вассиана. По его убеждению, именно “сие письмо, достойное великой души бессмертного мужа”, сыграло решающую роль во всех дальнейших событиях. “Иоанн... мыслил единственно о средствах победы и готовился к битве”. Но, может быть, не меньшее значение имело прибытие князей-братьев, Андрея и Бориса, “с их многочисленною дружиною”. Историограф полагает, что “не было ни упреков,

ни извинений, ни условий”, а автор “Бедной Лизы” видит, как “единокровные обнялись с видом искренней любви”. Трудно сказать, были ли “упреки и извинения” и точно ли обнялись братья, но “условия”, несомненно, были – о них шли многомесячные переговоры, и позднее они были зафиксированы в соответствующих докончаниях, тексты которых в настоящее время хорошо известны⁴.

“Послание на Угру” относится к лучшим образцам русской риторики и является выдающимся художественным произведением. Оно свидетельствует о патриотизме и талантливости своего автора, видного церковно-политического деятеля. Но в какой мере можно говорить о влиянии “Послания” на реальный ход событий? В свете источников, как приводимых Карамзиным, так и обнаруженных после него, конкретное влияние “Послания” представляется сомнительным. И до, и после отправки и получения “Послания” русские войска стояли по берегу Угры, готовясь к сражению. Никаких изменений в их положении и в действиях русского руководства, т.е. самого Ивана III, уловить не удается.

Отступление наших войск к Кременцу и далее к Боровску состоялось, когда Угра покрылась льдом и перестала быть препятствием для ордынской конницы. Тут-то и произошло событие, умилившее некоторых летописцев и ярко расцвеченное историографом: “... зрелище удивительное: два воинства бежали друг от друга, никем не гонимые!” Однако, например, хорошо известная Карамзину Синодальная летопись № 365 такой картины не содержит, а говорит только о бегстве Ахмата – “побеже, гоним Божиим гневом”.

По мнению Карамзина, “один Летописец Казанский удовлетворительно изъясняет сие бегство Ахматово” – хан отступил, узнав, что Нордоулат и князь Василий Ноздроватый Звенигородский, “счастливо исполнили повеление Иоанново: достигли Орды, взяли... множество пленников...” и т.п. Однако это известие позднего летописца не подтверждается никаким другим источником и, как и многие другие рассказы того же летописца (вроде потоптания басмы и умерщвления ханских послов), представляется

весьма сомнительным. Хотя Карамзин и относится к этому известию сочувственно и считает, что посылка Нордоулата и Ноздроватого “служит к чести Иоаннова ума”, но признает, что другие летописи его не содержат: “... все другие Летописцы славят единственно милость Божию...” Итог событий лета-осени 1480 г. сформулирован однозначно: Иоанн “не увенчал себя лаврами, как победитель Мамаев, но утвердил венец на главе своей и независимость Государства”. В этих словах – высочайшая оценка политики и стратегии Ивана III. “Целость, сохраненная осмотрительной уклончивостью, славнее гордой отважности, которая подвергает народ бедствию”.

Летописные тексты определили содержание рассказа о “Стоянии на Угре” и свержении ига. Эти же тексты дали повод для оценки событий современниками: “... Москвитяне, веселяся и торжествуя, не были совершенно довольны Государем”. “... Он не явил... свойственного великим душам мужества и пламенной ревности жертвовать собой”, “... осуждали и Софию, что она без всякой явной опасности бегала с знатнейшими женами...” и т.п. Эти оценки, содержащиеся в летописях, нельзя считать, однако, отражением мнений широких слоев русского общества. Можно показать (что и делалось уже в науке), что подобные оценки исходят из определенного круга, связанного с консервативной удельно-клерикальной оппозицией, которую, разумеется, нельзя отождествлять ни с “москвитянами”, ни с “народом”... Едва ли рядовые “москвитяне”, как и весь “народ”, могли сожалеть, что свержение ига произошло бескровным путем, а не посредством битвы, подобной Куликовской, стоившей жизни десяткам тысяч русских воинов. В своей оценке “тогдашнего расположения умов” Карамзин, естественно, шел за летописцем – другого пути у него не было.

Итак, “славнейшее дело Иоанново для потомства” – “свержение Ханского ига”. В оценке событий на Угре и роли в них Ивана III Карамзин стоит намного выше почти всех последующих историков XIX в. После С.М. Соловьева, с его характерным сугубым подчеркиванием “безгероического” характера событий 1480 г. (все происходит как бы

само собой, “так называемое татарское иго исчезло без больших усилий со стороны Москвы”, во главе русских стоит вечно нерешительный, слабохарактерный вождь и т.п.), “Стояние на Угре” надолго превратилось в один из второстепенных сюжетов, о котором В.О. Ключевский не счел нужным даже упомянуть в своем курсе русской истории.

Только в работах А.Е. Преснякова, К.В. Базилевича и некоторых других историков XX в. “Стоянию на Угре” было возвращено его подлинное значение как одного из крупнейших событий в истории России⁵. Признавая это значение, признавая роль Ивана III как выдающегося политика и стратега, современная нам наука не может, однако, ограничиться этим. С нашей современной точки зрения, победа на Угре была обусловлена рядом факторов, в первую очередь созданием единого Российского государства. Единство политической и военной власти, централизация руководства в руках Ивана III дали ему возможность принятия и реализации важнейших политических и стратегических решений, приведших Россию к победе над ее давним страшным врагом. “Мудрость Иоанновой Политики” сказалась не только в искусной дипломатии (по Карамзину, эта “мудрость” “неусыпно искала дружбы Ханов Таврических, чтобы силою их обуздывать Ахмата и Литву”), но прежде всего в неустанном государственном строительстве, в возведении на обломках старой удельной системы прочного фундамента нового Российского государства. Победа на Угре ковалась на берегах Шелони.

Один из излюбленных сюжетов для историков XX в. – династический вопрос в последние годы великокняжения Ивана III⁶. Об этом сюжете написано больше, чем о “Стоянии на Угре”, о принятии Судебника, о блестящей победе на Ведроши. Что делать – подняться до высоты карамзинского этатизма далеко не так просто. Следуя за своими основными источниками, летописями, Карамзин тоже уделил внимание этому сюжету. Он, собственно, и ввел его в историографию.

“Сие время без сомнения было самым печальнейшим Иоанновой жизни...”. Сюжет, касающийся личных отно-

шений в великокняжеской семье и в ближайшем ее окружении, – едва ли не самый благодарный для писателя-сентименталиста. Ни в чем существенном не отступая от своих источников, не меняя их рисунка, Карамзин имеет возможность достаточно сильно раскрасить их и высказать свои предположения, которые одинаково трудно и опровергнуть, и доказать. Он почему-то считает, что бояр, которые доброхотствовали “Елене и юному сыну ее”, “было гораздо более”, чем доброхотов великой княгини Софьи и ее сына. По его словам, это происходило “отчасти по любви, которую все имели к великодушному отцу Дмитриеву, отчасти и потому, что мать его окружали только Россияне; Софию же многие Греки...” Ему известны аргументы обеих сторон. Он знает, что “София и Елена, обе хитрые, честолюбивые, ненавидели друг друга, но соблюдали наружную пристойность”, что великая княгиня Анна Рязанская (сестра великого князя) гостила в Москве у брата, “равно ласкаемая его супругою и невесткою”. Во всех этих дефинициях слышен голос писателя, а не историографа. Все это могло быть, а могло и не быть – ничего этого, никаких личных характеристик в источниках, которыми пользовался Карамзин, нет.

Историограф пересказывает далее известие о заговоре Федора Стромиллова и о казни заговорщиков. К чести своей, он в отличие от новейших историков не приписывает им никаких социально-политических симпатий, о которых в источниках ничего не говорится. Но зато он почему-то считает, что “наместник Московский, князь Иван Юрьевич, и Воевода Симеон Ряполовский действовали явно как ревностные друзья Иоаннова внука и недоброжелатели Софиины”, хотя об этом в источниках тоже нет ни слова.

“Несмотря на сии знаки любви ко внуку (имеется в виду венчание Дмитрия в Успенском соборе. – Ю.А.), грозное чело Иоанново изъявляло мучительное смятение его души, так что самые усердные доброжелатели Елены... не смели радоваться, опасаясь перемены”. Историк об этом ничего не знает, но Карамзину-писателю хорошо известно, что “Иоанн любил супругу, по крайней мере чтит в ней

отрасль знаменитого Императорского Дома, двадцать лет благоденствовал с нею...” и т.д.

“Непорочный сын отца, памятного благородным мужеством”, так и не стал российским государем: “Открылось, что дед украсил венцом сего юношу как жертву, обреченную на погибель”. Судьба Дмитрия-внука действительно может послужить сюжетом для художественного произведения, например для трагедии в стиле Шекспировских королевских хроник, которой Карамзин (или Пушкин) мог бы украсить российскую словесность. Но Карамзин, несмотря на свою склонность к художественной интерпретации действительности, не забывает, что он – историк: “К сожалению, Летописцы не объясняют всех обстоятельств сего любопытного происшествия, сказывая только, что Иоанн возвратил свою нежность супруге и сыну... узнал козни друзей Елениных и, считая себя обманутым, явил ужасный пример строгости над знатнейшими Вельможами...” Историк добросовестен и щепетилен, “не знаем точной истины”, но “Иоанн во всяком случае был обманут кознями той или другой стороны...” Карамзин проявляет корректность. Ни один источник, бывший в его распоряжении, не связывает напрямую опалу князей Патрикеевых и Рязполовского с династическим вопросом. Степенная книга сообщает только, что великий князь “наложил опалу, испыта подробну вся прежебывшая крамолы”⁷, а Никоновская и другие летописи, известные Карамзину, о причинах опалы не говорят вообще ни слова. Хотя в принципе нельзя не присоединиться к сентенции историка-моралиста: “жалостная участь Монархов, коих легковерие стоит чести или жизни невинным”, предметная связь ее с опалой Патрикеевых и Рязполовского фактически не просматривается. Мы, как и Карамзин, не знаем причины их опалы, а потому и не можем судить о степени основательности обвинений против них.

После снятия опалы с Софьи и Василия династический вопрос снова стал открытым. “Мог ли Иоанн, столь счастливо основав единовластие в России, предать ее по своей кончине в жертву новому, вероятному междоусобию двух князей великих, сына и внука?” Новейшие историки по

большей части видят корень династического кризиса в интригах придворных партий, в удельно-княжеской оппозиции, в проблемах, связанных с ересью. Думается, что Карамзин подошел к мотивам поведения Ивана III ближе. Для первого государя всея Руси, для основателя Российской державы решающим аргументом было, вероятно, сохранение единства страны. Выбор пал в конечном счете на Василия потому, что, вопреки предположению Карамзина, именно его, а не Дмитрия, поддерживало, по-видимому, большинство активных деятелей в окружении великого князя. Реальный приход к власти Дмитрия почти несомненно означал бы кровавую усабицу между ним и дядьями, которым в лучшем случае угрожала бы участь умершего в темнице Андрея Горяя (что с двумя из них и произошло после смерти Василия III). А в худшем – для России – случае они могли бы оказаться вольными или невольными союзниками злейших ее врагов – очередного польского короля, например. История средневековой Европы наполнена подобными феноменами. Сделанный Иваном III выбор был, вероятно, нелегким, но, как подтвердил дальнейший ход событий, оказался верным. Великокняжение Василия III, хотя и не ознаменовалось блестящими успехами, прошло благополучно. Самое главное – братоубийственной усабицы, губительной для страны, удалось избежать.

Итак, несмотря на сильный соблазн раскрашивать события, тем более что в данном случае они действительно были драматичны, Карамзин в рассказе о династическом кризисе конца 1490-х годов оказался на большой высоте. Историограф с честью выиграл поединок с писателем. Картина событий, нарисованная Карамзиным, ясная, простая и правдивая, одна из самых удачных в историографии. За исключением отдельных частных случаев, он не поддавался соблазну нарочитой психологизации. Общий целостный взгляд историка-этиста уберег его и от попыток социологического анатомирования, столь любезного историкам XX в. Строгое следование источникам без попыток их домысливания и перетасовки привело автора к успеху в изложении одной из самых темных и запутанных проблем “государствования Иоаннова”. Но и на солнце, как извест-

но, есть пятна. Таким пятном в изложении Карамзина оказалось непоколебимое убеждение в симпатиях князей Патрикеевых к Дмитрию-внуку. Это убеждение передалось и историкам XX в., и в их интерпретации стало одним из основных аргументов в попытках решить проблему династического кризиса⁸.

Карамзин был первым русским историком, знакомым с текстом Судебника Ивана III по списку, обнаруженному К.Ф. Калайдовичем и П.М. Строевым и введенным ими в научный оборот⁹. Как и его предшественник М.М. Щербатов, Карамзин на основе глухого указания Типографской летописи (“Продолжения Несторова Летописца”) был убежден в том, что составителем Судебника являлся дьяк Владимир Гусев. Так родилась одна из самых стойких источниковедческих легенд, бытовавшая до середины XX в. Как считает Карамзин, Гусев получил повеление “собрать все наши древние судные грамоты”, после чего великий князь их “рассмотрел, исправил и выдал собственное Уложение, писанное весьма ясно, основательно”.

“Сей монарх, оружием и Политикою возвеличив Россию, старался, подобно Ярославу I, утвердить ее внутреннее благоустройство общими гражданскими законами, в коих она имела необходимую нужду, быв долгое время жертвою разновластия и беспорядка”. Карамзину не были известны ни Новгородская и Псковская судные грамоты, ни Белозерская Уставная, обнаруженные в частных архивах в ближайшие после него десятилетия. По его мнению (достаточно основательно), “гражданским Уложением в случаях не определенных Российским Правом”, служили до Судебника законы византийских императоров, внесенные в Кормчую книгу. Собственно же русское право определялось законами Ярослава Мудрого (т.е. Русской Правдой) и теми “древними судными грамотами”, которые и послужили основой Судебника. Но Судебник, как мы видели, не просто собрание старых грамот, а именно “собственное Уложение” Ивана III, “древнейшее после Ярослава”.

Комментарий Карамзина к Судебнику весьма краток и, надо признать, довольно невыразителен¹⁰. Он проследживает статьи, восходящие к “закону Ярославову”, но не

показывает принципиальную разницу между Судебником и Русской Правдой. Историк лиц и событий, увлекательный рассказчик не любит и не умеет анализировать законодательные акты. Тем не менее значение его в истории изучения Судебника достаточно велико. Ему принадлежит первая, самая общая и принципиально верная постановка вопроса: Судебник – Уложение, вышедшее из рук Ивана III и имеющее целью “внутреннее благоустройство России”. Судебник, таким образом, рассматривается прежде всего как факт истории России, как одно из мероприятий в рамках государственного строительства Ивана III. При всей краткости и бедности его комментария Карамзин был первым и на протяжении многих десятилетий единственным гражданским историком, обратившим серьезное (хотя, может быть, и недостаточное) внимание на Судебник. После него в XIX в. это сделал только Соловьев, почти не продвинувшийся дальше Карамзина. Ни Бестужев-Рюмин, ни Ключевский, ни Платонов не посвятили Судебнику ни строчки. Почти целое столетие он оставался монопольным предметом рассмотрения историков права и трактовался исключительно в юридических, а не общеисторических категориях. Только историки советского периода, прежде всего Л.В. Черепнин¹¹, возродили и существенно продвинули начатое Карамзиным общеисторическое изучение Судебника.

Перед мысленным взором историографа прошли все 43 года государственного правления Ивана III. Ни одно сколько-нибудь важное событие, упомянутое в известных ему источниках, не обойдено его вниманием. Ни один историк ни до, ни после Карамзина не сделал (не сумел и не захотел) ничего подобного. По широте охвата событий и детальности их описания с ним может сравниться только Соловьев, но суховатый, рационалистический метод автора “Истории России с древнейших времен” значительно уступает в яркости, выразительности и эмоциональном воздействии труду первого нашего историографа. Опираясь на все известные в его время источники, Карамзин сделал то, что было под силу лишь ему одному. Уникальное, ни разу не повторившееся больше сочетание в одном авторе таланта

писателя с талантом историка привело к замечательному успеху – впервые появилась книга о подлинном величии и славе России, достоверная, правдивая повесть о возрождении нашего Отечества, книга, которая и через шесть поколений читается с захватывающим интересом и в принципе, как всякое великое творение, не устареет никогда.

“Россия при Иоанне III как бы вышла из сумрака теней... как Держава независимая, величественно возвысила главу свою на пределах Азии и Европы, спокойная внутри и не боясь врагов внешних”. На протяжении всех семи глав VI тома рассказывается, как все это происходило, т.е. показываются события в их последовательности. Но что же двигало этими событиями? Почему все произошло так, а не иначе? И почему именно в *это* время, а не раньше и не позже?

Предвидя эти вопросы, историограф дает ответ на них. “Не теряясь в сомнительных умствованиях Метафизики, не дерзая определять вышних намерений Божества, внимательный наблюдатель видит счастливые и бедственные эпохи в летописях гражданского общества, какое-то согласное течение мирских случаев к единой цели, или связь между оными для произведения какого-нибудь главного действия, изменяющего состояния рода человеческого”. Во времена Ивана III “новая государственная система вместе с новым могуществом Государей возникала в целой Европе на развалинах системы Феодальной или Поместной”. Это замечание Карамзина чрезвычайно ценно. Он увидел, что новая единая держава Российская появилась именно в то время, когда во всей Европе происходило нечто подобное, – выражаясь терминами нынешней историографии, – становление сильных централизованных государств, шедших на смену феодальной раздробленности. Через полтора века после Карамзина это наблюдение углубил и развил Л.В. Черепнин, поставивший образование Российского централизованного государства в связь с аналогичными процессами в Европе и отметивший как общее, так и особенное в этих процессах¹².

Но сам Карамзин далек от таких выводов. Он не хочет теряться “в сомнительных умствованиях Метафизики”.

Для него “великие Державы образуются не механическим слеплением частей, как тела минеральные, но превосходным умом Державным”. “Россия нынешняя образована Иоанном”.

Коль скоро это так, то личные качества Иоанна имеют решающее значение – именно они определяют весь ход истории его времени. Задача историка – охарактеризовать эти качества. И Карамзин берется за эту задачу. Элементы характеристики главного действующего лица VI тома “Истории государства Российского” пронизывают все главы тома. Но в концентрированном, итоговом виде эта характеристика дается в конце главы VII. Она столь важна и содержательна, что является как бы самостоятельным сюжетом всего повествования.

“Иоанн III принадлежит к числу весьма немногих Государей, избираемых Провидением решить надолго судьбу народов; он есть герой не только Российской, но и Всемирной истории”. Из всех его качеств Карамзин на первое место ставит ум. “...Без учения, без наставлений, руководствуемый только природным умом, [он] дал себе мудрые правила в Политике внешней и внутренней”, он “изобрел благоразумнейшую, на дальновидной умеренности основанную для нас систему войны и мира, которой его преемники должны были следовать постоянно, чтобы утвердить величие Государства”.

Он был прежде всего государем, а не воином: “сидел на троне лучше, нежели на ратном коне, и владел скиптром искуснее, нежели мечом”. И это было хорошо: “Воин на престоле опасен: легко может обмануть себя и начать кровопролитие только для своего личного славолюбия”, в то время как “одна необходимая для государственной целостности и независимости война есть законная” – так и поступал Иоанн, воюя с Ахматом и Литвою, “среди успехов не отвергая мира, согласного с нашим благом”.

Герой Карамзина не только умен, но и обладает твердым, властным характером: он был “первым истинным Самодержцем России, заставив благоговеть пред собою Вельмож и народ, восхищая милостию, ужасая гневом...” Он весьма ценил свое достоинство государя, “любил пыш-

ную торжественность... хотел и всеми наружными способами возвышаться пред людьми, чтобы сильно действовать на воображение...”

“...Не будучи тираном, подобно своему внуку... он без сомнения имел природную жестокость во нраве, умеряемую в нем силою разума”. Впрочем, это не есть недостаток: “...Твердость, необходимая для великих дел государственных, граничит с суровостию”.

Вообще “Иоанн как человек не имел любезных свойств ни Мономаха, ни Донского”, не пленяя “великодушной смелостию”. Преобладающей чертой его характера была осторожность: “сия осторожность есть вообще благоразумие”, оно “... успехами медленными, как бы неполными, дает своим творениям прочность”, “умеренность была [ему] законом в самом счастье... ум его... не любил отважности, кроме необходимой”. Примером такой благоразумной осторожности и “медленных успехов” Карамзин считает мирный договор 1494 г. с Александром Литовским: “Покушение завоевать всю древнюю южную Россию возбудило бы против нас не только Польшу, но и Венгрию, и Богемию... надлежало бы воевать долго... Иоанн... лучше хотел миром утвердить приобретенное, нежели войною искать новых приобретений”.

В глазах Карамзина его герой успешно выдерживает сравнение с величайшими людьми в истории: “Что оставил миру Александр Македонский? Славу. Иоанн оставил Государство... которое ныне с любовью и гордостью именуем нашим любезным отечеством”. Трудно найти в истории человечества двух деятелей, менее похожих друг на друга и по характеру, и по целям, чем македонский завоеватель и московский легитимист. Но со своей точки зрения, в той плоскости, в которой он их рассматривает, Карамзин прав. Огромное царство гениального, непобедимого Александра, не пережившее своего творца, никто никогда не называл и не назовет Отечеством. Государство, созданное – по представлениям Карамзина – осторожным, легитимным Иоанном, стало Отечеством уже для 15 поколений россиян.

Осторожность Ивана, его легитимный консерватизм сказались и в том, что он, “включив Россию в общую госу-

дарственную систему Европы и ревностно заимствуя искусства образованных народов, не мыслил о введении новых обычаев, о перемене нравственного характера подданных”, он “иноземцам не заграждал пути в Россию... которые могли служить ему орудием в делах Посольских или торговых: любил изъяслять им только милость... к чести, не к унижению собственного народа”. Сквозит сравнение с Петром Великим, не к выгоде последнего, но оно оставляется для будущего времени: “в Истории Петра должно исследовать, кто из сих двух венценосцев поступал благоразумнее или согласнее с истинною пользою отечества”.

Характеристика Ивана III – одна из вершин историко-психологического творчества Карамзина. Ни в чем не отступая от известных ему источников, вполне удерживаясь от соблазна приукрасить своего героя или придать его характеру сентиментально-эмоциональный оттенок, историограф создает реалистически выпуклый, разносторонний портрет одного из величайших деятелей русской истории. И через почти 200 лет после введения в научный оборот массы новых источников мы можем только в очень немногих частностях исправить или дополнить его характеристику.

Но главное не в художественно-психологических достоинствах портрета Ивана III и не в его вероятной близости к оригиналу. Главное – в той роли, которую его характер играет в построениях Карамзина. Характеристика личности Ивана III незаметно перерастает в характеристику его политики, герой истории сливается с самой историей. Вопросы о причинах и следствиях, о движущих силах, о людях, окружавших героя и бывших орудием и средством его политики (а также его советниками, сподвижниками и соучастниками главного дела его жизни), не говоря уже о рядовых, безымянных для нас участниках исторического процесса, – все эти вопросы не только не ставятся, но даже и не могут быть поставлены. Для них просто нет места в живописной картине, развернутой в одной плоскости – плоскости действия главного героя. История эпохи Ивана III превращается в историю его самого. Россия не-

разделимо срастается со своим государем. Этатизм историка поднимается до высшей точки, на которой долго удержаться нельзя. Достигнув зенита, персонификация истории как бы исчерпывает себя и, дав все, на что способна, требует новых принципов и подходов.

Написать так, как Карамзин, невозможно. Превзойти его в его жанре немислимо. Нужно искать новые пути. И историческая мысль ищет настойчиво, хоть и не всегда успешно. Появляются Соловьев, Ключевский, Платонов, Пресняков, Базилевич, Черепнин, Зимин. Вводятся в оборот новые источники, появляются новые методы исследования и новые общие концепции исторического процесса, иногда плодотворные (те самые “сомнительные умствования Метафизики”, которых старательно и успешно избегал Карамзин). Не угасает интерес к одной из главных эпох истории России. Под микроскопом историка-аналитика прекрасная, яркая картина, нарисованная историком-живописцем, приобретает качество объемности. Все оказывается более сложным, многоплановым и противоречивым, но не менее величественным и значимым, чем казалось 200 лет назад. Мы можем без ложной скромности сказать, что сегодня знаем эпоху Ивана III и ее деятелей лучше, чем ее первооткрыватель. Но это не уменьшает его славу. Он впервые показал России великое время ее возрождения, великого ее героя – “одного из наиболее замечательных людей, которых русский народ должен всегда вспоминать с благодарностью, которыми по справедливости он может гордиться”¹³.

¹ См.: Комментированный список источников и литературы, использованных Н.М. Карамзиным в “Примечаниях”.

² Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. СПб., 1993. С. 300.

³ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). СПб., 1901. Т. XII. С. 130 и др.

⁴ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. № 72, 73. С. 252–274.

⁵ Пресняков А.Е. Иван III на Угре // С.Ф. Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911. С. 280–298; Базилевич К.В. Внеш-

няя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952. С. 102–168; *Алексеев Ю.Г.* Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989. С. 45–132.

⁶ Ср.: *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы. М.; Л., 1951. Ч. II. С. 289–306; *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. (Очерки социально-политической истории). М., 1982. С. 138–148, 160–178; *Лурье Я.С.* Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994. С. 195–215.

⁷ ПСРЛ. СПб., 1913. Т. XXI, ч. 2. С. 572.

⁸ Ср.: *Черепнин Л.В.* Указ. соч. Ч. II. С. 306, 317 и др.; *Зимин А.А.* Указ. соч. С. 160–178; *Лурье Я.С.* Указ. соч. С. 210–211 и др.

⁹ Законы великого князя Иоанна Васильевича и Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича с дополнительными указами. М., 1819.

¹⁰ Комментарий – в VII главе, текст Судебника – Примеч. 609.

¹¹ *Черепнин Л.В.* Указ. соч. Ч. II. С. 253–385.

¹² *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках: Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 7–11.

¹³ *Чечулин Н.Д.* Иоанн III Васильевич // Русский биографический словарь. СПб., 1897. Т. Ибак–Ключарев. С. 228.

УКАЗАТЕЛИ К ТОМУ VI “ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО”

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Абдыл-Керим, хан астраханский 143
Абдыл-Летиф, царевич крымский, хан золотоордынский, царь казанский, пасынок Менгли-Гирея 143, 165, 175, 191, 285, 293, 308
Аблекерим, хан астраханский 308
Абрамовы, род 261
Абульгази (Абу-ль-Гази Багадур хан), автор соч. по монгольской истории 250, 264, 360
Абусаид, султан чагатайский, внук Тамерлана 140
Август, имп. римский 170
Авдула, мурза крымский 252
Авдулман-Амон, кн. золотоордынский 228
Авива, св. 226
Авраам *см.* Алексей
Авраамий, еп. коломенский 279, 322, 339, 344
Авраамий (Авраамка), летописец 360
Авсиевы, род 261
Автоном, боярин 334
Агалак, царевич шибанский 175, 297
Агафон (Агафонище), священник новгородский 226
Агиш (Агыш), кн. золотоордынский 293
Агриппина, супруга кн. рязанского Иоанна Васильевича 200, 272, 313
Адам, библ. 119
Адам, писарь польский 290
Адриан, имп. римский 140
Ази-Баба, пос. крымский 54, 55, 251
Ази-Гирей, хан крымский 8, 54, 250, 252
Айдар, царевич крымский, сын крымского хана Ази-Гирея 54, 56, 88, 100, 105, 115
Айдар, постельник 228
Азика *см.* Мангиш-Азика
Акинф *см.* Иакинф
Акирей Муратович, мурза татарский 89
Акманлу, царевич крымский 343
Аксентьев (Оксентьев) Константин 280, 293
Аксентьев (Оксентьев) Кульпа 280
Алабыш Федор, кн. 271
Алакоз, пос. кафинский 296, 313
Алач, мурза ногайский 115
Алгазый (Алегазый), кн. казанский 273
Алевиз, архитектор 49, 248
Алегазый *см.* Алгазый
Алегам, хан золотоордынский 112, 113, 115–117, 191, 205, 273, 308

* Принятые сокращения: архиеп. – архиепископ, архим. – архимандрит, библ. – библейский, вел. – великий, великая, воев. – воевода, еп. – епископ, имп. – император, императрица, кн. – князь, княгиня, митр. – митрополит, пос. – посол, посланник, св. – святой, святая, соч. – сочинение.

- Александр, кн. иверийский 141, 284
- Александр VI, папа римский 195, 371
- Александр Великий Македонский, царь 213, 399
- Александр Захарьевич *см.* Сабуров Александр Захарьевич
- Александр Казимирович, вел. кн. литовский, король польский 125, 145–160, 162, 175–182, 184–186, 188, 191, 193, 194, 196–198, 202, 203, 286, 288–290, 293, 297, 298, 301–303, 307–309, 314, 342, 343, 366, 399
- Александр Климентьевич, новгородец 237, 238
- Александр Федорович Брюхатый, кн. ярославский 324, 331
- Александр Юрьевич, кн., воев. виленский 153
- Александр Ярославич Невский, кн. 82, 83, 139, 220, 340
- Александров Борис Семенович, воев. польский 285
- Алексеев (Гостенков) Михаил Иванович, дьяк 323
- Алексеев Ю.Г., историк 377, 402*
- Алексеева Ирина, москвичка 338
- Алексей, еп. владимирский, митр. киевский, св. 120
- Алексей, судья 303
- Алексей (Авраам), протопоп, еретик 119–121, 277, 366
- Алексей Васильевич, посадник псковский 250, 303, 327
- Алексей Вологжанин, архитектор 340
- Али, халиф Арабского халифата, имам 172
- Алильбег, кн. катакский 325
- Аллагьяр, пос. золотоордынский 308
- Алыский Пантелей, ливонец 249
- Альберт (Альбрехт), маркграф баденский 129
- Альберт (Олберт), немецкий мастер 248
- Альберт Казимирович (Альбрехт Польский), король польский 135, 145, 185, 186, 248, 297, 302, 342, 343
- Альберт Табор, еп. виленский 179
- Альм, воев. угорский 175
- Амбучевы, род 261
- Амвросий (Орнатский Андрей Антипович), архим., историк церкви 368*
- Амуртоза *см.* Муртоза (Амуртоза, Муртоса)
- Ананьин (Онаньин) Василий, степенный посадник новгородский 16, 63, 64, 255
- Анастасия, дочь кн. Михаила Андреевича 272
- Анастасия Ивановна (Настасья), новгородка 64, 86
- Анастасия Романовна, царица, супруга Ивана Грозного 299
- Ангелов Мануил Грек 248
- Ангелов Николай Иванович 323
- Андреев Фома, новгородский степенный посадник 64, 71
- Андрей, св. апостол 38
- Андрей, священник новгородский 292
- Андрей Александрович, кн. 237
- Андрей Боголюбский *см.* Андрей Георгиевич (Юрьевич) Боголюбский
- Андрей Васильевич Меньшой, кн., брат Ивана III 11, 16, 24, 36, 69–73, 80, 90, 96, 99, 127, 263–265, 279, 313, 334, 364, 372, 388
- Андрей Васильевич Старший (Большой, Горяй), кн., брат Ивана III 24, 36, 70, 74, 100, 125–127, 242, 264, 330, 334, 336, 363, 364
- Андрей Георгиевич (Юрьевич)

- Боголюбский, кн. владимиросудзальский 46, 74, 82, 111
 Андрей Иванович, кн., сын Ивана III 87, 200, 262, 317
 Андрей Коза, священник псковский 329
 Андрей Меньший *см.* Андрей Васильевич Меньшой
 Андрей Михайлович, боярин, окольныйчий 253, 262
 Андрей Олехнович, пос. литовский 286
 Андрей Палеолог, сын кн. морейского 38, 41, 45, 244
 Андрей Суздальский, брат Ивана III 89, 90
 Андрей Тимофеевич, боярин 249
 Аникиев, вятчанин 117, 276
 Анна, сестра Ивана III, супруга Василия Ивановича, вел. кн. рязанского 6, 35–36, 111, 160, 168, 193, 200, 225, 243, 294, 310, 313
 Анна Бретанская, королева римская 134, 136
 Анна, ошибочно называемая мать кн. Ивана Юрьевича 295
 Антон *см.* Антоний
 Антоний, папский легат 41–44
 Антоний, немецкий врач 118, 276
 Антоний Фрязин *см.* Петр Антонио (Антоний) Фрязин
 Антоний Фрязин, венецианец, посол московский, переводчик 38, 46
 Анфим, сотник вогуличей 296
 Арбузеев Киприан, боярин новгородский 27
 Арбузеев Григорий Киприанович 73, 79
 Арганнагой Грек 248
 Ардашов Белек, татарин 274
 Аристотель *см.* Фиоровенти Петр Аристотель
 Аристотель Андрей, сын Аристотеля Фиоровенти 246
Ардт (Арнт) Иоганн Готфрид, немецкий историк 243, 259, 267, 268, 292, 303–305, 311, 360, 380
 Артак, десятник арский 275
 Асанбек, пос. шамахийский 324
 Асанчук *см.* Заболоцкий Василий Григорьевич
 Асыка, кн. вогульский 174, 296
 Атила, хан гуннов 175
 Афанасьев Гридя, конюший 323
 Афанасий, священник 323
 Афанасий Евстафиевич, посадник новгородский 21
 Афанасий Никитин (Микишин), тверской купец, путешественник 223, 324, 326, 357, 380
 Афанасий Щедрый, архим. 340, 342
Афанасьева М.И., филолог 360
Афиани В.Ю., историк 355
 Афромей Васильевич *см.* Варфоломей Васильевич
 Ахмат, хан Большой (Золотой) Орды, 5, 7, 33–35, 44, 54, 55, 57–59, 87–89, 91, 93–102, 104, 105, 113, 114, 127, 143, 148, 156, 177, 189–191, 211, 242, 251, 263–265, 270, 274, 306, 307, 344, 386–389, 391, 398
 Ахмет, царевич ногайский, сын Мамуков 312
 Ахмет Паша, визирь турецкий 56
 Ахромей *см.* Варфоломей
 Бабич Иван, кн. 256
 Бабич Федор, кн. 272
 Бабич Юрий, кн. 164
 Бабур (Бабор), султан индийский, основатель империи Моголов 140
Байер (Баер) Готлиб (Теофил) Зигфрид, историк, филолог, академик 316, 361

- Базаровы, род 261
Базилевич К.В., историк 391, 401
 Бакшей, кн. татарский 269
Бантыш-Каменский Н.Н., историк 355, 356
 Барановы (Борановы), род. 261
 Барбаш-Суздальский (Борбаш) Иван Александрович, кн. 297
 Бардашевич Станислав, наместник брянский 181
 Бартоломей, немецкий типограф 137
 Баршов Иван 323
 Басенок (Басенков) Никифор, пос. 58, 94
 Батый (Бату), хан татаро-монгольский, основатель Золотой Орды 34, 84, 85, 98, 141, 177, 189, 190, 264, 384
 Бахтеяр, царевич астраханский 344
Башилов Семен Сергеевич, историк 278, 351, 360, 374
 Баязет II (Баазит, Баязид), султан турецкий 142, 157, 166, 167, 173, 176, 177, 190, 193, 208, 269, 284, 293
 Беззубцев Константин Александрович *см.* Кошкин-Беззубцев Константин Александрович
 Беззубцев Михаил Константинович, воев. 297
 Беззубцев Федор Константинович, воев. 292
 Безсон, боярин 338
Бекетов Платон Петрович, издатель 253, 261, 273, 301, 323, 359, 380
 Беклемишев (Берсень) Иван Никитич, пос. московский, боярский сын 145, 281, 285, 307–309, 312
 Беклемишев Никита, боярин, пос. 55, 56, 244, 250–253
 Беклемишев Семен (Симеон) Васильевич, кн., воев. 34, 244, 250–253
 Белевские, кн., род 144, 150, 152, 288
 Белевский Андрей Васильевич, кн. 145
 Белевский Иван Васильевич, кн. 145
 Белый (Белой) Петр Янович, гетман, пос. литовский 151, 181
 Белосельские, род 261
 Бельский Семен (Симеон) Федорович, кн. 179, 180
 Бельский Федор Иванович, кн. 104, 148, 160, 168, 175, 193, 269, 294, 297, 299, 309
 Бердей *см.* Яфар Бердей
 Берденев Михаил, боярин новгородский 86
 Бердешкин, воев. татарский 229
Бержерон Пьер, французский путешественник, автор соч. 253, 264, 284, 361, 368, 376
 Бернгард, магистр Ливонского ордена 101–103
 Бернов, воев. новоторжский 255
 Берсень *см.* Беклемишев Иван Никитич
 Берюлевы, род 261
 Бестужев Тимофей, пос. 58
Бестужев-Рюмин К.Н., историк 396
 Беткут (Бектут), кн. ордынский 119
 Биргер, правитель Швеции 83
 Битюговы (Битюговские), род 261
 Блудов Федор 287
 Бобр 317
 Бобров Иван 250, 317
 Богатырь, десятник черемисский 275
 Богдан, боярин новгородский 64, 255

- Богдан, воев. черкасский 148
 Богдан, пос. литовский 53, 268, 269
 Богдан, псковитянин 235, 250
 Богдан Армянин, пос. крымский 316
 Богдан Стефанович, воев. молдавский 193
 Богодайщиков Палка, воев. вятский 117, 276
 Боголюбский *см.* Андрей Георгиевич (Юрьевич) Боголюбский
 Богомоллов Родион, подьячий, гонец 255
 Болеслав I Храбрый, король польский 83
 Болтин Василий, сын боярский 138, 283
Болтин И. Н., историк 370, 379
 Болтин Семен 340
 Борановы *см.* Барановы
 Борбаш *см.* Барбаш-Суздальский
 Борецкая Марфа, вдова посадника новгородского 18, 22, 23, 25, 28, 29, 31, 64, 67, 79, 231, 235, 255, 258, 259, 316, 317, 380
 Борецкие, род 20, 23, 26
 Борецкий Василий Федорович 79
 Борецкий Дмитрий Исаакович (Дмитрий Исаков), боярин московский, посадник новгородский, сын посадника новгородского Исаака и Марфы 19, 21, 27, 28, 232, 235, 236
 Борецкий Исаак, посадник новгородский 18
 Борецкий Федор Исаакович (Федор Исаков), боярин новгородский 64, 255
 Борис Васильевич, кн. волоцкий, брат Ивана III 24, 36, 69, 70, 73, 89, 96, 100, 102, 125, 128, 183, 245, 253, 262–265, 279, 287, 313, 331, 335, 344, 362–365, 388
 Борис Слепый *см.* Тютчев Борис Слепой
 Боровские, кн. 108, 152
 Боровский Василий Ярославич *см.* Василий Ярославич
 Бородатый Степан, дьяк 29, 237
 Бороздин Григорий Никитич, боярин 70
 Бороздин (Бороздин-Захарьин) Василий Борисович, боярин 72, 253, 263, 292, 305
 Бороздин (Бороздин-Захарьин) Иван Борисович, боярин 72, 73, 253, 256, 292, 304, 309
 Бороздин (Бороздин-Захарьин) Петр Борисович, боярин 304, 305
 Бороздин (Бороздин-Жито) Иван Никитич, воев. тверской 24, 70, 187
 Бочук (Бочюк), татарский мурза, пос. 58, 253
 Брама, божество 326, 353
 Брюхатый Александр Федорович *см.* Александр Федорович Брюхатый
 Брюхатый Яков Афанасьевич, посадник псковский 292
 Брюхо Иван, кн. 164
 Булгак Иван, кн., боярин, воев. 253
 Буйносов-Ростовский (Буйнос) Иван Александрович, кн. 303, 304
 Булгак Иван Васильевич, кн. 103
 Бурмат (Бурмот), воев. пермский 32, 241
 Бутурлин Полиевкт (Полуект), воев. пермский 263
 Бучицкий Ян, подचाший, пос. литовский 311
 Быков Василий, псковитянин 235
 Быковы, род 261

- Варсонофий, монах 231
 Варсонофий *см.* Мамырев Василий
 Варфоломей *см.* Бартоломей
 Варфоломей (Ахромей) Васильевич, новгородец 231
 Василий, игумен Спасского монастыря 231
 Василий, кн. *см.* Василий (Василько) Романович
 Василий, посадник псковский 269
 Василий Борисович *см.* Бороздин (Бороздин-Захарьин)
 Василий Васильевич Гребенка *см.* Шуйский (Шуйский-Гребенка)
 Василий II Васильевич Темный, вел. кн. московский, сын вел. кн. Василия Дмитриевича, внук Дмитрия Донского 7, 10, 16, 30, 93, 113, 151, 171, 209, 212, 228, 237, 286, 328, 348, 364, 373
 Василий Великий, архиеп. кессарийский, св. 351
 Василий Данилович (Острожский), кн. 299
 Василий Дмитриевич, вел. кн. московский, сын Дмитрия Донского, дед Ивана III 9, 16, 33, 146, 171, 183, 237, 328, 329
 Василий Звенигородский *см.* Ноздроватый Василий
 Василий Зиновьевич, боярин 327
 Василий Иоаннович (Иванович) (Василий-Гавриил), кн., сын Ивана III 87, 136, 145, 151, 153, 160, 163, 167, 168, 170, 171, 186, 192, 195, 198–201, 203–205, 216, 262, 282, 294, 303, 309, 311–317, 321, 323, 348, 365, 373, 374, 393, 394
 Василий Иоаннович (Иванович) Рыльский, кн., внук Шемяки 180, 181, 186, 193, 194, 299
 Василий Иоаннович Шемячич, кн. 180, 186, 299, 303, 307, 309
 Василий Иванович, вел. кн. рязанский 6, 111, 313, 328
 Василий Иванович, кн. 273
 Василий-Казимер *см.* Казимер
 Василий Кессарийский *см.* Василий Великий
 Василий Лукич (Лукович), псковитянин 226
 Василий Максимович, посадник новгородский 232, 237, 240
 Василий Михайлович Удалой, кн. верейский 34, 70, 73, 79, 110, 111, 151, 272, 288
 Василий Никифорович, воев. новгородский 67, 237
 Василий Опимахович, посадник новгородский 292
 Василий (Василько) Романович, кн. острожский 299
 Василий Темный *см.* Василий II Васильевич Темный
 Василий Федорович (Острожский), кн. острожский 103, 299
 Василий Федорович, кн., сын кн. Федора Юрьевича 235, 329, 340
 Василий Ярославич (Боровский), кн. боровский 6, 30, 89, 238, 334
 Васко де-Гамо *см.* Гама
 Вассиан, еп. волынский (владимирский) 290, 339
 Вассиан, еп. сарский (сарайский) 328
 Вассиан (кн. Стригин-Оболенский), еп. тверской 108, 109, 120, 322, 334
 Вассиан, еп. туровский 290
 Вассиан Ковезник, келарь 278
 Вассиан Рыло, игумен Троице-Сергиевский, архиеп. ростов-

- ский 90–94, 99, 247, 263, 265, 329, 333, 334, 366
- Васьян *см.* Вассиан
- Вейдемейер И.* 357, 358
- Вельяминов Василий Федорович, боярин 243
- Вельяминов (Вельяминов-Обляз) Иван Васильевич, кн. 299
- Вельяминов (Вельяминов-Шадра, Щедра) Иван Васильевич, окольныйчий 299
- Вениамин (Вениамин Михайлович Плещеев), монах 278
- Верейский Василий Михайлович Удалой *см.* Василий Михайлович Удалой
- Верейский Михаил Андреевич *см.* Михаил Андреевич
- Виктор, немец, рудознатец 138
- Винков Юрий Тимофеевич, посадник псковский 328
- Вискун Иван, дьяк 340
- Виссарион, архиеп. никейский, кардинал 38, 39
- Витовт (Витольд, Александр) Кестутьевич, вел. кн. литовский 33, 84, 85, 104, 144, 146, 178, 183, 209, 286, 384
- Владимир Андреевич, кн. ростовский 7, 111, 326
- Владимир-Иоанн Васильевич, кн. 299
- Владимир II (Василий) Всеволодович Мономах, вел. кн. киевский 82, 95, 168, 169, 213, 215, 370, 399
- Владимир Григорьевич *см.* Ховрин Владимир Григорьевич
- Владимир I (Василий) Святославович, вел. кн. киевский, кн. новгородский 22, 33, 39, 46, 147, 154, 212, 213, 220, 221, 323
- Владимир Святой *см.* Владимир I (Василий) Святославович
- Владимир Ярославич, кн. новгородский, сын. вел. кн. Ярослава Мудрого 63
- Владислав (Владислав Венгерский) Казимирович, король венгерский и богемский 131, 135–137, 150, 185, 196, 203, 302, 343
- Вогульские, кн. 296
- Вокшерин Сумарок, дьяк 303
- Волник Григорий Иванович, дьяк 71, 242, 257
- Волоцкий Борис Васильевич *см.* Борис Васильевич
- Волоцкий Федор Борисович *см.* Федор Борисович
- Волох (Волошенин) Лука 342
- Волынский Иван Михайлович, кн., боярин, воев. 303
- Воронцов Симеон (Семен) Иванович, боярин, воев. 186, 303
- Воротынские, кн. 144, 147, 150–152, 288
- Воротынский (Воротынский-Кривой) Василий Кривой, кн. 144
- Воротынский Дмитрий Федорович, кн. 144, 286
- Воротынский (Перемышльский) Иван Михайлович, кн. 147, 300, 301, 303, 310, 343
- Воротынский Симеон Федорович, кн. 147, 286
- Врицымовский Петр, стольник, пос. польский 311
- Всеволод III (Дмитрий) Юрьевич (Георгиевич) Большое Гнездо, вел. кн. киевский, кн. владими́ро-суздальский, сын вел. кн. Юрия Долгорукого 22, 82, 111, 128, 171, 220, 259
- Всеволод Юрьевич Великий *см.* Всеволод III
- Вымский Василий Ермолич, кн. 296
- Вымский Петр, кн. 296

- Вымский Федор, кн. 296
 Вяземские, кн. 150, 152, 287
 Вяземский Михаил, кн. 286
- Гавриил, посадник псковский 337
 Гавриил, протоиерей новгородской церкви, еретик 119
 Гаврила *см.* Гавриил
Гадебуш Фридрих Конрад, лифлянский историк 268, 291, 292, 302, 303, 309, 311, 362, 368
 Гай Кальпурний Пизон Луциниан, римлянин 375
 Гакон, король норвежский 139, 348
 Галлер *см.* Геллер
 Гальба Сервий Сульпиций, имп. римский 85, 259, 375
 Гама (Васко де-Гамо), мореплавателю 209, 224
 Гаммерштет, рыцарь Ливонского ордена 195, 311
 Гартингир (Гертинг, Гертинге, Картингир, Юдок Кантирьгер), пос. императорский 203, 204, 314
 Гассан *см.* Узун-Гасан
 Гастольд Станислав, староста, пос. литовский 151, 152
 Гахонович Иоанн (Иван), посадник псковский 250
 Гедемин, вел. кн. литовский 154, 178, 208
Геллер (Галлер) А., швейцарский писатель 253, 375
 Геммерштет *см.* Гаммерштет
 Геннадий, еп. тверской 324, 334
 Геннадий Гонза, архим. Чудова монастыря, архиеп. новгородский 85, 120, 121, 163, 164, 201, 220, 221, 226, 247, 249, 260, 277, 278, 295, 303, 314, 322, 323, 336–341, 344, 351, 356, 368, 362, 366
Геннинг, хронист 368
- Генрих (Генрик) IV, имп. германский 128
 Генрих (Индрик), рыцарь Ливонского ордена 250
 Георгий *см.* Юрий
 Георгий Тимофеевич *см.* Винков
 Герасим, боярин молдавский 107
 Герасим, священник новгородский 278
 Герасим Смердков, еп. коломенский 336, 339
Герберштейн Сигизмунд, барон, пос. императорский, автор соч. 228, 252, 258, 294, 295, 297, 299, 300, 310–312, 315, 317, 318, 321, 348, 351–353, 362, 380
 Герман, дьякон 290, 300
 Герольт (Герлад) Давид, пос. датский 284, 293
 Геронтий, архим. Симоновского монастыря, еп. коломенский, митр. 47, 48, 68, 92, 94, 120, 216, 260, 263, 277, 331, 332, 334, 336, 356, 358, 366, 367
 Геронтий, иеродьякон, летописец 253, 260
 Герстур *см.* Стен Стур
 Гертинг, Гертинге *см.* Гартингир
Гизель (Иннокентий), автор 372
 Гирей, крымские ханы, сыновья и потомки Ази-Гирея *см.* Айдар, Менгли, Милкоман, Нордоулат, Усмарь, Ямгурчей
- Глазатой Исуп 276
 Глазатой Иван Есипов 276
 Глеб, пос. 329
Глебов И.Е., издатель 370
 Глебович Станислав, маршалок литовский 146, 147, 155, 156, 176, 179, 183, 202, 299, 311
 Глезна Иона, митр. киевский 290

- Глинский, кн., пос. литовский 148, 150
 Глинский Богдан, кн. литовский 181
 Глухов, новоторжец 255
 Глухой (Глухов) Иван Иванович, воев. 228
 Глухой (Глухов) Иван Игнатьевич 229
 Глушонок-Глазынич Михаил, кн. 301
 Годун Иван Иванович 314
 Годуновы, род 205
 Голова Иван *см.* Ховрин Иван Владимирович
 Голохвастов Алексей Яковлевич, пос. московский 173, 295, 296, 313
 Голшанский Симеон Юрьевич, кн., староста, маршалок 340–342
 Горбатый-Суздальский Иван, кн. 258, 304, 311
 Горемыка, дьяк, пос. литовский 298
 Гориновский Богдан, кн. 301
 Горяй Андрей *см.* Андрей Васильевич Старший
 Гостенков *см.* Алексеев Михаил Иванович
 Гребенка *см.* Шуйский (Шуйский-Гребенка) Василий Васильевич
 Грек Дмитрий *см.* Траханиот
 Грек Юрий *см.* Траханиот
 Грек Юшко *см.* Траханиот
 Гречновик, подьячий 261
 Грибец Иванов, гонец 274
 Григорий, архиеп. ростовский 340
 Григорий, купец 367
 Григорий, митр. киевский 179, 331, 349, 350
 Григорий, священник новгородский 279
 Григорий Дмитриевич (сын Давидов) 310
 Григорий Киприанов *см.* Арбузеев Григорий Киприанович
 Григорий Мамма, патриарх константинопольский 349, 350
 Григорий Никитич, воев. 70
 Григорий Федорович *см.* Давыдов
 Григорий Цимбалак (Цемивлак), митр. киевский (униатский), ученик Исидора 299
 Гридя *см.* Чеслюков
 Гридя Афанасьев *см.* Дровнин
 Грузов Козьма, посадник новгородский 236
 Губа *см.* Селезнев Василий
 Губа Василий, воев. 229
 Губа-Моклоков Никита, дьяк 312
 Губин Третьяк Михайлов (Синие Губы) 286
 Гуйгурсис Захария, кн. таманский 214, 315
 Гулдовы, род 261
 Гундоров (Гундор) Иван, кн. 303, 304
 Гундоров, воев. 164
 Гуниад, король венгерский 105
 Гурий, св. 226
 Гусев Владимир Елизаров, дьяк 168, 216, 294, 317, 395
 Гуссейн Мирза, правнук сына Тамерлана 140
 Гутенберг (Гуттенберг) Иоганн, немецкий книгопечатник 208
 Давид, царь, библия 92
 Давид *см.* Герольт
 Давыд Федорович, кн. 327
 Давыдов Григорий Федорович, боярин, воев. 292, 303
Далин Улоф, шведский историк 254, 284, 292, 293, 362, 381
 Далматов Василий Третьяк, дьяк 255, 286, 292
 Далмат, иконописец 338

- Даниар *см.* Данияр
 Даниил, пророк, библ. 120
 Даниил Васильевич, кн., сын Василия Галицкого 299
 Даниил, крещеный еврей 249
 Данила *см.* Холмский Даниил Дмитриевич
 Данияр, татарский царевич, сын Касима 24, 34, 69, 74, 99, 100, 119, 236, 242, 276
 Дашков Астафий (Остафий) 303
 Дашкович Евстафий, воев. литовский 186, 202
 Дебосис Павел, пушечный мастер 50
 Дебрянские (Брянские), кн. 225
 Девлет (Довлет), царевич крымский 143
 Делатор Георг (Юрий), пос. германский 131–135, 203, 281, 282, 314
Демокрит, древнегреческий философ 95
 Денис *см.* Дионисий
 Диакон *см.* Лев
 Диакон Герман, монах 298
 Дионисий (Денис), священник новгородский, еретик 119–121, 277, 366
 Дионисий (Денисий), иконописец 336
 Дионисий, монах 290
Длугош Ян, польский историк 213, 252, 259, 362, 380
 Димитрий *см.* Дмитрий
 Дмитрий, кн. морейский, брат Константина Палеолога 37
 Дмитрий, грек, пос. 41
 Дмитрий, грек. *см.* Ласкир Дмитрий Федорович
 Дмитрий Андреевич, кн., сын брата Ивана III 127
 Дмитрий Владимирович, казначей 135, 200, 282, 317
 Дмитрий Донской *см.* Дмитрий Иванович Донской
 Дмитрий Иванович Жилка, кн., сын Ивана III 87, 111, 193, 194, 200, 210, 215, 262, 272, 317
 Дмитрий Иванович (Иоаннович) Донской, вел. кн. 16, 49, 82, 91, 95, 114, 118, 151, 207, 209, 213, 214, 237, 328, 387, 399
 Дмитрий Иванович (Иоаннович), кн., внук Ивана III 160, 163, 167–172, 192, 294, 309, 315, 392, 393, 395
 Дмитрий Михайлович, боярин новгородский 237, 238
 Дмитрий Палеолог, кн. морейский 37, 248
 Довлет, царевич крымский 143
 Довлетек, мурза крымский 55, 100
 Довмонт, кн. псковский 102, 267
 Долгирович Богдан, пос. польский 314
 Долмат *см.* Далмат
 Долматов *см.* Далматов
 Дорогобужский Иосиф (Осип) Андреевич, кн., боярин, воев. 183, 276, 300, 301, 310
 Дорогобужский Юрий Андреевич, князь, воев. тверской 24, 109
 Дорофей Олферьевич, посадник новгородский 225
 Дровнин Гридя Афанасьев, конюший 323
 Друцкие, кн. 183, 301
 Друцкий Богдан Одинцов, кн. 301
 Друцкий Юрий Михайлович, кн. 301
 Дубенский Феогност, монах 278
 Дурной Чавка Васильев, воев. 310
 Дьяк Иван, воев. ливонский 225

- Дюканж (Дю-Канж) Шарль, французский историк* 243, 244, 367, 380
- Дятль Василий, воев. 257
- Евдокия (в монаш. Ефросинья), вел. кн., супруга Дмитрия Донского 328
- Евдокия, дочь вел. кн. Ивана Васильевича 87, 262
- Евфимий, еп. крутицкий 342, 343
- Евфимий, еп. брянский и черниговский 327, 331
- Евфимий, игумен псковский 398
- Евфросиния Полиевктовна, супруга кн. Петра Дмитриевича Донского 328
- Едигей (Эдигей), кн. золотоордынский 116
- Едигей, царевич, сын хана Ахмата 143
- Екатерина II, имп. 221
- Екмычевы, кн. 296
- Елагин И. П., историк* 370
- Елевферий (Олферий) Иванович, боярин новгородский 255
- Елена, св., царица греческая 322
- Елена, старшая дочь вел. кн. Ивана Васильевича 87
- Елена, младшая дочь вел. кн. Ивана Васильевича, вел. кн. литовская 87, 125, 129, 152–155, 178, 180, 197, 198, 202, 203, 223, 291, 298, 302, 312, 314, 366
- Елена Романовна, кн., супруга кн. Андрея Васильевича Углицкого 336
- Елена Стефановна, дочь Стефана IV, воев. молдавского, супруга Ивана Ивановича, старшего сына Ивана III 101, 107, 111, 120, 167, 168, 170–172, 192, 294, 309, 392, 393
- Елизаров Владимир *см.* Гусев
- Елизаров Юрий (Юшко) 341
- Елизавета (Изабелла) Кастильская, королева испанская 45, 244
- Елизавета, принцесса датская 204
- Елисей, архим. Киево-Печерского монастыря 260, 271
- Энгель *см.* Энгель
- Епанча (Японча) Салтан, царица крымский 342
- Ермолай, дьяк 303
- Ермолин Василий Дмитриевич, мастер 329
- Есипов Богдан, новгородский тысяцкий 64, 261
- Ефросинья *см.* Евфросиния Полиевктовна
- Жилка см.* Дмитрий Иванович Жилка
- Жито см.* Бороздин Иван Никитич
- Житов Петр Иванович, окольничий 299, 300, 305, 310
- Жук Василий, дьяк 291
- Жук Иван Васильевич, воев. 303, 310
- Заберецкий (Забереженский, Забережский) Ян Юрьевич, кн., наместник полоцкий 153, 285, 302
- Заболоцкий Алексей Григорьевич, пос. 307, 309
- Заболоцкий (Заболоцкий-Асанчук) Василий Григорьевич (Асанчук) 286
- Заболоцкий (Заболоцкий-Бражник) Василий Иванович, воев. 174, 297
- Заболоцкий Константин Григорьевич, дворецкий, пос. московский 146, 285, 291, 312
- Заболоцкий (Лобан-Заболоц-

- кий) Петр Григорьевич (Лобан), боярин 271, 297
 Загряжский (Загрязский) Дмитрий Давидович, дворянин 150, 151, 286
 Зайцев Дмитрий, дьяк 139, 284
 Зайцев Ярец (Василий) 303
 Залуцкий, дьяк, пос. польский 314
 Замантоний, итальянский архитектор 248
 Замыцкий Константин 314
 Замятня Иван, сын боярский 27
 Захарий, крещеный мурза Чет 205, 314
 Захария, пророк, библ. 23
 Захария, монах, еретик 120, 121
 Захария, новгородский дьяк 66, 72, 75, 255
 Захарьин *см.* Бороздин-Захарьин
 Захарьин-Юрьев Роман Юрьевич, окольник 299
 Захарьины-Юрьевы, род 299
 Звенец Иван Иванович, кн., боярин, пос. московский 87, 88, 159, 229, 253, 270, 271, 273, 276, 281, 293
 Звенигородский *см.* Иван Александрович
 Звенигородский Василий *см.* Ноздроватый Василий
 Зворыкин Михаил, сын боярский 285
 Зезевидов (Зезевит) Семен, гоноц 283, 351
 Зеленины, род 261
 Зенебек, царевич татарский, хан крымский 55, 57, 87, 252
 Зенк, пос. польский 297, 314
 Зерно Александр 314
 Зерно Дмитрий Александрович 314
 Зернов (Зерно) Дмитрий Дмитриевич 314
 Зернов (Зерно) Иван Дмитриевич 314
 Зернов (Зерно) Константин Дмитриевич (Шея) 314
 Зигмунт, эрцгерцог австрийский 138, 139
 Зимин А. А., историк 401, 402
 Зиновий Михайлович, посадник псковский 326
 Зиновьев Иван, боярин 257, 261
 Зосима, архим., митр. 120–122, 220, 248, 249, 277, 278, 322
 Зосима, св., игумен Соловецкого монастыря 18
 Зыран, воев. пермский 32
 Иакинф (Акинф) Васильевич, новгородец 79
 Иаков, дьяк 234
 Иаков, пос. литовский, писарь 11
 Иаков, пушечный мастер 248
 Иаков (Яков), немец, пират 293
 Иаков Александрович, посадник новгородский 237, 238
 Иаков Зиновьев, новгородец 232
 Иаков Иванович, посадник псковский 230
 Ибак (Ивак), хан тюменский, царь шибанский 98, 116, 264, 265
 Ибрагим, хан золотоордынский 10–12, 14–16
 Ибрагим, царевич золотоордынский, сын Мамутека 112, 228
 Иван *см.* Иоанн
 Иван, печатник, духовник кн. Михаила Андреевича Верейского 272
 Иван, священник устюжский 229
 Иван, немец, рудознатец 138
 Иван Александрович, кн. звенигородский 7, 225, 256
 Иван Александрович, кн. псковский 230, 327
 Иван Аникиев (Оникиев), вятчанин 117, 276

- Иван Андреевич, кн. можайский 93, 152, 180, 238, 288, 313
- Иван Андреевич, кн., сын кн. Андрея Васильевича 127
- Иван Афанасьевич, боярин новгородский 254
- Иван Борисович, кн. 128, 183, 299, 344, 365
- Иван Борисович *см.* Бороздин (Бороздин-Захарьин)
- Иван Васильевич *см.* Булгак
- Иван Васильевич, вел. кн. рязанский 11, 212, 398, 373
- Иван Васильевич, кн. острожский 299
- Иван Васильевич, посадник 237, 238
- Иван III (Тимофей) Васильевич, вел. кн. московский и всяя Руси, сын вел. кн. Василия II Темного 5–82, 84–238, 240, 242, 250, 252, 254, 255, 259, 261–263, 265, 268–270, 280, 282, 283, 286, 287, 289, 293, 295, 299, 302–309, 311, 316–319, 321–324, 347–349, 352, 359, 362–375, 377, 382, 402
- Иван IV Васильевич (Тимофей) Грозный, вел. кн., царь 212, 312, 315, 348, 352, 374
- Иван Владимирович, кн. *см.* Лыко-Оболенский
- Иван Гахонович, посадник псковский 250
- Иван Георгиевич (Юрьевич), кн. литовский 269
- Иван Данилович Калита, вел. кн. московский 32, 50, 82, 84, 209, 220, 237, 249, 316, 383
- Иван Дмитриевич Шемячич, кн. 180, 238, 288
- Иван Зиновьевич, боярин 80, 103
- Иван Земской 249
- Иван Иванович, кн. брянский 225
- Иван Иванович, кн. ростовский 111
- Иван Иванович, кн. рязанский 200
- Иван Иванович, кн. на княжении во Пскове 343
- Иван Иванович Молодой, сын Ивана III и Марии 6, 59, 90, 101, 107, 110, 118, 237, 238, 240, 272, 359, 362–364, 387, 388
- Иван Калита *см.* Иван Данилович
- Иван Клементьевич, боярин новгородский 255
- Иван Кузьминич (Козмин), боярин, посадник новгородский 79, 86, 232
- Иван Лествичник, св. 249
- Иван Лукинич, посадник 237, 238
- Иван Максимов, еретик 120, 277
- Иван Молодой *см.* Иван Иванович Молодой
- Иван Никитич, боярин 243
- Иван Спаситель, капеллан Ордена августинцев 199, 222, 248, 341
- Иван Фомич, наместник в Пскове 230
- Иван Фрязин, венецианец, монетчик, московский пос. 38–44, 100, 243, 382
- Иван Юродивый *см.* Иоанн, св. устюжский, юродивый
- Иван Юрьевич *см.* Патрикеев
- Иван Юрьевич
- Иван Ярославич, кн. 288
- Иванов, боярин 279
- Иванча, переводчик 54
- Игнатъев Петр 243
- Игорь Рюрикович, вел. кн. киевский 95
- Иеремия Сухощок *см.* Сухощок
- Иеремия
- Ижеславский Михаил *см.* Мстиславский Михаил Иванович

- Изабелла *см.* Елизавета Кастильская
- Измаил-Софи, шах персидский 172
- Измайлов Инко, воев. 286
- Износок Филипп 278
- Изяслав I Мстиславич, вел. кн. киевский 128, 141
- Изяслав (Дмитрий) Ярославич, вел. кн. 214
- Иисус Навин, библ. 95
- Иисус Христос 122, 123, 247, 260, 277, 324, 351
- Илия, библ., пророк 120, 341
- Именек, мурза крымский 100, 104, 252
- Индрик, переводчик 226
- Иоаким, патриарх иерусалимский 277, 327, 367
- Иоаким Яковлевич, новгородец 232
- Иоанн, король датский, шведский 139, 164, 292
- Иоанн (Иван Каплан), капеллан, пос. датский 292
- Иоанн (Илия), св., архиеп. новгородский 260
- Иоанн (Ян), пос. венгерский 106, 271
- Иоанн, священник новгородский 258
- Иоанн, священник псковский 292
- Иоанн (Иван), св. устюжский, юродивый 341
- Иоанн Златоуст, св. 246, 247
- Иоанн Младой *см.* Иван Иванович Молодой
- Иоанн Предтеча, библ. 49, 206
- Иоанн Чудотворец 260
- Иоасаф, монах царьградский 298
- Иоасаф, кн. Оболенский, архиеп. ростовский 247, 336, 339
- Иоасаф Скрыпицын, игумен троицкий, митр. 87
- Иоахим *см.* Иоаким
- Иона, архиеп. новгородский 7, 18, 19, 227, 230, 327, 328, 349, 350, 359
- Иона, архиеп. пермский 327, 330
- Иона, еп. луцкий 290, 341
- Иона Глезна, митр. киевский 228
- Иона Чудотворец, еп. рязанский, митр. 244, 247, 336
- Иосиф, еп. виленский 178–180
- Иосиф, игумен 366
- Иосиф Волоцкий, св. игумен 119, 120, 122, 124, 201, 277, 279, 314, 334, 351, 366–368, 380
- Иосиф Протосингел, митр. кесарийский 327, 350
- Иосиф Салтан, митр. киевский 178, 179, 298
- Исаев Федор, пос. волошский 343
- Исайя (Исайка), кн. манкупский 56, 252
- Исаков Дмитрий *см.* Борецкий Дмитрий Исаакович
- Исаков Лука, новгородец 73
- Исаков Федор *см.* Борецкий Федор Исаакович
- Исаф, келейник 298
- Исидор (Сидор), митр. киевский 38, 43, 349
- Истома, еретик 277
- Исуп, царевич астраханский 191
- Исуп Салтан, царевич астраханский 344
- Исуп (Юсуф), пос. крымский 54
- Иуда, купец 226
- Иулиания (Юлиания), кн., супруга кн. Бориса Васильевича 365
- Иустиниан I, имп. римский 326
- Казак Алексей, сотник 296
- Казиков Р.Б., историк* 355
- Кайсым Солтан *см.* Касим
- Казимер (Василий-Казимер) Василий, посадник новгородский 27, 31, 64, 86, 235, 236, 254

- Казимир Андрей IV (Казимир Литовский), король польский, вел. кн. литовский 11, 17, 19, 20, 24, 27, 28, 31, 33–35, 53–55, 86, 88–90, 97, 100, 104–110, 113, 125, 127, 128, 131, 133–135, 141, 143–149, 151, 156, 177, 180, 184, 203, 213, 269, 270–272, 285, 349
- Казый, мурза ногайский 265
- Калайдович К.Ф., историк* 355, 374, 395
- Калба см. Калпак
- Калемет, кн. казанский 293, 308
- Калитин Федор, староста, новгородец 69
- Каллист, папа римский 39
- Калпак (Калба), кн. югорский 173, 296
- Камбарам, кн., пос. золотоордынский 307
- Каменевич-Рвовский, дьякон 356
- Кантемир Д.К., историк* 309, 368, 388
- Кантирьгер Юдок см. Гартингер
- Каплан см. Иоанн, капеллан
- Каракача, царевич касимский 276
- Карамзин Н.М., историк* 355–378, 381–401
- Карамзин В.Н.* 360
- Карамыш Михаил, кн. 305, 309
- Карамышев Андрей 271
- Карамышев Василий, боярский сын 271, 285
- Карачаров Митрофан Федорович 173, 248
- Карачук, пос. золотоордынский 58
- Карач, мурза крымский 252
- Карл Фрязин, венецианец, брат Ивана Фрязина 38, 248
- Карпин см. План-Карпини
- Карпов Григорий 228
- Картингир см. Гартингер
- Касим, татарский царевич 10, 13, 24, 34, 228
- Касим (Кайсым Солтан) 324
- Кассиан, архим. юрьевский, еретик 201, 314
- Касыда, царевич золотоордынский, племянник хана Ахмата 89
- Кача, воев. пермский 32
- Квашнин (Квашня) Илья Иванович 316, 317
- Квашнины, род 261
- Келер, хронист* 291, 368
- Кельх Христиан, лифляндский историк* 268, 291, 303–305, 311, 368
- Кестутий Гедеминович, вел. кн. литовский 287
- Кика Иван, воев. 263
- Киндырев Дмитрий Васильевич, воев. 300, 305
- Киприан, митр. 244, 247, 374
- Киприанов Григорий, новгородец 73, 79
- Кирдан, кн. мордовский 278
- Кирей, татарин, пос. литовский 33, 34, 242
- Кирилл, еп. луцкий 342
- Кирилл Иванович, новгородец 21, 232
- Киселев Михаил, воев. 324
- Киселев Федор Михайлович 116, 275, 307
- Китаев Дмитрий Васильевич 261
- Китай Василий Федорович, боярин, наместник новгородский 53, 65, 80, 250, 253, 255, 261
- Кишка Станислав, воев. литовский 194, 300
- Клавша Николай (Никула), ливонец 249, 250
- Клексин Ермачко 316
- Клементьевы, род 261
- Клементьев Иван, боярин 255
- Клементьев Лука, боярин 255
- Климент, кузнец 328

- Климент, пос. венгерский 270, 271
- Клочко Войтех (Войтко) Янович, пос. литовский 144, 286
- Ключь Гридя, еретик 351
- Ключевский В.О., историк* 391, 396, 401
- Кляпик *см.* Яропкин Михаил Яковлевич
- Кляпов Михаил 291
- Кнаш, иконописец 336
- Ковезник Васьян *см.* Вассиан Ковезник
- Ковер Василий Андреевич, кн., пермский наместник 33, 241, 344
- Кодские, кн. *см.* Югорские, кн.
- Кожунов Борис, воев. 228
- Коза *см.* Андрей Коза
- Козицкий Г.В., издатель* 370
- Козлов В.П., историк* 355, 356
- Козлова Н.А., историк* 356
- Козма, новгородец, брат Захария Овина 67, 277
- Козма Григорьевич, посадник новгородский 236
- Козмин Иван, новгородец 79, 86, 232
- Козодавлев О.П., государственный деятель* 357
- Козяк, царевич золотоордынский 190
- Кокос Хози (Алексей), крымский еврей 54–56, 250, 252
- Колокольцовы, род 261
- Колтовский Федор, кн. 341
- Колумб (Коломб) Христофор, путешественник 208, 209
- Колупай, воин 229
- Колычев (Колычев-Лобан) Иван Андреевич, воев., пос. московский 143, 188, 292, 303, 305, 306
- Колычев Михаил Андреевич 304
- Колычев Михаил Семенович 310
- Колышко Михаил Иванович *см.* Патрикеев (Патрикеев-Колышко) Михаил Иванович
- Коновницын Александр 316
- Коновницын Василий 316
- Коновницыны, род 316
- Коноплев Дмитрий, еретик 201
- Конрад, кн. мазовецкий 125, 149
- Константин Великий Багрянородный, имп. византийский 140, 220, 322, 348
- Константин XII Палеолог, имп. византийский 37
- Константин Иванович, кн. острожский, гетман литовский 181–183, 187, 299–301, 342, 343
- Константин Федорович Улемец, кн. 327
- Константин Юрьев, воев. вятский 275
- Константин Ярославич, кн. псковский 279, 339
- Контарини Амвросий, пос. венецианский, автор записок о России* 58–60, 262, 268, 376, 380
- Копыл Василий, купец 317
- Корамыш, Корамышев *см.* Карамыш, Карамышев
- Корамыш-Курбский *см.* Курбский (Курбский-Карамыш)
- Корвин *см.* Матвей Корвин
- Короб Якоб, посадник новгородский 64, 71, 72, 75, 86, 254
- Коробай, азовец 302
- Коробов (Короб) Андрей Иванович (Тверитянин), воев. 276, 292, 295, 305
- Коробьин-Брюхо Иван, сын боярский 283
- Коробьин Козма (Кузьма), боярин 235
- Косой Василий *см.* Патрикеев (Патрикеев-Косой)
- Костевин (Костевич) Ян (Якуш) 308

- Котельников Артем (Ортем) 317
 Котельников Мартемьян 317
Котельников С.К., академик 361
Кочубей В.П., государственный деятель 352
 Кошкин-Беззубцев Константин Александрович, кн., воев., родоначальник Шереметевых 12–15, 229
 Кошкин-Захарьин Юрий Захарьевич, боярин, воев. 181, 182, 273, 278, 297, 299, 300
 Кошкин-Захарьин Яков Захарьевич, боярин, воев. 86, 109, 128, 163, 181, 193, 200, 202, 278, 285, 292, 299, 302, 309, 310
Кранц Альберт, историк 244, 259, 268, 269, 292, 312, 369
 Кривоборский 278
 Кривцов Иван, архитектор 244
Кроммер Мартин, польский историк 250, 269, 298, 302, 307, 369
 Кропотич Федор *см.* Кропоткин Федор Александрович
 Кропоткин (Кропотко) Андрей, кн. 304
 Кропоткин Федор Александрович, кн. 310
Круг Иоганн Филипп, историк 253, 369
 Крылов Федор, воев. 303
 Кубенский Иван Семенович, кн., окольный 184, 301, 302, 317
 Кудаш, переводчик 293
 Кудолжиков Родион (Родя), подьячий 293
 Кузьма *см.* Козма
 Кузьмин Василий 261
 Кулешин (Кулешов) Василий, дьяк, казначей 132, 133, 154, 155, 291, 341
 Кульпа *см.* Аксентьев
 Кулук Салтан, царевич тюменский 344
Куне Христиан, историк 259
 Кунцевич Матвей, гонец 314
 Курбский (Курбский-Карамыш) Михаил Федорович, кн. 175, 193
 Курбский Семен (Симеон) Федорович, кн. 174, 297, 348
 Курбский (Курбский-Черный) Федор, кн. 173, 296
 Курва, повар 256
 Курицын Иван Волк, дьяк, еретик 201, 291, 297
 Курицын Федор, дьяк, еретик 106, 120–122, 124, 129, 135, 141, 153, 270, 277, 281, 282, 366
 Куршка, крымский татарин 302
 Кутузов Андрей Семенович, пос. 295
 Кутузов Борис Васильевич, окольный 271
 Кутузов Михаил, пос. 105
 Кутузов-Шестак Юрий Иванович, воев. 104, 117, 253, 276
 Кушелев Севастиан 257
 Кушелев Федор 301
 Лаб, кн. кодский 174, 296
 Лаврин, писарь, гонец ливонский 285
 Лазарев Дмитрий, дьяк 58, 253
 Лазарев Пахомий, вятчанин 117, 276
 Лакомцев, псковитянин 337
 Ланк, боярин молдавский 107
 Ланкины, род 261
 Ларев *см.* Ралев
 Ласкир Федор, грек, боярин 45, 244
 Ласкир Дмитрий Федорович, грек 45
 Латухин, купец 315
 Леваш, дьяк 220, 322
 Леваш, слуга 296

- Лев Диакон Калойский, византийский летописец* 215, 348
 Лежень, псковитянин 337
Леман, хронист 281, 369
 Леон Мистр, венецианский врач 118
 Леонтий Аввакумович, новгородец 231
 Лихарев Давид 307
 Лобан-Заболоцкий *см.* Заболоцкий Петр Григорьевич
 Лобан-Кольчев Иван Андреевич *см.* Кольчев (Кольчев-Лобан)
 Ломошко, вогулич 297
 Лощинский Иван, боярин новгородский 64, 255
 Лука, боярин новгородский 27
 Лука, еп. полоцкий 290
 Лука, ловчий 293
 Лука Климентьевич, посадник новгородский 235, 236
 Лука Остафьевич (Евстафьевич), посадник 237, 238
 Лука Федорович, посадник новгородский 72, 75, 237, 238
 Лука Волох *см.* Волох (Волошенин) Лука
 Луковиц Василий 226
 Лукомский Иван, кн. 147, 148, 286
Лурье Я.С., историк 366, 402
 Лыко-Оболенский Иван Владимирович, кн. 89, 269, 276, 347, 351
Львов Н., владелец летописи 227, 243–247, 253, 261–263, 265, 268, 270, 272, 273, 276, 279, 286, 297, 298, 315, 323, 369, 380
 Людвиг (Лудвик), великий магистр Немецкого ордена 134
 Людовик, великий магистр Немецкого ордена 347
 Людовик, французский монах 59, 60
 Лятик, кн. сибирский 296
 Магмет-Аминь *см.* Магомет, царевич
 Магмет, пророк 274
 Магомет (Магмет-Аминь), царевич, хан золотоордынский 112, 113, 116, 143, 165, 166, 181, 183, 188, 191, 205–207, 269, 273, 275, 279, 285, 299, 305, 306, 308
 Магомет II, султан турецкий 37, 38, 40, 45–47, 56, 58, 107, 142, 166
 Магомет (Махмет), хан шемхинский 295
 Магомет (Магмет, Магмет-Шихзода), султан кафинский, сын султана Баязета 166, 173, 193, 296
 Мазовецкий Конрад *см.* Конрад
 Макарий (прозвище Сатана, Черт), архим. виленский, митр. киевский 155, 179, 290, 298
 Макарий, св., игумен калязинский 324
 Макарий, архиеп. новгородский, митр. 374
 Макарий, посадник псковский 266
 Максимилиан I, имп. германский 128, 130–139, 195, 201, 203, 204, 208, 280, 281, 283, 398
 Максим Ларионович, посадник псковский 327
 Максим Уродивый, св., юродивый 344
 Максимов Василий, степенный тысяцкий новгородский 71
 Максимов Иван, еретик 120, 201, 277
 Малечкин Константин, гонец 290
 Малик (Мелик), хан 326
Малиновский А.Ф., историк, архивист 355, 357
Маллет, историк 284, 314, 369

- Малый (Малой) Иванов Григорий, сын боярский 253
- Малый Юрий *см.* Траханиот
- Юрий (Юшко) Малый Дмитриевич Грек
- Мамай, золотоордынский темник 91, 95, 98, 209, 387
- Мамон Григорий, окольный 93
- Мамонов Иван Григорьевич, сын боярский 178, 219, 301, 302, 306, 322, 328
- Мамук, царь шибанский 165, 175, 293, 312
- Мамутек, хан золотоордынский 113, 228
- Мамутек (Мамытек), царевич 143
- Мамырев Василий (в иночестве Варсонофий), дьяк 338, 340, 341
- Мамырев Даниил, дьяк 242, 291, 317
- Мамытек *см.* Мамутек
- Мангиш-Азика (Мангыш-Азик, Азика), татарин 269, 306, 307
- Манкиев А.И., историк 375*
- Мансуров Федор 250
- Мануил, кн. морейский 350
- Мануил Илариюв, сын грека 283
- Мануил Палеолог, сын кн. морейского 38, 45, 248
- Мария, св. 347
- Мария Андреевна, супруга кн. Василия Михайловича 272
- Мария (в монашестве Феотинья) Александровна, супруга вел. кн. Симеона Ивановича Гордого 332
- Мария Борисовна, тверская княжна, супруга вел. кн. Ивана III 6, 9, 227, 272
- Мария, племянница Софьи Палеолог, супруга кн. Василия Михайловича Верейского 45
- Мария (в монашестве Марфа) Ярославна, супруга вел. кн. Василия Темного 34, 35, 43, 90, 91, 107, 125, 225, 242, 258, 263, 328
- Мария, дочь вел. кн. Василия Дмитриевича 171, 329
- Марк Памфилиевич, новгородец 79
- Марк Руфо, пос. московский 59, 60
- Марк Фрязин *см.* Руфо
- Маркел *см.* Марчелло
- Марко *см.* Руфо
- Марков Иван, новгородец 69
- Марфа *см.* Борецкая Марфа
- Марфа, инокиня *см.* Мария Ярославна
- Марфа, кн. ростовская 331
- Марья *см.* Мария
- Марчелло (Маркел), дож венецианский 47
- Масланский Олехно, кн. 301
- Матвей (Матеаш) Корвин, король венгерский 101, 105, 106, 110, 131, 270, 271
- Матвей Лях 271, 272
- Матвей Михайлович, кн. пермский 33, 241, 242, 344, 358
- Матвей Селезнев, боярин новгородский 236
- Матвей (Матиас), поляк, переводчик 148
- Матеаш *см.* Матвей (Матеаш) Корвин
- Машута, псковитянин 331
- Махмет *см.* Магомет, хан шемхинский
- Махмуд (Махмут), султан шемахийский 172, 270, 295
- Махмуд *см.* Сеид-Ахмат
- Махмуд, царевич золотоордынский 252
- Медведь, рязанец 272
- Мезецкая Елена, княжна 330
- Мезецкие, кн. 150–152, 288
- Мезецкий Василий Андреевич, кн. 288

- Мезецкий Михаил Романович, кн. 147, 286, 288
- Мезецкий Петр Романович, кн. 286
- Мезецкий Петр Федорович, кн. 288
- Мезецкий Роман Андреевич, кн. 288, 330
- Мезецкий Семен Романович, кн. 286, 288
- Мезецкий Федор Андреевич, кн. 288
- Мезецкий (Мезецкий-Сухой) Федор Федорович, кн. 288
- Мезецкий-Говдыревский Василий Федорович, кн. 288
- Мезецкий-Говдыревский Иван Федорович, кн. 288
- Мезецкий-Говдыревский Федор, кн. 288
- Менгли, Менгли-Гирей, сын крымского хана Ази-Гирея, хан крымский 54–58, 87, 88, 90, 100, 104–107, 110, 112–115, 141–144, 146, 148–150, 158, 159, 165–167, 176–178, 184, 188–193, 251, 252, 262, 269, 271, 273, 274, 284–286, 290, 293, 299, 301, 302, 306–308, 312–342
- Мердоулат, царевич крымский 262
- Мещаниновы, род 261
- Мещевские *см.* Мезецкие
- Мещерские, кн. 152
- Мигун 237
- Микита *см.* Никита
- Микишин Афанасий *см.* Афанасий Никитин
- Микулин Тимофей, подьячий 290
- Микулинский Владимир Андреевич, кн., боярин, воев. 300, 305, 310
- Микулинский (Микулинский-Телятевский) Михаил Федорович, кн., боярин, тверской воев. 69, 70, 109, 193, 300, 305, 309, 351
- Милкоман, сын крымского хана Ази-Гирея 54
- Миллер Г.-Ф., историк 281, 371–374
- Миран, царевич, хан, сын Тамерлана 140
- Мирандольский Иоанн Пик, алхимик 119
- Мисаил, еп. смоленский, митр. киевский 290
- Мисюра (Мисюрь), татарин 33
- Митрофан, архим. андронниковский, еп. коломенский 200, 279
- Михаил, кн. пермский 32, 33, 241, 327
- Михаил Александрович (Олелькович), кн. литовский 270, 271
- Михаил Андреевич (Михаил Верейский), кн. верейский и белозерский 6, 24, 26, 27, 90, 110, 111, 152, 245, 272, 288, 333, 334, 364, 372, 373
- Михаил Архангел, библ. 49
- Михаил Архистратиг, библ. 249
- Михаил Борисович, вел. кн. тверской, шурина Ивана III 6, 24, 69, 108–110, 125, 152, 259, 288, 324, 364, 372
- Михаил Киевский, кн. 231
- Михаил Олелькович, кн., воев. 17–19, 104, 119, 231, 269
- Михаил Романов *см.* Михаил Федорович
- Михаил Романович *см.* Мезецкий
- Михаил Тверской *см.* Михаил Борисович
- Михаил Федорович Романов, царь 181, 299
- Михаил Ярославич, вел. кн. тверской 6, 50, 110

- Михаил, св. *см.* Михаил Ярославич
 Мичкин, воев. пермский 32
 Мишковский Петр. воев., послитовский 152, 196, 311
 Мишнев Андрей, воев. 296, 335, 336
 Мних-Ряполовский *см.* Ряполовский Василий Семенович
 Можайские, кн. 6, 108, 152, 288
 Можайский Андрей Васильевич, кн. 363
 Можайский Иван Андреевич, кн. *см.* Иван Андреевич, кн. можайский
 Можайский Иоанн, кн. 93, 238
 Можайский Симеон, кн. *см.* Черниговский Симеон
 Моисей, библ., пророк 95, 119, 120, 341
 Моисей, архиеп. новгородский 260
 Моклоков Никита *см.* Губа-Моклоков
 Моклоков Тихон, дьяк 314, 317
 Молдан, кн. югорский 173, 296
 Молнин, переводчик, толмач 294
 Момырев *см.* Мамырев
 Монамах *см.* Владимир II (Василий) Всеволодович
 Морозов *Б.Н., историк* 355
 Морозов (Морозов-Поплева) Григорий Васильевич, боярин, воев. 65, 117, 253, 276, 303
 Морозов-Поплевин Василий Григорьевич, боярин, воев. 303, 304
 Морозов-Поплевин Иван Григорьевич 303, 304
 Мосальские, кн. 179, 183, 299
 Мосальский Тимофей Владимирович, кн., пос. литовский 144, 285
 Мстислав Мстиславич Храбрый (Удатный), кн. 83
 Мстислав Ростиславич Безокий, кн. 195
 Мстислав Ростиславич Храбрый, кн. смоленский, новгородский 63, 83
 Мстислав Храбрый *см.* Мстислав Ростиславич Храбрый
 Мстиславский (Ижеславский) Михаил Иванович, кн. литовский 186, 303
 Муник Иван, литовец 301
 Муравьевы, род 261
 Мурат, пос. иверский 284
 Муртоза (Амуртоза, Муртоса), царевич золотоордынский, сын Муртозы 97, 104, 105, 114, 115, 242, 250, 264, 270, 306
 Муртоза, царевич казанский, сын Мустафы 54, 242, 250
 Муса, мурза ногайский 93, 115, 116, 148, 175, 264, 307
 Мусин-Пушкин *А.И., граф, коллекционер* 359, 361, 370, 371
 Мустафа (Мустофа), царевич золотоордынский, хан 54, 143, 242
 Мустофины, род 261
 Мушат, пос. валашский 341
 Мценские, бояре 179
 Мынында (Мынинда) *см.* Патрикеев (Патрикеев-Мынинда)
 Мышкин, архитектор 244
 Набонассар, царь ассирийский 214
 Нагой-Оболенский *см.* Оболенский-Нагой
 Назарий, новгородец 66, 72, 75
 Назимовы, род 261
 Нарбут Станислав, пос. литовский 185, 302
 Нариман Дамиян 284
 Нариман, пос. грузинский 141
 Настасья *см.* Анастасия, новгородка

- Наталья, жена дворянина Алексея Полуевктова, служила у вел. кн. Марии, супруги Ивана III 9
- Наум, священник 278
- Некрас *см.* Рукавов
- Некрасовы, род 261
- Нелидов Гавриил, воев. 32, 241
- Нелединские, род 261
- Несецкий К., автор* 299
- Нестеровы, род 261
- Нестор, летописец* 241, 279, 317
- Нефедьевы, род 261
- Никита, дьяк 302
- Никита, книжник 44
- Никита Константинович, боярин галицкий 229
- Никита Романович *см.* Юрьев-Романов
- Никита Савич, боярин новгородский 18, 19
- Никита Семешков, еп. коломенский 332, 335
- Никитин Афанасий *см.* Афанасий Никитин
- Никифор, имп. византийский 215, 348
- Никифоров Василий, новгородец 255
- Николай, св., архиеп. мирликийский 49, 138, 141, 283, 347
- Николай Гостунский, св. 57, 58
- Никольский Герасим, священник 278
- Никон, еп. коломенский 344
- Никон, патриарх 361
- Никула Немирович, маршалок 250
- Нифонт, патриарх константинопольский 298
- Нифонт (Суздальский), игумен кирилло-белозерский, еп. суздальский 21, 122, 219, 322, 335, 336, 357, 366
- Новиков Н.И., журналист, археограф* 362, 364–367, 371, 374, 375
- Новосильские, кн. 192, 288
- Ноготь (Ноготь-Оболенский) Андрей Никитич, кн., воев. 101, 266
- Ноздроватый Василий, кн., воев. 90, 97, 188, 191, 269, 285, 306, 308, 347, 351, 389, 390
- Нордовлат *см.* Нордоулат
- Нордоулат, царевич, хан крымский, сын Ази-Гирея 54, 87, 90, 97, 100, 105, 113–115, 126, 274, 306, 389, 390
- Нороватые, род 261
- Носов Богдан, москвич 330
- Нума-Помпилий, имп. римский 181
- Нурсалтан, дочь хана Тимура, ханша крымская 112–114, 166, 228, 273
- Обляз *см.* Вельяминов Иван Васильевич
- Оболенские, кн. 263, 336
- Оболенский Александр Васильевич, кн., боярин, воев. 69, 70, 73, 187, 253, 286, 305
- Оболенский (Туренин-Оболенский) Владимир Борисович, кн. 69, 299, 300
- Оболенский (Турен-Оболенский) Борис Михайлович, кн. 70, 73, 272, 298
- Оболенский (Оболенский-Стрига) Василий Иванович, кн. 24, 273
- Оболенский (Оболенский Стрига, Стрига, Бабич) Иван Васильевич, кн., боярин, воев. 10, 11, 51, 69, 70, 72–74, 78–80, 211, 242, 261, 334
- Оболенский (Оболенский-Репня) Иван Михайлович, кн., воев. 126, 193, 292, 299, 309, 310

- Оболенский Иван Щетина *см.* Стрига-Щетина-Оболенский Иван Иванович
- Оболенский Константин Ярославич, кн. 279
- Оболенский Петр Васильевич, кн. 253, 300
- Оболенский Петр Никитич, кн. воев. 126, 292
- Оболенский Федор Васильевич, кн. 300
- Оболенский Ярослав Васильевич, кн., брат Стриги 51, 53, 79, 103, 249, 261
- Оболенский-Лыко Иван *см.* Лыко-Оболенский
- Оболенский-Нагой Петр Васильевич, кн. 12, 223
- Оболенский-Стрига *см.* Оболенский Василий Иванович
- Образец *см.* Образец (Образец-Симский) Василий Федорович
- Образец (Образец-Симский) Василий Федорович, боярин, воев. 24, 27, 34, 49, 69, 70, 74, 90, 112, 126, 248, 253, 304
- Образец-Симский-Хабар Иван Васильевич 206
- Образец Игнатий, воев. 303, 305
- Обрамовы *см.* Абрамовы
- Обуяз, улан крымский 97
- Овин Захарий, посадник новгородский 67
- Оданья Сидор, ливонец, судья 226
- Одерборн П., историк* 259, 376
- Одинец, дьяк 258, 281
- Одинцов Богдан *см.* Друцкий Богдан
- Одинцовы, род 261
- Одоевские, кн. 144, 146, 152, 288, 301, 343
- Одоевский Василий Семенович, кн. 309
- Одоевский-Сухорук Иван Семенович, кн. 310
- Одоевский Симеон Юрьевич, кн. 53, 144
- Одоевский Федор Юрьевич, кн. 144
- Окинф *см.* Иакинф
- Олабыш *см.* Алабыш
- Олберт *см.* Альберт
- Олеарий, пос. английский, автор* 315, 321, 370, 376
- Олег I, кн. киевский 33, 213, 215, 259, 321
- Олексева *см.* Алексева Ирина
- Олехна Сидимонтович, пан 269
- Олехнович Андрей *см.* Андрей Олехнович
- Олферий *см.* Елевферий
- Ольга, кн. 119, 128
- Ольгерд (Александр) Гедеминич, вел. кн. литовский 104, 151, 171, 181, 183
- Ольшанский, кн. литовский 104, 269
- Омар, царевич, сын Тамерлана 140
- Ондрюшкович Богдан 250
- Онкиф Васильевич, новгородец 237, 238
- Онуфрий, св. 247
- Орбан, пос. шведский, племянник Стена Стура 64, 254
- Орнатский *см.* Амвросий
- Осеев Сава, атаман 229
- Осип, еретик 366
- Осия, протопоп коломенский 244
- Острожские, кн. 299
- Острожский Василий Данилович *см.* Василий Данилович
- Острожский Василий Романович *см.* Василий (Василько) Романович
- Острожский Василий Федорович *см.* Василий Федорович (Острожский)

- Острожский Даниил Васильевич
см. Даниил Васильевич
- Острожский Иван Васильевич,
см. Иван Васильевич, кн. острожский
- Острожский Константин Иванович
см. Константин Иванович, кн. острожский
- Острожский Михаил, кн. 342, 343
- Острожский Роман Данилович
см. Роман Данилович, кн. острожский
- Острожский Федор Васильевич
см. Федор Васильевич, кн. острожский
- Остюкович (Остикович) Григорий, маршалок литовский 183
- Остюкович (Остикович) Родивил, воев. литовский 250
- Оттоманы, турецкая династия 56
- Оттон I, имп. германский 128
- Оттон, имп. римский 259, 375
- Офонас Остафьевич, посадник 232
- Офонасий Тферитин *см.* Афанасий Никитин
- Ощера (Ощеря) Иван Васильевич, окольный 93, 243, 253, 388
- Ощерин Иван Иванович, пос. московский 312, 342
- Павел II, папа римский 38—40, 371
- Павел Иовий, историк* 321, 368
- Павел Теляшев, новгородец 236
- Паисий, игумен святогорский 342
- Паисий, игумен троцкий 94, 277
- Палецкий Федор Иванович, кн., боярский сын 165, 168, 285
- Палеологи, род 38, 107, 141, 244
- Палеологи *см.* Андрей, Дмитрий, Константин XII, Мануил, Фома
- Палецкий (Палецкий-Хруль, Хруля) Иван Иванович, кн. 168, 294
- Памфилиев Марк, купеческий староста 79
- Панфил Селифонтович, новгородец 21, 232
- Папин Василий, пос. 324, 326
- Папул, кн. мордовский 275
- Парамша (Парамшин), мастер 317
- Патрикеёв (Патрикеев-Косой) Василий Косой (в монаш. Вассиан), кн., боярин 164, 171, 279, 292, 295
- Патрикеев (Патрикеев-Мынинда) Иван Иванович, кн. 171, 279
- Патрикеев Иван Юрьевич, кн., воев. 10, 16, 70, 72
- Патрикеев (Патрикеев-Кольшко) Михаил Иванович, кн., сын боярский 253, 286
- Патрикеевы, кн. 393, 395
- Пафнутий, св. игумен боровский 334
- Пахомий Лазарев *см.* Лазарев Пахомий
- Пенко Данила, Пенко-Ярославский *см.* Ярославский Даниил Александрович
- Перемышльские, кн. 144, 146, 152, 288
- Перемышльский *см.* Воротынский Иван Михайлович
- Пернауер Матвей, капитан 311
- Пернауер Генрик, поручик 311
- Перх, псковитянин 337
- Перхушков Григорий, кн. 229, 332
- Пестриковы, род 261
- Пестрый Федор *см.* Стародубский-Пестрый Федор Давидович
- Петр, св. 40, 45, 46, 120, 245, 350
- Петр, пос. волошский 302

- Петр, воевода ланчинский *см.*
Мишковский Петр
- Петр, пушечный мастер 50, 248
- Петр, ученик Аристотеля 246
- Петр I Алексеевич (Великий),
имп. 199, 213, 214, 316, 400
- Петр Антонио (Антоний) Фря-
зин, архитектор 48, 49, 248
- Петр Борисович *см.* Захарьин
- Петр Васильевич, кн. 329
- Петр Дмитриевич, кн. 313
- Петр Митрополит *см.* Петр Чу-
дотворец
- Петр Федорович, боярин, воев.
34, 253
- Петр Фрязин, пушечный мастер
344
- Петр Чудотворец, св., митр. ки-
евский 30, 47, 169, 220, 221,
226, 238, 245–247, 317, 329,
330, 350
- Петрей, пос. шведский, автор
соч. о России* 315, 370, 380
- Петров Андрей, сын боярский
138, 283
- Печенеговы, род 261
- Пешка Семен, воев. 69, 70
- Пешков Дмитрий *см.* Сабуров-
Пешков Дмитрий Семенович
- Пизон, легат 299
- Пий II, папа римский 37
- Пимен, монах, ключник архиеп.
новгородского, 19, 231, 232
- Питаро Иван, пос. волошский
342
- План-Карпини (Карпин, Плано-
Карпини) Джиованни да, мо-
нах, пос. папский к вел. хану,
автор соч.* 264
- Платонов С.Ф., историк* 396, 401
- Плеттенберг Вальтер фон, ма-
гистр Ливонского ордена
184–188, 194, 195, 208, 303,
305, 311, 312, 348
- Плещеев Андрей Михайлович,
боярин 263, 281
- Плещеев Василий Петрович, кн.
343
- Плещеев Вениамин Михайлович
см. Вениамин, монах
- Плещеев Иван Петрович, кн.
146, 343
- Плещеев Михаил Андреевич,
боярин, воев. 107, 166, 167,
173, 183, 293, 294
- Плещеев Петр Михайлович, бо-
ярин, воев. 299, 301, 312
- Плещеев Юрий Тимофеевич 310
- Плещеев (Плещеев-Субота)
Иван Андреевич 292
- Плюсков, боярин смоленский,
пос. литовский 144, 285
- Погожев Михаил, гонец 248
- Подвойский Назар 255
- Подкурский Иван, псковитянин
249
- Подося Иван, пос. мазовецкий
149
- Подрельский Прохор, еп. кру-
тицкий 263
- Полуктов Алексей, дворянин
253, 272
- Полухтов *см.* Полуктов
- Помпей, римский полководец
140
- Поплева Григорий *см.* Морозов
(Морозов-Поплева) Григо-
рий Васильевич
- Поплевин *см.* Морозов-Попле-
вин
- Поппель Николай, рыцарь, пос.
императорский 128–130, 279,
280, 282
- Поссе Кнут, начальник выборг-
ской крепости 163
- Постельниковы, род 261
- Поярок, сын боярский 168, 294
- Пресняков А.Е., историк* 391, 401
- Прокофий Зиновьевич 154
- Протасий, еп. рязанский 342
- Прохор, еп. крутицкий 121, 322,
331, 341, 351

- Пукушов Филипп, посадник псковский 267
- Путятин Григорий Афанасьевич 285
- Пушкин А. С., поэт, историк* 379, 393
- Пынзей, кн. югорский 296
- Пыткей, кн. югорский 296
- Радивил Остикович** 250
- Райнальд *см.* Рейнальд
- Рйко Петр Грек, итальянец 248
- Ралев (Ларев) Дмитрий Иванович Грек, пос. 139, 173, 284
- Рало Иван Палеолог, грек 45, 118, 244, 248
- Регнус, кардинал 195
- Редровы, род 261
- Резяк, гонец 274
- Рейнальд О., историк* 243, 299, 371, 380
- Репехов Юрий, новгородец 80, 253
- Репня *см.* Оболенский-Репня Иван Михайлович
- Рихтер В. М., врач, историк* 347
- Родион, пос. новгородский 230
- Роман, кн. фоминский 287, 288
- Роман Акинфович, новгородец 80
- Роман Галицкий *см.* Роман Мстиславович
- Роман Данилович, кн. острожский 299
- Роман Мстиславич, кн. галицкий 181
- Роман Юрьевич *см.* Захарьин-Юрьев Роман Юрьевич
- Романов Федор Никитич (в монаш. Филарет), боярин, воев. 299
- Ромейкович Юрий 288
- Ромодан, кн. мордовский 275
- Ромодановский Василий Васильевич, кн., пос. 143, 156, 177, 284, 295, 298, 303, 306, 310
- Ромодановский Иван Васильевич, кн. 273
- Ромодановский Семен Васильевич, кн. 295, 310
- Ромодановский Федор Васильевич, кн. 184, 301, 302
- Ромул, мифолог. 181
- Ропченко Афанасий *см.* Яропкин (Ропченко)
- Ростовские, кн. 110
- Ростовский Александр Владимирович, кн., боярин, воев. 164, 186, 193, 292, 303, 309, 342, 343
- Ростовский Дмитрий Владимирович, кн. боярин 344
- Ростовский Иван Буйнос *см.* Буйносов-Ростовский
- Рублев Андрей Семенович, боярин, посадник 256, 269, 338
- Рубруквис Г., пос. французский, автор* 264, 361
- Рукавов Некрас, еретик 201, 314
- Румянцев Н. П., граф., канцлер, коллекционер* 318, 352
- Руно Иван Московский, воев. 11, 13, 228, 229
- Рурик *см.* Рюрик
- Русалка Михаил Яковлевич, боярин 123, 154, 155, 253, 279
- Русин Григорий, купец 277, 367
- Руссов Б. (Рюссов), историк, хронист* 303–305, 311, 368, 371, 380
- Руфо Марк (Марк Фрязин), архитектор 48, 49, 272
- Рыло *см.* Вассиан
- Рыльский Василий 160, 180
- Рындины, род 261
- Рюрик, кн. новгородский 20, 22, 31, 66, 212, 369, 384
- Рязанские, вел. кн. 152, 288
- Рязанский Иван Васильевич, кн. 272, 288, 313, 328
- Рязанский Федор Иванович, кн. 288, 309, 310

- Ряполовская, кн. 155
 Ряполовские, кн. 295
 Ряполовский, воев. 165, 293
 Ряполовский (Мних-Ряполовский, Ряполовский-Стрига) Василий Семенович, кн. 183, 193, 299, 309
 Ряполовский (Ряполовский-Лобан) Петр Семенович, кн. 175, 303, 310
 Ряполовский Семен (Симеон) Иванович, кн., боярин, воев. 69, 70, 73, 126, 153–155, 168, 171, 261, 295, 392, 393
 Ряполовский (Ряполовский-Хрипунов) Федор Семенович Хрипун, кн., воев. нижегородский 12, 113
- Саблуковы, род 261
 Сабур Федор 314
 Сабуров Александр Захарьевич 314
 Сабуров Андрей Васильевич, окольный 297
 Сабуров Василий Федорович, воев. 69, 70, 73, 275
 Сабуров Юрий Константинович, боярин 205
 Сабуров (Сабуров-Пешак) Семен Федорович 14
 Сабуров-Пешков Дмитрий Семенович, дворецкий 154, 271
 Сабурова Соломония, вел. кн. 99, 204, 205
 Сабуровы, род 314
 Савва, монах троицкий 278
 Савва, псковитянин 235
 Савватий Соловецкий, св., игумен соловецкий 335, 367
 Савины, род 261
 Садыр, кн. татарский 293
 Саин (Сагин), хан золотоордынский 265
 Салтаган, царевич крымский 126
- Салтык-Травин Иван Иванович 173, 296
 Салый, пос. кафинский 295
 Самон, св. 226
 Самсонка, дьяк, еретик 278
 Сантай Сигизмунд, пос. венгерский 195
 Сапега Богдан, писарь литовский 202, 300
 Сапега Иван, канцлер, пос. литовский 297, 311
 Сараев Иван 324
Сарторий Г.Ф.К., историк 292, 371, 381
 Сарра, жена еретика 119
 Сарыевы, род 261
 Сатана см. Макарий
 Свант Стур, шведский полководец 164, 292
 Сверчок, еретик 277
 Святополк Ярополкович, вел. кн. киевский 82, 83
 Святослав I Игоревич, кн. киевский 33, 95, 215, 348
 Северские, кн. 104, 194
 Севрюк Константин, гонец 274
 Сеид-Ахмат (Махмуд, Седихмат, Сеид-Ахмут, Сеид-Махмут, Сеит-Махмут), царевич, хан золотоордынский 104, 126, 149, 189, 190, 269, 306, 307
 Селевин Алексей, смолянин 148
 Селевин Богдан, смолянин 148
 Селезнев Василий (Губа), боярин, посадник новгородский 27, 236
 Селезнев Матвей, посадник новгородский 236
 Селиван, боярин московский, пос. 17, 226, 239
 Селиванов Алексей (Олешуня) 317
 Семен Васильевич, кн. острожский 299
 Семен Борисович, пос. 114, 250, 274

- Семен Карпович, окольный 292, 297, 310
 Семен Юрьевич, кн. 270
 Семеновский Григорий, священник 278
 Семешков *см.* Никита Семешков
Сербинович К.С., историк 362, 367–368, 371–375
 Сергей, св. 87
 Сериков Алексей 341
 Серпейские, бояре 179
 Сивлайский Иван, кн. 226
 Сигизмунд, маркграф бранденбургский 130
 Сидор *см.* Исидор
 Сидоров Горяин 341
 Сикст IV, папа римский 39, 40, 45, 244, 371
 Сигизмунд, кн. литовский 158
 Силуян, еп. крутицкий 279, 341
 Симеон, митр. киевский 290, 339
 Симеон Богоприимец, св. 227
 Симеон Иванович, сын Ивана III 87, 200, 262, 317
 Симеон Иванович Гордый, вел. кн. московский 61, 151, 332
 Симеон Максимович, пскович 327
 Симеон Олелькович (Симеон Киевский), кн., наместник вел. кн. литовского Казимира 17, 231
 Симеон Романович, кн. новосильский, наместник новгородский 10, 11, 186, 339
 Симеон, еп. рязанский 121, 272, 279, 322, 336
 Симеон (Сергий), архиеп. новгородский 85, 260
 Симеон Столпник, св. 140
 Симон, игумен, митр. 123, 171, 220, 242, 247, 278, 313, 342, 350, 358
 Симский Хабар, воев. 206
 Синк, боярин молдавский 107
 Скорута Александр, пос. литовский 302
 Скрыба Василий Устюжанин, воев. 173, 296
 Скрыба Тимофей Игнатьевич, боярин 100, 265
 Скрыба Щавий 294
 Скурат Зиновьевич 341
 Слизнев Иван 306
 Смолка Михаил 306
 Снупс Михаил, немец, рудозна-тец 138
 Собат-Улан 279
 Собураш-Саит 279
 Согер Хаз, кн., пос. крымский 307
 Сокольник Лука 293
Солиньак Р.Й., историк 315, 373, 374
Соловьев С.М., историк 390, 396
 Сологуб, воев. литовский 194
 Соломон, библия 119
 Сонга, кн. югорский 296
 Сопега *см.* Сапега
 Сотцкий Кондрат, пос. псковский 225
 Софи Измаил, шах персидский 172
 София (Софья) Палеолог, дочь кн. морейского, вел. кн., жена Ивана III Васильевича 37–45, 49, 57, 58, 60, 87, 99, 110, 111, 132, 151, 167, 168, 170, 172, 192, 199, 210, 222, 223, 244, 248, 262, 263, 272, 294, 295, 312, 328, 390, 391, 393
 Спиридон, лжепатриарх 333
 Спиридон, игумен 243
 Станислав *см.* Глебович
 Станислав Петрякович 290
 Старков Алексей Иванович, пос. 55, 56, 251, 252
 Стародубские, кн. 295
 Стародубский Симеон Ивано-

- вич, кн. 186, 193, 194, 303, 307, 309
- Стародубский-Пестрый Федор Давидович (Пестрый Федор), кн., боярин, воев. 25, 27, 31, 34, 43, 66, 69, 70, 72–74, 78, 230, 236, 241, 253, 255, 300, 333, 335
- Стен Стур (Стен-Стур), король шведский 64, 134, 164, 165, 176, 196, 254
- Степан Григорьевич, новгородец 232
- Степанков Еська 316
- Стефан, посадник 261, 296
- Стефан Кстур *см.* Свант Стур
- Стефан IV Великий (Стефан Молдавский), воев. молдавский 107, 135, 146, 149, 150, 155, 158–160, 176, 184, 192, 193, 211, 270, 295, 302, 309, 315, 342
- Стефан Родионович (Аристович), посадник псковский 267, 295
- Стравин 294
- Стрига, Стрига-Оболенский *см.* Оболенский Василий Иванович
- Стрига-Ряполовский Василий Семенович Мних, кн. 153, 193, 299, 309
- Стрига-Щетина-Оболенский Иван Иванович, боярин, воев. 305
- Стригин Петр Иванович, кн. 300
- Стригин Федор Иванович, кн. 299
- Стриковский *см.* Стрыйковский
- Строев П.М., историк* 326, 350, 351, 356, 360, 395
- Стромилов Станислав Петряшкович, пос. литовский 144, 285, 290
- Стромилов Федор, дьяк 168, 294, 392
- Стур *см.* Стен Стур
- Стрыйковский (Стриковский) М., хронист* 263, 299, 300–302, 307, 322, 360, 374, 381
- Субота-Плещеев Иван Андреевич *см.* Плещеев Иван Андреевич
- Судимонтович Олехна, литовец 269
- Суздальские, кн. 83, 259
- Суздальский Иван Александрович *см.* Барбаш-Суздальский
- Суздальский Семен Борисович 308
- Сухошок Иеремия (Еремей), чашник архиеп. новгородского 27
- Схариа (Скарья), еврей 119, 214, 315, 316
- Табор *см.* Альберт Табор
- Тавернье Ж.-Б., французский путешественник* 224
- Тамара (Тамари), царица грузинская 141
- Тамерлан, хан монгольский 59, 140, 172
- Таракан, купец 330
- Тарузины, род 261
- Тархан, мурза 229
- Татищев В.Н., историк* 316, 318, 321, 374, 375, 379
- Татищев Мунт, сын боярский 126
- Татьянины, род 261
- Тацит, историк* 259, 375
- Твердислав, посадник 83
- Тебетуланов *см.* Тулупов (Тебетуланов) Борис Иванович
- Тевекель, кн. татарский 307
- Телепень (Телепень-Оболенский) Федор Васильевич, кн. 146, 193, 285, 309
- Телешов Иван Иванович, дьяк 180, 308, 313
- Телешов Яков, гонец 313

- Телятевский Михаил Федорович
см. Микулинский (Микулинский-Телятевский) Михаил Федорович
- Темеш, голова 341
- Темир, татарин 33
- Темир (Тимур, Темир-Кутлуй), хан золотоордынский 94, 98, 105, 112, 116, 263, 265, 273
- Теншин Иван, посадник, воев. 304
- Теодосия *см.* Феодосия
- Теткины, род 261
- Течик, кн. югорский 173
- Тимофей, священник, иконник 335, 336
- Тимофей Васильевич, посадник 235
- Тимофей Грозный *см.* Иван Грозный
- Тимофей Остафьевич, посадник 237, 240
- Тит, имп. римский 23, 246
- Тихон архиеп. ростовский 121, 279, 322, 339, 340, 344
- Товарков Иван Федорович Молодой, сын боярский, боярин московский 22, 94, 253, 256, 261, 388
- Толбузин Семен, пос. 46, 47
- Толстой Ф.А., граф, коллекционер* 295, 301, 303, 304, 306, 310, 311, 356, 359
- Торгоша Иван 249
- Торн Георг, доктор, переводчик 130
- Торусский Иван 193
- Тохтамыш, золотоордынский хан 91, 114, 118, 209, 245
- Травин Салтан 261
- Траханиот Дмитрий Мануйлович Грек 41, 295, 323
- Траханиот (Трахонит) Юрий Мануйлович Грек 38, 130–133, 137–139, 201, 248, 280, 281, 283, 291, 323
- Траханиот Юрий (Юшко) Малый Дмитриевич Грек 205, 317, 323
- Тревизан Иван Батист, пос. венецианский 37, 43, 44, 46, 47, 58, 60, 244
- ТрEDIAковский В.К., писатель, переводчик* 360
- Третьяк Михайлов *см.* Губа-Моклоков
- Трифон, архиеп. 326, 328, 329, 343
- Троно Николай, дож венецианский 44
- Тростенский Тимофей Александрович, кн. 273, 292, 299
- Трофим, новгородец 256
- Трубецкие, кн. *см.* Трубчевские
- Трубчевские, кн. 160, 181, 299
- Тряса Иван Торо 275
- Тувеш, кн. татарской 301
- Тулазей, мурза 229
- Тулуп Иван, кн. 303, 304
- Тулупов (Тебетуланов) Борис Иванович, кн. 310
- Тулупов Василий, кн. 273
- Тургенев А.И., археограф* 375
- Турен-Оболенский *см.* Оболенский Борис Михайлович
- Туренин Василий Борисович, кн. 299
- Туренин Владимир Борисович *см.* Оболенский (Туренин-Оболенский)
- Тучин Григорий Михайлович, новгородский еретик 119, 256
- Тучков Василий Борисович 261, 263
- Тучков Иван Борисович 255, 261
- Тюленин Рахманин 314
- Тютчев Борис Слепой, воев. 24, 27, 228, 237
- Тыртовы, род 261
- Углецкий Андрей Васильевич, кн. *см.* Андрей Васильевич Большой

- Угу Черкас 302
 Узонга, литературный герой 253, 375
 Узун-Гассан (Гассан), шах персидский 58, 59, 140, 141, 172
 Умачев Шемердень 274
Унген-Штернберг В.Ф., общественный деятель 357
 Упадыш, новгородец 28, 237
 Урак, кн. татарский 176, 293, 297
 Урус. пос. чагатайский 140, 284
 Усейн-Салиан 284
 Усемарь, царевич крымский, сын Ази-Гирея 54
 Усемир, царевич крымский 143
 Устюжский, Иван Звенец, кн., воев. 11
 Ухтомский Василий Иванович, кн. 15
 Ухтомский Иван Волк, кн. 276
 Ушатый (Ушаков) Иван Федорович, кн. 164
 Ушатый Константин Федорович, кн. 300, 314
 Ушатый Петр Федорович, кн. 164, 174, 279, 297
- Фабрциус, хронист* 368
 Фалласар, царь ассирийский 214
 Фарасман II, царь иверийский 140
 Фауст, книгопечатник 208
 Федор, посадник псковский 295
 Федор (Федец), гонец 270
 Федор Алексеевич, царь 371
 Федор Борисович, кн., волоцкий, сын Бориса Васильевича, племянник Ивана III 128, 183, 299, 304, 309, 313, 344, 364, 365
 Федор Васильевич, кн. острожский 299
 Федор Васильевич, кн. рязанский 111, 193, 200, 288, 306, 309, 313, 373
 Федор Григорьевич, новгородец 231
 Федор Давидович *см.* Стародубский-Пестрый
 Федор Давидович Хромой, боярин 231
 Федор Дмитриевич, пскович 257
 Федор Иоаннович, царь 315, 317, 361
 Федор Пестрый *см.* Стародубский-Пестрый
 Федор Святославич, кн. 288
 Федор Юрьевич, кн., наместник московский в Пскове, воев. 7, 16, 225, 230, 235, 249, 250, 329
 Федор Ярославич, кн. 327
 Федоров Лука, посадник новгородский 71, 86
 Федоров Яков, новгородец 71, 72, 75, 236
 Феогност, архим. чудовский 244
 Феогност, митр. 244, 247, 332
 Феодосий, митр. 9, 222, 227, 327, 331, 332, 336, 350, 356, 358, 382
 Феодосия (ошибочно Теодосия), кн., дочь Ивана III 87, 129, 138, 223, 262, 323, 347, 365
 Феодосия (Федка), кн. ольшанская 270
 Феофил, протодьякон, архиеп. новгородский 18, 19, 21, 26, 28, 30, 62–64, 66, 71, 74–78, 80, 85, 231, 232, 237, 240, 254, 255, 260, 334, 358
 Феофилакт Захаринич, посадник новгородский 72
 Фердинанд, король испанский 45
 Фетинья *см.* Мария (в монашестве Феотинья) Александровна
 Филарет, патриарх 299
 Филимонов Глеб Семенович 229
 Филимонов Семен 229
 Филипп, король испанский 136, 203, 204
 Филипп, еп. суздальский, митр.

- 9, 19, 20, 23, 29, 35, 39, 43, 44, 46, 47, 227, 245, 247, 329, 330, 350
- Филипп, новгородец 231
- Филиппов Антон, новгородец 231
- Филиппов Феликс, новгородец 231
- Филофей, еп. пермский 121, 174, 220, 279, 296, 297, 322, 331, 340, 343, 351
- Фиоровенти-Аристотель *см.* Фиоровенти Петр Аристотель
- Фиоровенти Петр Аристотель, итальянский архитектор 37, 47, 60, 74, 119, 245, 246, 273, 347
- Флетчер Д., пос. английский, автор записок о России* 315, 321, 375
- Фома *см.* Андреев
- Фома, священник 155, 157, 178
- Фома Палеолог, кн. морейский 37, 38, 243
- Фоминский Роман *см.* Роман, кн. фоминский
- Фотий, митр. 244, 247
- Фридрих (Фридерик), курфюрст саксонский 136
- Фридрих (Фридерик) I Барбаросса (Барбарусса), имп. германский 128
- Фридрих (Фридерик) III, имп. германский 128–130, 280
- Фридрих (Фридерик) IV, имп. германский 208
- Фридрих, кардинал 219
- Фрязины *см.* Антоний, Иван, Карл, Петр
- Фрязин Марк *см.* Руфо
- Фрянцоск Фрязин 271, 272
- Хаза, татарин 189
- Халеалек *см.* Халил
- Халек, кн. золотоордынский 190
- Халецкий Михаил 307
- Халил, царевич золоордынский 228
- Халяпа Иван 280
- Хан-Дыкар 308
- Харитон, священник 329
- Харламов Лева 310
- Хилков А.Н., историк* 376
- Хлепеньский Александр Борисович 287
- Хованский Федор, кн. 275
- Хованский-Ушак Иван, кн. 299
- Ховрин Владимир Григорьевич 243, 245, 296
- Ховрин Дмитрий Владимирович, голова московский 49, 248
- Ховрин (Голова) Иван Владимирович, казначей 245
- Ходыкевич К., историк* 290, 375
- Хоземарум, пос. грузинский 141, 284
- Хозюм Бердей, (хан) князь татарский 12
- Холмская Ульяна Михайловна, кн. 331, 344
- Холмский Василий Данилович, кн., боярин 193, 200, 223, 309, 323, 365
- Холмский Даниил (Данила) Дмитриевич, кн., боярин, воев. 11, 16, 25–27, 29, 34, 51–53, 69, 70, 72, 73, 92, 112, 113, 117, 128, 223, 228, 236, 242, 250, 268, 273, 276, 351, 363
- Холмский Михаил Дмитриевич, кн. 109, 331
- Холмский Симеон Данилович, кн. 165
- Хомутовы, род 261
- Хомутов 213, 315
- Хотетовские, кн. 179
- Хоткович Иван, воев. киевский 105, 269
- Хохолов-Ростовский Александр Владимирович *см.* Ростовский Александр Владимирович

- Хребтович Василий, литовец 285, 342
 Хребтович Литавор, маршалок литовский 183
 Хребтович Ян Литовор, маршалок литовский 290
 Христиан, король датский 139
 Христофор, архим. 327
 Христофор, мастер 248
 Хрустолов, Григорий, посадник 295
- Царский Федор**, новгородец 227
 Цезелитский Матвей, пос. венгерский 302
- Чангил**, кн. кодский 174, 296
 Чеботов (Чебот) Иван, боярин, окольныйчий 281, 295, 323
 Челяднин Андрей Федорович, кн., воев. 164, 183, 292
 Челяднин Петр Федорович, наместник 335
 Чепуюговы, род 261
Черепнин Л.В., историк 396, 397, 401, 402
 Черниговский Симеон, кн. можайский 147, 160, 181, 186, 299, 303
 Черняк, литовец 305
 Черных Чех, воев. 309
 Чернышевы, род 261
 Чеслюков Гридя, дьяк 314
 Чет, мурза золотоордынский *см.* Захария, крещеный мурза
 Четырбай 308
Чечулин Н.Д., историк 402
 Чингис, хан 98
 Числюков Гридя, подьячий 278
 Чохов Андрей, пушечный мастер 249
 Чюмгур, пос. татарский 264, 265
- Шадр Иван Васильевич**, боярин 300
- Шадр Юрий Васильевич, боярин 300
 Шай-Бег, хан узбекский 140
Шапиро А.Л., историк 401
Шардень (Шарден Жан), французский путешественник 224
 Шастунов-Великий Петр Васильевич, кн., дворецкий 126
 Шварц, рыцарь Ливонского ордена 195
 Шварц Конрад, прапорщик 311
 Шебедин (Шебедин), пос. шамаханский 172, 295
 Шедрюнины, род 261
 Шеин Дмитрий Васильевич, боярин, воев. 114, 164, 193, 274, 292, 297, 300, 309
 Шейбани-Хан (Шыбан), хан, брат Батыя 264, 265
 Шекенца, грузин 284
 Шемяка, сыновья 6, 30, 108, 152, 288
 Шемяка (Шемякин) Иван *см.* Иван Дмитриевич Шемячич
 Шемячич Василий Иванович *см.* Василий Иоаннович Рыльский
 Шереметевы, род 261
 Шестак *см.* Кутузов-Шестак
 Шестаков Федор, подьячий 298
 Шея Константин Дмитриевич *см.* Зернов (Зерно) Константин Дмитриевич
 Шибан *см.* Шейбани-Хан
 Шигавлияр Салтан, царевич астраханский 191, 344
 Шиг-Ахмат 269, 308
 Шиг-Ахмет, хан золотоордынский 126, 148, 160, 184, 188, 190, 306–308
 Ширван-Шах (Ширваншин), шах шамахийский 172, 295, 324, 353
 Ширваншебег (Ширвайшабег) 324, 325
 Ших-Баглул (Шихбаглул), пос. крымский 114, 274

- Ших-Зоде (Шихзода) *см.* Магомет (Магмет)
- Шихим Мурза 307
- Шихов Андрей 243, 275
- Шлецер Август, историк* 374, 379
- Шляковы, род 261
- Штибор, пос. 271
- Шуйский Василий *см.* Шуйский-Гребенка Василий Васильевич
- Шуйский Василий Федорович, кн. 163
- Шуйский Федор Юрьевич, кн., воев. 24, 50, 249
- Шуйский Иван Васильевич, кн. 310
- Шуйский (Шуйский-Гребенка) Василий Васильевич, кн. суздальский 22, 28, 62–64, 70, 71, 74, 77, 102, 186, 194, 237, 257–259, 266, 267, 304, 310, 314
- Шуст Иван 229
- Шыбан *см.* Шейбани-Хан
- Щавин *см.* Скряба Щавий
- Щекин Данило 310
- Щеня Даниил Васильевич, кн., воев. 117, 163, 182, 183, 187, 188, 194, 200, 211, 253, 286, 292, 300, 301, 305, 310, 314
- Щербатов Дмитрий 314
- Щербатов М.М., историк* 378, 379, 395
- Щербинины, род 261
- Эдигей *см.* Эдигей
- Энгель И.К., автор* 299, 375
- Эрбелот Б., автор* 295, 375
- Югорские (Кодские), кн. 173–175, 296
- Юлиания *см.* Иулиания
- Юмшан, кн. вогульский 173, 174, 296, 297
- Юрга, вогулич 296
- Юрий (Георгий), сын Ивана III 163, 170, 200, 262, 282, 312, 317, 365, 374
- Юрий, грек, посланник кардинала Виссарiona 38
- Юрий (Георгий) Васильевич, кн., сын вел. кн. Василия Темного, брат Ивана III 5, 16, 24, 35, 127, 229, 236, 269, 294, 313, 372, 382
- Юрий (Георгий) Данилович, вел. кн. московский 46, 244, 247
- Юрий Грек *см.* Траханиот
- Юрий Дмитровский *см.* Юрий (Георгий) Васильевич
- Юрий Захарьевич *см.* Кошкин-Захарьин
- Юрий Зиновьевич, пос. литовский 153, 202
- Юрий Иванович, кн. 365, 374
- Юрий (Георгий) Иоаннович (Иванович), кн., сын Ивана III 87, 162, 163, 170, 200, 281, 294, 312, 313, 317
- Юрий (Георгий) Лугвеньевич (Симеонович), кн. литовский 303
- Юрий Смоленский, кн. 147, 259
- Юрий Старой *см.* Траханиот
- Юрий Мануйлович Грек
- Юрий Тимофеевич *см.* Винков
- Юрий Тимофеевич
- Юрий Тимофеевич, посадник 328
- Юрьев Константин, воев. 342
- Юрьев-Романов Никита Романович, боярин, воев. 299
- Юстиниан, имп. византийский 374
- Юшка, подьячий 275
- Юшт, пос. римский 314
- Яблоновский, историк* 299
- Ягуп, царевич астраханский 344
- Яким *см.* Иоаким Яковлевич

- Яков *см.* Иаков
 Яковлева О.А., историк 355
 Ямгурчей, царевич крымский, сын Ази-Гирея 54, 114, 275
 Ямгурчей, мурза ногайский 98, 115, 116, 175, 264
 Ян, наместник полоцкий 146
 Ян, пос. венгерский 106
 Янович Войтек, кухмистер 285, 311
 Янышевы, род 261
 Японча Салтан 342
 Ярец, иконник 336
 Яропкин (Ропченок) Афанасий, сын боярский 168, 294
 Яропкин (Яропкин-Кляпик) Михаил Яковлевич, дьяк 135, 137, 145, 153, 206, 285, 312
 Ярослав, кн., наместник псковский 65, 70, 254, 256, 334, 337, 338
 Ярослав Васильевич, *см.* Оболенский Ярослав Васильевич
 Ярослав (Георгий) I Владимирович Великий (Мудрый), вел. кн. киевский, сын вел. кн. Владимира Святославовича (Святого) 20, 46, 73, 81, 82, 127, 139, 197, 213, 216–218, 220, 221, 323, 370, 395
 Ярославские, кн. 110
 Ярославский Александр Федорович, кн. 331
 Ярославский Давид Федорович, кн. 327
 Ярославский (Пенко, Пенко-Ярославский) Даниил Александрович, кн., боярин, воев. 14, 186, 188, 223, 229, 230, 300, 304, 305, 351
 Ярославский Константин Федорович, кн. 193, 309, 327
 Ярославский Семен Иванович, кн., боярин 300
 Ярославский Семен Романович, боярин, воев. 273, 297, 300
 Ярославский Федор, кн. 327
 Ясельничий Давид Лихарев, пос. 307
 Яфар Бердей, крымский пос. 57
 Abu'l-Ghazi Bahadur Khan (d'Abul-Gasi-Bayadur-Chan) 360 *см.* Абульгази
 Aristotile Alberti 245 *см.* Фиороненти
 Alexandr VI 371
 Arndt Johann Gottfried 360 *см.* Арндт
 Bayle Pierre 376
 Baronius C. 371
 Bayer Gottlieb Siegfried 361 *см.* Байер
 Bergeron P. 361, 376 *см.* Бержерон
 Carpin da Plan del (de Jean du Plan Carpin) 361 *см.* План-Карпин
 Clement VII 368
 Chodykiewicz Klemens 375 *см.* Ходыкевич
 Contarini (Contareni) Ambroise (Ambrogio) 376 *см.* Контарини
 Dalin Olof van 362 *см.* Далин
 Dlugosz Jan (Joannis Dluggossi) 362 *см.* Длугош
 Du Cangee Charles Du Fresne 367 *см.* Дюканж
 Engel Johann Christian von 375 *см.* Энгель
 Fioroventi Rudolfe 245 *см.* Фиороненти
 Fletcher Giles 375 *см.* Флетчер
 Gadebusch Frederich Konrad 362 *см.* Гадебуш
 Gerberstein Siegmund von (Sigismund) 362 *см.* Герберштейн
 Grotzdyn *см.* Иван Васильевич IV (Тимофей) Грозный

- Haller Albrecht von 375 *см.* Геллер
- Helena 298 *см.* Елена, вел. кн. литовская
- Herbelot Barthelemy 375 *см.* Эрбелот
- Ioanne Basilii (Ioannus Basilidis, Iwan Wasilowitz) 351, 374, 376 *см.* Иван Васильевич IV (Тимофей) Грозный
- Kadlubkonis Vicentii 362
- Kelch Christian 368 *см.* Кельх
- Kohler Anton 368 *см.* Келер
- Krantz Albert 369 *см.* Кранц
- Kromer Martin (Kromeri) 369 *см.* Кромер
- Krug Johann Philipp 369 *см.* Круг
- Lehmann Christoph 369 *см.* Леман
- Mallet, Paul Henri 369 *см.* Маллет
- Mansi Joanne Dominico 371
- Niesiecki Kaspar 376
- Oderborn Paul (Oderbornius Paulus, Oderbornio Paulo) 259, 374
- Olearius Adam (Oelshlager) 370, 376 *см.* Олеарий
- Orichovii Stanislai 362
- Pauli Jovii (Giovio, Paolo) 368 *см.* Павел Иовий
- Paulus II 371
- Petrejus Petrus 370 *см.* Петрей
- Rinaldi Odorico (Raynaldo Odorico) 371 *см.* Рейнальд
- Ruysbroeck Willem van (de Guillaume de Rubruquis) 361 *см.* Рубруквис
- Russow Balthasar 371 *см.* Руссов
- Sartorius Woltershausen Georg Frederich Christoph van 372 *см.* Сарторий
- Sarnicii Stanislai 362
- Sixtus IV 244, 371 *см.* Сикст
- Sophiam 295, 312 *см.* София (Софья) Палеолог
- Solignac Pierre Joseph de la Pimpie 374 *см.* Солиньяк
- Stephanus 315 *см.* Стефан IV Великий (Стефан Молдавский)
- Strykovsky M. 360 *см.* Стриковский (Стрыйковский)
- Tacitus Publius Cornelius 375 *см.* Тацит
- Usong 375 *см.* Узонга
- Willebrand J.P. 368

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ*

- Або, г. 164
Австрия, стр. 110, 132, 133, 203, 204, 208
Агаряне, нар. 298
Адриатическое море 61
Азия 5, 40, 58, 140, 141, 175, 210
Азов, г. 98, 113, 141, 142, 157, 173, 215, 264, 302, 317
Азовские казаки *см.* казаки азовские
Азовские татары *см.* татары азовские
Азовское море 265
Азовцы, жит. 317
Азторокань (Асторокань) *см.* Астрахань
Айфаловское, м. 32
Акиян море *см.* Белое море
Алексин (Олексин), г. 34, 35, 90, 151, 200, 288
Алексинцы, жит. 69, 242
Алныш, р. 275
Альта, р. 82
Альпы, горы 208
Америка 138, 208, 209, 219
Амиль (Амоль), г. 223, 325
Анатолийская земля 293
Англия, стр. 137, 207, 224
Арабы (мавры, сарацены) 47, 207, 263
Аравия, обл. 326
Аральское море 98
Арбат (Орбат), ул. 49, 248, 332
Аргонавты 140
Аркаж *см.* Аркажский монастырь
Арск (Арский городок), г. 118, 165
Арская земля 101, 118
Архив коллегии иностранных дел (Московский архив) 356, 357, 360
Архив Посольских дел 358
Астраханское царство 59
Астраханцы, жит. 116
Астрахань (Азторокань, Ас-торокань), г. 59, 189, 223, 275, 306, 308, 313, 324, 344
Аугсбург, г. 203
Афинский народ 81
Афины, г. 81
Афонская гора (Святая) 199, 247, 342
Африка 209, 224
Ахона, вол. 258
Ахтуба, р. 98
Багдад, г. 172
Баку (Баки), г. 325
Бараусов дв. в Пскове 328
Батыев юрт 97, 274
Башкиры, нар. 14
Бебр г. 282
Бедер, г. 223, 325, 326
Бежецк *см.* Бежецкая (Бежецкий Верх)

* Принятые сокращения: вол. – волость, г. – город, гос-во – государство, губ. – губерния, д. – деревня, дв. – двор, жит. – жители, княж. – княжество, м. – местечко, нар. – народ, о-в – остров, оз. – озеро, обл. – область, р. – река, св. – святой, святая, сел. – село, селение, слоб. – слобода, стр. – страна, у. – уезд, ул. – улица, ур. – урочище.

- Бежецкая (Бежецкий Верх, Бежецк), вол., г. 66, 200
 Бежицы, г. 234
 Бежичане, жит. 69
 Беклемишевская стрельница (башня) в Москве 49
 Белоозеро *см.* Белозерск
 Белая, вол. 258, 286
 Белая Воложка, р. 12, 229
 Белая Россия 39, 40, 199, 214, 316
 Белгород (Аккерман), г. 106
 Белгород (Белегород), г. 106, 141, 307
 Белёв, г. 151, 200
 Белейка, р. 287
 Белза (Бельз), г. 192, 302
 Белозерск (Белоозеро), обл., г. 91, 113, 191, 216, 294, 339
 Белозерские земли 239
 Белое море 82, 293
 Белозерцы, жит. 276
 Белой (Белая), г. смоленский 286
 Бендер 235
 Береза, ур. 287
 Березина, р. 194, 269
 Березнич, ур. 250
 Березовский у. в Сибири 174
 Березынь, г. 302
 Берекзаны, г. 223, 324
 Берест, г. 302, 339
 Берновы, жит. 255
 Бесермены 98
 Биармия *см.* Пермь
 Библиотека Московского университета 369
 Библиотека Санкт-Петербургской Академии наук 367
 Билефельд, г. 161
 Бискупицы, сел. 75
 Богданов, дв. Носова в Москве 330
 Богемя, стр. 35, 106, 136, 184, 208
 Богемцы, нар. 129
 Богоявленская ул. в Москве 329
 Богоявленская стена 337
 Богоявленский конец в Пскове 336
 Бойской, г. 302
 Бокара (Чебокара), г. 223, 325
 Болвановье (Болваново) в Москве 58, 118, 294
 Болгария, стр. 118
 Болгарское царство 113
 Болгары казанские, нар. 117
 Болонья, г. 245
 Большая Орда *см.* Орда Большая (Золотая)
 Большая ул. *см.* Великая
 Большие ноги *см.* ногаи
 Боранья, р. 287
 Борисов, г. 182
 Боркова ул. в Новгороде 231, 331
 Боровецк, г. 264
 Боровицкая башня в Москве 248
 Боровицкие ворота в Москве 49
 Боровичане, жит. 70
 Боровск, г. 117, 263, 334
 Боровские поля 97
 Боровчане, жит. 70, 97
 Брест, г. 184
 Бронницы, г. 70, 72, 256
 Брянск (Дебрянск), г. 151, 160, 161, 200, 288, 299, 307
 Брянские села 145
 Брянславль, г. в Подолии 155, 176, 184, 192, 302, 343
 Брянславская земля 343
 Буг, р. 302
 Бузань, р. 324
 Бузулук, р. 98, 265
 Бузун 324
 Буйгород, вол. 365
 Буйц (Буйцы), сел. 233, 287
 Буковина (Буковинье), р. 343
 Бурса, г. 317
 Бухария, стр. 140
 Бчича, р. 298
 Быстрые Сосны 341
 Бышковичи, г. 288

- Вага, р. 275
 Важане, жит. 276, 297
 Важская обл. 164
 Валахи (волохи), нар. 340, 342, 343
 Вальк, г. 103
 Варшава, г. 145, 148
 Варяги, нар. 82
 Варяжская земля 20
 Варяжская (Вареская) ул. в Новгороде 331
 Васильев лужок 248
 Васильевский луг в Москве 329, 331
 Ведроша, р. 160, 182, 206, 300
 Ведроши, сел. 300
 Везенберг, г. 304
 Вейсенштейн, г. 305
 Велейская вол. 337
 Великая, р. 42, 51, 102, 187, 194, 225, 266, 304, 310, 327, 328, 335, 337
 Великая (Большая) ул. в Москве 329
 Великая (Большая) ул. в Новгороде 231
 Великая Обь *см.* Обь
 Великая Пермь *см.* Пермь
 Великие Луки, г. 21, 77, 89, 90, 102, 104, 145, 233, 262, 263, 268, 271, 287, 341
 Великий мост в Новгороде 332, 339
 Великий Новгород *см.* Новгород
 Великое оз. *см.* Чудское (Великое) оз.
 Велил 287
 Велияд *см.* Феллин
 Вена, г. 110, 210
 Венгерцы *см.* венгры
 Венгрия, стр. 106, 131, 133, 135–137, 141, 150, 184, 203, 208, 245, 246, 248
 Венгры, нар. 175
 Венден (Кесь), г. 185, 268
 Венёв, г. 151, 288
 Венециане, жит. 43
 Венеция, стр., г. 37, 43, 46–48, 58–60, 118, 160, 173, 195, 246, 248
 Вербек (Костер Немецкий), г. 266
 Верея, г. 111, 200
 Верхняя земля 241
 Веряж, р. 75
 Ветлицы, вол. 196
 Ветлуга, р. 11
 Взвяд (Озвяд), ур. 256
 Видбляне, жит. 287
 Византия, стр. 39, 130, 222
 Вильна, г. 104, 151, 153–157, 176, 178, 250, 290, 322
 Вирландия, обл. 305
 Висяковых дв. в Москве 329
 Витебск, г. 154, 184, 194, 301
 Вишневец, г. 192, 302
 Владимир, г. 11, 12, 48, 66, 86, 256, 336, 338, 340, 341
 Владимир (Волинский), г. 184
 Владимир (на Клязьме), г. 11
 Владимирец, г. 302, 326, 337
 Владимирский у. 365
 Владимирцы, жит. 69, 70, 229, 326
 Владычен дв. *см.* Епископский (Владычен) дв. в Новгороде
 Владычен дв. коломенский 335
 Вогуличи (гогуличи), нар. 173–175, 296, 297, 336
 Вогульское, м. 174
 Водская пятина 261
 Водская (Водцкая, Вотская) земля 233, 239
 Волга, р. 10–16, 33, 34, 59, 90, 98, 112, 116, 118, 139, 223, 228, 229, 264, 275, 324, 329
 Волжская Орда *см.* Орда Большая (Золотая)
 Волжские Улусы 8
 Волжские степи 98
 Волкон, сел. 285
 Вологда, г. 11, 15, 30, 32, 100,

- 113, 118, 168, 205, 216, 229,
234, 238, 294, 301, 322, 340
Вологжане, жит. 14, 228, 229,
276, 296, 297
Вологодский у. 365
Володимерец *см.* Владимирец
Володчина гора 326
Воложка *см.* Белая Воложка
Волок у., г. *см.* Волоколамск
Волок Ламский *см.* Волоко-
ламск
Волок Пиноковский 297
Волоколамск (Волок Ламский),
у., г. 69, 89, 127, 234, 238, 239,
253, 279, 334
Волоская земля *см.* Волошская
земля
Волохи *см.* валахи
Волочане, жит. 69
Волочек *см.* Вышний Волочек
Волошская земля 343
Волхов, р. 62, 73–75, 257, 258,
337
Волынская земля 337, 340–342
Волынцы, жит. 340–343, 353
Волынь, обл. 202, 343
Вольное Российское собрание
370, 371
Вормс, г. 185
Воронежская степь 59, 184
Вороний камень 225
Воронцово поле и слоб. в Моск-
ве 49, 309
Воротынский, г. 151
Ворскла, р. 91
Восток 24, 138, 142, 167, 339, 340
Восточная империя 45
Вострой конец *см.* Острый ко-
нец
Вотская земля *см.* Водская земля
Вотцкая пятина *см.* Водская пя-
тина
Вотяки, нар. 14
Вошан, вол. 341
Всос (Усос), ур. в Новгороде 328
Всполье 294
Выборг, г. 163, 292
Выбут, сел. 266, 310
Вылма, р. 283
Вымичи, жит. 276, 283, 296
Вынь, р. 174, 297
Вычегжане (усоличи), жит. 283,
296
Вышгород на р. Протве, г. 36
Вышгород (Псковский), г. 25, 268
Вышегородок 101, 235, 266
Вышневолоцкий у. 258
Вышний Волочек, г. 256
Вья, р. 30, 240
Вязьма, г. 147, 154, 219, 286, 287,
322
Вятка (Хлынов), г., обл. 12, 14,
101, 112, 117, 118, 138, 228,
276, 296
Вятка, р. 11, 117, 228
Вятская губ. 10
Вятская земля 12
Вятчане, жит. 15, 24, 27, 34, 112,
117, 174, 229, 237, 242, 275,
276, 296
Гавка, р. 292
Галиция Польская, обл. 184
Галич, г. 10, 11, 148, 229
Галич (Червенский), г. 192
Галичане, жит. 228, 339
Гамбург, г. 161, 162
Гамская земля *см.* Финляндия
Ганза 161–163, 208
Ганзейские города 185
Гаррия, обл. 305
Гдов, г. 101, 266
Гдовляне, жит. 226
Гельмет, г. 187, 305
Генуэзская держава 56
Генуэзцы, жит. 54, 56
Германия, стр. 41, 128–131, 133–
135, 137–139, 161, 184, 208,
253, 312
Гиндостан *см.* Индия
Гиперборейские горы *см.* Ураль-
ские горы

- Гларис, обл. 81
 Гледен *см.* Устюг
 Глушица 344
 Гоголичи *см.* Вогуличи
 Голландия, стр. 228
 Голькондское королевство 223
 Гомель (Гомий, Гомье), г. 180, 299
 Городок 266
 Городен *см.* Гродно
 Городец, вол. 234
 Городец (около Бежецка), г. 234
 Городец (Мещерский городок) *см.* Касимов
 Городечна, г. 286
 Городище (Новгород) 16, 21, 22, 62, 63, 68, 72, 73, 75, 230, 232, 234, 238
 Городище Опаково *см.* Опаков
 Городок *см.* Радонеж
 Городня *см.* Гродно
 Городча, г. 334
 Готфский город *см.* Мангуп (Манкуп)
 Готфы Тетракситы, нар. 56
 Грановитая палата в Москве 49
 Гребельский (Гребля) мост 332
 Грейфсвальд, г. 161
 Греки, нар. 22, 37, 38, 41, 43, 45, 130, 215, 222, 248, 321
 Гремячая гора в Пскове 310, 328
 Греция, стр. 5, 22, 37, 45, 107, 141, 195, 346
 Гродно (Городен, Гродня), г. 104, 269
 Грузия (Иверия), стр. 59, 125, 140, 141
 Губы 238
 Гузурат (Кузрят), г. 223, 325
 Гурмыз (Ормус), г. 223, 224, 325, 326
 Дабуль, г. 326
 Дания, стр. 130, 132, 135, 139, 160, 165, 195, 204, 253
 Даниславская (Даньславля) ул. в Новгороде 69, 331, 332
 Датчане, нар. 125, 196, 141, 163, 165
 Двина Западная, р. 194
 Двина Северная, р. 27, 275, 283, 292, 293
 Двинская земля (Заволочье), обл. 18, 22, 24, 28, 30, 108, 118, 138
 Двинские жит. 18, 28
 Двинаяне (заволочане), жит. 78, 174, 236, 237, 276, 297, 339
 Двор Ярославский (Дворище) *см.* Ярославль дв.
 Дебрянск *см.* Брянск
 Девичьи горы 188
 Декан, обл. 223
 Демавен (Димовант), г. 325
 Демон, вол. 233
 Демон, г. 26, 27, 104, 233, 236
 Демонская дорога 69
 Демонцы, жит. 238
 Дербент, г. 59, 223, 324, 325
 Дербентское море *см.* Каспийское море
 Деревская пятина 355
 Дерпт (Юрьев), г. 7, 41, 101, 103, 161, 162, 186, 187, 265, 292
 Десна, р. 211
 Димовант *см.* Демавен
 Дмитров (Московский), г. 36, 91, 92, 109, 117, 200
 Дмитров (Дмитровец), г. 151, 286, 288
 Дмитровка, ул. в Москве 248
 Дмитровская ул. 331
 Дмитровский у. 365
 Дмитровцы, жит. 12, 69, 70, 92, 229, 263
 Днепр, р. 105, 143, 148, 149, 177, 309
 Днестр, р. 192
 Днестровская обл. 193
 Доброй Надежды мыс 209
 Довмонтова стена 326–328, 336

- Домон, вол. *см.* Демон, вол.
 Дон, р. 8, 59, 90, 91, 173, 188, 264, 306
 Донец Малый, Северский, р. 98, 126, 264
 Донская степь (Донские степи) 59, 105
 Дория Хвалитская *см.* Каспийское море
 Дория Индустанская *см.* Индийское море
 Дория Стамбульская *см.* Черное море
 Дорогобуж, г. 160, 181, 182, 300
 Дорогомилowo, сел. 153, 249, 263
 Дортмунд, г. 161
 Дреглехский погост 258
 Дрянь, р. 236
 Дудурштат, г. 161
 Дуизбург, г. 161
 Дунай, р. 176, 297
 Евреи, нар. 118, 222
 Европа 5, 37, 40, 47, 80, 82, 106, 137, 138, 141, 162, 175, 199, 203, 207–210, 213, 219
 Европейцы, жит. 209
 Евфрат, р. 58
 Египет, стр. 277
 Еглино, сел. 69
 Егна, вол. 234
 Ездея (Езд), г. 325, 326
 Емелегежский погост 258
 Емца, р. 335
 Епископский (Владычен) дв. в Новгороде 261
 Жавна, вол. 233
 Жеславль *см.* Заслав
 Жиды *см.* Евреи
 Жиздра, г. 149
 Жирковский всход в Пскове 343
 Жулин *см.* Лужин
 Завеличье, часть Пскова 266, 267, 310, 329, 339
 Заволочане *см.* двиняне
 Заволочье, вол., г. 27, 234, 265
 Заклинье, вол. 233
 Залидов, г. 286, 288
 Запад 24, 59, 167, 241, 330, 339, 340
 Запсковляне, жит. 336
 Запсковский мост 329
 Запсковье, часть Пскова 267, 326, 328, 329, 341, 343
 Заречье (Замоскворечье) 335
 Заслав (Жеславль), г. 340, 343
 Званица в Пскове 330
 Звенигород, г. 200, 285, 319
 Звенигородцы, жит. 200, 285, 319
 Звенич бор 228, 229
 Звенич о-в 229
 Золотая Орда *см.* Орда Большая (Золотая)
 Зубцов (Зубчев), г. 110, 200, 271
 Ивангород (Иваньгород), г. 160, 161, 164, 188, 203, 305, 306, 314, 341
 Иверия *см.* Грузия
 Иверская земля 284
 Изборск, г. 102, 160, 186, 194, 225, 266, 304, 310
 Изборяне, жит. 304
 Израиль, стр. 95
 Иерусалим, г. 22, 246, 327
 Иерусалим Индийский *см.* Элорский храм
 Ижера, вол. 233
 Ильина ул. в Новгороде 351
 Ильинская слобода *см.* Сосенки
 Ильмень, оз. 24, 29, 62, 71, 72, 82, 235, 241, 256, 257, 346
 Ильмерь озеро *см.* Ильмень, оз.
 Императорская публичная библиотека 374, 375
 Инд, р. 58
 Индийские (Индийские) горы 223, 325
 Индийский нар. *см.* индийцы
 Индийское (Дория Индустанская, Индейское) море 324

- Индийцы (индейцы), нар. 224, 325, 326
 Индия (Гиндостан, Индостан), стр. 61, 199, 208, 209, 223, 224, 308, 325, 326, 348, 358
 Индостан *см.* Индия
 Индостанская гавань 326
 Индостанская стр. *см.* Индия
 Инспрук, г. 138
 Иран *см.* Персия
 Ирихов о-в 14
 Иртыш, р. 173, 296
 Искор (Искор городок), г. 32, 241
 Испагань, г. 224, 326
 Испания, стр. 137, 207, 219
 Итальянские страны *см.* Италия
 Италия, стр. 5, 38, 39, 41, 43–47, 58, 59, 114, 118, 161, 195, 207, 245, 248

 Казаки 11, 342
 Казаки азовские 184, 301, 302
 Казаки городовые 11, 313
 Казаки ордынские 98, 264, 341
 Казанская губ. 10
 Казанская земля 112, 308
 Казанские татары *см.* татары казанские
 Казанцы, жит. 12, 13, 15, 206, 228, 229, 273
 Казань (Казанское царство, Саинов юрт), г., стр. 5, 10–16, 54, 99, 100, 112, 116, 117, 160, 165, 166, 175, 191, 206, 209, 223, 229, 242, 273, 293, 297, 308, 313, 324
 Казенный дв. в Москве 127, 248, 323
 Казыев улус 265
 Кайтаки, нар. 324
 Калуга (Жолуга), г. 90, 91, 200, 319, 327
 Калужане (колужане), жит. 69
 Калужская губ. 144, 181
 Кама, р. 11, 12, 112, 117, 118, 228, 229, 273, 296, 336, 344
 Камбат, г. 325
 Каменец Литовский, г. 302
 Каменный пояс *см.* Уральские горы
 Каменный конь 173
 Камень *см.* Уральские горы
 Кандаузский перевоз 306
 Канев, г. 177
 Капитолий в Риме 140
 Карачаи, нар. 269
 Каргапольцы, жит. 276
 Карголом, г. 113, 339
 Карское море 82
 Касимов (Мещерский городок, Царевичев городок), г. 10, 313
 Каспийская страна 172
 Каспийское (Дербентское, Дория Хвалитская) море 59, 140, 172, 208, 324
 Кастилия, стр. 45
 Кафа, г. 54–56, 114, 141, 142, 157, 167, 173, 215, 224, 252, 295, 301, 326, 327
 Кафинцы, жит. 317
 Кашан (Кашень), г. 223, 325, 326
 Кашин, г. 6, 200, 271
 Кашинская вол. 68
 Кашинцы, жит. 69, 70
 Кашира (Кошира), г. 112, 143, 166
 Каяния 164
 Кегрола погост 240
 Кемь, р. 292
 Кёнигсбергский архив 360
 Керман (Сырган), г. 325
 Кесария, обл. 327
 Кесь *см.* Венден
 Кжерла 225
 Киев, г. 17, 19, 22, 45, 46, 59, 66, 100, 104, 105, 128, 148, 152, 157, 176–178, 190, 196, 202, 231, 249, 290, 298
 Киевяне, жит. 342
 Киевская губ. 181
 Киевская обл. 158

- Киера (Корея), обл. 325
 Кирва, вол. 258
 Киргизская Орда *см.* киргизы
 Киргизы, нар. 210
 Кирданова мордва *см.* Мордва
 Кирополь *см.* Шемаха
 Кичменга, вол. 11
 Кичменьжане, жит. 229
 Клементьево (Клементьевское),
 сел. 262
 Клин, г. 110, 271
 Клязьма, р. 46
 Княж дв. в Новгороде 331
 Княж Михаила Андреевича дв. в
 Москве 333
 Княжичи, сел. 241
 Кобыла (Кобылий городок),
 г. 102, 266
 Кобылья Вода, р. 306
 Ковно, г. 191
 Кодская земля *см.* Конда
 Козары *см.* хазары
 Козельск, г. 151, 200, 288, 301,
 319, 343
 Койтул, обл. 325
 Кокшенга, вол. 275
 Кокшинская вол. 333, 334
 Колбалский погост 258
 Колва, р. 32
 Колмогоры *см.* Холмогоры
 Колода, р. 297
 Колодезь в Москве (в Кремле)
 241
 Колокон, р. 292
 Коломенцы, жит. 69, 70
 Коломенский у. 365
 Коломенское, сел. 335
 Коломна, г. 9, 12, 44, 60, 65, 90,
 128, 229, 242, 254, 330, 332,
 336
 Коломна, оз. 26, 27, 34
 Коломничи *см.* коломенцы
 Колпина, р. 225
 Колпино (Колпиное), сел. 225
 Колпь, у. 365
 Колязин, г. 324
 Колывань *см.* Ревель
 Колымя, г. 192
 Кольмар, г. 137
 Конда (Кодская земля, Куда),
 вол. и р. 296, 297
 Кондова, р. 181
 Конец плотницкий в Новгороде
 330
 Кони́на, вол. 264
 Константин град *см.* Константи-
 нополь
 Константино-еленские ворота в
 Москве 49
 Константинополь (Константин
 град, Царьград), г. 22, 40, 45,
 48, 56, 82, 160, 166, 173, 190,
 210, 244, 293, 294, 298, 326,
 333, 349, 350
 Копенгаген, г. 163, 210
 Корайбор *см.* Коровий бор
 Корелия, обл. 164
 Корея *см.* Киера
 Коровий бор (Корайбор), вол.
 306
 Коровничий о-в 13
 Коровья гридница в Пскове 330
 Корон, г. 195
 Коростынь (Коростыня, Кору-
 стынь), м., сел. 24, 68, 235,
 241, 255, 350
 Корфу, о-в 37
 Косма, р. 138
 Костер Немецкий *см.* Вербек
 Кострома, г. 10, 86, 228, 324, 340,
 341
 Костромитяне *см.* костромичи
 Костромичи, жит. 12, 69, 70, 229,
 340
 Костромская вол. 228
 Костромская обл. 11
 Костромской у. 365
 Костяки, нар. 14
 Котельнич, г. 276
 Кохова, р. 225
 Кошиловские селища 343
 Кошира *см.* Кашира

- Краков, г. 188, 192, 219, 248, 348
 Красное, сел. 92, 188, 192
 Красностав *см.* Красный Став
 Красный борок 287
 Красный (Красное) на Днестре,
 г. 192
 Красный (Красный городок)
 Псковский, г. 51, 306, 327
 Красный дв. в Пскове 329, 330
 Красный Став, г. 302
 Кременец Волинский, г. 184,
 302, 342
 Кременец (Кременск) Калуж-
 ский, г. 93, 97, 117
 Креницкий погост 258
 Кремлевский Арсенал в Москве
 259
 Кремлевский дв. в Москве 49
 Кремль в Москве 31, 49, 50, 57,
 58, 92
 Кремль в Устюге 329
 Кречнево, сел. 73
 Кром, часть Пскова 267, 310,
 327, 328, 342
 Крутицкая епархия *см.* Сарай-
 ская епархия
 Крутицы *см.* Крутицкий мона-
 стырь
 Крым (Таврида), обл., стр. 37,
 38, 54–58, 61, 87, 88, 100, 105,
 113–115, 125, 126, 143, 146,
 148, 177, 184, 189–191, 252,
 274, 295, 301, 307, 312, 313,
 315
 Крымские города 57
 Крымские татары, нар. 143, 188
 Куба (Кубань), р. 265
 Кубенское оз. 333
 Куда *см.* Конда
 Кузань 324
 Кузмодемьянская ул. в Новгоро-
 де 331
 Кузнецкая ул. в Пскове 281, 328
 Кузрят *см.* Гузурат
 Кулишки, местность в Москве
 331, 339
 Кума, р. 11, 143
 Кунск, вол. 233
 Курляндия (Курландия), обл.
 311
 Кусь, вол., р. 228
 Кутный о-в в Пскове 327
 Кучково поле в Москве 336
 Лавра *см.* Монастыри: Троице-
 Сергиева Лавра
 Ладога, г. 82, 233
 Ладожский Порог, вол. 258
 Ладожское оз. 82
 Ламский Волок *см.* Волоколамск
 Ландау, г. 185
 Лапландия, обл. 139, 164, 200
 Лар, г. 325, 326
 Легоща, ул. в Новгороде 333,
 339
 Летгалия (Летландия, Лотыгол),
 обл. 268, 311
 Ливония (Лифляндия), стр. 37,
 42, 50–52, 103, 104, 134, 139,
 160, 184–188, 253, 267, 357
 Ливонская обл. 265
 Ливонские владения 103
 Ливонские города 291
 Ливонские земли 305
 Ливонские немцы, нар. 101, 129,
 160, 161, 196
 Ливонские поля 83
 Ливонские рыцари *см.* ливон-
 ские немцы
 Ливонский орден, гос-во 7, 28,
 41, 51, 52, 83, 101, 103, 160,
 161, 184–186, 196, 203, 208,
 222, 248
 Ливонцы, нар. 311
 Лименги, р. 164
 Липица, р., сел. 83
 Лисья горка под Новгородом
 73
 Литва (Литовское княжество) 5,
 6, 19–22, 28, 30, 33, 37, 38, 53,
 61, 64, 68, 80, 84–88, 97, 98,
 104, 106–111, 125–127, 132,

- 141, 143–147, 149–160, 175–182, 184, 186, 188, 189, 191, 193–198, 200–204, 210, 211, 219, 233, 237, 238, 250, 257, 272, 287, 290, 298, 300–302, 304–306, 309, 312, 314, 316, 331, 341, 343, 360, 366
- Литва, нар. см. литовцы
- Литовская земля (Литовские земли) 93, 146, 148, 150, 196, 233, 234, 264, 269, 302, 308, 333, 341
- Литовская граница 90
- Литовская Подолия 90
- Литовская Россия 131, 179, 181
- Литовские владения 143
- Литовские города 147, 197
- Литовские места 145
- Литовские обл. 151
- Литовские пленники 13
- Литовцы (литва), нар. 21, 50, 89, 96, 125, 158, 182, 183, 187, 188, 194, 206, 217, 233, 349
- Лифляндия см. Ливония
- Ловать, р. 183, 241
- Лода, р. 334
- Лопастницы, вол. 233, 287
- Лопачино, сел. 300
- Лопца, вол. 233
- Лотыгол см. Летгалия
- Лоха, вол. 228
- Лошинское, сел. 73
- Лубоково, вол. 233
- Лубяница (Лубяная), ул. в Новгороде 330, 331, 341
- Лубянка см. Лубяница
- Лужа, р. 93
- Лужин (Жулин), г. 151, 288
- Лужский Костер, г. 328
- Луки см. Великие Луки
- Луцин (Лучин), г. 151, 286, 288
- Луцк (Луческ), г. 184, 192, 302
- Луцкий город см. Великие Луки
- Луческ см. Луцк
- Лучин см. Луцин
- Лычино, г. 288
- Львов, г. 192, 302
- Любек, г. 41, 82, 130, 133–135, 137, 139, 161, 162, 248
- Любеч, г. 180, 299
- Люблин, г. 192, 302
- Любутск, г. 53, 91, 146, 151, 200, 288
- Любчане, жит. 59
- Людимеск, г. 288
- Люй, г. 302
- Люнебург, г. 161
- Лютая, р. 235
- Ляпин, г. 174
- Лятцкая земля см. Польша
- Ляхи см. поляки
- Магольм, замок 304
- Магометане 222, 326
- Мазандеранская (Маздраньская) земля 325
- Мазовия, обл. 149, 286
- Македоняне, нар. 140
- Малабарский берег (Малабар) 224
- Малетово см. Мелетово
- Малые Нагаи 265
- Манач, р. 265
- Мангуп (Манкуп), г. 56, 252
- Мариенбург, г. 103, 187
- Марсово поле 81
- Маскат (Мошкат), г. 228, 325
- Машутин дв. в Пскове 331
- Медынь (Мядынь), г. 263
- Мезень, р. 30, 240
- Мезецк см. Мещовск
- Мекка, г. 166
- Мекленбург, г. 135
- Мелетево (Малетово, Мелотово) под Псковом 267, 328
- Мелица (Мелеца, Мелеча), вол. 234
- Мерль, р. 113
- Меча, р. 173
- Мещера, обл. 151, 288
- Мещерский городок см. Касимов

- Мещовск (Мещерск, Мезецк), г. 147, 200, 288
- Мизендаран *см.* Мазандаранская земля
- Мизор, обл. 326
- Милан, г. 248
- Мингрия, обл. 59, 140
- Мирожа, р. 225
- Митьково поле 182
- Млево, сел. 258
- Могилев (Могильник) в Ливонии, г. 311
- Моголы *см.* монголы
- Модон, г. 195
- Можайчи *см.* можайцы
- Можайск, г. 36, 100
- Можайцы, жит. 12, 229
- Мозырь, г. 179, 298
- Мозырьская вол. 343
- Молвятицы (Молвотицы), сел. 233, 263
- Молдавия, обл. 107, 141, 145, 176, 193, 198
- Молдавское княжество 106
- Молога, вол., р. 200, 215, 356
- Молокнянская ул. в Пскове 343
- Молома, р. 273
- М о н а с т ы р и:**
- Андреев на Ситечке, Новгородский 74
- Андронников *см.* Спасо-Андронников
- Антониев (Антоновский), Новгородский 258
- Аркадьевский (Аркаж, Оркаж), Новгородский 73, 258
- Архангельский (Архангела Михаила Сковоротка), Новгородский 258, 260
- Архангельский в Москве *см.* Чудов Михайлов, в Москве
- Афанасьевский (Холопий) на Мологе 356
- Благовещенский (Благовещенья), Новгородский 73, 258
- Богоматери в Пскове 42
- Богоявленский в Москве 47, 341
- Богоявленский Троицкий (на дв. Троицком) в Москве 245
- Богоявленский на Водской дороге (на Сокове), Новгородский 73
- Борисоглебский (Бориса и Глеба) на Устье, Ростовский 324, 344
- Вознесенский в Москве 107, 309, 328
- Волоколамский (на Ламском Волоке) *см.* Иосифо-Волоколамский
- Волотов, Новгородский 74
- Воскресенский на Деревянице, Новгородский 74, 361
- Высокий, в Боровске 334
- Георгиевский, в Москве 248
- Георгиевский (Юрьевский), Новгородский 62, 73, 201, 238, 339
- Глинский (Глин), в Пскове 328, 336
- Глушицкий, Покровский 334
- Деревяницкий *см.* Воскресенский на Деревянице
- Евфимев, Новгородский 231
- Живоначальной Троицы 324
- Жидичин, Николаевский 342
- Зверинский Девичий *см.* Покровский в Зверинце, Новгородский
- Ильинский в Пскове 328
- Иосифо-Волоколамский 122, 278, 334, 356, 366, 367
- Каменный Спасский, Вологодский 315
- Киево-Печерская Лавра (Печерский) 105, 269
- Кирилло-Белозерский 171, 334, 344
- Кириллов на Нелезене, Новгородский 74, 258

- Ковалевский *см.* Спасский на Ковалеве
- Корельский, Николаевский 231
- Крутицкий (Крутицы) 341–343
- Кубенский 333
- Макариев, Калязинский 324
- Михаила Архангела Скворотка *см.* Архангельский
- Мучеников Бориса и Глеба 324
- на Красном дворе во Пскове 329, 330
- на Ламском Волоке *см.* Иосифо-Волоколамский
- Николаевский Белый в Новгороде на Неревском конце 258
- Николаевский Мостицкий (на Варяжи), Новгородский 73
- Николаевский на Островке, Новгородский 225
- Николаевский в Устьях, Псковский 42
- Николаевский на Угреше, Московский 339
- Николаевский Старый, в Москве 245
- Никольский *см.* Николаевский
- Обитель Богоматери *см.* Рождественский на р. Протве
- Обитель Троицкая *см.* Троице-Сергиева Лавра
- Павлов, Обнорский (Павлова пустыня) 344
- Пантелеймонов Новгородский 73
- Пантелеймонов Псковский на Красном дворе 330
- Пантелеймонов Русский, Святогорский (Российский на Афонской горе, св. Пантелеймонов на Святой горе), на Афоне 199, 222, 342
- Пафнутьев (Пафнутьева пустынь), Боровский 272, 339
- Петра Чудотворца *см.* Чудов Михайлов, в Москве
- Печерский в Киеве *см.* Киево-Печерская Лавра
- Покровский в Зверинце, Новгородский 227
- Покровский в Садах, в Москве 335, 339
- Покровский в Пскове 328
- Преображенья в Устюге 341
- Рождества Богородицы *см.* Рождественский
- Рождественский на р. Протве, близ Боровска 334
- Рождественский на Трубе (во рву) в Москве 335, 343
- Рождественский в Пскове 328
- Рождественский в Ростове 328, 331
- Российский на Афонской горе *см.* Пантелеймонов Русский, Святогорский
- Сергиев *см.* Троице-Сергиева Лавра
- Симонов в Москве 123, 247, 277, 333, 334, 338, 340
- Соловецкий 18, 19, 293
- Спасо-Андронников в Москве 48, 279, 333, 344
- Спасо-Варлаамиев на Хутыни *см.* Хутынский, Новгородский
- Спасо-Евфимиев, Суздальский 334
- Спасов на Каменное *см.* Каменный Спасский
- Спасский Златоверхий в Ярославле 324, 327–329, 331
- Спасский в Чигасах в Москве 333, 339

- Спасский на Ковалева, Новгородский 74
 Спасский на Мирожии в Пскове 225, 328
 Спасский, Ростовский 339
 Сретенский в Москве 264
 Троице-Сергиева Лавра (Живоначальной Троицы, Сергиев) 85, 87, 123, 171, 199, 243, 260, 262, 277, 278, 323, 332, 333, 340, 342, 357
 Троицкий на Варяжи, Новгородский 75
 Троицкий на Вологде 100
 у Покрова в Садах *см.* Покровский в Садах в Москве
 Угрешский (Угреша) *см.* Николаевский на Угреше, Московский
 Хутынский (Спасо-Варлаамиев на Хутыни), Новгородский 17, 260
 Чудов Михайлов, в Москве 10, 30, 85, 221, 248, 315, 334–336
 Юрьевский *см.* Георгиевский
 Монголы (моголы), нар. 34, 35, 84
 Мордва, нар. 116, 272, 275
 Мордовская земля 116
 Морья (Пелопоннес) *см.* Греция
 Мосальск, г. 146, 147, 151, 286, 299
 Москва, г. 6–12, 14, 16, 18, 20, 22, 24, 26–29, 31–34, 37–39, 41–50, 52–55, 57–60, 62, 64–68, 70–72, 75–77, 79, 80, 86, 88–92, 94, 102, 104, 106, 108–112, 114–118, 120, 126, 128, 130–133, 135, 136, 138–140, 143, 144, 146–151, 155, 157, 163–168, 172–174, 176–177, 179, 181, 183, 185, 186, 189, 191, 193, 195–197, 201–204, 206, 209, 214–218, 221, 222, 225, 226, 229, 230, 234, 236, 238, 241, 243–245, 248–251, 253, 254, 256, 261–265, 268–273, 276, 277, 279–281, 283–286, 290–296, 301, 302, 307–309, 311–315, 319, 321, 322, 328–344, 349–351, 354, 380, 382, 387, 391, 392
 Москва, р. 49, 118, 138, 148, 168, 171, 211, 229, 248, 294, 332, 343, 350, 351
 Москвитяне 16, 24–26, 32, 34, 35, 42, 45, 48, 51, 53, 69, 86, 92, 99, 103, 105, 109, 181, 183, 188, 206, 236, 241, 268, 304
 Москвичи, жит. 235, 236, 276, 305, 311, 324
 Москворецкие ворота и мост 119
 Московия *см.* Московское княж.
 Московская дорога 164
 Московская земля 238, 283, 312
 Московская страна 76
 Московские владения 31, 32, 89, 96, 100, 108, 210, 307
 Московские области 41, 86, 206
 Московские пленники 13
 Московские улицы 219
 Московский у. 365
 Московское гос-во 54, 61, 125, 128, 214
 Московское княж. 39, 370
 Мостищи, ур. 73
 Мох, ур. 287
 Мошкат *см.* Маскат
 Мошин, г. 286
 Мста, р. 24, 69
 Мстиславль, г. 151, 160, 186, 194, 288
 Мультиан, г. 140
 Мурманский Нос *см.* Святой (Мурманский) Нос
 Муром, г. 10–12, 65, 79, 86, 207, 228, 255
 Муромские уделы 111
 Муромцы, жит. 11, 229
 Мустец, сел. 236

- Мценск (Мченск), г. 91, 146, 151, 160, 181, 200, 288
- Мюнстер, г. 161
- Мядынь *см.* Медынь
- Набережная (Бережная) палата и сени в Кремле 129
- Наверезжская губа 235
- Наим (Наин), г. 325
- Наманганский юрт *см.* Орда Большая (Золотая)
- Нарва (Ругодив), г. 51, 104, 136, 161, 162, 250, 280, 305
- Нарвские пределы 101
- Нарова, р. 27, 85, 162, 164, 250
- Наровляне, жит. 226
- Нева, р. 83
- Неглинная, р. 49, 50, 248, 249, 332, 339, 343
- Нейгаузен (Новый городок Немецкий на р. Пивне), г. 7, 187, 225
- Нейшлос (Новый городок, Сыренск), г. 225
- Немецкая земля 130, 161, 201, 204, 225, 232, 265, 268
- Немецкие города 81, 136, 208
- Немецкие пределы 27
- Немецкий дв. в Новгороде 21, 234, 331
- Немецкий орден, гос-во 38, 134, 208, 267, 291, 350, 357, 358
- Немцы (немчины), нар. 6, 7, 17, 21, 47, 50–52, 85, 101–104, 138, 139, 187, 188, 194, 225, 226, 234, 238, 248, 249, 265–268, 276, 283, 284, 291, 293, 304–306, 310, 311, 314, 342
- Немьюга, вол. 240
- Немьюга, р. 30, 240
- Неревский (Неровский) конец в Новгороде 227, 258
- Нижегородцы, жит. 11
- Нижний Новгород, г. 10, 12–15, 86, 112, 116, 206, 258, 273, 315, 324
- Нижний Новгород Старый 13
- Нижняя земля 241, 344
- Низовская земля 76
- Никитина ул. в Новгороде 63, 73
- Никольские ворота в Москве 332, 335, 340
- Ноберък, г. 282
- Новгород (Новгород Великий, Великий Новый город) 5, 7, 9, 16–32, 39, 41, 42, 51–53, 61–68, 70–76, 78–87, 101–104, 108, 111, 119, 120, 135, 139, 151, 160–163, 171, 173, 175, 185, 186, 201, 216, 222, 226, 227, 230–241, 250, 253–255, 257, 259–262, 266, 268, 272, 277, 279, 283, 287, 289, 291–293, 303, 311, 312, 314, 327, 329–337, 339, 341, 344, 349, 351, 366
- Новгород Северский, г. 180, 200, 299, 307
- Новгород Нижний *см.* Нижний Новгород
- Новгородская страна 76, 77
- Новгородская держава 20
- Новгородок, г. 110, 271
- Новгородок Рязанский, г. 54
- Новгород Северский *см.* Новгород Северский
- Новгородская отчина 76, 77
- Новгородские владения 9
- Новгородские вол. 210, 233, 234, 239, 287
- Новгородские границы (рубежи) 24, 230
- Новгородские земли (Новгородская земля) 21, 22, 24, 68, 75, 220, 233–235, 239, 283, 289, 315
- Новгородские обл. 22, 31, 89, 117, 145, 263
- Новгородские окрестности 72, 234
- Новгородские пятины 226, 227
- Новгородцы, жит. 7, 16–18,

- 22–27, 30–32, 52, 62, 64–66, 68–71, 74–80, 82, 83, 85, 86, 103, 112, 117, 125, 161, 186, 230, 233, 235, 236, 239–241, 253, 255, 257–261, 272, 289, 327, 334, 350, 356, 358, 360
- Новое село 236, 250
- Новосиль, г. 151, 200
- Новоторжцы, жит. 238, 239, 255
- Новоторжская вол. 68
- Новоторжские земли 77
- Новый Городок 200
- Новый городок *см.* Нейгаузен, Нейшлос
- Ногаи (ногайские татары), нар. 98, 100, 112, 113, 115, 116, 140, 143, 206, 264, 265, 270, 275
- Ногайская земля 293
- Ногайская Орда *см.* ногаи
- Ногайские степи 189
- Ногайские улусы *см.* ногаи
- Норвегия, стр. 139
- Норвежская Лапландия, обл. 210
- Нюренберг, г. 128, 133
- Нюхово, вол. 264
- Обдорская земля 474
- Оболенск, г. 151, 288
- Обь, р. 82, 138, 139, 173, 296
- Овлуй, р. 292
- Одоев, г. 91, 144, 151, 200
- Ока, р. 10, 12, 34, 35, 89–91, 229, 242, 263
- Окс, р. 58
- Олевская, вол. 343
- Олексин *см.* Алексин
- Олексинцы *см.* Алексинцы
- Олений брод 297
- Олешня (Олешна), вол. 301, 343
- Ольховец, д. 316
- Онежская обл. 164
- Опаков (Опаково городище), г. 96, 147, 200, 263, 288
- Опока, г. 271
- Опоки, г. 110, 200
- Опочане, жит. 334
- Опочка, г. 187, 305
- Опочский конец в Пскове 227, 332
- Орбат *см.* Арбат
- Орда Большая (Золотая) 8, 33, 37, 40, 41, 44, 46, 54, 55, 57–61, 87–91, 97–100, 105, 114, 143, 145, 146, 184, 188, 189, 191, 210, 229, 242, 244, 252, 253, 262, 264, 269–271, 302, 306, 307, 313, 314, 324, 325, 344
- Ордынские (Ординские) казаки 341, 343
- Ордынское (Ординское) подворье 57
- Орлинец, оз. 287
- Орловская губ. 144
- Орман *см.* Умри
- Ормус *см.* Гурмыз
- Оружейная палата в Москве 294
- Орша, г. 184, 194, 309
- Осиновец, г. 275, 276
- Осиновляне, жит. 276
- Оскол, р. 113, 312
- Остерботна, г. 134
- Острая Лавица в Москве 341
- Остров, г. 187, 304, 305, 331
- Островок *см.* Остров
- Островье, сел. 225
- Острый конец (Вострой конец) в Москве 248, 329, 331
- Остяки, нар. 174
- Осуга, вол., р. 286, 287
- Оттоманская империя (Оттоманская держава, Оттоманская порта) 141, 142, 193, 195, 196, 368
- Очаков, г. 143, 148
- Палец, вол. 234
- Пали *см.* Пили
- Палино, сел. 70
- Паннония, обл. 40
- Паозерье, сел. 79
- Папула, г. 275
- Пелопоннес (Морея) *см.* Греция

- Пельым (Пельинь), р. 173
 Перевитеск, г. 111, 200
 Перевоз татарский 12
 Переволока Рязжская 313
 Перекоп (Перекопь) 148, 252
 Перемышль (Калужский), г. 151
 Переяславль-Залесский, г. 11, 86, 92, 111, 127, 199, 163, 294, 319, 373
 Переяславль Рязанский *см.* Рязань Новая
 Переяславский у. 365
 Переяславцы, жит. 69, 70
 Пермичи *см.* пермяки
 Пермская земля 32, 240, 241
 Пермская обл. 174
 Пермские горы 240
 Пермские пленники 13
 Пермские рудники 216
 Пермяки, жит. 117, 242, 283, 296, 358
 Пермь (Биармия, Великая Пермь), вол. 5, 12, 32, 33, 108, 138, 228, 229, 234, 241, 296, 327, 336, 344
 Перос, вол. 258
 Персия (Иран), стр. 37, 58, 59, 141, 172, 208
 Пески в Москве 310
 Петровская слободка, ул. в Москве 248
 Петровщина, сел. 233
 Петрянин дв. в Новгороде 331
 Петухова могила 343
 Печка ур. в Пскове 336
 Печора (Печера), вол. 125, 138, 234
 Печора (Печера), р. 138, 174, 297
 Печорские жители 28
 Пидьбляны (Питьба) в Новгороде 73, 257
 Пили (Пали), г. 325
 Пили (Пильи) горы 30, 240
 Пинега, р. 30, 240, 283
 Пинежка (Пинешка), вол. 240
 Пиноковский волок 297
 Питьба *см.* Пидьбляны
 Плесо, г. 324
 Плотинце, оз. 287
 Плотинский конец в Новгороде 330
 Плотична, сел. 337
 Поволжане, жит. 229
 Поганая Сура *см.* Сура
 Подкопаево в Москве 49
 Подма, р. 301
 Подол в Москве 49, 333
 Подолия Литовская, обл. 90
 Подрельская епархия *см.* Сарайская епархия
 Пола, р. 235
 Поле, на Углече 279
 Полешье, сел. 225
 Полная, р. 292
 Половцы, нар. 56, 95, 342
 Полонище (Полонищи, Полонища), часть Пскова 310, 311, 328
 Полонное (Полонный), г. 342
 Полоново, вол. 233
 Полоцк (Полотск), г. 53, 154, 184, 194, 250, 301
 Полочане, жит. 287
 Польская земля 196
 Польские владения 133
 Польша (Лятцкая земля), гос-во, стр. 6, 33, 54, 59, 106, 134, 136, 143, 145, 149, 150, 160, 176, 182, 184, 191, 192, 195, 208, 232, 302, 314, 342, 348
 Поляки (ляхи), нар. 129, 300, 340
 Поникли 287
 Порог Ладожский *см.* Ладожский Порог
 Порожская земля 258
 Поротва *см.* Протва
 Португалия (Португаллия), гос-во, стр. 137, 207, 224
 Посад в Москве 331
 Посольский дв. в Москве 356
 Почка, р. 32, 241, 344
 Пранова, р. 313

- Пронск, г. 111
 Проня, р. 313
 Протва (Поротва), р. 334
 Пруссия, обл. 253
 Прусская ул. в Новгороде 331, 333
 Прусский орден, гос-во 102
 Псков, г. 17, 39, 41, 47, 50, 52, 71, 74, 86, 87, 101–104, 151, 160, 171, 186, 187, 194, 197, 222, 225–227, 230, 234, 235, 239, 240, 249, 250, 254–257, 266–268, 279, 287, 289, 291, 295, 301, 304, 305, 310, 312, 317, 326–331, 333–344, 351, 366
 Пскова, р. 327, 328, 343
 Псковитяне *см.* Псковичи
 Псковичи, жит. 7, 17, 24–26, 29, 30, 51–53, 65, 70, 74, 78, 101–103, 125, 129, 163, 172, 187, 225, 226, 230, 234, 235, 241, 249, 254, 256, 257, 265–269, 295, 301, 303–305, 310, 311, 326–328, 336–338, 343, 350
 Псковская вол. 235
 Псковская земля 239, 289, 311
 Псковская обл. 41, 53, 186
 Псковские владения 9
 Псковские исады (пригороды) 225, 235
 Псковские места 287
 Пустая Ржева *см.* Ржева Пустая (Новоржев)
 Пустынский дв. 329
 Путащ, р. 292
 Путивль, г. 160, 181, 299
 Пятины новгородские 226, 227, 355
 Пять, ул. в Москве 79
 Радонеж (Городок), г. 340
 Радонежцы, жит. 69
 Ракомля, сел. 73, 257
 Ревель (Колывань), г. 41, 130, 136, 137, 161, 162, 188, 280, 291, 292, 368
 Ревельцы, жит. 161, 291
 Ржев (Ржева) Владимирский, г. 128, 145, 233, 262, 271, 287
 Ржева Пустая (Новоржев), г. 21, 77
 Рига, г. 51, 101, 162, 204, 265, 268, 291
 Рим, г. 22, 37–39, 41, 43, 45, 85, 128, 130, 140, 193, 210, 219, 243, 244, 248, 349, 350
 Рим Меньший *см.* Константинополь
 Римляне, жит. 41, 43, 106, 128
 Рифейские горы *см.* Уральские горы
 Ровно (Ровен), г. 342
 Ров, ур. в Москве 333
 Рогачев, г. 145, 146, 200
 Розважи, ул. в Новгороде 231, 339
 Рознежи (Рознеж), сел. 229
 Романиха (Романова), ул. в Пскове 328
 Романов (Романов городок) 36, 265, 329
 Ропатая Лавида в Пскове 227
 Российская граница 190, 303
 Российские владения 164
 Российские пределы 125
 Россия (Русь), гос-во, стр. 5, 8, 9, 13, 16, 18, 20, 22, 30, 33–35, 37, 40, 41, 43, 45–48, 50, 52–59, 61, 65, 72, 75, 80, 82, 84, 85, 88–92, 97–100, 102–107, 110, 112–116, 119, 123, 125–129, 131, 134, 136, 139, 141–146, 148–155, 157–162, 165–167, 170, 172, 174–177, 179, 180, 182–189, 191–200, 202–207, 209–217, 222–224, 229, 231, 237, 238, 240, 246, 264, 265, 271, 280, 283, 289, 290, 293, 298, 309, 311–313, 318, 322, 323, 325, 347, 349, 350, 352, 353, 358–361
 Россия Белая, обл. 316
 Россияне, нар. 6, 10–15, 32, 35,

- 39, 42, 44, 46, 60, 83, 85, 90, 93,
96–98, 101–103, 105, 110, 119,
123, 126, 134, 142, 143, 145,
146, 149, 151, 155, 158, 160–
165, 167, 174–176, 182–184,
186–189, 194–197, 203, 205,
212, 215, 217, 222, 267, 291,
305, 311, 347, 348
Рославль, г. 151, 288
Ростиславль, г. 111, 242
Росткина ул. 339
Ростов, г. 34, 35, 86, 111, 199, 227,
242, 272, 326, 329, 333–335,
339, 340
Ростовские земли 239
Ростовское княж. 111
Ростовское оз. 8, 226
Ростовцы, жит. 12, 69, 229
Рубешов, г. 302
Ругодив *см.* Нарва
Ругодивцы, жит. 265, 291
Рудья, вол. 196
Ружане, жит. 69, 241, 255
Руза, г. 128, 200, 255
Румская земля 293
Руса, г. 19, 21, 24, 25, 27, 231, 233,
235, 241, 346
Русаки *см.* Русские
Русийские страны 323
Русская земля (земли) 43, 68,
94–96, 119, 129, 132, 196, 239,
263, 265, 298, 312, 316, 325
Русская митрополия 366
Русская слобода 7
Русские (русь, русаки), нар. 118,
229, 242, 243, 324, 334, 347
Русские города 180
Русский конец в Дерпте 226
Русь *см.* Россия
Рыльск (Рыльский), г. 180, 188,
200, 299, 307
Ряжск (Рясское поле), г. 313
Рязанская земля 33
Рязанская обл. 59
Рязанские места 341
Рязанские пленники 13
Рязанские пределы 91
Рязанцы, жит. 188, 242
Рязань, г., гос-во, обл. 6, 60, 111,
168, 200, 201, 225, 242, 244,
313, 329, 336, 341, 342, 373
Рязань Новая (Переяславль Рязанский), г. 373
Рязань Старая, г. 111, 200, 313
Ряса, р. 313
Рясское поле *см.* Ряжск
Сава (Савас), г. 326
Сады в Москве, ур. 225
Саинов юрт *см.* Казань
Сакала, р. 302
Саканы, сел. 275
Самоеды нар. 174
Сара, р. 325
Сарай, г. 34, 97, 242, 324, 331
Сарайская (Крутицкая, Под-
рельская) епархия 341–343
Сарацыны *см.* арабы
Свейская земля *см.* Швеция
Свибловская стрельница в
Москве 49
Святая гора *см.* Афонская
гора
Святой (Мурманский) Нос 292,
293
Святые Озерища 196
Север 142, 330
Северная Россия 12, 75, 111, 138,
150
Северные государства (коро-
левства) 138, 208
Северо-Восток 139, 175
Северо-Запад 75, 103, 222
Селищи, сел. 236
Сейм (Семь), вол., р. 307
Семь *см.* Сейм
Сербы, нар. 282
Сервия, обл. 137
Сереньск, г. 151, 288
Серпейск, г. 147, 151, 160, 181,
200, 288
Серпухов, г. 36, 90, 166, 242, 265

- Серлуховцы, жит. 69
 Сибирская земля 296
 Сибирские народы 137
 Сибирские пустыни 210
 Сибирь 5, 82, 160, 173, 175, 211, 264, 296
 Сиговая, р. 292
 Сижки, р., сел. 287
 Симбирская общественная библиотека 360–362, 369–371, 376
 Синее море 265
 Синее оз. 51
 Синодальная библиотека 356–360
 Синя (Синь), р. 306, 327
 Сирица (Серица), р. 160, 186
 Ситва, сел. 330
 Скифия, стр. 175, 190
 Скоморошья мовница в Устюге 340
 Скриголово, сел. 298
 Славкова, ул. в Новгороде 63, 327, 329, 330
 Славяне, нар. 20, 81, 102, 282
 Слобожане, жит. 333
 Смердь ворота в Пскове 327
 Смоленск, г. 104, 151, 154, 160, 183, 184, 193, 194, 196, 202, 209, 211, 219, 269, 288, 289, 300, 302, 309, 322
 Смоленская обл. 181
 Смоленские места 288, 289
 Смолино оз. 194, 310
 Смольняне, жит. 147, 300
 Снежна, р. 292
 Снетная гора 328, 341
 Снятин, г. 192, 343
 Снятогорский дв. в Пскове 334
 Соково, ур. 73
 Солица *см.* Сольца
 Сольца (Солица), сел. 236, 257
 Сорока, р. 343
 Сосенки (Сосна, Ильинская слобода) в Москве 333
 Сосна Тихая, р. 188, 307
 Софийская паперть 231, 260
 Софийская сторона в Новгороде 336
 Спарта, стр. 81
 Спасские (Фроловские) ворота в Москве 50, 330
 Сретенская (Стретинская) ул. в Москве 49, 248
 Старица, г. 110, 200, 271
 Старая Руса, г. 226, 227
 Стародуб, г. 180, 190, 200, 299, 303
 Стекольн *см.* Стокгольм
 Стержа, погост 233
 Стипа, р. 257
 Стокгольм (Стекольн, Штокгольм), г. 164, 292, 348, 351
 Стретинка *см.* Сретенская ул.
 Стыра, р. 302
 Суздаль (Суждаль), г. 12, 327, 334, 336
 Суздальцы, жит. 69, 229
 Султания, г. 224, 326
 Султанские владения 142
 Султанские области 40
 Султанские палаты 48
 Сура (Поганая Сура), р. 30, 240, 275
 Сурожане, жит. 229
 Сухона, р. 275
 Сылва, р. 344
 Сырган *см.* Керман
 Сыренск *см.* Нейшлос
 Сысоевы ворота в Пскове 257
 Сысола, р. 117
 Сысоличи, жит. 276, 296
 Сытино, сел. 71
 Тавда, р. 173
 Таврида *см.* Крым
 Таврис, г. 326
 Тамлуга, р. 12
 Тарваст (Тарвест), г. 103, 347
 Таром (Тарем), г. 325
 Тархы (Тарки, Терки), г. 324
 Таруса (Торуса), г. 36, 151, 288, 327

- Татарские города 223
 Татары (монголы), нар. 6, 10-13, 16, 24, 32, 33-35, 40, 51, 57-60, 89, 92, 95-97, 100, 140, 188, 219, 236, 242, 262, 264, 287, 300-302, 305, 315, 317, 324, 341-343
 Татары азовские, нар. 296, 343
 Татары волжские, нар. 89, 93, 113, 143, 228
 Татары заволжские (заволоские) 309, 340
 Татары казанские, нар. 11, 228, 229, 276
 Татары ногайские *см.* ногаи
 Татары перекопские 179, 298, 341, 343
 Татары шибанские *см.* ногаи
 Тверичи (тверитяне), жит. 109, 186, 224, 276, 324, 333
 Тверская губ. 258
 Тверская дорога 281
 Тверская земля (земли) 68, 271, 283, 289, 312, 316
 Тверские места 128, 287
 Тверской у. 365
 Тверь, г., гос-во 6, 101, 108-110, 216, 223, 287, 312, 326, 334
 Терь (Терьская сторона, Тир), вол. 234
 Тешилов, г. 151, 288
 Тешково поле 301
 Тибр, р. 61, 140
 Тимофеевские ворота в Москве 332
 Тир *см.* Терь
 Тифлис, г. 59
 Торг в Новгороде 331
 Торжок, вол., земля 16, 24, 234
 Торжок, г. 21, 30, 69, 70, 235, 238, 239, 241, 255, 283, 347
 Торна, р. 292
 Торопец, г. 183, 301
 Торопчане, жит. 287
 Торуса *см.* Таруса
 Трапезунд (Требизонт), г. 224, 326
 Требовль, г. 342
 Троицкий дв. в Москве 335
 Тросня, р. 301
 Троки, г. 312
 Трубчевск (Трубецкой), г. 299
 Труды, р., сел. 341
 Тульская губ. 144, 181
 Туран 264
 Турецкая империя 190
 Туркестан, обл. 326
 Турки, нар. 22, 37, 40, 41, 56, 58, 59, 106, 107, 113, 141, 150, 176, 195, 252, 297, 342, 343
 Туров, г. 192
 Турция, стр. 40, 44, 106, 157
 Тюменские татары, нар. 296, 336
 Тюмень, г. 98, 116, 173, 264, 296, 306, 344
 Углич, г. 126, 262, 279, 324, 340
 Угличане, жит. 12, 69, 229
 Угорская земля 277
 Угра, р. 89, 91-93, 96, 97, 151, 263, 288, 336
 Угреша под Москвой 294, 339
 Угрешский дв. в Москве 335
 Угры *см.* венгры
 Удомля, вол. 258
 Ужин, сел. 256
 Узбеки, нар. 140
 Украина Московская 97
 Украйные места 287
 Ульм, г. 128
 Улусы 58, 59, 89, 90, 97, 105, 113, 144, 156, 340
 Ума, р. 343
 Умри (Орман), г. 325
 Унжа, вол., р. 228
 Унна, г. 161
 Унтервальтден, г. 81
 Урал, р. 116
 Уральские горы (Каменный пояс, Камень, Рифейские горы, Уральский хребет) 32, 85, 138, 173-176, 297
 Урос, г. 32, 241

- Услан, г. 223, 324
 Усоличи, *см.* вычегжане
 Усос *см.* Восс
 Уста, р. 11
 Устьвым (Устьвымский), г. 296
 Устье, р. 344
 Устюг, г. 11, 12, 14, 118, 173, 222, 228, 229, 273, 275, 283, 296, 329, 332, 335, 340–342, 344
 Устюжане, жит. 12, 14, 15, 24, 27, 112, 173, 174, 228, 229, 237, 275, 276, 296, 336, 339, 340
 Устюжские области 164
 Устюжские пленники 13
 Устюжский Кремль 329
 Устюжский у. 228
 Уфа, р., г. 82
- Федора Давидовича дв.** 333
Федорова ул. в Новгороде 330
Федотино, сел. 75
Феллин, г. 51, 103, 268
Финляндия, стр. 65, 134, 160–165
Финны (финляндцы), нар. 163
Финские племена 82
Финский залив 304
Фландрия, обл. 137, 283
Фракия, стр. 37
Франки, нар. 81
Франкфурт, г. 130
Франция, гос-во, стр. 137, 207
Французы, нар. 243
Фроловские (Флоровские) ворота *см.* Спасские ворота
- Хазары (козары), нар.** 56
Хинск, р., сел. 281
Хлепен, г. 145, 146, 200
Хлынов *см.* Вятка
Хмельник, г. 184, 302
Холм Галичский, г. 302
Холм Тверской, г. 271
Холм (Холмовский, Холмский) погост Псковский 21, 200, 233, 287
- Холмогоры (Колмогоры), г.** 28
Холопий городок 215
Хоросан, обл. 140, 326
Хоросанцы, жит. 223, 325
Хотуничи, жит. 69
Хотунь, г. 166
Храм Беллоны 140
Хревкова ул. в Новгороде 339
Хрупша, р. 313
Хутынъ *см.* Хутынский монастырь
- Царевичев городок** *см.* Касимов
Царьград *см.* Константинополь
- Церкви и соборы:**
Алексея чудотворца 336
Апостола Акилы в Москве 236, 333, 336
Архангельский собор (Архангела Михаила) в Москве 34, 35, 49, 120, 170, 207, 249, 333, 335, 336, 344
Архистратига Михаила *см.* Архангельский собор
Афанасия да Николы на Валку в Пскове 336
Афанасия (Афанасьевская) в Устюге 344
Благовещения, новая, на вел. кн. дворе и сенях в Москве 48, 49, 170, 248, 339
Благовещения на Болоте в Москве 339
Богоматери в Москве 246
Богоматери, греческая, в Вильно 154
Богоматери мурованная во Владимире 340
Богоматери на Клязьме 46, 246
Богородицы на Романове *см.* Похвалы св. Богородицы на Романове в Пскове
Богородичная на городских воротах в Новгороде 339

- Богоявления Троицкое (на Троицком дворе) в Москве 245, 331, 335
- Божей Софии в Киеве см. Софийский собор в Киеве
- Бориса и Глеба в Вышгороде 266
- Бориса и Глеба в Новгороде 337, 341
- Бориса и Глеба в Устюге 342 в Ситве Псковская 330
- Варвары (Варваринская) в Устюге 344
- Варлаама в Запсковье 328, 341
- Введения Богородицы на Симоновском дворе у Никольских ворот в Москве 332, 340
- Великого Дмитрия см. Дмитрия
- Владимира на Даньславской ул. в Новгороде 332
- Владимирская в Новгороде 332
- Валасия, колоколя, в Ченто в Италии 245
- Воздвижения (Вздвигения) на Востром конце в Москве 331
- Вознесения на Рву в Москве 331, 333
- Вознесения в Кремле 9
- Вознесения в Полонищах в Пскове 328
- Воскресения на Довмонтовой стене в Пскове 328
- Воскресения во Рву в Москве 236, 328, 331, 333, 335
- Воскресения иже над Св. Гробом в Иерусалиме 327
- Воскресения на Дмитровке в Москве 331
- Воскресения над рвом в Устюге 332
- Всех святых на Кулишках в Москве 248, 331, 339
- Всех святых за Неглинной в Москве 332
- Входа в Иерусалим в Пскове 328
- Геоργия в Москве 248
- Геоργия в Острой лавице 341
- Геоργия в Печке в Пскове 328
- Геоργия в Торгу в Новгороде 331
- Геоργия (Егория) в Устюге 342
- Геоργия на Взводе в Довмонтовой стене в Пскове 341
- Дионисия в Глушице 344
- Дмитрия в Москве 244, 247
- Дмитрия на Даньславе ул. в Новгороде 332
- Дмитрия на Славкове ул. в Новгороде 327
- Духа на Неглинной в Москве 332
- Духа за Довмонтовою стеною в Пскове 326, 336
- Евпатия в Москве 331
- Живоначальной Троицы в Пскове 334
- Зачатья на Востром конце в Москве 248
- Ивана Великого в Новгороде 341
- Ивана св. в Москве 329
- Ильинская (Ильи) в Новгороде 228, 331, 337
- Ильи под Сосною в Москве 333
- Ильи Псковская 328
- Иоанна Богослова в Новгороде 333
- Иоанна Великого на Петрянине дв. в Новгороде 331
- Иоанна Златоуста в Москве 247, 335

- Иоанна (Ивана) Лествичника
иже под колоколы (Ивана
Великого) в Москве 249
- Иоанна Предтечи на Завеличье в Пскове 339
- Иоанна Предтечи у Боровицких ворот в Москве 49
- Иоанна у Немецкого дв. в Новгороде 331, 335
- Козьмы и Дамиана в Кремле против Михайлова Чуда в Москве 344
- Козьмы и Дамиана в Востром конце в Москве 329, 333
- Козьмы и Дамиана в Новгороде 331
- Козьмы и Дамиана в Устюге 342
- Козьмы и Дамиана на Гремячей горе (на Запсковье) в Пскове 326, 327
- Колпинская 225
- Кулишки *см.* Всех святых
Лазаря в Москве 335
- Марии, колокольня, в Болонье в Италии 245
- Михаила в Москве 50, 334
- Михаила во Пскове 329
- Мученицы Анастасии во Пскове 339
- Нерукотворного образа *см.*
Спаса Нерукотворного
- Никиты во Пскове 330, 341
- Никиты за Яузой 333
- Никифора Басенка на Арбате 332
- Николы Борисова в Москве 332
- Николы в Изборске 304
- Николы в Корельском 231
- Николы в Новгороде 266, 341
- Николы в Никольском, Ростовская 335
- Николы в Опочском конце в Пскове 326, 327, 330, 332, 341
- Николы в Псковском у. 235
- Николы в Устюге 344
- Николы Гостунского (Льяного) в Москве 57
- Николы за Неглинною в Москве 332
- Николы Мокрого (на Мокром) в Москве 329
- Николы на Мостицах 73
- Николы на Взвозе (Узвазе) в Пскове 340
- Николы на Островке, Псковская 304
- Николы на Песку (на Песках) в Москве 49, 248
- Николы на Пруде в Пскове 235, 339
- Николы Подкопаева 49
- Николы Старого 245
- Пантелеймона в Пскове 329, 330
- Параскевы Пятницы (Пятницы на Торгу) в Новгороде 341
- Параскевы Пятницы, Псковская 306
- Петра Апостола в Москве 247
- Петра Чудотворца на дв. Угрешском в Москве 335
- Петра Чудотворца в Риме в Италии 38, 40, 45, 317
- Поклонения Вериг (Петровская) в Москве 244
- Покрова Богородицы (Покровская за Довмонтовою стеною) в Пскове 227, 326, 328
- Похвалы св. Богородицы на Романове в Пскове 326, 328
- Преображения в монастыре на Новом 340, 342
- Пребражения в Нижнем Новгороде Старом 13
- Преображения в Твери 109
- Пресвятые во Владимире 341

- Пречистые Богородицы 334
 Пречистые Богородицы, соборная, в Москве 225, 238, 245, 278, 334–336
 Пречистые Ризы Положения на дв. митрополичьем в Москве 336, 338
 Пятницкая *см.* Параскевы Пятницы
 Прокопия в Устюге 342
 Рождества Богородицы в Кремле, с приделов св. Лазаря, в Москве 247, 335, 336
 Рождественский собор во Владимире 340
 Рождественская в Устюге 344
 св. Иерусалима *см.* Входа в Иерусалим
 св. исповедников и чудотворцев Гурия, Самона и Авиана 226
 св. образа Иисуса в Пскове 339
 Симеона Дивногорца в Москве 329
 Софии в Пскове 327
 Софийский собор (Святой Софии, Софийская), в Новгороде 17, 19, 76, 83, 226, 260, 298
 Софийский собор в Киеве 298
 Спаса в Москве 332
 Спаса в Ярославле 327, 329, 331
 Спаса за Яузой 336
 Спаса на Ильине ул. *см.* Спасо-преображенская на Ильинке в Новгороде
 Спаса Нерукотворного в Пскове 258, 267
 Спаса Нерукотворного в сел. Млеве Тверской губ. 258
 Спасопреображенская, на Ильинке в Новгороде 351
 Сретенская на поле Кучкове в Москве 336, 338
 Станислава, католическая, в Вильно 155
 Стретенье *см.* Сретенская Старой Троицы 248
 Троицы Паозерная 73
 Троицы в Пскове 328
 Троицы на Мелетове в Пскове 328
 Троицы в Троице-Сергиевом монастыре 328, 333
 Успенский собор (Успения, златоверхая) в Москве 37, 43, 46, 48, 49, 80, 120, 123, 169, 245, 315, 332, 341
 Успения, соборная, в Устюге 340–342
 Успенская в Новгороде 341
 Успенская на Завеличье в Пскове 329
 Федора в Ракоме 331
 Чудо св. Архангела в Москве 344
 Цесарский дв. 357
 Цильма (Цыльма), р. 138
 Цна, р. 62
 Цена, вол. 233
 Цывиль *см.* Чивиль
 Чагатай (Чаадай), стр. 125, 140, 284
 Чакола, вол., р. 240
 Чебокара *см.* Бокара
 Чебоксары, г. 229
 Ченто, г. в Италии 245
 Чердынь, г. 32, 241, 296, 336, 344
 Черемисы (Черемиса), нар. 117, 228, 229
 Черемисская земля 10–12
 Черемшан, р. 375
 Череха, р. 310
 Черкасы, нар. 306
 Черкасск, г. на Днепре 177
 Черкесская страна 143
 Черная, р. в Перми 32, 241
 Чернигов, г. 148, 180, 200, 299
 Черниговская земля 144

- Черниговские уделы 111
 Черное море (Дория Стамбульская) 56, 61, 265, 293, 324
 Чертолье (Черторье), ул. в Москве 248
 Чивиль (Цывиль), вол., р. 116, 325
 Чудинцева, ул. в Новгороде 333
 Чудское (Великое) оз. 41, 266
 Чудь (Чюдь), нар. 265, 266, 304, 311
 Чунер (Чюнер), г. 325
 Чюхнов, г. 268, 342
- Шведские владения** 292
 Шведы, нар. 85, 139, 160, 163, 164
 Швейцарская республика 208
 Швеция, стр. 65, 130, 132, 134, 135, 163–165, 176, 195, 196, 293
 Шейбота, вол. 340
 Шеленга (Шилинга), р. 236
 Шелонская битва 28
 Шелонская пятина 355
 Шелонь (Шелона, Шолон), р. 26, 71, 235–237, 257, 359
 Шемаха (Кирополь), г., обл. 59, 160, 172, 325
 Шибанские татары *см.* ногаи
 Шипин, г., вол. 234
 Ширас (Шираз), г. 326
 Шотландия, стр. 137
 Штокгольм *см.* Стокгольм
- Щеркова**, ул. в Новгороде 339
 Щучья, вол. 196
- Эймбек, г. 161
 Экбатана, г. 59
 Элорский храм 224, 326
 Эмбах, р. 41, 101, 211
 Эн, г. 37
 Эндустанская земля *см.* Индия
 Эстония, обл. 203
- Юг** 330
 Юг, р. 117, 228
 Югория, обл. 175
- Югорцы, жит. 173, 174, 296
 Югорская земля 160, 173, 296, 297
 Югра, вол. 137, 173, 234, 296
 Южная Россия 106, 150, 180
 Юрьев *см.* Дерпт
 Юрьев Польской, г., у. 86, 225–227, 266, 268, 303, 305, 365
 Юрьевцы, жит. 69, 225, 266
- Яжелбицы**, сел. 27
 Яжелбицкая дорога 69
 Яик, р. 116
 Яковля (Яковлевская), ул. в Новгороде 331
 Ям (Ямбург), г. 265, 306
 Ямны, сел. 80
 Янева ул. в Новгороде 331, 339
 Яр, ур. в Москве 331
 Ярославец (Малоярославец), г. 111, 263
 Ярославль, г. 109, 111, 147, 152, 199, 265, 327, 329, 331, 359
 Ярославль дв. (Двор Ярославский, Ярославле Дворище) в Новгороде 67, 68, 78, 79, 231, 240, 255, 261, 341
 Ярославцы, жит. 12, 69, 229
 Ярыш (Ярышев), г. 306
 Яуза, р. 49, 333, 336
- Asie 376
- Byzantina 244, 367
- Chine 361
 Constantinopolitanorum 367
 Cosaken 376
- Dennemarc 314, 369
- Esthland 368
- Freyen Reich 369
- Halicensi 375
 Halitsch 375
 Hansa 368, 372

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Helmede 305
- Novguardia 259
- Кижовенси 375
- Orient 295, 361
- Liefkand 259, 266, 267, 300, 303,
360, 368
- Perse 253, 376
- Lettaven 311
- Pologne (Polonicae, Polonorum,
Polska) 252, 259, 299, 307, 315,
362, 369, 374, 376
- Lettland 368
- Livoniae 362
- Moscow (Moscoviae, Moscoviti-
carum, Maschkau) 252, 297, 300,
311, 315, 362, 368, 376
- Russia (Russorum, Russiae, Russ-
land, Russe) 244, 253, 259, 316,
362, 369, 375
- Russichen Lande 311

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I

ГОСУДАРЬ, ДЕРЖАВНЫЙ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ИОАНН III ВАСИЛЬЕВИЧ.

Вступление. Князь Рязанский отпущен в свою столицу. Договор с Князьями Тверским и Верейским. Дела Псковские. Ахмат восстает на Россию. Всеобщая мысль о скором преставлении света. Кончина супруги Иоанновой. Избрание нового Митрополита. Походы на Казань. Война с Новымгородом. Явление Комет. Завоевание Перми. Нашествие Ахмата на Россию. Смерть Юрия, Иоаннова брата.

Г. 1462–1472 5

Глава II

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ИОАННОВА.

Брак Иоаннов с Греческою Царевною. Посольства из Рима и в Рим. Заключение Ивана Фрязина и Тревизана, Посла Венецианского. Прение Легата Папского о Вере. Следствия Иоаннова брака для России. Выезжие Греки. Братья Софиины. Новый герб России. Посольства в Венецию. Зодчий Аристотель строит в Москве храм Успения. Строение других церквей, палат и стен Кремлевских. Лютят пушки, чеканят монету. Дела с Ливониею. Дела с Литвою. Дела с Крымом. Дела с Большою Ордою. Дела с Персиею. Посол Венецианский Контарини в Москве.

Г. 1472–1477 37

Глава III

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ИОАННОВА.

Совершенное покорение Новагорода. Обзорение истории Новагорода от начала до конца. Рождение Иоаннова сына, Василия-Гавриила. Посольство в Крым. Свержение ига Ханского. Ссора Великого Князя с братьями. Поход Ахмата на Россию. Красноречивое послание Архиепископа Вассиана к Великому Князю. Разорение Большой Орды и смерть Ахмата. Кончина Андрея Меньшого, брата Иоаннова. Посольство в Крым.

Г. 1475–1481 61

Глава IV

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ИОАННОВА.

Война с Ливонским Орденом. Литовские дела. Хан Крымский опустошает Киев. Сыновья Ахматовы воюют с Крымским Ханом. Король Венгерский Матфей в дружбе с Иоанном. Брак сына Иоаннова с Еленою, дочерью Стефана, Господаря Молдавского. Завоевание Твери. Присоединение Удела Верейского к Москве. Князья Ростовские, Ярославские лишены прав Владетельных. Происшествия Рязанские. Покорение Казани. Сношения с Ханом Крымским. Посольство Муртозы, сына Ахматова, в Москву. Посольство Ногайское. Покорение Вятки. Завоевание земли Арской. Кончина Иоанна Младого. Казнь врача. Собор на еретиков Жидовских. Свержение Митрополита. Избрание нового.

Г. 1480—1490..... 101

Глава V

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ИОАННОВА.

Заключение Андрея, Иоаннова брата. Смерь его и Бориса Васильевича. Посольства Императора Римского и наши к нему. Открытие Печерских рудников. Посольство Датское, Чагатайское, Иверское. Первое дружелюбное сношение с Султаном Турецким. Посольство в Крым. Литовские дела. Смерть Казимира: сын его, Александр, на троне Литовском. Неприятельские действия против Литвы. Переговоры о мире и сватовстве. Злоумышление на жизнь Иоаннову. Посольство Князя Мазовецкого в Москву. Мир с Литвою. Иоанн отдает дочь свою, Елену, за Александра. Новые неудовольствия между Россиею и Литвою.

Г. 1491—1496..... 125

Глава VI

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ИОАННОВА.

Заложен Ивановгород. Гнев Великого Князя на Ливонских Немцев и заключение всех купцов Ганзейских в России. Союз с Даниею. Война с Шведами. Иоанн в Новгороде. Поход на Гамскую землю или на Финляндию. Дела Казанские. Первое наше Посольство в Константинополь. Рязанская Княгиня в Москве и выдает дочь за Бельского. Гнев Иоаннов на супругу и на сына, Василия. Великий Князь торжественно венчает на

Царство внука своего, юного Дмитрия Иоанновича. Иоанн мирится с супругою и казнит Бояр. Называет Василия Великим Князем Новгорода и Пскова. Посол из Шамахи. Посольства в Венецию и Константинополь. Завоевание земли Югорской или северо-западной Сибири. Послан Воевода в Казань. Разрыв с Литвою. Князя Черниговский и Рыльский поддаются Иоанну. Завоевание Мценска, Серпейска, Брянска, Путивля, Дорогобужа. Князя Трубчевские добровольно покоряются. Местничество наших Воевод. Битва на берегах Ведроши. Хан Крымский опустошает Литву и Польшу. Союз Александра с Ливонским Орденом. Переговоры о мире. Александр избран в Польские Короли. Новая победа над Литвою близ Мстиславля. Война с Орденом. Сражение на Сирице близ Изборска. Болезнь в Ливонской рати. Россияне опустошают Ливонию. Царь Большой Орды, Шиг-Ахмет, помогает Литве. Хан Крымский совершенно истребляет сии остатки Батыева Царства. Александр вероломно заключает Шиг-Ахмета. Досада Хана Крымского на Великого Князя. Иоанн, заключив невестку и внука, объявляет Василия наследником. Разрыв с Стефаном Молдавским. Смерть Стефанова. Осада Смоленска. Битва с Магистром Ливонским близ Пскова. Папа старается о мире. Перемирие с Литвою и с Орденом. Хитрость Великого Князя. Александр безрассудно досаждаёт ему.

Г. 1495–1503 160

Глава VII

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ИОАННОВА.

Кончина Софии и болезнь Иоаннова. Завещание. Суд и казнь еретиков. Посольство Литовское. Сношение с Императором. Василий женится на Соломонии. Измена Царя Казанского. Впадение его в Россию. Кончина Великого Князя. Тогдашнее состояние Европы. Иоанн творец величия России. Устроил лучшее войско. Утвердил Единовластие. Имя Г р о з н о г о. Жестокость его характера. Мнимая нерешительность есть осторожность. Название В е л и к о г о, приписанное ему иностранцами. Сходство с Петром I. Титул Царский. Белая Россия. Умножение доходов. Законы Иоанновы. Городская и Земская Полиция. Соборы. Поставление Кесарийского Митрополита в Москве. Российский монастырь на Афонской горе. Каплан Августинского Ордена принимает Греческую Веру. Некоторые бедствия Иоаннова века. Древнейшее описание Княжеской свадьбы. Путешествие в Индию.

Г. 1503–1505 199

ПРИМЕЧАНИЯ К VI ТОМУ “ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО”	225
---	-----

ПРИЛОЖЕНИЯ

ВАРИАНТЫ И РАЗНОЧТЕНИЯ	346
------------------------------	-----

КОММЕНТАРИИ К ТОМУ VI “ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО”	354
--	-----

*М.И. Афанасьева, В.Ю. Афиани, Р.Б. Казаков, В.П. Козлов,
Г.А. Космолинская*

Комментированный список источников и литературы, исполь- зованных Н.М. Карамзиным в “Примечаниях”	354
--	-----

Ю.Г. Алексеев

“Отселе история наша приемлет достоинство истинно государ- ственной...”	377
--	-----

УКАЗАТЕЛИ К ТОМУ VI “ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО”	403
--	-----

Указатель имен	403
----------------------	-----

Указатель географических и этнических названий	439
--	-----

Карамзин Н.М.

История государства Российского в 12-ти томах.
Т. VI / Под ред. А.Н. Сахарова. – М.: Наука, 1999.
468 с.

ISBN 5-02-009612-1

Том посвящен периоду создания Русского единого государства и правлению Государя всея Руси Ивана III (1462–1505). В эту эпоху Русское государство добилось суверенности, освободилось от татаро-монгольской зависимости. Составителями тома была проведена текстологическая работа, комментирование источников и литературы, которыми пользовался Н.М. Карамзин.

Для историков и широкого круга читателей.

Подписное

КАРАМЗИН
Николай Михайлович



ИСТОРИЯ
ГОСУДАРСТВА
РОССИЙСКОГО
в двенадцати томах

Т о м VI



Заведующая редакцией
“Наука–история”
Н.Л. Петрова

Редактор
Н.Ф. Лейн

Художник
М.В. Большаков

Художественный редактор
В.Ю. Яковлев

Технический редактор
Т.В. Жмелькова

Корректоры
З.Д. Алексеева
В.М. Ракитина
Е.Л. Сысоева

Набор и верстка выполнены в издательстве
на компьютерной технике

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 23.09.99

Формат 84 × 108 ¹/₃₂

Гарнитура Таймс. Печать офсетная

Усл.печ.л. 25,2. Усл.кр.-отт. 25,2

Уч.-изд.л. 29,0

Тираж 20000 экз. (2-й завод 10001–14000 экз.)

Тип. зак. 3496

Издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Санкт-Петербургская типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ “НАУКА”

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ:

**ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
1941–1945**

Военно-исторические очерки

**Книга первая
СУРОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ**

66 л.

В предлагаемых читателю очерках с широким введением в научный оборот новых документов и свидетельств, с учетом современных подходов рассматриваются в основном проблемы, ранее недостаточно исследованные или дискуссионные, излагаются современные взгляды по спорным вопросам, а также освещаются те события, без знания которых трудно представить предысторию, ход, итоги и уроки Великой Отечественной войны.

Для читателей, интересующихся судьбой Отечества.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945

Военно-исторические очерки

Книга вторая ПЕРЕЛОМ

58 л.

В книге на основе архивных документов и материалов рассматриваются события второго периода войны, раскрываются политические, экономические и военно-стратегические условия и предпосылки, обеспечившие коренной перелом в войне в пользу Советского Союза и других стран антигитлеровской коалиции. Главное внимание уделено ходу вооруженной борьбы на советско-германском фронте. Показано величие подвига советского народа, способность страны и армии мобилизовать все силы для разгрома врага в решающие моменты истории.

Для читателей, интересующихся судьбой Отечества.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

1941–1945

Военно-исторические очерки

Книга третья

ОСВОБОЖДЕНИЕ

51 л.

Книга посвящена событиям третьего, заключительного периода Великой Отечественной войны (с января 1944 по май 1945 г.), а также советско-японской войне (август–сентябрь 1945 г.). Раскрываются изменения в военно-политической, экономической и дипломатической сферах, произошедшие в результате четырех военных кампаний, в ходе которых Красная Армия окончательно сокрушила гитлеровскую военную машину и разгромила японскую квантунскую группировку.

Для всех интересующихся историей Отечества.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

1941–1945

Военно-исторические очерки

Книга четвертая

НАРОД И ВОЙНА

41 л.

В книге раскрываются истоки и важнейшие факторы победы СССР над Германией и ее союзниками, динамика развития военного искусства Красной Армии и вермахта, особенности тактики партизанского движения. Значительное место уделено драматической участи наших соотечественников на оккупированной территории, проблеме коллаборационизма, трагической судьбе военнопленных. Рассматриваются особенности политического, экономического и военного сотрудничества СССР со странами антигитлеровской коалиции. Излагаются новая концепция цены и последствий войны, ее итоги и уроки.

Для всех интересующихся историей Отечества.

БЕЛОРУСЫ

55 л.

Книга продолжает начатый институтом этнологии и антропологии РАН выпуск серии “Народы и культуры” и посвящена белорусам. В ней содержатся сведения о современном расселении и численности белорусов в различных странах мира, об этнодемографических процессах и иноэтнических группах в Беларуси. Основное внимание уделено проблемам возникновения и эволюции белорусов, традиционным формам материальной и духовной культуры народа. Освещены этнические процессы, формирование и история белорусского языка, представлены материалы, отражающие современные этнокультурные процессы.

Для историков, этнологов и широкого круга читателей.

Аппиан Александрийский

РИМСКАЯ ИСТОРИЯ

60 л.

В издание включены не только новая редакция перевода на русский язык обширного сочинения греческого историка II в. н.э. Аппиана Александрийского, которое получило название “Гражданские войны”, но и все остальные сохранившиеся книги и фрагменты его фундаментального сочинения “Римская история”, которая охватывает историю Рима с древнейших времен до начала новой эры.

Для историков, филологов, археологов и всех интересующихся историей античного мира.

Орлик О.В.

**РОССИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ
1815–1829 гг.**

От Венского конгресса до Адрианопольского мира

20 л.

Монография – первое в отечественной и зарубежной научной литературе комплексное исследование внешней политики России от установления в Европе новой, венской системы международных отношений до кульминации успехов российской политики, закрепленной Адрианопольским миром с Турцией. Рассмотрена деятельность Александра I, Николая I, глав правительств и руководителей внешнеполитических ведомств ведущих европейских, азиатских государств, США. Использован обширный документальный материал, в том числе архивный.

Для специалистов в области внешней политики, международных отношений, широкого круга читателей.

ЕВРОПЕЙСКИЙ АЛЬМАНАХ.

1997.

История. Традиции. Культура

15 л.

Тема Средиземноморья приобретает особый интерес в наши дни после окончания холодной войны и наступления нового этапа международного сотрудничества. В течение тысячелетий этот регион имел непреходящее значение в развитии экономических и политических связей между Западной Европой, Ближним Востоком и Россией. В российской политике XVIII–XX вв. всевозрастающую роль играли знаменитые проливы Босфор и Дарданеллы, связывающие Средиземное и Черное моря. В течение всего XX в. страны Средиземноморья оказывали и оказывают огромное влияние на развитие международной обстановки.

Для широкого круга читателей.

**АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА"**

Магазины "Книга—почтой"

121009 Москва, Шубинский пер., 6
197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7

Магазины "Академкнига" с указанием отделов "Книга—почтой"

690088 Владивосток, Океанский проспект, 140 ("Книга—почтой")
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга—почтой")
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 ("Книга—почтой")
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45 ("Книга—почтой")
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7
117192 Москва, Мичуринский проспект, 12
103642 Москва, Б. Черкасский пер., 4
630091 Новосибирск, Красный проспект, 51 ("Книга—почтой")
630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 ("Книга—почтой")
142292 Пушкино, Московской обл., МР "В", 1 ("Книга—почтой")
443002 Самара, проспект Ленина, 2 ("Книга—почтой")
199034 Санкт-Петербург, В.О., 9-я линия, 16
191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57
199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2
194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий проспект, 4
634050 Томск, Набережная реки Ушайки, 18 ("Книга—почтой")
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга—почтой")
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49

*По вопросам приобретения книг
просим обращаться также
в издательство по адресу:
117864, Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. (095) 334-98-59*
